3 1761 08106705 0

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

1892.

АПРѢЛЬ.

AP
50
R
3
Apr.
4, экз.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.) Гл. XVI—XX. **Гр. Е. А. Саліаса.** 447

II. ВЪ ТУРКМЕНІИ. (Путевые очерки.) Гл. I—III. **Е. Л. Маркова**..... 478

III. СПОСОБЫ ВОЗДѢЙСТВІЯ ЧЕЛОВѢКА НА ПРИРОДУ. **А. И. Воейкова**..... 530

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Кн. Д. Н. Цертелева**..... 561

V. СТАРЫЕ СЧЕТЫ. Повѣсть. Часть первая. Гл. I—V. **Н. Д. Ахшарумова**..... 562

VI. СВЯТОЙ. (Разсказъ **Поля Бурже.** Переводъ съ французскаго.)..... 594

VII. ПИЩА И ЗДОРОВЬЕ. ГОЛОДАНІЕ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ. (Два публичныя чтенія профессора **И. Скворцова.**) 644

VIII. МАЛЕНЬКІЕ БАРАБАНЩИКИ. (Разсказъ. **Р. Киплинга.** Переводъ съ англійскаго.)..... 676

IX. НА ПУТЯХЪ ВЪ ЛХАССУ. Гл. I—V. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго**..... 709

X. САЛЛИ ДОУЗЪ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.) (Окончаніе.)..... 765

XI. НОВЫЯ ИМЕНА. **Д. А. Коропчевскаго**..... 777

XII. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛЪ НРАВСТВЕННОСТИ. **Вл. С. Соловьева**..... 804

XIII. РОЗА ИЗЪ ЦЕТИНЬИ. Романъ **Е. Вальдъ-Зевица.** (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. I—III..... 812

XIV. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо IV. **Г. Вельшингера**..... 835

XV. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина**..... 850

XVI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Дѣятельность анархистовъ и ихъ утопіи.—О противленіи злу *Московскихъ Вѣдомостей.*—*Русскій Вѣстникъ* о продовольственномъ вопросѣ..... 856

XVII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 876

XVIII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) І. Милюковъ. II. *Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго.* Спб. 1892. II. Шумигорскій. Е. С. *Императрица Марія Ѳеодоровна.* Т. I. Спб. 1892. **П. В. Безобразова**..... 888

2) I. Jonh Strachey. *L'Inde.* Préface et traduction de Jules Harmand, ministre plénipotentiaire. Paris. 1892. II Seyd Ameer Ali. *The life and teachings of Mahammed or the spirit of Iscam.* London. 1891. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго**..... 896

3) *Учебникъ физіологической химіи.* О. Гаммарштерна. Переводъ съ нѣмецкаго проф. А. Я. Щербакова. Изд. Л. К. Риккера. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 60 к. **М. Н. Глубоковскаго** 904

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Полка. БИБЛІОТЕКА КЛИНСКОЙ УѢЗДНОЙ ТЮРЬМЫ Шкаф.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

XVI.

Съ того дня, что Марьетта пропала безслѣдно изъ Теріэля и до того дня, когда явилась вновь Роза Дюпре—прошло три года.

Ренъ была въ саду съ дѣтьми, когда ей доложили о пріѣзжей дамѣ, которая не хочетъ назваться.

Когда расфранченная дама появилась на дорожкѣ сада и шла странно раскачиваясь и какъ-то небрежно шагая, Ренъ не узнала ея... Приблизясь она ахнула и замерла на мѣстѣ.

Затѣмъ сестры расцѣловались и сѣли на скамью, обѣ не зная, что̀ сказать. Бойкость Марьетты пропала при видѣ строгаго лица красавицы Ренъ, а главное отъ смущенія и растерянности Ренъ. И сразу сказалось ясно, что обѣ онѣ стѣсняются другъ друга.

— А господинъ Грожанъ? выговорила Марьетта.

— Его нѣтъ. Онъ въ Ліонѣ... Но завтра будетъ назадъ... Если дѣла не задержатъ, отвѣтила Ренъ.

Понемногу натянутость исчезла и сестры заговорили, осыпая другъ друга разспросами.

Но чѣмъ болѣе и далѣе онѣ обоюдно отвѣчали другъ другу, разсказывая о себѣ, тѣмъ ощутительнѣе для обѣихъ невидимо проскальзало что-то между ними странное, огромное, полупонятное, но ясно чувствуемое... И это нѣчто выростало преградой, раздѣляя двухъ сестеръ.

Цѣлый вечеръ пробыли Ренъ и Марьетта вмѣстѣ въ уютной гостиной и затѣмъ, поужинавъ, разошлись не поцѣловавшись...

Горничная проводила пріѣзжую въ назначенную ей комнату, а Ренъ ушла въ свою спальню, общую съ дѣтьми.

Оглядѣвъ своихъ двухъ мальчиковъ въ постелькахъ, Ренъ не стала, какъ бывало всегда, раздѣваться тотчасъ же, а сѣла и задумалась глубоко. Спустя съ полчаса она раздѣлась и, оставшись въ юпкѣ и кофтѣ, хотѣла было по строго соблюдаемому обыкновенію начать вечернюю молитву и опустилась было на колѣни на свой Prie-Dieu предъ большимъ Распятіемъ изъ чернаго дуба съ массивнымъ серебрянымъ изображеніемъ Христа. Но едва только колѣни ея коснулись Prie-Dieu, а локти—подушечки, гдѣ лежалъ молитвенникъ, красавица-креолка вздохнула, быстро поднялась, отошла и снова сѣла въ кресло. Она не могла молиться. Она была слишкомъ смущена.

„Вѣдь это не чужая. Сестра! Ma propre soeur!“ повторяла она мысленно, какъ бы отвѣчая на какое-то странное чувство, на какое-то скверное желаніе.

А желаніе это было—избавиться поскорѣе отъ гостьи, нежданно явившейся послѣ столь долгой разлуки.

Ренъ была смущена всего болѣе тѣмъ, что сама себя не понимала и главное себя подозрѣвала. Не ревность ли это, не боязнь ли, что эта вертушка снова вскружитъ голову Грожану? И вдругъ снова произойдетъ та катастрофа, отъ которой она была на подачу руки.

Мгновеніями Ренъ казалось, что за три года много воды утекло. И Грожанъ не тотъ, и дѣти больше. Ихъ двое и уже разсуждающихъ, а тогда былъ лишь одинъ, къ которому у отца не было даже привычки, не только любви. И если она—не та, если ей уже двадцать-восьмой годъ, если ей скоро подойдутъ эти ужасные, ненавидимые всѣми женщинами les trentes, этотъ фиктивный и ни на чемъ не основанный Рубиконъ, то вѣдь и сестра измѣнилась не мало. Если она уже не та красавица, какою была, когда впервые входила въ этотъ домъ дѣвушкой цвѣтущею красотой, то вѣдь и Марьетта далеко не та же свѣженькая, бѣленькая и граціозная блондинка? Конечно, не ей, Ренъ, судить. Въ этомъ судьи—мужчины. Но въ лицѣ Марьетты, особенно въ ея глазахъ, легла какая-то едва видимая печать чего-то... Теперешняя живость сестры, ея веселый нравъ, ея манеры и жесты—все это что-то иное, что-то не природное и естественное, а будто навязанное,

чуждое, дѣланное... Но вѣдь это ея собственное, женское мнѣніе. Мужчины судятъ иначе... Какъ покажется она Грожану?

И долго просидѣла Ренъ, не двигаясь и глубоко задумавшись. Понемногу она пришла къ убѣжденію, что ревности или опасеніямъ мѣста нѣтъ, но тѣмъ не менѣе, если Марьетта пробудетъ у нея, какъ говоритъ, всего дня два, три, то, конечно, тѣмъ лучше.

И Ренъ вдругъ представилось живо, какъ бы въ дѣйствительности, что онѣ, разставшись когда-то, обѣ будто двинулись въ путь въ противоположныя стороны и сдѣлали много пути, и теперь, оглянувшись вдругъ черезъ пройденный обѣими путь, обѣ онѣ едва видятъ другъ друга. Обѣ думаютъ, что это онѣ и что онѣ—родныя сестры, но это только правдоподобіе, а въ сущности, взирая другъ на друга на страшномъ разстояніи, онѣ не могутъ поручиться—не обманъ ли это зрѣнія.

Просидѣвъ часа два, Ренъ тихо поднялась, тихо опустилась на свой Prie-Dieu и забылась въ долгой горячей молитвѣ. Она просила Бога не для себя, а во имя двухъ мальчугановъ, ровно и спокойно сопѣвшихъ въ двухъ кроватяхъ неподалеку отъ нея, чтобъ Онъ посудилъ по своему, по Божьему, по небесному, а не по земному. Ренъ молила, чтобъ Онъ, вѣдующій, что̀ за человѣкъ она, видящій ясно малѣйшіе уголки и извилины ея сердца и души, простилъ ей то, что̀ караютъ люди. Онъ знаетъ сколько тысячъ часовъ мученій пережила она изъ боязни очутиться вдругъ одной съ дѣтьми. Она безъ мужа и они безъ отца. И пусть Онъ, всевидящій и всемогущій, спасетъ ихъ отъ всего того, что̀ можетъ приключиться вдругъ въ этомъ домѣ вслѣдствіе того, что les hommes sont tous les mêmes.

Сдѣлавъ крестное знаменіе, Ренъ поднялась, раздѣлась совсѣмъ, легла въ постель, но тотчасъ же снова вскочила и даже удивилась, ахнула... Она забыла снова осмотрѣть обоихъ мальчугановъ и поцѣловать ихъ предъ сномъ.

Притронувшись губами къ кудрявымъ головкамъ двухъ мальчугановъ, сохранившихъ отчасти типъ матери-креолки, Ренъ уже весело прыгнула въ свою постель, обернулась къ стѣнѣ и вздохнула особенно, какъ еслибы тяжелый гнетъ вдругъ спалъ съ ея души.

— Да, шептала она среди темноты,—конечно, это самое лучшее... Я прямо разскажу ему все, что̀ она, будто хвастаясь, разсказывала мнѣ про себя. Да. Это подѣйствуетъ на него. Онъ отвернется гадливо, когда узнаетъ подробно жизнь Марьетты.

Мужчины судятъ по своему. Tous les mêmes! Но вѣдь они презираютъ „этихъ“ ими же загубляемыхъ...

И Ренъ заснула спокойная...

Въ то же самое время Марьетта, уйдя въ небольшую, но красиво отдѣланную комнату, гдѣ иногда останавливались и ночевали друзья Грожана изъ Парижа, тотчасъ разложила небольшой чемоданчикъ, который завезъ въ домъ Фредерикъ. Раскладывая бѣлье и всякую мелочь, Марьетта разбросала все, гдѣ попало: по стульямъ, столамъ и даже по полу. Прежде всего она разыскала флакончикъ съ какимъ-то пахучимъ веществомъ, вродѣ смѣси уксуса съ одеколономъ, понюхала его и натерла виски.

Каждый вечеръ у женщины бывали легкія невралгическія боли въ головѣ. Она легко утомлялась и хотя каждый день къ полуночи чувствовала себя слабѣе, лѣнивѣе и равнодушнѣе ко всему, тѣмъ не менѣе ранѣе трехъ часовъ ночи заснуть никогда не могла, а самый крѣпкій, освѣжающій сонъ являлся только около полудня. Вставала же она аккуратно въ два и въ три часа дня. Менѣе одиннадцати и двѣнадцати часовъ женщина спать не могла, иначе чувствовала себя совершенно больною.

Натеревъ виски изъ флакончика, Марьетта раздѣлась и надѣла голубой вычурный капотъ, весь покрытый дорогими кружевами и отдѣлкой изъ бархата и лентъ. Въ этомъ нарядѣ женщина стала вдругъ настолько характерна, настолько вывѣской, что, казалось, стѣны этой горницы, гдѣ всегда останавливались всякіе буржуа-дѣльцы, а иногда ночевали пріятельницы Ренъ, такія же степенныя, какъ и она,—эти стѣны имѣли право вдругъ удивиться и сурово глянуть на нее.

Переодѣвшись Марьетта тотчасъ же подошла къ кровати, осмотрѣла бѣлье, попробовала полотно и рѣшила, что оно довольно тонкое. Затѣмъ она стала искать мѣтку. Ее интересовало, какъ помѣчено бѣлье: именемъ Грожана, или именемъ сестры. Оказалась буква G.

— C'est ça! усмѣхнулась Марьетта,—если придется разставаться, то выходи голая!

Она осмотрѣла и дерево кровати, задаваясь вопросомъ, дубъ ли это, или кленъ? Потомъ двинулась и какъ бы обошла всю комнату. Занавѣсы были шерстяные.

— Франка три съ половиной метръ непремѣнно. Безвкусица, но матерія плотная...

На каминѣ стояли часы и пара канделябровъ.

— Une saleté. Купилъ въ какомъ-нибудь базарѣ. Правда, эта комната только для пріѣзжающихъ. Все равно. Это годно только для cabinets particuliers!

Коверъ въ комнатѣ съ какими-то пунцовыми листьями и лиловыми яблоками на зеленомъ фонѣ очень понравился Марьеттѣ. Она рѣшила, что за ей десять или пятнадцать франковъ метръ можно это пріобрѣсти.

„И, по всей вѣроятности, въ разсрочку, au Printemps.“

Комнатка была не велика, предметовъ въ ней было мало, и Марьеттѣ пришлось вскорѣ снова пересматривать то же самое. Наконецъ она дошла до окна и выговорила:

— Ба! Вотъ глупость! Просто потѣха!

Шпиналеты на окнѣ, бронзированные, массивные, дѣйствительно бросались въ глаза.

— Да, un paysan во всемъ виденъ. У нихъ замки въ дверяхъ стоятъ по сту франковъ, а на спинѣ пиджакъ, купленный въ магазинѣ готоваго платья, стóитъ двадцать пять.

Оглядѣвъ всю комнату и зная не только всѣ предметы, но уже сосчитавъ, чтò стоила эта комната, а именно не болѣе какъ отъ семи до девяти сотъ франковъ, Марьетта поглядѣлась въ зеркало, затѣмъ достала изъ чемоданчика книжку и сѣла въ кресло.

Это былъ романъ Бело, нашумѣвшій когда-то въ Парижѣ давнымъ давно и продолжавшій теперь, спустя много лѣтъ, шумѣть въ тѣхъ предѣлахъ, куда добрался—въ мало читающей средѣ, гдѣ вращалась Марьетта. На книжкѣ стояло: „Mademoiselle Giroux, ma femme“.

Прочитавъ одну страницу, Марьетта зѣвнула, положила книжку на колѣни и стала думать.

„Какъ мало перемѣнилась сестра Ренъ! Она, впрочемъ, была всегда какая-то будто пожилая. Неповоротливая, деревянная, тяжелая на подъемъ. Всѣ называли ее степенною, а она была просто une espèce d'huître...“

Марьетта всегда считала сестру не только ограниченною, но почти глупою. Если Ренъ попала въ положеніе возлюбленной богача Грожана, то, по ея мнѣнію, совершенно случайно. Не окажись такого Грожана въ Теріэлѣ и Ренъ неминуемо сдѣлалась бы женой какого-нибудь столяра или слесаря. Если она попала въ обезпеченное положеніе, то благодаря, конечно, не своей ловкости. Она не была способна на какое бы то ни было предпріимчивое дѣло. Грожанъ упрямо настоялъ на всемъ.

„Но какъ случилось, что и до сихъ поръ они вмѣстѣ? Вотъ загадка! думалось Марьеттѣ.—Онъ бываетъ постоянно въ Парижѣ. Кажется насъ тамъ не мало и самая послѣдняя умнѣе и интереснѣе сонной Ренъ. Прежде она, правда, была очень красива, но теперь лицомъ сильно измѣнилась. Пора бы Грожану это уже замѣтить!.. Что же это? Опустился и облѣнился самъ—этотъ Грожанъ? Или она, Ренъ, умѣетъ его держать при себѣ? Это будетъ очень любопытно узнать!"

— Да! Но какова жизнь! вслухъ выговорила Марьетта, презрительно смѣясь.—Какова жизнь! Сидѣть въ этомъ домѣ, гдѣ, правда, все есть, но не видать почти никого кромѣ терізльскихъ commères и деревенскихъ политикановъ! Да и съ ними, вѣроятно, она не имѣетъ никакихъ сношеній! Стало-быть, вѣчно сидитъ одна съ двумя сопливыми мальчишками. Спасибо еще только съ двумя! Могла имѣть ихъ шесть и семь.

И Марьетта потрясла головой. Для нея издавна не было на свѣтѣ ничего болѣе ненавистнаго, какъ дѣти.

„И каково это, думалось ей снова,—девять лѣтъ, почти десять съ нимъ съ однимъ. А онъ и некрасивъ, и неуменъ, и главное—не забавенъ. Онъ скученъ и невыносимъ comme une pluie d'automme. Да еслибы даже онъ былъ и красавецъ, и замѣчательный умникъ, то все-таки девять лѣтъ... И съ нимъ съ однимъ! Ce n'est pas une plaisanterie. А сколько я ихъ перемѣнила за это время! Да, милая Ренъ, я съ тобой не помѣняюсь! Недѣля моей жизни цѣннѣе цѣлаго года твоей. У меня въ одномъ днѣ больше всяческихъ развлеченій, чѣмъ у тебя за цѣлый годъ. И когда я вспомню, что три года тому назадъ этотъ мужикъ былъ въ меня влюбленъ, готовъ былъ отправить Ренъ и взять меня на ея мѣсто; когда я вспомню, что чуть-чуть не рѣшилась на это, даже ужасъ беретъ! Вѣдь за эти три года я постарѣла бы на сто лѣтъ! За эти три года... Quelle horreur! У меня могъ бы быть уже ребенокъ... Oh, alors!..

И Марьетта вдругъ громко расхохоталась среди ночи настолько звонко, что спавшая въ третьей комнатѣ старуха-бонна вздрогнула и прислушалась. Но вспомнивъ, что въ домѣ пріѣзжая сестра барыни, она мысленно покачала головой.

— Чему хохочетъ одна. За полночь? Да, c'est une vraie...

И старуха, уткнувшись глубже въ подушку, произнесла вульгарное слово, которое, несмотря на его сильное значеніе, совершенно подходило къ пріѣзжей.

Подумавъ и снова побродивъ въ маленькой комнатѣ, часто улыбаясь, изрѣдка смѣясь, Марьетта снова усѣлась съ книжкой въ кресло. Прочитавъ страницу, она снова начала думать о нелѣпой участи сестры и о Грожанѣ, который ее интересовалъ. И женщина рѣшила, что надо непремѣнно дождаться его возвращенія и не уѣзжать, не видавши его.

— Надо будетъ послать депешу завтра моему imbécile d'Ernest, что я пробуду здѣсь нѣсколько дней. Если вздумаетъ ревновать и прилетитъ сюда, тѣмъ лучше.—Познакомится съ Грожаномъ и съ Ренъ. Если разсердится и что-либо произойдетъ? Что̀ же? Que le diable l'enlève! Онъ отъ этихъ дурацкихъ Панамскихъ акцій скоро, пожалуй, будетъ мнѣ не на руку. Да, потомъ, дѣйствительно, le petit anglais очень милъ!.. А Эрнестъ самъ говорилъ, что у Англичанина цѣлая фабрика перочинныхъ ножей въ Англіи. Фабрика—это еще, пожалуй, plus joli, нежели всякія акціи и бумаги! А покуда, чтобы здѣсь было не скучно, надо что-нибудь выдумать... Но какъ выдумать? Пойду къ матери, пробуду тамъ день... Пожалуй даже переѣду, пробуду дня два, три, погляжу, что̀ съ ними сталось, что̀ Эльза... Вѣдь ей уже, кажется, восемнадцать лѣтъ! Пора бы ей подумать о себѣ. Или же мнѣ надо подумать о ней... Elle peut m'être utile. Не выходить же ей замужъ за какого-нибудь желѣзнодорожнаго сторожа, даже хотя бы за какого-нибудь телеграфиста на станціи.

И Марьетта вдругъ встрепенулась, вспомнивъ что-то.

— Bah! Mais c'est tout trouvé! Ну, вотъ и отлично! Конечно. Этотъ телеграфистъ очень недуренъ и совершенный moutard! Можетъ-быть никогда даже въ Парижѣ не бывалъ. C'est sera tres drôle!

Раздумывая, Марьетта начала все чаще и чаще зѣвать, наконецъ она снова достала свой флаконъ и снова натерла виски, затѣмъ она занялась серьезнымъ дѣломъ передъ зеркаломъ, разглядывая все свое лицо, какъ еслибъ это было что-нибудь самое интересное или никогда ею невиданное. Найдя и замѣтивъ на лицѣ малѣйшее новое красное пятнышко величиной съ булавочную головку, Марьетта таращила глаза, будто пугалась и волнуясь тотчасъ же обращалась за помощью къ пузырьку, двумъ баночкамъ и коробочкѣ съ пудрой.

Затѣмъ, окончивъ притиранье, она около минутъ десяти глядѣла, не сморгнувъ, на собственные свои глаза. Несмотря на все свое легкомысліе, она замѣчала постоянно, что эти глаза, красивые

и яркіе еще недавно, тускнѣютъ, тухнутъ. Что-то, прежде сверкавшее въ нихъ, понемногу исчезаетъ. Объ этомъ блескѣ и помину нѣтъ. Эти глаза—старше лица. Вечеромъ они кажутся сонными, хоть сонъ и на умъ не идетъ. Днемъ они кажутся попрежнему красивыми, но будто такими глазами, которые видишь у куколъ въ магазинахъ парикмахеровъ. Эти глаза куколъ красиво, даже прелестно смотрятъ, но ничего не говорятъ. И если въ нихъ безжизненность, смерть, то въ ея глазахъ—умираніе. Лицо ея еще очень свѣжо, какъ и должно быть у двадцатидвухлѣтней женщины. А глаза страшно постарѣли, обогнавъ черты лица и тѣла. На нихъ будто однихъ все отозвалось.

Когда часа въ четыре Марьетта улеглась въ постель и потушила свѣчу, то въ головѣ ея возникъ вдругъ многозначительный вопросъ:

— Кто болѣе постарѣлъ за это время: я или сестра?!

XVII.

На утро, часовъ въ семь, Эльза была уже на ногахъ и нѣсколько тревожная и взволнованная съ самаго момента пробужденія занялась своимъ туалетомъ. Она не допускала возможности идти въ зáмокъ въ своемъ обычномъ сѣренькомъ платьицѣ. Мать была того же мнѣнія и еще наканунѣ осмотрѣла единственное парадное платье, голубое фланелевое и кое-что поправила въ немъ, починила, прикрѣпила пуговицы.

Ни мать, ни дочь не подозрѣвали, что насколько дѣвочка была мила и граціозна въ простомъ сѣренькомъ платьѣ изъ пансука обыкновеннаго фасона, настолько была не къ лицу въ забавно-уродливомъ голубомъ платьѣ.

Уже съ годъ назадъ, когда Бантистъ отправлялся погулять и покутить въ Парижъ, Анна дала ему порученіе—купить для Эльзы праздничный туалетъ. Малый, которому въ Парижѣ было, конечно, не до покупокъ для Эльзы, предъ самымъ отъѣздомъ зашелъ въ предмѣстьи Батиньоль въ первый попавшійся открытый базаръ, гдѣ продается всякая всячина, именуемая camelotte: отъ иголокъ, серегъ и галстучковъ, до ботинокъ, платья и пальто. Здѣсь же онъ увидалъ при входѣ напяленное на болванъ фланелевое платье на большой ростъ. Оно бросилось ему въ глаза своимъ цвѣтомъ и рядомъ бѣлыхъ пуговицъ отъ ворота до земли. На двухъ кармашкахъ по бокамъ было какое-то кружевцо.

Анна дала любимцу на платье тридцать франковъ, а на этомъ стояла цѣна восемнадцать. Баптистъ рѣшился въ одну минуту. Голубое платье, которое было собственно утреннимъ капотомъ, изъ плохой дешевенькой фланели, было тотчасъ же имъ куплено. Времени на поиски чего-либо лучшаго было не потрачено, а вдобавокъ онъ оставался съ двѣнадцатью франками въ выигрышѣ.

Разумѣется и Анна, и въ особенности Эльза были въ восторгѣ отъ покупки. Баптистъ увѣрилъ обѣихъ, что приплатилъ своихъ пять франковъ. И эта ложь долго имѣла вліяніе на отношенія Эльзы къ малому. Она часто вспоминала въ минуты озлобленія на него, что все-таки онъ добрый, когда-то приплатилъ своихъ пять франковъ за голубое платье. И только одна знакомая въ Теріэлѣ объяснила Эльзѣ, что ея платье имѣетъ видъ d'une robe de chambre.

Разумѣется, капотъ на большой ростъ былъ тогда же урѣзанъ и перешитъ, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе года—дѣвочка выросла, выравнялась, возмужала, капотъ сталъ узокъ и она имѣла въ немъ забавно-неуклюжій видъ. Тѣмъ не менѣе у нея до сихъ поръ оставалось извѣстнаго рода уваженіе къ этому праздничному одѣянію и она наивно воображала, что въ немъ она несравненно лучше.

Едва только Эльза поднялась и начала одѣваться, какъ Анна, просыпавшаяся гораздо позднѣе, поднялась тоже, чтобы сдѣлать дочери кофе и наблюсти за ея туалетомъ. Прежде всего обѣ принялись за прическу. Надобно было что-нибудь устроить. Въ томъ видѣ, какъ Эльза ходила всякій день, было немыслимо идти въ зáмокъ. Съ тѣхъ поръ, что дѣвочка помнила себя, она всегда мучилась съ массой вьющихся волосъ, съ которыми не было никакого сладу: вѣчно торчали кудри и лохмы цѣлою шапкой или копной. Только самый искусный парикмахеръ при помощи всякихъ спеціальныхъ средствъ могъ бы справиться съ такою головой.

На этотъ разъ и Анна, и дѣвочка вмѣстѣ прибѣгнули къ самому простому и обыкновенному способу: собравъ всѣ волосы, они перекрутили ихъ крѣпко лентой на затылкѣ и, подвязавъ, перевязали лентой черезъ голову. Когда Эльза увидѣла себя въ зеркало съ гладко зачесанными и перекрученными волосами и страшно перетянутую капотомъ, изъ котораго уже выросла, она сама себѣ понравилась.

— Не правда ли, я такъ лучше? Пожалуй даже не хуже другихъ? спросила она у матери.

— Не знаю! отозвалась Анна, оглядывая дочь.—Красивою, дитя мое, тебѣ быть нельзя изъ-за твоей желтой кожи.

Этьенъ, явившійся тоже присутствовать при сборахъ и туалетѣ сестры, тоже тревожными глазами слѣдилъ за всѣми движеніями обѣихъ. Мальчуганъ волновался внутренно еще болѣе, нежели сестра. Ему не хотѣлось, чтобъ Эльза отправлялась въ зáмокъ не въ порядкѣ.

Когда туалетъ былъ оконченъ и Анна съ дѣтьми принялась за кофе, наступило молчаніе. Анна сильнѣе сопѣла, выпивая свой кофе и чаще обыкновеннаго вздыхала, взглядывая на дочь. Она будто сожалѣла о чемъ-то, совѣстилась чего-то. Быть-можетъ, женщина соображала, что еслибы не кутяла Баптистъ, то на деньги, ею зарабатываемыя, Эльза могла бы быть одѣта совершенно иначе.

Сама Эльза казалась спокойна. Ей почему-то думалось, что въ этомъ голубомъ платьѣ и съ прилизанными и скрученными на головѣ волосами уже не такъ страшно идти къ Отвилямъ. Этьенъ медленно тянулъ горячій кофе изъ большой чашки, сидѣлъ нагнувшись, но вскинувъ свои большіе умные глаза на сестру и не спуская съ нея взгляда, онъ продолжалъ тревожиться.

Знаменательное молчаніе, продолжавшееся около четверти часа, напомнило всѣмъ тремъ, какъ когда-то Эльза собиралась въ бѣломъ платьѣ къ важному и торжественному дѣйствію во всякой семьѣ—къ première communion. Большіе часы, маятникъ которыхъ одинъ нарушалъ тишину въ домикѣ, пробили одинъ разъ. Всѣ обернулись и удивились. Было уже половина девятаго. Для всѣхъ время прошло крайне быстро, благодаря необычнымъ думамъ и волненіямъ.

— Пора! выговорила Анна.

Эльза поднялась и снова какъ бы безсознательно перешла къ зеркалу, снова осмотрѣла себя и снова не знала, что̀ себѣ сказать. Она обернулась къ брату:

— Скажи, mon garçe, по-твоему какъ?

Этьенъ и теперь не спускавшій глазъ съ сестры, вдругъ потупился и сталъ глядѣть въ допитую чашку.

— Et bien quoi? тревожно и быстро произнесла Эльза.

— Ничего! отозвался мальчуганъ.

— Скажи: хуже или лучше?

— Хуже! рѣзко и почти сердито выговорилъ Этьенъ.

— Почему же?! воскликнули въ разъ и мать, и сестра.

Этьенъ молчалъ, но не отрывалъ глазъ, разглядывая кофейную гущу въ своей чашкѣ.

— Глупости! Что̀ онъ понимаетъ! вымолвила Анна.

— Я ничего не понимаю въ этихъ всѣхъ bricoles de femelles, да и ты тоже не больше моего понимаешь.

— Что̀ же тебѣ не нравится? вымолвила Эльза, подходя къ брату и становясь предъ нимъ, какъ виноватая.

Дѣвочка сразу упала духомъ и то, что̀ ей казалось мерещилось, стало какъ бы дѣйствительностью при подтвержденіи со стороны мальчугана.

— Погляди, угрюмо вымолвилъ мальчикъ,—грудь оттопырилась, животъ тоже оттопырился, рукава коротки, петли тянутъ пуговицы, такъ что кажется сейчасъ всѣ отскочатъ, а голова какъ у стриженаго мальчика.

Наступило молчаніе, но затѣмъ Этьенъ сползъ со стула, на которомъ сидѣлъ, подошелъ къ сестрѣ, взялъ ее обѣими руками за руку и дернулъ.

— Voyons, fi-fille, не печалься, я, можетъ-быть, все вру, да и потомъ Отвили знаютъ, что мы не богачи. Они не могутъ ожидать тебя разряженную какъ невѣсту. Еслибы ты могла вдругъ разрядиться, то это было бы смѣшно, стали бы насмѣхаться. Помнишь, какъ въ Теріэлѣ всѣ хохотали надъ Баптистомъ, когда онъ надѣлъ городскую шляпу! Небось, на другой же день онъ ее припряталъ и теперь только въ Парижъ надѣваетъ.

Анна быстро обернулась къ мальчугану, глянула на него съ упрекомъ, хотѣла что-то сказать, но отвернулась и стала убирать чашки. Эльза накинула на голову свою сильно поношенную соломенную шляпку съ большими полями. Этьенъ быстро пробѣжалъ въ спальню, посмотрѣлъ на кровать, гдѣ спалъ, громко сопя, Баптистъ и вернувшись къ сестрѣ, выговорилъ:

— Что̀ же дѣлать, нельзя? Но я все-таки до перваго поворота могу добѣжать!

Дѣло было въ томъ, что они сговорились еще съ вечера, что мальчуганъ проводитъ сестру до за́мка, если Баптистъ будетъ уже на ногахъ. Но такъ какъ малый, поднявшись нѣсколько разъ ночью ради заставъ, теперь продолжалъ спать, то Этьену приходилось замѣнить его.

Эльза, совершенно готовая, подошла къ матери, встала предъ ней на разстояніи шаговъ двухъ и выговорила:

— Ну, я иду!

— Иди. Пора! отозвалась Анна.

Эльза стояла, не двигаясь. Ей хотѣлось, чтобы въ эти исключительныя минуты мать поцѣловала ее, но сказать первая она не хотѣла, а Анна не догадывалась въ чемъ дѣло.

— Такъ идти? повторила Эльза.

— Понятно! Что же? отозвалась Анна, удивившись.

Эльза простояла недвижно, скрестивъ руки и слегка опустивъ голову нѣсколько секундъ, потомъ быстро повернулась, взяла мальчугана за руку. Захвативъ со стѣны ключъ, они вышли и быстро двинулись прямо черезъ полотно дороги въ открытое поле.

— Ну, а вдругъ, какъ разъ, кто подъѣдетъ? сказала Эльза.— Прислушаемся!

Они остановились, внимательно прислушались, но окрестность была тиха, только нѣсколько пѣтуховъ заливались въ Теріэлѣ.

— До поворота далеко, mon garçe. Я боюсь опоздаешь.

— Ну, на столбъ слазаю.

— Ну, полѣзай.

И Этьенъ, подбѣжавъ къ ближайшему телеграфному столбу, прибѣгъ къ тому средству, къ которому часто случалось прибѣгать и для себя, и для сестры. Окрестность была настолько гладка и ровна, безлѣсна, открыта во всѣ края, что съ верхушки телеграфнаго столба можно было все ясно видѣть во всѣхъ направленіяхъ.

Этьенъ ловко слазилъ, оглядѣлся и крикнулъ весело:

— Pas un chien!

Затѣмъ онъ соскользнулъ въ одну секунду и подбѣжалъ къ сестрѣ. Взявшись за руки, они припустились по шоссе. Первый поворотъ въ сторону былъ почти въ верстѣ разстоянія. Пробѣжавшись и запыхавшись, они сѣли на траву, но молчали. Наконецъ, Эльза вымолвила:

— Да, все-таки скучно, непріятно! Еслибы меня туда взяли въ горничныя, я бы знала, что я буду дѣлать, я бы была съ ихъ людьми, а вѣдь тутъ я должна буду съ ними быть и не знаю, что буду дѣлать... Poser! Но вѣдь мнѣ кажется это ужасно глупо, какъ ты думаешь?

Мальчуганъ пожалъ плечами.

— Если имъ это кажется умно, то оно не глупо. Непріятно дѣлать то, что всѣмъ кажется глупо, а дѣлать что-нибудь глу-

ное, что всѣмъ кажется умнымъ—ничего. Помнишь, писарь у господина мера пѣтухомъ кричалъ—очень глупо, а всѣ были довольны и выходило не глупо.

— Правда! Умница ты, Этьенъ! вымолвила Эльза, оживилась и стала гладить брата по кудрявой головѣ, по такой же шапкѣ курчавыхъ волосъ, какъ и у нея. Размышленіе мальчугана совершенно ее успокоило.

— Ну, пора... До свиданія!

Она нагнулась, обняла брата. Этьенъ вскинулъ руки ей на шею, прижался губами къ ея лицу и слезы появились у него на глазахъ.

— Что ты? Помилуй, о чемъ? вымолвила Эльза, а между тѣмъ и ее схватила легкая спазма въ горлѣ.

— Цѣлую недѣлю! вымолвилъ Этьенъ.

— Не далеко.

— Но вѣдь цѣлую недѣлю... первый разъ, я не знаю, какъ я буду безъ тебя.

Братъ и сестра смолкли на минуту и затѣмъ Эльза вымолвила:

— Ну, слушай, приходи чрезъ два или три дня къ оградѣ парка Отвилей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ торчитъ труба отъ оранжереи, гдѣ мы, помнишь, съ тобой годъ назадъ шалили и упали въ канаву съ водой. Приходи туда ровно въ полдень и я приду. И мы условимся въ какіе часы всякій день намъ видѣться.

— Да! Да! весело вымолвилъ мальчуганъ и оживился, какъ рѣдко бывало съ нимъ.

Сестра и братишка расцѣловались нѣсколько разъ, какъ если-бы прощались на цѣлый годъ и поднялись.

— Ну, бѣги, а я погляжу, постою здѣсь.

— Нѣтъ, лучше ты иди, а я погляжу, а потомъ побѣгу къ заставамъ.

— Нѣтъ, mon garce, это глупо. Тебѣ къ спѣху, вдругъ кто-нибудь подъѣдетъ. Бѣги скорѣй, а я буду стоять и глядѣть, покуда будетъ видно.

— Нѣтъ, давай разбѣжимся вмѣстѣ въ одинъ разъ.

— Хорошо!

— Ну, разъ, два, три! вскрикнулъ Этьенъ и припустился по шоссе.

Дѣвочка побѣжала тоже, но оба на бѣгу постоянно огляды-

вались и, пробѣжавъ саженъ по сту въ разныя стороны, они остановились и, обернувшись, смотрѣли другъ на друга.

— Завтра въ полдень! крикнулъ Этьенъ изо всей силы.

Эльза не разслышала, а скорѣй поняла и крикнула:

— Да, да!.. и махнула рукой.

И вмѣстѣ снова припустились они бѣгомъ. Когда Эльза оглянулась вновь, то высокій колосившійся овесъ уже скрылъ мальчугана...

Эльза снова пошла тихимъ шагомъ и раздумывая. Мнѣніе мальчугана совершенно успокоило ее.

„Дѣйствительно, разрядиться вдругъ было бы глупо! думалось ей. Вѣрно тоже, что если они считаютъ мое дѣло не глупымъ, а умнымъ, то нечего смущаться. А деньги, деньги—вотъ главное! Какъ это сдѣлать?“

Приказаніе Баптиста и матери—тотчасъ же потребовать впередъ сто франковъ смущало Эльзу наиболѣе. Она даже и представить себѣ не могла, какъ рѣшится спросить это у графини Отвиль или у самого Монклера, а надо будетъ.

Раздумывая всю дорогу о своемъ предстоящемъ появленіи въ зáмокъ, Эльза не замѣтила, какъ предъ ней вдали появились уже верхушки обширнаго парка Отвилей. Эльза замедлила шаги, но затѣмъ вздохнула, будто окончательно и въ послѣдній разъ рѣшалась на что-либо опасное и шибче, смѣлѣе двинулась снова.

XVIII.

Помѣстье графа Отвиля не было стариннымъ зáмкомъ и существовало менѣе ста лѣтъ. Отецъ теперешняго владѣльца купилъ имѣніе, выстроилъ домъ обширный, но самой простой архитектуры. Это было нѣчто среднее между тѣмъ, чтò называютъ виллой и тѣмъ, чтò существуетъ въ Англіи подъ именемъ коттеджа.

Передъ домомъ былъ небольшой партеръ, красиво изукрашенный съ массой цвѣтовъ. За нимъ начинался густой паркъ, расходившійся на цѣлую версту. Съ другой стороны, передъ домомъ былъ широкій, мощеный дворъ со службами, конюшнями и сараями, а вдоль стѣнъ строеній правильно выстроились высокіе и стройные пирамидальные тополи.

У самыхъ воротъ, чугунныхъ, со сквозною рѣшеткой былъ небольшой домикъ, въ родѣ того, въ которомъ жила Анна Карадоль съ дѣтьми, съ тою только разницей, что онъ былъ оштукатуренъ и выкрашенъ розовою краской. Это былъ домикъ хорошо извѣстнаго въ околоткѣ и въ Теріэлѣ человѣка, пожалуй, даже болѣе извѣстнаго, чѣмъ сами графы Отвили.

Всѣ хорошо его знали и считали за умнѣйшаго человѣка, начитаннаго и исключительно порядочнаго, всѣ называли его „monsieur Isidore“ и мало кто зналъ его фамилію. Случилось это потому, что самъ привратникъ за́мка какъ бы умышленно умалчивалъ о своей фамиліи, которую не любилъ и при необходимости дать свой адресъ, давалъ одно имя безъ прибавленія фамиліи. Фамилія эта была самая обыкновенная, какая только можетъ быть: Martin.

Эльза приблизилась къ маленькой, тоже чугунной, рѣшетчатой калиткѣ и хотѣла войти, но она оказалась запертою. Она взялась за звонокъ и постаралась позвонить какъ можно скромнѣе. Колокольчикъ чуть слышно звякнулъ и изъ окошка, выходившаго во дворъ, высунулась маленькая фигурка съ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми, коротко остриженными волосами подъ черною бархатною ермолкой.

— Кто тамъ? выговорилъ привратникъ, облокачиваясь на окно съ книжкой въ рукѣ.

Присмотрѣвшись, онъ прибавилъ:

— Что̀ вамъ нужно?

— Мнѣ графиня приказала придти! отозвалась Эльза.

Яркое солнце мѣшало просунувшемуся старичку разглядѣть стоящую за рѣшеткой фигуру. Онъ приблизилъ руку козырькомъ къ глазамъ и выговорилъ:

— А! La gazelle! Сейчасъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній маленькій и худенькій старичокъ легко и бодро вышелъ къ калиткѣ и отперъ ее.

— У васъ ничего нѣтъ? вымолвилъ онъ, видя, что она съ пустыми руками.

— Ничего, monsieur Isidore!

— Зачѣмъ же вы?

— Право, хорошо не знаю, но графиня была вчера у матери и приказала придти.

— Въ которомъ часу?

— Да просто утромъ.

— Ну, дитя мое, понятіе объ утрѣ у васъ и у аристократовъ совершенно разное. Идите, посидите у меня до тѣхъ поръ, покуда не начнется утро.

Исидоръ улыбнулся добродушно, заперъ калитку и двинулся въ домикъ. Эльза послѣдовала за нимъ и, войдя, съ удивленіемъ стала озираться вокругъ себя. Маленькая комнатка, въ которую она вошла, поразила ее. Это было что-то прелестное, что мерещилось ей, но чего она никогда не видала. Въ Теріэлѣ не было ничего подобнаго ни у кого.

Она всегда считала г. Исидора важнымъ человѣкомъ,—такова была его слава,—но теперь, маленькій и худенькій старичекъ съ добродушно-важнымъ лицомъ, всегда тщательно обритымъ, въ чистой, почти щегольской черной бархатной шапочкѣ, которую онъ никогда не снималъ, какъ бы укрывая плѣшь во всю голову,—показался Эльзѣ еще важнѣе.

Комната, служившая привратнику зáмка гостиной, была чрезвычайно чистая: мебель была маленькаго размѣра, какъ бы подобранная къ его росту, на стѣнахъ висѣли въ рамкахъ разныя гравюры съ сюжетами изъ Священнаго Писанія. На главной стѣнѣ висѣли два большіе портрета въ золотыхъ рамкахъ, а посрединѣ небольшая гравюра, изображавшая маленькаго мальчика лѣтъ шести-семи, но въ мундирѣ съ генеральскими эполетами.

Большіе портреты изображали мужчину и женщину, но въ такихъ странныхъ одѣяніяхъ, что Эльза, вытаращивъ на нихъ глаза, долго не могла оторваться отъ нихъ и, наконецъ, насмѣшливая улыбка скользнула по ея лицу.

Въ особенности поразила ее нарисованная дама. У нея была такая прическа, что обыкновенная лохматая шапка волосъ на головѣ Эльзы была чемъ-то микроскопическимъ сравнительно съ цѣлою горой въ нѣсколько этажей, подъ огромною шляпой.

Въ углахъ комнаты стояли высокія растенія, а три окна были заняты сплошь цвѣтами въ горшкахъ. Въ углу на тумбѣ въ большой круглой клѣткѣ качалась въ кольцѣ красная птица, которая поразила Эльзу еще болѣе, нежели дама съ горой волосъ на головѣ.

Заглянувъ въ растворенную дверь, Эльза увидѣла кровать съ такимъ поразительно-чистымъ бѣльемъ и снѣжно-бѣлымъ одѣяломъ, что глаза ея заискрились отъ какого-то чувства, близкаго къ зависти. Эльзѣ мерещилось иногда, что могутъ быть на свѣтѣ такія чистыя и прелестныя кровати.

Не далеко отъ двери стоялъ столъ, а на немъ кое-какія вещи, чернильница и около нея большой ангелъ съ крыльями. На столѣ было много исписанной бумаги и много маленькихъ книгъ. Невдалекѣ, съ другой стороны двери, стоялъ шкапъ съ нѣсколькими полками и всѣ онѣ были усѣяны книгами разныхъ размѣровъ.

Эльза стояла среди горницы неподвижно, широко раскрывъ глаза и озираясь. И комнатка казалась ей все прелестнѣе. Но вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ: г. Исидоръ визгливо, даже какъ-то безобразно вскрикнулъ:

— Veux-tu déjeuner mon ami?

Эльза обернулась къ хозяину домика и выговорила:

— Merci, я уже выпила кофе дома.

Исидоръ разсмѣялся настолько добродушно и весело, что Эльза съ удивленіемъ приглядѣлась къ его лицу. Она не могла понять, что̀ можетъ быть смѣшнаго въ ея отвѣтѣ.

— Ну, садитесь, дитя мое, будемъ съ вами дожидаться утра, назначеннаго вамъ графиней.

Эльза сѣла на маленькій стульчикъ, который ей, такъ же, какъ и Исидору, былъ какъ разъ какъ бы по мѣркѣ.

— Полдень, Газель, для всѣхъ людей одинаковъ, а утро и вечеръ бываютъ на свѣтѣ разные. У васъ на одинъ ладъ, у меня, положимъ, на другой, а у важныхъ людей утро бываетъ въ совершенно иное время, а вечеръ начинается поздно и замѣняетъ часто собой всю ночь, такъ что ночи собственно у нашихъ господъ иногда совсѣмъ не бываетъ. Ну, да это не интересно! Я хочу только сказать вамъ, что вы, моя милая Газель, должны тутъ посидѣть у меня, по крайней мѣрѣ, часа три, прежде чѣмъ въ за̀мкѣ всѣ проснутся. Теперь и люди еще не всѣ поднялись. Я даже не могу доложить о васъ горничной графини, потому что и она еще не поднималась, а какъ только мамзель Julie проснется, я скажу ей. А покуда я займу васъ чѣмъ-нибудь. Вы читать умѣете?

— Конечно, умѣю.

— Хотите я вамъ дамъ книжку?

— Нѣтъ, merci, я ихъ очень не люблю.

— Вотъ какъ! разсмѣялся Исидоръ.—Почему же?

— Не знаю! А я ужасно не люблю книжекъ, а ужь особенно ариѳметику.

— Ну, такъ, дѣлать нечего, побесѣдуемъ!

Исидоръ сложилъ свою книжку, которую продолжалъ держать

въ рукѣ и положилъ ее на столъ. Замѣтивъ глаза Эльзы снова устремленные на большіе портреты, онъ вымолвилъ совершенно инымъ важнымъ, какъ-будто даже торжественнымъ, голосомъ:

— Знаете ли вы, дитя мое, на кого вы смотрите? И онъ, и она—это святыя личности, которыя святѣе многихъ святыхъ. Это король Людовикъ XVI и королева Марія Антуанета. А вотъ этотъ посередкѣ молоденькій мальчикъ, котораго теперь уже нѣтъ на свѣтѣ, прожилъ лѣтъ пятьдесятъ въ изгнаніи внѣ предѣловъ Франціи. А онъ былъ единственный человѣкъ на свѣтѣ, которому должно бы было быть властелиномъ Франціи. Это графъ Шамборскій, или герцогъ Бордосскій, которому казненный король приходился, какъ arrière grand oncle. А король и королева, которыхъ вы видите, уже скоро сто лѣтъ, какъ погибли самымъ ужаснымъ образомъ. Они взяли на себя грѣхи Франціи и поступили почти такъ же, какъ во времена оны Спаситель міра. Они пострадали и умерли за Французскій народъ, но кровь ихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ есть и останется долго. И дорого мы заплатили, и дорого еще заплатимъ за ихъ погибель. Вы, конечно, дитя мое, не знаете, что̀ съ ними было. Имъ отрѣзали головы.

— Какъ? воскликнула Эльза, почти привскочивъ на своемъ стулѣ.

— Да, дитя мое, и королю, и королевѣ отрѣзали головы.

— За что̀? Когда? вскрикнула снова Эльза.

— Я вамъ это подробно разскажу, такъ какъ намъ придется долго сидѣть въ ожиданіи, когда за̀мокъ проснется.

Эльза встала, приблизилась ближе къ стѣнѣ и стала съ большимъ вниманіемъ разглядывать лица двухъ портретовъ. Но черезъ мгновеніе она снова поневолѣ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, такъ какъ за спиной ея снова раздалось пронзительно:

— Veux-tu déjeuner, mon ami?

Она быстро обернулась, удивленно поглядѣла на хозяина и снова выговорила, но уже боязливо и нѣсколько сухо:

— Я уже сказала вамъ—merci, я дома напилась кофе.

Господинъ Исидоръ снова разсмѣялся, но болѣе добродушно. Онъ поднялся съ мѣста, взялъ Эльзу за руку, подвелъ ее къ клѣткѣ, гдѣ сидѣла красная птица и вымолвилъ:

— Это попугай! Вы ихъ никогда не видали?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ увидите!

И наклонясь къ клѣткѣ, онъ вымолвилъ:

— Et toi, veux-tu déjeuner?

— Oui! Oui! Oui! визгливо отозвался попугай.

— Скажи что-нибудь мамзель Газель! произнесъ хозяинъ. — Dis: bonjour mamzelle!

И птица, дернувъ головой, еще громче и визгливѣе крикнула:

— Bonjour, mamzelle!

Исидоръ обернулся на Эльзу и разсмѣялся. Старикъ еще никогда не видѣлъ такого изумленнаго лица. Глаза Эльзы казались еще вдвое больше, широко раскрытый ротъ изображалъ крайнее изумленіе. И вдругъ, обернувшись къ привратнику, она вымолвила, какъ бы желая удостовѣриться, не обманулъ ли ее слухъ:

— Il parle! Il parle!

— Ну, да, да!

— И онъ можетъ понимать?

— Многое!

— Вы съ нимъ разговариваете?

— Да, разсмѣялся Исидоръ,—но немного. Нѣтъ, дитя мое, я шучу. Эта птица—самая глупая на свѣтѣ. Она умѣетъ только кричать нѣсколько фразъ, сама не зная, что̀ кричитъ. Развѣ вы никогда не слыхали—люди говорятъ про какого-нибудь человѣка, что онъ попугай?

— Ахъ, да! воскликнула Эльза.

— Ну, вотъ...

— Да, да, говорятъ! И даже про нашего Баптиста говорятъ.

— Баптиста? Кто же это? А-а!.. вспомнилъ Исидоръ.—Le bon ami вашей матери.

Эльза тотчасъ опустила глаза и отозвалась едва слышно:

— Oui, monsieur!

Наконецъ у окна появилась какая-то расфранченная дама съ бойкими глазами и улыбкой.

— Господинъ Исидо́ръ, сказала она всовываясь въ окно... Не у васъ ли...

И увидя Эльзу она прибавила:

— Вы, вѣроятно, mademoiselle Caradol?

— Да-съ, отозвалась Эльза.

— Графиня давно уже васъ ожидаетъ, уже спрашивала. А г. Монклеръ волнуется, всѣмъ говоритъ непріятности, даже чашку съ кофе разбилъ.

Дѣвочка вышла изъ дому. Женщина, оказавшаяся горничной графини, оглядѣла дѣвочку, ея прилизанные волосы, нелѣпо

скрученные на затылкѣ, съ пучкомъ волосъ, торчавшимъ почти на темени, ея неуклюжее и нелѣпое голубое платьице—и франтиха Julie слегка повела бровью и едва не пожала плечомъ.

Она знала, что другъ графини—капризникъ и прихотникъ Монклеръ ожидаетъ себѣ модель, о которой уже болѣе сутокъ болтаетъ отъ зари до зари, восхищаясь и восторгаясь, а между тѣмъ эта дѣвочка, неуклюже затянутая въ какой-то голубой, слегка полинявшій капотъ, много некрасивѣе многихъ молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, которыхъ Julie знаетъ. Ужь если попадобилась модель для артиста, то она—Julie могла бы скорѣй подойти къ этой роли.

Идя тихо по двору рядомъ съ дѣвочкой, горничная не спускала съ нея глазъ и все мысленно повторяла:

„Что̀ онъ въ ней нашелъ? Чудаки эти артисты!“

XIX.

Идя за горничной, Эльза поднялась по маленькой винтовой лѣстницѣ во второй этажъ. Это былъ особый ходъ для прислуги къ той части дома, гдѣ были комнаты графини и ея дѣтей.

Эльза, пройдя двѣ, три комнаты, была поражена обстановкой и всѣмъ тѣмъ, что̀ бросалось въ глаза: отъ шкафчика съ инкрустаціей до канделябръ, отъ золотыхъ цѣпей на занавѣскахъ до большихъ картинъ, большихъ портретовъ, которые, какъ живые, глядѣли на нее изъ золотыхъ рамъ и провожали ее глазами, когда она проходила черезъ комнаты.

Julie велѣла ей остаться и подождать, а сама скрылась. Волненіе дѣвочки снова усилилось. Она знала хорошо графиню, но видѣла ее всегда на дорогѣ, въ полѣ или въ городкѣ.

Julie появилась вновь и вымолвила, растворяя дверь:

— Passez s'il vous plait.

Эльза, не чувствуя подъ собой ногъ, ясно чувствуя головокруженіе, черезъ силу миновала порогъ и очутилась въ небольшой горницѣ. Здѣсь было такъ пестро, было столько всякихъ предметовъ и самыхъ разнообразныхъ, что Эльза почувствовала себя въ положеніи какого-либо насѣкомаго, попавшаго въ муравьиную кучу. Вся эта пестрота окружающая будто набросилась на нее и придавила ее. Дѣвочка даже обрадовалась, когда услыхала изъ угла горницы знакомый голосъ:

— Подойдите, дитя мое!

Графиня сидѣла, полулежа на кушеткѣ и была такая, какою знала ее дѣвочка давно. И Эльза обрадовалась. Она какъ-будто ожидала, что среди этого зáмка и сама графиня окажется чѣмъ-нибудь другимъ: или чудовищемъ, или какою-нибудь сиреной.

Дѣвочка подошла ближе. Графиня смѣрила ее съ головы до пятъ, улыбнулась и закрыла ротъ кружевнымъ носовымъ платкомъ, чтобы скрыть смѣхъ, который на нее напалъ при видѣ костюма и смущенной фигуры дѣвочки. Но глаза ея такъ явно разсмѣялись, глядя въ лицо Эльзы, что дѣвочка потупилась, обидѣлась и сразу посмѣлѣла.

Характерная черта Эльзы была именно та, что, оскорбляясь, она подъ вліяніемъ вспышки гнѣва какъ бы преображалась и становилась тѣмъ, чѣмъ была отъ природы: смѣлою до дерзости и оригинально умною.

— Напрасно вы не одѣлись въ ваше всегдашнее платье! вымолвила графиня, отнимая платокъ отъ все еще смѣющихся губъ.—Оно къ вамъ больше идетъ. И затѣмъ, mon enfant, надо распустить ваши прелестные локоны. Эта прическа очень... она къ вамъ меньше идетъ.

— Какъ прикажете! нѣсколько сухо отозвалась Эльза.

— Не правда ли, лучше распустить волосы? обернулась графиня въ сторону.

Эльза, сдѣлавъ то же самое, теперь только замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ направо сидитъ на низенькомъ креслѣ, развалясь, вытянувъ ноги и закинувъ обѣ руки, скрещенныя на затылкѣ, молодой человѣкъ съ нѣсколько знакомымъ ей лицомъ. Это былъ виконтъ Камиллъ. Онъ упорно, дерзко, не стѣсняясь, почти нахальными глазами мѣрилъ Эльзу съ головы до пятъ. На вопросъ графини онъ отвѣтилъ, промолчавъ нѣсколько секундъ:

— Разумѣется, это первое, что̀ сдѣлаетъ Монклеръ!

И затѣмъ, съ усмѣшкой оглядывая дѣвочку, онъ выговорилъ какъ бы себѣ самому:

— Pas mal! Pas mal! Оригинальна! Какой-то странный типъ! Вашъ отецъ—Французъ? съ сомнѣніемъ въ голосѣ обратился онъ къ Эльзѣ.

— Французъ.

— Вѣрно?

— Да-съ.

— Странно! У васъ типъ не Француженки.

— Да. Но она—квартеронка! вступилась графиня.

— А-а... протянулъ молодой человѣкъ, пересталъ насмѣшливо улыбаться и болѣе снисходительно глядѣлъ на дѣвочку.

Эльза при этомъ словѣ слегка двинулась, вскинула на графиню уже не смущенные, а отчасти досадой искрящіеся глаза.

— Это говорятъ, графиня, но это неправда. Если такъ считать, то всѣ люди, живущіе на свѣтѣ, произошли не только отъ негровъ, но даже отъ обезьянъ.

— Ба! ба! ба! прооралъ молодой человѣкъ во все горло, такъ что голосъ его могъ раздаться даже въ сосѣднихъ горницахъ.— Гдѣ это вы подцѣпили? Кто могъ вамъ это сказать? Tiens, tiens, tiens! On le darvinisme va se nicher! прибавилъ онъ, обращаясь къ графинѣ и уже хохоча во все горло.

Между тѣмъ Эльза стояла, уже перемѣнившись немного въ лицѣ и руки ея слегка подергивало. Она ясно понимала, что этотъ молодой человѣкъ ведетъ себя по отношенію къ ней совершенно невѣжливо. Одна его поза была такова, какія, изрѣдка проходя по Теріэлю, Эльза видѣла въ мѣстномъ кафэ, но вѣдь то были буржуа и поселяне, вдобавокъ часто подпившіе, а этотъ молодой человѣкъ—аристократъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Газель, откуда вы и гдѣ могли слышать такую фразу, что люди происходятъ отъ обезьянъ?

Дѣвочка хотѣла отвѣтить правду, что слышала это часто отъ отца и именно по поводу ихъ происхожденія отъ негритянки, какъ бы въ утѣшеніе себѣ самимъ въ ихъ происхожденіи, но она побоялась и промолчала. Вдругъ этотъ нахальный молодой человѣкъ подниметъ на смѣхъ ея отца, даже не зная, что онъ на томъ свѣтѣ.

— Случалось слышать! выговорила Эльза тихо, но сухо.

— А вы сами, Газель, вѣрите въ это?

Дѣвочка не знала, что̀ отвѣчать, но въ то же время молодой человѣкъ вскрикнулъ:

— Что̀ такое вы все говорите, maman. Газель и Газель? Что̀ это значитъ?

— Это ея прозвище.

— Ба! Почему? C'est drôle! Однако... однако... потянулъ онъ, снова оглядывая дѣвочку,—однако... c'est peut-être vrai. Нутка повернитесь, Газель, я хочу васъ оглядѣть со всѣхъ сторонъ. Вы слышите? Повернитесь! Ну, сначала въ профиль... потомъ спиной... потомъ опять въ профиль...

Дѣвочка опустила глаза, едва замѣтный румянецъ загорѣлся на ея вѣчно-смуглыхъ щекахъ и она не двигалась.

— Вы меня слышите?

Эльза̀ стояла, не шелохнувшись, не отвѣчала ни слова, но знала, что если даже сію минуту ее прогонятъ вонъ изъ за̀мка, то все-таки она не станетъ вертѣться предъ этимъ нахаломъ.

Виконтъ Камиллъ понялъ и, чтобы выйти изъ нѣсколько непріятнаго положенія, началъ смѣяться.

— Вы, стало-быть, умѣете хорошо прыгать, Газель?

— Замѣчательно! воскликнула графиня.—Я сама была свидѣтельницей, какъ она перескочила черезъ ровъ въ концѣ нашего парка, чтобы достать мнѣ фіалку. А по деревьямъ лазаетъ, какъ бѣлка!

— Пари держу, Газель, что вы уже влюблены въ кого-нибудь? вымолвилъ Камиллъ.

— Quel idée! воскликнула графиня.

— Пари! Пари! отвѣчайте, Газель, любите кого-нибудь?

Эльза вспыхнула сильнѣе, подняла глаза на него и вымолвила слегка неровнымъ голосомъ изъ-за боязни за собственныя слова.

— Да, люблю, люблю многихъ молодыхъ людей, но болѣе всего..

И она запнулась...

— Кого?! воскликнулъ онъ, какъ бы торжествуя.

— Вѣжливыхъ...

Простое слово упало какъ бомба. Графиня вытаращила глаза. Молодой человѣкъ на секунду сталъ конфузливо серьезенъ такъ же, какъ еслибы получилъ почти пощечину, но вдругъ расхохотался, вскочилъ со своего мѣста, замахалъ руками, какъ еслибъ услыхалъ или увидалъ что-нибудь чрезвычайное.

— Charmante! Charmante! Charmante! завопилъ онъ нараспѣвъ.—Побѣгу къ Монклеру, скажу ему, что его модель появилась, но для Психеи не годится, а скорѣй что-нибудь другое. Quelle Psyché! Plutôt un Lutin. Charmante!

И онъ быстро исчезъ, почти выбѣжалъ изъ горницы. Эльза ясно почуяла, что въ голосѣ его и въ движеніяхъ была фальшь, игра... Стало-быть, ея слово попало въ цѣль.

— Однако, вы изъ обидчивыхъ, Газель! выговорила графиня.

Дѣвочка промолчала.

— Ну, вотъ что̀: прежде всего я займусь вашимъ туалетомъ.

Графиня позвонила и приказала появившейся Julie позвать какую-то Луизу, а въ ожиданіи пересѣла на другое мѣсто къ

столу, передъ зеркаломъ, тоже утопавшемъ въ кружевахъ на розовомъ чехлѣ. Женщина стала поправлять свою и безъ того безукоризненно причесанную голову.

— Да, еслибъ у меня были ваши волосы, выговорила она не оборачиваясь и глядя на себя въ зеркало.—Только ваши волосы! Pour le reste я не завидую.

Черезъ минуту полнаго молчанія въ комнатѣ снова появилась Julie, а за ней другая женщина, тоже показавшаяся дѣвочкѣ расфранченною.

— Снимите мѣрку и сшейте мнѣ скорѣй два платья! приказала графиня.—Julie вамъ дастъ двѣ матеріи. Изъ котонетъ вы сдѣлаете простой фасонъ, самый простой, а изъ фуляра сдѣлаете нѣчто въ родѣ того, что̀ я надѣвала зимой на bal costumé. Помните—пастушка...

— A la bergère? Помню, графиня.

— И прекрасно! Ну-съ, ступайте, дитя мое, Луиза сниметъ съ васъ мѣрку. А затѣмъ приходите въ столовую прямо, я васъ представлю г. Монклеру и графу.

— Merci, madame! вымолвила Эльза смущенная.

И когда дѣвочка двинулась за обѣими женщинами, графиня проводила ее глазами и выговорила:

— Посмотримъ... Можетъ-быть... такъ кажетъ. Но въ этомъ accoutrement, она ужасна... Elle est franchement laide.

И, подумавъ, она прибавила усмѣхаясь:

— А все-таки придется эту Газель сторожить отъ домашнихъ волковъ!

Портниха увела Эльзу къ себѣ и аккуратно сняла съ нея мѣрку. Въ то же время горничная принесла двѣ матеріи, чтобы тотчасъ же кроить платья. Эльза глазамъ не вѣрила, что изъ этихъ двухъ прелестныхъ кусковъ будетъ сдѣлано два платья, да еще вдобавокъ, по приказанію графини, какъ можно скорѣй. Портниха говорила о томъ, чтобъ Эльза пришла помѣрить одно изъ нихъ—розоватое въ тотъ же вечеръ, такъ какъ поутру оно будетъ готово.

Теперь только дѣвочкѣ пришло на умъ новое соображеніе. Въ ней возникла легкая борьба: По какому праву чужая женщина даритъ ей два платья? Если она вычтетъ ихъ изъ обѣщанныхъ ста франковъ, то Этьенъ ничего не получитъ. Если она не вычтетъ ихъ, а по всей вѣроятности это ей будетъ подарокъ, то можетъ ли она принять это? А если не принимать, то какъ

же отказаться? Ее только на смѣхъ поднимутъ! Это будетъ, по ихъ мнѣнію, не что̀ иное какъ des grimaces. А это-то именно Эльза̀ и ненавидѣла.

Покуда она раздумывала, субретка и фаворитка графини безъ умолку болтала съ портнихой. Эльза невольно прислушивалась и до нея долетѣло нѣсколько словъ, заставившихъ ее навострить уши.

Женщины разговаривали между собой о томъ, что несмотря на года Эльзы, за ней непремѣнно тотчасъ же начнутъ ухаживать три человѣка: старый графъ, виконтъ и артистъ, а пожалуй и monsieur d'Atalin.

Второе, что̀ удивило Эльзу, было нѣсколько разъ повторившееся слово: le russe. Эльза поняла, что въ за́мкѣ живетъ Русскій, уѣхавшій наканунѣ въ Парижъ и обѣщавшій вернуться черезъ сутки. Эльза, которая уже такъ давно интересовалась станціей la Russie и все собиралась съѣздить въ нее, не выдержала и спросила:

— У васъ въ за́мкѣ есть Русскій?

— Да! отозвалась Жюли. — Сегодня вечеромъ вы его увидите.

— Я очень рада буду! Я никогда ихъ не видѣла...

И, оживясь, дѣвочка прибавила:

— Скажите, какіе они?

— Кто?

— Да, вотъ Русскіе... Этотъ Русскій какой? Онъ такой же, какъ и мы Французы?

Обѣ женщины разсмѣялись. Портниха хотѣла что-то начать говорить, но Жюли подмигнула ей и, перебивая, объяснила Эльзѣ.

— Этотъ Русскій, какъ и всѣ они, добрый и смирный, но дразнить его не надо... Разсердится—укуситъ.

— А на видъ все-таки же такой же, какъ всѣ иностранцы, такой же человѣкъ?

— Да, пожалуй! улыбаясь отозвалась Жюли,—болѣе или менѣе человѣкъ. Да вотъ увидите!

XX.

Въ комнатѣ появился лакей и объяснилъ, что графиня зоветъ дѣвочку въ столовую. Эльза, смущаясь, двинулась за нимъ и вступила въ небольшую горницу, гдѣ за накрытымъ столомъ завтракала семья Отвилей.

Всѣ сидѣвшіе были уже знакомы ей. Помимо графа, котораго Эльза видѣла нѣсколько разъ и артиста, съ которымъ она видѣлась лишь одинъ разъ—ночью, за столомъ сидѣла еще незнакомая ей дама. Это была новая гувернантка двухъ маленькихъ мальчиковъ—миссъ Эдвинъ—Англичанка по происхожденію, но по внѣшности чистая Француженка, отлично говорившая по-французски и не имѣвшая никакихъ типическихъ чертъ дочери Альбіона.

Едва только Эльза вошла въ горницу, какъ г. Монклеръ обернулся къ ней и разинувъ ротъ глядѣлъ нѣсколько секундъ, не сморгнувъ, а затѣмъ выговорилъ серьезно — недовольнымъ голосомъ:

— Что̀ же это такое? Или я ошибся?

— Нисколько, повторяю вамъ! разсмѣялась графиня.

— Что̀ вы съ собой сдѣлали? выговорилъ Монклеръ, не слушая и обращаясь къ Эльзѣ.

Дѣвочка смутилась. Монклеръ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ Эльзѣ и протянулъ руку. Эльза сдѣлала тоже, но осталась съ рукой въ воздухѣ, такъ какъ артистъ положилъ свою руку ей на плечо, вовсе не предполагая здороваться. Эльза смутилась, почувствовавъ свой промахъ.

— Vous allez me defaire tout cela! выговорилъ Монклеръ строго и повертѣлъ пальцами надъ головой Эльзы. Ступайте, сдѣлайте это и приходите.

Эльза̀ не поняла, а только догадывалась и графиня, замѣтивъ это, вымолвила:

— Ступайте къ Жюли, снимите эту ленту, распустите волосы, какъ вы ихъ носите всегда и приходите сюда!

Эльза̀ снова вернулась къ Жюли въ горницу и думала:

„Какъ странно! Маленькій Этьенъ былъ того же мнѣнія, что не надо было прилизывать волосъ и дѣлать какой-то нелѣпый хвостъ на затылкѣ.“

Когда она снова вернулась въ столовую, случилось тоже. Монклеръ обернулся съ своего мѣста, всталъ и вымолвилъ:

— А! вотъ! Нѣтъ, я не ошибся! Diable! Вотъ глядите, прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—это подтверждаетъ то, что̀ я говорилъ вамъ вчера, какъ много значитъ для женщинъ прическа и какъ глупо дѣлаютъ наши дамы, что причесываются по модѣ, а не потому, какъ имъ приказываютъ ихъ лица. Вѣдь ее узнать нельзя!

Эльза, стоя шагахъ въ трехъ отъ графини и отъ стола, невольно обвела всѣхъ глазами. Начавъ съ двухъ мальчиковъ, которыхъ она знала давно, двухъ избалованныхъ, дерзкихъ, совершенно невѣжливыхъ мальчишекъ, глаза ея перешли на гувернантку съ красивымъ личикомъ, благодаря цвѣту лица, съ крошечнымъ вздернутымъ носикомъ и большими голубыми глазами, лукаво и насмѣшливо глядѣвшими на Эльзу. И въ этомъ взглядѣ была довольно большая доля презрительной насмѣшки.

Не выдержавъ этого взгляда, дѣвочка перевела глаза на молодаго виконта Камилла. Онъ глядѣлъ еще хуже. Его взглядъ напоминалъ взглядъ дерзкаго Филиппа. Она перевела глаза на графа и быстро снова перевела ихъ на Монклера, потому что лицо шестидесятилѣтняго графа въ одинъ моментъ стало ей противно. Графъ показался Эльзѣ какою-то отвратительною куклой. Въ немъ было что-то особенное, чего она сразу не могла понять.

Между тѣмъ графиня положила на поданную ей вторую тарелку кусокъ пирожнаго, нѣчто въ родѣ слоенаго пирога съ вареньемъ.

— Но вы, можетъ-быть, голодны? обратилась она къ Эльзѣ.

— Нѣтъ! отвѣтила Эльза, хотя, конечно, чувствовала себя проголодавшеюся.

Графиня тотчасъ же приказала человѣку подать блюдо, уже снятое со стола и положила на ту же тарелку котлету и нѣсколько картофелинъ. А затѣмъ она поднесла тарелку къ дѣвочкѣ.

— Я, право, не голодна! отозвалась Эльза.

— Vous mentez, mon enfant! вымолвила графиня, держа тарелку въ протянутой рукѣ предъ Эльзой.—Говорите, вѣдь вы лжете?

— Да! отозвалась Эльза рѣзко, какъ бы подъ вліяніемъ насилія.

Всѣ за столомъ слегка разсмѣялись, настолько былъ рѣзокъ переходъ и тонъ голоса дѣвочки.

— Ну, вотъ берите!

И видя, что Эльза не знаетъ, что̀ дѣлать съ тарелкой въ рукахъ, графиня прибавила:

— Садитесь вонъ тамъ!

Эльза слегка вспыхнула и отошла къ тому столу, гдѣ отставлялись уже поданныя блюда и, усѣвшись на стулъ, она сидѣла не глядя ни на кого. Ей показалось все происшедшее обиднымъ.

Къ нимъ въ домикъ изрѣдка заходилъ слѣпой нищій съ больными глазами, всегда грязный, даже съ какимъ-то непріятнымъ

запахомъ въ одеждѣ и они съ матерью всегда сажали его въ углу въ первой горницѣ, а въ хорошую погоду и на крыльцѣ и кормили его, кладя ему на одну тарелку, что̀ случится.

Теперь съ нею случилось совершенно то же. Дѣвочка понимала всю разницу положенія между ней и семействомъ Отвилей, но тѣмъ не менѣе ей было отъ этого не легче и ея положеніе все-таки казалось ей унизительнымъ. Вдобавокъ ей не дали прибора. Кусокъ сладкаго пирога можно было еще взять въ руки, но котлету надо было рѣзать. Двое озорныхъ мальчишекъ уже давно оглядывались на сидящую за ними Эльзу и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, перебивая общій разговоръ, замѣтилъ матери, что у Эльзы нѣтъ ни ножа, ни вилки.

Лакей тотчасъ же подалъ приборъ и проголодавшаяся дѣвочка съ наслажденіемъ начала есть, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый кусокъ какъ-то туго проходилъ чрезъ горло.

Часу не прошло, что она появилась въ горницѣ графини и выдержала сцену съ молодымъ виконтомъ, а затѣмъ взгляды всего семейства здѣсь въ столовой, а Эльза уже чувствовала себя утомленною, раздраженною и печальною. Очевидно, трудно будетъ здѣсь прожить цѣлую недѣлю.

Половина этихъ обитателей за́мка, очевидно, смотритъ на нее съ высоты своего величія, насмѣшливо и презрительно, въ томъ числѣ даже мальчуганы. Другая половина не непріязненно, но какъ-то оскорбительно.

Когда всѣ поднялись изъ-за стола, Монклеръ сдѣлалъ Эльзѣ рѣзкій жестъ и выговорилъ добродушно-грубымъ голосомъ:

— Ну, mon petit singe, какъ зоветъ васъ ваша мать, пожалуйте! Идите за мной.

Эльза, поднявшись и двинувшись за уходящимъ артистомъ, невольно обвела глазами всѣхъ присутствующихъ и увидѣла, что всѣ смотрятъ на нее и всѣ одинаково улыбаясь, очевидно забавляясь или ея смущеніемъ, или тѣмъ, что̀ ей предстоитъ. И сильно непріязненное чувство ко всѣмъ вдругъ забушевало въ груди ея.

„Дорого мнѣ обойдутся эти сто франковъ! подумала она, выходя и слѣдуя по корридорамъ и комнатамъ за быстро идущимъ Монклеромъ.—Но во всякомъ случаѣ, вы ошибаетесь! продолжала она мысленно.—Вы не подозрѣваете, какъ я на васъ смотрю!“

Однако, дѣвочка все-таки волновалась, не зная, что̀ сейчасъ

предстоитъ ей. Пройдя зáмокъ изъ конца въ конецъ, она вслѣдъ за артистомъ вошла въ небольшую очень свѣтлую горницу. Большія окна были на половину снизу завѣшены зелеными занавѣсками. Среди комнаты на двухъ подставкахъ, или широкихъ и низенькихъ тумбахъ было что-то укрытое намоченнымъ полотномъ. Кругомъ повсюду виднѣлись куклы: и бѣлыя, и коричневыя, и маленькія, и большія. Въ углу, тоже на большой тумбѣ, стояла, какъ живая, коричневая женщина, голая съ головы до пятъ.

Эльза, глянувъ, тотчасъ же отвела отъ нея глаза въ сторону. Еслибы не эта нагая женщина, то комната понравилась бы ей. Она одна придавала всей обстановкѣ что-то странное, непріятное, смущающее...

Въ настежь открытыя двери, выходившія на балконъ, Эльза увидѣла партеръ съ массой цвѣтовъ, которые она ужасно любила. За цвѣтникомъ разстилалась даль, прелестный ландшафтъ и на самомъ горизонтѣ, въ полумглѣ знойнаго дня, виднѣлись очертанія Теріэля, а нѣсколько лѣвѣе, на холмѣ нѣчто, отъ чего ёкнуло сердце дѣвочки. Этотъ холмикъ, будто блестѣвшій и дрожавшій на горизонтѣ,—было Теріэльское кладбище.

Замѣтя, какъ воодушевилось лицо дѣвочки, Монклеръ улыбнулся.

— Вамъ нравится видъ отсюда?

— Да.

— Выдьте на балконъ, посмотрите! Это лучшая комната въ зáмкѣ.

Эльза вышла на балконъ. Внизу, саженяхъ въ двухъ, были маленькія дорожки, клумбы и всякія затѣи, вензеля и всякаго рода рисунки изъ разноцвѣтныхъ камешковъ. И отъ массы цвѣтовъ сильный запахъ поднимался и врывался въ горницу. Простой, но живописный ландшафтъ развертывался во всѣ стороны.

Монклеръ тоже вышелъ и тоже озирался, но затѣмъ позвалъ дѣвочку въ горницу, затворилъ балконъ, совершенно задернулъ занавѣску и вымолвилъ:

— Ну, вотъ стулъ, садитесь!

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снялъ съ подставки мокрое полотно и отбросилъ его въ сторону. Подъ нимъ оказалась коричневая масса.

— Ну-съ, первый сеансъ будетъ не интересенъ, выговорилъ Монклеръ.

Взявъ въ руки ножикъ и лопаточку, артистъ далъ нѣсколько

ударовъ въ массу и быстро началъ работать. Черезъ нѣсколько мгновеній Эльза увидѣла, что изъ массы, изображавшей простую горку, появилось подобіе человѣка съ головой и плечами, и съ туловищемъ до таліи.

Монклеръ продолжалъ быстро орудовать надъ массой, едва слышно мурлыкалъ какую-то пѣсенку безъ словъ и дѣвочка понемногу забыла, гдѣ находится и задумалась все о томъ же: о своемъ появленіи въ зáмокъ, объ отношеніяхъ къ ней всѣхъ обитателей и о томъ, какъ трудно будетъ ей прожить тутъ цѣлую недѣлю безотлучно.

Когда она пришла въ себя, то изумилась... Предъ ней на подставкѣ была уже готовая фигура: голова съ кучей вьющихся волосъ, глаза, носъ, ротъ, уши. Эльза поглядѣла на плечи, затѣмъ ниже и смутилась очертаніемъ бюста.

„Это же не съ меня... Это онъ самъ... подумалось ей. Да и лицо не мое“...

Но затѣмъ она догадалась, что кукла еще далеко не готова, не даромъ же ей придется еще недѣлю сидѣть предъ артистомъ.

Наконецъ Монклеръ вздохнулъ, закурилъ сигаретку и оглядывая зоркимъ глазомъ и дѣвочку, и то, что̀ слѣпилъ, вымолвилъ:

— Началомъ я доволенъ. Нутка, сядьте ко мнѣ профилемъ. Хорошо! повернитe ко мнѣ голову... Смотрите на меня... Наклоните немножко голову! Нѣтъ, не такъ!.. на лѣвое плечо... Нѣтъ, не такъ! Погодите...

Монклеръ подошелъ къ ней, взялъ ее руками за голову, точь-въ-точь такъ, какъ часто бралъ ее отецъ, чтобы поцѣловать. Кромѣ отца никто никогда этого не дѣлалъ и Эльза смутилась. Монклеръ замѣтилъ что-то въ ея живомъ, легко измѣняющемся лицѣ и выговорилъ угрюмо:

— Voyons! Voyons! Надо привыкать! Что̀ вы все конфузитесь! Если теперь такъ, что̀ же будетъ потомъ? Поймите, дитя мое, вы для меня ни дѣвочка, ни женщина, ни человѣкъ! Вы просто предметъ, который мнѣ нравится такъ же, какъ вамъ понравился видъ съ балкона. Вы, какъ я вижу, болѣе развиты умственно, нежели физически и я не вѣрю, чтобы вамъ было шестнадцать лѣтъ, какъ говоритъ графиня.

— Мнѣ и шестнадцати нѣтъ!

— Ну, такъ это можетъ-быть потому, что вы—не Француженка.

— Я—Француженка... такая же, какъ и вы.

— Да, но не совсѣмъ... вѣдь вы креолка?

— Ну, такъ что-жь изъ этого? вспыхнувъ, раздражительно выговорила Эльза.—Чѣмъ же я виновата?

Монклеръ вытаращилъ глаза, ничего не понимая, но и любуясь страстнымъ отъ гнѣва лицомъ.

— Не виноватъ же мой отецъ, что онъ...

Эльза не договорила и отвернулась отъ взгляда художника.

— Да никто вамъ ничего такого не говоритъ. Ничѣмъ вы не виноваты. Масса женщинъ пожелали бы быть виноваты этакъ же. Я ничего не понимаю. Чему вы обижаетесь. Объяснитесь!

Но Эльза молчала, насупившись, и Монклеръ пробурчалъ себѣ подъ носъ:

— Drôle de pistolet!

Затѣмъ, намочивъ и выжавъ холстъ, онъ началъ завертывать свою работу.

— Ну-съ, вы свободны. Предъ обѣдомъ я врядъ васъ позову опять. Начало всякой работы меня болѣе утомляетъ. Итакъ, до свиданія, до завтра, ma psyché!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Саліасъ.

ВЪ ТУРКМЕНІИ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.)

I.

На Каспіи.

Мы должны были отплыть въ Узунъ-Ада на почтовомъ пароходѣ общества Кавказъ и Меркурій *Князь Барятинскій*. Пароходъ отходилъ въ 7 часовъ вечера, и мы, съ помощью носильщиковъ Персовъ и извощиковъ Татаръ, перекочевали на пароходъ еще совсѣмъ засвѣтло.

Пристань общества Кавказъ и Меркурій—самая обширная изо всѣхъ пристаней Баку: пароходы подходятъ къ ней вплотную, такъ что избѣгается всегда непріятный переѣздъ по морю на яликахъ. Вообще это общество стоитъ безспорно въ главѣ Каспійскаго и Волжскаго пароходства по числу и удобству своихъ пароходовъ, по точности своихъ рейсовъ. Правительство заключило контрактъ съ этимъ обществомъ на содержаніе почтоваго сообщенія по всѣмъ линіямъ Каспійскаго моря и Волги, такъ что общество это является своего рода привилегированнымъ и, такъ-сказать, полуоффиціальнымъ.

Мы съ женой стояли на палубѣ и любовались незамѣтно отодвигавшимся отъ насъ городомъ. Южная ночь падала непривычно быстро для сѣвернаго глаза, и весь берегъ начиналъ мигать, будто роями свѣтящихся мошекъ, безчисленными огоньками. Особенно густо переливали эти огни въ поясѣ заводовъ, тѣсною толпой охватившихъ берегъ справа, и цѣликомъ отражавшихся

вмѣстѣ со всѣми этими миріадами трепещущихъ огоньковъ въ темныхъ омутахъ моря. „Черный Городокъ“ превратился въ настоящій огненный городъ. Съ пристани Нобелевскаго завода долго вливалась въ насъ, будто глазъ циклопа, преслѣдующій бѣглецовъ, яркая звѣзда электрическаго фонаря, то нервно вспыхивавшая лихорадочнымъ синевато бѣлымъ свѣтомъ, то вдругъ хмурившаяся чуть не до слѣпоты...

Красноватый огонь маяка, зажженный высоко на Дѣвичьей Башнѣ, казался, сравнительно съ этимъ безплотнымъ свѣтомъ, какимъ-то тусклымъ маслянымъ ночникомъ. Все короче собираются въ кучу огни берега, все виднѣе и шире выступаютъ темныя очертанія Апшеронскаго полуострова на сѣверѣ и гористые мысы на югѣ отъ исчезающаго города.

Мы покидаемъ этотъ глубоко азіятскій берегъ Кавказа, издревле залитый волной Персидскаго населенія и магометанской цивилизаціи, такъ рѣзко непохожій своими безжизненными желтыми холмами на цвѣтущіе природные сады Сухумскаго и Батумскаго побережья Кавказа, всегда широко открытаго народамъ Европы, стариннаго обиталища Эллина, Римлянина, Итальянца...

Мы покидаемъ Баку, этотъ недавно еще пустынный городишко на пустынныхъ берегахъ пустыннаго моря, одиноко хранившій въ себѣ съ сѣдой древности мрачный культъ подземнаго огня...

Еще въ молодости моей Баку только и знали по его оригинальному храму огнепоклонниковъ...

Теперь этотъ храмъ покинутъ, и жрецы его разсѣялись по лицу земному. Теперь онъ не нуженъ больше и больше не интересенъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ значилъ бы этотъ жалкій крошечный храмикъ съ его пятью, шестью дырочками земными теперь, когда весь городъ Баку, вся его многоверстная окрестность, и даже тѣ города, которые имѣютъ дѣло съ нимъ, и Батумъ, и Астрахань, и Царицынъ,—все обратилось въ одинъ громадный храмъ подземнаго огня, а тысячи жителей ихъ въ страстныхъ огнепоклонниковъ, фанатическихъ жрецовъ огненнаго культа, живущихъ этимъ даровымъ священнымъ пламенемъ, черпающихъ въ этихъ безчисленныхъ отверстіяхъ земныхъ свое счастіе и

силу... Это уже не тѣ наивные и не практическіе жрецы, что двигались здѣсь когда-то, полуголые, изсохшіе, какъ скелеты, безплодно оберегая безплодныя сокровища Плутона, а ловкіе житейскіе мудрецы, сумѣвшіе разрѣшить нѣкогда неразрѣшимую задачу алхимиковъ и превратившіе огонь въ золото...

Такимъ смѣлымъ наслѣдникамъ поневолѣ уступили свое мѣсто скромные ветхозавѣтные жрецы огня...

Вотъ мы прошли островъ Наргинъ съ вращающимися огнями маяка, прошли еще нѣсколько острововъ и очутились уже совсѣмъ въ открытомъ морѣ. Берега Кавказа только чуятся въ туманахъ ночи, среди которыхъ не перестаетъ глядѣть на насъ далекій глазъ Апшеронскаго маяка.

Публика не уходитъ съ палубы. Ночь тихая и ясная, море хотя и несется на встрѣчу суровою неохватною рябью, но не тряхнетъ, не качнетъ парохода. Мѣсяцъ красиво серебритъ всю эту широко движущуюся, искряющуся тьмой и свѣтомъ, черносинюю чешую чудовища-моря.

Насъ всѣхъ развлекаютъ теперь встрѣчи пароходовъ и кораблей. Вотъ впереди, какъ разъ у носа, сверкнулъ вдали огонекъ: звонки, вахта бросается къ своимъ мѣстамъ, раздается команда капитана держать румбъ направо, налѣво, и не успѣешь оглянуться, какъ черный колоссъ, скрипя мачтами, пыхтя черными трубами, обвѣшанный красными и бѣлыми фонарями, проносится мимо, рѣзко вырисовываясь силуэтами своихъ снастей на освѣщенномъ небѣ.

А то вдругъ затемнѣетъ вдали, среди пустыни водъ, громоздкій, какъ башня, весь до макушки унизанный парусами, идущій по вѣтру корабль... И всѣ ждутъ его, всѣ провожаютъ его глазами, пока онъ не затушуется тѣнями ночи, и стараются угадать, откуда онъ, и чей, и зачѣмъ идетъ.

И всѣхъ изумляетъ эта непостижимая точность, съ которою моряки направляютъ свои суда среди безбрежнаго движущагося моря по одной и той же линіи, словно по большой дорогѣ, окопанной рвами и обсаженной деревьями.

А луна между тѣмъ поднимается все выше и разгорается все ярче. Мы теперь прямо бѣжимъ на нее. Туманы моря и туманы неба слились впереди, подъ самою грудью парохода, въ одну

серебристую бездну, пропитанную лучами мѣсяца,—и на этомъ фантастическомъ фонѣ вырѣзаются черные силуэты трубъ парохода и обвѣшанныхъ реями мачтъ...

Чудится, будто могучій пароходъ неудержимо стремится въ какую-то сотканную изъ свѣта сказочную пустоту...

Утро такое же чудное, какъ и ночь. Съ высоты своей рубки я оглядываю публику 3-го класса, уютно размѣстившуюся на палубѣ. Тутъ „такая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!“ Интереснѣе всѣхъ для меня Персы. Вонъ одинъ какого-то темножелтаго, какъ имбирь, цвѣта, съ бородкой тщательно раскрашенною, тщательно подрѣзанною кругло, какъ тарелка, полулежитъ на многомъ множествѣ опрятныхъ подушекъ, тюфячковъ, одѣялъ и ковриковъ, какъ всегда любятъ покояться Персы и Турки даже во время своихъ переѣздовъ. Предъ нимъ сидятъ кружкомъ 5 или 6 его женъ съ лицами, затянутыми наглухо бѣлымъ полотномъ, и среди нихъ хорошенькій глазатый юноша лѣтъ 14—15. Старый Персъ недовольно хмурится на мои пристально устремленные взоры и поминутно ревниво оглядывается на свой походный сераль.

Но и у насъ въ каютъ-кампаніи не безъ оригинальныхъ спутниковъ. Мы знакомимся за утреннимъ кофе съ очень скромнымъ и любезнымъ Американцемъ изъ Чикаго—мистеромъ Крэномъ, членомъ Русскаго Географическаго Общества, уже совершившимъ три путешествія по Россіи и имѣющимъ рекомендательное письмо въ Асхабадъ къ генералу Куропаткину отъ нашего извѣстнаго географа П. П. Семенова, вице-президента Географическаго Общества. Это нашъ будущій спутникъ, потому что ему нужно проѣхать почти во всѣ мѣста, куда собираемся мы. Американца сопровождаетъ толмачъ довольно необычнаго типа: Грузинъ въ черкескѣ съ патронами, въ кинжалахъ и насѣчкахъ. Онъ говоритъ по-татарски, по-грузински, по-французски, по-русски и, кажется, еще по-армянски. Рядомъ съ Американцемъ сидитъ за нашимъ столомъ самый доморощенный рассейскій субъектъ, составляющій презабавную художественную противоположность сосредоточенному Янки. Это старичокъ чиновникъ, весь уже сморщенный въ фигу, страдающій въ Узунъ-Ада въ роли какого-то начальства, и по свойству нашего брата

Русскаго изливающій всѣ свои мнимыя и истинныя скорби всѣмъ, кому это интересно и не интересно слушать. Въ то время, какъ юный потомокъ Вашингтона кажется преисполненнымъ безмолвно-непоколебимой вѣры въ себя и не смущается ничѣмъ ему предстоящимъ въ невѣдомыхъ странахъ, этотъ нервный сынъ Руси все время причитываетъ, какъ ворчливая старуха, и на все кругомъ въ настоящемъ и будущемъ смотритъ съ абсолютною безнадежностью. Нигдѣ тутъ нельзя жить, ничего тутъ не можетъ выйти ни изъ чего, все дѣлается не такъ, всѣ ни къ чему негодны. И во всемъ, конечно, виновата казна. Казна не отпускаетъ того, не устраиваетъ этого. Казна-нянька, безъ которой шага не можетъ сдѣлать этотъ бородатый, сѣдой ребенокъ, которая за него живетъ и думаетъ, и на которую онъ, понятно, долженъ постоянно ворчать и сердиться...

Съ людьми видишься слишкомъ часто, чаще, чѣмъ хочешь, а съ моремъ слишкомъ рѣдко. Поэтому я все больше уходилъ отъ людей къ морю и забравшись куда-нибудь повыше, старался подольше оставаться наединѣ съ нимъ... Море—это что-то такое огромное, живое, сильное, что отъ него не оторвешься, съ нимъ не наскучитъ цѣлыми часами. А Каспійское море мнѣ хотѣлось видѣть особенно давно. Въ немъ есть оригинальность, дѣлающая его исключеніемъ изъ всѣхъ морей. Во всякомъ случаѣ, это море вовсе не шуточное, вовсе не озеро. На немъ точно также ѣдете цѣлыми днями, не видя береговъ, на немъ такія же бури, поглощающія корабли, на немъ вся красота и весь ужасъ неохватной водной бездны. Но Каспійское море мнѣ было дорого еще, какъ Русскому, какъ любителю поэтической русской старины. Я не сомнѣваюсь, что эта громадная чаша водъ еще въ доисторическія времена служила русскому человѣку школой его мореплаванія, его торговли, его набѣговъ. Родившаяся на односторонней почвѣ Византійскихъ хроникъ и воспитанная односторонне-тенденціозными взглядами нѣмецкой исторической науки, русская исторія только въ послѣднее время начинаетъ, и то еще крайне несмѣло, оглядываться безпристрастно на саму себя и черпать все болѣе и болѣе свѣдѣній о древнихъ эпохахъ русской народной жизни въ богатомъ запасѣ сочиненій арабскихъ и другихъ восточныхъ писателей, народы которыхъ имѣли

съ древними Руссами гораздо болѣе тѣснаго общенія, чѣмъ горделивые западные сосѣди наши.

Изъ ихъ единодушныхъ свидѣтельствъ мы давно убѣдились, что Руссы были Руссами за многіе вѣка до того, когда, по нѣмецкой выдумкѣ, ихъ окрестили этимъ именемъ шведскіе Нѣмцы, что русская смѣлая торговля, русская беззавѣтная храбрость наполняли собою далекіе уголки Азіи, задолго до подвиговъ навязанныхъ намъ Нѣмцами Норманнъ, служа дѣятельными посредниками между Европой и богатствами Востока.

На древнемъ Балтійскомъ поморьѣ, гдѣ когда-то блистали своею торговлей славянскіе города Волинъ, Щетинъ, Староградъ, Любекъ, онѣмеченные потомъ германскимъ насиліемъ, недаромъ находятъ до сихъ поръ множество арабскихъ диргемъ VIII и VII вѣковъ, притекавшихъ туда именно путемъ Каспійской торговли черезъ Волгу съ ея волоками.

„Что касается до *русскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ Славянамъ*“, пишетъ, напримѣръ, Ибнъ Хордадбехъ въ половинѣ девятаго столѣтія, „то они изъ *отдаленнѣйшихъ странъ славянскихъ* привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго (то-есть Чернаго) моря, гдѣ они даютъ $^1/_{10}$ Византійскому императору. Иногда они на коробляхъ *ходятъ по рѣкѣ Славянъ* (то-есть Волгѣ) и проѣзжаютъ по заливу Хозарской столицы (Итиля), гдѣ они платятъ $^1/_{10}$ царю страны. *Оттуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада.*“

Другой арабскій писатель Ибнъ Даста въ началѣ X вѣка пишетъ:

„*Всѣ изъ Руссовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Волги*, везутъ къ Болгарамъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и др.“

Въ VIII столѣтіи не только Багдадъ, но и вся Средняя Азія ведетъ съ Волгой торговлю на звонкую монету мѣхами, и особенно черною лисицей, считавшеюся въ Азіи царскимъ мѣхомъ,— и поставщиками этихъ мѣховъ являются Руссы.

„*Руссы и еще другіе Славяне*“, пишетъ въ томъ же X вѣкѣ Массуди, „*имѣли въ Итилѣ* (близъ устья Волги) *постоянныя жилища* въ одной части города, гдѣ жили купцы, и имѣли особаго судью изъ своей среды.“

„*Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода*“,

объясняетъ онъ далѣе. „Самое многочисленное племя ихъ *Эль-Лудз'іна* (Лютичи, Лужичане), торгуютъ съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ и Хозаріей.“

Арабскій географъ того же вѣка *Эль-Балхи* дополняетъ о Руси слѣдующія свѣдѣнія:

„Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно ближайшее къ Болгару, и царь ихъ живетъ въ столицѣ по имени *Куяба* (Кіевъ); городъ больше Болгаръ. Второе, отдаленное отъ нихъ племя, называется *Селавія* (то-есть Славіи, Словене, какъ назывались Новгородцы). Третье племя называлось *Барманія* (вѣроятно, Біармія, Пермь).“

Всѣ эти отрывочныя сказанія Арабовъ убѣждаютъ насъ въ одномъ, что Русское славянство было извѣстно Азіятскому Востоку гораздо ранѣе, чѣмъ начинается, такъ-сказать, оффиціальная исторія Русскаго народа, и притомъ извѣстно лицомъ къ лицу, какъ близкіе сосѣди, постоянно торговавшіе и воевавшіе съ нимъ, что славянство это къ началу русской исторіи уже крѣпко утвердилось по берегамъ великой Славянской рѣки и пользовалось Каспійскимъ моремъ, какъ обычнымъ путемъ для сношеній съ разными странами Азіи. Самое имя Волга, которое многіе стараются произвести отъ разныхъ чуждыхъ намъ корней, блистательно доказываетъ, что эта рѣка была издревле главною торговою артеріей Русскаго славянства, главною „водой“ его. Волга, я убѣжденъ, есть простое и всѣмъ понятное русское слово. Это „влага“ въ полнозвучной формѣ своей „волога“, какъ „злато“, „градъ“, „млеко“ имѣютъ полнозвучныя формы „золото“, „городъ“, „молоко“. Въ имени города Вологды полнозвучіе это сохранилось. Въ простомъ народѣ сохранилось до сихъ поръ и всякое другое употребленіе полнозвучной формы „вологи“. Такъ, напримѣръ, въ Курской и во многихъ другихъ губерніяхъ народъ постоянно примѣняетъ глаголъ „волгнуть“, „отволгнуть“ въ смыслѣ напитаться влагой, отсырѣть, такъ же какъ прилагательныя и нарѣчія, производныя отъ этихъ глаголовъ: волжаный, то-есть сырой, влажный, волжано, волжанѣе: есть даже растеніе *волжанчикъ*, растущее по болотамъ и отличающееся гибкостью, вслѣдствіе обилія влаги внутри его.

Интересенъ разсказъ арабскихъ писателей о старинныхъ походахъ Руссовъ въ Каспійское море. Имамъ Абдуль-Хасанъ-Али, извѣстный подъ болѣе короткимъ именемъ Ибнъ-Масуди, въ

своихъ „Золотыхъ Лучахъ“ такъ передаетъ случившееся въ его время (около 912 г.) событіе это:

„Приплывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія и рѣкой Волгой спуститься въ море Хозарское, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ, обитающихъ у сего моря.“

Въѣхавъ изъ Дона въ Волгу, они проѣхали ею до Итиля.

„Отъ него по теченію этой рѣки достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ (то-есть Гилянѣ), Дейлемѣ, Табаристанѣ, Абисскунѣ и *Нефтяной Землѣ*, до самой области Адербайджанской.

„Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатство, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

„Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи, ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

„Доходили до Нефтянаго берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстной подъ именемъ Баку. Удаляясь объ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли.“

Такимъ образомъ, въ Баку мы, Русскіе, старые гости и даже старые господа. На тѣхъ самыхъ островахъ Наргинъ, Дуванкой и Буле, мимо которыхъ я только что проплылъ, была обычная военная стоянка нашихъ храбрецовъ-предковъ, хозяйничавшихъ по Каспійскому побережью. Очевидно, что и нефть была давно уже не новостью для смѣлыхъ посѣтителей Нефтянаго берега. Не этими ли посѣщеніями древнихъ Руссовъ слѣдуетъ себѣ объяснить странное извѣстіе Адама Бременскаго, подавшее поводъ къ столькимъ нелѣпымъ толкованіямъ о томъ, что въ славянскомъ Волинѣ при устьѣ Одера есть какой-то греческій огонь: „ibi est olla vulcani, quod incolae graecum vocant ignem“. Простой привозъ Русскими въ Балтику Бакинской нефти разрѣ-

шилъ бы вполнѣ удовлетворительно всѣ ученыя гипотезы объ этомъ „Вулкановомъ горшкѣ“.

Хозары коварно истребили обремененныхъ добычей русскихъ смѣльчаковъ, возвращавшихся съ Каспія въ Волгу, и трудно сомнѣваться, что послѣдовавшій скоро вслѣдъ затѣмъ разгромъ, который Святославъ нанесъ Хозарскому царству, былъ именно торжественнымъ актомъ кровавой мести за погибшихъ отцовъ и братьевъ.

Очень можетъ быть, что и второй походъ Руссовъ въ Каспій, о которомъ память сохранилась въ сочиненіяхъ арабскихъ писателей X вѣка, былъ продолженіемъ того же Святославова похода.

Абульфеда въ своихъ „мусульманскихъ лѣтописяхъ“ говоритъ о немъ кратко:

„Въ такомъ-то году Геджры (по нашему 943) одно изъ поколѣній Руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу и, наконецъ, прежнимъ путемъ возвратились во-свояси.“

Но другой арабскій писатель того времени Ибнъ-эль-Эсиръ, уважаемый на Востокѣ наравнѣ съ Масуди, сохранилъ подробное описаніе этого пребыванія древнихъ Руссовъ въ теперешнемъ Закавказьи.

„Въ 943 году“, говоритъ онъ, „*снова* увидѣли Руссовъ въ Хозарскомъ морѣ. Они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно появились предъ Бердаою, столицей Аррана, отстоящею около трехъ фарсанговъ къ югу отъ сей рѣки.“ Сокрушивъ все, Русскіе долго оставались въ забранномъ городѣ, знаменитомъ тогда богатствомъ и торговлей (теперь маленькая деревня Берде) и всѣ усилія выбить ихъ оттуда были напрасны. Страхъ туземцевъ предъ Руссами былъ такъ великъ, что войска отказывались сражаться противъ нихъ. Когда, наконецъ, среди Руссовъ развилась зараза, можетъ-быть, отъ излишняго употребленія южныхъ плодовъ, и они добровольно покинули городъ, унося лучшую добычу, то опять-таки никто не осмѣливался преслѣдовать ихъ, и они спокойно сѣли на свои суда.

Этотъ походъ произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе на воображеніе жителей Каспія, что впослѣдствіи однимъ изъ уроженцевъ Ганжи (Елизаветполя), извѣстнымъ персидскимъ поэтомъ Низами, былъ написанъ цѣлый фантастическій романъ на тему взятія Бердаи, которую защищалъ противъ ужасныхъ Руссовъ

никто иной, конечно, какъ самъ Александръ Великій, любимый герой Востока. Поэма такъ и называется Искандеръ-Камэ. Тамъ, между прочимъ, говорится: *„браннолюбивые* Руссы, явясь изъ земель Грековъ и Аланъ, напали на насъ ночью, *какъ градъ“*, *„возобновивъ въ странѣ нашей древнюю вражду свою“*. Изъ этого видно, что походъ Руссовъ на Бердаю въ X вѣкѣ считался туземцами только повтореніемъ частыхъ прежнихъ набѣговъ.

Однако нѣмецкіе историки, и въ виду такихъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ восточныхъ современниковъ, не соглашаются признать за древними Руссами самостоятельной славы смѣлыхъ воиновъ и предпріимчивыхъ торговцевъ. Никакихъ подвиговъ они не могли, разумѣется, совершать безъ руководства Нѣмца, а о присутствіи Нѣмца на Каспіи въ IX и X вѣкахъ арабскіе писатели, къ сожалѣнію, не говорятъ ничего.

Ergo, все это вымыселъ восточной фантазіи, перепутавшей, навѣрное, баснословные разсказы о Бердаѣ и Хозарахъ съ походомъ Игоря на Константинополь! Вы думаете, что я шучу, читатель, а Нѣмецъ Эрдманъ пресерьезно учитъ насъ этому и не приказываетъ вѣрить никакимъ Массуди и Абульфедамъ, хотя бы они и были чуть не очевидцами событій.

Но, къ счастью, Русскій народъ сохранялъ въ своей живой памяти свои вѣками налаженные торговые и военные пути и настойчиво продолжалъ стремиться къ нимъ, пока необоримая сила не задвинула ему путей въ эту самую Азію. Вмѣсто потрясеннаго Святославомъ Хозарскаго и Болгарскаго царства залегла по великой славянской рѣкѣ, по древнему Хвалынскому морю, побѣдоносная татарская орда, полонившая чуть не цѣлую Азію, чуть не половину Европы. Только справившись съ нею въ смертельной двухвѣковой борьбѣ, Россія могла вновь подумать о старыхъ путяхъ по Волгѣ и Каспію, и Стенька Разинъ явился однимъ изъ первыхъ продолжателей древней русской удали на волнахъ Каспія. Со своими ничтожными разбойничьими силами онъ долго царилъ на южномъ побережьи Хвалынскаго моря, сносился съ шахомъ персидскимъ, какъ равный съ равнымъ, воевалъ съ нимъ и мирился, громилъ его крѣпости, отнималъ у него цѣлыя области и увозилъ на родимую Волгу награбленныя персидскія сокровища.

Орлиный глазъ Петра, величайшаго хозяина Россіи, и самаго русскаго изъ русскихъ людей, несмотря на его голландскія и шведскія подражанія, не могъ, конечно, упустить изъ вида Каспія,

этихъ естественныхъ воротъ къ богатствамъ Востока. Прорубя на Балтикѣ окно въ Европу, укрѣпляясь желѣзомъ и кровью при устьѣ Невы, Петръ уже рылъ канавы для соединенія Балтики съ Каспіемъ, и понималъ лучше, чѣмъ мы теперь это понимаемъ, что бѣдный народъ Русскій можетъ стать богатымъ, только сдѣлавшись постояннымъ посредникомъ между торговлей Европы и богатствомъ Азіи. Еще во время безконечной Сѣверной войны, надрывавшей силы Россіи, онъ уже задался рѣшительною задачей овладѣть всѣми берегами Каспія, и ждалъ только развязки со Шведами, чтобы заняться Персіей. Онъ приказывалъ своему талантливому сотруднику Артемію Волынскому, тогдашнему послу въ Персіи:

„Ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія, и положенія мѣстъ, и какія, гдѣ въ Каспійское море рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море... присматривать прилежно.“ „Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ мѣстахъ *купечество россійскихъ подданныхъ размножить* и нельзя бы *черезъ Персію учинить купечество въ Индію?* Склонять шаха, чтобы *повелѣно было Армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ* (то-есть транзитомъ) въ Россійское государство, *предъявляя удобство водянаго пути до самаго Петербурга* вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары *въ турецкія области на верблюдахъ.*“

Въ Астрахани потихоньку изготовлялись, по повелѣнію царя и по совѣту дальновиднаго Волынскаго, морскія суда, орудія, съѣстные припасы, и, наконецъ, въ 1722 году, сейчасъ послѣ Ништадтскаго мира, Петръ поплылъ по Волгѣ въ Астрахань и, ставъ во главѣ войска, лично повелъ его на берега Кавказа. Тарки, древній Семендеръ, нѣкогда столица Хозарскаго царства, и Дербентъ, „ворота свѣта“,—открыли ему свои ворота. Шиповъ на корабляхъ занялъ Рящъ, Матюшкинъ Баку, а по договору 12 сентября 1723 года все почти побережье Каспія, кромѣ Шемахи, въ томъ числѣ теперешнія Персидскія области Гилянъ, Мазандаранъ, Астрабадъ, вмѣстѣ съ Дербентомъ и Баку, были формально уступлены Россіи.

Петръ придавалъ огромное значеніе этому пріобрѣтенію, и посолъ его Неплюевъ прямо объявилъ Портѣ Оттоманской, него-

довавшей на дѣйствія Россіи: „Императоръ мой *не допуститъ къ Каспійскому морю никакой другой державы, особенно Турціи.*“

Англія, всегда ревниво слѣдившая за развитіемъ русскаго могущества, уже тогда поняла великое значеніе Каспія для экономической будущности Русскаго государства, и дѣлала все возможное, чтобы побудить Турцію объявить за это войну Россіи.

„Русскій государь хочетъ *овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлей*“, внушалъ Портѣ тогдашній англійскій посланникъ, „вслѣдствіе чего товары, *шедшіе прежде въ Европу черезъ турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію*, и тогда *Англичане и другіе Европейцы выѣдутъ изъ Турціи*, къ великому ущербу казны султановой. Поэтому Порта должна *оружіемъ остановить успѣхъ Русскихъ на Востокѣ*, и если Порта объявитъ Россіи войну, то *получитъ денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго.*“

Политика Англіи относительно Россіи 170 лѣтъ тому назадъ, какъ видно, была та же, что̀ и теперь, и ее во всякомъ случаѣ нельзя назвать близорукою.

А взгляды Петра были еще шире, еще дальше. Онъ уже задумывалъ присоединеніе къ Россіи христіанскихъ земель Арменіи и Грузіи, которыхъ представители давно умоляли его о защитѣ противъ мусульманъ, онъ уже бросалъ свои смѣлые взоры къ Аму-Дарьѣ и Индіи.

Румянцеву, посланному имъ черезъ Кавказъ въ Стамбулъ, онъ поручалъ: „смотрѣть накрѣпко мѣстоположенія, а именно отъ Баки до Грузіи, какая дорога, сколь долго можно съ войскомъ идти, и можно ль фуражъ имѣть, и насколько лошадей, и путь каковъ для войска. Курой рѣкой возможно ль до Грузіи идти судами хотя малыми. Состояніе и силу Грузинцевъ и Армянъ“.

Петръ слышалъ о томъ, что рѣка Аму-Дарья впадала когда-то устьемъ въ Каспійское море, и его могучая воля не останавливалась даже предъ колоссальною задачей—повернуть опять въ Каспій русло великой рѣки, чтобы создать такимъ образомъ прямой путь къ предѣламъ Индіи.

Въ собственноручной инструкціи его Бековичу-Черкасскому, посланному къ хану Хивинскому, Петръ ставитъ между прочимъ слѣдующіе пункты, поражающіе своею глубокою дальновидностью и геніальною смѣлостью:

„1. Надлежитъ надъ Гаваномъ, гдѣ *было* устье Аму-Дарьи рѣки,

построить крѣпость человѣкъ на 1.000, о чемъ просилъ и посолъ Хивинскій.

„2. Ѣхать къ хану Хивинскому посломъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, такожъ и плотины, *ежели возможно оную воду паки обратить въ старый насъ;* къ тому жъ прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море, *и сколько къ той работѣ потребно людей.*

„7. Также просить у хана Хивинскаго судовъ, и на нихъ *отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію*, наказавъ, чтобъ *изъѣхалъ ее, пока суда могутъ итти*, и оттоль ѣхалъ бы въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, *а особливо водяной къ Индіи* тѣми или другими рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или ежели услышитъ въ Индіи еще лучшій путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать."

Сыръ-Дарья тоже останавливаетъ на себѣ его всеобъемлющее вниманіе. Сибирскій губернаторъ Гагаринъ донесъ ему, что въ Малой Бухаріи находятъ золото въ калмыцкихъ владѣніяхъ въ рѣкѣ Дарьѣ (Сыръ-Дарьѣ). Петръ пишетъ ему своеручно:

„Построить городъ у Ямышева озера, а буде можно, и выше, а построя крѣпость, *искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ*, пока *лодки пройти могутъ*, и отъ того итти далѣе до города Иркети и онымъ искать овладѣти."

Первое русское укрѣпленіе было тогда же построено на берегу Каспійскаго моря, у Красноводскаго залива, куда впадаетъ старое русло Аму-Дарьи. Но послѣ убійства въ Хивѣ Бековича-Черкасскаго маленькій гарнизонъ Красноводска покинулъ въ 1717 году крѣпостцу и возвратился на судахъ въ Россію.

Новый Красноводскъ уже возникъ на нашей памяти чрезъ полтора столѣтія послѣ Петра. Въ 1859 году экспедиція наша, обозрѣвавшая берега Туркменіи, едва разыскала на красноводской косѣ слѣды бывшихъ окоповъ Бековича-Черкасскаго.

Преемники Петра уже не смотрѣли на Каспій съ геніальною проницательностью Петра и выпустили изъ своихъ рукъ захваченную дорогую добычу. Берега Хвалынскаго моря опять стали для насъ чужими и враждебными; киргизскіе и туркменскіе пираты стали безпрепятственно хозяйничать на водахъ Каспія и дѣлали невозможными торговыя сношенія съ берегами его.

Хотя къ 1732 году обѣ ближнія къ намъ киргизскія орды, малая и средняя, добровольно приняли подданство Россіи, но это

не мѣшало прикаспійскимъ кочевникамъ безнаказанно разбойничать на Каспіи, укрываясь, въ случаяхъ опасности, въ Хивинскіе предѣлы, подъ защиту Хивинскаго хана.

Только въ царствованіе Николая I Россія обратила серьезное вниманіе на Каспійское море и на наши отношенія къ мусульманскимъ ханствамъ Центральной Азіи.

Для обузданія морскихъ разбойниковъ былъ основанъ въ 1833 году Александровскій фортъ въ заливѣ Каспійскаго моря Мертвый Култукъ, перенесенный потомъ въ 1855 году на гораздо болѣе удобный мысъ полуострова Мангышлака, далеко выдающагося въ море и составляющій теперь попутный портъ для обновленія всякаго рода запасовъ на пути судовъ изъ Астрахани въ Красноводскъ, Узунъ-Ада и далѣе въ Персію.

Для прекращенія же постыднаго невольничьяго торга, ради котораго береговые Туркмены свободно охотились по персидскимъ берегамъ и полонили тысячами ихъ жителей, Русское правительство построило на островкѣ у входа въ Астрабадскую бухту фортъ Ашуръ-Ада, который своими сторожевыми судами скоро водворилъ безопасность на водахъ Каспія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ Персію всякаго повода держать свои военные корабли на Каспійскомъ морѣ, которое Россія рѣшилась признавать исключительно своимъ внутреннимъ моремъ.

А вмѣстѣ съ этимъ умиротвореніемъ Каспія началось роковымъ образомъ и безостановочное движеніе Русскихъ внутрь Туркестана, вверхъ по рѣкѣ Сыру и потомъ къ Аму-Дарьѣ, началась эпоха русскихъ завоеваній въ Центральной Азіи, остановившаяся пока на Мервѣ, Серахсѣ и Пенджде, и уже перевалившее на Памиръ,—эту „крышу свѣта“ и предполагаемую родину Арійскаго племени...

— Скажите, пожалуста, что̀ интреснаго можно посмотрѣть въ Узунъ-Ада? обратился я за обѣдомъ съ вопросомъ къ ворчливому обитателю этого новорожденнаго Каспійскаго порта.

— Вы называете его Узунъ-Ада? насмѣшливо переспросилъ онъ меня.

— А какъ же нужно называть его?

— Я зову его Узунъ-Адъ, это имя гораздо подходящее! желчно объявилъ старикъ.—А въ аду что̀ же можно смотрѣть? Пекло одно!.. Пекла и у насъ сколько хотите... пятьдесятъ, шестьде-

сятъ градусовъ, а если мало, и больше... Песку тоже сколько душѣ угодно... Но ужъ кромѣ этого—ровно ничего!..

— Развели-жъ, я думаю, садики какіе-нибудь, бульвары, скромно замѣтилъ я.

Обитатель Узунъ-Ада сардонически захохоталъ.

— Слышите, Антонъ Станиславовичъ, сады, бульвары? Каково! обратился онъ, не отвѣчая мнѣ, къ своему сосѣду и, очевидно, земляку...—Какъ же-съ, какъ же-съ, Брынскій лѣсъ цѣлый... Понимаете ли, милостивый государь, розги одной нѣтъ во всемъ городѣ, ребенка высѣчь нечѣмъ... Или вы думаете, мы его напрасно Узунъ-Адомъ зовемъ...

— Рѣка же есть? не унимался я.

— Рѣка!.. слышите, Антонъ Станиславовичъ,—рѣ-ка-а! захохоталъ еще раздражительнѣе мой собесѣдникъ.—Когда-бъ то рѣка, а то ни одного колодца, государь мой,—воду за 136 верстъ со станціи возятъ. Вы можете себѣ представить, какая это бываетъ вода при 55 градусахъ жара? Да въ Узунъ-Аду иначе и быть не должно... На то онъ и адъ кромѣшный...

— И развлеченій никакихъ, ни клуба, ничего?..

— Какъ же, какъ же, развлеченія на каждомъ шагу. То пароходъ придетъ, то пароходъ уйдетъ, а тамъ желѣзная дорога уйдетъ и придетъ... Чего жъ еще?.. Правда, у насъ во всемъ городѣ ни у кого ни одной лошади, ни одной коровы, ни одной овцы... Пескомъ вѣдь не накормишь... Ну да это вздоръ!..

— Общество ваше небось немногочисленное?

— Знаете ли, правду вамъ сказать, мы всѣ другъ съ другомъ какъ раки перешептались!.. Рожу пріятеля увидишь, такъ не знаешь, куда бѣжать. . Помилуйте, поневолѣ глазъ намозолишь, изо дня въ день все на однихъ и тѣхъ же глядя... Правда вѣдь Антонъ Станиславовичъ?

Антонъ Станиславовичъ, человѣкъ громаднаго роста и тучный, повидимому, занимался въ адѣ кромѣшномъ какими-нибудь не безвыгодными подрядами и потому отвѣтилъ черезчуръ первому пріятелю только снисходительною улыбкой, молча продолжая уписывать ростбифъ съ горчицей.

— Кто у насъ тамъ? Вотъ я, офицеръ жандармскій, воинскій начальникъ, да агентовъ человѣкъ пять... больше и нѣтъ никого, перечислялъ желчный старикъ.

— Я слышалъ, дорогу скоро переведутъ отсюда въ Красноводскъ, тамъ, можетъ-быть, получше будетъ? спросилъ я.

— Какъ же, держите карманъ! Такъ сейчасъ и переведутъ. Въ четвергъ послѣ дождика развѣ. Вѣдь эта шуточка, батюшка мой, не больше, не меньше какъ въ три съ половиной милліончика казнѣ влетитъ!.. не то во всѣ пять!.. Да и линія на сорокъ восемь верстъ длиннѣе будетъ, тоже прибыли мало... Отправитель не поблагодаритъ...

— Стало-быть, вы противъ перевода въ Красноводскъ?..

— Конечно, противъ. Ужь тутъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, что Узунъ-адъ, ну и не ждешь ничего... привыкъ все-таки, стерпѣлся... А тамъ вѣдь тоже не пряники будутъ!.. Тоже песокъ да море, море да песокъ!..

Въ эту минуту капитанъ прислалъ мнѣ сказать, что виденъ берегъ, что мы входимъ въ заливъ.

Мы поднялись съ женой на рубку полюбоваться берегами Туркменіи.

День былъ ясный и розовыя гряды голыхъ Красноводскихъ горъ весело сіяли на чистой синевѣ неба слѣва отъ насъ. Подъ этимъ неохватнымъ голубымъ сводомъ, низкая, красновато-желтая полоса Туркменскаго берега отрѣзала впереди, вездѣ, куда глазъ хваталъ, гладкую, голубую скатерть стихшаго моря. Красновато-желтые острова пирамидами, горбами, холмами, плоскими отмелями, то круглые, какъ блюда, то узкіе и длинные, какъ языки, цѣлымъ перепутаннымъ архипелагомъ обсыпали берегъ, оставляя между собою безчисленные канальчики, проливы, бухты, озерки... Мы въѣзжали въ какой-то лабиринтъ песчаныхъ шхеръ, въ которомъ могъ распознаться только опытный лоцманъ. Признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, что берегъ Каспія предстанетъ мнѣ въ такомъ оригинальномъ видѣ, напоминающемъ какую-нибудь Финляндію или Норвегію, хотя и съ пескомъ вмѣсто скалъ. Я зналъ только о существованіи единственнаго сосѣда Узунъ-Ада — довольно большаго острова Челекеня, который теперь остался вправѣ отъ насъ и на которомъ производится добыча нефти Нобелевскаго товарищества. Влѣво отъ насъ поворачиваетъ Красноводскій заливъ, оканчивающійся въ своей глубинѣ узкою и длинною Балаханскою бухтой, далеко врѣзающеюся въ туркменскій материкъ. Эта бухта, по всей вѣроятности, и была въ древности устьемъ Аму-Дарьи, старое русло которой подходитъ прямо къ ней.

Но мы держимъ курсъ правѣе, къ Узунъ-Ада. Узунъ-Ада тоже одинъ изъ безчисленныхъ песчаныхъ островов, окаймляющихъ

берега Туркменіи. На персидскомъ, или какъ здѣсь выражаются, фарсійскомъ языкѣ, слово это означаетъ „длинный островъ“.

Рядъ красныхъ желѣзныхъ столбовъ указываетъ намъ вмѣсто бакеновъ нашъ извилистый фарватеръ, капризно вьющійся между песчаныхъ мелей. Ледъ каждый годъ срѣзаетъ всякаго рода другіе значки, такъ что пришлось склепывать по три рельса въ одинъ столбъ и забивать въ песчаное дно. У конца красноводской косы вырѣзается пловучая башня красноводскаго маяка. Тамъ живетъ вѣчно окруженный волнами моря начальникъ маяка съ помощникомъ и командой. Это поскучнѣе и неоднообразнѣе всякаго Узунъ-Ада!

Направо мы все ближе врѣзаемся въ оригинальный архипелагъ. Вотъ подошли мы къ полуострову Дарджа. Все это одни и тѣ же до отчаянія голые, желтые, песчаные курганы, съ разбѣгающимися изъ-подъ нихъ низкими длинными косами... Только на немногихъ островахъ, гдѣ песчаные барханы нагромождены цѣлыми горами и успѣли достаточно оплотнѣть снаружи, встрѣчаются тощія, темныя поросли саксаула, набившагося въ пазухи, ползущаго по скатамъ...

Какою чудною лазурью ни переливаетъ предъ нами море, какъ ни ясна безпорочная синева весенняго неба, но и въ этой свѣтлой картинѣ уныніемъ и смертью несетъ отъ песчаныхъ могилъ, необитаемыхъ ни людьми, ни звѣрями, что облегли на многія версты пустынный берегъ Каспія.

Песчаные бугры быстро растутъ и впереди, и кругомъ насъ. Мы въ безысходномъ царствѣ песковъ, одолѣвающихъ все больше и больше голубое море. Это роковой рубежъ, гдѣ великая азіятская пустыня, стихія смерти, схватывается въ отчаянной борьбѣ грудь съ грудью съ водой, съ источникомъ жизни...

Всѣ эти неудержимо заносимыя пескомъ ежедневно мелѣющія прибрежныя воды, всѣ эти выростающіе въ теченіе вѣковъ на зыбкой груди моря безчисленные песчаные холмы, перешейки, косы, весь этотъ лабиринтъ песчаныхъ островковъ, отодвигающій все дальше и дальше отъ берега морскую глубь,—все это плоды побѣды смерти надъ жизнью, пустыни надъ моремъ. Море уходитъ все дальше, пустыня надвигается все ближе. Сегодняшній свободный проливъ завтра дѣлается отовсюду замкнутымъ

озеромъ. сегодняшнее озеро завтра заростаетъ материкомъ. Безостановочно, съ каждымъ движеніемъ вѣтра, напираютъ пески съ широкаго лона Азіятской пустыни и строятъ, строятъ среди воды безъ счету и мѣры свои плотины, валы, брустверы, подымаютъ свои пирамиды и башни... И какая сила сможетъ остановить ихъ?..

II.

Оазисъ Ахалъ-теке.

Жалкая кучка домиковъ, называющая себя мѣстечкомъ Узунъ-Ада, совсѣмъ погребена среди надвинувшихся на нее песчаныхъ горъ... Тутъ ужь ни травинки нигдѣ, ни деревца, даже всевыносливаго саксаула слѣда не видно. Одинъ свѣжій, яркожелтый песокъ, только-что взбуравленный вѣтромъ, еще весь въ чуть застывшей зыби. Ступишь въ него, по колѣна уйдешь. Это единственныя окрестности городка на многія версты кругомъ. Безотрадная Сахара охватываетъ со всѣхъ сторонъ этотъ неудачно рожденный новый портъ.

Нѣсколько пароходиковъ и парусныхъ судовъ грузятся около пристани прессованнымъ хлопкомъ. Это, кажется, единственный тутъ товаръ. По берегу разставлены цѣлыми стѣнами его бѣлыя кубическія кипы, стянутыя двумя полосками желѣза. Всѣ дворы, склады, огорожи Узунъ-Ада полны тѣхъ же бѣлыхъ кубиковъ. Сейчасъ чувствуешь, что стоишь предъ воротами хлопковой страны.

Вотъ и нашъ пароходъ присталъ вплотную къ деревянной пристани, и небольшая кучка черномазаго восточнаго люда, достаточно оборваннаго и пыльнаго, жадно обступаетъ выходящихъ на берегъ, высматривая хищническими глазами, не будетъ ли какой поживы.

Какъ-то жутко покидать цивилизованную уютность парохода, его зеркальныя столовыя и бархатные диваны,—чтобъ отдаться этимъ зловѣщимъ пескамъ и этой грязной, и тоже зловѣщей, толпѣ. Ни извощиковъ, ни лакеевъ изъ гостинницъ, ни носильщиковъ съ ярлыками—никого. Оборвыши атлетическаго вида въ грязныхъ тряпкахъ, съ черными разбойничьими буркалами, съ рожами коричневыми отъ загара и покрытыми какимъ-то маслянистымъ потомъ, вырываютъ у васъ чуть не насильно ваши вещи

и мчатъ ихъ куда-то, скрываясь въ тѣснящейся толпѣ такихъ же лупоглазыхъ разбойничьихъ мордъ. Все это Персы, Татары, Армяне самаго скверпаго разбора. Есть и Русскіе, тоже изъ рядовъ „золотой роты". Сюда забирается и здѣсь соглашается жить только отчаянный народъ

Мѣстечко маленькое, а до станціи желѣзной дороги добираться приходится довольно далеко и все по пескамъ, по невыносимому жару. Нѣсколько агентскихъ конторъ, транспортныхъ, коммиссіонерскихъ, пароходныхъ, нѣсколько складовъ,—вотъ и весь городишко. Домишки крошечные, жалкіе, лавчонки и того хуже. Улица больше состоитъ изъ заборовъ, охватывающихъ обширные пустыри, среди которыхъ наваленъ хлопокъ.

До грусти тяжелое, душу придавливающее впечатлѣніе производитъ эта высадка изъ древняго моря Гирканскаго во вновь завоеванныя Закаспійскія владѣнія Россіи.

Дѣйствительно согласишься съ желчнымъ старичкомъ,—его подневольнымъ обитателемъ,—что это Узунъ-адъ!

Станцію желѣзной дороги совѣстно назвать вокзаломъ. Это точно станція, въ родѣ почтовыхъ станцій нашихъ проселочныхъ дорогъ, маленькая и тѣсная. Вокругъ видны неудавшіяся попытки развести что-то въ родѣ садика. Потрачено много усилій и денегъ, привозилась издалека черная земля, поливалась водой, тоже привозимою издалека, — и все опять засыпалось неукротимыми песками, все выжигалось неумолимымъ солнцемъ Азіятской пустыни. А вмѣстѣ съ тѣмъ удивительнымъ образомъ на этихъ пескахъ страшная сырость. Копнешь на полтора аршина въ глубь и наталкиваешься на воду; только вода эта—морская. Всѣ эти песчанные острова и мысы выросли на поверхности моря, которое они только затянули.

Мы съ женой невольно вспомнили другой далекій уголокъ такой же знойной песчаной пустыни, посѣщенной нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Измаилія на Африканскомъ берегу Суэцкаго канала находилась совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Узунъ-Ада – ни кустика, ни травки, все выгорѣло и засыпалось. И однако энергія Фердинанда Лессепса добилась того, что теперь его Измаилія, любимое мѣсто его пребыванія во время работъ канала, – превратилась въ цвѣтущую корзину садовъ. Конечно, для этого потребовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ проведеніе изъ водъ Нила канала сладкихъ водъ, сопутствующаго почти на всемъ протяженіи морскому каналу Суэца. Можетъ-

быть, и для Узунъ-Ада сдѣлали бы что-нибудь въ этомъ смыслѣ, еслибы не постоянно висящій надъ нимъ въ видѣ Дамоклова меча и до сихъ поръ еще окончательно не разрѣшенный вопросъ о перенесеніи порта въ Красноводскъ, къ которому могутъ подходить и глубоко сидящія суда. Теперь же сколько-нибудь большія суда, нагруженныя товаромъ, должны останавливаться за нѣсколько верстъ отъ Узунъ-Ада, предъ входомъ въ шхеры, и перегружаться въ открытомъ морѣ, иногда въ непогоду, въ небольшія береговыя суда, что̀, конечно, вызываетъ потерю времени и серьезные расходы, а часто и несчастія съ грузомъ. Трудно сомнѣваться, чтобы вопросъ о переводѣ порта въ Красноводскъ долго оставался неразрѣшеннымъ. Это особенно необходимо въ цѣляхъ военныхъ, такъ какъ Красноводскъ продолжаетъ служить складочнымъ военнымъ пунктомъ. Нужно думать, что геніальный глазъ Петра I, намѣтившаго въ Красноводскѣ первую русскую стоянку для завоеванія Закаспійскихъ областей, и здѣсь такъ же мало ошибся, какъ мало ошибался онъ во всѣхъ своихъ планахъ. Если для скорѣйшаго начатія желѣзнодорожнаго движенія въ свое время было чрезвычайно важно сократить рельсовую линію и воспользоваться первымъ возможнымъ мѣстомъ берега, какъ починнымъ пунктомъ, то въ настоящее время, когда желѣзная дорога уже стала окупать сама себя, кажется, ничто не должно останавливать перенесенія этого пункта въ мѣсто наиболѣе безопасное и наиболѣе удобное для войны и торговли хотя бы цѣной нѣкотораго удлинненія линіи.

Поѣздъ потянулся черною колѣнчатою стоножкой по узкой дамбѣ, соединяющей островъ Узунъ-Ада съ берегомъ и другими попутными островками. Дамба поднята, чтобы вода морскихъ прибоевъ не перебивала пути. Тутъ человѣку приходится бороться въ одно и то же время съ волнами моря и съ песками земли, съ палящимъ зноемъ лѣта и съ сибирскою стужей зимъ.

Первая станція, по истинѣ, наводитъ ужасъ, но хороши и остальныя! Сплошные песчанные кучугуры, иные величиной съ добрую гору, провожаютъ васъ справа и слѣва, и стелятся вдаль. Заливы и проливы моря, густосиніе среди ярко освѣщенныхъ песковъ, то и дѣло подходятъ справа, а за ними опять надалеко лабиринтъ песчанныхъ холмовъ, голыхъ, сыпучихъ, безъ куста, безъ травки. Ясно, что это взбудораженное вѣтрами старое дно доисторическаго моря, когда-то схлынувшаго отсюда черезъ низины Кумы и Маныча въ Азовское и Черное. Недаромъ древніе

еще при Страбонѣ думали, что Гирканское, то-есть Каспійское, море было соединено съ Меотійскимъ болотомъ, то-есть Азовскимъ моремъ. Пожалуй, оно и изъ болота обратилось въ море съ помощью тѣхъ самыхъ водъ Каспія, которыя нѣкогда покрывали эти береговые пески. Теперь старое морское дно засыпаетъ своими двигающимися песчаными холмами волны живаго моря и съ каждымъ днемъ расширяетъ на его счетъ свои владѣнія.

Прибрежные острова Каспія тѣ же песчаные кучугуры, что покрываютъ его берега, только не успѣвшіе еще слиться, какъ они, въ одинъ безотрадный и безжизненный материкъ.

Отчаяніе возьметъ смотрѣть на него, даже проносясь на крыльяхъ пара, а не только жить среди него. Это настоящія картины Дантова ада.

Съ щемящимъ сердцемъ гляжу я на безпомощно заброшенныя въ этихъ титаническихъ песчаныхъ могилахъ одинокія караулки, мимо которыхъ быстро проноситъ насъ желѣзнодорожный поѣздъ. Это такъ-называемый „околотокъ". Сторожъ и человѣкъ пять рабочихъ прячутся въ маленькой казармѣ безъ двора и кустика, безустанно отбиваясь отъ вездѣ царящаго тутъ, все побѣждающаго песка, упрямо защищая отъ него своими крохотными силишками на протяженіи нѣсколькихъ верстъ узенькій желѣзный слѣдъ, по которому пробѣгаетъ эту дряхлую пустыню волшебный огненный конь Европейской цивилизаціи. Ни колодца, ни деревца у этой казармы, никакихъ сосѣдей на многіе десятки верстъ, кромѣ звѣрей пустыни. И воду, и пищу имъ развозятъ поѣзда: остановитъ какое-нибудь неожиданное несчастіе прибытіе поѣзда, и живи безъ глотка воды, безъ куска хлѣба, пока тебя выручатъ.

Пески и Туркмены кругомъ въ безконечной пустынѣ, но Туркмены пока боятся, не трогаютъ, - конечно, до перваго случая. За то ужь и пріѣздъ на станцію—тутъ цѣлое радостное событіе. Послѣ долгаго нѣмаго ужаса сплошныхъ песковъ, крошечный станціонный поселочекъ кажется переполненнымъ шумною жизнью, движеніемъ, яркими красками. Съ сердца спадаетъ придавившая его свинцовая доска, и такъ искренно доволенъ, что видишь себя опять среди людей, среди родной русской силы. Пестрые столбы обычной казенной окраски, напоминающіе шлагбаумы и версты какой-нибудь Калужской или Рязанской большой дороги, знакомый казенный фасонъ станцій, знакомый казенный видъ солдатиковъ, все одинъ и тотъ же отъ Архангельска до Мерва

и Кокана,—все это удивительно бодрящимъ образомъ дѣйствуетъ на душу. Значитъ, точно рассейская сторонушка, и солдатики, и начальство,—все какъ быть должно. И хотя у каждой станціи всегда толпится нѣсколько босоногихъ Туркменъ въ лохматыхъ шапкахъ и бумажныхъ халатахъ, сверкая на мало знакомую публику своими смѣлыми огненными глазами,—однако ужь вы чувствуете себя совсѣмъ дома и ни малѣйшимъ образомъ не стѣсняетесь этихъ мирно глазѣющихъ кочевниковъ. Тутъ все сплошь — военная сила. Кондукторы—военные, контролеры—военные, начальники станцій—военные, сторожа—военные. Только одна желѣзная воинская дисциплина и можетъ держать въ порядкѣ эту затерянную въ пустынѣ и дикарями окруженную дорогу.

Со второй станціи, а особенно съ третьей пески уже перестаютъ громоздиться холмами, а стелятся гладкою равниной; тутъ уже не сыпучій голый песокъ, а песокъ съ глиной, покрытый рѣдкимъ верблюдятникомъ и кое-какою грубою травой; желѣзная дорога все ближе жмется къ югу, къ горамъ, все дальше сторонится отъ великой песчанной пустыни, разстилающейся влѣво отъ нея. Однако и среди этой пустыни съ третьей станціи начинаетъ вставать въ туманахъ дали одинокимъ продолговатымъ островомъ обрывистая, какъ столъ, гора Большаго Балкана.

Утесистыя предгорія, рѣзко вычерченныя своими каменными ребрами, нѣсколько заслоняли его на первомъ планѣ, будучи все-таки не въ силахъ скрыть отъ взора всю громаду его. Эти горы были бы, можетъ-быть, совсѣмъ незамѣтны гдѣ-нибудь на Кавказѣ, но тутъ, среди безбрежной глади степей, онѣ высятся очень эффектно и играютъ важную роль.

Балканы покрыты густыми лѣсами, обильны горными источниками, камышами и пастбищами. На лѣто туда гонятъ свои стада и укрываютъ свои кибитки всѣ сосѣдніе кочевники. Инженеры наши давно уже озабочены, какъ бы провести съ Балкана воду на станцію Бала-Ишемъ. Съ нами въ вагонѣ ѣхала дочь одного изъ мѣстныхъ инженеровъ, дѣвушка, повидимому, практичная и любознательная, хорошо освоившаяся съ мѣстностью. Она разсказывала намъ, что на Балканѣ еще очень много хищныхъ звѣрей, дѣлающихъ не совсѣмъ безопасными изысканія нашихъ техниковъ.

— Гіены тамъ кишатъ, а барсы и тигры заходятъ вчастую, говорила она.—Вотъ я только-что купила у знакомаго Туркмена двѣ шкуры, одну тигровую и одну барсовую, а молодую гіену мнѣ живую подарили.

— А сюда въ степи заходятъ они? спросилъ я.

— Сюда очень рѣдко; но на нашихъ станціяхъ другой бичъ: скорпіоны и фаланги, разсказывала намъ барышня.—Ни одна мѣстность Закаспійскаго края не страдаетъ отъ нихъ такъ, какъ наша. Они просто отравляютъ намъ жизнь: лѣтомъ вы можете наткнуться на нихъ рѣшительно вездѣ и никакія мѣры предосторожности не помогаютъ.

— Что-жь и умираютъ отъ нихъ? спросили мы.

— Ну это больше розсказни, врядъ ли отъ нихъ умереть можно; только боль сильная и опухоль. Мы ими же самими и лѣчимся отъ этой боли. Настаиваемъ фалангъ на спирту или маслѣ и мажемъ опухоль.

— Жара, небось, здѣсь невыносимая лѣтомъ?

— Да, градусовъ пятьдесятъ постоянно; а главное, дождей почти вовсе не бываетъ, даже и зимой, морозы сильные, а снѣга вовсе нѣтъ. Вотъ въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, Самаркандъ былъ засыпанъ снѣгомъ, а у насъ все было голо. Никакой нѣтъ возможности заниматься чѣмъ-нибудь днемъ. Оттого послѣ обѣда у насъ даже и по службѣ не полагается никакихъ занятій; только въ восемь часовъ и начинаемъ опять шевелиться. Ужь мы чего-чего не придумываемъ, чтобы спасаться отъ жары. Вѣдь вотъ и въ вагонѣ нашемъ, въ купе контролера, ванна нарочно устроена. Такъ мы иногда по цѣлымъ часамъ просиживаемъ въ ней, когда жара одолѣетъ.

— А вода жь откуда? полюбопытствовалъ я.

— Воды здѣсь нигдѣ нѣтъ, вода вся привозится по желѣзной дорогѣ особыми водяными поѣздами, баки такіе большіе подѣланы: въ нихъ и развозятъ. Оттого-то нѣтъ никакой возможности развести у насъ хотя маленькій садикъ или цвѣтничекъ...

Отъ Бала-Ишемъ отдѣляется небольшая узкоколейная вѣточка желѣзной дороги къ Нефтяной горѣ. Возятъ по ней не паромъ, а лошадьми. Прежде тамъ разрабатывали и нефть и сѣру, но теперь бросили, потому что нашли мало выгоднымъ. Впрочемъ, около Нефтяной горы добывается еще отличная каменная соль, которая употребляется здѣсь вездѣ, и дѣлается такъ-называемая кира, нѣчто въ родѣ дешеваго асфальта, который тутъ употреб-

лаютъ на всѣхъ станціяхъ вмѣсто мостовыхъ и половъ и заливаютъ имъ плоскія крыши. На разработку минеральныхъ богатствъ Нефтяной горы было уложено не мало денегъ при проведеніи желѣзной дороги, и очень жалко, что полезное дѣло не могло быть доведено до выгоднаго конца, не знаю уже, по недостатку ли у насъ средствъ или предпріимчивости.

Мы долго проболтали съ разговорчивою сосѣдкой и не замѣтили, какъ надвинулась ночь.

Торжественное сіяніе полной луны одѣло суровую пустыню какою-то меланхолическою красотой. Высота свода небеснаго и его глубокая синяя тьма—смотрѣли настоящимъ югомъ. Югомъ дышалъ и теплый вѣтеръ, пробѣгавшій по простору степей и чуть колыхавшій цѣлые лѣса почернѣвшихъ отъ ночи бурьяновъ. Среди этой лохматой, темной поросли сверкали ослѣпительнымъ блескомъ, будто озера, полныя воды, разсѣянные по пустынѣ многочисленные солончаки, покрытые своимъ бѣлымъ налетомъ...

Я проснулся только предъ станціей Бами, проспавъ Кизиль-Арватъ. Балканы уже давно изчезли, и слѣва тянулась ровная, какъ ладонь, голая степь. За то справа провожаетъ насъ сплошная цѣпь невысокихъ каменистыхъ горъ. Тутъ уже гораздо люднѣе и разнообразнѣе, какъ и подобаетъ предгоріямъ. Опустѣвшіе глиняные аулы виднѣются въ сторонѣ, у подножія горъ, по сосѣдству съ горными ручьями.

Текинцы пока еще въ зимнихъ кочевкахъ своихъ, среди песковъ, гдѣ зимой имъ привольнѣе, потому что снѣга на равнинѣ мало, и скотъ безъ труда добываетъ себѣ подножный кормъ; а кочевникъ во всемъ зависитъ отъ своего скота и слѣдуетъ не своимъ собственнымъ удобствамъ, а потребностямъ верблюда и барана. Лѣтомъ, въ жары, онъ поднимается, напротивъ того, на горы, гдѣ къ тому времени растаютъ послѣдніе снѣга, отростутъ обильныя пастбища, и лѣса, покрывшись листьями, дадутъ скоту пріютъ отъ полуденнаго зноя.

Аулы Текинцевъ очень характерны и похожи другъ на друга, какъ овцы ихъ стадъ. Изъ глины слѣпленные слѣпые кубики, съ одною, двумя щелями вмѣсто оконъ, обнесенные такою же глиняною стѣнкой, и около непремѣнно укрѣпленіе, своего рода осадный дворъ на случай опасности. Конечно, это опасности уже

минувшія, въ дни постоянныхъ междоусобныхъ распрей и постоянныхъ набѣговъ на Персію. Теперь эти ихнія грозныя „кала“ служатъ только развѣ загонами для стадъ, да мѣстами аульныхъ сборищъ и игръ.

„Кала“ Туркменъ хотя тоже глиняныя, какъ и все въ этомъ глиняномъ царствѣ, но довольно внушительныя.

У станціи Бами, напримѣръ, цѣлая формальная крѣпость съ довольно высокими стѣнами, зубцами, башнями, угловыми и воротными, и узкими бойницами въ стѣнахъ. При такихъ отчаянныхъ защитникахъ и такихъ мѣткихъ стрѣлкахъ, каковы Текинцы, крѣпости эти были далеко не шуткой. Кругомъ калы разбросаны обыкновенныя, въ видѣ фортовъ, отдѣльныя небольшія укрѣпленія и башни, вѣроятно, принадлежавшія каждому семейству. И такъ какъ, помимо прочаго, вся мѣстность текинскаго жилья изрѣзана цѣлою сѣтью глубокихъ, неправильно вьющихся арыковъ, а арыки очень часто обведены стѣнками, да и каждое жилище, окруженное глиняною оградой, больше похоже на блокгаузъ чѣмъ на жилой домъ, то брать приступомъ текинскіе аулы, какъ это испытали наши молодецкія войска, было очень нелегко.

Характерною особенностью текинскаго аула и его калы обыкновенно служитъ большой насыпной курганъ съ плоскимъ верхомъ, который иногда помѣщается внутри калы, а иногда прямо на степи около аула. Это своего рода цитадель, въ которой собирались защитники аула для рѣшительнаго боя. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ, кромѣ того, значеніе форума своего рода при рѣшеніи важныхъ общественныхъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ такіе плосковерхіе холмы почти рѣшительно во всѣхъ поселкахъ и во всѣхъ укрѣпленіяхъ Текинцевъ. На другихъ, круглыхъ холмахъ, очевидно, служащихъ кладбищами аулу, и также всегда сопутствующихъ ему, виднѣются нерѣдко мусульманскія часовенки арабскаго типа, съ глиняными купольчиками и чернымъ отверстіемъ двери, куда родственники покойника, настолько же мусульмане, насколько язычники, входятъ для принесенія жертвъ по своему древнему обычаю.

Часовенки эти, по здѣшнему „мазара“, очень живописно глядятъ въ тѣни зеленѣющихъ горъ, среди однообразнаго пейзажа равнины.

Тутъ уже появляются и всадники вдали и стада черныхъ овецъ съ пастухами-кочевниками. Глубоко истресканныя глинистыя поля хотя покрыты еще полынью и верблюдятникомъ, но уже вмѣстѣ

съ тѣмъ весело пестрѣютъ красными цвѣточками мелкаго дикаго мака и лиловыми колокольчиками, а мѣстами носятъ явные слѣды орошенія и пахоты. Уже является возможность, вслѣдствіе близости горъ, провести сюда родниковую воду, такъ что у вокзала Бами прохладою дышетъ на насъ густая зелень довольно большаго садика, полнаго тополей и бѣлыхъ акацій, среди которыхъ звенитъ высоко бьющая вверхъ радостная струя фонтана.

Вмѣсто дровъ опрятно сложены около станціи кубики саксаула, который достигаетъ до трехъ вершковъ толщины, чрезвычайно сухъ и деревянистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невообразимо корявъ и рогатъ.

Текинцевъ на станціи попадается все больше. Джигиты у русскихъ начальниковъ тутъ все Текинцы, и ужь они разодѣты на заглядѣнье! Во всей своей восточной боевой красѣ.

На горахъ еще бѣлѣетъ мѣстами снѣжокъ; это гряды Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага, отдѣляющія отъ степи долину Атрека и его многочисленныхъ притоковъ. Развалины крѣпостей, аулы, стада виднѣются все чаще, по мѣрѣ приближенія нашего къ Асхабаду, этому центру Ахалъ-Текинскаго оазиса, который мы теперь перерѣзаемъ.

На станціи Арчманъ тоже заводится садикъ и фонтанъ, тоже проведены канавки къ каждому дереву. Безъ орошенія тутъ все—смерть; гдѣ орошеніе—вездѣ жизнь и обиліе. Нужно благоговѣть предъ могучею растительною силой какого-нибудь саксаула или верблюдятника, одолѣвающихъ безъ помощи воды пятидесятиградусный зной, добывающихъ свои питательные соки изъ камня, солонца и песка.

Въ первый разъ тутъ увидѣли мы туркменскія кибитки, разбитыя вдали какъ будто на берегу прохладнаго озера. Но озеро это было сверкающій на солнцѣ солонецъ, поросшій по окраинѣ камышомъ, словно и подлинное озеро. Солонцы эти идутъ иногда чуть не сплошь. А направо, подъ горами, стада верблюдовъ, и сторожащіе ихъ кругомъ текинскіе всадники.

У станціи Бахарденъ опять кала какъ у Бами и у Арчмана, опять многолюдный аулъ подъ горами.

Странно, что Текинцы ни одного изъ своихъ укрѣпленій не построили на крутыхъ холмахъ и склонахъ горъ, лежащихъ въ такой близи отъ нихъ, а почему-то постоянно строятъ ихъ на равнинѣ, гладкой какъ ладонь. Очень можетъ-быть, что въ этомъ сказалась привычка кочевника къ открытой степи и его

недовѣріе ко всему, что не его пустыня; а можетъ-быть также это вызвано удобствомъ глиняной кладки, которая была бы гораздо затруднительнѣе на каменистыхъ горахъ. Аулы и калы направо, у горъ, а кибитки все чаще и чаще слѣва, въ безконечной глади солончаковыхъ степей. Поля дѣлаются значительно обработаннѣе. Арыки, то-есть поливныя канавы, своими валами, рвами и низенькими стѣнками изрѣзываютъ равнину; посѣвы пшеницы, проса, люцерны—попадаются уже нерѣдко. Хлопокъ тоже разводится здѣсь успѣшно вездѣ, гдѣ есть орошеніе. По всѣмъ полямъ разбросаны многочисленныя узенькія круглыя башенки, слѣпленныя изъ глины. Это тоже одна изъ необходимыхъ мѣръ предосторожности былаго безпокойнаго времени. Туркменъ, неожиданно застигнутый врагомъ на полевой работѣ, могъ укрываться за эти башни-столбы, какъ за стволы лѣса, и отстрѣливаться, пока поспѣетъ помощь изъ аула.

Мы уже не разъ видѣли на поляхъ работающихъ Туркменъ съ мотыками въ рукахъ.

Около Бахардена попадаются уже сады и даже виноградники. Намъ пришлось проѣхать сквозь аулъ, черезъ цѣлую перепутанную сѣть бѣлыхъ глиняныхъ стѣнокъ, обсаженныхъ деревьями и вьющихся между ними канавъ. Внутри дворовъ не только обычныя глиняныя плоскокрытыя мазанки безъ оконъ, но и кибитки. Въ серединѣ аула, какъ водится—кала.—цѣлая крѣпость съ башнями и бойницами.

Текинцы—народъ могучаго сложенія и суроваго взгляда. Они очень смуглы и сохранили въ лицѣ рѣзкіе слѣды монгольскаго типа, „калмыковаты“, какъ говорятъ наши мужики; особенно это замѣтно по ихъ рту, всегда широкому, грубому и поставленному необыкновенно низко; длинные, слегка приплюснутые носы ихъ также помогаютъ этому отодвиганію книзу здоровенныхъ челюстей, придающихъ лицу Текинца нѣсколько живописное выраженіе. Бородки у нихъ большею частью небольшія, начинаются всегда отъ висковъ узкими полосками черныхъ бакенбардъ, которыя только немного расширяются и удлиняются на подбородкѣ, такъ что лицо Текинца кажется обвязаннымъ сплошною черною лентой волосъ. Усы тоже монгольскаго типа, рѣдкіе, тонкіе, какъ двѣ черныя піявки. Но все-таки въ общемъ Туркменъ далеко не Монголъ, а только подернутая монгольствомъ тюркская раса. Они и рослы, и красивы, какъ Турки. Взглядъ ихъ удивительно твердъ, полонъ достоинства, воинственности. Сейчасъ

видно, что такой человѣкъ вытерпитъ молча все, что ни придется. Они смотрятъ на Русскихъ, на все русское съ глубокимъ любопытствомъ, но безъ благоговѣнія. Они сознаютъ себя побѣжденными, но все-таки чувствуютъ и свою силу, и затѣи европейской цивилизаціи, подрывающей суровую природную мощь духа и тѣла человѣка, повидимому, не вдохновляютъ ихъ. Туркмены замѣтно крупнѣе, замѣтно плечистѣе и мускулистѣе Русскихъ. Каждый изъ нихъ стоитъ среди бѣлыхъ фуражекъ и бѣлыхъ кителей нашихъ солдатиковъ, какъ плѣнный орелъ среди домашняго птичника. Ихъ глазъ дѣйствительно смотритъ по орлиному, неподвижно, остро, смѣло. Сколько-нибудь значительный Туркменъ одѣвается очень тщательно. Вонъ у вокзала стоитъ одинъ изъ ихъ старшинъ въ огромной черной папахѣ, въ тонкомъ суконномъ халатѣ шоколатнаго цвѣта поверхъ бешмета изъ темно-малиноваго шелка, подпоясаннаго богатымъ поясомъ. За поясомъ заткнуты чеканенные серебромъ пистолеты, на ногахъ узорчатыя вязаныя ногавицы и башмаки тисненные золотомъ. Но здѣсь же за то, рядомъ съ нимъ, и оборванные текинскіе мальчишки въ лохматыхъ бараньихъ шапкахъ, босикомъ. Всѣ вооружены, богатые и бѣдные. Россія оказала побѣжденнымъ героямъ самое чувствительное для нихъ великодушіе—позволила имъ носить оружіе, которымъ они такъ отчаянно защищались противъ насъ. И, надо сказать правду, Текинцы честно исполняютъ свое слово и до сихъ поръ не трогаютъ Русскихъ, беззащитно разбросанныхъ среди ихъ пустыни.

— Лѣтъ пятьдесятъ не забудутъ они своего погрома! говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ военныхъ инженеровъ.—Оттого и тронуться не подумаютъ. Вотъ развѣ, когда внуки ихъ выростутъ, которые ничего этого не видали и не слыхали, такъ затѣютъ, пожалуй, бунтовать!

— Да, хорошъ, хорошъ народъ, говорить нечего, а въ степи имъ все-таки не попадайся! улыбнулся скептически другой мой спутникъ.

— Помилуйте, да у насъ на Руси свой народъ, а грабежи и убійства случаются чаще, чѣмъ здѣсь, возразилъ инженеръ.—Нельзя же, чтобы когда-нибудь и не прорывалось. Я вотъ сколько лѣтъ тутъ, сторожа наши по одному, по два человѣка въ будкахъ ночуютъ, чего бы, кажется, легче и убить, и ограбить... Степь велика... Однако ни разу не случалось. Только и слышно иногда объ убійствахъ на кордонѣ по горамъ. Ну да вѣдь это еще

Текинцы или нѣтъ? Тамъ посты наши казацкіе въ такихъ дебряхъ стоятъ, что и не сыщешь сразу. Можетъ-быть, и Текинецъ иной разъ пошалитъ, а скорѣе всего Персы-контрабандисты. Тѣмъ это нужнѣе! Да я вамъ еще что̀ скажу, заключилъ свою рѣчь инженеръ.—Текинецъ хоть и воинъ отъ рожденія, а все-таки радъ миру: ему теперь гораздо лучше живется, чѣмъ въ прежнія времена. Прежде онъ въ поле свое выйти не смѣлъ безъ ружья и шашки, не зналъ, что̀ его, что̀ чужое. Вѣдь чудь не каждый день другъ у друга барантовали. Нынче богатый человѣкъ,—завтра угнали барантачи его верблюдовъ и барановъ,—нищій сталъ. Да и головой рисковалъ каждый день. А теперь ему что̀? Зарабатываетъ шутя столько, сколько и не снилось прежде. Разъѣзжаетъ всюду спокойно со своимъ товаромъ, за деньги свои тоже спокоенъ. Теперь они всѣ богачи стали!.. хлопкомъ стали заниматься, шерстью, пшеницу продаютъ... Изъ чего ему бунтовать?

Текинцы, черезъ землю которыхъ мы теперь проѣзжаемъ, называются Ахалъ-Теке по имени своего оазиса. Оазисъ Ахалъ-Теке начинается около Кизилъ-Арвата и тянется на 240 верстъ до Гяура узкою полосой не болѣе 20 верстъ въ ширину вдоль подошвы горъ, отдѣляющихъ отъ пустыни долину Атрекъ, и носящихъ названіе Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага. За Кахъ-Кою идутъ уже кочевья другихъ текинскихъ племенъ, входящихъ теперь въ Тедженскій и Мервскій округи. Разницы между различными родами Текинцевъ нѣтъ никакой, кромѣ имени предка, давшаго имъ названіе. Да и вообще между всѣми племенами Туркменъ очень мало разницы, хотя они постоянно враждуютъ другъ съ другомъ. Туркмены—это исконные жители пустыни, въ ней родившіеся, въ ней умирающіе, обожающіе пустыню, какъ свое божество. Они залили своими кочевыми ордами все безпредѣльное песчаное море, съ его прибрежными оазисами, которое простирается отъ береговъ Каспійскаго моря и плоскогорій Усть-Урта къ Аральскому морю и по всему теченію Аму-Дарьи до самыхъ верховьевъ ея, стало-быть до границъ Китая и Индіи, а съ юга до Эльбурзскихъ горъ Персіи и до Гиндукуша. Хотя въ эти части азіятской пустыни Туркмены передвинулись сравнительно не очень давно, а Текинцы вытѣснили своихъ туркменскихъ собратій Іомуловъ и Эмрали изъ теперешняго своего оазиса

всего только въ началѣ XVIII столѣтія, однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что это первобытные народы—пастухи, уцѣлѣвшіе отъ вѣковъ сѣдой древности, когда Арійцы еще робко приступали къ первымъ попыткамъ своей осѣдлой земледѣльческой жизни. Это живые памятники той безконечной борьбы на жизнь и смерть Ирана съ Тураномъ, которыми полны первыя лѣтописи Азіи, которыми проникнута Зендавеста, которые, быть-можетъ, внушили Зороастру его глубокія идеи о борьбѣ зла съ добромъ, духовъ тьмы съ духами свѣта. И, конечно, это Туранъ; Туранъ—духъ тьмы, сначала долго бывшій побѣдителемъ и владыкой, наконецъ побѣжденный, въ свою очередь, и, надо надѣяться, навсегда, потомствомъ Ирана, духами свѣта.

Туркмены, плоть и кровь Турана, сохранили до сихъ поръ не только его былыя свойства разрушительной бродячей стихіи, но и его имя. Нужно дѣйствительно быть проникнуту до мозга костей чувствомъ сродства своего съ этими палящими вѣтрами пустыни, изсушающими всякую жизнь, съ этими движущимися горами ея сыпучихъ песковъ, засыпающихъ всякое проявленіе человѣческаго труда, — чтобы жить въ теченіе вѣковъ среди этого песчанаго моря, не ища ничего другаго, не соблазняясь плодородными странами, которыя имъ много разъ приходилось покорять и захватывать. Они чувствуютъ себя какъ въ тюрьмѣ въ улицахъ города, въ обстановкѣ труда и цивилизаціи. Какъ ихъ товарищъ верблюдъ, какъ сосѣди и земляки ихъ степные ослы и антилопы, шакалы и волки, они не надышутся, не нарадуются суровымъ неохватнымъ просторомъ, въ которомъ живутъ голодною и холодною свободой своихъ вольныхъ кочевокъ.

„Туркменъ не нуждается ни въ тѣни дерева, ни въ сѣни власти“! говоритъ характерная текинская поговорка.

Эта многовѣковая обстановка звѣря выработала въ нихъ вкусы звѣря, силы звѣря. Если настоящая текинская лошадь можетъ по четыре дня не пить воды и скакать восемь дней сряду по 120 верстъ въ день, какъ увѣряютъ здѣшніе жители, то и сами Текинцы поражаютъ такою же сверхестественною выносливостью, такою же нечеловѣческою умѣренностью своихъ потребностей. Горсть риса или проса, глотокъ воды изъ соленой лужи—вотъ обычный обѣдъ Туркмена при переходахъ пустыни. Это не мѣшаетъ ему на какомъ-нибудь праздничномъ пиршествѣ, на какомъ-нибудь даровомъ угощеніи, въ одиночку

убрать цѣлаго барана, какъ убираетъ его голодный волкъ, послѣ недѣли вынужденнаго поста

Туркменъ изумительный наѣздникъ, изумительный стрѣлокъ, а Текинецъ особенно. Текинецъ силенъ, смѣлъ и ловокъ какъ прирожденный хищникъ, у котораго въ теченіе долгихъ вѣковъ все успѣло приспособиться къ главной цѣли и содержанію его жизни. Вѣдь и у волка недаромъ выработалась могучая челюсть съ зубами-кинжалами; несокрушимая шея, способная держать на бѣгу барана и теленка, и неутомимыя ноги. Текинецъ дѣйствительно производитъ своею фигурой среди мирнаго населенія, его окружающаго, впечатлѣніе какого-то крупнаго и могучаго хищнаго звѣря, который только ждетъ удобной минуты для кровавой поживы. Онъ и лохматъ, какъ хищный звѣрь, и глядитъ на васъ глазами хищнаго звѣря.

„Не расти дереву, гдѣ есть верблюдъ, не быть миру, гдѣ есть Туркменъ!“ съ откровенною похвальбой говоритъ старая пословица Текинцевъ.

Не даромъ Персіяне, испытавшіе горькимъ опытомъ силу и смѣлость своихъ степныхъ сосѣдей, до такой степени трепетали одного вида и даже одного имени Текинца, что цѣлая толпа отдавалась безъ боя въ плѣнъ двумъ, тремъ всадникамъ, послушно перевязывая другъ другу руки и ноги. Случалось, что одинъ вооруженный Текинецъ, появившійся на базарѣ пограничнаго персидскаго городка, обращалъ въ отчаянное бѣгство весь базаръ, все населеніе города и хозяйничалъ въ его лавкахъ, какъ его душѣ было угодно. Случалось нерѣдко, что текинскій разбойникъ въ одиночку пригонялъ къ себѣ въ аулъ нѣсколько человѣкъ Персіянъ, не трудясь ихъ даже связывать, хотя, казалось бы, они безо всякаго труда могли стащить его самого съ лошади и сдѣлать съ нимъ все, что̀ бы имъ ни вздумалось.

Вотъ что̀, напримѣръ, разсказалъ одинъ Текинецъ моему желѣзнодорожному спутнику, понимающему по-туркменски: ходили мы въ аламанъ за Атрекъ, въ Персію; вотъ я наловилъ человѣкъ пять Персовъ и веду съ собою; связать ихъ нечѣмъ, караулить некому; а хочется еще плѣнниковъ набрать, дѣло вышло способное. Вотъ я говорю имъ: слушайте, Персы! Вы знаете, что я всѣхъ васъ знаю, откуда каждый изъ васъ. Садитесь у этого куста и сидите, пока я вернусь, на одинъ шагъ отойти не смѣйте. Кто съ мѣста двинется, тому не жить больше на свѣтѣ! опять васъ всѣхъ найду, и женъ, и дочерей вашихъ

всѣхъ перерѣжу... Да и отправился опять за добычей. Захватилъ еще троихъ, привелъ ихъ къ кусту, гдѣ прежнихъ оставилъ, смотрю, всѣ въ кучкѣ сидятъ, будто кто веревкой ихъ къ кусту привязалъ... Даже для себя не смѣли отлучиться, тутъ же дѣлали...

И это только одинъ случай изъ тысячи, о которыхъ здѣсь знаетъ каждый мальчишка.

„Ни одинъ Персіянинъ не можетъ перейти Атрека иначе какъ съ веревкой на шеѣ!“ еще недавно хвастливо величались Туркмены Іомуды.

Текинцы, собственно говоря, сохранили въ себѣ больше всего старой туркменской удали. Туркмены, ближайшіе къ Хивѣ, къ Бухарѣ, точно такъ же какъ Туркмены Іомуды Джафарбаевскаго и Атабаевскаго рода, заселяющіе теперь берега Каспійскаго моря до Усть-Урта и залива Кара-Бугазъ, слишкомъ испорчены своими постоянными сношеніями съ болѣе сильными сосѣдями, которымъ они нерѣдко для вида подчинялись, которыхъ они обманывали на всякій манеръ и при всякомъ случаѣ, и отъ которыхъ они привыкли выманивать всякія подачки. Черезъ это нравъ ихъ сталъ болѣе лукавый, униженный и лживый, между тѣмъ какъ Теке ограничивали свои отношенія къ сосѣднимъ государствамъ почти исключительно открытыми разбоями и войной, что̀ отразилось на большей прямотѣ и твердости характера ихъ.

Впрочемъ, было бы вообще наивно представлять себѣ отвѣчныхъ степныхъ разбойниковъ, этихъ двуногихъ волковъ своего рода, какими-нибудь великодушными рыцарями. Они безспорно гостепріимны и храбры до безумія. Въ этомъ ихъ пастушечья и разбойничья доблесть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они жестоки и безпощадны, какъ звѣри, и обманъ считаютъ такимъ же необходимымъ оружіемъ самообороны и нападенія, какъ свои шашки и винтовки. Клятвы и договоры для нихъ пустыя слова, если только изъ-за нихъ имъ не видно какой-нибудь выгоды или опасности.

А ихъ взаимная зависть, недоброжелательство и недовѣріе другъ къ другу дѣлали невозможными между ними никакіе крѣпкіе общественные союзы и раздробляли довольно многочисленный туркменскій народъ, считающій въ своей средѣ добрыхъ полтора милліона душъ, на множество другъ съ другомъ враждующихъ племенъ.

„Аламанъ“,—разбой ради наживы,—былъ до послѣдняго времени единственнымъ идеаломъ и единственнымъ промысломъ Туркмена. Все время отъ конца полевыхъ работъ въ сентябрѣ и до начала ихъ въ маѣ посвящалъ онъ обыкновенно аламанамъ. Въ аламанѣ онъ не щадилъ никого и ничего, и тотъ „сардаръ“, который умѣлъ водить его на удачные аламаны, подъ чьимъ предводительствомъ онъ набиралъ больше добычи,—становился въ его глазахъ героемъ и главой всѣхъ.

„Туркменъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери!“ съ циническою правдивостью признается Текинецъ.

А сосѣди про него сложили другую поговорку: „Текинцы продали бы въ невольники самого пророка Магомета, попадись только онъ имъ въ руки!“ На вопросъ европейскаго путешественника, какъ Туркмены рѣшаются продавать въ рабство своихъ единовѣрцевъ, одинъ очень набожный хищникъ отвѣчалъ ему такъ: „чудакъ! Коранъ—книга Божья, конечно, благороднѣе человѣка, а все-таки покупается за нѣсколько крановъ. Да чего же лучше, когда Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а между тѣмъ его продали. Что̀ же, развѣ это повредило ему сколько-нибудь?“

Впрочемъ, надо и то сказать, что срединная Азія всею своею исторіей вырабатывала эти вкусы, насилія и кровожадности. На насиліи основывалась семья Азіятца, на насиліи основывалось его гражданское и государственное устройство, на насиліи покоятся и международныя отношенія азіятскихъ государствъ. Кругомъ нигдѣ ничего кромѣ возмутительнаго проявленія своей силы, кромѣ содрогающей душу жестокости во всемъ—въ судѣ, въ управленіи, въ войнѣ...

Сто̀итъ вспомнить ужасающіе подвиги какого-нибудь Чингиза, повелѣвшаго зарѣзать четыреста тысячъ жителей въ столицѣ покореннаго Ховарезма, теперешней Хивы, или Тамерлана, этого оригинальнаго друга правосудія и просвѣщенія, топтавшаго лошадиными копытами тысячи дѣтей и воздвигнувшаго громадную пирамиду изъ головъ казненныхъ непріятелей.

Даже и гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ, какой-нибудь Имамъ-Кули-ханъ, котораго Вамбери въ своей исторіи Бухары называетъ бухарскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, взявъ приступомъ городъ Ташкентъ, клянется Аллаху, что будетъ проливать кровь враговъ своихъ, убійцъ его любимаго сына, пока кровь эта не

дойдетъ до стремени его лошади; только, прибѣгнувъ къ хитрости, улемы могли къ концу дня остановить безпощадную человѣческую бойню: чтобъ осуществить клятву, принесенную гнѣвнымъ эмиромъ, они поставили коня его въ яму, гдѣ кровь убитыхъ дѣйствительно дошла до стремени его коня.

Нашъ извѣстный путешественникъ по Востоку Е. П. Ковалевскій разсказываетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ташкентскій визирь безо всякаго суда зарылъ своего родственника по шею въ землю, выбрилъ ему голову и намазалъ медомъ, такъ что тучи насѣкомыхъ сейчасъ же покрыли ее. А англійскій капитанъ Шекспиръ видѣлъ, какъ одинъ туркменскій старшина зарылъ брата своего по плечи въ землю, привязалъ къ шеѣ его веревку, другимъ концомъ ея взнуздалъ лошадь и сталъ гонять ее вокругъ прикола, пока веревка совсѣмъ перетерла шею, и голова несчастнаго свалилась съ плечъ.

Воспитанные на такихъ историческихъ образцахъ, ни Туркмены, ни страдающіе отъ разбоевъ сосѣдніе народы не знаютъ другаго обращенія съ побѣжденнымъ врагомъ, какъ веревка и ножъ.

Персы и Хивинцы точно также спокойно рѣжутъ горла плѣннымъ Туркменамъ, какъ и Туркмены имъ. Оттого-то Текинцы были поражены безконечнымъ изумленіемъ, когда послѣ разгрома Геокъ-Тепе русскіе побѣдители не только не стали рѣзать ихъ, какъ барановъ, не только не потащили на веревкахъ ихъ женъ и дѣтей продавать на базарахъ Персіи, а еще стали кормить ихъ и устраивать имъ жилища.

Одинъ изъ спутниковъ моихъ говорилъ на станціи съ Текинцемъ, участвовавшимъ въ защитѣ Геокъ-Тепе.

Англичанинъ, тоже слушавшій разсказъ Текинца, сталъ укорять въ жестокости генерала Скобелева.

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ говоришь! живо вступился Текинецъ.— Это ничего! Такъ надо. Война, надо убивать... Я его убиваю, онъ меня убиваетъ. Такъ хорошо. Всѣ бились, всѣхъ убивать надо. Нѣтъ, вотъ еслибы ты видѣлъ, какъ мы съ Персами дѣлали! Положимъ предъ нимъ дѣтей его и рѣжемъ понемножку: сначала руки отрѣжемъ, потомъ ноги, потомъ голову, прежде одному, потомъ другому, а онъ все смотритъ. А отвернется, мы ему ножомъ въ бокъ. Потомъ жену его рѣжемъ, потомъ его самого, и все понемножку, чтобъ онъ все самъ видалъ!..

Со смѣхомъ оскалилъ свои бѣлые зубы Текинецъ, очевидно, вполнѣ утѣшенный такими сладкими воспоминаніями.

Теке не только занимаютъ свой узкій оазисъ у подножія горъ, гдѣ сидятъ частою вереницей ихъ аулы и крѣпости, гдѣ зеленѣютъ ихъ поля и сады, но еще кочуютъ, какъ и всѣ другіе Туркмены, по безпредѣльной песчаной пустынѣ своей, пробираясь волчьимъ чутьемъ и чуть замѣтными слѣдками къ знакомымъ имъ колодцамъ, озеркамъ и русламъ изсохшихъ степныхъ рѣкъ...

Изъ оазиса Ахалъ-Теке, какъ и изъ Мерва, какъ съ береговъ Каспія отъ Красноводской бухты и устьевъ Атрека,—проложены черезъ пески пустыни къ Хивѣ и Бухарѣ еще съ глубокой древности караванные пути, которые опытный караванъ-баши,—вожа каравановъ, знаетъ такъ твердо, что не собьется ни ночью, ни въ буранъ, хотя эти пути заносятся ежедневно сыпучими песками. Пути эти идутъ, конечно, по колодцамъ полусоленой воды, разбросаннымъ, хотя очень скупо и рѣдко, по пескамъ пустыни. Съ береговъ Каспія до Хивы можно совершить путь на верблюдахъ черезъ пустыню въ 15 или 20 дней, смотря по тому, какую выбирать дорогу. Нашъ Муравьевъ-Карскій, будучи еще молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, въ 1819 году, по порученію Ал. Пет. Ермолова, главнокомандующаго на Кавказѣ, совершилъ геройское путешествіе отъ Красноводской бухты въ Хиву вдоль стараго русла Аму-Дарьи, Узъ-Боя, въ 17 дней, не имѣя при себѣ никого кромѣ Армянина переводчика и нѣсколькихъ провожатыхъ Туркменъ.

Полвѣка спустя, Венгерецъ Вамбери, знаменитый своею спеціальною ненавистью къ Русскимъ и своею довольно подозрительною ученостью въ сферѣ азіятскаго Востока, переодѣтый дервишемъ переѣхалъ съ караваномъ Туркменъ Іомудовъ съ устьевъ Гюргеня (немного южнѣе Атрека и очень близко отъ гор. Астрабада) въ Хиву по такъ-называемой средней караванной дорогѣ, мимо Большаго Балкана, послѣ чего онъ держался почти той же дороги, какъ Муравьевъ, и сдѣлалъ весь свой путь въ 20 дней.

Тѣми же путями Текинцы и другія туркменскія племена дѣлали набѣги на Хиву, и въ свою очередь хивинскіе ханы ходили громить улусы кочевниковъ.

Немудрено поэтому, что и въ Хивѣ, и въ Мервѣ, и на Атрекѣ хорошо знаютъ эти дороги. Было и время, и случай изучить ихъ. Кости людей и животныхъ, погибшихъ отъ жажды и изну-

ренія, а иногда и отъ ножа разбойника, служатъ на нихъ краснорѣчивыми верстовыми столбами, и недостатка въ нихъ никогда не бываетъ.

Когда явились Туркмены въ азіятскихъ пустыняхъ, навѣрное сказать трудно. Въ IX вѣкѣ по Р. Хр. вторгшіеся съ сѣвера Турки Сельджуки разрушили власть арабскихъ халифовъ въ Ховарезмѣ, Мареванагарѣ и другихъ областяхъ Центральной Азіи, теперь именуемыхъ Хивой, Бухарой и пр. Многіе думаютъ, что Туркмены ихъ остатки. Можетъ-быть это и такъ, а можетъ-быть и не такъ; доказать это во всякомъ случаѣ трудно.

Въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ, Ферганѣ, вездѣ мы видимъ до сихъ поръ особое племя завоевателей, которые величаютъ себя Узбеками и отличаютъ себя отъ покоренныхъ народовъ Сартовъ, Таджиковъ. Конечно, Узбеки эти—завоеватели позднѣйшаго времени, но тоже однако Тюрко-Монголы. Почему же въ туркменскихъ пустыняхъ нѣтъ никакого слѣда покоренныхъ племенъ, никакой двойственности туземной расы?

Очень можетъ быть, что Туркмены были отвѣчные обитатели песчаныхъ пустынь Азіи, которыя не соблазняли никакихъ завоевателей древности и которыя *не могли быть* завоеваны ни однимъ изъ этихъ завоевателей. Въ самомъ дѣлѣ, какая корысть была бы хотя Чингисъ-Хану или Тимуру захватывать и заселять эти безплодныя разбойничьи гнѣзда? Другое дѣло, ворваться съ войскомъ въ улусы разбойниковъ, пожечь ихъ, угнать ихъ скотъ, наказать ихъ за дерзкіе набѣги такъ, чтобы дѣтямъ ихъ было памятно. Такія войны со степью, конечно, бывали постоянно у всѣхъ ея сосѣдей. Но послѣ упустошенія родныхъ кочевій, кочевники, разсыпавшіеся, какъ вѣтеръ во всѣ стороны, собирались опять, опять сгоняли уцѣлѣвшій скотъ, опять разбивали свои кибитки, сотканныя изъ шерсти этого скота, опять пили кумысъ своихъ кобылицъ и отправлялись на своихъ доморощенныхъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, коняхъ въ новые набѣги.

Одно можно сказать съ достовѣрностью, что съ незапамятныхъ временъ исторіи въ пустыняхъ этихъ дѣйствуютъ народы, ничѣмъ неотличающіеся по нравамъ и образу жизни отъ нынѣшняго Туркмена.

Въ „Исторіи Александра Великаго, царя Македонскаго“, Квинта

Курція, полной многихъ баснословій, есть любопытныя указанія на обитателей теперешней Туркменіи.

Александръ, какъ извѣстно, направился въ Бактрію и Индію чрезъ Гирканію, то-есть теперешній Мазандеранъ, слѣдовательно, въ ближайшихъ окрестностяхъ Астрабада. Между рѣками Гюргень и Атрекомъ, то-есть на самой границѣ Персіи отъ Россіи, въ кочевьяхъ Іомудовъ, начиная отъ такъ-называемаго Серебрянаго Бугра, до сихъ поръ видны остатки огромной стѣны, построенной по преданію туземцевъ Искандеромъ, то-есть Александромъ Македонскимъ и называемой Туркменами „Кизиль-аланъ"—„хранилище золота".

Вамбери видѣлъ развалины этой стѣны и ея башенъ на многія версты вдоль битой караванной дороги, параллельной теченію Атрека.

Этотъ памятникъ и это преданіе несомнѣнно подтверждаютъ, что воинство Александра двигалось изъ лѣсовъ Гирканіи по теперешней сѣверной границѣ Персіи, то-есть приблизительно по тѣмъ горнымъ странамъ, которыя провожаютъ справа нашу желѣзную дорогу изъ Узунъ-Ада въ Асхабадъ.

Страну, примыкавшую съ востока къ Гирканіи, Курцій называетъ, по примѣру другихъ древнихъ географовъ, Маргіаною, и въ Маргіанѣ этой упоминаетъ большой городъ Маргію, впослѣдствіи Александрію Маргійскую, которую всѣ изслѣдователи древности считаютъ за Меру или Мервъ. Ясно, значитъ, что Маргіана была теперешняя Туркменія съ Асхабадомъ и Мервомъ и съ прилегающими къ ней сѣверными частями Хорасана.

Въ этой Маргіанѣ, по Курцію, жилъ Мардскій (вѣроятно, Маргскій) „дикой народъ", котораго тогдашній портретъ легко бы годился въ портретъ теперешнему Туркменскому народу.

„Ирканіи порубежень былъ Мардскій дикой и въ разбояхъ упражняющійся народъ, который одинъ только не прислалъ пословъ къ Александру и, повидимому, власти его не хотѣлъ покориться."

Александръ велъ, правда, войну съ этимъ отчаяннымъ народомъ не только на ровныхъ мѣстахъ, но и въ горахъ, и въ лѣсахъ, гдѣ даже былъ отбитъ варварами его знаменитый конь Буцефалъ; но это означаетъ только, что и тогда кочевники степей захватывали сѣверные лѣсистые отроги Персіи. Собственно же про Текинскихъ Туркменъ достовѣрно извѣстно одно: они жили на полуостровѣ Мангышлакѣ у Каспійскаго моря еще при

Петрѣ I; калмыцкій ханъ Аюка выгналъ ихъ оттуда, вслѣдствіе чего они двинулись къ югу, вытѣснили въ 1717 г. изъ ихъ кочевій Іомудовъ и Ѳмрали и заняли Кизилъ-Арватъ. Отсюда уже постепенно распространились они до Мургаба. Замѣчательно, что Туркмены приняли русское подданство еще при Петрѣ I-мъ, но послѣ, при слабыхъ потомкахъ великаго царя, забыли объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, что̀ дѣлалъ геніальный хозяинъ земли Русской. Въ 1802 г. Туркмены опять принимаютъ наше подданство и опять ни къ чему.

III.

Текинскій Севастополь.

Во всякомъ случаѣ Русскимъ удалось то, что̀ не удалось великому македонскому завоевателю,—не только покорить, но и умирить вѣковѣчныхъ степныхъ разбойниковъ.

Исторія русскаго похода въ Теке была труднѣе македонскаго уже потому, что войска Александра до самаго Паропамиза шли жилыми мѣстами, не стѣсняясь разорять и захватывать подъ свою власть всѣ области, которыми ему было удобно проходить. Русскій же отрядъ обязанъ былъ двигаться черезъ степи по безплоднымъ Туркменскимъ кочевьямъ, заботливо оберегая неприкосновенность персидской границы. А Туркменскій оазисъ у подножія горъ, по линіи теперешней желѣзной дороги, былъ почти сплошь покрытъ тогда еще неразрушенными крѣпостцами, которыхъ насчитывалось цѣлыхъ 47. Каждый значительный аулъ охранялся особою крѣпостью, развалинами которыхъ мы теперь любуемся на каждомъ шагу. Многія изъ нихъ нужно было брать съ бою.

Побѣдоносное завоеваніе Русскими недоступнаго Ахалъ-Текинскаго оазиса, составлявшаго грозу и ужасъ окрестныхъ государствъ, началось, какъ всѣмъ, конечно, памятно, съ постыдной неудачи. Для русской исторіи это впрочемъ не новость, а почти установившійся обычай: неудачами начинались всѣ войны Петра съ Турками, со Шведами, неудачами начался знаменитый 12-й годъ, Плевненскими погромами началась и послѣдняя Болгарская война.

Разумѣется, мы сами кругомъ были виноваты въ плачевномъ

исходѣ нашего перваго похода подъ Геокъ-Тепе. Генералъ Ломакинъ очутился совершенно случайно во главѣ дѣйствующаго отряда, вслѣдствіе внезапной смерти талантливаго Лазарева, и распоряжался, такъ-сказать, не своимъ, а чужимъ дѣломъ. А тутъ еще на бѣду наслали ему изъ Петербурга разныхъ штабныхъ баричей, которыхъ старые Кавказцы презрительно величаютъ „фазанами", и которые явились только нахватать поскорѣе и побольше чиновъ и знаковъ отличія въ этой игрушечной, какъ они думали, войнѣ съ азіятскими халатниками. Баричи все были знатные и вліятельные и мало поэтому стѣснялись своего скромнаго начальника. Всякій предлагалъ свое, дѣйствовалъ по своему. Въ результатѣ оказалось, что отрядъ двинулся въ пустыни, ничѣмъ не обезпеченный, неспособный выдержать малѣйшей неудачи. Подвозъ припасовъ, снарядовъ, людей былъ затрудненъ до чрезвычайности, потому что опорный пунктъ отряда—Чикишляръ,—вслѣдствіе мелководія своего, былъ недоступенъ даже и для небольшихъ судовъ. Паровыя суда должны были останавливаться за 3 и 5 верстъ отъ берега, а парусныя бросали якорь такъ далеко, что ихъ едва можно было разглядѣть съ берега. Почтоваго сообщенія между берегомъ и дѣйствующимъ отрядомъ устроено не было, госпитали были безо всякихъ необходимыхъ принадлежностей, у отряднаго священника не было ни облаченія, ни утвари, ни книгъ, ни запасныхъ даровъ, чтобы совершить богослуженіе и причащать умирающихъ; провизіи не было, никакихъ складовъ, запасовъ по пути движенія не существовало, верблюдовъ было очень мало, тылъ ничѣмъ не былъ обезпеченъ. Денегъ тоже не было. Одни только штабные господа аккуратно получали звонкою монетой по 40.000 рублей каждый мѣсяцъ. Ихъ набралось подъ разными безполезными титулами до 60 человѣкъ на какіе-нибудь 3.000 войска, достигшаго до Геокъ-Тепе. Подъ одинъ обозъ ихъ отнималось у отряда 340 верблюдовъ въ то время, какъ отрядъ не зналъ, откуда добыть средства передвиженія для самыхъ необходимыхъ тяжестей. Цѣлая сотня казаковъ была разобрана въ вѣстовые къ этому многочисленному и ни на что ненужному начальству.

Также необдуманно и неподготовленно, какъ производился походъ,—произведено было и самое нападеніе на Геокъ-Тепе.

Когда Текинцы узнали о движеніи отряда въ ихъ оазисъ, „джумъ-гуріе" ихъ, то-есть сходъ всего племени, рѣшилъ биться до послѣдней капли крови. Старая крѣпость Геокъ-Тепе, такъ

называемая „Куня Геокъ Тепе“, расположенная среди песковъ, была оставлена, и рѣшено было укрѣпляться немного ближе къ горамъ, вокругъ холма Денгиль-Тепе. Но какъ ни одушевленно работали Текинцы, не только мужчины, но и дѣти и женщины,— однако не успѣли вполнѣ окончить укрѣпленія къ приходу Русскихъ. Южная сторона оставалась совсѣмъ неукрѣпленною, восточная готова была только на половину, да и остальныя стѣны не были еще доведены до настоящей своей высоты, такъ что черезъ нихъ хорошо были видны нашему войску прятавшіяся въ крѣпости кибитки.

Передовая колонна наша подъ начальствомъ князя Долгорукова поторопилась начать прискорбное дѣло 28 августа 1878 г., не дождавшись остальнаго войска и не давъ отдохнуть людямъ.

Да и самая атака крѣпости началась безо всякихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, прежде чѣмъ войска могли осмотрѣться и сообразить что-нибудь, при полномъ незнакомствѣ съ положеніемъ крѣпости и числомъ ея защитниковъ, при совершенномъ непониманіи того гибельнаго значенія, которое должна была имѣть для престижа русскаго имени въ Азіи неудача подъ Геокъ-Тепе. Этимъ только и можно объяснить себѣ поразительный фактъ, что штурмовыя колонны полѣзли прямо во рвы и на стѣны, въ то время какъ доступъ въ крѣпость былъ совершенно свободенъ съ южной стороны...

Повидимому, у штурмующихъ не было заготовлено ни лѣстницъ, ни фашиннику, ибо стóило ли возиться съ этими пустяками въ войнѣ съ халатниками! Усталые, полуголодные солдатики были двинуты прямо на уру,—и когда ихъ встрѣтили изъ-за стѣнъ тысячи мѣткихъ винтовокъ и тысячи отчаянныхъ храбрецовъ, оказалось, что съ пустыми руками на стѣну не влѣзешь, и пришлось утекать во-свояси подъ градомъ вражескихъ пуль, подъ натискомъ цѣлыхъ полчищъ лихихъ наѣздниковъ.

Еслибы не наша молодецкая артиллерія, которая съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ прикрывала тылъ безпорядочно отступавшихъ войскъ и осаживала своею мѣткою картечью отчаянно насѣдавшія на нихъ толпы Текинцевъ,—исходъ боя былъ бы ужасный. Артиллерія не только спасла отрядъ послѣ отбитаго приступа, но и едва не окончила дѣло побѣдой. Огонь ея привелъ Текинцевъ въ такой ужасъ, что они, потерявъ до 2.000 человѣкъ, и ожидая на другой день новаго приступа, на ноч-

номъ сборищѣ своемъ совсѣмъ было порѣшили уходить изъ Денгиль-Тепе, а многіе даже прямо посовѣтовали покориться Россіи. Имъ и въ голову не приходило, что они одержали надъ нами побѣду, и когда утромъ увидѣли, что русскій отрядъ покинулъ свой лагерь и отступаетъ, изумленію и радости ихъ не было конца. Во время торжественнаго пира по случаю побѣды всѣ русскіе плѣнные были зарѣзаны, и съ труповъ ихъ срѣзано сало для лѣченія боевыхъ ранъ.

Храброму и опытному генералу Тергукасову, принявшему отъ Ломакина начальство надъ возвратившимся отрядомъ, принадлежитъ чрезвычайно важная мысль перенести базисъ будущихъ военныхъ дѣйствій противъ Текинцевъ изъ неудобнаго Чикишляра въ Красноводскую бухту, намѣченную еще геніальнымъ глазомъ Петра I.

Тергукасовъ же первый поднялъ вопросъ о необходимости связать эту бухту желѣзною дорогой съ театромъ военныхъ дѣйствій, напримѣръ, съ Кизилъ-Арватомъ. Скобелевъ, со всею горячностью и настойчивостью своего изобрѣтательнаго военнаго генія, схватился за этотъ умный планъ и убѣждалъ покойнаго государя, глубоко огорченнаго пораженіемъ 28 августа, не отлагать дѣла въ долгій ящикъ, не давать Англичанамъ воспользоваться плодами нашей громкой неудачи и захватить себѣ какой-нибудь Гератъ. Онъ совѣтовалъ одновременно и строить желѣзную дорогу, и идти впередъ. Экспедиція его началась осенью 1880 г. Наученный опытомъ своихъ прежнихъ походовъ въ Азіи и тщательно изучивъ практическія условія другихъ походовъ, онъ съ удивительною предусмотрительностью и благоразуміемъ обдумалъ и подготовилъ до послѣдней мелочи все, что̀ было нужно для обезпеченія долгаго степнаго похода. Въ этомъ походѣ онъ показалъ себя не только талантливымъ военачальникомъ, какимъ уже считала его вся Россія, но еще и замѣчательнымъ военнымъ хозяиномъ. Цѣлый рядъ складовъ и опорныхъ военныхъ пунктовъ обезпечилъ его движеніе къ Геокъ-Тепе; верблюды и провіантъ неутомимо добывались вездѣ кругомъ, въ Персіи, въ киргизскихъ степяхъ, въ Хивѣ особыми агентами. Госпитали, почта были устроены отлично. Каждый солдатъ имѣлъ съ собой на случай зимнихъ холодовъ полушубокъ, фуфайку, запасные сапоги, суконныя портянки и войлокъ для спанья.

Каждый шагъ впередъ изучался предварительными рекогнос-

цировками и съемками. Всякій офицеръ, всякій солдатъ заранѣе получали точныя и практическія наставленія на всѣ возможныя случайности похода.

Съ какимъ неимовѣрнымъ трудомъ сопряжены всѣ эти хозяйственныя заботы о войскѣ среди азіятскихъ пустынь лучше всего видно изъ того, сколько верблюдовъ обыкновенно гибнетъ въ каждый подобный походъ. Въ Хивинской экспедиціи 1873 года, напримѣръ, погибло у насъ 15.000 верблюдовъ, при рекогносцировкѣ маленькаго отряда Маркозова 5.000, въ войнѣ Англичанъ противъ Афганцевъ 60.000!

А между тѣмъ верблюдъ единственное вьючное животное, способное выносить пески и зной пустыни и тащить притомъ на своемъ горбѣ цѣлый возъ клажи въ 10 и даже 12 пудовъ.

Нужно вспомнить еще, что почти всѣ верблюдовожатые въ походѣ Скобелева поневолѣ брались изъ Туркменъ, и что при каждомъ удобномъ случаѣ они убѣгали сами и угоняли въ пески своихъ верблюдовъ.

Скобелевъ, однако, несмотря на всѣ препятствія, увѣренно и безъ торопливости подвигался впередъ. Текинцы бросали свои калы и кибитки и по мѣрѣ движенія отряда все больше сосредоточивались въ Геокъ-Тепе. Они рѣшились умереть, но не сдаваться. Даже пастухи, которыхъ авангардъ отряда захватывалъ со стадами овецъ въ покинутыхъ калахъ, не отворяли воротъ крѣпости, запирались въ башняхъ и отстрѣливались впятеромъ, вдесятеромъ отъ цѣлаго войска, пока ихъ не перекалывали штыками. Пощады не просилъ никто.

Скобелевъ отлично изучилъ восточнаго человѣка. Онъ постоянно твердилъ, что „Азіятца прежде всего нужно бить по воображенію“, и онъ его билъ по воображенію, гдѣ только могъ, чѣмъ только могъ. Чтобы доказать Текинцамъ, что русскаго войска не остановятъ ни пески, ни безводіе, онъ вытребовалъ съ береговъ Аму-Дарьи, изъ Петро-Александровска, отрядъ Куропаткина. Куропаткинъ съ 900 верблюдами прошелъ 973 версты черезъ пустыню, почти неимѣвшую колодцевъ, и явился къ ужасу Текинцевъ въ ихъ оазисѣ со своими закаленными въ бояхъ Туркестанскими солдатами.

Текинцы чувствовали, что на нихъ теперь надвигается что-то непобѣдимое. Они смотрѣли на Скобелева съ благоговѣйнымъ ужасомъ. У нихъ онъ былъ уже не бѣлый генералъ, не „*акъ-паша*“ какъ у Турокъ, а „кровавые глаза“ — „гёзъ-канлы“.

Текинцы говорили про Русскихъ: „Русскіе на далекомъ разстояніи просто жгутъ людей и нѣтъ возможности броситься на нихъ въ рукопашный бой. Потому мы хотимъ выдти изъ крѣпости только тогда, когда ихъ войска подвинутся къ намъ близко. Въ рукопашной схваткѣ Русскіе не устоятъ!“ Въ силу свою Текинцы все еще вѣрили.

„Теперь наша крѣпость сильнѣе, чѣмъ была прежде, похвалялись они Хорасанцамъ. Семейства наши будутъ хорошо спрятаны, до нихъ трудно Русскимъ добраться, такъ какъ мы для нихъ вырыли глубокія жилыя помѣщенія. Если же будетъ сильный напоръ со стороны Русскихъ, то переселимся кто въ Персію, кто въ Мервъ! Мы бы помирились съ Русскими, еслибы знали, что они не изнасилуютъ нашихъ женъ и не уничтожатъ всѣхъ мужчинъ.“

Главнымъ вождемъ Текинцевъ и распорядителемъ обороны въ Геокъ-Тепе былъ знаменитый своими аламанами Тыкма-Сардаръ. Онъ всю свою жизнь провелъ въ разбояхъ и будучи еще мальчишкой семнадцати лѣтъ уже стоялъ во главѣ цѣлой сотни лихихъ наѣздниковъ.

Персіане, сосѣди Текинцевъ, предрекали Русскимъ новую неудачу и не вѣрили въ возможность одолѣть этотъ отчаянный народъ.

„Ради Бога, не идите прямо на штурмъ! уговаривалъ полковника Гродекова ильхани Беджнурдскій Яръ-Магометъ-Ханъ, большой другъ Русскихъ. Повѣрьте мнѣ, я Текинцевъ знаю лучше васъ, я съ ними воюю всю свою жизнь. Храбрѣе этого народа нѣтъ въ мірѣ. А теперь, когда въ Геокъ-Тепе находятся семьи ихъ, и Текинцамъ некуда дѣться, храбрость ихъ удесятерится!“ Ему казалось, что для покоренія Геокъ-Тепе слишкомъ мало 20.000 войска и 100 орудій.

Хотя ни одинъ иностранный корреспондентъ не былъ допущенъ Скобелевымъ на театръ войны, однако англійскіе агенты ухитрились преслѣдовать нашъ отрядъ чуть не по пятамъ, слѣдя за нимъ по персидской границѣ. Конечно, это были не столько газетные корреспонденты, сколько политическіе агенты-подстрекатели, дѣлавшіе все возможное, чтобы проникнуть къ Текинцамъ и подбивать ихъ къ отчаянному сопротивленію русскому нашествію. Особенною дерзостью отличался пресловутый О'Донаванъ. Онъ нѣсколько разъ переодѣвался Туркменомъ и пытался перейти персидскую границу, но всякій разъ былъ останавливаемъ

и водворяемъ обратно хорасанскими властями. Бродили также и разъѣзжали по сосѣдству нашего отряда переодѣтый полковникъ Стюартъ подъ именемъ армянскаго купца, капитаны Гилль и Ботлеръ. О'Донаванъ перебрался потомъ въ Мервъ и, будучи жестокимъ пьяницей, шатался тамъ по базарамъ, уча Мервцевъ какъ рубить головы Русскимъ, чѣмъ впрочемъ возбуждалъ въ нихъ только презрительное недовѣріе, ибо они не дождались отъ него ни суленыхъ англійскихъ денегъ, ни обѣщанной военной помощи.

Нашъ агентъ въ Мешедѣ, Насирбековъ, писалъ въ это время полковнику Гродекову, изъ прекраснаго и капитальнаго труда котораго мы главнымъ образомъ заимствуемъ подробности Скобелевскаго похода: „Англичане вездѣ имѣютъ людей. Деньги, которыя они бросаютъ въ этихъ странахъ, могутъ совратить роднаго брата. Страхъ, какъ они сыпятъ золото!"

Особенно бодрящее вліяніе на Текинцевъ имѣли письма англійскаго консула въ Мешедѣ, Абазъ-Хана, обнадежившаго ихъ помощью Англіи. Въ ожиданіи ея Текинцы не откочевывали въ пески, засѣяли всѣ поля отъ Геокъ-Тепе къ Гяурсу и распредѣлили воду, какъ всегда у нихъ дѣлалось. Крѣпость рѣшено было защищать до крайности.

Духъ народа былъ также сильно поднятъ прибытіемъ двухъ-тысячнаго покрѣпленія изъ Мерва. Везли было оттуда и два орудія, отбитыя у Персовъ, но колеса разсыпались, и ихъ бросили въ степи. Теперь въ Геокъ-Тепе собралось до 30.000 защитниковъ, изъ которыхъ однихъ всадниковъ насчитывалось 10.000; всего же населенія, засѣвшаго въ стѣнахъ Геокъ-Тепе, было не менѣе 45.000, и при этомъ всего одно шестифунтовое орудіе, важно установленное среди окоповъ на вершинѣ холма Денгиль-Тепе.

Внутренность крѣпости была уставлена кибитками и шалашами, изрыта глубокими ямами. Кибитокъ стояло около 15.000. Вездѣ были проведены канавы съ водой и выкопаны колодцы. Въ пескахъ было зарыто много хлѣба, а скотъ былъ угнанъ въ степи за 150 и 200 верстъ дальше къ востоку.

Когда отрядъ нашъ появился предъ крѣпостью и сталъ вести первые апроши, въ крѣпости уже давно все было готово къ достойной насъ встрѣчѣ. Текинцы дали намъ спокойно приблизиться траншеями къ ихъ рвамъ, и тогда вдругъ неожиданно сдѣлали отчаянную ночную вылазку. Это было уже въ самомъ концѣ

1880 года, 28 декабря. Кочевники оказали тутъ чудеса геройства. Босикомъ, въ однѣхъ рубахахъ, съ засученными штанами и рукавами, съ одними только шашками и кинжалами въ рукахъ неслышно и быстро, какъ стая пантеръ, перебѣжали они разстояніе, отдѣлявшее ихъ рвы отъ нашихъ параллелей, и ворвавшись въ передовыя траншеи прежде, чѣмъ растерявшіяся войска успѣли сдѣлать по нимъ хотя бы одинъ залпъ. Въ неистовомъ натискѣ своемъ перекололи они артиллерійскую прислугу, захватили восемь пушекъ, вырвали знамя у 4-го баталіона Апшеронскаго полка, сбили и смяли роты, изрубили множество офицеровъ и пробились сквозь всѣ редуты и батареи чуть не до самаго лагеря. Подоспѣвшія на выручку войска опрокинули однако назадъ эту упоенную побѣдой босоногую толпу и отняли у нея назадъ всѣ орудія кромѣ одного. На другой день у текинскихъ кибитокъ торчали на кольяхъ головы нашихъ солдатиковъ, всѣ изуродованныя, съ отрѣзанными носами и ушами...

Грѣшно не помянуть при этомъ безвѣстнаго русскаго героя, котораго самоотверженный подвигъ не менѣе всякихъ Муціевъ, Сцеволъ и Гораціевъ Коклесовъ достоинъ бы былъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе русскому юношеству. Кучка Апшеронцевъ отступала на наши войска подъ жестокимъ натискомъ насѣдавшихъ на нихъ Текинцевъ. Войска не рѣшались стрѣлять, чтобы не попасть въ своихъ, и Текинцы могли черезъ нѣсколько минутъ овладѣть нашими траншеями.

— Братцы! стрѣляйте скорѣе! Насъ мало, а за нами Текинцы! громко крикнулъ герой-Апшеронецъ.

Залпъ огня отбросилъ надвинувшуюся Текинскую орду, но патріотъ-солдатъ палъ, конечно, первый.

Не одну подобную вылазку дѣлали и потомъ Текинцы, но ужь мы приспособились къ нимъ, и каждая новая попытка ихъ кончалась все неудачнѣе и неудачнѣе.

Лихіе степные наѣздники опѣшили и потеряли вѣру въ свою непобѣдимость. Съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе сардарямъ выгонять ихъ на ночныя атаки, кончавшіяся только сильнѣйшимъ опустошеніемъ ихъ рядовъ. Они рѣшили лучше дождаться Русскихъ у себя въ стѣнахъ, гдѣ ихъ приходилось по пять человѣкъ на одного русскаго солдата, и гдѣ бой долженъ былъ рѣшиться не пушечнымъ огнемъ, приводившимъ Текинцевъ въ неописуемый ужасъ, а страстно желанною имъ рукопашною схваткой, грудь на грудь.

Наши траншеи и батареи между тѣмъ совсѣмъ приблизились къ текинской крѣпости; Скобелевъ рѣшилъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ. Три штурмовыя колонны должны были съ разныхъ сторонъ двинуться ночью на крѣпость, помогая другъ другу. Первую колонну велъ достойный соратникъ Скобелева полковникъ Куропаткинъ, теперешній генералъ-губернаторъ Закаспійской области. Подъ стѣну крѣпости заранѣе была подведена мина; тотчасъ вслѣдъ за взрывомъ ея колонна Куропаткина должна была двинуться въ образовавшійся проломъ и овладѣть стѣнами...

Текинцы давно провѣдали про мину, но не боялись ея нисколько. Они думали, что Русскіе ведутъ подкопъ съ цѣлью пробраться ночью внутрь крѣпости и радостно ждали этого, думая изрубить ихъ по одиночкѣ. Этотъ маневръ былъ изстари знакомъ кочевникамъ, и даже ихъ величайшій герой Чингисъ-ханъ продѣлалъ подобный подкопъ подъ стѣны крѣпости, когда онъ бралъ столицу Китая. Текинцы, конечно, не допускали мысли, чтобы невѣрные Московы могли придумать что-нибудь получше ихъ великаго Чингиса!

Незадолго до полуночи вдругъ раздался страшный подземный ударъ, и громадный столбъ земли и дыма взлетѣлъ къ небу. Невозможно описать ужасъ, охватившій Текинцевъ. Никто не понималъ, что̀ это за громы небесные неожиданно разразились надъ ихъ крѣпостью. Большинство думало, что это землетрясеніе. Кто помалодушнѣе, бросились бѣжать вонъ изъ крѣпости, не помышляя уже объ оборонѣ. Но еще оставалось много храбрецовъ, и всѣ они, несмотря на потрясающій ужасъ, несмотря на сотни задавленныхъ и растерзанныхъ взрывомъ, встрѣтили лицомъ къ лицу нашу штурмующую колонну на обвалахъ бреши... Мина взорвала стѣну на протяженіи пятнадцати саженъ и уже, конечно, текинскіе герои были не въ силахъ отстоять такія широко распахнутыя ворота отъ молодецкаго натиска нашей пѣхоты. По трупамъ переколотыхъ защитниковъ вошли наши солдатики на стѣны крѣпости, да и тамъ еще должны были упорнымъ боемъ брать каждый шагъ, потому что толстыя стѣны были перегорожены наверху глиняными траверсами, за которыми отчаянные Азіятцы рубились до послѣдней капли крови.

Не давая опомниться сбитому со стѣнъ врагу, Куропаткинъ двинулъ войска съ музыкой, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами на центральную твердыню крѣпости—холмъ

Денгиль-Тепе, на которомъ столпились самые храбрѣйшіе изъ Текинцевъ, поклявшіеся умереть на защитѣ роднаго гнѣзда. Военная музыка наша приводитъ Азіятцевъ въ какой-то мистическій ужасъ и не разъ помогала успѣху нашихъ атакъ. Штыкъ скоро окончилъ кровопролитную борьбу, и русское знамя взвилось надъ Денгиль-Тепе.

„Поздравляю съ полною побѣдой, вся крѣпость наша. Оба орудія и знамя отбилъ назадъ!“ доносилъ Куропаткинъ Скобелеву съ вершины Денгиль-Тепе.

Оставались только отдѣльныя калы внутри и около крѣпости; засѣвшіе тамъ Текинцы не сдавались, а отстрѣливались и рубились, пока ихъ не перекололи до послѣдняго.

Тыкма-Сардаръ долго напрасно пытался останавливать бѣгущихъ, ругался и билъ ихъ по чемъ попало; наконецъ, потерявъ всякую надежду, онъ и самъ ускакалъ въ пески сквозь заднія ворота крѣпости. Сынъ его Ахъ-Верды, храбрый предводитель ночныхъ вылазокъ, палъ въ бою, сраженный гранатой.

Скобелевъ самъ повелъ кавалерію преслѣдовать бѣгущихъ и гналъ ихъ не менѣе пятнадцати верстъ. Даже пѣхота наша и та гналась за Текинцами верстъ на десять отъ крѣпости. Тысячи труповъ устлали дорогу.

Всего было убитыхъ въ эту ночь со стороны Текинцевъ до восьми тысячъ. Но, кромѣ того, крѣпость была наполнена кучами разлагающихся труповъ, которыхъ въ послѣдніе дни Текинцы уже не успѣвали хоронить.

До самаго утра войска должны были брать приступомъ ямы и кибитки, въ которыхъ защищались одинокіе Текинцы, не успѣвшіе бѣжать и всѣ по очереди погибавшіе подъ штыками. Цѣнная добыча хлѣбомъ, оружіемъ, вещами, досталась нашему войску въ Геокъ-Тепе.

Погромъ, нанесенный Текинцамъ, былъ потрясающій, такой именно, какой, по мнѣнію Скобелева, необходимъ въ Азіи, такой, о которомъ вспоминаютъ цѣлое столѣтіе, о которомъ съ ужасомъ разсказываютъ на базарѣ самаго глухаго городка, въ кибиткѣ каждаго кочевника. Послѣ такихъ только кровавыхъ погромовъ Азіятецъ покоряется безпрекословно и взираетъ съ благоговѣніемъ на властвующую надъ нимъ силу. Оттого-то Асхабадъ былъ занятъ черезъ шесть дней послѣ Геокъ-Тепе безъ малѣйшаго сопротивленія. Его опять-таки занялъ Куропаткинъ, которому поэтому вполнѣ законно быть теперь его правителемъ и

устроителемъ. 28.000 квадратныхъ верстъ и пятьдесятъ тысячъ жителей были присоединены къ Россіи этимъ завоеваніемъ оазиса Ахалъ-Теке...

Но Скобелевъ поразилъ воображеніе Азіятцевъ не только русскою силой, но и русскимъ милосердіемъ, русскою справедливостью. Еще во время преслѣдованія врага, въ самый разгаръ боя, онъ отдалъ приказъ возвращать назадъ въ Геокъ-Тепе бѣжавшихъ текинскихъ женщинъ и дѣтей. Имъ были даны жилища и разная рухлядь изъ оставшейся добычи, имъ отпускался хлѣбъ и разные припасы. Мало-по-малу, видя доброту Русскихъ, Ахалъ-Текинцы стали возвращаться къ своимъ семьямъ и селиться по старымъ мѣстамъ. Наконецъ, даже самъ Тыкма-Сардаръ, укрывшійся въ Мервѣ, явился съ повинною. Сначала онъ было предлагалъ Мервцамъ собрать изъ своихъ Ахалъ-Текинцевъ дружину въ двѣ тысячи всадниковъ для защиты Мерва отъ Русскихъ, но Мервцы съ грубою откровенностью степняковъ сказали ему:

„Ты убѣжалъ отъ Русскихъ и хочешь защищать Мервъ? Если ты храбръ, то послѣ этого на свѣтѣ нѣтъ трусовъ. Ты трусъ, потому что убѣжалъ, а храбрецы всѣ погибли подъ Геокъ-Тепе.“

Выбирать было не изъ чего, пришлось волей-неволей покориться Русскимъ и даже отправиться потомъ на поклонъ къ Бѣлому Царю.

Салоры и Серыки съ береговъ Теджена и Мургаба тоже прислали пословъ съ предложеніемъ покорности. Сосѣдніе Хорасанцы ликовали отъ восторга, что наконецъ избавились отъ своихъ вѣковѣчныхъ утѣснителей. Въ самыхъ далекихъ углахъ Азіи громко отдался ударъ, нанесенный русскою силой храбрѣйшему и неукротимѣйшему изъ ея народовъ.

Съ взволнованнымъ чувствомъ осматривалъ я полуобвалившіяся стѣны Геокъ-Тепе, такъ недавно еще вписавшія геройскую страницу въ исторію русскаго воинства. Видъ историческихъ мѣстностей имѣетъ на себѣ какую-то особенную печать. Вѣдь и Бородинское, и Куликовское поле—ничего больше, какъ поля, покрытыя такими же нивами, какъ и всякое другое. Однако, глядя на нихъ, видишь не только вспаханную или засѣянную землю, а что-то гораздо болѣе выразительное, что-то могуче-возбуждающее и мысли, и ощущенія ваши. Глядя на нихъ, грезишь на яву

и заселяешь пустынную равнину картинами и образами, которые приноситъ сюда ваша голова, ваше сердце...

Такое же точно впечатлѣніе произвела на меня и заброшенная Текинская крѣпость, на которой невидимыми буквами написано навсегда, въ память вѣкамъ грядущимъ — 12 января 1881 года.

Насъ было нѣсколько человѣкъ, и по счастью, одинъ военный инженеръ, лично участвовавшій въ осадѣ Геокъ-Тепе. Онъ могъ разъяснить намъ все, что намъ было неясно.

Мы влѣзли на стѣны и бродили внутри крѣпости. Крѣпость поражаетъ своею кажущеюся ничтожностью. Она стоитъ на совершенно гладкой равнинѣ, у самыхъ песковъ. Обхватъ ея большой, болѣе четырехъ верстъ въ окружности. Недаромъ же въ ея стѣнахъ помѣщалось все населеніе оазиса, почти полсотни тысячъ народа съ ихъ кибитками. Но высота стѣнъ за то не больше двухъ саженъ. Въ толщину онѣ гораздо больше: до пяти саженъ при основаніи и до трехъ наверху. Такъ какъ онѣ глиняныя, то, вѣроятно, другаго размѣра сдѣлать нельзя, иначе бы онѣ обвалились. По верхнему краю стѣны идетъ ходъ, прикрытый двухъ-аршинными тонкими стѣнками съ узкими бойницами для ружій, и перегороженный черезъ каждыя нѣсколько саженъ такими же поперечными стѣнками, такъ-называемыми траверсами. Эти траверсы сдѣланы нарочно для того, чтобы на каждомъ шагу можно было остановить непріятеля, успѣвшаго гдѣ-нибудь влѣзть на стѣну. Частыя ступени ведутъ изъ крѣпости на стѣну, вдоль которой съ внутренней стороны ея вырыты жилыя ямы, гдѣ во время осады укрывались семейства Текинцевъ. Наружный ровъ уже изрядно осыпался и обмѣлѣлъ, но все-таки замѣтно, что онъ былъ не менѣе двухъ, трехъ саженъ глубины и такой же ширины... Странное дѣло, въ Геокъ-Тепе не было запиравшихся воротъ. Девять открытыхъ выходовъ въ стѣнахъ, противъ которыхъ вмѣсто мостовъ были оставлены земляныя перемычки между рвами, защищались только короткими и высокими глиняными стѣнками, поставленными впереди рва на подобіе щитовъ или ширмъ. Это нѣсколько напоминаетъ древнюю Спарту, которая замѣняла стѣны храбростью своихъ сыновъ.

Я стоялъ на вершинѣ стѣны и окидывалъ задумчивымъ взглядомъ печальную картину, разстилавшуюся предо мной. Грозная твердыня Текинцевъ теперь полуразрушена и обращена въ мирное пастбище.

Недаромъ Скобелевъ говорилъ, что „необходимо вспахать Геокъ-Тепе!“

Исхудалые за зиму грязносѣрые верблюды, облѣзлые, какъ чучела музея, объѣденные молью,—высокіе, громоздкіе, бродятъ внутри этихъ обагренныхъ кровью стѣнъ, въ философскомъ безмолвіи срывая своими мозолистыми губами колючую траву по удобренной кровью землѣ. Полуголый постушенокъ-Текинецъ, въ позѣ юнаго атлета, живописно усѣлся на парапетѣ стѣны, какъ разъ противъ меня, болтая босыми ногами, загорѣлыми, какъ юфть и съ презрительною безпечностью поглядываетъ на суетящуюся у крѣпости публику. Все теперь пусто внутри крѣпости. Только по серединѣ ея виднѣются камни разрушенной калы, которая составляла своего рода цитадель Геокъ-Тепе, да позади, въ юго-западномъ углу, высится саженъ на восемь или десять, зеленѣя своими скатами, плоскій холмъ Денгиль-Тепе,—главная и послѣдняя твердыня сокрушенной Туркменской силы.

За то по сторонамъ крѣпости вся степь покрыта зубчатыми башнями, стѣнами съ бойницами, развалинами глиняныхъ строеній, рвами арыковъ, разбросанными шелковичными деревьями.

Какъ разъ противъ Геокъ-Тепе, по дорогѣ отъ Кизилъ-Арвата, щетинится уже полуразрушенное теперь Самурское укрѣпленіе, бывшая Текинская Егянъ-Батыръ-Кала, прозванное такъ въ честь геройскаго 1 баталіона Самурскаго полка, все время бившагося въ головѣ отряда отъ начала до конца Текинской экспедиціи. Въ этомъ укрѣпленіи, тоже взятомъ съ кроваваго боя, были сложены въ дни осады Геокъ-Тепе двухмѣсячные запасы для цѣлаго отряда.

Съ другой стороны, въ пескахъ, виднѣются деревья и разрушенныя башни Куня-Геокъ-Тепе, покинутаго Текинцами при первомъ движеніи Русскихъ въ ихъ оазисъ. Я оглянулся направо—тамъ совсѣмъ другая картина. Среди безплодной скатерти глинистаго поля три, четыре русскія могилки подъ скромными деревянными крестами. Подъ ними похоронены безъ монументовъ и надписей безыменные русскіе солдатики, грудью своею взявшіе твердыни Геокъ-Тепе.

Нѣсколько Текинцевъ провожало насъ на стѣны крѣпости. Они влѣзали и слѣзали легко и проворно, какъ кошки. Имъ, очевидно, не было обидно наше любопытство и они показывали, и разсказывали намъ все, что̀ могли, весело осклабляя свои сверкающіе, какъ у волка, бѣлые зубы.

— Былъ ты въ Геокъ-Тепе, когда Скобелевъ бралъ? спрашивалъ стараго хищника одинъ изъ нашихъ пассажировъ, ученый Армянинъ-оріенталистъ, говорившій по-джегатайски.

— Всѣ мы были; и я былъ! коротко отвѣтилъ Текинецъ, глядя въ сторону.

— Какъ же вы, такіе храбрецы, поддались Русскимъ? Вѣдь васъ же было въ пятеро больше?

— Мы бы не поддались, да ничего сдѣлать было нельзя! съ искреннимъ вздохомъ отвѣчалъ Текинецъ.—Скобелевъ ужь очень хитеръ былъ. Мы было воду въ ровъ напустили, думали, черезъ воду Русскіе не перейдутъ, а Скобелевъ взялъ да и отвелъ воду въ другое мѣсто и ровъ сухой сталъ, стѣну толстую сдѣлали, думали, не перелѣзутъ Русскіе черезъ такую стѣну, перерѣжемъ мы ихъ всѣхъ; ждали вѣдь все, что Русскіе на стѣны полѣзутъ, какъ въ первый разъ; а Скобелевъ какой хитрый! Все изъ пушекъ насъ билъ, огнемъ жегъ, а на стѣны не шелъ. Вотъ мы слышимъ ночью, что Русскіе подъ стѣной ходъ копаютъ, лопатами стучатъ. Ну, думаемъ, вотъ это хорошо! Пускай копаютъ, вѣрно они хотятъ въ крѣпость пробраться, пока мы спимъ. А мы спать не стали, всю ночь шашки точили, думаемъ, станутъ они изъ-подъ земли вылѣзать, а мы имъ головы будемъ рубить. Намъ только этого и нужно было. Собралось насъ много народа, первые храбрецы и усѣлись поближе къ стѣнѣ, гдѣ Русскіе подкопъ вели, ждемъ, когда первый Русскій оттуда покажется, и сабли наголо держимъ. Вдругъ, какъ задрожитъ земля, какъ взлетитъ вверхъ стѣна наша, мы думали, что весь свѣтъ сквозь землю провалился! Всѣ голову потеряли! А тутъ Русскіе ура закричали... Въ крѣпость ворвались... Ну, мы и побѣжали!.. Что-жь больше дѣлать? Рубятъ насъ сзади, рубятъ спереди, и женъ, и дѣтей, всѣхъ рубятъ, а мы бѣжимъ куда глаза глядятъ... Послѣ ужь не велѣлъ Скобелевъ женщинъ рубить, такъ мы хватали съ женщинъ халаты, надѣвали ихъ на себя и садились гдѣ-нибудь. Такъ насъ и не тронули.

— Ну что-жь, теперь за то мирно живете, вмѣшался въ разговоръ другой пассажиръ,—вѣдь признайся, правда подъ русскою властью вы стали гораздо богаче. Работы сколько хотите, за все деньги платятъ и никто у васъ не отнимаетъ ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ! съ неудовольствіемъ отмахивался головой Текинецъ и животное выраженіе его низко оттянутаго рта сдѣлалось при этомъ еще грубѣе и враждебнѣе. — Какъ же можно!..

Теперь хотя и есть деньги у Теке, да работать нужно каждый день... Пшеницу—работай, табакъ—работай, дорогу—работай! а тогда Теке совсѣмъ не работалъ. Зачѣмъ работать? Нужно денегъ, поѣхалъ въ Персію на аламанъ, поймалъ трехъ Персовъ, продалъ въ Хивѣ, и живи себѣ полгода, ничего не дѣлай... Какъ же можно!

Вокругъ Геокъ-Тепе оазисъ населенъ особенно густо. Аулы на каждомъ шагу, и всѣ къ сторонѣ горъ. Крѣпостцы слѣдуютъ одна за другою чуть не сплошною цѣпью. Садики, орошаемые канавками, поля, изрѣзанныя арыками, шелковичныя деревья вдоль арыковъ, дѣлаются обыкновенною обстановкой пейзажа вмѣстѣ съ пасущимися вездѣ стадами верблюдовъ. Аулы подходятъ даже къ самой желѣзной дорогѣ, такъ что поѣзду приходится проноситься между ихъ глиняными стѣнками, изъ-за которыхъ хорошо намъ видны бобровые шалаши текинскихъ кибитокъ и ихъ глиняныя мазанки безъ оконъ. Иныя кибитки оплетены еще сверхъ войлоковъ камышевою изгородью, смазанною глиной, въ защиту отъ рѣзкихъ вѣтровъ пустыни. Текинцевъ также видишь все больше и больше, и въ поляхъ, и на станціяхъ желѣзной дороги. А надъ всѣмъ этимъ оживленнымъ весеннимъ пейзажемъ, котораго зеленыхъ красокъ и слѣда не останется уже въ маѣ мѣсяцѣ, господствуетъ своими ближними лѣсистыми хребтами и своими выглядывающими изъ-за нихъ далекими снѣговыми вершинами безконечно тянущійся Копетъ-Дагъ, провожающій насъ все время съ тѣхъ поръ, какъ мы проснулись раннимъ утромъ за Кизилъ-Арватомъ.

Тутъ и почва, и климатъ—превосходны, а животный міръ богатъ даже и въ пескахъ сосѣдней пустыни. Дикіе ослы, джейраны, антилопы—бѣгаютъ стадами. Гіенъ множество, а шакалы воютъ по ночамъ вокругъ самаго Асхабада.

Военный инженеръ, съ которымъ мы ѣхали, держалъ у себя нѣкоторое время дикаго осла (Кулана). Но объѣздить его не удалось, потому что куланы настолько благоразумны, что не позволяютъ садиться на себя осѣдлавшему всю ихъ четвероногую братію двуногому собрату своему. Этотъ родоначальникъ нашего лѣниваго и рабски покорнаго осла оказывается самымъ рьянымъ, самымъ быстрымъ и самымъ неукротимымъ животнымъ азіятской пустыни...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Е. Марковъ.

СПОСОБЫ ВОЗДѢЙСТВІЯ ЧЕЛОВѢКА НА ПРИРОДУ.

Измѣненія, произведенныя человѣкомъ.—4 главныя группы земледѣльческихъ поселеній.—Области неизмѣненныя или мало измѣненныя человѣкомъ.—Причины этого явленія.—Слишкомъ роскошная растительность тропическихъ лѣсовъ.—Огонь—первое орудіе человѣка въ борьбѣ съ природой.—Примѣръ первобытнаго огневаго хозяйства въ тропической Америкѣ.—Культурныя страны, возвратившіяся въ дикое состояніе.—Вопросъ о порядкѣ заселенія лѣсныхъ странъ.—Теоріи Кэри и Рикардо.—Власть человѣка надъ распредѣленіемъ водъ, растительности и *сыпучихъ тѣлъ* (почва, пески, пыль, твердые осадки въ водахъ, снѣгъ).—Распаденіе скалъ подъ вліяніемъ воздуха и воды.—Судьба сыпучихъ тѣлъ при чередованіи суши и воды.—Вліяніе растительности.—Пески подвижные и закрѣпленные.—Дѣятельность человѣка.—Овраги.—Условія образованія овраговъ.—Овраги растущіе и остановившіеся.—Вліяніе растительности.—Борьба человѣка съ оврагами.—Пониженіе уровня почвенныхъ водъ оврагами.—Увеличеніе площади неудобныхъ земель въ Воронежской губерніи по изслѣдованію Щербины.—Ухудшеніе условій Ставропольской губерніи.—Горные потоки.—Дагестанъ.—Французскіе Альпы.—Вліяніе истребленія лѣсовъ и распашки крутыхъ склоновъ.—Увеличеніе наводненій.—Законы 1860 и 1863 объ облѣсеніи и задернѣніи горъ.—Мѣры борьбы съ горными потоками.—Блестящіе успѣхи.—Стоимость работъ.—Японія.—Сохраненіе лѣса въ горахъ до недавняго времени.—Изученіе снѣжнаго покрова.—Постоянныя наблюденія.—Вліяніе человѣка на количество и распредѣленіе снѣга.—Условія таянія снѣга и весенняго половодья.—Защита почвы отъ размыванія.—Способы борьбы съ оврагами въ Россіи.—Вліяніе подобныхъ работъ на почвенную воду.—Устройство запрудъ.—Сухость воздуха и суховѣи.—Мѣры противъ нихъ.—Лѣсныя опушки.—Роль пыли въ хозяйствѣ природы, особенно въ Центральной Азіи.—Илъ большихъ рѣкъ.—Наиленіе.—Проектъ Дюпоншеля.—Вліяніе человѣка на климатъ.—Уменьшеніе силы вѣтра деревьями.—Уменьшеніе испаренія съ поверхности почвы и водъ.—Вліяніе растительности и водъ на климатъ.—Увеличеніе количества дождя вблизи лѣса и водъ въ Россіи и Индіи.—Какія пространства должны быть подъ лѣсомъ?—Противуположность хищнической дѣятельности человѣка и дѣятельности охраняющей и возстановляющей.

Разселяясь по земному шару, человѣкъ намѣренно и ненамѣренно видоизмѣняетъ условія его поверхности, и эта дѣятельность остается не безъ вліянія и на нижній слой воздуха. Спрашивается, въ чемъ, главнымъ образомъ, состоятъ эти измѣненія, нѣтъ ли въ воздѣйствіи человѣка на природу вредныхъ сторонъ, а если есть, то какъ ихъ устранить.

---

[1] Публичная лекція въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, читанная въ актовомъ залѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета 18 марта 1892 года.

Прочныя измѣненія въ большихъ размѣрахъ способенъ производить лишь осѣдлый земледѣлецъ, и если ограничиться крупными чертами, то онѣ, главнымъ образомъ, состоятъ: 1) въ *корчевкѣ и обращеніи въ культурное состояніе лѣсовъ;* 2) *распашкѣ и обращеніи въ культурное состояніе степей.* Эти два вида дѣятельности человѣка проявились на сплошныхъ пространствахъ, которыя занимаютъ милліоны квадратныхъ верстъ. На меньшемъ пространствѣ мы имѣемъ: 3) *искуственное орошеніе;* 4) *осушеніе болотъ, озеръ* и т. д.; 5) *приведеніе лѣсовъ въ культурное состояніе.*

На земномъ шарѣ существуютъ *четыре большія группы осѣдлыхъ земледѣльческихъ поселеній*, здѣсь человѣкъ почти сплошь видоизмѣнилъ поверхность земнаго шара. Это: 1) Европа съ прибавкой небольшой юго-западной части Сибири и небольшой части Малой Азіи и за исключеніемъ дальняго сѣвера Россіи и Скандинавіи, Прикаспійскихъ степей и высокихъ горъ; 2) южная и восточная Азія, то-есть Индія, собственный Китай, большая часть Японіи, часть Загангскаго полуострова; 3) атлантическое побережье и область Миссисипи въ Сѣверной Америкѣ; 4) большая часть тропической Африки.

Во всѣхъ четырехъ областяхъ въ *поля, сады* и т. д. обращены и *лѣса*, и *степи*, причемъ въ Европейской [1] и Сѣверо-Американской областяхъ въ послѣднее время поля расширяются гораздо болѣе на счетъ степей, чѣмъ лѣсовъ.

Затѣмъ искусственное орошеніе гораздо болѣе распространено въ Южной и Восточной Азіи, чѣмъ въ другихъ трехъ областяхъ, его всего менѣе въ Америкѣ. Орошеніе было распространено въ Азіи уже давно, въ прежнее время даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь, особенно на сѣверѣ и западѣ отъ Индіи (Персія, Мессопотамія, Сирія, Малая Азія, Средняя Азія). Европа же классическая область осушенія, и въ одной Европѣ лѣса на значительномъ пространствѣ приведены въ культурное состояніе.

Внѣ этихъ четырехъ культурныхъ областей лишь небольшія пространства обращены въ поля, и они находятся лишь или среди пустынь, или по берегамъ морей и рѣкъ, то-есть человѣкъ еще вполнѣ не обладаетъ природой. Поселенія осѣдлыхъ земледѣльцевъ занимаютъ здѣсь небольшое пространство среди пустынь, степей или лѣсовъ. Вся эта часть суши земнаго шара

---

[1] Къ которой относится и Западная Сибирь.

можетъ быть названа *некультурною областью*. Эти страны не заняты осѣдлымъ земледѣльцемъ, не измѣнены имъ по очень разнообразнымъ причинамъ. Иныя несомнѣнно должны остаться незанятыми, если не измѣнится климатъ, другія, напротивъ, страны благодатныя съ роскошною природой.

Можно установить слѣдующіе пять типовъ некультурныхъ странъ:

1. *Холодныя пустыни*, то-есть страны, занятыя льдомъ и снѣгомъ, или хоть и свободныя отъ нихъ на короткое время, но почти лишенныя растительности (южно-полярный материкъ, большая часть Гренландіи, высокія горы).

2. *Сухія пустыни*. Еще недавно думали, что безплодіе Сахары и другихъ пустынь зависитъ отъ того, что онѣ недавно были покрыты морскими водами и поэтому лишены перегноя.

Теперь доказано, что пустыни — продуктъ климата. Сухія пустыни встрѣчаются тамъ, гдѣ дождя выпадаетъ слишкомъ мало. При искусственномъ орошеніи и въ Сахарѣ встрѣчается роскошная растительность. Человѣкъ можетъ, слѣдовательно, уменьшить пространство пустынь, обратить ихъ въ оазисы, но нечего увлекаться слишкомъ розовыми надеждами въ этомъ отношеніи. Прѣсной воды мало не только въ пустыняхъ, но и на ихъ окраинахъ и большая часть пустынь неспособны къ культурѣ, пока не измѣнится климатъ.

3. *Тундры*, то-есть пространства на дальнемъ сѣверѣ, покрытыя мхомъ и лишаями. Человѣкъ пользуется тундрами, какъ пастбищами для сѣверныхъ оленей. Отсутствіе лѣса здѣсь объясняется не однимъ климатомъ, достаточно взглянуть на лѣсную карту Россіи, изданную лѣснымъ обществомъ, чтобъ увидѣть, что тундры мѣстами глубоко вдаются въ область лѣсовъ, да и наши моховыя болота тѣ же тундры. На дальнемъ сѣверѣ склонъ почвы имѣетъ громадное вліяніе на растительность, если холодныя весеннія воды застаиваются, то понятно, что возможна лишь самая жалкая растительность. На это явленіе неоднократно указывалъ профессоръ Бекетовъ. Съ другой стороны мхи мѣшаютъ нагрѣванію почвы лѣтомъ и даже въ Лифляндской губерніи, по словамъ Мад. Миддендорфа, во мховыхъ болотахъ почва иногда не оттаиваетъ до іюля. Со временемъ обратятъ вниманіе и на тундры, осушатъ ихъ и дадутъ возможность производить растенія полезныя для человѣка.

4. *Степи*. Это понятіе у насъ очень растяжимо, говорятъ и

„степь Сахара“, и даже въ Прикаспійскихъ степяхъ есть мѣста, которыя справедливо было бы назвать пустынями. Другія степи, напротивъ, покрыты роскошною растительностью и въ высшей степени пригодны для земледѣлія. Такія степи теперь быстро заселяются и даютъ тѣ избытки зерноваго хлѣба, которые такъ понизили его цѣну на всемірныхъ рынкахъ. Въ Европейской Россіи и Соединенныхъ Штатахъ незаселенныхъ и нераспаханныхъ плодородныхъ степей уже почти не осталось, въ настоящее время такія пространства быстро заселяются и въ Южной Америкѣ (особенно по Лаплатѣ), Австраліи, Южной Африкѣ и Сибири. Но затѣмъ существуетъ переходъ отъ этихъ степей къ пустынямъ, степи сухія, дающія еще порядочное пастбище, но уже ненадежныя для земледѣлія безъ искусственнаго орошенія.

5. *Тайга* и прибрежныя низменности. Наши Сибиряки называютъ тайгой дикій, густой лѣсъ, почти недоступный для человѣка. Тайги, совершенно ненаселенной или населенной охотниками и рыболовами, осталось еще много, особенно выдѣляются, слѣдовательно, 5 областей: 1) бóльшая часть Сибири, 2) область Амазонки и Ориноко въ Южной Америкѣ, 3) болѣе половины Канады и небольшія пространства на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ, 4) бóльшая часть области Конго въ Африкѣ и 5) около половины Загангскаго полуострова и Большихъ Зондскихъ острововъ Суматры, Борнео, Целебеса и т. д.

Тайга или первобытный лѣсъ въ умѣренномъ поясѣ несомнѣнно заселится, какъ заселились ранѣе такія же области тайги въ Европѣ и на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣднія 40, 50 лѣтъ заселеніе тайги нѣсколько пріостановилось, такъ какъ человѣку была возможность распахивать степи, то-есть устраивать поля съ меньшимъ трудомъ.

Иное дѣло тайга (лѣсъ) болѣе теплыхъ и притомъ влажныхъ странъ и не только въ тропикахъ, но и въ нѣкоторыхъ странахъ среднихъ широтъ, напримѣръ, у насъ на восточномъ берегу Чернаго Моря и по низовьямъ Ріона, въ Соединенныхъ Штатахъ во Флориндѣ и т. д. Здѣсь *природа слишкомъ могущественна, человѣку трудно съ нею бороться*, нужны долговременныя и дружныя усилія, чтобъ ее одолѣть. Когда это будетъ сдѣлано въ нынѣшней тропической тайгѣ, несомнѣнно сосредоточится густое населеніе, такъ какъ обиліе тепла и влаги такъ же нужно для культурныхъ растеній, какъ и для дикихъ.

Огонь несомнѣнно самое могучее орудіе борьбы первобытнаго

человѣка съ природой, но его дѣйствіе далеко не вездѣ одинаково. Гдѣ климатъ сухъ, тамъ *палы* охотника или кочевника истребляютъ растительность сразу на большомъ пространствѣ, гдѣ климатъ очень влаженъ, какъ на Амазонкѣ, въ области Конго и т. д., тамъ растущій лѣсъ не горитъ, а горитъ лишь срубленный, да и то не быстро, затѣмъ растительность быстро опять возстановляется и слѣды дѣятельности человѣка исчезаютъ. И теперь во многихъ мѣстностяхъ тропической тайги существуетъ полукочевье *лядинное* (огневое), хозяйство, сходное съ тѣмъ, которое и до сихъ поръ въ ходу на сѣверѣ Россіи, но только во влажныхъ тропическихъ странахъ власть человѣка надъ природой меньше, дикая растительность скорѣе его одолѣваетъ. То же испытали новые поселенцы, водворившіеся послѣ Черкесовъ на восточномъ берегу Чернаго Моря. И они изнемогли въ борьбѣ съ природой.

Мнѣ пришлось видѣть это тропическое первобытное хозяйство въ окрестностяхъ Паленке, въ Мексикѣ (къ юго-западу отъ полуострова Юкатанъ). Величественныя развалины храмовъ и дворцовъ находятся среди роскошнаго лѣса, столь густаго, что его можно бы принять за дѣвственный. На окраинѣ лѣса живутъ потомки строителей зданій и ведутъ лядинное хозяйство. Плугъ, соха, борона имъ не знакомы. На 100 верстъ кругомъ нѣтъ ни одной кузницы, но жители имѣютъ топоры и большіе ножи (machete), привезенные изъ Соединенныхъ Штатовъ. Ими рубятъ деревья и рѣжутъ сучья, затѣмъ выжигаютъ лѣсъ, заостренною палкой дѣлаютъ дыры, кладутъ по нѣскольку зеренъ кукурузы и заравниваютъ землю ногой. Собираютъ лишь одинъ урожай и бросаютъ лядину, такъ какъ на второй годъ является такая буйная кустарная растительность, что полудикому человѣку немыслимо бороться съ нею. Здѣсь, слѣдовательно, прежде человѣкъ побѣдилъ природу, жилъ осѣдло, строилъ города, но затѣмъ его одолѣла природа, и онъ ей подчинился.

То же мы видимъ и въ Азіи. Недавно Французы открыли въ Камбоджѣ, близь Кохинхины, развалины великолѣпныхъ зданій среди дикаго тропическаго лѣса. Стиль и орнаменты указываютъ на индійскія вліянія. На мѣстѣ древнихъ городовъ въ восточной части острова Явы также выросли густые лѣса. То же на сѣверѣ и востокѣ острова Цейлона. Окрестности блестящихъ древнихъ столицъ Анарадхапура и Полланаруа почти не населены, заросли

лѣсомъ и кустарникомъ, оросительныя канавы и пруды обратились въ смрадныя болота. [1]

Вездѣ въ тропикахъ цивилизація возникала въ странахъ болѣе сухихъ, менѣе роскошно одаренныхъ природой, въ странахъ, гдѣ дикая растительность не одолѣвала человѣка. Тамъ она не только возникла, но и прочно утвердилась. Нынѣ въ Индіи не найдется ни одного зданія, замѣчательнаго по архитектурѣ ни у подножія Гималая, ни на Малабарскомъ берегу, то-есть въ странахъ съ роскошною растительностью, а тамъ, гдѣ она еще роскошнѣе, какъ въ странахъ по Средней и Нижней Брахмапутрѣ и до сихъ поръ населеніе рѣдко, лѣсъ еще господствуетъ. Страны Индіи, издавна густо населенныя и замѣчательныя по культурѣ (сѣверо-западныя провинціи Аудъ, Раджпутана, Бужератъ, восточная часть Мадраса, Майссуръ), не имѣютъ избытка дождя и роскошной естественной растительности. То же и въ Америкѣ, гдѣ къ общеизвѣстнымъ примѣрамъ Мексики и страны Инковъ въ Перу можно прибавить еще, слѣдовательно, культурныя страны съ замѣчательными древними памятниками: окрестности Оахаки, Юкатанъ, западную Никрагуу, Кундинамарку (въ Колумбіи). Всѣ онѣ сохранили осѣдлое земледѣльческое населеніе, всѣ не слишкомъ влажны, а температура очень различна, отъ холоднаго Куско, столицы Инковъ, до жаркаго Юкатана.

Это явленіе было хорошо понято американскимъ экономистомъ Кэри (Carey). По его мнѣнію, сначала заселяются мѣстности бѣдныя, но легче доступныя обработкѣ, далѣе по мѣрѣ увеличенія густоты населенія являются средства для занятія богатыхъ рѣчныхъ долинъ. Первые поселенцы не могутъ справиться съ буйною растительностью долинъ и не могутъ ихъ осушить. Кэри былъ очевидцемъ заселенія восточныхъ Соединенныхъ Штатовъ, его теорія, слѣдовательно, основана на опытѣ, а противуположная теорія Рикардо, гласящая, что сначала заселяются болѣе плодородныя земли, а затѣмъ уже бѣдныя, чисто умозрительная и выработана кабинетнымъ ученымъ, не знакомымъ съ ходомъ заселенія новыхъ странъ и мало знакомымъ съ исторіей. Теорія Кэри объясняетъ и обратный ходъ явленій, опустѣніе культурныхъ странъ съ роскошною растительностью, какъ сѣверный Цейлонъ, Камбоджа, окрестности Паленке. Завоеваніе страны, уменьшеніе населенія, разрушенія оросительныхъ каналовъ лишили человѣка

---

[1] Минаевъ, очерки Цейлона и Индіи.

власти надъ природой, возможности производить большія общественныя работы. Населеніе или одичало, или выселилось въ страны съ болѣе бѣдною растительностью, гдѣ при измѣнившихся условіяхъ жить было возможно, хотя и плохо, по пословицѣ „не до жиру, быть бы живу“.

Степныя страны не совсѣмъ подходятъ къ вышеизложеннымъ условіямъ. Здѣсь человѣкъ находитъ часто плодородныя земли съ большими запасами азотистыхъ веществъ, накопленныхъ растительностью въ теченіе многихъ тысячелѣтій, и притомъ пользованіе этими землями не трудно.

Но пора перейти къ другому вопросу. Давно замѣчено, что въ культурныхъ странахъ ухудшаются условія природы, и спрашивается, неотразимы ли эти явленія или въ нихъ хоть отчасти виноватъ самъ человѣкъ. Преобладающее мнѣніе склоняется къ послѣднему объясненію.

По живописному воображенію французскаго ученаго Рамона (Ramond) „земля быстро старѣетъ. Одинъ вѣкъ дѣятельности человѣка способствуетъ этому болѣе чѣмъ двадцать вѣковъ дѣятельности природы“.

Указываютъ на уменьшеніе водъ, какъ поверхностныхъ, такъ и подпочвенныхъ, на увеличеніе овраговъ и сыпучихъ песковъ, размываніе и сносъ почвы горныхъ долинъ потоками и наносъ песка и гальки въ болѣе низкія долины, усиленіе засухъ и суховѣевъ вслѣдствіе уменьшенія естественной растительности, особенно лѣсовъ и т. д. Эти явленія замѣчаются не вездѣ въ одинаковой степени, и на нашемъ материкѣ на нихъ жалуются болѣе на югѣ и юго-востокѣ, чѣмъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ.

Спрашивается, насколько человѣкъ имѣетъ власть надъ этими явленіями и не зависитъ ли ухудшеніе природныхъ условій отчасти отъ его дѣйствія и бездѣйствія, то-есть отъ его небрежности съ одной стороны и не разсчетливой алчности—съ другой?

Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно обратить особенное вниманіе на *воды*, *сыпучія тѣла* и *растительность*. Человѣкъ можетъ въ очень значительной степени видоизмѣнить ихъ распредѣленіе по земному шару, а относительно сыпучихъ тѣлъ и растительности ихъ количество и качество.

Я здѣсь впервые ввожу общее понятіе о *сыпучихъ тѣлахъ* или, точнѣе, придаю этому слову особое значеніе. Я, конечно, не разумѣю сыпучія тѣла нашей оффиціальной терминологіи, то-есть зерновые хлѣба.

Я разумѣю подъ именемъ сыпучихъ тѣлъ: 1) *почву;* 2) *пески и гальки на сушѣ;* 3) *взмученные въ водѣ или движимые ею твердые осадки: илъ, песокъ, гальки и т. д.;* 4) *пыль;* 5) *снѣгъ.*

Воздѣйствіе на сыпучія тѣла, ихъ количество, качество и распредѣленіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ человѣка.

Въ томъ, что̀ слѣдуетъ далѣе, мнѣ придется пользоваться почтенными трудами многихъ ученыхъ и практиковъ. Къ счастію почти всѣ возбужденные здѣсь вопросы въ отдѣльности обратили на себя вниманіе. Но до сихъ поръ вопросъ не былъ поставленъ въ томъ видѣ, какъ я его ставлю здѣсь и не было введено общее понятіе о *сыпучихъ тѣлахъ* и воздѣйствіи на нихъ человѣка.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, это воздѣйствіе достигается главнымъ образомъ посредствомъ растительности, а воздѣйствіе на сыпучія тѣла и растительность имѣетъ самое большое вліяніе на распредѣленіе водъ по поверхности земнаго шара.

Земная кора состоитъ по большей части изъ твердыхъ породъ, но онѣ постепенно распадаются подъ вліяніемъ воздуха, дождевыхъ и текучихъ водъ, растительности, удара другихъ твердыхъ тѣлъ. Я упомянулъ о растительности, понятно, что далеко не всѣ растенія могутъ расти на скалѣ, сначала появляются мхи и лишаи, способные довольствоваться самымъ малымъ количествомъ почвы, если можно назвать почвой небольшое количество вывѣтрившейся скалы, а затѣмъ эти растенія сами уже способствуютъ разложенію скалы, за ними являются другія растенія, ихъ корни проникаютъ въ разсѣлины скалъ и т. д. Такимъ образомъ, отъ скалъ отдѣляются сыпучія тѣла, которыя далѣе распредѣляются очень различнымъ образомъ, подъ вліяніемъ силы тяжести, текучей воды и вѣтра.

Чѣмъ круче склонъ и крупнѣе частицы, тѣмъ чаще онѣ скатываются внизъ. Текучая вода имѣетъ болѣе сильное вліяніе на распредѣленіе сыпучихъ тѣлъ. Кому неизвѣстно, что вода способна передвигать илъ, песокъ, гальку и т. д., и чѣмъ быстрѣе теченіе, тѣмъ крупнѣе передвигаемыя частицы. Горныя рѣчки послѣ ливня и таянія снѣга двигаютъ крупные валуны, Волга несетъ гальку (гравій) во время половодья до Симбирска, далѣе на днѣ уже преобладаетъ песокъ, а въ устьяхъ илъ. Всякое уменьшеніе скорости теченія сопровождается осажденіемъ

частицъ, которыя вода передвигала, происходитъ осадокъ, а при увеличеніи скорости рѣка размываетъ свое дно и бока, то-есть вновь увлекаетъ отложившіеся осадки. Еще важнѣе дѣйствіе воды, падающей каскадомъ, она быстро размываетъ твердыя тѣла, образуетъ промоины и овраги. Вѣтеръ не въ состояніи переносить такія крупныя тѣла, какъ вода, но однако передвигаетъ песчинки, а очень сильный вѣтеръ передвигаетъ даже гальки (напримѣръ, Бакинскій Нордъ и Новороссійская бора). Болѣе мелкія частицы (пыль) долго носятся въ воздухѣ, осѣдая по мѣрѣ уменьшенія его скорости. Въ пустыняхъ песокъ и галька, несомые вѣтромъ, ударяясь о поверхность скалъ, бороздятъ ее и откалываютъ отъ нея частицы.

Рѣки увлекаютъ песокъ, илъ и т. д. въ моря и озера, но и тамъ эти частицы передвигаются подъ вліяніемъ теченій, зависящихъ отъ вѣтровъ, приливовъ и т. д.

Извѣстно, что границы суши и моря не остаются постоянными. При отступаніи моря часто обнажаются пески, бывшіе до того подъ водой, образуются такъ-называемыя *дюны*, обнажаются и пески, прежде бывшіе на днѣ рѣкъ, изъ нихъ образуются материковыя дюны, или *песчаные барханы*. Обратно вѣтеръ заноситъ песокъ и болѣе мелкія частицы (пыль) въ рѣки, озера и моря.

Такъ постоянно образуются и передвигаются сыпучія тѣла подъ вліяніемъ воздуха и воды.

Но есть еще одно вліяніе—вліяніе растительности. Она способствуетъ разложенію скалъ, распаденію ихъ на болѣе мелкія частицы. Но ея роль далеко не ограничивается этимъ. Способствуя распаденію скалъ на болѣе мелкія частицы, образованію почвъ, *растительность* имѣетъ другія важныя свойства: она *мѣшаетъ размывающему дѣйствію воды* и *движенію сыпучихъ тѣлъ*. Иначе сказать, въ этомъ отношеніи дѣятельность ея противуположна дѣйствію воздуха и воды на сыпучія тѣла.

Возьмемъ два явленія обыкновенной жизни и покажемъ на ихъ примѣрѣ дѣйствія вѣтра, текучей воды и растительности, *пески* и *овраги*.

Кому не приходилось видѣть или слышать, что, напримѣръ, послѣ вырубки сосноваго лѣса образовались сыпучіе пески, передвигаемые вѣтромъ, угрожающіе сосѣднимъ полямъ и даже селеніямъ. Почему же ранѣе не было этой опасности. По тремъ причинамъ: 1) корни деревьевъ закрѣпляли песокъ; 2) опавшая хвоя

защищала поверхность отъ вѣтра, и растворы, происшедшіе отъ разложившейся хвои, связывали (цементировали) песокъ; 3) деревья, уменьшая силу вѣтра, мѣшали переносу незакрѣпленнаго песку. Послѣ вырубки лѣса и уничтоженія остальной растительности скотомъ уменьшается вліяніе всѣхъ условій, закрѣплявшихъ песокъ, а вѣтеръ получаетъ свободный доступъ къ нему, образуя барханы.

Однако опытъ показываетъ, что почти вездѣ, за исключеніемъ пустынь, на сыпучихъ пескахъ постепенно образуется растительность и постепенно закрѣпляетъ ихъ. Ея главные враги человѣкъ и его домашнія животныя. Уничтожается она скоро, а возстановляется медленно. Еслибы пески состояли изъ совершенно чистыхъ кварцевыхъ зеренъ, а дождевая и снѣговая вода была химически чиста, то растительность не могла бы возникнуть на пескахъ. Но ни того, ни другаго не бываетъ, перваго уже потому, что на поверхность песчаныхъ бархановъ постоянно падаетъ пыль. Она накопляется мѣстами, особенно на подвѣтренной сторонѣ, образуя слой мало проницаемый для воды. Дождевая и снѣговая вода впитывается въ песокъ и доходитъ до того уровня, гдѣ отложилась пыль, образуется слой, благопріятный для растительности, которая постепенно появляется и закрѣпляетъ пески. Вездѣ въ Средней Азіи рядомъ съ *подвижными песками (барханами)* попадаются пески, закрѣпленные растительностью. Но при сухости климата нужно очень беречь растительность, она трудно и медленно возстановляется. Нерѣдко во всей Средней и Центральной [1] Азіи пески засыпаютъ оазисы по винѣ человѣка, который вырубаетъ *саксаулъ* и другія деревья и кустарники, и пасетъ скотъ на пескахъ, а затѣмъ самъ платится за свою неосторожность. Въ лучшей части нашихъ среднеазіятскихъ владѣній, Ферганѣ, очень много песковъ, довольно опасныхъ. Жители знаютъ опасность песковъ, знаютъ, что если уже нельзя закрѣпить самые пески, то можно спастись отъ нихъ разведеніемъ древесныхъ насажденій или сбереженіемъ камышей между песками и полями, но рѣдко предпринимаютъ что-либо противъ нихъ. [2]

[1] Центральною Азіей по почину Рихтгофена и Пржевальскаго называютъ обширное нагорье между Алтаемъ и Гималаемъ.

[2] Наливкинъ. *Опытъ изслѣдованія песковъ Ферганской области* Маргеланъ 1887 года.

Въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Западной Европѣ и у насъ на низовьѣ Днѣпра, дѣятельно борятся противъ песковъ, засаживая ихъ грубыми злаками съ длинными корнями, и когда они немного закрѣпятся, то деревьями и кустарниками.

Къ сожалѣнію, такихъ примѣровъ цѣлесообразной и удачной борьбы съ песками у насъ немного, гораздо чаще обратные—вырубка лѣсовъ, пастьба скота и даже распашка ихъ, и затѣмъ неизбѣжныя послѣдствія небрежности и неразсчетливости—пески становятся сыпучими и отъ нихъ приходится ограждать поля.

Итакъ, растительность мѣшаетъ вредной для человѣка подвижности песка, а пыль вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ образованію водоноснаго слоя на нѣкоторой глубинѣ. Для закрѣпленія песка важны и живыя растенія, особенно ихъ корни, и мертвые растительные покровы: хвоя, листья, стебли злаковъ и т. д.

Другой примѣръ вліянія растительности—*овраги*. Можно смѣло сказать, что въ лѣсахъ и нетронутыхъ ковыльныхъ степяхъ нѣтъ овраговъ быстро растущихъ вверхъ, какіе такъ часто встрѣчаются на поляхъ нашей черноземной области. Существуютъ лишь болѣе широкіе овраги, на югѣ называемые *балками*, ихъ склоны покрыты растительностью.

Въ нашей черноземной густонаселенной области, гдѣ распахано все, что̀ только возможно было распахать, овраги, какъ выше сказано, составляютъ большое зло. И можетъ ли быть иначе, при рыхлой почвѣ, а иногда и подпочвѣ, крутыхъ склонахъ къ рѣкамъ и балкамъ и небрежности хозяевъ. Вспомнимъ еще, какъ долго почва остается безъ растительности или покрытою очень скудною растительностью (черные пары, пары и жнитья выбитые скотомъ до того, что еле увидишь зеленую травку и т. д.), да и вспомнимъ лѣнь и „авось“ большинства нашихъ хозяевъ.

Для изученія роста и развитія нашихъ овраговъ у насъ такое раздолье, какъ нигдѣ кажется въ мірѣ. Выбирай любой случай.

Вотъ на крутомъ склонѣ къ рѣчкѣ нѣсколько трещинъ. Посмотримъ на слѣдующій годъ—онѣ увеличились, если было большое половодье весной или прошелъ сильный ливень, смотришь, образовалась большая яма, а въ слѣдующіе годы уже и настоящій оврагъ.

Овраги по большей части доходятъ до рѣчекъ и крупныхъ балокъ, но есть и такіе, которые выходятъ на поля. Они приносятъ двойной вредъ, такъ какъ увеличиваясь вверхъ или сносятъ

пахотную землю, заставляютъ переносить дороги и дѣлать большіе объѣзды, а на поля ниже овраговъ наносятъ песокъ и гальки, и они тоже портятся.

Растущій оврагъ имѣетъ обыкновенно крутые склоны и всегда крутую вершину. Здѣсь собирается значительный водотекъ весной и послѣ ливней и, падая каскадомъ въ оврагъ, размываетъ его далѣе. Большіе овраги всегда сложны, то-есть имѣютъ нѣсколько растущихъ отвершковъ.

Овраги растутъ не однимъ размываніемъ отвершковъ, но и подмываніемъ. Лёссъ и лёссовидная глина имѣютъ свойство раскалываться на призматическіе столбы; разъ такой столбъ образовался, онъ легко подмывается, увлекая за собой и вышележащія породы. Песокъ тоже легко увлекается водой и вѣтромъ и обнажаетъ выше лежащіе слои. Овраги, гдѣ встрѣчаются такія явленія, довольно широки между крайними склонами, но въ срединѣ находится почва и подпочва въ разныхъ степеняхъ разрушенія. Бываетъ и такъ: долина начинается въ лѣсу, въ самомъ верховьѣ родникъ, долина сначала имѣетъ видъ балки съ некрутыми берегами, заросшими лѣсомъ и травой, размыванія и роста оврага въ лѣсу нѣтъ, но вотъ оврагъ выходитъ на поле и скоро около него идутъ отвершки (отноги) сильно растущіе.

Наконецъ упомяну о случаѣ, когда бросаютъ пашни вблизи верховій и отвершковъ овраговъ; старая пашня заростаетъ лѣсомъ или травой, размываніе останавливается, бока оврага становятся отложе и также заростаютъ деревьями и травой.

Всѣ эти виды овраговъ я видѣлъ на пространствѣ около 3.000 десятинъ, въ дачѣ села Самайкина, Сызранскаго уѣзда. Правда, мѣстность очень благопріятна для роста овраговъ, нагорья въ пяти верстахъ отъ рѣчки Тамыша выше ея уровня на 75 саженъ, существуетъ много крутыхъ склоновъ, породы рыхлы, но подобныя же условія существуютъ во многихъ частяхъ нашей черноземной полосы.

Извѣстно и другое обстоятельство: достаточно въ такой мѣстности провести по склону дорогу или канаву, чтобы весеннее половодье или ливни образовали оврагъ. Овраги вредны не только тѣмъ, что они уносятъ плодородную землю, а гдѣ выходятъ на поля, покрываютъ ихъ пескомъ и гальками, они способствуютъ быстрому стоку дождевыхъ и снѣговыхъ водъ, и понижаютъ уровень подпочвенныхъ водъ, слѣдовательно, отнимаютъ у почвы необходимую влагу. Мало того, они засоряютъ рѣчки и судоходныя

рѣки, и притомъ до такой степени, что для огражденія послѣднихъ приходится строить плетни или плотины у устьевъ овраговъ. Такъ дѣлаютъ Американцы на Миссисипи, такъ предположено поступить у насъ на Дону.

Другое не малое зло на берегахъ нашихъ рѣкъ — крутые склоны, лишенные лѣса и покрытые очень скудною растительностью. Послѣ ливней и весной песокъ и галька скатываются въ рѣку, которая, кромѣ того, постоянно подмываетъ берегъ.

На вредъ отъ овраговъ и песковъ указываютъ и другія данныя. Такъ г. Щербинъ, статистикъ Воронежскаго земства, недавно сравнилъ пространство разныхъ угодій въ четырехъ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи и ихъ измѣненіе за 25 лѣтъ. Въ круглыхъ цифрахъ въ началѣ періода пространство крестьянскаго надѣла было 950 тысячъ десятинъ, причемъ усадьба занимала 4%, пашня 78%, выгоны и луга 4½%, лѣса 8%, кустарники 1% и неудобныя земли 4%. Затѣмъ началась усиленная вырубка лѣса и распашка выгоновъ и луговъ. Въ 25 лѣтъ произошли слѣдующія измѣненія въ угодіяхъ. *Уменьшилось* пространство пашни на 2%, луговъ и выгоновъ на 14% и лѣсовъ на 78%, *увеличилось* пространство усадьбы на 44%, *кустарниковъ на 500% и неудобныхъ земель на 60%*. Увеличеніе пространства усадебной земли объясняется увеличеніемъ населенія и раздѣлами, кустарники увеличились очевидно на счетъ вырубленныхъ лѣсовъ. Эти кустарники даютъ плохое пастбище скоту и больше ничего. Неудобныя земли, особенно овраги, очевидно выросли на счетъ пашни прежней и новой. Такимъ образомъ, трудъ и время пропали даромъ, и вмѣсто увеличенія количества пашни получилось лишь увеличеніе пространства неудобныхъ земель.

Сѣверо-западные уѣзды Воронежской губерніи—мѣстность густонаселенная, давно лишившаяся прежняго приволья. Посмотримъ же, какъ идетъ дѣло въ благодатной мѣстности нашего юга. Ставропольской губерніи, гдѣ и теперь населеніе рѣдко и на пашню, косовицу и жатву идетъ масса рабочихъ изъ среднихъ губерній.

О ней недавно сообщалъ въ Географическомъ Обществѣ геологъ Ивановъ. По описаніямъ и разсказамъ старожиловъ, здѣсь еще недавно были не только черноземныя степи, но и много превосходнаго лѣса, строеваго и дровянаго. Старыя избы построены изъ бревенъ огромной толщины. Кромѣ того, было множество родниковой воды.

Въ короткое время все измѣнилось. Лѣсъ былъ вырубленъ, степи распаханы, растительность мѣстами вытоптана скотомъ. „Когда мы здѣсь поселились, мы и не знали, что здѣсь галька“, говорили Иванову, указывая на каменистый выгонъ, „стали скотъ пасти, она и обнаружилась“.

Распашка степей, истребленіе лѣсовъ и безтолковое ковыряніе земли для добыванія камня повели къ тому, что быстро выросли овраги. „15 лѣтъ тому назадъ, здѣсь ровно было“, говорили жители, указывая на изрытую оврагами мѣстность. Она стала размываться очень легко, какъ только на склонахъ обнажилась отъ чернозема, такъ какъ подъ ними лежали рыхлые известняки, песчанники и пески.

Но все, что̀ мы видимъ у себя на равнинѣ, въ этомъ отношеніи не даетъ и отдаленнаго понятія объ опустошеніяхъ, производимыхъ горными потоками тамъ, гдѣ склоны не покрыты растительностью, породы рыхлы и выпадаютъ большіе ливни. Напримѣръ, въ Дагестанѣ бываютъ случаи, когда туземецъ сопровождающій путешественника кричитъ „спасайтесь, сель“, и приходится карабкаться на сосѣднія высоты, а по долинѣ со скоростью всадника, скачущаго въ галопъ, низвергается масса воды съ грязью и крупными камнями, унося все передъ собой. Близь Гуниба дорога идетъ по такъ-называемому Слацевому ущелью небольшимъ туннелемъ. Во время ливней здѣсь уже нерѣдко гибли люди: потокъ наполняетъ весь туннель. Нужно замѣтить, что большая часть Дагестана—страна безлѣсная, склоны очень круты и горные потоки имѣютъ полный просторъ. Еще извѣстнѣе и лучше описаны условія французскихъ Альпъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія знатоки края стали все чаще жаловаться на то, что горные потоки разрушаютъ страну, обращаютъ ее въ пустыню. Скоро найдены были и причины зла: 1) вырубка горныхъ лѣсовъ, 2) распашка крутыхъ склоновъ, 3) излишнее количество мелкаго скота (овецъ и козъ) поѣдающаго траву до корня и древесные побѣги. Сюррель [1] различаетъ три главныя части горнаго потока:

1) *Пріемный бассейнъ* (bassin de reception) въ верховьѣ, окруженный крутыми, осыпающимися склонами, лишенными растительности. Онъ соотвѣтствуетъ вершинамъ нашихъ овраговъ, только въ громадныхъ размѣрахъ; здѣсь происходитъ сильное

[1] *Surrel. Les torrents des Hautes Alpes.* Paris, 1872.

размываніе во время ливней и таянія снѣга. Потокъ имѣетъ громадное паденіе и увлекаетъ всевозможный матеріалъ, отъ саженныхъ валуновъ до мельчайшаго ила, 2) сточный каналъ (canal d'écoulement) довольно узкій и 3) конусъ накопленія или отложенія (Cône de déjection).

При выходѣ въ отлогую долину или на равнину, здѣсь быстрота теченія быстро уменьшается и потокъ отлагаетъ то, что несъ до тѣхъ поръ. Такъ какъ отложеніе больше противъ средины потока, гдѣ онъ имѣлъ бо́льшую скорость, то имѣется замѣтный склонъ отъ средины къ краямъ конуса.

Французскіе ученые, изслѣдовавшіе мѣстности своей родины, страдающія отъ горныхъ потоковъ (кромѣ Альпъ еще Пиренеи и Севенны), говорятъ, что этотъ вредъ двоякій: наверху они сносятъ поля, луга, даже селенія, и затѣмъ внизу, на конусѣ отложенія, потокъ покрываетъ дороги, селенія и т. д. грязью, пескомъ и камнями и, кромѣ того, онъ идетъ сначала по возвышенію среди конуса и, конечно, легко мѣняетъ русло, разрушая все на своемъ пути. То обстоятельство, что опустошенія потоками все возрастаютъ и что многія селенія и поля находятся на самыхъ конусахъ, навело ихъ на мысль о вредѣ истребленія растительности, особенно лѣсной.

Извѣстно, что въ геологически недавнее время Альпы и другія горы Европы были покрыты огромными ледниками, спускавшимися до Роны и Ломбардской равнины. Когда ледники стаяли, то лѣсная растительность не сразу заняла обнажавшіеся склоны, вѣроятно тогда и ливни были сильнѣе нынѣшнихъ и разрушеніе горными потоками съ одной стороны, наносъ матеріала, съ другой—шли очень быстро. Каменистая равнина Кро (Crau) у устьевъ Роны—несомнѣнно древній конусъ отложенія рѣчки Дюрансъ. Затѣмъ стали выростать лѣса и травы на горахъ, размывъ и выносъ стали все менѣе, многіе горные потоки совсѣмъ остановились, или, какъ говорятъ Французы, *потухли* (les torrents furent éteints), то-есть перестали размывать свои верховья, вода ихъ стала свѣтла. Въ Средніе Вѣка короли и бароны, ради охоты, бережно охраняли лѣса. Селенія построились на самыхъ конусахъ выносовъ потоковъ, очевидно потому, что не видѣли никакой опасности, да ея и не было.

Но затѣмъ стало увеличиваться населеніе, стали увеличивать пространство полей, расло количество мелкаго скота, который

на лѣто пригонялся сюда съ равнины. [1] Особенно быстро пошло дѣло со времени французской революціи. Сначала во время неурядицы всякій рубилъ и пасъ скотъ, гдѣ хотѣлъ, затѣмъ много крупныхъ имѣній попало въ руки крестьянъ, которые стали распиливать все, что̀ было возможно и пасти овецъ и козъ на склонахъ, слишкомъ крутыхъ для пашенъ. Пути сообщенія улучшились, лѣсъ вздорожалъ, его рубили, гдѣ только можно и на вырубкахъ пасли скотъ; понятно, что горные потоки опять пришли въ движеніе, стали быстро размывать свои верхніе склоны и заносить нижнія долины. Приходилось то и дѣло переносить дороги на новыя мѣста, строить новые мосты черезъ русла потоковъ, ограждать селенія и города дорого сто̀ящими дамбами.

Наводненія увеличились въ ужасающихъ размѣрахъ. Особенно замѣчательна рѣчка Ардешъ (Ardèche), правый притокъ Роны. Ея бассейнъ около 2.300 квадр. верстъ, то-есть значительно меньше бассейна Москвы-рѣки, но при сильномъ разливѣ она несетъ 7.000 кубическихъ метровъ водъ въ секунду, т.-е. $1/6$ воды Волги въ большой разливъ. Масса осадковъ послѣ ливней такъ велика, что они переносятся на лѣвый берегъ Роны, и вообще опустошенія бываютъ ужасны. Весь разливъ не продолжается и сутокъ, затѣмъ вода опять спадаетъ.

Исторія доказала намъ, что горы южной Франціи были прежде гораздо лѣснстѣе, чѣмъ теперь и что потоки были тогда неопасны. Вліяніе лѣса на образованіе овраговъ доказано Форстеромъ тамъ же слѣдующимъ образомъ. Онъ изслѣдовалъ крутой склонъ (въ 45^0). $4/5$ *его были покрыты лѣсомъ*. На этомъ пространствѣ *не было ни одного оврага*. $1/10$ склона сверху до низу была *безлѣсна*, здѣсь было *4 оврага* и они расширялись книзу. На остальной $1/10$ склона лѣсу не было вверху и внизу, и посрединѣ была полоса лѣса. Здѣсь тоже было 4 оврага, они расширялись до лѣса, далѣе одинъ исчезъ, 2 уменьшились въ ширину и одинъ имѣлъ внизу ту же ширину.

Давно уже знатоки дѣла указывали на необходимость остановить разрушительное дѣйствіе горныхъ потоковъ и уменьшить вредъ отъ наводненій. Но долго ихъ совѣты были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Частные люди, общины и правительство

---

[1] То же дѣлается и у насъ на Кавказѣ и въ Крыму. Зимой скотъ на равнинахъ (кишлакахъ), лѣтомъ на горныхъ пастбищахъ (яйлагахъ).

продолжали тратить деньги на палліативныя мѣры, въ родѣ плотинъ, не касаясь корня зла.

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ долинахъ Луары и Роны произошли страшныя наводненія и только тогда серьезно принялись за дѣло, изданы были законы объ облѣсеніи горъ (reboisement des montagnes) въ 1860 году и объ ихъ задерненіи въ 1863 г.; были ассигнованы крупныя суммы и скоро приступили къ дѣлу. Оно начинается съ того, что опредѣляется размѣръ *защитнаго периметра* вокругъ горнаго потока, гдѣ запрещается пастьба скота и рубка лѣса. Послѣ опредѣленія и отграниченія защитнаго района приступаютъ къ засадкѣ лѣсомъ или задерненію пространства отъ его границъ до начала горнаго потока, а потомъ уже принимаются за послѣдній. Мѣры борьбы самыя разнообразныя, смотря по обстоятельствамъ. Если нужно оградить поля и селенія отъ горнаго потока на время, пока растительность не возстановлена, то строятъ громадныя сооруженія на цементѣ, прикрѣпляютъ ихъ къ скаламъ желѣзными болтами и т. д., а въ другихъ случаяхъ довольствуются гораздо болѣе простыми сооруженіями.

Главное дѣло въ томъ, чтобы склоны потоковъ пріобрѣли достаточную устойчивость и чтобы можно было развести на нихъ лѣсъ или травы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится дѣлать большія работы для уменьшенія крутизны склона.

Для задержанія воды ливней устраиваютъ по склонамъ стѣнки изъ фашинника или сухаго камня, иногда изъ кольевъ съ плетнями, за которыми сажаютъ деревья. Сдѣлавъ такія предварительныя работы и оградивъ склоны отъ пастбища, можно было бы ждать возстановленія растительности естественнымъ путемъ, но, замѣчаютъ французскіе инженеры, мы живемъ быстро, общественное мнѣніе требуетъ, чтобы работы давали немедленный результатъ, иначе оно охладѣетъ къ дѣлу и нужные кредиты не будутъ разрѣшены парламентомъ. Пришлось сдѣлать лишнія работы, чтобъ удовлетворить общественное мнѣніе, напримѣръ, устраивать террасы съ небольшимъ уклономъ внутрь. Здѣсь въ разрыхленную землю сажаютъ 3 и 4лѣтнія деревца, а склоны между террасами засѣваютъ сѣменами травъ.

По мѣрѣ того, какъ сооружаются эти работы, возстановляется растительность и все уменьшается размываніе потокомъ. Вода все болѣе задерживается корнями деревьевъ и травъ, течетъ по опавшимъ листьямъ, наконецъ, впитывается въ землю. Когда

работы окончены, изъ нижней части ущелья вытекаетъ свѣтлый горный ручей, не грозящій разрушеніемъ полямъ и селеніямъ даже и послѣ сильныхъ ливней. Вмѣсто плохихъ овечьихъ пастбищъ жители имѣютъ прекрасные луга, годные для пастбища крупнаго рогатаго скота и для укоса, а обиліе воды даетъ возможность оросить какъ эти луга, такъ и поля, и сады смежныхъ долинъ. Пока горные потоки постоянно грозили бѣдствіями, часто не рѣшались строить оросительные каналы, боясь что они будутъ испорчены послѣ каждаго ливня.

Работы стóятъ недорого. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ города Embrum въ долинахъ Верхнихъ Альпъ (Hautes-Alpes) былъ одинъ изъ худшихъ потоковъ S. Marthe. Здѣсь периметръ защиты былъ 530 гектаровъ. [1] Построили 800 разнаго рода загражденій и потокъ сталъ совершенно безвреденъ. Всѣ работы стоили 91.000 франковъ. Благодаря имъ до 700 гектаровъ обращены въ хорошіе луга и пастбища или спасены отъ неминуемаго разрушенія и на наши деньги расходъ на десятину былъ около 55 руб.

Въ 1882 г. былъ изданъ законъ, уполномочивающій правительство обязательно отчуждать земли частныхъ лицъ, входящія въ периметры защиты и постановляющій, что если такія работы дѣлаются на казенный счетъ на общинныхъ земляхъ, то по окончаніи работы общины въ правѣ возвратить правительству расходы и пользоваться доходами со своей земли или же оставить ее въ казенномъ управленіи, если не желаютъ уплатить за расходы. Въ послѣднемъ случаѣ, чистый доходъ дѣлится пополамъ.

Работы, сдѣланныя во Франціи, показали, чтò можно сдѣлать при дружныхъ усиліяхъ, показали, что вездѣ, гдѣ возможна растительность, можно обуздать горные потоки. Но такія работы сдѣланы далеко не вездѣ.

Я посѣтилъ работы по облѣсенію горъ въ Севеннахъ, въ депар. Гаръ (Gard) близь г. Алэ (Alaïs), видѣлъ прекрасные лѣса и роскошныя травы тамъ, гдѣ до шестидесятыхъ годовъ была „мерзость запустѣнія“. Не нужно было идти далеко, чтобы видѣть мѣста, гдѣ все обстояло попрежнему, крутые склоны безъ растительности, громадные свѣжіе выносы потоковъ и т. д. Точно нарочно оставили ихъ для сравненія результатовъ разумной и неразумной человѣческой дѣятельности.

---

[1] Гектаръ равняется 0,915 десят. или почти 2.200 квадр. саж.

Я упомянулъ о южной Франціи, какъ о странѣ наиболѣе изученной въ этомъ отношеніи и гдѣ въ послѣднее время человѣкъ начинаетъ исправлять свои прежніе грѣхи. Но почти вездѣ вокругъ Средиземнаго моря долговременное хозяйство человѣка ухудшило природныя условія. Не останавливаясь на вредѣ отъ горныхъ потоковъ и на усилившихся наводненіяхъ (отъ которыхъ въ послѣдніе годы особенно страдаетъ южная Испанія), упомяну о двухъ другихъ явленіяхъ этой области.

Почти вездѣ лѣса испорчены пастьбой скота (овецъ и козъ), и вмѣсто хорошихъ деревьевъ растетъ колючій кустарникъ маки (maquis). Нашлись мудрецы, которые рѣшили, что климатъ береговъ Средиземнаго моря неблагопріятенъ для лѣса. Однако во французскомъ деп. Варъ (Var) въ нѣкоторыхъ частяхъ Корсики, въ Тосканѣ, въ горахъ Алжиріи растутъ превосходные лѣса.

Вѣрнѣе было бы сказать, что лѣса могутъ расти хорошо, но требуется большая осторожность при жгучемъ солнцѣ и сильныхъ ливняхъ береговъ Средиземнаго моря. При такихъ условіяхъ почва легко обнажается отъ растительнаго покрова и перегноя. На побережьѣ Адріатическаго моря въ Истріи, Далматіи, Герцеговинѣ, Черногоріи мы встрѣчаемъ особый видъ поверхности земли *кряжъ* (нѣм. karst, итал. carso).

Она состоитъ изъ крупнаго пористаго известняка, вода быстро просачивается, образуя подземныя рѣки и озера, а поверхность страшно высыхаетъ. Когда-то и здѣсь были лѣса, но ихъ вырубили (между прочимъ, на постройку флотовъ венеціанской республики), затѣмъ на вырубкахъ пасли скотъ и результатъ налицо—перегной смытъ, воды мало, населеніе бѣдствуетъ. Мѣстами, около Тріеста, съ успѣхомъ пробуютъ возстановить растительность. Дѣло затрудняется сильнымъ и холоднымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ (борой) очень вреднымъ для растительности.

Иначе обстоитъ дѣло въ Японіи, тоже странѣ жгучаго солнца и сильныхъ ливней. Горные склоны одѣты превосходными лѣсами и не слышно было до послѣдняго времени объ опустошеніи горными потоками. Дѣло въ томъ, что тамъ нѣтъ мелкаго скота, этого врага лѣса, и до 1868 года существовалъ и строго соблюдался законъ: кто срубитъ дерево, тотъ долженъ посадить два. „Новая Японія“ въ подражаніе Европѣ и Америкѣ начинаетъ отступать отъ старины и по берегамъ Внутренняго моря уже немало склоновъ, заросшихъ колючимъ кустарникомъ или почти лишенныхъ растительности.

Меня поразило различіе между склонами на материкѣ, близь города Хиросимы, и на сосѣднемъ островѣ Акино-Міядзима. На материкѣ лѣсъ былъ вырубленъ, крупнозернистый гранитъ распался, образовались пески со скудною растительностью, а мѣстами и сыпучіе, а на островѣ посвященномъ богинѣ Бентенъ было запрещено рубить лѣсъ, и онъ сохранился, хотя порода—тотъ же гранитъ и склоны круты. [1]

Возвращаемся къ нашей равнинѣ, къ коренной Россіи, гдѣ для возстановленія гармоніи природы не приходится дѣлать такихъ большихъ работъ, какъ въ горахъ. Наши овраги—миніатюрное воспроизведеніе горныхъ потоковъ и благодаря ихъ малымъ размѣрамъ борьба съ ними легче. Но кому неизвѣстно, что снѣгъ имѣетъ самое большое вліяніе на размываніе оврагов, да и вообще значеніе снѣжнаго покрова для насъ трудно преувеличить.

И снѣгъ—*сыпучее тѣло*, и какъ таковое, можетъ быть полезенъ и вреденъ для человѣка въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вспомнимъ опредѣленіе грязы, которое сдѣлалъ умный практическій дѣятель, Англичанинъ: „Грязь то, что̀ не на мѣстѣ“, и пояснилъ примѣромъ навоза и другихъ отбросовъ.

Снѣгъ необходимъ для нашихъ озимыхъ полей, но если слой умѣренной толщины полезенъ, то излишекъ на ровномъ глинистомъ полѣ можетъ повести къ вымочкѣ хлѣба, еще вреднѣе излишекъ снѣга на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ на его уборку тратятся сотни тысячъ ежегодно.

Долго наши ученые не обращали вниманія на это явленіе, но теперь оно изучается съ разныхъ сторонъ. Съ 1888 года метеорологическая коммиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета составили программы наблюденій надъ высотой снѣга и разослали своимъ корреспондентамъ. [2] Въ 1890 году и наша Главная Физическая Обсерваторія, щедро обезпеченная правительствомъ, [3] послѣдовала доброму примѣру и разослала программу наблюденій надъ снѣжнымъ покровомъ.

Но при чемъ тутъ воздѣйствіе человѣка на природу, спросятъ

---

[1] См. мое «Путешествіе по Японіи», *Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*. 1877.

[2] Въ моей книгѣ *Снѣжный покровъ*, изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1889 года, указана необходимость подобныхъ измѣреній.

[3] Ежегодный бюджетъ ея болѣе 120 тысячъ рублей.

читатели? Оно очень велико: извѣстно насколько залеганіе снѣга зависитъ отъ препятствій, насколько на него вліяютъ сила вѣтра и всякаго рода препятствія, какъ заборы, рощи и т. д. А расположеніе этихъ препятствій зависитъ отъ воли человѣка.

Поэтому рядомъ съ наблюденіями надъ высотой снѣга на постоянныхъ станціяхъ скоро выяснилась необходимость хотя бы и не частыхъ измѣреній высоты и плотности снѣга въ разныхъ условіяхъ и еще лучше, такъ-сказать, нивеллировки снѣга по разнымъ направленіямъ. Самая систематическая работа подобнаго рода въ Воронежскомъ уѣздѣ была сдѣлана И. Н. Клингеномъ зимой 1890—91 года [1] и очень ясно показала вліяніе рельефа мѣстности и разныхъ препятствій на залеганіе снѣга. Въ прошлую зиму подобная же работа была сдѣлана въ паркѣ Лѣснаго Института и окрестностяхъ Г. А. Любославскимъ. Чѣмъ болѣе выясняются условія залеганія снѣга, тѣмъ легче человѣку принять мѣры, чтобъ онъ залегалъ тамъ, гдѣ нужно, чтобъ его не накоплялось излишнее количество.

Помимо вліянія деревьевъ, заборовъ и т. д., въ работѣ г. Клингена очень хорошо выяснено вліяніе высокаго жнивья, посѣва въ паровомъ полѣ озими узкими лентами, съ промежутками въ 30—40 саженъ, собственно для накопленія снѣга, покрышка озимыхъ всходовъ соломой въ небольшомъ количествѣ (30—40 пудовъ на десятину) и т. д.

Всего ровнѣе снѣгъ залегаетъ, очевидно, въ лѣсу, всего болѣе сдувается съ ровнаго пространства безъ растительности (чернаго пара). Если онъ падаетъ при сильномъ вѣтрѣ, то въ послѣднемъ случаѣ онъ не задержится на поверхности и весь снесется въ овраги.

Вліяніе человѣка на залеганіе снѣга не подлежитъ сомнѣнію и онъ, слѣдовательно, можетъ распредѣлить снѣгъ такъ, чтобъ онъ ложился тамъ, гдѣ полезенъ, и его не было или было мало тамъ, гдѣ онъ вреденъ.

Но можетъ ли человѣкъ измѣнить не одно распредѣленіе, а общее количество снѣга въ данной мѣстности? Думаю, что можетъ разными путями.

1) Нерѣдко первый зимній снѣгъ (то-есть остающійся на землѣ до осени) падаетъ въ то время, когда пруды и другія воды еще

[1] Работа г. Клингена будетъ напечатана въ журналѣ *Метеорологическій Вѣстникъ*.

не замерзли. Тучи въ это время идутъ низко, и если много водъ, то и воды испаряется сравнительно много и увеличивается количество снѣга. Человѣкъ властенъ въ распредѣленіи водъ, онъ можетъ устроить запруды или спустить ихъ, вырыть артезіанскій колодезь и т. д. Все это останется не безъ вліянія на количество выпадающаго снѣга, пока воды еще не замерзли.

2) Хвойные лѣса испаряютъ воду и зимой, слѣдовательно, увлажняютъ воздухъ и увеличиваютъ количество выпадающаго снѣга.

3) Иней осаждается въ большемъ количествѣ на хвоѣ, чѣмъ на вѣтвяхъ лиственныхъ деревьевъ, и затѣмъ падая на землю, увеличиваетъ глубину снѣжнаго покрова.

4) Всякое препятствіе, особенно кустарники и деревья, а зимой всего болѣе хвойныя, уменьшаютъ силу вѣтра, а слѣдовательно и испареніе. Поэтому съ поля, луга и т. д., защищеннаго отъ вѣтра деревьями и кустарниками, испарится менѣе воды, чѣмъ съ незащищенныхъ. Поэтому къ веснѣ и глубина снѣга будетъ болѣе, и воды при таяніи также получится болѣе.

Итакъ, мы можемъ до нѣкоторой степени измѣнить количество снѣга и въ очень сильной степени видоизмѣнить его распредѣленіе. Но это еще не все. Важно состояніе почвы подъ снѣгомъ, важна и скорость его таянія.

Снѣгъ защищаетъ землю отъ охлажденія, подъ нимъ она промерзаетъ на меньшую глубину, а если онъ выпалъ рано въ большомъ количествѣ, то и совсѣмъ не промерзаетъ. Мерзлая почва (если она нѣсколько влажна) непроницаема для воды, снѣговая вода скатывается по ней въ овраги. Слѣдовательно, если снѣга было мало и онъ дружно таетъ, то вода мало впитывается въ землю.

Снѣгъ таетъ медленнѣе въ лѣсу, особенно въ густомъ еловомъ, чѣмъ въ полѣ, еще медленнѣе тамъ, гдѣ онъ наметенъ сугробами.

Помимо этого, и по другимъ причинамъ нужно принимать мѣры къ тому, чтобы вода просачивалась въ почву, а не текла по поверхности, размывая почву. На пахотныхъ земляхъ очень полезны плотины Янковскаго. Плужкомъ насыпаютъ валики по горизонталямъ (линіямъ равной высоты) и дѣлаютъ эти валики тѣмъ чаще, чѣмъ круче уклонъ. Вода, очевидно, задержится валиками и впитается въ землю, увлажнивъ ее и избавивъ склонъ отъ размыванія. [1]

---

[1] Статья о нихъ помѣщена въ журналѣ *Сельскій Хозяинъ* 1891 г. № 45.

По склонамъ балокъ и овраговъ могли бы пригодиться загражденія изъ сухаго камня или даже фашинника и соломы, также по горизонталямъ, а еще лучше, конечно, засадить склоны овраговъ и мѣста вокругъ нихъ и отвершковъ деревьями и кустарниками.

Впрочемъ, по этому вопросу лучше всего указать на статьи и докладъ тульскому губернскому земскому собранію извѣстнаго ученаго и хозяина И. А. Стебута. Для остановки роста оврага, смотря по обстоятельствамъ, поступаютъ различнымъ образомъ. Если оврагъ только-что начинается, достаточно наполнить рытвину соломой или навозомъ, болѣе крупные отвершки перегораживаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ плетнями, укрѣпляя ихъ камнями, если они имѣются вблизи.

Если оврагъ длиненъ и дно имѣетъ уступы, то нужно озаботиться и прекращеніемъ размыванія дна водой. Для этого также могутъ служить плетни, а также *перепады* на уступахъ, изъ камня, фашинника или соломы, чтобы вода не падала прямо на землю.

Остановка роста овраговъ и облѣсеніе ихъ, задерживаніе воды на поляхъ увеличиваетъ запасы почвенной и подпочвенной влаги. Эти же работы, регулируя теченіе водъ, уменьшая наводки, облегчатъ устройство запрудъ въ балкахъ и оврагахъ, дѣло необходимое для водопоя, орошенія полей, садовъ и огородовъ и полезны для увеличенія запаса подпочвенной воды и увлажненія воздуха. Возраженіе противъ устройства подобныхъ запрудъ состоитъ обыкновенно въ томъ, что дешевыя запруды не въ состояніи противиться напору воды, а устроенныя по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства будутъ стоить очень дорого. Но однако многіе хозяева умѣютъ устраивать дешевыя и прочныя земляныя плотины.

Поля нашей черноземной и степной полосы страдаютъ не отъ одного недостатка почвенной влаги, но и отъ сухости воздуха. Первая половина іюня 1890 года въ губерніяхъ Симбирской, Саратовской и Самарской была необычайно дождлива, но затѣмъ наступили сильныя жары съ суховѣями, и урожай былъ плохъ. Въ началѣ іюня 1891 года на югѣ Самарской губерніи всходы пшеницы были замѣчательно хороши, но два дня съ суховѣями погубили урожай.

Наши поля требуютъ огражденія отъ вреднаго вліянія сухихъ вѣтровъ, для чего всего лучше было бы разводить живыя изго-

роди и лѣсныя опушки, которыя, защищая отъ вѣтра и усиленнаго испаренія во время суховѣевъ, спасали бы отъ этого бича нашихъ степныхъ губерній.

Во время суховѣевъ въ воздухѣ всегда носится пыль, состоящая изъ частицъ сильно нагрѣтыхъ, сообщающихъ свою температуру воздуху. Живыя изгороди и лѣсныя опушки не только прямо ограждаютъ отъ сухихъ вѣтровъ, но и уменьшаютъ количество пыли въ воздухѣ. Какъ только уменьшится сила вѣтра, онъ уже не въ состояніи поднимать болѣе крупныя частицы пыли и онѣ должны падать на опушку и частью немедленно за нею.

На пыль обращено серьезное вниманіе въ послѣдніе годы. Наши путешественники по Центральной Азіи, Пржевальскій, Потанинъ, Пѣвцовъ и другіе, пишутъ, что тамъ воздухъ почти постоянно наполненъ мелкою пылью, а при буряхъ носятся въ воздухѣ песокъ и галька. То же замѣчаютъ о сѣверо-западномъ Китаѣ, куда пыль приносится изъ степей Монголіи. Пыль, выносимая изъ сухихъ степей и пустынь, отлагается въ культурныхъ областяхъ, задерживаясь стеблями растеній и влажною почвой. Баронъ Рихтгофенъ думаетъ даже, что огромныя толщи лёсса въ сѣверо-западномъ Китаѣ происходятъ отъ накопленія пыли, приносимой сѣверо-западными вѣтрами изъ Монголіи.

Слѣдовательно, осѣдлый земледѣлецъ, живя вблизи пустыни и сухой степи, возвышаетъ уровень своихъ полей и садовъ на счетъ степной пыли. Но если онъ оставляетъ свои поля безъ защиты отъ вѣтра, то почва съ нихъ сдувается вѣтромъ.

Въ 1883 году я былъ въ самомъ южномъ свеклосахарномъ имѣніи Россіи, Дружковкѣ, близь города Славянска. Землю подъ свеклу разрыхляютъ глубоко, вершковъ до восьми. Мѣстность около Дружковки степная и вѣтры были такъ сильны и сухи, что выдували верхній слой почвы, обнажая сѣмена свеклы, такъ что приступили къ разведенію лѣсныхъ опушекъ. Въ февралѣ 1886 года на низовьяхъ Дона были сильныя бури, которыя сносили землю, приметая ее къ заборамъ до полуаршина въ вышину. Такихъ примѣровъ можно привести много.

Прибавлю лишь, что мелкая пыль, падающая изъ воздуха въ сѣверо-западномъ Китаѣ и оазисахъ Центральной Азіи, считается превосходнымъ удобреніемъ.

То же можно сказать и объ илѣ, приносимомъ рѣками. Извѣстно плодородье ила большихъ рѣкъ, особенно Нила. Здѣсь земледѣліе

существуетъ уже около 6.000 лѣтъ безъ удобренія и плодородіе почвы не уменьшается.

И однако теперь не менѣе $^{7}/_{10}$ ила большихъ рѣкъ или уносится въ море, или отлагается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ не можетъ имъ воспользоваться. Разумно ли это, нѣтъ ли здѣсь возможности воздѣйствовать на природу?

Возможность несомнѣнно есть, это *наиленіе* (colmatage), то-есть проведеніе рѣчной воды, богатой иломъ, на равные участки ограниченные стѣнками, гдѣ илъ осѣдаетъ. Но мало того, французскимъ инженеромъ Дюпоншелемъ [1] указанъ способъ пользованія силой горныхъ водъ Пиреней для размельченія глинистыхъ породъ и мергелей, слѣдовательно, образованія ила, для вырытія запасныхъ водныхъ бассейновъ и для переноса и отложенія ила въ такъ-называемыхъ Ландахъ (Landes), то-есть песчаныхъ пространствахъ юго-западной Франціи, теперь почти сплошь засаженныхъ сосной. По его проекту, нисколько не фантастическому, а строго продуманному во всѣхъ частяхъ и вполнѣ исполнимому, человѣкъ приготовляетъ себѣ почву, какую пожелаетъ. Мысль оказалась слишкомъ смѣлою для современной рутины. Но современемъ такія работы будутъ произведены не въ одной Франціи. И горы нашихъ богатыхъ южныхъ окраинъ, Кавказа и Средней Азіи, имѣютъ матеріалъ для самаго лучшаго ила, имѣютъ и воды на высокомъ уровнѣ, дающія силу въ желаемомъ количествѣ, у ихъ подошвы обширныя равнины и долины. Орошеніемъ и наиленіемъ мы ихъ доведемъ до высшей степени производительности. Но для этого нужно начать съ обузданія горныхъ водъ. Это легче, можно тутъ дѣйствовать по готовому примѣру Франціи, а мы, какъ извѣстно, любимъ дѣйствовать по чужому примѣру.

Можетъ ли человѣкъ измѣнить климатъ, и если можетъ, то въ какихъ условіяхъ и въ какихъ размѣрахъ.

Человѣкъ оказываетъ могущественное вліяніе на одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ климата — силу вѣтра и его свойства. Уменьшая силу вѣтра, мы вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаемъ испареніе съ поверхности почвы, водъ и листьевъ растеній, то-есть сохраняемъ влагу необходимую для растеній. Но мало этого, защита отъ вѣтра, сохраненіе снѣга и почвенной влаги, испареніе листьями и хвоей растеній не могутъ не вліять на темпера-

[1] Duponchel. Hydraulique agricole.

туру и влажность воздуха. При вырубкѣ лѣса наступаютъ обратныя явленія. Это въ настоящее время общепризнано. [1]

Другой вопросъ возбуждаетъ до сихъ поръ споры. Могутъ ли лѣсъ или вообще обильная растительность и небольшія воды (напримѣръ пруды) измѣнить количество выпадающаго дождя?

Въ Бѣломъ Колодцѣ, Валчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи, были сдѣланы наблюденія надъ количествомъ выпадающей воды по нѣсколькимъ дождемѣрамъ:

А) Три дождемѣра, находившіеся близь усадьбы, рощъ и прудовъ;

Б) четыре дождемѣра въ полѣ вдали отъ деревьевъ и водъ.

За пять лѣтъ среднее количество дождя.

Въ миллиметрахъ.

	А.	Б.	Отношеніе %.
Май	26,5	25,7	97
Іюнь	47,7	42,2	89
Іюль	66,1	49,3	75
Августъ	69,0	59,6	86
Сентябрь	35,9	32,5	90
Сумма.....	241,1	209,3	84

Слѣдовательно, въ полѣ дождя выпало менѣе, и разница тѣмъ больше, чѣмъ теплѣе мѣсяцъ.

Въ Индіи существуетъ обширная, малонаселенная область, такъ-называемыя Центральныя провинціи. До $^5/_6$ поверхности числилось оффиціально подъ лѣсомъ, но на дѣлѣ лѣса были въ полномъ небреженьи, были испорчены палами, пастьбой скота, лядиннымъ хозяйствомъ и обратились въ жалкіе кустарники и каменистые пустыри. Лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ принялись за возстановленіе лѣсовъ, запретили палы и лядины. Лѣса быстро поправились. Извѣстный англо-индійскій ученый Бланфордъ сравнилъ количество дождя, выпадающее въ послѣднее и предыдущее десятилѣтіе, въ области, гдѣ возстановлены лѣса. Оказалось, что оно *увеличилось на 171 миллиметръ*. Такое же сравненіе для сосѣдней съ лѣсами полевой мѣстности по р. Нарбаддсъ (Nerbudda) показало, что въ послѣднее десятилѣтіе дождя *выпало на 74 миллиметра менѣе* чѣмъ прежде.

---

[1] См. статью «По вопросамъ лѣсной метеорологіи», *Метеорологическій Вѣстникъ*, февраль, 1892.

Сравненіе лѣсной области Центральныхъ провинцій со всею Индіей показало, что въ первой выпадаетъ болѣе дождя, но къ концѣ шестидесятыхъ годовъ разница была ничтожна, всего 76 миллим., а къ 1884 году возрасла до 457 миллим., т.-е. увеличилась въ 6½ разъ. Слѣдовательно, въ Индіи по мѣрѣ улучшенія лѣсной растительности стало падать все болѣе и болѣе дождя.

Выше приведено много примѣровъ пользы и необходимости лѣса въ экономіи природы; съ другой стороны—лѣсъ не даетъ человѣку пищи и мало даетъ ее домашнему скоту. Поэтому большое количество лѣса несовмѣстимо съ густымъ населеніемъ. На чемъ же остановиться? Какая часть поверхности должна быть подъ лѣсами? Постараюсь отвѣтить на эти вопросы, не касаясь экономической стороны дѣла, то-есть лѣса какъ строеваго и подѣлочнаго матеріала, сырья для многихъ производствъ и дровъ.

Очевидно, что невозможно опредѣлить необходимое количество лѣса для всѣхъ странъ.

1) Лѣсъ нуженъ на склонахъ болѣе 15° или 20°, особенно въ сухихъ климатахъ, гдѣ съ трудомъ образуется дернъ. Въ такихъ условіяхъ лѣсъ защищаетъ почву и подпочву отъ размыванія и уменьшаетъ опасность отъ наводковъ.

2) Мѣстами, особенно если господствуютъ твердыя каменныя породы и склоны могутъ быть обращены въ цѣнные сады и виноградники, лѣсъ можетъ быть замѣненъ террасами съ каменными стѣнами, но въ такомъ случаѣ владѣльцы земли должны отвѣчать за убытки отъ размыванія склона.

3) Нашъ лѣсной законъ требуетъ *облѣсенія верховьевъ рѣкъ*. Слѣдовало бы добавить еще: *балокъ и овраговъ*, чтобы достигалась цѣль защиты отъ разлива отвершковъ рѣкъ и овраговъ и засоренія рѣкъ, очень вреднаго для судоходства.

4) Необходимо также сохранить лѣсъ на пескахъ, чтобъ они не обратились въ сыпучіе, а гдѣ лѣсъ на пескахъ вырубленъ, облѣсить вновь.

5) Берега рѣкъ, особенно судоходныхъ, должны быть запущены отъ размыванія рядами скорорастущихъ деревьевъ (ивовыхъ и тополевыхъ породъ). Всего нужнѣе такая защита у подножія крутыхъ склоновъ. Деревья полезны и въ другомъ отношеніи: у корней ихъ осѣдаютъ крупные осадки, а на заливные луга попадаетъ лишь илъ удобряющій ихъ. Деревья оказываются часто лучшимъ средствомъ для регулированія теченія судоходныхъ рѣкъ.

6) Чѣмъ жарче и суше климатъ, и сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ полезнѣе лѣсъ для огражденія отъ суховѣевъ, увеличенія количества дождей, уменьшенія испаренія.

7) При суровой зимѣ и сильныхъ вѣтрахъ лѣсъ нуженъ для огражденія дорогъ, простыхъ и желѣзныхъ, отъ снѣжныхъ заносовъ, наконецъ для ослабленія вѣтра зимой и препятствія выноса его въ овраги.

8) Для всѣхъ этихъ цѣлей гораздо полезнѣе лѣсныя опушки, чѣмъ сплошные лѣса. Если мы имѣемъ, напримѣръ, имѣніе или крестьянскій надѣлъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ, то и разведеніе 10% лѣса будетъ очень полезно для полей и луговъ, если онъ разведенъ въ видѣ опушекъ, а 10% лѣса въ одномъ углу окажетъ мало пользы.

9) Вообще же чѣмъ ближе лѣсъ къ полямъ и лугамъ, которые требуется оградить отъ засухъ и вѣтровъ, тѣмъ лучше. Отдаленные лѣса если и окажутъ пользу. то самую микроскопическую.

Недавно извѣстный сельскій хозяинъ и государственный человѣкъ предложилъ, для огражденія нашихъ черноземныхъ губерній отъ суховѣи, облѣсить прикаспійскія степи. Не могу съ нимъ согласиться потому, что если даже сплошное лѣсоразведеніе и возможно въ прикаспійскихъ степяхъ (что̀ еще вопросъ), то расходы были бы громадны, а польза не особенно велика Иное дѣло облѣсеніе каспійскихъ степей для нихъ самихъ, насколько это требуется для существующаго населенія и будущихъ поселенцевъ. Что же касается нашихъ земледѣльческихъ губерній, то лучше дѣлать дѣло на мѣстѣ, оно и дешевле, и вѣрнѣе, и полезнѣе.

Въ журнальной статьѣ возможно лишь бѣгло коснуться такого обширнаго вопроса, какъ здѣсь разбираемый. Пришлось лишь вскользь упомянуть о такихъ важныхъ работахъ, какъ искусственное орошеніе и осушеніе болотъ и совсѣмъ не коснуться накопленія перегноя и азота въ почвѣ и другихъ важныхъ явленій.

Въ заключеніе считаю необходимымъ особенно оттѣнить противоположности между *хищнической дѣятельностью человѣка* и *дѣятельностью охраняющею и возстановляющею*, или между злоупотребленіемъ и разумнымъ пользованіемъ силами природы. Но при такой постановкѣ вопроса въ число хищниковъ придется включить и людей хорошихъ, нисколько не сознающихъ вредъ,

который они приносятъ, или по невѣжеству, или по легкомыслію. Въ наше быстро живущее время многіе ли успѣваютъ обдумать не только прямыя, но и косвенныя послѣдствія своего дѣйствія?

Крѣпкая связь сельскаго хозяина съ землей во многихъ случаяхъ обезпечиваетъ отъ хищнической дѣятельности, такъ какъ заставляетъ думать о завтрашнемъ днѣ. Еще лучше, если эта крѣпкая связь, забота о будущемъ войдутъ въ нравы и обычаи народа, и отразятся на законодательствѣ. Вспомнимъ мусульманскій гражданскій и религіозный законъ, гласящій, что кто оживитъ мертвую землю, тотъ пріобрѣтаетъ безсрочное право пользованія ею, для себя и своихъ потомковъ. Оживленіе здѣсь означаетъ орошеніе и посадку деревьевъ. Очевидно, что этотъ законъ—результатъ тысячелѣтней жизни Востока.

Дѣло не въ собственности, частная земельная собственность на всемъ Востокѣ, кромѣ Китая, — исключеніе, а не правило, и однако связь земледѣльца съ землей существуетъ.

Собственникъ земли, находящійся подъ страхомъ аукціона за просрочку платежа въ банкъ, думаетъ лишь о томъ, чтобъ увеличить свой текущій доходъ, и кто же можетъ винить за это?

При крайней черезполосицѣ также теряется всякая охота къ прочнымъ улучшеніямъ, да они невозможны для отдѣльнаго собственника.

Крестьянинъ-общинникъ также не станетъ производить прочныхъ улучшеній, если ему грозитъ скорый передѣлъ.

То же самое въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Между личнымъ интересомъ и общественною пользой будетъ тѣмъ менѣе противоположности, чѣмъ болѣе каждый будетъ нести отдаленныя послѣдствія своего дѣйствія и бездѣйствія.

Пояснимъ нѣсколькими примѣрами. Полиція получаетъ у насъ награды за успѣшный сборъ податей, причемъ, иногда, напримѣръ, въ 1890 году, это взысканіе ведетъ къ разоренію населенія. Еслибы полиція была тѣмъ или другимъ способомъ заинтересована въ благосостояніи населенія, то результаты ея дѣятельности вышли бы иные.

Такія условія существуютъ въ сосѣдней съ нами странѣ Персіи. Нечего доказывать, насколько эта старая культурная страна въ настоящее время отстала отъ насъ, и насколько ея чиновники ниже нашихъ по образованію и честности. Но... они не знаютъ 20-го числа. Ихъ доходы зависятъ отъ поземельнаго сбора, а послѣдній составляетъ долю урожая. Почти во всей Персіи сель-

ское хозяйство безъ искусственнаго орошенія невозможно. Чиновники заинтересованы въ томъ, чтобъ оросительные каналы были въ порядкѣ, чтобы соблюдались стародавніе обычаи пользованія водой. Передъ самымъ присоединеніемъ нынѣшней Эриванской губерніи къ Россіи намѣстникъ области построилъ большой оросительный каналъ, безо всякихъ филантропическихъ цѣлей, но понимая, что разъ будетъ болѣе орошенной земли, возрастутъ доходы шаха и та часть, которую онъ взимаетъ въ свою пользу.

Еще два примѣра. Положимъ, что обширная страна поражена неурожаемъ и рядомъ съ прямою помощью пострадавшимъ предпринимаются большія общественныя работы. Чего же лучше, и помощь пострадавшимъ, не развращающая, какъ милостыня, и созданіе новой цѣнности въ народномъ хозяйствѣ. Это вѣрно, но въ зависимости отъ свойства работъ, дальнѣйшія послѣдствія будутъ очень различны. Положимъ, что распорядители работъ задались цѣлью не только создать цѣнность, но и уменьшить опасность новыхъ неурожаевъ. Неурожай произошелъ отъ засухи. Задерживаютъ ростъ овраговъ, разводятъ лѣсъ вокругъ ихъ верховьевъ, устраиваютъ запруды и помощью ихъ и орошеніе. Населеніе получило работу вблизи дома, почти всѣ расходы правительства на общественныя работы достались ему. создали новыя цѣнности, ближайшая цѣль работъ исполнена. Но достигнуты и другія цѣли. Орошенная земля даетъ обильный урожай и въ годъ засухи, благодаря остановкѣ роста овраговъ и запрудамъ, поднятъ уровень почвенныхъ водъ, а лѣсъ и запруды даютъ воздуху влагу въ самое нужное время. Очевидно, что и неорошенныя земли дадутъ болѣе обильный урожай въ сухой годъ, чѣмъ давали прежде. Затѣмъ устроенные овраги и частыя запруды уменьшаютъ опасность паводковъ, мельницъ на рѣчкахъ не срываетъ, какъ прежде весной и послѣ сильныхъ ливней. Разъ это достигнуто, рѣчки не несутъ такого количества наноса въ судоходную рѣку, въ которую онѣ впадаютъ. Это даетъ возможность улучшить судоходство, углубить рѣку, не боясь все новыхъ затратъ на устраненіе наносовъ рѣчекъ. Улучшеніе судоходства удешевляетъ фрахты, даетъ возможность сбывать хлѣбъ по болѣе выгоднымъ цѣнамъ и дешевле покупать громоздскіе продукты, которые до тѣхъ поръ, по дороговизнѣ провоза, были недоступны массѣ населенія, напримѣръ, каменный уголь, желѣзо. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ работы даютъ

цѣлый рядъ благодѣтельныхъ послѣдствій и прямыхъ и особенно косвенныхъ, потому что распорядители выработали разумный планъ, позаботились о будущемъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Распорядители общественныхъ работъ взглянули на дѣло иначе. Они задались цѣлью устроить нѣчто казовое, блестящее, напримѣръ, построить элеваторъ на американскій манеръ, съ новѣйшими усовершенствованіями. Значительная часть расхода идетъ не въ пользу пострадавшимъ, а уплачивается техникамъ, и русскимъ и иностраннымъ заводчикамъ. Но оставимъ это въ сторонѣ, посмотримъ на косвенныя послѣдствія монументальной постройки. Остовъ ея деревянный, требуется на нее самый лучшій сосновый лѣсъ. Сплавить его издали некогда, да нужно дать заработокъ ближайшимъ крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Рубятъ строевой лѣсъ, можетъ-быть, послѣдній въ степи, растущій на песчаной почвѣ. Приходится торопиться, некогда думать объ обсѣмененіи вырубленныхъ участковъ. Оголяется песокъ, переносится вѣтромъ, засыпаетъ поля, затѣмъ поля лишаются защиты лѣса отъ суховѣя, и въ будущемъ засуха отразится на нихъ гибельнѣе. Въ результатѣ временная помощь пострадавшимъ, но неулучшеніе естественныхъ условій, а ихъ ухудшеніе, и въ будущемъ грозятъ новые неурожаи, болѣе гибельные, чѣмъ настоящій. Опять, слѣдовательно, цѣлая цѣпь послѣдствій первой мѣры, не достаточно обдуманной во всѣхъ частяхъ, но результатовъ гибельныхъ.

А. Воейковъ.

I.

Мечта влекла его къ невѣдомымъ краямъ
И путь надъ бездною незримо озаряла;
Огонь ея погасъ, она не свѣтитъ намъ,
И тамъ, гдѣ цѣль близка, не видно идеала.

II.

Онъ новый міръ для насъ найти умѣлъ,
Но новаго не могъ сказать онъ Слова,
И новый міръ состарѣться успѣлъ,
И новаго Колумба ждетъ онъ снова.

Кн. Д. Цертелевъ.

Генуя,
27 апрѣля 1892 г.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Февральская книжка вышла изъ типографіи и замученный, какъ почтовая лошадь, Варнавинъ, отправивъ ее въ цензуру, взялъ въ руки пачку дневныхъ газетъ, чтобы пробѣжать ихъ не торопясь, когда за портьерой послышался легкій шагъ и шелестъ женскаго платья. Вошла Наталья Ѳедоровна, его жена, красивая, молодая женщина, лѣтъ тридцати. Она была въ траурѣ и на лицѣ у нея замѣтно было неудовольствіе, порожденное, очевидно, тѣмъ, что мужъ ея еще не одѣтъ.

— Опять позабылъ! сказала она.—Одѣвайся скорѣе: сегодня Варя съ нами идетъ.

Тѣнь перешла съ нея на Варнавина; только къ досадѣ на неожиданную помѣху у мужа прибавилось чувство усталости вовсе уже не дѣловаго рода—усталости нравственной, отъ принужденія, которое началось давно и повторялось изъ году въ годъ. Почти каждый разъ женѣ приходилось напоминать, что этотъ день посвященъ у нихъ памяти человѣка, когда-то очень имъ близкаго и въ извѣстномъ смыслѣ создавшаго имъ положеніе.

* * *

Исторія эта старая, но намъ надо ее разсказать, потому что она даетъ ключъ, безъ котораго невозможно понять ея роковыя послѣдствія.

Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ Петръ Осиповичъ Варнавинъ, котораго мы застаемъ во главѣ цвѣтущаго періодическаго изданія, былъ скромнымъ учителемъ русской словесности, а любимая его ученица, Наташа Клеванская, только что вышла изъ женской гимназіи съ золотою медалью, но ни онъ, ни она не выдѣлялись изъ ряда обыкновенныхъ людей и не имѣли еще о себѣ такого высокаго мнѣнія, какъ потомъ. Талантливый человѣкъ, онъ сотрудничалъ въ двухъ или трехъ редакціяхъ, очень цѣнившихъ его критическія статьи, а она была неразвитая и неувѣренная въ себѣ дикарка, лѣтъ восемнадцати, старшая дочь почтеннаго семьянина, имѣвшаго кромѣ нея еще двухъ дѣтей и необезпеченнаго ничѣмъ кромѣ мѣста начальника отдѣленія въ министерствѣ ***. Худенькая, граціозная, съ неправильными, но выразительными чертами лица, Наташа надѣлена была отъ природы живымъ умомъ и пылкимъ характеромъ, но ни въ наружности, ни въ рѣчахъ ея не было ничего бросающагося въ глаза и въ обществѣ, составлявшемъ ея обыкновенный кругъ, она играла не важную роль. Варнавину принадлежала честь открыть эту дѣвушку, спрятанную отъ свѣта въ Большой Подъяческой,

„Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
„Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей.“

Наташа еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи тронула его сердце тонкою, дѣвственною отзывчивостью къ вѣяніямъ новаго духа времени. Онъ говорилъ о ней съ восхищеніемъ старымъ и новымъ своимъ друзьямъ, и желая образовать вокругъ нея небольшой кружокъ, способный ее оцѣнить, познакомилъ съ ея семействомъ нѣсколькихъ избранныхъ молодыхъ людей. Жизнь улыбнулась дѣвушкѣ, но если Варнавинъ разсчитывалъ въ будущемъ лично воспользоваться своею находкой, то онъ поступилъ бы благоразумнѣе, еслибъ онъ совсѣмъ о ней умолчалъ. Наташа любила и уважала его, какъ наставника, расширившаго ея умственный кругозоръ далеко за предѣлы сухаго чиновничьяго мірка, въ которомъ она родилась и выросла. Онъ научилъ ее понимать, какъ понимали въ передовыхъ рядахъ интеллигенціи, многое изъ того, что̀ въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ занимало

и волновало общество. Это былъ разсудительный человѣкъ, способный цѣнить безкорыстное увлеченіе и считавшій даже его необходимымъ, какъ элементъ историческаго движенія, но не способный его раздѣлять и меньше всего способный увлечь молодую, пылкую дѣвушку. Въ крѣпко сложенной, слегка сутуловатой фигурѣ его видны были сила и выдержка, въ сѣрыхъ, со стальнымъ отливомъ глазахъ свѣтились умъ и настойчивая рѣшимость, но у Варнавина не хватало того огня, который будитъ и заставляетъ биться сердца. Наташа на первыхъ порахъ была съ нимъ дѣтски чистосердечна и очень любила слушать, когда онъ говорилъ о серьезныхъ вещахъ. Было время и оно длилось съ годъ послѣ выхода ея изъ гимназіи, когда Петръ Осиповичъ ей положительно нравился. Дѣвушка о немъ часто думала, предпочитая его рѣшительно всѣмъ. Еслибы тогда онъ посватался, она не колеблясь пошла бы съ нимъ подъ вѣнецъ, но онъ боялся и основательно, чтобы женитьба въ самомъ началѣ его карьеры на бѣдной дѣвушкѣ не сдѣлала его навсегда чернорабочимъ, а скоро потомъ случилось нѣчто давшее ей толчокъ въ другую сторону. Это было знакомство, составленное въ воскресной школѣ и при его же содѣйствіи перешедшее въ ея домъ. Были и у Варнавина слабости. Если онъ склоненъ былъ въ чемъ-нибудь къ безотчетному увлеченію, то это, конечно, въ страсти своей развивать незрѣлую, но одаренную отъ природы богатымъ запасомъ силъ, молодежь. На холостой квартирѣ его, по вечерамъ за самоваромъ, можно было не рѣдко видѣть студентовъ, еще не кончившихъ курсъ, и нѣкоторые изъ нихъ, притянутые вниманіемъ бывшаго своего товарища, а теперь стоящаго уже на своихъ ногахъ, просвѣщеннаго педагога и литератора, успѣли его горячо полюбить. Къ послѣднимъ принадлежалъ и новый знакомый Наташи, нѣкто Степанъ Почаевъ, или точнѣе Почай, какъ звали его полтавскіе земляки.

Это былъ статный и полный огня молодой человѣкъ, съ печатью южной породы во всей своей внѣшности. Въ нѣвучемъ выговорѣ его, въ красивыхъ темныхъ бровяхъ и глазахъ, въ спокойной осанкѣ и въ сдержанныхъ, но въ минуты порыва сопровождаемыхъ страстною жестикуляціей рѣчахъ было что-то чарующее для взросшей среди городской тѣсноты, какъ чижикъ въ клѣткѣ, и не знакомой съ просторомъ луговъ молодой дѣвушки. Они словно звали ее изъ карельскихъ болотъ и изъ сумерокъ среди бѣла дня въ залитый солнцемъ обѣтованный край.

И это была не простая музыка сердца, въ родѣ тѣхъ пѣсенъ дальной родины, которыя онъ напѣвалъ у Клеванскихъ за фортепіано. Послѣ малороссійскихъ пѣсенъ они садились гдѣ-нибудь въ уголку и говорили по цѣлымъ часамъ о разныхъ, большею частью серьезныхъ вещахъ. Степанъ разсказывалъ ей съ увлеченіемъ о надеждахъ восторженной молодежи сороковыхъ годовъ, еще уцѣлѣвшихъ между ея преемниками, надеждахъ на близкій переворотъ строго общественной и семейной жизни. Людямъ, уразумѣвшимъ великій законъ „гармоніи", по его словамъ, суждено осуществить на дѣлѣ мечты золотаго вѣка... Трудъ, не по нуждѣ и обязанности, а по страсти долженъ, какъ онъ увѣрялъ, въ короткое время поднять обработку земли и заводское производство на степень неслыханной, никому не грезившейся еще и во снѣ высоты. Богатство уму невообразимое, миръ и спокойное наслажденіе всѣми земными благами станутъ удѣломъ послѣдняго труженика и сдѣлаютъ изъ юдоли плача и воздыханій— рай. Зависть, убійства, кражи и грабежи исчезнутъ, суды и тюрьмы будутъ упразднены, кровавыя смуты и войны станутъ немыслимы. Земля отъ полюсовъ до экватора обратится въ цвѣтущій садъ, и самый климатъ ея измѣнится. Тогда за любовь и семейныя радости не придется платить десятками лѣтъ нужды и каторжнаго труда. Вмѣсто томительныхъ ожиданій, которыя отнимаютъ у молодости самое лучшее, что̀ она въ состояніи дать, люди нашего круга будутъ начинать жизнь, какъ разъ съ этого лучшаго, и оно не пройдетъ безплодно. На помощь имъ рано явится новое поколѣніе, а съ нимъ и новое счастье, уже очищенное и просвѣтленное. Тогда ихъ трудъ станетъ для нихъ еще привлекательнѣе, такъ какъ что̀ можетъ быть милѣе для матери и отца, какъ видѣть, что ихъ любовь породила новую жизнь, съ улыбкой требующую отъ нихъ ухода и попеченія...

Наташа краснѣла, какъ макъ, когда бесѣды ея съ молодымъ студентомъ, спускаясь съ заоблачной высоты идеала, переходили къ вопросамъ личнаго счастья, но въ тайнѣ души должна была согласиться, что есть извѣстные случаи, когда трудъ для людей— величайшая радость, а если есть, то какъ не повѣрить ему, что и всякій, согрѣтый любовью трудъ, къ которому человѣкъ отъ природы расположенъ, долженъ быть легокъ и милъ? Куда-бъ она ни пошла, напримѣръ, за Почаевымъ, и какіе подвиги не предприняла-бъ охотно объ руку съ нимъ?.. Слѣдуя этимъ скользкимъ путемъ, она скоро дошла до того, что слѣпая вѣра ея въ

Степана Почаева слилась съ его ребячески-простодушною вѣрой въ новый порядокъ вещей, въ нѣчто неразрѣшимое. И эта двойная, но дѣлимая вѣра краснорѣчиво высказывалась въ огнѣ, загоравшемся у нея на щекахъ, въ блаженныхъ усмѣшкахъ и взглядахъ, которыми она отвѣчала на нѣкоторые, понятные только для нихъ, вопросы.

Варнавинъ, отлично знакомый съ юношескими мечтаніями сороковыхъ годовъ, считалъ ихъ маревомъ раздраженной тяжкимъ трудомъ и нуждой фантазіи интеллигентнаго бѣдняка, но упускалъ изъ виду практическую опасность этого обольщенія для такой впечатлительной дѣвушки, какъ Наташа, не видѣлъ нужды отнимать у нея эту невинную, какъ онъ думалъ, игрушку.

„Пусть тѣшится, думалъ онъ,—такая игра развиваетъ понятіе, а придетъ настоящая жизнь, успѣетъ еще отрезвиться...“

Но эта жизнь, на которую онъ разсчитывалъ, повернула такъ круто, что не одной Наташѣ скоро пришлось отрезвиться. Пословица, говорящая, что „на всякаго мудреца довольно простоты“, сбылась надъ нѣкоторыми изъ нашихъ путеводителей начала шестидесятыхъ годовъ, хвалившихся на всю Европу своимъ здравомысліемъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и Варнавинъ. На лекціяхъ и въ журнальныхъ статьяхъ онъ разбиралъ по косточкамъ наши народные идеалы, доказывая, что большая часть ихъ вошла въ союзъ съ крѣпостнымъ порядкомъ вещей и безотчетно служила ему оправданіемъ, но еслибы вы спросили, чѣмъ онъ надѣется ихъ замѣнить теперь, когда этотъ порядокъ рухнулъ и доживаетъ послѣдніе дни, вы не добились бы отъ него ничего осязательнаго. Я зналъ его въ эту эпоху широкихъ надеждъ и до сихъ поръ не могу забыть, какъ онъ злился, когда сѣдые идеалисты, вернувшіеся изъ ссылки и видѣвшіе тамъ настоящій Русскій народъ, допытывались: намѣрены ли ихъ эпигоны, въ крайнемъ случаѣ, подчиниться народной волѣ, или разсчитываютъ вмѣсто нея подтасовать свою?

...Престижъ политической мудрости, завоеванный ими благодаря ихъ ревностному участію въ дѣлѣ освобожденія, не позволялъ этимъ людямъ сознать, что у дальнѣйшихъ питаемыхъ ими надеждъ недостаетъ реальной подкладки... Послѣдствія этой неискренности были фатальны. На первыхъ шагахъ отъ слова къ дѣлу ученики, не видя и тѣни обѣщанныхъ имъ побѣдъ, перестали слушать своихъ учителей, и эти послѣдніе, вмѣсто того, чтобы руководить движеніемъ, очутились въ хвостѣ его. Начались жертвы...

Кто прыгалъ, зажмуря глаза, въ потемки и исчезалъ, а кто, избѣгая гибели, переселялся въ чужіе края и велъ тамъ горькую жизнь изгнанника. Между послѣдними очутился скоро и бѣдный Степанъ Почаевъ, только что получившій наслѣдство послѣ отца. Жизнь улыбнулась ему, какъ она улыбается очень немногимъ въ его годы. Вполнѣ обезпеченный отъ нужды, влюбленный и нѣжно-любимый, онъ ждалъ только выпуска, чтобы посвататься, какъ вдругъ налетѣла гроза. Это случилось въ 63 году. Замѣшанный въ темное дѣло, истинный смыслъ котораго ему не удостоили объяснить, Почаевъ былъ предувѣдомленъ анонимнымъ доброжелателемъ, что его неминуемо ждетъ арестъ, и въ майскую, бѣлую ночь бѣжалъ, оставивъ всѣ средства свои въ распоряженіи у Наташи. Неопытная двадцатилѣтняя дѣвушка, конечно, плохой кассиръ, но лучшаго въ попыхахъ невозможно было найти, такъ какъ Варнавинъ и самъ не увѣренъ былъ въ завтрашнемъ днѣ. Онъ далъ только слово, что онъ не оставитъ бывшую свою ученицу безъ помощи и совѣта... Отъѣздъ былъ спѣшный, исходъ его неизвѣстенъ, о будущемъ не рѣшались и говорить, до такой степени оно представлялось мрачно. Едва успѣли окончить приготовленія, какъ настала минута разлуки. Прощались въ 4 Линіи, у Варнавина. Наташа была разстроена и взволнована до того, что едва понимала, о чемъ говорятъ. Въ слезахъ она обнялась со своимъ женихомъ, послѣ чего всѣ трое сбѣжали внизъ на крыльцо, у котораго ожидала пролетка. Степанъ съ сакъ-вояжемъ вскочилъ на нее и махнулъ рукой. Онъ былъ блѣденъ и нѣмъ, потому что его судьба висѣла на волоскѣ.

II.

Два мѣсяца не имѣли о немъ извѣстій. Потомъ, уже въ іюлѣ, кто-то привезъ Наташѣ объемистое письмо, читая которое, она заливалась слезами. Письмо было изъ Лондона и написано, очевидно, въ сильномъ унынiи.

„Я здѣсь, какъ душа на томъ свѣтѣ, писалъ между прочимъ Степанъ,— не только безъ дѣла, но и безо всякой надежды его найти... Туземцы сторонятся отъ меня, какъ отъ покойника, угадывая какимъ-то чутьемъ, что я тутъ ни при чемъ и что привязанности мои, интересы, желанія, все до простой способности понимать то, что̀ дѣлается вокругъ меня, осталось за тысячи

верстъ. Правда, я не одинъ въ такомъ положеніи, вижу почти каждый день такихъ же, сошедшихъ со сцены актеровъ, и провожу въ ихъ обществѣ длинные вечера, но это не жизнь, а какая-то платоническая тоска по жизни. Въ календарѣ іюль, и географія намъ говоритъ, что мы въ Лондонѣ, но въ дѣйствительности намъ все равно, потому что у насъ нѣтъ дѣйствительности, помыслы наши обращены назадъ, и мы пробавляемся только одними воспоминаніями. Я по крайней мѣрѣ только тогда и чувствую, что я еще не совсѣмъ улетучился, когда, забывая свое несчастное положеніе, мысленно уношусь въ Россію.

„Днемъ я брожу, какъ тѣнь, по многолюднымъ улицамъ, или сижу съ другими тѣнями, и мы обманываемъ другъ друга, разыгрывая живыхъ, но къ ночи я снова у васъ въ Подъяческой, и вашъ милый образъ не покидаетъ меня до утра."

Далѣе шли вопросы: „Зачѣмъ надежда не умираетъ сразу, а тянетъ десятками лѣтъ свой безцѣльный обманъ?.. Пусть бы еще я только самъ себя обольщалъ, отъ нечего дѣлать—это простительно, но спрашивается: за что̀ я долженъ обманывать васъ?.. Не преступленіе ли связывать вашу здоровую молодую жизнь съ моею разбитою?.. Отвѣта нѣтъ, но сердце мучительно ноетъ... Конечно, можетъ случиться, что я вернусь, но спрашивается, когда, и что̀ уцѣлѣетъ къ этому времени изъ того, что̀ цвѣло такъ пышно нынѣшнею весной?.. Здоровье, молодость, вѣра, любовь—все можетъ быть, наконецъ, потрачено. Представьте себѣ, что послѣ долгой разлуки надежды наши сбылись. Мы свидѣлись, но свиданіе наше не радостно. Мы смотримъ другъ другу въ глаза и молчимъ, не смѣя признаться, что мы не узнали другъ друга!.."

На этомъ мѣстѣ чернила смыты были слезами Наташи, которая перечитывала его разъ пять, допытываясь сама не зная чего. Мучительныя недоумѣнія приходили ей въ голову.—„За что̀ онъ отнимаетъ у ней надежду? Развѣ у ней есть что-нибудь, что̀ могло бы ее замѣнить? И чѣмъ она заслужила такія сомнѣнія?.. Молодость и здоровье могутъ уйти, но надежды своей она не отдастъ, потому что она у нея одна, какъ Богъ, и она не знаетъ, не понимаетъ другой... Еслибъ она была женой Степана, развѣ она не уѣхала бы за нимъ, не задумываясь и не спрашивая куда;—хоть въ Сибирь?.. Но время еще не упущено. Что̀ ей мѣшаетъ немедленно ѣхать за нимъ и быть обвѣнчанною?.. Точно какъ-будто нигдѣ, кромѣ Россіи, нѣтъ русскихъ церквей?"...

На этомъ она задумалась, и мысли ея повернули въ другую сторону. „Съ чего бы ему приходить въ отчаяніе“, спрашивала она себя,—„еслибъ онъ видѣлъ предъ собой такой натуральный исходъ?.. Но если онъ говоритъ, что у него нѣтъ будущаго и что онъ счелъ бы за преступленіе связывать ея молодую жизнь со своею разбитою, то ясно по крайней мѣрѣ, что онъ не зоветъ ее за собой... Отчего? Состояніе, которое онъ оставилъ въ ея рукахъ, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы жить съ семействомъ въ любой столицѣ Европы;—только, конечно, она не знаетъ на что̀ оно у него назначено. Прощаясь, онъ не сказалъ ей ни слова на этотъ счетъ... Не помянулъ и о скоромъ свиданіи... Петръ Осиповичъ тоже молчитъ; а ужь кому бы, какъ не ему, знать о намѣреніяхъ Степана Никитича, еслибъ у Степана Никитича было въ виду что-нибудь положительное?.. Или, быть-можетъ, и знаетъ, да совѣстится сказать?“

Тѣмъ временемъ на столѣ у Варнавина тоже лежало письмо, и онъ былъ не менѣе въ него углубленъ.

Это послѣднее заключало разсказъ Почаева о свиданіи его съ Г***, котораго онъ засталъ за русскою почтой.

— Кажется намъ прописана чистая, сказалъ этотъ ветеранъ и на вопросъ: „за что̀?“ замѣтилъ съ горькою ироніей, что исторія на такія вещи не отвѣчаетъ.—Какое ей дѣло до кучки заброшенныхъ бурей на далекій берегъ пловцовъ, когда она не жалѣетъ и цѣлыхъ народовъ? Исторія ликвидируетъ свои счеты тысячелѣтіями; а мы, ея слѣпыя орудія, какъ царевичъ въ сказкѣ, ложимся спать, увѣренные, что наше дѣло будетъ готово за́ночь!.. Мы посадили двухгодовалые отпрыски и надѣемся отдыхать, на своемъ вѣку, въ тѣнистой дубовой рощѣ!.. Какъ бы не такъ!

— Выходитъ, что мы бы умнѣе сдѣлали, еслибы мы садили свеклу? сказалъ Степанъ.

Отвѣтъ былъ горькій.—Громадное большинство, молъ, въ этомъ отнюдь и не сомнѣвается; только мы съ вами смотримъ въ другую сторону. Поэтому насъ и выбрасываютъ за бортъ,—съ извиненіемъ:—„Вы, молъ, хорошіе люди и мы охотно васъ слушали на досугѣ; да время теперь такое, что вы намъ болѣе не нужны“... Другими словами, насущные интересы нельзя откладывать ради далекаго идеала. Улита ѣдетъ,—когда-то будетъ; а обыденная жизнь не ждетъ...

„Я ушелъ отъ него, писалъ Степанъ, — почти въ отчаяніи.

Ему хорошо говорить, потому что ему пятьдесятъ, и жизнь его не пропала даромъ... А мнѣ?.. Куда я дѣну избытокъ силъ, которыя тутъ, на чужой сторонѣ, никому не нужны?... Еслибъ я еще могъ сочувствовать хоть чему-нибудь изъ того, что я вижу здѣсь каждый день... Но между нами сказать, его хваленая Англія не прельщаетъ меня. Подъ знаменемъ личной свободы здѣсь дѣлаются весьма некрасивыя вещи... Въ самую эту минуту, когда я пишу, здѣсь снаряжаютъ панцырныя суда для рабовладѣльческихъ штатовъ Америки, и хоть бы кто-нибудь, изъ приличія, сдѣлалъ видъ, что онъ не одобряетъ такихъ проделокъ! Свободная Англія, которая вѣшаетъ безъ суда на корабельныхъ реяхъ захваченныхъ ея крейсерами негро-торговцевъ, теперь, когда ей представляется шансъ ослабить свою могущественную соперницу, поддерживаетъ чѣмъ только можетъ рабовладѣльцевъ!.. Мнѣ скажутъ, быть-можетъ, что эта гниль здѣсь только снаружи? Нѣтъ, она въѣлась въ сердца самыхъ лучшихъ людей... Ученые, европейскія знаменитости, цвѣтъ литературы, лучшіе члены парламента, всею душой на сторонѣ Южанъ."

Письмо кончалось многозначительными строками.

„Тебя не удивитъ, писалъ Степанъ,—если я сознаюсь тебѣ чистосердечно, что мнѣ опротивѣли эти „Вольные острова", гдѣ насъ держутъ, какъ камень за пазухой, и гдѣ время проходитъ въ пустыхъ разговорахъ о дѣлѣ, котораго намъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда не видать, ибо, конечно, рука наша никогда не поднимется противъ родины. Какой-то голосъ зоветъ меня за море, гдѣ теперь идетъ великая историческая борьба за дѣло освобожденія. Тамъ „Новый свѣтъ" и тамъ усыновляютъ безъ малѣйшей мысли всякаго, кому жизнь измѣнила въ „Старомъ.""

* * *

Много было говорено по поводу этихъ первыхъ писемъ.

— Бѣдный Степанъ! говорилъ Варнавинъ.—Онъ не способенъ, какъ Г***, сидѣть въ недоступной позиціи и вести выжидательную игру; но едва ли онъ сознаетъ, что дѣло его непоправимо. У него „Heimweh" — сердечный недугъ изгнанника. Можно заранѣе предсказать, что бѣдняга нигдѣ не пуститъ корней и не найдетъ себѣ дѣла. Поэтому я высоко цѣню его героическую рѣшимость вернуть вамъ свободу. Это подвигъ, къ которому рѣдкій способенъ. Я, напримѣръ, сознаюсь, что у меня

не хватило бы мужества отказаться, какъ онъ отказывается, отъ всякой надежды... Это почти то же самое, что̀ пустить себѣ пулю въ лобъ.

Наташа сидѣла, какъ осужденная, выслушивая свой приговоръ.

— Какъ вы жестоки! сказала она.

— Мой другъ! отвѣчалъ Варнавинъ, сжимая ея похолодѣвшую руку.—Я былъ бы въ десять разъ больше жестокъ, еслибъ я скрылъ отъ васъ горькую истину. Подумайте сами: къ чему бы васъ привела ваша рѣшимость ѣхать за нимъ и раздѣлить съ нимъ его судьбу?.. Конечно, въ первые дни, можетъ-быть даже мѣсяцы, вы были бы счастливы; но спрашивается: что̀ дальше? Какъ бы вы ни обманывали другъ друга, ни отъ него, ни отъ васъ со временемъ не укрылось бы, что жертва ваша принесена напрасно. И эта жертва не только осталась бы до конца у него на совѣсти, она связала бы его по рукамъ и ногамъ, заставляя прикидываться, что онъ несказанно счастливъ; тогда какъ на дѣлѣ это была бы только великодушная ложь... Представьте себѣ, что вы вдвоемъ, гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, или на берегахъ Женевскаго озера, отдѣлены отъ всего остальнаго міра непроходимою стѣной, и за тысячу верстъ отъ живаго дѣла. Счастіе ли это? Не приходило ли бы вамъ невольно на умъ, что еще немного и въ вашемъ раѣ можно задохнуться? Что̀ это праздникъ тѣней, отъ котораго всякій живой человѣкъ готовъ бѣжать безъ оглядки, не спрашивая куда, лишь бы вздохнуть наконецъ свободно?

* * *

Что̀ отвѣчали Степану изъ Петербурга, теперь потеряло свой интересъ, такъ какъ письма его друзей уже не застали его на мѣстѣ и прежде чѣмъ онъ ихъ прочелъ, въ Подъяческой получена была отъ него депеша изъ Уашингтона, съ извѣстіемъ, что онъ поступилъ добровольцемъ въ Союзную армію. Депеша была отъ 8 (20) октября, а черезъ мѣсяцъ пришло и суленое его письмо. Оно объясняло главную побудительную причину его поступка нравственною необходимостью завоевать себѣ какое-нибудь опредѣленное положеніе.

„Дѣло, которое здѣсь ожидаетъ меня, писалъ Степанъ,—сродни совершающемуся у насъ, великому дѣлу освобожденія, и это родство даетъ мнѣ право принять въ немъ дѣятельное участіе“...

Далѣе слѣдовали урывки его путевыхъ впечатлѣній и отголоски военныхъ тревогъ, усиливающіеся по мѣрѣ его приближенія къ сценѣ войны. Охваченный ею районъ простирался на Сѣверъ почти до Филадельфіи, отъ которой на Югъ, до Уашингтона, было немногимъ далѣе, чѣмъ отъ Петербурга до Выборга и отъ Уашингтона до главнаго очага возстанія, Ричмонда,—почти тоже. Но между Уашингтономъ и Филадельфіей находился рабовладѣльческій штатъ Мериландъ, переходившій не разъ во власть непріятеля, такъ что столица Союза стояла собственно на враждебной почвѣ и до конца жила въ опасности быть отрѣзанною отъ своихъ сообщеній. Городъ былъ укрѣпленъ и занятъ достаточнымъ гарнизономъ, но съ башенъ его, въ сосѣдней Александріи видали не разъ непріятельскія знамена. Сильныя арміи заходили далеко за Бальтиморъ, до самыхъ границъ Пенсильваніи и были отражены только цѣной кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ судьба столицы висѣла на волоскѣ. Понятно, въ какомъ напряженіи это держало нервы людей, шестьдесятъ лѣтъ не видавшихъ дóма войны. Курьеры съ депешами уѣзжали и пріѣзжали ежеминутно;—предъ дверями газетныхъ редакцій и телеграфовъ всю ночь стояла толпа, и какой-нибудь бюллетень, полученный вечеромъ, не позволялъ никому уснуть спокойно.

Но на изгнанника это производило самое благотворное впечатлѣніе.

„Я здѣсь воскресъ, писалъ онъ,—и чувствую себя снова въ живой связи съ окружающимъ... Страсти, волненія и надежды на лицахъ людей для меня не чужія... Вчера былъ въ конторѣ вербовочнаго депо и записался въ конницу... Завтра, чуть свѣтъ, уѣзжаю въ Люисвиль, а оттуда въ Мемфисъ, гдѣ формируется сильная кавалерія... Число свободныхъ негровъ въ союзныхъ войскахъ растетъ съ каждымъ днемъ, но вмѣстѣ съ нимъ растетъ и злоба конфедератовъ. Вы знаете изъ газетъ, какъ неохотно Линкольнъ рѣшился на эту мѣру, стараясь придать ей чисто-военный и временный смыслъ; но разъ она пущена въ ходъ, возврата нѣтъ и всѣ надежды на мирное соглашеніе брошены."

Дальше Степанъ увѣдомлялъ, что деньги, переведенныя на него въ іюлѣ, получены и сообщалъ адресъ дома, взявшаго на себя его денежную корреспонденцію, но просилъ, чтобъ о средствахъ его не безпокоились, такъ какъ банковый его счетъ въ Америкѣ обезпеченъ на нѣсколько лѣтъ и безъ особенныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ не потребуетъ дополненія.

Въ концѣ стояло нѣсколько строкъ, содержавшихъ послѣднюю его волю. Въ случаѣ если онъ будетъ убитъ, единственною наслѣдницей его остается Наталья Ѳедоровна Клеванская.

III.

Съ этого времени *Times* не выходилъ у Наташи изъ рукъ, и фантазія рисовала ей въ смутныхъ чертахъ невѣдомыя поля сраженія. Съ помощью Варнавина, она отыскивала на картѣ дико звучащія имена, отъ которыхъ вѣяло дѣвственными лѣсами, таинственными путеводителями, усматривающими слѣды мокасиновъ въ травѣ, засадами, скальпомъ и томахавкомъ. *Шенандоа*, *Раппаганокъ*, *Чаттануга*—напоминали ей короткія юпки и возвращали къ героямъ Купера.

— Странно, что я цѣлый мѣсяцъ пщу и нигдѣ не могу найти: на чьей сторонѣ краснокожіе! сказала она однажды, бросивъ съ досадой *Times;*—на что̀ Варнавинъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что вѣроятно̀ они теперь взялись за умъ и потираютъ руки отъ удовольствія, предоставляя исконнымъ врагамъ своимъ рѣзаться между собой всласть, ибо, конечно, бѣлые ихъ далеко перещеголяли. Вотъ, напримѣръ, не далѣе, какъ въ минувшемъ іюлѣ, подъ Геттлебургомъ, то-есть всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Уашингтона, бой начался съ утра и окончился только на третій день вечеромъ. Каждая изъ сторонъ потеряла не менѣе восемнадцати тысячъ!.. Скромно сказано, но навѣрно даже и самому кровожадному Ирокезцу въ лѣсу, на ночлегѣ, не снился такой блистательный результатъ!

Время тянулось въ мучительныхъ ожиданіяхъ и зима давно стояла уже на дворѣ, когда пришло опять объемистое письмо. Оно было изъ Нашвиля, въ Теннеси, и находилось въ дорогѣ больше пяти недѣль. Медленность объяснялась страшными разстояніями и невѣрностью путей сообщеній.

„Мы твердо стоимъ въ Теннеси, писалъ Степанъ,—и все теченіе Миссисипи въ нашихъ рукахъ; но это только въ газетныхъ извѣстіяхъ, а на дѣлѣ мы тутъ въ гостяхъ, и за слабостью кавалеріи (родъ оружія, въ которомъ мы до сихъ поръ значительно еще уступаемъ противнику) не знаемъ почти ничего о томъ, что̀ дѣлается вокругъ. Сильныя партизанскія шайки конфедератовъ хозяйничаютъ у насъ въ тылу; случалось, что цѣлые

баталіоны застигнуты были врасплохъ на пути и уничтожены, а по рѣкѣ, у насъ подъ носомъ, ежедневно провозятъ партіи новобранцевъ или транспорты военнаго продовольствія для Южанъ... Весь край на тысячи верстъ въ огнѣ и озлобленіе страшное; война ведется давно позабытымъ въ Европѣ,—по-истинѣ, вандальскимъ образомъ. Грабятъ, что только подъ руку попадетъ, а чего невозможно увезти, безъ жалости топятъ и жгутъ. Конфедераты особенно, послѣ того, какъ въ Новой-Англіи стали формировать полки изъ чернокожихъ, лѣзутъ на стѣну: ихъ обращеніе съ плѣнными хуже всего, что только можно себѣ вообразить; хотя, по правдѣ сказать, и мы, при случаѣ, не кладемъ охулки на руку. Съ обѣихъ сторонъ репрессаліи; а разъ дѣло дошло до отместки, люди не останавливаются ни предъ чѣмъ. То тутъ, то тамъ ежедневно слышишь, что цѣлыя партіи плѣнныхъ разстрѣляны. Путь, по которому двигается отрядъ, нерѣдко залитъ кровью и сваленъ пожаромъ... Но хуже всего то, что дѣло затягивается и никакого конца ему не видать. Немногіе, даже изъ нашихъ высшихъ военныхъ начальниковъ, только теперь начинаютъ смекать, что нѣтъ никакой надежды окончить войну, покуда мы не добрались до самаго сердца возстанія.

„Я въ корпусѣ Шермана:—это рѣшительный и готовый на самыя дерзкія предпріятія человѣкъ. Я его видѣлъ въ дѣлѣ подъ Ноксвилемъ (городъ былъ обложенъ непріятелемъ, котораго Грантъ насъ послалъ разогнать) и получилъ о немъ сразу высокое мнѣніе... Кстати, за это дѣло я получилъ, говоря по здѣшнему, офицерскій патентъ“...

Къ письму приложена была скверная фотографія, изображающая офицера съ саблей, въ какой-то заморской, полувоенной формѣ... Сзади сторожевая вышка,—за вышкой пустое поле и въ отдаленіи городъ... Наташа едва узнала Степана, такой онъ на карточкѣ вышелъ черный, худой и старый. Въ глазахъ и въ разрѣзѣ рта особенно что-то не русское, жестокое. Думалъ ли онъ о ней, когда снимался? Глаза на карточкѣ не отвѣчали ей ничего на этотъ вопросъ. Можетъ-быть это эффектъ плохой фотографіи, деревянныя лица которой всегда молчатъ?.. „Смотримъ въ глаза и молчимъ, не смѣя признаться, что мы не узнали другъ друга“, вспомнилось ей, и сердце ея болѣзненно сжалось.

* * *

Позже Варнавинъ прочелъ ей другое письмо. Степанъ разсказывалъ въ немъ роковыя причины междоусобной войны и отзывался съ большимъ уваженіемъ о народѣ, не отступившемъ ни предъ какими жертвами, когда время пришло рѣшить давно наболѣвшій вопросъ. „У насъ, молъ, весьма ошибаются полагая, что Югъ отстаиваетъ только одни матеріальные интересы рабовладѣнія. Обѣ стороны искренно подняли знамя свободы; только на Югѣ ее понимаютъ иначе, чѣмъ на Сѣверѣ. Конфедераты стоятъ на исторической почвѣ своей конституціи, защищая неограниченную свободу отдѣльныхъ штатовъ жить и хозяйничать у себя по своему, тогда какъ Янки и Сеттлеры настаиваютъ на правѣ союза рѣшать государственные вопросы не въ интересахъ отдѣльныхъ его частей, а въ интересѣ цѣлаго. Но распря не ограничивается теоретическимъ споромъ, какъ понимать республику въ смыслѣ исконной ея конституціи:—какъ неразрывную федерацію, или какъ вольный союзъ независимыхъ государствъ? И въ сферѣ соціально-экономической тяжба идетъ между двумя враждебными интересами:—Сѣверъ стóитъ за свободный, а Югъ за невольничій трудъ. Исконная конституція не рѣшила ее, потому что сто лѣтъ назадъ и спора объ этомъ быть не могло. Въ концѣ прошедшаго вѣка республика, вся безъ изъятія, думала такъ, какъ думаютъ и доселѣ конфедераты. Творецъ ея конституціи и его сподвижники сами имѣли рабовъ. Но дѣло не долго стояло на старыхъ своихъ устояхъ. На Сѣверѣ развились впервые: промышленность и свободный трудъ, а съ ними выросли и понятія о правахъ гражданина для всякаго подданнаго союза, безъ племенныхъ и сословныхъ изъятій. Идея эта была революціонная и пробивала себѣ дорогу съ трудомъ, благодаря энергическому отпору со стороны Южанъ, неуклонно стоявшихъ за старый порядокъ вещей, и перевѣсу, который давали ихъ партіи: независимое экономическое положеніе, досугъ, образованіе, наконецъ, превосходство тѣсно-сплоченной, сословной организаціи. Но противная сторона терпѣливо ждала, потому что за ней было будущее и силы ея неослабно расли. Теперь, когда перевѣсъ оказался уже недвусмысленно на ея сторонѣ,—Югъ, не задумываясь ни на минуту, взялся за оружіе, и союзъ, послѣ двухлѣтней междоусобной войны, истекаетъ кровью. Долгъ одного только Сѣвера выросъ почти до милліарда долларовъ; цѣлые штаты обращены въ пустыню. Но еслибы даже все, что̀ создано за сто лѣтъ пропало, можно съ увѣренностью сказать,

что Союзъ выйдетъ изъ этого испытанія побѣдителемъ, потому что онъ не искусственная организація. Соединенные Штаты Америки созданы, не какъ Австрія, хитрыми государственными людьми, а геніемъ ихъ народа, который самъ сдѣлалъ свое цвѣтущее положеніе, и еслибъ оно по несчастію обратилось въ прахъ, создастъ его заново. Ибо здѣсь нѣтъ того, что̀ называется въ Старомъ Свѣтѣ чернь, то-есть безсмысленной и безпомощной, буйной минутами, а въ спокойные дни апатичной толпы, которая пропадетъ, если ее оставить на свой произволъ. Здѣсь всякій, съ дѣтства, стоитъ на своихъ ногахъ и смотритъ на вещи собственными глазами, думаетъ собственною головою и прочее."

Письмо заключалось скромнымъ признаніемъ, что авторъ его, до пріѣзда въ Америку, былъ по-нѣмецко-студентскому выраженію:—„Фуксъ", то-есть неопытный новичекъ, и что школа, въ которую онъ поступилъ, успѣла уже измѣнить во многомъ его простодушныя доморощенныя понятія.—„Люди, говорилъ онъ,—конечно, и здѣсь небольше, какъ люди:—такіе же эгоисты и также жестоки въ борьбѣ за существованіе, также падки на всякое пріобрѣтеніе;—только здѣсь они безъ старосвѣтской придури:—смотрятъ, что̀ называется, въ оба, знаютъ, чего хотятъ, и не теряютъ времени даромъ."

* * *

Письмо это было, увы! послѣднее. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходилъ, а бѣдный изгнанникъ и „Фуксъ" какъ въ воду канулъ... Въ плѣну или убитъ?.. Наташа тайкомъ отъ семейства плакала.—Петръ Осиповичъ хмурился и молчалъ.. Въ началѣ осени, измученная, она пошла въ Американское консульство со слабою надеждой узнать хоть что-нибудь. Въ ней приняли искреннее участіе и обѣщали прямую справку, по телеграфу, предупредивъ, что, къ сожалѣнію, именно въ эту минуту прямыхъ извѣстій изъ арміи Шермана нѣтъ, а то немногое, что̀ онъ пишетъ главнокомандующему, доходитъ изрѣдка и окольнымъ путемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ двинулся на Атланту и обошелъ непріятеля, единственный путь сообщенія на Чаттанугу и Нашвиль въ рукахъ у послѣдняго.

Прошло еще три мѣсяца и въ теченіе ихъ, то она, то Варнавинъ, не разъ заходили въ консульство; но получали все тотъ же отвѣтъ:—„Вѣрныхъ извѣстій о западной арміи нѣтъ"... Къ

новому году однако получены были, слѣдомъ одна за другою, побѣдныя вѣсти:—„Шерманъ окончилъ блестящимъ образомъ свой далекій походъ и у Саванны вошелъ въ сообщеніе съ флотомъ“... Потомъ, что Саванна взята, и Шерманъ идетъ на Чарльзтонъ. Но торжество Наташи было непродолжительно. Въ концѣ января пришло наконецъ и прямое извѣстіе о Степанѣ. Оно было траурное. Шерманъ, въ самомъ разгарѣ лѣта, послалъ отъ Атланты, по направленію на Маконъ, кавалерійскій рейдъ, который, 17 (29) іюля, у станціи Ньюманъ (Атланта-Уестпойнтской желѣзной дороги), наткнулся на сильнаго непріятеля и былъ истребленъ... Подробностей никакихъ, только въ спискѣ убитыхъ офицеровъ, рукой консула, подчеркнуто было русское имя, которое и сказало друзьямъ Степана все, что̀ имъ было нужно знать. Извѣстіе это пришло 20 января (1865 г.) и въ тотъ же день, по убитомъ, на Островѣ, въ Андреевской церкви, была отслужена панихида,—потомъ, какъ мы знаемъ уже, повторявшаяся изъ года въ годъ въ этотъ день.

Съ тѣхъ поръ миновало пять лѣтъ и въ теченіе этого времени многое безъ сомнѣнія отцвѣло, но кое-что успѣло и вновь разцвѣсть. Наташа похоронила свои молодыя надежды, какъ разъ въ такую пору, когда у Варнавина ожили и зазеленѣли новыя. Отсюда исконная рознь въ сердцахъ этихъ двухъ людей. Старательно-затаенная, она рѣдко проглядывала наружу, но это ей не мѣшало расти въ глубину и въ потемкахъ пускать глубокіе корни.

IV.

За переводомъ, на имя Степана, въ Лондонъ 2.000 фунтовъ стерлинговъ, у Наташи осталось еще въ рукахъ 100.000 рублей, и это круглое состояньице, о которомъ, кромѣ Варнавина, даже въ семействѣ ея никто не зналъ, стало теперь ея нераздѣльною собственностью. Вопросъ, что̀ съ нимъ дѣлать, конечно, долженъ былъ приходить ей на умъ, но въ первое время послѣ ея потери онъ полонъ былъ горечи, и она съ отвращеніемъ гнала его изъ головы... Другое дѣло Варнавинъ. Онъ искренно сожалѣлъ о погибшемъ, что̀ не мѣшало ему однако видѣть какія отличныя карты остались въ его рукахъ. Судьба позаботилась дать ему даже и срокъ, чтобъ обдумать свою игру; но онъ уже былъ проученъ и зналъ изъ личнаго опыта, что въ

подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ ничего оставлять на долю случая. Выждавъ полтора мѣсяца и осторожно ощупывая свой путь, онъ какъ-то однажды спросилъ у Натальи Ѳедоровны: не сочтетъ ли она за лучшее взять изъ консульства удостовѣреніе?... Современемъ консулъ можетъ перемѣниться, и дѣло, которое можно теперь окончить безъ затрудненія въ полчаса, пойдетъ въ долгій ящикъ.

— Если вы думаете, что̀ это не лишнее?..

— Трудно сказать, гдѣ начинается лишнее, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Самыя несомнѣнныя и святыя права за недостаткомъ какой-нибудь бумаженки, которая, какъ свидѣтельство, гроша не сто́итъ, у насъ не гарантируютъ отъ процесса.

Дня черезъ два они были у консула и безъ труда получили искомое.

Это былъ пробный шаръ Варнавина, но состояніе духа, которое онъ обнаружилъ, дало ему смѣлость пойти и дальше.

— Что̀ вы намѣрены дѣлать съ деньгами? спросилъ онъ.

Клеванская отвѣчала вздохнувъ, что и сама не знаетъ.

— Мое положеніе странное, пояснила она.—Я стала душеприкащицей человѣка, послѣдняя воля котораго совершенно мнѣ неизвѣстна.

— Скажите лучше, что вы не желаете ее исполнять, замѣтилъ Петръ Осиповичъ.—Степана, по крайней мѣрѣ, нельзя упрекнуть въ неясности. Онъ безусловно оставилъ свое состояніе вамъ. Отъ васъ, конечно, зависитъ принять его или не принять;—но если вы принимаете, то вы не въ правѣ выдумывать отъ себя условія, которыхъ онъ не имѣлъ въ виду.

Наслѣдница думала иначе.

— Есть вещи, которыя сами собой разумѣются, говорила она! Само собой разумѣется, напримѣръ, что еслибъ у него остались денежные долги, моею первою обязанностью было бы ихъ уплатить. А развѣ нравственный долгъ менѣе обязателенъ? Долгъ человѣка вполнѣ обезпеченнаго, какимъ былъ Степанъ Никитичъ, воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ такъ, чтобъ отъ этого было тепло не ему одному... Не правда ли?

Варнавинъ догадывался къ чему это клонится, но не видя нужды ломиться въ открытую дверь, оставилъ своей ученицѣ честь преподать ему этотъ урокъ.

— Пожалуста продолжайте, сказалъ онъ,—мнѣ кажется, что я начинаю васъ понимать.

— Въ Степанѣ Никитичѣ не было ничего мѣщанскаго, горячо продолжала Наташа.—Еслибъ онъ остался живъ, онъ счелъ бы измѣной своимъ убѣжденіемъ праздную жизнь рантьера и несомнѣнно предпринялъ бы что-нибудь общеполезное:—завелъ бы гимназію, напримѣръ, или журналъ. Съ такими друзьями, какъ вы, и то, и другое могло бы разсчитывать на успѣхъ... Чего вы смѣетесь?... Надѣюсь, что вы не отказали бы ему въ вашемъ содѣйствіи?

— Конечно, сказалъ Варнавинъ:—но что касается до успѣха, то это не такъ достовѣрно. Представьте себѣ Степана, какимъ мы знали его три года тому назадъ,—Степанъ съ его неопредѣленными идеалами и необузданною натурой,—въ роли хозяина ежемѣсячнаго журнала или директора-воспитателя,—и вы поймете мою усмѣшку. Такіе люди безцѣнны вездѣ, гдѣ надо идти на проломъ и увлечь за собою колеблющуюся толпу; но въ дѣлѣ, требующемъ политики и обдуманнаго разсчета, соединенныхъ съ умѣньемъ согласовать враждебные элементы и обходить неподатливыя препятствія,—я счелъ бы его скорѣе помѣхой, чѣмъ помощникомъ, и никакъ уже не вождемъ.

Наташа не возражала на это прямо.

— Вы слишкомъ строги, сказала она.—Степанъ Никитичъ былъ вовсе не такъ самоувѣренъ, чтобы не видѣть своихъ недостатковъ... Возьмемъ, напримѣръ, журналъ. Онъ могъ бы дать деньги и сохранить за собою права издателя, предоставивъ спеціальное руководство, то-есть редакцію, вамъ.

Спутникъ ея слегка покраснѣлъ, какъ игрокъ, замѣчающій, что всѣ шансы, одинъ за другимъ, располагаются въ пользу его комбинаціи; но ему удалось затаить свое торжество.

— Вы забываете, сказалъ онъ,—очень существенныя препятствія, и, между прочимъ, трудность добиться благословенія свыше. Мнѣ врядъ ли бы удалось его получить; а ему, еслибъ ему и разрѣшили вернуться, навѣрно не разрѣшили бы издавать журналъ.

— А мнѣ? простодушно спросила Клеванская.

Но отвѣта не было, и, проводивъ ее до конца бульвара, Варнавинъ вернулся домой одинъ, погруженный въ глубокую думу. Въ мысляхъ его покойный Степанъ чередовался съ Наташей. Первый, конечно, теперь потерялъ для него свой прежній,

реальный вѣсъ и сталъ простымъ предсказателемъ, сообщающимъ дѣлу зловѣщій или благопріятный смыслъ, смотря потому сближалъ или удалялъ онъ его отъ Наташи. Но всякій разъ, что послѣдняя входила на сцену, старый женихъ былъ забытъ и всѣ мысли Варнавина сосредоточивались на ней.

„Дадутъ ли ей разрѣшеніе?.. На редактора разумѣется нѣтъ; но на изданіе, если Ѳедоръ Лаврентьевичъ постарается, можетъ быть, и дадутъ.“ При этомъ новый факторъ вмѣшивался въ его соображеніе. „Весьма любопытно: какъ взглянетъ отецъ на ея затѣи. Конечно, придется ему объяснять откуда деньги, но это неважный вопросъ, потому что откуда бы онѣ ни пришли, онѣ составляютъ теперь ея безспорную собственность“... Дѣло разсказано было, въ безъименной формѣ, извѣстному юрисконсульту, который спросилъ только, въ чемъ заключается собственность, и, узнавъ что бумаги не именныя, махнулъ рукой.— „Письмо, содержащее волю умершаго“, сказалъ онъ,—„имѣетъ смыслъ только какъ нравственная очистка; но даже и безъ письма, не закрѣпленныя ни за кѣмъ, доходныя банковыя бумаги, какъ и другая наличность, принадлежатъ тому, у кого онѣ въ рукахъ“... Вопросъ стало-быть не въ томъ: одобритъ ли Ѳедоръ Лаврентьевичъ случай, благодаря которому старшая его дочь пріобрѣла состояніе. Какъ бы она ни виновата была, скрывъ отъ отца, что у нея есть женихъ и принявъ отъ послѣдняго деньги на сохраненіе, безъ вѣдома и согласія своего естественнаго опекуна, но если этимъ она не причинила семейству ни нравственнаго, ни финансоваго ущерба, отцу очевидно не оставалось болѣе ничего, какъ признать совершившійся фактъ и помириться съ его послѣдствіями... Затѣмъ оставался однако все тотъ же первоначальный вопросъ: одобритъ или не одобритъ отецъ издательскія затѣи Наташи? Клеванскій былъ несомнѣнно умный и ловкій, распорядительный, смѣтливый человѣкъ, на отличномъ счету у начальства, и только-что предъ тѣмъ сдѣланъ директоромъ департамента, обогнавъ при этомъ множество конкуррентовъ. Но Ѳедоръ Лаврентьевичъ былъ чиновникъ отъ головы до пятъ и всѣ интересы его, понятія, убѣжденія не выходили изъ узкихъ границъ служебнаго міровоззрѣнія. Мода конечно имѣла и на него вліяніе. Онъ благосклонно терпѣлъ въ своемъ домѣ кружокъ либеральныхъ друзей Наташи и по примѣру „особъ“, съ которыми новая должность ставила его зачастую въ хорошія, неслужебныя отношенія, отвѣчалъ добродушными шутками на

ихъ нецензурныя выходки; — читалъ года два назадъ, украдкой, даже и *Колоколъ*. Но перспектива стать крёстнымъ отцомъ политическаго журнала съ невыясненною окраской и взять на себя, хотя бы даже и въ восходящей линіи, косвенно и негласно, отвѣтственность за его прегрѣшеніе, едва ли могла ему льстить. Короче, не было никакого сомнѣнія, что издательскія затѣи дочери встрѣтятъ съ его стороны рѣшительное сопротивленіе, и что не только его содѣйствіе, а даже и просто „непротивленіе злу“ возможно купить только цѣной какой-нибудь неотразимой приманки... Трудно однако сказать какой... Слабыя стороны старика были извѣстны Варнавину. Ѳедоръ Лаврентьевичъ былъ жаденъ до пріобрѣтенія и падокъ на всякаго рода отличія. Но за журналъ, даже и съ самою благонамѣренною окраской, не даютъ ни звѣздъ, ни арендъ; а что касается до участія въ будущихъ матеріальныхъ выгодахъ, то такого стараго воробья на мякинѣ не проведешь.

Дойдя до этой загвоздки, Варнавинъ долго ломалъ надъ ней голову, но время шло не принося съ собою рѣшенія, и всѣ совѣщанія его съ дѣвушкой оканчивались ничѣмъ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ результатъ былъ отрицательный. Признанія найдены были преждевременными и отложены.

Варнавину первому стало ясно, что планъ ихъ построенъ на крупномъ психологическомъ заблужденіи. Открыть отцу, что Наташа стала богатою невѣстой, не значитъ ли это прежде всего внушить старику честолюбивые замыслы, натурально соединенные съ опасеніемъ, чтобъ она не испортила ему дѣла, связавшись съ кѣмъ-нибудь вовсе неподходящимъ?

Такъ думалъ Варнавинъ, мысленно залѣзая въ шкуру своего тестя *in spe* и пытаясь взглянуть на дѣло съ его точки зрѣнія. „Если догадки эти вѣрны, думалъ онъ, — то лучшей приманки для старика, незнающаго, что его дочь получила наслѣдство, а разсчитывающаго пристроить ее на дешевую, — и требовать невозможно. Журналъ, въ рукахъ у толковыхъ людей, можетъ давать хорошій доходъ, а дѣятельное участіе въ предпріятіи можетъ сблизить ее съ дѣйствительными хозяевами и при случаѣ обезпечить ей не блестящую, но солидную партію. Довольно съ него, что дочь, не ставя ни гроша на карту, не можетъ остаться въ убыткѣ, а что̀ касается до другой отвѣтственности, то дѣло и такъ не обойдется безъ показнаго редактора, благонадежность

котораго, оффиціально признанная, достаточно покрываетъ патрона, выхлопотавшаго имъ разрѣшеніе.“

Вся эта психологія, ловко замаскированная по части матримоніальныхъ надеждъ, сообщена была понемногу Наташѣ и послѣ нѣсколькихъ колебаній принята къ руководству. Она взяла на себя переговоры съ отцомъ, а Варнавинъ, въ случаѣ ихъ успѣха, все прочее. Догадывалась ли она, что надежды ея союзника не ограничиваются журналомъ, исторія оставляетъ въ тѣни, но судя по огню, какимъ загорѣлось ея лицо, когда отецъ, заставивъ ее разсказать въ подробности ея планъ, съ усмѣшкой сдѣлалъ одинъ нескромный вопросъ, слѣдуетъ думать, что да.

— Ну, а дальше? спросилъ онъ, лукаво заглядывая въ ея глаза.

— Почемъ же я знаю, папа?

— Петръ Осиповичъ не говорилъ тебѣ ничего о чувствахъ, которыя онъ питаетъ къ тебѣ и о томъ, что если дѣло у васъ пойдетъ на ладъ, онъ будетъ просить у тебя еще чего-нибудь, безъ чего журналъ и подписка гроша не стóятъ въ его глазахъ?

— Н... нѣтъ...

— Или, быть-можетъ, объ этомъ не нужно и говорить, потому что это само собой разумѣется?

Дѣвушка опустила глаза и молчала въ большомъ замѣшательствѣ.

— Я, признаюсь тебѣ, думалъ... еще недавно думалъ, что ты имѣешь другія надежды... Но послѣ того, какъ одинъ изъ твоихъ друзей надѣлалъ глупостей и бѣжалъ... Ты давно не имѣла о немъ извѣстій?

Дочь измѣнилась въ лицѣ, и на рѣсницахъ у ней сверкнули слезы.

— Голубчикъ, папа, шепнула она:—не тревожьте памяти этого человѣка... Его уже нѣтъ въ живыхъ.

— М-мъ!.. Ну прости меня; я не зналъ, и помолчавъ:—скажи Варнавину, что я не могу ничего обѣщать, покуда я не узнаю въ точности, чтò онъ имѣетъ въ виду... Пускай приходитъ обѣдать, я самъ съ нимъ поговорю.

Тонъ и манера, съ которыми это было сказано, дышали сознаніемъ власти. Оно было лишнее съ дочерью, которую онъ горячо любилъ, но Клеванскій, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сбросилъ съ себя смиренный образъ начальника отдѣленія, не могъ уже говорить иначе. Это былъ тотъ же безцвѣтный типъ

сидѣльца казенной лавки:—то же брюшко и тѣ же заплывшіе, потерявшіе свой характеръ контуры лица, та же лысина просвѣчивала сквозь жидкіе съ просѣдью волосы; только все это получило теперь какой-то новый, преображенный смыслъ и мало замѣтный въ своемъ обыдённомъ быту человѣкъ сіялъ, какъ старый, выцвѣтшій абажуръ, надѣтый на яркую лампу. Станъ его выпрямился,—животъ, заявляя свои права, самодовольно выпятился впередъ, взглядъ сталъ устойчивъ и пріобрѣлъ направленіе сверху внизъ, а на губахъ появилась одна изъ тѣхъ олимпійскихъ усмѣшекъ, которыми „настоящіе господа“ отвѣчаютъ на низкій поклонъ швейцара, имѣвшаго счастіе получить отъ нихъ новенькую пятирублевку. Клеванскій исчезъ и на мѣстѣ его остался его превосходительство Ѳедоръ Лаврентьевичъ. Онъ былъ не прочь оказать услугу учителю русской словесности, за котораго проситъ дочь, но достоинство его требовало, чтобъ этотъ вассалъ почувствовалъ наконецъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и преклонилъ предъ нимъ колѣно, ибо до сихъ поръ этого не было.

За семь лѣтъ, что онъ зналъ Варнавина, этотъ ученый мужъ навелъ въ его домъ не мало людей изъ совершенно другаго міра, центромъ аттракціи для которыхъ служила старшая его дочь, но далѣе этого трудно было сказать о нихъ что-нибудь, потому что они держали себя свысока, какъ Европейцы, попавшіе къ дикимъ и говорили на мало-понятномъ для остальныхъ языкѣ. Компанія эта не ухаживала за барышнями и не играла въ карты. Мало того, въ ея обращеніи съ департаментскими, сквозь вѣжливую терпимость, просвѣчивало порой что-то очень похожее на насмѣшку. Казалось какъ будто бы эти боги не удостоивали спуститься до пониманія окружающей ихъ среды и войти съ ней въ какое-нибудь нравственное общеніе. Это была оппозиція и лидеромъ ея былъ Варнавинъ.

Еслибы не дочь, предъ которою этотъ вождь покорно гнулъ шею, Ѳедоръ Лаврентьевичъ конечно не потерпѣлъ бы у себя въ домѣ такой массонской ложи, но блескъ, который она сообщала Наташѣ и власть этой дѣвушки надъ враждебнымъ нашествіемъ, подкупали отца. Можно представить себѣ послѣ этого торжество Клеванскаго, когда онъ узналъ, что Варнавинъ нуждается въ его покровительствѣ.

— Посмотримъ! думалъ онъ, потирая съ довольною усмѣшкой руки.

Партія была сыграна въ кабинетѣ Клеванскаго и, не взирая на скользкое положеніе аттакующаго, обнаружила въ немъ первоклассиаго игрока. Онъ прямо сознался, что безъ поддержки его превосходительства, ему пришлось бы бросить свой планъ, какъ несбыточную мечту.

— Журнальное дѣло у насъ въ загонѣ, говорилъ онъ. — Въ глазахъ правительственнаго контроля оно стоитъ наряду съ самыми темными промыслами. Цензурный уставъ не дозволяетъ его, а только терпитъ, какъ неизбѣжное зло, и это ставитъ всякаго начинающаго, какъ бы онъ ни былъ чистъ предъ своею совѣстью, въ положеніе злоумышленника, за дѣйствіями котораго слѣдитъ не дремлющій полицейскій надзоръ.

— А кто-жь виноватъ, голубчикъ?... Кто-жь виноватъ? съ достоинствомъ возражалъ Клеванскій.—Вотъ ужь воистину можно сказать: — „Какою мѣрой мѣрите, тою и воздастся вамъ“... Вы требуете довѣрія именно съ той стороны, о которой вы тридцать лѣтъ внушаете вашимъ читателямъ, что она его не заслуживаетъ... А впрочемъ, не обижайтесь: я говорю огульно только по той причинѣ, что вѣдь и вы говорите за всѣхъ. Вы ратуете за журналистику противъ администраціи, а я защищаю власть противъ печати, недобросовѣстно ее обвиняющей, но лично противъ васъ я такъ же мало имѣю что-нибудь, какъ надѣюсь и вы противъ меня. Я не читалъ вашихъ статей и не имѣю рѣшительно ничего ни за, ни противъ вашей благонадежности. Убѣдите меня, что вы намъ не врагъ, и я первый за васъ поручусь. Поэтому я и желалъ съ вами лично поговорить. Мнѣ надо хоть приблизительно знать: какія стремленія вы намѣрены проводить? Что̀ я скажу, напримѣръ, когда меня спросятъ: къ какому литературному лагерю вы принадлежите?.. Что̀ вы Славянофилъ или Западникъ? Патріотъ или другъ человѣчества безъ различія расъ и вѣроисповѣданій?.. Умѣренный прогрессистъ или радикалъ?.. Нигилистъ?.. Анархистъ?..

Такъ началось это объясненіе, изъ котораго мы беремъ лишь выдающіяся черты. Ѳедоръ Лаврентьевичъ говорилъ пространно и по упаренному его лицу, по патетической интонаціи, подчеркивающей эффекты, не трудно было понять, что ни одинъ министерскій докладъ не сто̀илъ ему такихъ усилій ораторскаго искусства. Но на Варнавина онъ производилъ впечатлѣніе школьника, незнакомаго съ положительнымъ содержаніемъ тѣхъ вещей, о которыхъ ему приходится трактовать и прохаживающагося по

общимъ мѣстамъ. Пощупавъ его въ двухъ, трехъ направленіяхъ и окончательно убѣдясь, что онъ, какъ и вся чиновная братія, профанъ, который дальше формальныхъ кличекъ не смыслитъ, Петръ Осиповичъ рѣшилъ, что съ нимъ не стóитъ и говорить серьезно.

— Вы вѣрно замѣтили, ваше превосходительство, говорилъ онъ,—что дѣлó не въ томъ откуда литература идетъ, а въ томъ, къ чему она направляетъ свои усилія (Клеванскій не помнилъ, чтобъ онъ это говорилъ, но отъ умныхъ рѣчей не отказываются). Исходныя точки не въ нашихъ рукахъ;—онѣ намъ даются исторіей, и какъ бы мы ни желали, мы ихъ не можемъ перемѣнить. Несправедливо поэтому ставить журнальной литературѣ въ вину ея прошлое. У ней, какъ у всякой общественной дѣятельности, есть свои историческія преданія,—свой языкъ, которыхъ она не можетъ круто перемѣнить, не рискуя быть совершенно непонятою. Фактически вѣрно и то, что за послѣднія тридцать лѣтъ она имѣла несчастіе состоять въ принципіальномъ противорѣчіи съ высшею администраціей, и достигала своихъ задачъ совершенно другимъ, нерѣдко прямо противоположнымъ, путемъ. Но не будемъ тревожить минувшаго; какъ бы печально ни было это время, оно прошло, и намъ съ вами не изъ-за чего болѣе враждовать. Пріемы у насъ другіе, языкъ другой, но послѣ крестьянской реформы задача одна: — сближеніе русской интеллигенціи съ Русскимъ простымъ народомъ и примиреніе въ общемъ усиліи выработать его новое положеніе. Нужды нѣтъ, что мы съ вами плохо еще понимаемъ другъ друга и зачастую споримъ о томъ, чтò ему еще остается дать. Это дурныя привычки стараго времени, отъ которыхъ трудно отдѣлаться. Небольшая бѣда и въ томъ, что мы просимъ больше, чѣмъ вы соглашаетесь дать. Это по-русски: съ одной стороны запрашиваютъ, съ другой дешевятъ, а кончится все-таки тѣмъ, что сойдутся. Тогда ударимъ, что-называется, по рукамъ и выпьемъ на соглашеніи. Вотъ мое направленіе, ваше превосходительсто, и смѣю увѣрить васъ, что оно совершенно искренно, а если хотите кличку, то назовите меня пожалуй: „благонамѣренный прогрессистъ“. Я, разумѣется, не желаю остановиться на томъ, чтò достигнуто и заплеснѣть въ бездѣйствіи; да вѣдь и вы, я полагаю, тоже; но настроеніе мое мирное. Стремленія, которыя я имѣю въ виду проводить, не мечтательныя, а дѣловыя:—я держусь мудраго правила, что лучше путемъ взаимныхъ уступокъ сойтись на чемъ-нибудь, хотя бы

и скромномъ, да достижимомъ немедленно, чѣмъ враждовать и взводить другъ на друга напраслину изъ-за вопросовъ, которые раньше ста лѣтъ навѣрно не будутъ на очереди, такъ что о нихъ и спорить теперь преждевременно. Толки о нихъ, конечно, и въ нашихъ газетахъ не составляютъ еще преступленія, какъ лепетъ ребенка о томъ, что̀ онъ будетъ дѣлать, когда онъ будетъ большой. Это дѣло поэзіи, и по моему публицистика, касаясь подобныхъ вещей, поступила бы лучше, еслибъ она облекала свои предсказанія въ стихотворную форму; къ несчастію, эта форма не всѣмъ дается, а публика наша и безъ того не знаетъ, куда уйти отъ скверныхъ стиховъ... и прочее...

* * *

Фактически Ѳедоръ Лаврентьевичъ былъ побѣжденъ и сдался; но въ тайнѣ души это ему не мѣшало торжествовать. Дерзкій вассалъ и предводитель вражескаго нашествія призналъ надъ собой его власть!

— Я васъ понимаю, сказалъ онъ.—Съ нѣкоторою разницей въ окраскѣ, которую можно легко объяснить историческими причинами, это почти то же самое, что̀ и я всегда говорилъ. Я говорилъ, что глупо брать приступомъ городъ, который самъ отворяетъ вамъ ворота̀... Просите и васъ пропустятъ... Вы лично желаете быть редакторомъ?

— Въ сущности—да. Но юридически намъ удобнѣе получить разрѣшеніе на другое лицо:—persona grata, какъ называютъ его въ дипломатіи;—извѣстный поэтъ, съ безобидною репутаціей,—и одинъ изъ будущихъ нашихъ сотрудниковъ. Это избавитъ насъ отъ хлопотъ съ предварительною цензурой.

— А средства—ваши?

— Насколько можно назвать своимъ то, что̀ у насъ въ безотчетномъ распоряженіи. Это наслѣдство богатаго человѣка, оставившаго солидный кушъ на дѣло общественной пользы. Имени я не въ правѣ назвать безъ разрѣшенія душеприкащика, но деньги будутъ въ распоряженіи у Натальи Ѳедоровны тотчасъ, какъ только ее утвердятъ издательницей.

— А отвѣтственность?

— Нравственная. Дѣло устраивается на совѣсть и никакихъ отчетовъ у насъ не потребуютъ... Будетъ излишекъ, — всѣ

принимающіе дѣятельное участіе въ изданіи будутъ въ выгодѣ,— не будетъ, никто не въ правѣ будетъ сказать, что онъ въ убыткѣ.

— Что̀ жь? сказалъ съ благодушною усмѣшкой Клеванскій:— я не отказываюсь,—только вы дайте мнѣ время сообразить.

V.

Въ апрѣлѣ изданіе было разрѣшено, а въ августѣ и кампанія начата:—редакція въ полномъ составѣ.—пріемные дни открыты... Журналу дано было имя, впослѣдствіи хорошо извѣстное; но мы его назовемъ:—„Починъ". Какую новую эру онъ возвѣщалъ объ этомъ литературѣ и публикѣ предоставлялось судить изъ „объявленія". Оно появилось 1 октября, но истинный смыслъ его, какъ всегда, былъ криптограммой для людей неумѣвшихъ читать между строкъ. А кто и умѣлъ, тотъ по опыту зналъ, что задача подобныхъ вещей скорѣе скрыть, чѣмъ выяснить настоящій характеръ изданія, позволяя всякому, кого это интересуетъ, видѣть въ нихъ только то, что̀ онъ хочетъ видѣть, и далѣе ничего. Ѳедоръ Лаврентьевичъ, напримѣръ, остался очень доволенъ этимъ воззваніемъ, хотя и не понялъ въ немъ многаго; но за то, въ понятныхъ мѣстахъ, звучали какъ разъ тѣ убаюкивающіе напѣвы, которые онъ слыхалъ отъ Варнавина у себя, въ Подъяческой.—Тутъ было:—„сближеніе съ нашимъ народомъ и примиреніе въ дружныхъ усиліяхъ выработать его новое положеніе"... Но что̀ особенно льстило ему, были даже и собственныя его слова. — „Странно лѣзть на стѣну, когда рядомъ двери открыты", сказано было тамъ между прочимъ.

Не многимъ болѣе поняли и сотрудники, сходившіеся по середамъ въ 4-й Линіи. Это былъ небольшой кружокъ спеціалистовъ по разнымъ частямъ. Отдѣлы внутренняго и иностраннаго обозрѣнія, библіографія, etc. были ввѣрены популярнымъ профессорамъ и опытнымъ публицистамъ. Должность отвѣтственнаго редактора и беллетристику взялъ на себя поэтъ и „persona grata", Платонъ Алексѣичъ Слѣпневъ; а критику и полемику настоящій хозяинъ оставилъ въ своихъ рукахъ... Двѣ барыни: молодая издательница и старый другъ Варнавина, романистка Анна Михайловна Стаева, украшали своимъ присутствіемъ этотъ Олимпъ. Предсѣдательствовала Наташа, хозяйничала Анна Михайловна.

Таковъ былъ кружокъ, собиравшійся у Варнавина, но прошло не мало времени прежде чѣмъ разногласные его элементы спѣлись, и цѣлые два мѣсяца голова у Наташи ходила кругомъ отъ разныхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ у нихъ возникали горячія пренія. Они начались еще въ сентябрѣ, когда обсуждался вступительный текстъ объявленія. Его находили темнымъ и чуть не на каждой строкѣ Варнавинъ вынужденъ былъ входить въ пространныя объясненія.

— Страхъ какъ мы еще зелены! жаловался онъ наединѣ со своими дамами. Требуемъ политическихъ формулъ и обязательствъ отъ простой афиши!.. Открой противникамъ карты прежде чѣмъ началась игра и сообщи имъ планъ твоихъ операцій, съ детальными указаніями, что̀ ты намѣренъ дѣлать не только въ извѣстныхъ, а даже и въ непредвидѣнныхъ случаяхъ... Какъ будто я знаю объ этомъ что-нибудь!.. Я не профессоръ, сбирающійся читать публичную лекцію, чтобы наклеивать на дверяхъ программу, а практикъ безъ задней мысли, готовый на все.

— Петръ Осиповичъ, голубчикъ,—вы къ намъ несправедливы, въ недоумѣніи отвѣчала Стаева.—Мы не чужіе, чтобы прятать отъ насъ игру, и не дѣти, чтобъ ея не понять. Если нельзя обойтись безъ вывѣски,—то мы натурально желали бы знать ея смыслъ.

— Эхъ, матушка, Анна Михайловна! Вывѣски прибиваются надъ дверьми не для живущихъ внутри, а для прохожихъ. Я знаю чего вамъ недостаетъ. Въ васъ бродитъ старая, теоретическая закваска и вамъ не вѣрится, чтобы журнальное дѣло можно было вести, не связывая себя обязательными программами. Давай вамъ линейки и мѣрки,—регламенты и маршруты! Станціи, которыхъ нельзя миновать и рельсы, съ которыхъ нельзя своротить. Опредѣли неизмѣнно свое направленіе и объясни принципы, которыми ты намѣренъ руководиться. Но если такъ,—если, какъ думаютъ нѣкоторые изъ насъ, безъ этихъ путъ нельзя издавать журналовъ, то какой же смыслъ имѣетъ великій шагъ, который сдѣлала за послѣднее время наша интеллигенція?.. Зачѣмъ же мы вытаскивали изъ молодыхъ головъ всѣ эти гвозди, которые имъ мѣшали жить и думать? Зачѣмъ развѣнчивали почтенные старые идеалы? Неужели только затѣмъ, чтобы какая-нибудь сорока, которая затвердила Якова,—сѣла на мѣсто старыхъ учителей и забила свободу мыслей, свободу слова въ свои безсмысленныя колодки?

— Можетъ-быть вы и правы, сказала Анна Михайловна;—а все-таки я не вижу куда мы идемъ.

Варнавинъ не отвѣчалъ, онъ объяснилъ ей, что̀ могъ, и такъ искренно, какъ только могъ.

— Я не могу имъ сказать всего, говорилъ онъ потомъ, наединѣ со своею издательницей;—потому что они профаны; но вы моя старая ученица и я не скрою отъ васъ, что положеніе наше трудное. Вѣтеръ, вотъ видите ли, перемѣнился, и мы не можемъ, какъ наши предшественники, гнать безъ оглядки впередъ, а вынуждены лавировать. Мы унаслѣдовали всѣ ихъ невыгоды, но не имѣемъ ихъ преимуществъ. Ихъ терпятъ, какъ бывшихъ союзниковъ, хотя и находятъ, что въ сущности они болѣе не нужны, а мы и на это не въ правѣ разсчитывать. Я говорю о нашемъ журналѣ, который обязанъ своимъ появленіемъ вашему батюшкѣ. Благодаря ему намъ оказано было довѣріе, и простѣйшая, азбучная политика требуетъ сдѣлать возможное его оправдать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ;—а тамъ обстоятельства сами укажутъ намъ путь. Со временемъ, когда у насъ будетъ своя большая аудиторія и нашъ голосъ пріобрѣтетъ кредитъ, насъ будутъ уже не просто терпѣть, а будутъ цѣнить какъ силу, съ которою надо считаться, потому что ее удобно имѣть на своей сторонѣ. Но вы понимаете, что такихъ вещей нельзя объяснить почтеннѣйшей Аннѣ Михайловнѣ. Я ихъ могу сказать только вамъ, потому что изо всей редакціи только вы одна не спросите у меня: „куда мы идемъ“? У васъ молодая, свѣжая голова, и вы меня знаете слишкомъ близко, чтобы не заподозрить моихъ побужденій. Наталья Ѳедоровна, мы служимъ дѣлу, которое сто́итъ того, чтобы принести ему въ жертву всѣ мелочныя соображенія, и прежде всего сентиментальную щепетильность въ выборѣ средствъ. Мы въ положеніи государства, которому угрожаетъ сильная коалиція, и не въ правѣ пренебрегать никакими союзами, подъ условіемъ бросить ихъ, когда они окажутся болѣе не нужны. Кто думаетъ иначе, тотъ, можетъ-быть, лично почтенный и привлекательный человѣкъ, но какъ общественный дѣятель онъ нуль и разсчитывать на него нельзя.

* * *

Наташа слушала эти объясненія съ жадностью неофита, котораго старшій жрецъ посвящаетъ въ таинства недоступнаго для профановъ ученія, но торжество ея не лишено было горькой

примѣси. Бѣдняжка чувствовала, что оно отдаетъ ее, душой и тѣломъ, во власть Варнавина. Правда, что до извѣстной степени и Варнавинъ былъ у нея въ рукахъ. Легально и матеріально она была единственною хозяйкой журнала:—деньги давала она, разрѣшеніе получено черезъ ея отца. Правда и то, что довѣріе между ней и Варнавинымъ было полное,—дружба испытанная. Партію можно бы было считать хорошо уравновѣшанною, еслибы Варнавину нуженъ былъ только журналъ; но надежды его простирались гораздо дальше, —дѣвушка знала какъ далеко, и какъ добыча, преслѣдуемая неутомимымъ ловцомъ, догадывалась, что ей не уйти,—а она была не изъ тѣхъ овечекъ, которыя ждутъ пассивно своей судьбы, потому что имъ въ сущности все равно. Горячая краска, вспыхивающая и исчезающая, какъ зарево на лицѣ, — быстро сверкнувшій и столь же быстро опущенный взоръ, – неровно вздымающаяся, высокая грудь, все выдавало у ней волненіе страстнаго темперамента. Горе ея состояло въ томъ, что она, какъ женщина, не любила Варнавина, а между тѣмъ свободнаго выбора у нея не было

Есть вещи, которыя надвигаются медленно, но отъ которыхъ, какъ отъ судьбы своей, не уйдешь. Онѣ не милы и мы усердно стараемся ихъ избѣжать, но въ нашемъ собственномъ сердцѣ таится нѣчто, предательски открывающее имъ двери. Такимъ измѣнникомъ въ сердцѣ Наташи было ея честолюбіе. Оно давно подкуплено было Варнавинымъ и секретно работало въ его пользу еще тогда, когда, по его слѣдамъ, у нихъ въ Подъяческой появились люди другаго общества, съ понятіями и образованіемъ далеко превышающими уровень ея старой, мелко-чиновной среды. Ничто и тогда еще не могло сравниться съ ея торжествомъ, когда она чувствовала себя центромъ аттракціи ихъ небольшаго, но избраннаго кружка. Въ такія минуты трудно было узнать обыкновенно застѣнчивую и молчаливую, невидавшую свѣта дѣвушку. Станъ ея выпрямлялся, лицо оживлялось,—она становилась развязна и весела, кокетлива, остроумна, привѣтлива одинаково со самыми скромными и самыми смѣлыми изъ своихъ гостей, усмѣшки и взгляды ея согрѣвали все окружающее. Та же жилка сказалась и въ храбрости, съ какою она предложила потомъ издавать журналъ. Стоять во главѣ періодическаго изданія, пользующагося поддержкой лучшихъ литературныхъ силъ, составляло вѣнецъ честолюбивыхъ ея надеждъ; но этотъ вѣнецъ

могъ надѣть на нее только Варнавинъ... Когда она убѣдилась въ этомъ, Наташа уже была подкуплена.

Варнавинъ настаивалъ, чтобъ она сама принимала рукописи, что̀ требовало, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, старательной подготовки. Школа, въ которую онъ ее посвящалъ, была трудная, но учитель надѣялся на способности своей ученицы, и не ошибся. Всякія церемоніи между ними мало-по-малу были оставлены. Она приходила въ редакцію къ десяти часамъ утра и оставалась часто до четырехъ, глазъ на глазъ съ Варнавинымъ. Читали вслухъ, провѣряя свои впечатлѣнія; послѣ чего онъ заставлялъ ее репетировать свою роль и объяснялъ ошибки. Въ антрактахъ завтракали и говорили о разныхъ вещахъ, а—думали объ одной. Обоимъ было неловко и часто, когда глаза ихъ встрѣчались, Наташа въ смущеніи опускала свои. Она знала, что ей не уйти отъ признанія и ждала его каждый день; но вотъ, наступили праздники, и первая книжка вышла, а ничего серьезнаго еще не было сказано. Напряженное ожиданіе становилось мучительно;—вопросъ, когда и какъ это случится, преслѣдовалъ ее неотступно; она засыпала и просыпалась съ нимъ, не замѣчая, что отношенія ихъ, а съ ними и сложное чувство ея къ Варнавину, понемногу мѣняются. Какое-то жгучее любопытство выступило впередъ и стояло теперь между ними на первомъ мѣстѣ. Характеръ этого человѣка, съ его упорною, долголѣтнею, ни предъ чѣмъ не отступающею любовью, заставлялъ тревожно работать ея воображеніе. Увѣренъ или неувѣренъ онъ въ ней, спрашивала она себя сто разъ, и если нѣтъ, то какую дерзость надо имѣть, чтобы несмотря ни на что̀ поставить счастье свое на карту? Украдкой она вглядывалась въ его черты и каждый день находила въ нихъ что-нибудь новое. Странно, что зная Варнавина столько лѣтъ, она до сихъ поръ не замѣчала въ немъ... этого,—какъ бы назвать?.. ну скажемъ львинаго!.. Густая русая борода и грива сообщали фигурѣ его что-то могучее. Широкій, смѣло разрѣзанный ротъ былъ грубъ, да за то выражалъ рѣшимость, по истинѣ львиную; но всего характернѣе у Варнавина были глаза. Кромѣ ума, съ остротой котораго она знакомилась каждый день, въ нихъ было что-то сосредоточенное и неуклонно-направленное на то, что̀ въ мысляхъ этого человѣка стояло выше всего, —Наташа знала на что̀. Журналъ былъ, конечно, ближе, но за журналомъ онъ долженъ былъ видѣть нѣчто гораздо болѣе цѣнное; хотя объ этой дальнѣйшей цѣли не было еще сказано ничего.

„Когда же? спрашивала она себя: — неужели ждетъ головаго дня?“

Но вотъ пришло и двадцатое января. Изъ церкви онъ проводилъ ее до-дому, видимо сильно взволнованный; однако, она напрасно ждала. За всю дорогу не сказано было ничего серьезнаго.

„Трусить! мелькнуло у ней въ умѣ. — Какъ это скучно!..“ Наташа была измучена неизвѣстностью и начинала думать Богъ знаетъ что̀...

* * *

9 февраля они сидѣли вдвоемъ за какою-то рукописью. Онъ объяснялъ ей отмѣченныя мѣста, но ученица его была разсѣяна и отвѣчала ему не впопадъ. Ее смущали: косматая львиная голова въ двухъ вершкахъ отъ ея щеки и плечо, которое, нѣсколько разъ случайно коснувшись ея плеча, наконецъ, вѣроятно по разсѣянности, осталось и больше не покидало его. Покуда онъ говорилъ, она терпѣливо сносила это прикосновеніе, но наконецъ и Варнавинъ умолкъ. Обоимъ стало какъ-то неловко и совѣстно. Клеванская подняла на него украдкой взглядъ и только тогда замѣтила, что онъ самъ не свой. Глаза опущены, косматая голова такъ близка, что она чувствовала дыханіе его у себя на щекѣ. Наташу бросило въ жаръ, но нерѣшительныя попытки ея освободиться отъ этой близости кончились только тѣмъ, что она очутилась совсѣмъ у него въ объятіяхъ. Раскраснѣвшаяся какъ роза, она наконецъ поняла въ чемъ дѣло и, не желая его затягивать долѣе, покорилась своей судьбѣ. Онъ что-то спрашивалъ или о чемъ-то жадно молилъ,—въ волненьи она не разслушала хорошенько о чемъ,—однакоже отвѣчала *да*.

.... Но не успѣло оно слетѣть съ языка, какъ послѣдовалъ взрывъ, испугавшій ее своею неожиданностью. Въ одно мгновеніе руки ея, а за руками и губы, покрыты были горячими поцѣлуями. Это ее захватило совсѣмъ врасплохъ, но противиться этому или ссориться изъ-за этого было бы также смѣшно,—какъ сдавшись не отворить побѣдителю ворота. Поплакавъ, какъ плачутъ самолюбивыя дѣти, когда у нихъ неожиданно отняли что-нибудь, чего они не готовы были отдать, дѣвушка вырвалась изъ его объятій и въ сильномъ смущеніи убѣжала домой.

На улицѣ сердце ея отошло,—подумавъ спокойно, она даже рада была, что это кончилось. Какъ бы то ни было, а завидное пріобрѣтеніе было у ней въ рукахъ. Она купила его хотя и

дорого, да за то теперь оно уже отъ нея не уйдетъ!.. Купила въ долгъ, который такъ или иначе, хочешь или не хочешь, надо будетъ выплачивать, но за то редакторъ теперь у нея уже больше не нанятой, а свой собственный... да и какой! Никто на свѣтѣ, кромѣ нея, не знаетъ еще настоящей цѣны Варнавину!.. А вотъ погоди, онъ покажетъ себя!.. Прочь! Разступись, настоящій хозяинъ идетъ!

И на лицѣ у Наташи свѣтилась улыбка тщеславнаго торжества,—одна изъ тѣхъ улыбокъ, съ которыми молодая мотовка уноситъ изъ моднаго магазина предметъ, давно возбуждавшій ея пожеланія.

— Что̀ съ тобой?.. Ты смотришь какъ будто бы ты двѣсти тысячъ выиграла! съ усмѣшкой спросилъ отецъ.

И Наташа ему разсказала что̀.

Свадьба отпразднована была въ апрѣлѣ, и послѣ вѣнца молодыхъ проводили на новую ихъ квартиру, нанятую еще Великимъ постомъ. Она была въ восьмой Линіи, въ двухъ шагахъ отъ Набережной, и кромѣ жилыхъ покоевъ имѣла еще особое помѣщеніе для редакціи...

Такъ началась для Варнавиныхъ новая жизнь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Ахшарумовъ.

СВЯТОЙ.

(Разсказъ **Поля Бурже.** Переводъ съ французскаго.)

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 188... года я оказался въ путешествіи по Италіи безо всякой другой цѣли, кромѣ осмотра въ теченіе нѣсколькихъ недѣль еще разъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе нравившихся мнѣ произведеній искусства. Это удовольствіе вторичнаго впечатлѣнія было у меня всегда сильнѣе удовольствія перваго впечатлѣнія, вѣроятно вслѣдствіе того, что я всегда чувствовалъ красоту художественныхъ произведеній, какъ писатель, то-есть какъ человѣкъ, который прежде всего требуетъ отъ картины или отъ статуи, чтобъ онѣ могли служить предлогомъ для *мысли*. Разумѣется, причина эта мало эстетична, и всякій истинный художникъ посмѣялся бы надъ ней, а между тѣмъ она-то и заставила меня въ октябрѣ мѣсяцѣ, о которомъ я говорю, провести нѣсколько дней въ Пизѣ. Я хотѣлъ здѣсь на свободѣ пережить грезу Беноццо Гоццоли и Орканья. Между прочимъ, чтобы не показаться знатокамъ исторіи живописи слишкомъ невѣжественнымъ, я долженъ сказать, что именемъ этимъ я называю творца *Торжество смерти* въ *Campo-Santo* старой Пизы, отлично зная, что современная критика оспариваетъ у этого маэстро это его дѣтище; но для меня и для всѣхъ, у кого сохранились въ памяти превосходные стихи *Pianto* на эту полную трагизма фреску, Орканья есть и всегда останется единственнымъ ея творцомъ. И затѣмъ эта сомнительная и фатальная критика катологовъ не могла же отнять у Беноццо то, что

онъ украсилъ западную стѣну этого *Campo-Santo*. Боже мой! какъ сильны были ощущенія, испытанныя мною въ этомъ крохотномъ уголкѣ міра при воспоминаніи, что Байронъ и Шелли нѣкогда жили въ старомъ тосканскомъ городѣ, что мой дорогой учитель Тэнъ описалъ на одной изъ своихъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ близлежащее мѣстечко, что великій лирикъ *Pianto* (плача) былъ здѣсь и что, наконецъ, прилежный труженикъ поэзіи въ живописи Беноццо Гоццоли покоится вѣчнымъ сномъ у подножія стѣны, съ которой мало-по-малу стираются его фрески. Я видѣлъ, какъ весной въ этой оградѣ пизанскаго *Campo-Santo* (кладбища), на этой вывезенной въ вѣка набожности изъ Палестины землѣ, распускались блѣдные нарциссы у подножія черныхъ кипарисовъ; я видѣлъ, какъ зимы засыпали его легкими хлопьями сейчасъ же таявшаго снѣга; я видѣлъ, какъ знойное небо итальянскаго лѣта страшною тяжестью давило это лишенное тѣни кладбище!.. Я видѣлъ все это и нисколько не былъ пресыщенъ этимъ зрѣлищемъ, такъ какъ этою осенью я снова возвращался сюда, нисколько не ожидая нравственной драмы, къ которой посѣщеніе это сдѣлало меня причастнымъ, если не въ качествѣ дѣйствующаго лица, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ очень взволнованнаго зрителя и притомъ почти помимо моей воли.

Первымъ эпизодомъ этой драмы, какъ и многихъ другихъ драмъ, былъ самый заурядный случай, который я однако привожу съ удовольствіемъ, хотя онъ и имѣетъ весьма слабую связь со всею исторіей. Онъ вызываетъ въ моей памяти два забавные образа англійскихъ старыхъ дѣвъ. Во время моихъ посѣщеній *Campo-Santo* я замѣтилъ эту чету, которая по своему оригинальному безобразію и по странной утилитарности своего костюма казалась живою каррикатурною иллюстраціей къ трогательному стиху поэта къ одной умершей:

Tu n'as plus de sexe ni d'âge... [1]

Наиболѣе рыжая изъ двухъ Англичанокъ—другая въ крайности могла сойти за черезчуръ яркую блондинку—упорствовала, стараясь передать акварелью изъ картины *Торжества смерти* фигуру женщины, которая въ кавалькадѣ съ лѣвой стороны обращена прямо къ зрителямъ лицомъ съ такими ясными глазами и съ такимъ

---

[1] У тебя нѣтъ болѣе ни пола, ни возраста!

нѣжнымъ ртомъ, глазами и ртомъ, которые не могли никогда солгать и разъ полюбивъ которые никогда уже нельзя ихъ позабыть. Бѣлная Англичанка не обладала ни малѣйшимъ талантомъ, но заинтересовала меня своимъ выборомъ оригинала и своимъ прилежаніемъ. Такъ какъ дамы эти стояли въ одномъ со мной отелѣ, то, уступая чувству нескромнаго любопытства, я и отыскалъ въ спискѣ иностранцевъ ихъ имена. Одна изъ нихъ называлась миссъ Мэри Добсонъ, а другая миссъ Клара Робертсъ. Это были двѣ дѣвушки, приблизительно пятидесятилѣтняго возраста, совершавшія ту поѣздку *abroad*, какъ онѣ говорятъ, которую тысячи ихъ храбрыхъ товарокъ, по вынужденному или добровольному безбрачію, предпринимаютъ ежегодно за предѣлы Великобританіи. Онѣ соединяются по двѣ, по три, иногда по четыре вмѣстѣ, и отправляются въ путь на пятнадцать и двадцать мѣсяцевъ, останавливаясь въ мелкихъ пансіонахъ, адресъ которыхъ сообщаетъ другъ другу все общество подобныхъ имъ вольныхъ путешественницъ; несмотря на сѣдыя пряди волосъ, онѣ изучаютъ незнакомые языки, съ геройскою настойчивостью стараются вникнуть въ искусства; со своею ангельскою чистотой онѣ встрѣчаются иногда съ людьми самой худшей среды, и между прочимъ онѣ всегда и всюду умѣютъ найти англиканскую церковь, англійское кладбище, англійскую аптеку, не считая уже того, что, находясь онѣ внутри Калабріи или на берегахъ Нила, онѣ не пропустятъ ни одного дня, чтобы не приготовлять себѣ чай на англійскій манеръ и именно въ тѣ самые часы, въ которые онѣ привыкли наслаждаться имъ въ своихъ гостиныхъ Дэвоншира или Кента. Я до такой степени восхищаюсь нравственною энергіей, скрывающеюся за смѣшною внѣшностью этихъ созданій, что во время моихъ слишкомъ многочисленныхъ шатаній по бѣлу свѣту, всегда старался завязывать съ ними разговоръ, убѣдившись къ тому же еще въ томъ, что преобладающая у ихъ національности страсть къ точному изученію фактовъ часто дѣлаетъ ихъ просто драгоцѣнными для наведенія всякихъ справокъ. Онѣ всегда провѣряютъ всѣ указанія путеводителей, а кто блуждалъ когда-нибудь съ *Бедекеромъ* въ рукахъ по дальнимъ провинціямъ Италіи, тотъ долженъ будетъ сознаться въ томъ, какъ полезны бываютъ подобныя провѣрки. Итакъ, уже на третій вечеръ моего пребыванія въ Пизѣ, когда отъѣздъ нѣсколькихъ посѣтителей приблизилъ за табль д'отомъ мой приборъ къ прибору обѣихъ старыхъ дѣвъ, я обратился къ нимъ съ разговоромъ, заранѣе

убѣжденный въ томъ, что онѣ не упустятъ такого прекраснаго случая *попрактиковаться* во французскомъ языкѣ.

Вы отсюда, не правда ли, видите и сцену, и всю ея обстановку? Преобразованная въ столовую гостиницы комната стариннаго дворца съ болѣе или менѣе современною меблировкой, потолокъ расписанный яркими красками, длинный столъ съ небольшимъ количествовъ приборовъ, такъ какъ зимній сезонъ еще не начинался. На столѣ въ мѣдныхъ подставкахъ покачиваются *fiaschi*, эти восхитительныя съ длинными горлышками, обтянутыя камышевою плетенкой бутылки, въ которыхъ сохраняютъ вино Кіанти. Еслибы только маленькая гора этого имени доставляла въ дѣйствительности чѣмъ наполнять всѣ бутылки за ея этикеткой, то сборъ винограда долженъ былъ бы быть на ней по меньшей мѣрѣ еженедѣльный!.. Тѣмъ не менѣе это фальсифицированное Кіанти вино все-таки чистое, которое на вкусъ дѣйствительно отзывается виноградомъ, а теплота его окрашиваетъ болѣе яркимъ румянцемъ щеки семи или восьми собравшихся за этимъ столомъ лицъ: нѣмецкой четы, молодыхъ, совершающихъ по эту сторону Альпъ классическое свадебное путешествіе; миланскаго негоціанта съ какимъ-то чувственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне худощавымъ лицомъ; двухъ лигурійскихъ буржуа, пріѣхавшихъ по близости отсюда въ гости и остановившихся здѣсь для свиданія съ племянникомъ, кавалерійскимъ офицеромъ. Племянникъ этотъ, въ мундирѣ капитана, сидитъ тутъ же за столомъ съ нами; элегантный, веселый, онъ говоритъ громко съ немного гортаннымъ акцентомъ жителей Ривіеры. Изъ его разсказовъ, прерываемыхъ взрывами громкаго смѣха, я узналъ объ одиссеѣ его родственниковъ, которою я болѣе заинтересовался бы, еслибы миссъ Мэри Добсонъ не начала разсказа, разбудившаго во мнѣ любителя фресокъ и картинъ по дереву до 1500 года. Это была наиболѣе рыжая изъ двухъ Англичанокъ, акварельная кисть которой такъ неуклюже передавала трудный рисунокъ стариннаго мастера. Послѣ длиннаго разсужденія о задачѣ, какъ узнать, кому должна быть приписана знаменитая картина *Торжество*, Буонамико-ли Буффальмако, или же Нардо-Дадди, она вдругъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Были вы въ монастырѣ Монте-Кіаро?

— Вы спрашиваете о томъ монастырѣ, что находится между Пизой и Луккой, въ горахъ, по ту сторону Верруки? отвѣчалъ я ей; — конечно нѣтъ. Я прочелъ въ гидѣ, что на проѣздъ туда

надобно употребить шесть часовъ и для чего же? чтобы посмотрѣть двѣ жалкія упоминаемыя въ гидѣ терракотты Луки Роббіа, да еще нѣсколько картинъ болонской школы...

— А какого года вашъ гидъ? сухо спросила меня миссъ Клара.

— Не знаю хорошенько, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный ироніей, съ которою мнѣ предлагалъ этотъ вопросъ этотъ ротъ съ огромными зубами. Я имѣю предразсудокъ сохранять до сихъ поръ еще тотъ самый гидъ, который былъ у меня, когда я впервые посѣтилъ Италію. Правда, это было порядочное время тому назадъ...

— Вотъ, это дѣйствительно по-французски... замѣтила миссъ Клара.

Я сейчасъ же понялъ, что ея пристрастіе къ дорафаэлевской живописи составляетъ только одну изъ формъ ея тщеславія, я не отвѣчалъ, какъ бы могъ это сдѣлать словомъ за слово, чтобы подчеркнуть черезчуръ британскую любезность этого замѣчанія. Въ присутствіи Англичанъ задорной категоріи молчаніе есть самое лучшее противъ нихъ оружіе, которое болѣе всего задѣваетъ ихъ за живое. Они жаждутъ и алчатъ противорѣчія, вслѣдствіе присущаго ихъ натурѣ инстинкта къ состязаніямъ, который двигаетъ ихъ расу къ завоеваніямъ и ко всякому прозелитизму. А потому я выдержалъ со снисходительностію мудреца острый взглядъ голубыхъ глазъ миссъ Клары, вызывавшей на поединокъ всю галло-римскую націю, а миссъ Мэри между тѣмъ продолжала:

— Дѣло въ томъ, что два года тому назадъ тамъ были открыты превосходныя фрески вашего излюбленнаго Беноццо, такія же свѣжія, такія же блестящія по колориту, какъ и фрески въ часовнѣ Риккарди во Флоренціи... Вѣдь и прежде было извѣстно, что онъ работалъ въ монастырѣ и что между прочимъ онъ написалъ тамъ легенду Св. Ѳомы. Этотъ клеветникъ Вазари разсказываетъ объ этомъ. Но отъ этой работы Беноццо, современной его произведеніямъ въ Пизѣ, и слѣда не оставалось, какъ вдругъ видите ли какая случайность!.. Охраняющій памятникъ съ тѣхъ поръ, какъ монастырь былъ *національзированъ*, старый Бенедиктинецъ отецъ Гриффи приказываетъ однажды снять паутину въ одномъ изъ угловъ келіи, служащей для остановки посѣтителей... При первомъ же нѣсколько сильномъ ударѣ метлы кусокъ штукатурки отваливается отъ стѣны, аббатъ требуетъ себѣ лѣстницу и, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, взби-

рается по ней до самаго верха. Надо вамъ сказать, что монастырь этотъ составляетъ его любовь, его страсть. Онъ зналъ его, когда въ немъ жило до двухсотъ человѣкъ монаховъ, и вотъ, послѣ обнародованія декрета, онъ рѣшился поселиться въ монастырѣ въ качествѣ его стража съ твердою увѣренностью, что когда-нибудь снова наступитъ время, когда онъ снова достигнетъ своего прежняго процвѣтанія. Единственную его заботу составляетъ мысль о томъ, чтобы въ день своего возвращенія отцы-монахи нашли древнее зданіе ничѣмъ неоскверненнымъ. Вотъ потому-то онъ и согласился взять на себя утомительную обязанность принимать на пансіонъ проѣзжихъ туристовъ. Онъ побоялся того, чтобы подобно тому какъ въ Монтекассино, возлѣ самаго монастыря не основалась какая-нибудь гостиница, а для него была нестерпима мысль о такой гостиницѣ, въ которой бы по вечерамъ Американки, можетъ-быть, вздумали бы танцовать подъ звуки фортепіяно.

— Но что̀ же случилось, когда онъ добрался до верху лѣстницы? спросилъ я, чтобы положить конецъ хвалебному гимну въ честь отца Гриффи и сильно опасаясь, чтобъ онъ не закончился какою-нибудь выходкой протестантской нетерпимости, что̀, впрочемъ, и не замедлило воспослѣдовать со стороны миссъ Клары.

— Я никогда бы не повѣрила до моего знакомства съ нимъ, сказала она, пользуясь наступившею паузой,—чтобы подъ такою одеждой могло скрываться столько ума и столько дѣятельности...

— Очутившись на верху лѣстницы, между тѣмъ продолжала миссъ Мэри,—онъ съ большою осторожностью отскоблилъ кругомъ еще немножко штукатурки и могъ уже различить лобъ, глаза, потомъ ротъ и наконецъ все лицо Христа. Вѣдь всѣ Итальянцы художники въ душѣ, это у нихъ уже въ крови. Аббатъ убѣдился, что подъ этимъ слоемъ штукатурки скрывается фреска большаго достоинства...

— Монахи, прервала снова миссъ Клара,—поспѣшили прежде всего замазать известкой всѣ произведенія искусства XV столѣтія, или же замѣнить произведенія старыхъ мастеровъ украшеніями грубаго стиля и фресками времени упадка искусства...

— А между тѣмъ они же и заказывали эти произведенія, сказалъ я,—что̀ ясно доказываетъ, какъ мало хорошій и дурной вкусъ находятся въ зависимости отъ убѣжденій, которыхъ люди держатся...

— Натурально, продолжала ужасная Англичанка,—какъ Парижанинъ, вы должны быть человѣкомъ невѣрующимъ...

— Дайте мнѣ докончить мой разсказъ, сказала миссъ Мэри, въ которой я открылъ не только пристрастіе къ рафаэлевской живописи, но и добрую личность, что̀ въ наше время эстетическаго комедіантства является несравненно большею рѣдкостью. Ей очевидно было непріятно слишкомъ воинственное настроеніе ея товарки по отношенію ко мнѣ...

— Дорогая миссъ Робертсъ, вы поговорите объ этомъ послѣ... продолжала она.—Какъ же быть, думалъ аббатъ, чтобъ освободить стѣну отъ известковой покрышки, не испортивъ самой фрески?.. И вотъ что̀ онъ придумалъ сдѣлать. Прикладывая къ стѣнѣ сырую тряпку, онъ давалъ ей сильно присохнуть къ штукатуркѣ, потомъ отдиралъ все вмѣстѣ цѣликомъ и понемножку скоблилъ и скоблилъ стѣну. Мѣсяцы прошли прежде, чѣмъ добрый старикъ очистилъ такимъ способомъ первую часть стѣны, на которой изображенъ Св. Ѳома, вкладывающій персты въ рану Спасителя, и потомъ вторую, изображающую апостола на пріемѣ у царя Индійскаго Гондофоруса...

— А знаете ли вы эту легенду? спросила меня вдругъ миссъ Клара.

На этотъ разъ я не доставилъ ей удовольствія убѣдиться еще разъ въ поверхностности Французовъ. Я читалъ раньше этотъ разсказъ,—и нужно ли въ томъ сознаться? совершенно случайно, отыскивая однажды у Форажини тему для сказки для одной изъ газетъ. Разсказъ этотъ поразилъ меня своею благородною символикой и своимъ восточнымъ характеромъ, придающимъ ему странную прелесть, и потому я запомнилъ его. Когда Св. Ѳома находился въ Цезаріи, Господь явился ему и приказалъ ему идти къ Гондофорусу, такъ какъ царь этотъ искалъ архитектора, который бы выстроилъ ему жилище болѣе великолѣпное, чѣмъ то, которое было у римскаго императора. Ѳома повиновался. И вотъ онъ является ко двору властителя, предлагаетъ свои услуги и ихъ принимаютъ. Передъ отбытіемъ на войну Гондофорусъ вручаетъ апостолу огромное количество золота и серебра, предназначеннаго для постройки дворца. Возвратясь оттуда, онъ требуетъ отъ Святаго отчетъ объ его работахъ. Ѳома, между тѣмъ, роздалъ бѣднымъ до послѣдней копѣйки всѣ довѣренныя ему сокровища и обѣщаннаго дворца еще не было заложено ни одного камня. Разгнѣванный царь приказываетъ ввергнуть въ темницу

страннаго архитектора и изощряется въ придумываніи утонченныхъ пытокъ, которыя онъ готовитъ измѣннику. Но вотъ ночью въ ногахъ его ложа является призракъ его роднаго брата, умершаго всего дня за четыре до того, и говоритъ ему: „Человѣкъ, котораго ты собираешься предать пыткѣ,— служитель Бога. Ангелы показали мнѣ чудное зданіе изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, воздвигнутое имъ для тебя въ раю...“ Взволнованный этимъ видѣніемъ и этою рѣчью Гондофорусъ спѣшитъ броситься къ ногамъ узника, который поднимаетъ его и говоритъ: „О царь, неужели ты не зналъ, что единственныя никогда неразрушаемыя жилища, суть жилища, воздвигнутыя намъ нашею вѣрой и милосердіемъ?..“

— Безъ сомнѣнія, сказалъ я послѣ того, какъ не безъ нѣкоторой коварной любезности я передалъ эту легенду, безъ сомнѣнія, для художника влюбленнаго, какъ Беноццо, въ роскошные костюмы, въ сложныя архитектурныя украшенія, въ пейзажи съ гигантскою растительностью и въ фантастическихъ животныхъ, это крайне интересная тема.

— Ахъ, воскликнула миссъ Добсонъ, въ порывѣ увлеченія отталкивая блюдо съ черными и зелеными винными ягодами, которое ей подавалъ слуга съ едва пробивающеюся бородкой, во фракѣ и въ туго-накрахмаленной рубашкѣ съ какими-то необыкновенными розовыми коралловыми запонками.—Вы не можете себѣ представить, какъ великолѣпенъ Гондофорусъ, типъ Мавра, въ зеленомъ шелковомъ съ золотомъ одѣяніи, въ желтыхъ сапогахъ съ золотыми же шпорами: и какая нѣжность, какая свѣжесть колорита!... Подумайте только что штукатурка была наложена на стѣну въ концѣ XVI столѣтія, и ни малѣйшей порчи, ни малѣйшей поправки! И въ этой кельѣ, которая служила, кажется, молельной для пріѣзжавшихъ погостить въ монастырь епископовъ, еще остается открывать отъ штукатурки цѣлую стѣну и верхъ надъ окномъ...

Мы остановились пока на этомъ, и я только что началъ разспрашивать миссъ Мэри о нѣкоторыхъ подробностяхъ относительно способовъ сообщенія между Пизой и монастыремъ, который уже неудержимо влекъ меня къ себѣ этимъ открытіемъ еще неизвѣстныхъ произведеній моего любимаго художника,—какъ вдругъ дверь въ комнату распахнулась и въ нее вошла безъ сомнѣнія уже извѣстная Англичанкамъ парочка, такъ какъ миссъ

Мэри покраснѣла и опустила глаза, а миссъ Клара, обращаясь къ подругѣ, сказала по-англійски:

— Да вѣдь это тотъ же Французъ и та же женщина, которыхъ мы встрѣтили во Флоренціи. Какъ допускаютъ подобныхъ личностей въ приличные отели?.

Я въ свою очередь посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ, что за одинъ изъ маленькихъ стоявшихъ близь большаго стола столиковъ садилась парочка, незаконное сожительство которой было черезчуръ очевидно для того, чтобъ я могъ обвинить мою грозную сосѣдку въ клеветѣ. Не могъ я точно также отрицать и національности молодаго человѣка. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять, но вытянутыя черты его блѣднаго лица, его худыя плечи и замѣтная во всемъ его существѣ какая-то нервность придавали ему нѣсколько старческій видъ, но впечатлѣніе это исчезало при взглядѣ на его черные, чрезвычайно живые и очень красивые глаза. Одѣтъ онъ былъ съ тою элегантностью, въ которой одновременно сказываются и какая-то претензія, и какая-то небрежность. Я не сумѣю передать этого оттѣнка словами, не сумѣю объяснить общаго характера его внѣшности, но несомнѣнно все въ этомъ незнакомцѣ свидѣтельствовало объ его исключительно несомнѣнно французскомъ типѣ. Достаточно взглянуть на покрой платья, замѣтить какой-нибудь жестъ, обратить вниманіе на то, какъ онъ сядетъ за столъ и какъ возьметъ въ руки карточку блюдъ, и вы уже знаете, что въ двухъ шагахъ отъ васъ находится вашъ соотечественникъ. Если я и оскорблю этимъ то, что̀ юмористы называютъ квасным патріотизмомъ, у меня все-таки хватитъ мужества сознаться въ томъ, что подобной встрѣчи скорѣе можно испугаться, чѣмъ обрадоваться. Повидимому, путешественникъ Французъ старается выказывать всѣ свои худшіе недостатки, впрочемъ то же самое можно сказать и объ Англичанинѣ, и о Нѣмцѣ. Но только къ недостаткамъ Англичанина я отношусь равнодушно, недостатки Нѣмца меня забавляютъ, а недостатки Француза доставляютъ мнѣ страданіе, потому что я знаю сколько напраслины изъ-за нихъ сыплется на нашу дорогую, достойную уваженія страну. Я никогда не могъ слушать, какъ въ какомъ-нибудь итальянскомъ кафе, какой-нибудь заѣзжій Парижанинъ громко разсуждаетъ и подтрунываетъ и надъ тѣмъ городомъ, въ который онъ пріѣхалъ, и надъ тѣмъ, изъ котораго онъ выбылъ; при этомъ я всегда только и думаю о томъ, что вокругъ

болтуна найдется паръ десять ушей, которыя слышатъ и понимаютъ его шутки или, по крайней мѣрѣ, понимаютъ ихъ буквально. Дѣло въ томъ, что пять человѣкъ изъ десяти навѣрное знаютъ нашъ языкъ, но многіе ли изъ нихъ въ состояніи понять все незлобіе, всю невинность его шутокъ? Можетъ быть только одинъ человѣкъ изо ста. Сколько нелѣпыхъ національныхъ недоразумѣній поддерживается и обостряется вслѣдствіе необдуманной болтливости въ публикѣ, точно такъ же, какъ и вслѣдствіе нацарапанныхъ безо всякаго злаго умысла статеекъ въ уголкѣ редакціи какой-нибудь газеты единственно съ цѣлью воспроизведенія писанія? Мой незнакомецъ, къ счастью для моихъ нервовъ, принадлежалъ къ точно также существующей, слава Богу, категоріи Французовъ молчаливыхъ. Впрочемъ, сегодня вечеромъ его спутница поглощала все его вниманіе настолько бросающимся въ глаза образомъ, что воинственная выходка миссъ Клары была почти понятна. Этой его таинственной подругѣ могло быть около тридцати пяти лѣтъ и, если онъ всѣмъ своимъ видомъ походилъ на Француза, принадлежащаго къ разряду буржуазіи, то она была Итальянкой, начиная отъ своей маленькой головки и кончая своими маленькими ножками, начиная отъ нѣсколько рѣзкихъ чертъ своего лица и кончая отдѣлкой своего платья, начиная отъ оконечностей унизанныхъ браслетами рукъ и кончая кончикомъ ея башмачковъ съ нѣсколько черезчуръ высокими каблуками. Ея очень черные глаза, въ свою очередь, при взглядѣ на молодаго человѣка горѣли такою страстью, которая не могла быть дѣланною. Ни тотъ, ни другая, повидимому, и не подозрѣвали, что они могутъ быть предметомъ чьего бы то ни было наблюденія и, хотя въ немъ и сквозило что-то, что̀ придавало ему выраженіе какой-то скрытности и осторожности, видъ ихъ обоюднаго чувства тѣмъ не менѣе сразу настолько расположилъ меня въ ихъ пользу, что я рѣшился ихъ защищать противъ продолжавшей нападать на нихъ миссъ Робертсъ:

— И она по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать старше него...

— Положимъ лѣтъ на десять, перебилъ я ее,—она очень красива...

— У насъ ни одинъ джентльменъ не рѣшился бы появляться въ общественныхъ мѣстахъ съ женщиной, столь мало похожею на леди...

Я былъ ей признателенъ за то, что она проговорила эту фразу на англійскомъ языкѣ, котораго, можетъ-быть, не зналъ мой

юный соотечественникъ, и тѣмъ болѣе, что фразу эту она произнесла особенно громко. Тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться отъ того, чтобы не отвѣтить ей на томъ же языкѣ, и признаюсь немножко изъ тщеславія.

— Но почему же вы знаете что она не леди?

— Почему я это знаю?

И за свое маленькое тщеславіе доказать ей, что я говорю на ея родномъ языкѣ, я тотчасъ же былъ наказанъ, потому что она иронически поправила мой выговоръ, повторивъ мои собственныя слова и затѣмъ прибавила:

— Взгляните только, какъ она ѣстъ...

Долженъ сознаться, что въ данную минуту эти два экземпляра латинской расы являли собой зрѣлище, которое нимало не соотвѣтствовало правиламъ, преподаваемымъ воспитательницами по ту сторону Ла-Манша. Въ ожиданіи, когда подадутъ супъ, молодой человѣкъ приступилъ къ бутылкѣ Кіанти и къ находившемуся на столѣ хлѣбу. Онъ забавлялся тѣмъ, что мокалъ свой хлѣбъ въ вино, между тѣмъ какъ спутница его сосала кусочекъ лимона, взятый съ одной изъ тарелочекъ на столѣ! Контрастъ между дочерью Альбіона—какъ выражались въ романахъ 1830 года—и этими дѣтьми природы былъ черезчуръ силенъ. Я побоялся расхохотаться и такъ какъ обѣдъ былъ уже оконченъ, то и всталъ изъ-за стола одновременно съ Нѣмцами, Миланцемъ, родственниками офицера и самимъ офицеромъ. Какъ я и надѣялся, сосѣдки мои удалились вскорѣ послѣ меня и влюбленные остались одни подъ снисходительнымъ покровительствомъ наряднаго слуги съ каралловыми запонками. Можетъ-быть я былъ достоинъ нѣкоторой похвалы за мое поспѣшное удаленіе, потому что я угадывалъ маленькій романъ въ нелѣпой встрѣчѣ этого молодаго Француза съ этою Итальянкой. Но я успѣю умереть прежде, чѣмъ сумѣю безъ угрызенія совѣсти исполнять роль соглядатая, что современные писатели называютъ отыскиваніемъ документовъ и чѣмъ они хвастаются, какъ какою-нибудь личною добродѣтелью!

Итакъ, я почти позабылъ объ этихъ двухъ болѣе или менѣе морганатическихъ собесѣдникахъ, чтобы только и думать, что объ открытыхъ домомъ Гриффи фрескахъ и о средствѣ отправиться въ монастырь Монте-Кіаро. Я находился въ конторѣ отеля для обсужденія этого путешествія съ секретаремъ, бывшимъ гарибальдійцемъ, настолько гордившимся тѣмъ, что онъ нѣкогда

носилъ красную рубашку, что онъ навсегда остался напичканнымъ крайнимъ революціонерствомъ, не взирая на то, что въ данную минуту съ самою похвальною дѣятельностью былъ занятъ отправленіемъ горячей воды въ № 6 и заказаннаго чая въ № 11.

— У насъ слишкомъ снисходительны къ этимъ заговорщикамъ, говорилъ онъ мнѣ о несчастныхъ монахахъ вмѣсто того, чтобъ отвѣтить мнѣ касательно дороги, по которой слѣдуетъ ѣхать, экипажа, который слѣдуетъ нанять, и цѣны, которую слѣдуетъ предложить. Мои пріятельницы Англичанки воспользовались дилижансомъ, а затѣмъ часть пути совершили пѣшкомъ. Но какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ мнѣ все-таки удалось исторгнуть у кавалера Данта Аннибала Корнаккини—такъ назывался этотъ бывшій товарищъ героя—обѣщаніе относительно того, что избранный имъ возница съ легкимъ экипажемъ будетъ ожидать меня *al tocco*. Какое это хорошенькое выраженіе и вполнѣ достойное этого народа, который весь состоитъ изъ впечатлительности. *Tocco* означаетъ ударъ молотка, а также часъ пополудни, тотъ часъ, который выражается однимъ ударомъ на часахъ. Но каково же было мое удивленіе, когда, выйдя изъ конторы, гдѣ подъ различными объявленіями возвышались бронзовыя статуэтки генерала въ его рубашкѣ и Мадзини въ сюртукѣ, я очутился лицомъ къ лицу съ видѣннымъ мной наканунѣ молодымъ человѣкомъ. Онъ, повидимому, поджидалъ меня и обратился ко мнѣ не безъ нѣкоторой граціи. Впрочемъ, какой же писатель не будетъ снисходителенъ къ незнакомцу, который обращается къ нему съ фразой, въ родѣ слѣдующей:

— Милостивый государь, я видѣлъ вашу фамилію въ спискѣ иностранцевъ и такъ какъ я читалъ всѣ ваши произведенія, то позволяю себѣ...

Стóитъ пріобрѣсти какую бы то ни было извѣстность въ литературѣ, чтобы знать, какъ мало значенія имѣютъ подобнаго рода любезности. Но ребяческое самолюбіе литератора таково, что онъ всегда ловится на это и дѣлаетъ то, чтò сдѣлалъ я: не взирая на то, что я поклялся себѣ не портить впечатлѣнія милой и мрачной Пизы праздными разговорами и новыми знакомствами, черезъ десять минутъ я уже шелъ вдоль набережной съ этимъ молодымъ человѣкомъ; полчаса позднѣе, все еще вмѣстѣ съ нимъ, я бродилъ подъ сводами *Campo Santo*; къ часу я убѣдилъ его сопутствовать мнѣ въ монастырь и мы вмѣстѣ взобрались въ запряженную въ одну лошадь *carozella*, въ которой

и должны были ѣхать въ Монте-Кіаро. Это внезапное сближеніе состоялось между нами даже безъ того, чтобъ я могъ найти себѣ извиненіе хотя бы въ знакомствѣ съ хорошенькою и естественною Итальянкой, которая обѣдала съ нимъ наканунѣ. Однако изъ его первыхъ заботъ, само собой разумѣется, было поговорить со мною о ней. Такимъ образомъ, я узналъ, что эта незнакомка съ такими выразительными чертами лица, съ такою страстною блѣдностью и съ почти простонародными манерами, была актрисой одной странствующей, заѣхавшей въ Миланъ, труппы, что ей пришлось уѣхать сегодня утромъ, чтобъ участвовать въ вечернемъ представленіи и что онъ не могъ поѣхать вмѣстѣ съ ней. Причины этого онъ мнѣ не объяснилъ. Я угадалъ ее изо всей его остальной исторіи, которую онъ разсказалъ мнѣ въ первые же полчаса нашего знакомства. Даже безъ романической привлекательности его маленькаго приключенія, личность его довольно сильно поразила бы меня, какъ рѣзко очерченный типъ цѣлаго разряда молодыхъ людей, который, однако, какъ мнѣ кажется, я довольно хорошо знаю. Никогда не видишь достаточно представителей новаго поколѣнія. Какъ быть имъ полезнымъ, что̀ составляетъ обязанность всѣхъ насъ, людей пишущихъ, если не разговаривать съ ними и притомъ разговаривать много? Увы! не ради впечатлѣній подобнаго рода прибылъ я на берега зеленоструйнаго меланхолическаго Арно! Неужели же мнѣ суждено встрѣтить здѣсь нѣчто, что̀ я менѣе всего люблю въ Парижѣ, всегда и всюду, и не только встрѣтить, но и не быть въ состояніи не заинтересоваться этимъ нѣчто, какъ будто я люблю его, и неужели же моя любознательность человѣческой души никогда не сдѣлается во мнѣ болѣе сильною, чѣмъ мои мудрыя намѣренія чисто идеальнаго существованія среди прекрасныхъ произведеній искусства!

Этотъ молодой человѣкъ просто назывался малоаристократическимъ именемъ Филиппа Дюбуа. Онъ былъ четвертымъ сыномъ одного довольно высокопоставленнаго при университетѣ лица, которому, однако, неособенно повезло въ жизни. Блистательно окончивъ курсъ въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ, молодой человѣкъ завершилъ свое образованіе въ Парижѣ и, благодаря покровительству одного изъ друзей своего отца, получилъ командировку въ Италію для какихъ-то археологическихъ изслѣдованій. Командировка эта оканчивалась въ этомъ мѣсяцѣ и онъ возвращался во Францію. Въ молодости я слишкомъ долго

вращался въ подобной ему средѣ, чтобы сумѣть тотчасъ же ясно представить себѣ насколько стѣснительно должно было быть финансовое положеніе Филиппа. У него должно было остаться денегъ лишь какъ разъ достаточное количество для возвращенія на родину. Вотъ почему, когда актриса уѣхала, онъ и не могъ послѣдовать за ней. Принимая въ соображеніе всю совокупность сдѣланныхъ имъ сообщеній, я еще разъ прихожу къ заключенію, что внѣшнія условія ровно ничего не значатъ и что все сосредоточивается въ душѣ, чувствующей всякую превратность. Неправда ли, оно принимаетъ физіономію хорошенькой сантиментальной идилліи, это приключеніе, происшедшее между влюбленнымъ въ античный міръ, гдѣ все только красота, молодымъ ученымъ и страстною безкорыстною актрисой? Пришлось разстаться. Было пролито много слезъ. Затѣмъ они покорились тому, что каждому изъ нихъ слѣдуетъ идти туда, куда его зоветъ судьба. Въ этомъ вся романтичность прихоти и вся ея поэзія. Мнѣ было не трудно убѣдиться въ томъ, что Филиппъ Дюбуа не испыталъ никакихъ грустныхъ и трогательныхъ чувствъ, къ которымъ могъ бы подать поводъ его романъ. Не было ни малѣйшей тѣни какой бы то ни было нѣжности въ тѣхъ фразахъ, которыми онъ посвящалъ меня въ эту легкую интригу. Въ его словахъ только сквозило хвастовство тѣмъ, что онъ былъ любимъ женщиной, которая, какъ я это узналъ впослѣдствіи, была довольно на виду. Но что же! Еслибъ онъ былъ тѣмъ простодушнымъ влюбленнымъ, какимъ бы онъ долженъ былъ быть, то завладѣлъ ли бы онъ моимъ вниманіемъ настолько, какъ это случилось, когда я узналъ, что вся сущность этой юношеской любознательности была только одною декораціей, точно такъ же, какъ и эта амуретка была для него только случайностью? Что составляло у этого юноши самую сущность его существа, такъ это одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ литературныхъ честолюбій, которыя мнѣ когда-либо случалось видѣть съ тѣхъ поръ, какъ я посѣщаю кругъ начинающихъ писателей, и честолюбіе тѣмъ болѣе рѣзкое, что соединенное съ нѣкоторою застѣнчивою дикостью, оно до сихъ поръ еще мѣшало ему выступить въ качествѣ писателя. Въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ сухихъ занятій, отдѣлявшихъ его отъ времени его выхода изъ гимназіи, онъ такимъ образомъ культивировалъ въ себѣ это *литературное чудовище* во всей жестокой простотѣ, представляемой этою болѣзнью. Въ немъ, совершенно отлично одинъ отъ другого, было

два лица: одно оффиціальное и покорное, сынъ ученаго въ командировкѣ съ ученою цѣлью; другое—еще не появлявшійся въ печати романистъ и поэтъ со всею дикостью преждевременнаго озлобленія, которое можно предполагать въ подавленномъ призваніи. Эта двойственность обнаруживала натуру своевольную, даже скорѣе превосходную вслѣдствіе гибкости и силы владѣть собой. Но эта ѣдкость обнаруживала въ то же время и душу, лишенную любви, и особенно мечтающую въ писательской карьерѣ о грубой жаждѣ славы и денегъ.

— Вы понимаете, говорилъ онъ послѣ того, какъ онъ передалъ мнѣ подробности нѣкоторыхъ сценъ изъ своихъ отношеній съ бѣдною актрисой, въ которыхъ онъ исполнялъ достаточно донжуановскую роль, чтобъ ему были пріятны эти воспоминанія,— вы понимаете, что я не упустилъ случая воспользоваться этими ощущеніями... Я почти окончилъ маленькій томикъ стиховъ, которые я вамъ покажу... Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти этрусскія гробницы, греческія надписи, всѣ эти педантическія занятія, на которыя я только согласился, чтобъ имѣть какой-нибудь заработокъ... Но, какъ только я получу званіе доктора, я тотчасъ же буду просить отпуска и выступлю въ качествѣ писателя... У меня цѣлый рядъ статей въ головѣ... Нѣкоторыя изъ нихъ, подписанныя псевдонимомъ, я уже послалъ въ различныя газеты... Онѣ не появились... Я знаю, ихъ читали завистники...

— Слѣдуетъ извинять несчастныхъ редакторовъ, которые не имѣютъ времени все сами прочитывать, сказалъ я.—У нихъ есть принятыя на себя обязательства и потомъ нельзя не признать уже составленныхъ положеній, уже получившихъ извѣстность талантовъ...

— Что и говорить! засмѣялся онъ горькимъ смѣхомъ, въ которомъ я уже окончательно подмѣтилъ глухую злобу еще неизданнаго писателя, уже отравленнаго завистью даже прежде, чѣмъ онъ помѣрился силами со своими соперниками; и онъ началъ перебирать мнѣ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ писателей. Вотъ этотъ авторъ только анекдотистъ безо всякой мысли; вотъ этотъ только сочинитель лубочныхъ картинъ для рабочихъ; вотъ тотъ только Поль-де-Кокъ, передѣланный на новый ладъ; а вотъ тотъ, такъ только салонный интриганъ, искусный въ подслащиваніи Стендаля и Бальзака для приторнаго желудка свѣтскихъ женщинъ...

Ко всему онъ приплеталъ низменные анекдоты, которые

тысячами разсказываются въ Парижѣ, въ этомъ маленькомъ дѣтски жестокомъ міркѣ начинающихъ литераторовъ. Съ чувствомъ глубокой грусти я оставлялъ его говорить. Не то, чтобъ я придавалъ особенно много значенія этимъ строгостямъ новичковъ къ ихъ старшимъ, къ которымъ уже принадлежу и я. Эти строгія сужденія существовали всегда и они имѣютъ свое благодѣтельное значеніе: саркастичность Мефистофеля заставила работать Фауста. Но подъ этимъ видомъ жестокости, которою онъ, бѣдный ребенокъ, можетъ-быть, думалъ мнѣ нравиться, критикуя моихъ собратьевъ, я угадывалъ истинное страданіе. Особенно же я усматривалъ въ этомъ крайнее неистовство преждевременной свойственной нашему возрасту надменности,—я разумѣю здѣсь міръ людей мыслящихъ. Въ прежнія времена жесткость честолюбій была такая же, но только она менѣе развивалась среди писателей. Теперь же, когда общая нивеллировка доставляетъ получившему извѣстность художнику хотя бы по видимости болѣе блестящее положеніе, писательство представляется многимъ въ качествѣ возможности быстраго достиженія славы. А потому нѣкоторые люди принимаются за писательство точно такъ же, какъ другіе принимаются за биржу, и совершенно ради однѣхъ и тѣхъ же цѣлей. „Свирѣпый“ на биржѣ или въ торговлѣ сознаетъ себя денежнымъ человѣкомъ. „Свирѣпый“ относительно писательства охотно принимаетъ въ себѣ лихорадочное стремленіе къ удачѣ за стремленіе къ призванію быть проповѣдникомъ. Затѣмъ къ сорока годамъ, если успѣха не достигнуто, ужасныя души, въ которыхъ одновременно таятся самыя болѣзненныя и самыя низкія страсти, готовы лить кровь. Это слишкомъ часто наблюдалось среди писателей коммуны. Слушая, какъ говоритъ этотъ молодой человѣкъ, я чувствовалъ какъ въ немъ сквозитъ мятежникъ извѣстнаго дня и часа. Онъ удерживался въ границахъ вслѣдствіе буржуазной осторожности, а также и вслѣдствіе склонности къ возвышенной культурѣ, которая должна была бы спасти его и, можетъ-быть, еще и спасетъ его. Развѣ, не взирая на его горячку алчнаго художника, у него не хватило ума и терпѣнія для пріобрѣтенія знаній, извѣстнаго ремесла? И это давало мнѣ мысль о томъ, что въ немъ должна была происходить и до сихъ поръ еще происходитъ борьба.

— Вы очень строги къ вашимъ старшимъ, сказалъ я ему, чтобъ остановить его въ повтореніи всякихъ парижскихъ клеветъ. Онѣ всѣ мнѣ извѣстны. Онѣ такъ однообразно ничтожны и лживы!

— Вы увидите, когда я буду писать! замѣтилъ онъ съ одновременно и простодушнымъ и дерзкимъ хвастовствомъ.—Съ нашими предшественницами слѣдуетъ поступать, какъ поступаютъ въ Океаніи со стариками. Ихъ заставляютъ влѣзать на дерево и затѣмъ трясутъ его. Пока у нихъ хватаетъ силъ держаться, все благополучно. Если же они падаютъ, то ихъ убиваютъ и съѣдаютъ...

Я не сталъ разоблачать самой дикости этого парадокса. Филиппъ Дюбуа „заставилъ меня позировать", чтобъ употребить это весьма выразительное слово нѣсколько вышедшаго изъ моды жаргона. Я отвѣчалъ ему, предложивъ ему вопросъ объ его археологическихъ занятіяхъ, что̀ видимо ему не понравилось; затѣмъ я прямо далъ ему совѣтъ, по его возвращеніи во Францію, не начинать работы въ журналахъ, а взять мѣсто въ провинціи, гдѣ онъ можетъ быть полезнымъ и гдѣ онъ можетъ написать какую-нибудь хорошенькую книгу. Увы! и мнѣ тоже, когда я былъ его лѣтъ, подавались такіе же совѣты, и я имъ не слѣдовалъ. Это доказываетъ, что эта лотерея горя и славы, которую называютъ профессіей занимающихся литературой людей, всегда будетъ одинаково влечь къ себѣ нѣкоторыя души молодыхъ людей. Слѣдуетъ ли въ этомъ признаться? Я видѣлъ нѣкоторую иронію, почти лицемѣріе, въ этой роли моралиста, которую я относительно его разыгрывалъ. Я почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти, а затѣмъ, такъ какъ основа внутренняго недовольства, которою повидимому онъ жилъ, не взирая ни на что̀ вызывала во мнѣ состраданіе, то я и кончилъ тѣмъ, что предложилъ ему эту экскурсію въ монастырь. Она должна была повести къ этой быстрой драмѣ, для объясненія которой эти черезчуръ длинныя приготовленія тѣмъ не менѣе были необходимы. Для Филиппа весь вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобъ отложить свое путешествіе на два дня; онъ принялъ мое предложеніе и мы тронулись въ путь съ ударомъ часа дня, какъ то обѣщалъ мнѣ отставной гарибальдіецъ, еще одного выраженія котораго я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь. Когда мы поджидали возницу, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сообщить мнѣ свои мысли о теперешнемъ французскомъ парламентѣ: „Они потеряли традиціи революціонеровъ", сказалъ онъ мнѣ и послѣ террористской рѣчи, которую я приводить не стану, заключилъ ее съ выраженіемъ самой комической грусти: „И, наконецъ, я даже полагаю, что они капиталисты!.."

Благодаря этой фразѣ, позабавившей Филиппа не менѣе чѣмъ меня, мы тронулись въ путь *in high spirits*, [1] какъ бы сказала миссъ Добсонъ, оба крайне расположенные наслаждаться нашимъ путешествіемъ. Дорога, идущая изъ Пизы въ Монте-Кіаро, сначала вьется по прелестной мѣстности, обсаженной виноградными лозами, которыя обвиваются вокругъ тутовыхъ деревьевъ. Вѣтеръ качаетъ гигантскій тростникъ, мраморные львы сидятъ на воротахъ окруженныхъ кипарисами виллъ и все время въ глубинѣ виднѣются ущелья горы, о которой говоритъ Дантъ и которая препятствуетъ Пизанцамъ видѣть Лукку:

Cacciando 'l lupo e i lupicini al monte,
Per che i Pisan veder Lucca non ponno. [2]

— Вотъ чего у насъ нѣтъ во Франціи, сказалъ я моему спутнику, продекламировавъ ему эти два стиха.—У насъ нѣтъ поэта, который бы присоединилъ славную легенду ко всякому малѣйшему уголку родной земли.

— Вы находите? отвѣтилъ онъ.—Что до меня, то эта путеводительская сторона мнѣ всегда была противна въ *Божественной Комедіи*.

Послѣ этого отвѣта и при видѣ того, что его недавнее веселое настроеніе уже исчезло, я начиналъ сожалѣть о томъ, что повезъ его съ собою. Я предвидѣлъ, что если онъ начнетъ играть въ парадоксы, то уже не сложитъ оружія, а подобнаго рода молодой человѣкъ, если онъ уже вдается въ тщеславіе, то все болѣе и болѣе въ немъ упорствуетъ, даже если и причиняетъ сильное страданіе самому себѣ. Итакъ, я погрузился въ молчаніе и принялся стараться болѣе углубиться въ природу, которая уже начинала принимать болѣе дикій видъ. Таратайка наша ѣхала теперь шагомъ. Мы углублялись въ почти лишенную всякой растительности мѣстность. Со всѣхъ сторонъ поднимались голые холмы, огромныя, изрытыя дождями глыбы сѣрой глины. Не было больше ни ручейковъ, ни виноградниковъ, ни оливковыхъ деревьевъ, ни виллъ: это было истинное преддверіе пустыни. Возница нашъ слѣзъ со своихъ козелъ. Это былъ маленькій человѣчекъ съ четырехъ-угольнымъ худощавымъ лицомъ, который

---

[1] Въ отличномъ расположеніи духа.

[2] Охотясь за волкомъ и волчатами на горѣ, изъ-за которой Пизанцы не могутъ видѣть Лукки.

называлъ свою кобылу Зарой и который, подобно всѣмъ Тосканцамъ, передѣлывалъ въ началѣ словъ твердое *к* въ мягкое *х*: говоря о своей кобылѣ, онъ говорилъ *Huesta havalla*, вмѣсто *questa cavalla*.

— Я купилъ ее въ Ливорно, говорилъ онъ,—она мнѣ обошлась въ 200 франковъ, потому что думали, что она хромая... А поглядите, хромаетъ ли она у меня? – Эй, Зара, мужайся!—Она ходитъ, сударь, за мной, какъ собака. И люблю же я ее; вотъ какъ люблю!.. Жена моя ревнуетъ меня къ ней, но я ей отвѣчаю „Зара моя, мнѣ зарабатываетъ хлѣбъ, а ты его съѣдаешь“... Посмотрите-ка, сударь, вонъ на эти утесы, тамъ чуть было не былъ убитъ Лаврентій Медичи послѣ избіенія Пацци...

— Не любопытно ли это, обратился я къ моему спутнику,—что этотъ человѣкъ, простой наемный извощикъ, говоритъ намъ одновременно и о своей кобылѣ Зарѣ и о Лаврентіи Медичи?.. Ахъ, эти Итальянцы!.. какъ они знаютъ исторію своей дорогой родины и какъ они гордятся ею!..

— Да, я знаю, сказалъ пожимая плечами Филиппъ,—у Альфіери есть касающееся ихъ выраженіе: „Человѣческое растеніе родится здѣсь зеленѣе, чѣмъ гдѣ-либо“... Дѣло въ томъ, что они съ малолѣтства научаются эксплуатировать иностранцевъ... Ихъ дрессируютъ для охоты за полученіемъ на чаи. Итальянскій ребенокъ еще не пересталъ сосать грудь, какъ уже дѣлается чичероне... О, я напишу романъ о современной Италіи и объ ея колоссальной мистификаціи!.. У меня уже сдѣланы всѣ замѣтки... Я покажу что это за народецъ...

И онъ пустился въ рѣзкую ѣдкую критику милой страны, въ которой раздается *si* и которую я, со своей стороны, буду всегда продолжать видѣть такою, какою она впервые предстала предо мною въ 1874 г., то-есть единственною родиной красоты! Эта выходка еще болѣе напомнила мнѣ разговоры, которые я слыхалъ въ первые годы моего литературнаго поприща, когда я посѣщалъ сборища будущихъ поэтовъ и романистовъ. Почти всѣ они были чиновниками различныхъ министерствъ, до бѣшенства возмущались своими скудными средствами къ жизни и цѣлыми часами занимались тѣмъ, что отравляли себѣ сердце желчью, изливая свое презрѣніе къ вещамъ и къ людямъ съ какимъ-то язвительнымъ краснорѣчіемъ, которое въ тѣ времена заставляло сомнѣваться меня во всемъ, даже и въ себѣ самомъ. Я не зналъ тогда, въ чемъ впослѣдствіи я столько разъ имѣлъ случай убѣж-

даться, что это краснорѣчіе есть извѣстная форма безсильной зависти и которая уже сознаетъ себя таковою. Всякій великій талантъ и начинается, и оканчивается любовью и энтузіазмомъ. Преждевременно разочарованные люди, это несчастные, которые заранѣе предвидятъ свою будущую безплодность и уже мстятъ за нее. Боже мой! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ этотъ юноша говорилъ мнѣ, хотя бы съ нѣсколько смѣшною восторженностью, объ этой Флоренціи, гдѣ онъ трудился, гдѣ онъ былъ любимъ, чтобъ особенно онъ говорилъ мнѣ объ этой любви!.. Было такъ похоже на то, что онъ вовсе позабылъ объ этой любви, и вмѣсто того распространялся о своей книгѣ объ Италіи, касался вопроса о гонорарѣ наиболѣе выдающихся авторовъ.

— Правда ли, что Жакъ-Моланъ получаетъ по полутора франка съ каждой книжки? мнѣ говорили, что Венси получаетъ по два франка за строку... Ахъ, бездѣльникъ!..

Подъ этою ѣдкою критикой и этою крайнею жестокостью разочарованности я теперь усматривалъ дикую жажду денегъ и, по какой-то, впрочемъ, извинительной непослѣдовательности, я болѣе прощалъ ему это чувство, чѣмъ его насмѣшливость. Вѣдь желѣзная рука нужды ложится такою тяжестью на голову, въ которой роятся всѣ стремленія юности и которая видитъ въ небольшомъ количествѣ золота освобожденіе своего внутренняго существа!

— И подумать только, продолжалъ онъ съ безконечною горечью,—что мой отецъ не дастъ мнѣ первыхъ трехъ тысячъ франковъ, необходимыхъ мнѣ для того, чтобы прожить полгода въ Парижѣ, прежде чѣмъ выступить на литературномъ поприщѣ. Да, этого было бы для меня вполнѣ достаточно, чтобъ осмотрѣться, ощупать почву и дать первое сраженіе. Три тысячи франковъ! то, что̀ какой-нибудь посредственности, въ родѣ *** (здѣсь снова упоминаніе имени одного изъ распространенныхъ писателей) доставляютъ какихъ-нибудь пятьдесятъ писаныхъ страницъ!

Я позабылъ сказать, что въ промежуткахъ своихъ рѣчей онъ набросалъ мнѣ весьма нелестные портреты своихъ родителей. Какъ объяснить, что со всѣмъ этимъ онъ продолжалъ интересовать меня? Онъ излагалъ мнѣ какъ разъ тѣ самыя мысли, которыя я ненавижу. Онъ обнаруживалъ предо мною тѣ самыя чувства, которыя на мой взглядъ казались какъ разъ противоположными тѣмъ, которыя долженъ испытывать молодой художникъ. Но я сознавалъ, что онъ страдаетъ и разсчитывалъ на

то, что послѣ первыхъ впечатлѣній, онъ еще вернется къ тому, что приметъ мои благоразумные совѣты и, если это возможно, еще исправитъ нѣкоторыя изъ своихъ нелѣпыхъ точекъ зрѣнія; и это думалось мнѣ тѣмъ болѣе, что его манера выражаться и его различныя ссылки положительно обнаруживали и истинное образованіе, и болѣе чѣмъ тонкій и даже сильный и своеобразный умъ. Между тѣмъ горизонтъ принялъ еще болѣе дикій видъ. Мы оставили очень далеко за собою огромную равнину, въ которой лежитъ Пиза. Соборъ и падающая башня минутами появлялись между вершинами двухъ горъ, точно изваянные на выпуклой картѣ. Тогда же вырисовывалось Ливорно и виднѣлось синее море, между тѣмъ какъ вокругъ насъ открывались, какъ пропасти, огромныя вырытыя въ этой рыхлой почвѣ ямы, которыя называютъ здѣсь въ странѣ *бальзами*. Надъ ними высились голыя и грозныя вершины. Уже болѣе рѣдко встрѣчавшіеся здѣсь пасшіеся быки не были уже похожи на тѣхъ красивыхъ длиннорогихъ бѣлыхъ животныхъ Мареммы. Рога у нихъ были короткіе и загнутые, шкура у нихъ была, подобно почвѣ, сѣроватая. Въ первый еще разъ со времени нашего отъѣзда Филиппъ Дюбуа сказалъ нѣсколько словъ, выражавшихъ вниманіе къ окружающему:

— Не находите ли вы, что это ландшафтъ цвѣта шахты и точно созданный для того, чтобы построить здѣсь монастырь?

И почти въ то же мгновеніе возница нашъ, приподнявшись на своихъ козлахъ, обратился ко мнѣ съ возгласомъ:

— А вотъ, сударь, и Монте-Кіаро!

И кончикомъ своего кнута онъ указывалъ намъ на изворотѣ горы еще болѣе изрытую, чѣмъ всѣ прочія, долину, посрединѣ которой на холму, обсаженномъ кипарисами, возвышалось длинное строеніе, сложенное изъ краснаго кирпича. Среди яркаго дня цвѣтъ этихъ стѣнъ представлялъ такую рѣзкую противоположность съ темною почти черною листвой, что онъ тотчасъ же оправдывалъ это прозваніе Монте-Кіаро (ясный холмъ). Только близь Сіенны на Монте-Оливето видѣлъ я отшельническую обитель, которая была воздвигнута столь же отдалено отъ всего, гдѣ есть человѣческая жизнь. По свѣдѣніямъ пизанскаго гарибальдійца, дополнявшимъ сообщенія Англичанокъ, я зналъ, что аббатъ принялъ на себя обязанность давать пріютъ посѣтителямъ, пріѣзжающимъ осмотрѣть секуляризованный съ 1867 года монастырь.

— Какою-то кухней угостятъ насъ въ этой пустынѣ? сказалъ я моему спутнику, которому я уже успѣлъ объяснить условія, при которыхъ мы проведемъ этотъ вечеръ и завтрашній день.

— Такъ какъ здѣсь полагается такса въ пять франковъ въ день, отвѣчалъ онъ,—то священникъ не принадлежалъ бы къ этой странѣ, еслибъ онъ не клалъ трехъ франковъ себѣ въ карманъ.

— Во всякомъ случаѣ хорошая фреска Беноццо Гоццоли стóитъ того, чтобы плохо пообѣдать, замѣтилъ я, смѣясь.

Черезъ полчаса послѣ того, какъ сверху дороги мы увидали эту древнюю обитель Бенедиктинцевъ, нѣкогда славившуюся во всей Тосканѣ, а въ настоящее время сдѣлавшуюся столь печально одинокою, бѣлая кобыла Зара начала подниматься на обсаженный кипарисами холмъ. Мы сошли съ таратайки, чтобы лучше осмотрѣть маленькія часовеньки, настроенныя въ пятидесяти шагахъ одна отъ другой вдоль аллеи; спутникъ мой, подобно мнѣ, былъ охваченъ грустнымъ величіемъ этого предмѣстья монастыря. Я мысленно видѣлъ предъ собою безчисленныя шерстяныя бѣлыя одежды, двигавшіяся въ этихъ мрачныхъ аллеяхъ, такъ какъ Бенедиктинцы Монте-Кіаро, подобно Бенедиктинцамъ Монте-Оливето, посвятили себя Пресвятой Дѣвѣ.—Моя Англичанка дала мнѣ также свѣдѣнія и касательно этого рода костюма. Я думалъ о простыхъ сердцахъ, для которыхъ этотъ дикій горизонтъ служилъ концомъ міра, о душахъ уставшихъ и нашедшихъ себѣ здѣсь успокоеніе, о сердцахъ гнѣвныхъ, снѣдаемыхъ здѣсь, какъ и всюду, завистью, честолюбіемъ, всѣми этими страстями, которыя апостолъ, по справедливости, относитъ къ дѣламъ плоти. Я до такой степени углубился въ эти размышленія, что вздрогнулъ, какъ внезапно пробужденный отъ сна, когда нашъ возница, ведшій подъ уздцы свою Зару, чтобъ ей было легче идти и ободрявшій ее своими разговорами, вдругъ обратился ко мнѣ:

— Сударь, вонъ и самъ отецъ аббатъ идетъ намъ на встрѣчу. Онъ должно-быть услыхалъ стукъ колесъ.

— Да это покойный Гіацинтъ изъ Пале-Рояля! воскликнулъ Филиппъ.

И правда, стоя на порогѣ монастыря въ самомъ концѣ аллеи бѣдный монахъ представлялся въ крайне жалкомъ видѣ. На немъ былъ сильно поношенный подрясникъ, первоначальный черный цвѣтъ котораго теперь значительно позеленѣлъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ него, что онъ былъ признанъ государствомъ упра-

вителемъ конфискованнаго монастыря подъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ прекраснаго бѣлаго одѣянія своего ордена. Его высокій, длинный отъ старости, нѣсколько согнувшійся станъ опирался на палку, шляпа его совсѣмъ проносилась. Его обращенное въ настоящую минуту къ новымъ пришельцамъ гладко выбритое лицо, дѣйствительно, имѣло смутное сходство съ лицомъ комическаго актера, и на лицѣ этомъ выдѣлялся безконечно длинный носъ, настоящій носъ человѣка, который нюхаетъ табакъ, и представляющійся еще длиннѣе вслѣдствіе худобы щекъ и склада рта, въ которомъ не было переднихъ зубовъ. Но взглядъ старца тотчасъ же измѣнялъ это первое впечатлѣніе. Хотя глаза у него были невелики и хотя зеленоватый цвѣтъ ихъ былъ крайне неопредѣленный, въ нихъ горѣлъ огонь, который прекратилъ бы всякую шутливость въ моемъ молодомъ соотечественникѣ, еслибъ онъ обладалъ хотя бы малѣйшею опытностью относительно значенія человѣческой физіономіи. Его дерзкая плохаго тона фраза еще болѣе непріятно на меня подѣйствовала вслѣдствіе того, что онъ проговорилъ ее очень громко въ этой полной тишинѣ осенняго дня. Но зналъ ли донъ Габріэль Гриффи французскій языкъ, а если даже и зналъ его, то что̀ могло представлять для него имя бѣднаго комедіанта, который такъ смѣшно исполняетъ Мараскена въ пьесѣ *Мужъ Дебютантки?* И вдругъ, вслѣдствіе этой проклятой шутки, предо мной возстали—что̀ за контрастъ!—различныя сцены этой прелестной пьесы, предъ глазами у меня были четыре маленькія дѣвочки, которыя весело предъ носомъ, доведеннаго до отчаянія Гіацинта, говорили, поднимая всѣ заразъ кверху свои хорошенькія ножки: „...Его жена его бросила... чтобъ идти для свадьбы... и ступайте...“ А между тѣмъ отшельникъ, гостями котораго мы собирались быть, говорилъ намъ на изящномъ чистомъ итальянскомъ языкѣ:

— Вы пріѣхали посѣтить монастырь, милостивые государи, но зачѣмъ же вы не предупредили меня хотя бы однимъ словечкомъ? Развѣ ты не сказалъ этимъ господамъ, Пасквале, что слѣдуетъ мнѣ заблаговременно написать? прибавилъ онъ, обращаясь къ нашему возницѣ.

— Да, я думалъ, что эти господа уже написали вамъ, отецъ аббатъ, когда управляющій гостиницы довѣрилъ ихъ мнѣ, чтобы привезти ихъ сюда...

— Ну что̀ же дѣлать, они будутъ кушать то, что̀ есть! и

потомъ, обращаясь съ доброю улыбкой къ намъ, онъ указалъ на небо:—когда дѣла идутъ плохо, слѣдуетъ закрывать глаза и полагаться на высшую волю...

Я пробормоталъ на весьма сомнительномъ итальянскомъ языкѣ какое-то извиненіе, которое отецъ Гриффи прервалъ движеніемъ руки:

— Прежде всего пожалуйте взглянуть ваши комнаты. Чтобъ утѣшить васъ за обѣдъ, который вамъ придется кушать, я васъ произведу въ аббаты-генералы.

И онъ засмѣялся своей невинной шуткѣ, которой въ ту минуту я не совсѣмъ понялъ. Впрочемъ, я былъ слишкомъ охваченъ удивительнымъ зрѣлищемъ, представляемымъ при блескѣ заходящаго солнца этимъ обширнымъ, совсѣмъ краснымъ зданіемъ, громадность и прочность котораго я могъ теперь ясно видѣть. Монте-Кіаро строился въ различныя времена, начиная съ того самаго дня, когда глава рода Герардеска, дядя трагическаго Уголино, въ 1259 году удалился въ эту уединенную долину, чтобы принести здѣсь покаяніе вмѣстѣ съ девятью своими товарищами. Въ прошедшемъ столѣтіи здѣсь свободно размѣщалось 300 человѣкъ монаховъ, и аббатство само кормило себя со своими хлѣбопекарней, сажалкой для рыбы, винодѣльней, конюшней и скотнымъ дворомъ. Но безчисленныя окна этой обширной и набожной фермы теперь были крѣпко закрыты и бѣловатый цвѣтъ ихъ окрашенныхъ зеленою краской ставень свидѣтельствовалъ о томъ, что обитель покинута, точно такъ же, какъ объ этомъ свидѣтельствовали трава предъ церковною папертью, слой пыли на стѣнахъ коррндоровъ, по которымъ мы шли вслѣдъ за Гриффи. Мельчайшія подробности орнаментовки говорили о быломъ величіи аббатства, начиная съ обширнаго бассейна со львиными головами, находившагося при входѣ въ трапезную, и кончая архитектурой трехъ храмовъ, всѣхъ трехъ украшенныхъ фресками. Но достаточно было перваго брошеннаго на нихъ взгляда, чтобъ узнать въ этихъ картинахъ педантическій вкусъ XVII итальянскаго столѣтія и весьма возможно, что эта академическая мазня покрывала собою какой-нибудь другой шедевръ какого-либо Гоццоли или Орканьи. Мы поднялись по ступенямъ лѣстницы, вдали которой висѣли почернѣвшія отъ времени картины, между прочимъ неизвѣстно какою случайностью попавшій сюда очаровательный всадникъ кисти Тимотео делла Вите, истиннаго учителя Рафаэля. Затѣмъ мы вошли въ новый коррндоръ

въ бельэтажѣ, въ которомъ были двери келій съ надписями *Visitator primus*, *Visitator secundus* и т. д., мы остановились предъ послѣднею дверью, надъ которою были изображены митра и посохъ. Отецъ Гриффи, молчавшій до сихъ поръ за исключеніемъ того, что онъ указалъ намъ на картину Тимотео, теперь обратился къ намъ на французскомъ языкѣ съ нѣкоторыми итальянизмами выраженія и съ весьма незначительнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— Вотъ здѣсь я отвожу квартиры своимъ гостямъ.

И затѣмъ, введя насъ въ помѣщеніе, прибавилъ:

— Вотъ комнаты, которыя въ теченіе 500 лѣтъ всегда занимали настоятели монастыря.

Я искоса взглянулъ на Филиппа, у котораго на лицѣ появилось нѣсколько сконфуженное выраженіе, когда онъ увидѣлъ такое прекрасное знаніе нашего языка у нашего путеводителя. Дѣло въ томъ, что, пока мы шли корридорами, онъ снова раза три позволилъ себѣ различныя шутки весьма сомнительнаго вкуса. Замѣтилъ ли ихъ аббатъ и не стремился ли онъ предупредить насъ о томъ, что онъ понимаетъ наше каждое малѣйшее слово? Или, можетъ-быть, изъ чувства простой внимательности гостепріимства, онъ желалъ избавить насъ отъ усилій отыскивать слова? Я не былъ въ состояніи угадать этого по крупнымъ неподвижнымъ чертамъ его лица. Онъ, повидимому, былъ всецѣло поглощенъ воспоминаніями, которыя вызывалъ въ немъ видъ этого обширнаго помѣщенія со сводами. Нѣсколько современныхъ стульевъ, четырехугольный столъ и диванъ служили скудною обстановкой этого покоя. Полуотворенная дверь въ одномъ изъ угловъ комнаты позволяла видѣть алтарь съ закоптившимися священными картинами, гдѣ, вѣроятно, читалъ свои молитвы настоятель. Другая дверь, какъ разъ напротивъ и широко распахнутая, вела въ двѣ слѣдовавшія одна за другой комнаты, въ каждой изъ которыхъ находились желѣзная кровать, стулья и умывальникъ, поставленный на довольно жалкій комодикъ. Полъ былъ некрашеный. Въ дверяхъ и оконныхъ рамахъ сквозили щели. Но отсюда открывался дѣйствительно великолѣпный видъ. Напротивъ, на высотѣ, виднѣлся хуторъ съ тѣсно стоящими одинъ возлѣ другаго домиками, а отъ хутора и вплоть до самаго монастыря зеленѣла чудная растительность, тутъ были уже не мертвые кипарисы, а зеленые дубы съ краснѣющею мѣстами листвой. Въ глубинѣ долины видны были и другіе слѣды воздѣ-

ланной почвы, здѣсь оливковыя деревья росли въ перемежку съ дубами. Сюда, очевидно, были направлены всѣ старанія монаховъ, уединившихся въ этой ѳиваидѣ. За этимъ оазисомъ снова начиналась пустынная еще болѣе суровая мѣстность, надъ которою парила самая высокая вершина этихъ пизанскихъ горъ, Веррука, на которой стоятъ развалины зáмка, бывшаго притона какого-нибудь сеньора, противъ котораго и былъ возведенъ четырехугольный защищавшій монастырь бастіонъ. За окномъ комнаты точно также вырисовывалась эта маленькая четырехугольная крѣпостца со своими зубчатыми изъ бураго камня стѣнами, выдѣлявшимися на синевѣ усѣяннаго розоватыми облачками неба. Спутникъ мой уже не думалъ теперь о томъ, чтобы шутить; по своей артистической природѣ онъ, подобно мнѣ, былъ живо пораженъ граціозною строгостью этого горизонта, на который въ такіе же часы должны были смотрѣть теперь уже навѣки закрывшіеся глаза столькихъ монаховъ; одни изъ нихъ были заняты единственно неземнымъ міромъ, глядя на розоватые отблески облаковъ они видѣли въ нихъ розовыя грёзы рая, между тѣмъ, какъ другіе, честолюбцы и властолюбцы, мечтали въ той же тиши о кардинальской шапкѣ, можетъ-быть, о папской тіарѣ.

Puis le vaste et profond silence de la mort... [1]

Этотъ стихъ изъ *Contemplations* пришелъ мнѣ на память, какъ и при всякой встрѣчѣ съ прошедшимъ, когда я испытываю это почти мучительное ощущеніе, которое чувствуется отъ слишкомъ непосредственнаго соприкосновенія съ тѣмъ, что̀ было и что̀ никогда уже не будетъ вновь. Это продолжалось едва какую-нибудь минуту, но въ эту минуту вся прежняя жизнь монастыря возстала предо мной, воплощенная въ скромныя или величественныя грёзы тѣхъ, которые здѣсь царили и единственнымъ преемникомъ которыхъ являлся теперь старый аббатъ въ поношенномъ подрясникѣ и нечищенныхъ сапогахъ, который, первый нарушивъ молчаніе, сказалъ намъ:

— Неправда ли, что видъ этотъ великолѣпенъ? Я сорокъ лѣтъ безвыѣздно живу въ монастырѣ и онъ мнѣ нисколько не прискучилъ...

— Сорокъ лѣтъ! воскликнулъ я почти невольно.—И безвыѣздно!.. Но вѣдь ѣздили же вы куда-нибудь?

---

[1] Затѣмъ обширное глубокое безмолвіе смерти.

— Правда, я уѣзжалъ отсюда два раза, отвѣчалъ онъ, и оба раза на шесть дней... Я ѣздилъ на мою родину, въ Миланъ, когда умирала моя сестра, которая просила меня, чтобъ я причастилъ ее Св. Тайнъ. Бѣдная ангельская душа! А потомъ я ѣздилъ еще въ Римъ при врученіи кардинальской шапки моему старому наставнику кардиналу Пелоро... Да, продолжалъ онъ, уставляясь взглядомъ въ воображаемую въ пространствѣ точку,— я прибылъ сюда въ 1845 году... Какъ Монте-Кіаро былъ прекрасенъ тогда, какія здѣсь пѣлись чудныя обѣдни! Видѣвъ этотъ монастырь, какимъ я его знавалъ, и видѣть его въ его теперешнемъ состояніи, все равно, что увидѣть трупъ безъ души тамъ, гдѣ видѣлъ и юность, и жизнь... Но терпѣніе, терпѣніе!

Multa renascentur quae jam cecidere, cadentque
Quae nunc sunt in honore... [1]

— Однако, прощайте господа, я ухожу, чтобы позаботиться о вашемъ обѣдѣ... Луиджи несетъ вамъ ваши чемоданы. Съ нимъ, вы знаете, терпѣніе, терпѣніе! Надобно закрыть глаза и положиться на волю Господню!..

Преподавъ намъ этотъ совѣтъ, домъ Гриффи удалился. Не успѣлъ онъ перешагнуть за порогъ, какъ Филиппъ бросился въ одно изъ креселъ и засмѣялся своимъ вѣчно злобнымъ смѣхомъ:

— Честное слово, проговорилъ онъ,—этотъ смѣхотворный малый стóилъ того, чтобы съѣздить сюда...

— Я не знаю, чтò вы видите смѣхотворнаго въ томъ, чтò вамъ говорилъ этотъ священникъ, отвѣчалъ я,—онъ очень просто разсказалъ вамъ исторію своего монастыря, которая не можетъ не составлять для него величайшаго горя, и переноситъ онъ это горе съ надеждой истинно убѣжденнаго человѣка. Я старше васъ почти на пятнадцать лѣтъ, я странствовалъ по свѣту, какъ безъ сомнѣнія и вы будете странствовать, въ погонѣ за многими химерами и я знаю, увы! что на землѣ нѣтъ ничего разумнѣе и прекраснѣе человѣка, который трудится ради одного и того же дѣла, съ однимъ и тѣмъ же идеаломъ, въ одномъ и томъ же уголкѣ міра...

— Аминь, договорилъ мой спутникъ, смѣясь еще болѣе.—Но какъ хотите? Его чудныя обѣдни, его наставникъ кардиналъ,

[1] Многое возродится изъ того, чтò уже пало и многое падетъ изъ того, чтò теперь находится въ чести...

ангельская душа его сестры и сверхъ того еще его цитаты изъ Горація и его дѣятельность въ качествѣ метръ д'отеля!.. Вѣдь въ концѣ-то концовъ мы хорошо платимъ ему за его гостепріимство и уже, конечно, не стóитъ эта конура лиры за ночлегъ, продолжалъ онъ, увлекая меня за руку въ первую изъ двухъ спаленъ.—Но, сказалъ онъ въ заключеніе,—если это вамъ не нравится, мой любезный учитель...

Странный юноша! Вызываемое имъ во мнѣ ощущеніе я ни съ чѣмъ не могу сравнить лучше, какъ со ставнемъ, который скрипитъ по волѣ всякаго вѣтра. Казалось, что при всякомъ новомъ жизненномъ впечатлѣніи его нервы издаютъ какой-то фальшивый звукъ. Но чтò сбивало меня съ толку и чтò я, кажется, мало подчеркнулъ, такъ это умственный огонь, который просвѣчивалъ въ немъ сквозь его недовольство ребенка въ дурномъ и мало возвышенномъ настроеніи. Я позабылъ сказать, что во время нашего пути онъ поразилъ меня двумя или тремя замѣчаніями касательно геологическихъ населеній страны, по которой мы ѣхали, и вотъ, выйдя на примыкающій къ нашимъ двумъ комнатамъ балконъ и глядя на виднѣвшуюся маленькую крѣпостцу, онъ принялся говорить мнѣ о флорентинской архитектурѣ, какъ человѣкъ, который хорошо читалъ и хорошо наблюдалъ,—чтò такъ рѣдко встрѣчается одновременно!—Эти познанія, столь чуждыя тѣмъ, о которыхъ свидѣтельствовалъ его дипломъ, окончательно доказали мнѣ удивительную гибкость его ума, доказали это мнѣ, который уже убѣдился въ его огромной учености, касательно самой высокой и самой низменной современной литературы. Но этотъ умъ, повидимому, принадлежалъ ему какъ какая-нибудь драгоцѣнность, или, вѣрнѣе, какъ какая-нибудь машина. Онъ былъ внѣ его, онъ не былъ имъ самимъ. Онъ владѣлъ умомъ, но умъ не владѣлъ имъ. Умъ не служилъ ему ни къ тому, чтобы вѣрить, ни къ тому, чтобы любить. Невольно я сравнилъ его съ этимъ домомъ Гриффи, надъ которымъ онъ только-что насмѣхался. Безъ сомнѣнія, этотъ бѣдный монахъ, повидимому, не блисталъ тонкостью своего ума, но я тотчасъ же почувствовалъ, какъ правдиво, какъ искренно преданъ онъ своей задачѣ, этому надзору за своимъ дорогимъ монастыремъ до чаемаго имъ возвращенія братіи. Изъ нихъ двухъ кто юноша и кто старикъ, если юность состоитъ въ томъ, чтобъ охватить свой идеалъ въ сильномъ несокрушимомъ объятіи? Но мой юный спутникъ, весь пропитанный ироніей и преждевременнымъ отрицаніемъ, имѣлъ по крайней

мѣрѣ свое собственное мнѣніе. Если онъ и составлялъ противуположность съ бѣднымъ священникомъ, посвятившимъ себя на охраненіе опустѣлаго монастыря, то противуположность эта была откровенная, оппозиція второй половины столѣтія противъ простаго и набожнаго духа прежнихъ временъ. Не гораздо ли несчастнѣе я самъ, который провожу жизнь въ одинаковомъ пониманіи и преступной привлекательности отрицанія, и ясной прелести глубокой вѣры, не будучи въ состояніи остановиться ни на томъ, ни на другомъ изъ полюсовъ человѣческаго духа?

Эти размышленія еще болѣе овладѣли мной, когда въ сельмомъ часу я сидѣлъ за обѣдомъ, который аббатъ приказалъ приготовить намъ въ большой залѣ, прежде служившей, по его словамъ, трапезной для послушниковъ. Мѣдная лампа въ четырерожка и старинной формы, со щипцами, иглами и висѣвшими на мѣдныхъ же цѣпочкахъ гасильниками, какъ-то нѣсколько дымно освѣщала уголокъ огромнаго стола, уставленнаго графинами съ монастырскимъ гербомъ. Возлѣ каждаго изъ насъ стояло по два такіе графина, изъ которыхъ одинъ былъ съ виномъ, а другой съ водой. Эти сосуды служили мѣркой того количества жидкости, которое полагалось для утоленія жажды каждаго монаха. Для нашего десерта стояли блюда со свѣжими фигами и виноградомъ. Насъ ожидали уже наполненныя супомъ тарелки, а еще на тарелкѣ лежалъ козій сыръ. На другихъ тарелкахъ находились сырая ветчина и черствый хлѣбъ, а вареные каштаны довершали меню обѣда, скудость котораго вызвала у стараго монаха латинскую цитату такого же рода, какъ и первую. Онъ произнесъ благословеніе трапезы, садясь вмѣстѣ съ нами за столъ.

— *Castanae molles и pressi copia lactis*, проговорилъ онъ, указывая намъ на тарелки, къ которымъ относился стихъ Виргилія.

— Я этого ожидалъ, шепнулъ мнѣ Филиппъ и самымъ серьезнымъ тономъ принялся разсуждать съ нашимъ хозяиномъ о пищи древнихъ. Я не безъ основанія опасался, чтобъ эта кажущаяся любезность не послужила подготовленіемъ какой-нибудь мистификаціи.

— Но когда у васъ не бываетъ заѣзжихъ гостей, отецъ мой, то вы кушаете здѣсь совершенно одни? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ аббатъ,—въ монастырѣ есть еще двое другихъ братьевъ. Насъ оставили здѣсь семерыхъ человѣкъ. Четверо умерли съ горя тотчасъ послѣ упраздненія монастыря. Мы всѣ

переболѣли и какъ умѣли ходили другъ за другомъ... Но Господу не было угодно, чтобы мы всѣ умерли...

— А что̀ станется, когда васъ и двухъ другихъ братьевъ не станетъ? допрашивалъ его Филиппъ.

— *Con gallo e senza gallo, Dio fa giorno*, проговорилъ по-итальянски аббатъ, по челу котораго пробѣжало тотчасъ же разсѣявшееся облачко: этотъ вопросъ жестоко уязвлялъ самую чувствительную струну всего его существа.—Съ пѣтухомъ ли, безъ пѣтуха ли, Господь все-таки посылаетъ день, перевелъ онъ свою фразу.

— Но чѣмъ же вы наполняете свое время, отецъ мой? въ свою очередь спросилъ я, охваченный чувствомъ живѣйшаго любопытства при видѣ такой глубокой вѣры, что мнѣ представлялось, что предо мной находится средневѣковой человѣкъ.

— Ахъ, мнѣ рѣшительно нѣкогда заняться чѣмъ бы то ни было, отвѣчалъ домъ-Гриффи. Въ такомъ видѣ, въ какомъ вы меня видите, я принялъ въ управленіе самый монастырь и всѣ лежащія вокругъ него земли. Я употребляю пятнадцать крестьянскихъ семей для ихъ обработки. Съ самаго ранняго утра ко мнѣ въ келью является одинъ за однимъ множество народа, который не оставляетъ мнѣ ни одного часа свободнаго: то надобно сводить какіе-нибудь счеты, то выслушивать исповѣдь, то давать какое-нибудь лѣкарство... Понемножку я и врачъ, и аптекарь, и судья, и преподаватель. Да, я еще и учу дѣтей. Такъ, вотъ и Луиджи одинъ изъ моихъ воспитанниковъ. Чести онъ мнѣ не дѣлаетъ, но онъ малый добрый. Еще мнѣ приходится быть и чичероне, чтобы показывать монастырь иностранцамъ. О, ихъ бываетъ немного...

— Я встрѣтился въ Пизѣ съ двумя Англичанками, миссъ Добсонъ и миссъ Робертсъ, которыя именно были въ Монте-Кіаро, сказалъ я.

— Ахъ, мои двѣ барвены, засмѣялся онъ. Я называю ихъ такъ изъ-за ихъ рыжихъ волосъ... Онѣ протестантки, но все-таки добрыя души. *Lascia fare a Dio ch'è santo vecchio.* [1] Онѣ ѣдутъ въ Римъ. Я имъ сказалъ: Святой Петръ рыболовъ, хорошо бы ему поймать въ свои сѣти моихъ двухъ барвенъ... Англія со времени пюзизма, съ каждымъ днемъ все болѣе приближается къ Богу, продолжалъ онъ, потирая свои руки.—Вы еще молоды и можетъ-

[1] Предоставь творить Господу, это старѣйшій изъ святыхъ.

быть еще увидите это прекрасное зрѣлище: всѣхъ христіанъ подъ властью одного отца. Затѣмъ придетъ антихристъ, затѣмъ наступитъ день послѣдняго суда, а затѣмъ настанетъ вѣчный миръ...

Глаза его сіяли огнемъ вдохновенія, когда онъ произносилъ эти слова. Какой-нибудь вѣрующій тысячнаго года не могъ бы быть болѣе пламеннымъ. Мы съ Филиппомъ переглянулись между собой. Въ его взглядѣ я подмѣтилъ лукавство и съ удивленіемъ слушалъ, какъ онъ отвѣтилъ:

— И у насъ также, мой отецъ, католицизмъ дѣлаетъ большіе успѣхи. У насъ было нѣсколько весьма назидательныхъ примѣровъ святости. А именно одинъ писатель, г. Боделеръ, и нѣкоторые изъ его послѣдователей. Они до такой степени скромны, что сами называютъ себя декадентами. Они пишутъ гимны, которые затѣмъ читаютъ сообща. У нихъ есть газеты, въ которыхъ они проповѣдуютъ доброе слово и ничто не можетъ быть поучительнѣе, какъ подобная вѣра въ такое юное время...

— Вотъ чего я не зналъ, сказалъ аббатъ.—Декаденты, сказали вы?

— Да, продолжалъ Филиппъ,—тѣ, которые спускаются, которые ищутъ тѣхъ, кто внизу...

— Понимаю, замѣтилъ отецъ Гриффи,—они каятся, и они правы. У насъ есть итальянская пословица: *Non bisogna aver paura che de'snoi peccati:* ничего не слѣдуетъ бояться кромѣ своихъ преступленій.

— Любезный отецъ, сказалъ я, чтобы прекратить нелѣпую шутку моего товарища и потому что нашъ скромный ужинъ уже подходилъ къ концу,—не посмотримъ ли мы сегодня вечеромъ фрески Гоццоли, о которыхъ мнѣ говорили эти Англичанки?

— Едва ли вы будете въ состояніи судить о нихъ при свѣтѣ огня, замѣтилъ домъ-Гриффи, но затѣмъ удовольствіе показать свое открытіе одержало въ немъ верхъ:—но вы снова ихъ посмотрите еще завтра. Когда монахи вернутся сюда, о, какъ они будутъ довольны этими прекрасными картинами! Я надѣюсь ихъ окончательно отчистить въ теченіе этой зимы. Луиджи, сходи въ часовню за палкой съ восковою свѣчкой, смотри отпирай вотъ этимъ ключемъ,—и онъ вытащилъ изъ кармана огромную связку ключей.—Здѣсь приходится запирать множество дверей, продолжалъ онъ,—съ этими крестьянами, которые являются и уходятъ во всевозможные часы. Они люди честные, но не слѣдуетъ бѣдняка вводить въ искушеніе.

Луиджи скоро вернулся съ длинною тонкою палкой, къ концу которой была прикрѣплена свѣчка, очевидно служившая для зажиганія восковыхъ свѣчей. Монахъ поднялся, снова прочелъ молитву и затѣмъ съ дѣтскою веселостью взялъ лампу за ея верхнее кольцо.

— Я пойду впереди васъ, сказалъ онъ,—а такъ какъ мы сейчасъ вступимъ въ настоящій лабиринтъ, то вы можете сказать вмѣстѣ съ Дантомъ:

Per la impacciata via, retro el mio duca... [1]

— Опять Дантъ! шепнулъ мнѣ на ухо Филиппъ:—эти животныя ничего не могутъ сдѣлать, даже проглотить куска *горгонцолы,* своего подлаго зеленаго сыра, безъ того, чтобы не вспонить какого-нибудь стиха своего великаго глупца Флорентинца, который назывался Дурантомъ. Знали ли вы это? Это Валлесъ придумалъ эту прелестную шутку. Божественная комедія и вдругъ подписанная Дурантомъ! Мнѣ хочется приподнести эту штучку нашему хозяину.

— Вы нашли себѣ плохаго товарища, замѣтилъ я,—я уже говорилъ вамъ о моемъ восхищеніи этимъ великимъ поэтомъ.

— Я знаю, сказалъ онъ,—вы склонны къ идолопоклонству, набожности и жертвамъ. Я же, видите ли, принадлежу къ поколѣнію иконоборцевъ, и въ этомъ и вся разница между нашими двумя ладьями...

Пока мы вполголоса обмѣнивались этими замѣчаніями, нашъ проводникъ въ своемъ подрясникѣ, фантастически освѣщенный пламенемъ огня лампы, который, не будучи ничѣмъ защищенъ, колебался въ воздухѣ, все болѣе углублялся въ безконечные корридоры. Мы поднялись по одной лѣстницѣ, спустились по другой, обошли по сводамъ одного изъ храмовъ. Порой какая-нибудь ночная птица взлетала при нашемъ приближеніи, порой отъ насъ поспѣшно убѣгала какая-нибудь испуганная кошка. Еслибы хоть сколько-нибудь свѣтила луна, то это было бы чрезвычайно романтично при ея свѣтѣ странствовать по этому громадному монастырю. Мысленно я вызывалъ передъ собою образы монаховъ прошедшихъ вѣковъ, среди мрака проходившихъ по этимъ корридорамъ, чтобъ идти къ различнымъ ночнымъ богослуженіямъ. Самый нашъ проводникъ представлялся мнѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ, идущимъ по тѣмъ же корридорамъ въ вере-

---

[1] Въ трудномъ пути позади моего проводника. (*Regpi.* Глава XXI.)

ницѣ своихъ братьевъ, молодымъ, пламеннымъ, очарованнымъ своимъ орденомъ. Какими долженъ онъ былъ волноваться воспоминаніями теперь, когда онъ почти совсѣмъ одиноко оставался въ этомъ обширномъ опустѣломъ зданіи? А между тѣмъ нѣтъ! Нѣтъ, онъ былъ веселъ среди этого разоренія, почти радостенъ, вслѣдствіе твердости своей вѣры. Какое могущество въ этомъ столь таинственномъ явленіи, которое доставляетъ полную, всецѣлую, несокрушимую вѣру!.. Но вотъ домъ Гриффи остановился у какой-то двери. Онъ снова отыскивалъ какой-то ключъ въ связкѣ, которую держалъ въ своей свободной рукѣ. Старый замокъ заскрипѣлъ на своихъ петляхъ и мы вошли въ обширное помѣщеніе, въ которомъ дрожащій свѣтъ четырехъ ламповыхъ рожковъ слабо освѣтилъ двѣ расписанныя фресками стѣны и еще третью стѣну, которая на первый взглядъ мнѣ показалась еще покрытою бѣлою известью.

— Дитя мое, говорилъ аббатъ, обращаясь къ Луиджи,—дай-ка мнѣ свѣтильникъ, я самъ зажгу его. Ты еще закапаешь воскомъ мой подрясникъ, въ чемъ онъ нимало не нуждается.

Онъ дѣйствительно поставилъ лампу на полъ и тщательно осмотрѣлъ, крѣпко ли привязана свѣчка къ концу длинной палки. Затѣмъ, зажегши свѣтильникъ, онъ началъ водить имъ вдоль стѣны и точно по волшебству различныя части картины стараго мастера начали оживать при этомъ свѣтѣ. Старый монахъ провелъ свѣтильникомъ вдоль первой стѣны и мы увидѣли окровавленную рану Христа, руку апостола прикасающагося къ этой ранѣ, скорбное лицо Спасителя и на лицѣ Св. Ѳомы смѣшанное выраженіе угрызенія совѣсти и любопытства; а ангелы со слезами на тонкихъ лапитахъ уносили на небеса орудія страстей Господнихъ. На другой стѣнѣ мы увидали, въ одной подробности за другою, золотые шитые узоры и зеленую тунику Гондофоруса, подносимые апостолу переполненные драгоцѣнными каменьями сосуды, между тѣмъ, какъ на балконахъ павлины распускали свои блестящіе хвосты, а по вѣткамъ деревьевъ сидѣли пестрые попугаи, на которыхъ въ горахъ охотились важные господа, ведя за собою на цѣпочкахъ гепардовъ. А маленькое пламя свѣчи, подобное блуждающему огоньку, все продолжало бродить по стѣнамъ. Когда оно миновало только что вызванный изъ темноты уголокъ, онъ снова исчезалъ во мракѣ. Судить о всей совокупности этого произведенія было невозможно, но видѣнное такъ оно имѣло какую-то фантастическую прелесть чрезвычайно

соотвѣтствующую и мѣсту, и времени, тѣмъ болѣе, что домъ-Гриффи, показывая намъ эти двѣ фрески, ребячески покорялся страстному удовольствію, которое онѣ доставляли ему самому. Онъ наслаждался ихъ видомъ, какъ скупецъ, который прикасается къ алмазамъ своего клада. Развѣ это не его собственное созданіе, это драгоцѣнное сокровище, которымъ онъ обогатилъ свой дорогой монастырь? И онъ говорилъ, придавая мимикой своего выразительнаго старческаго морщинистаго лица еще большее выраженіе своимъ фразамъ:

— Видите перстъ апостола, какъ онъ колеблется, и движеніе Спасителя, и его уста... Лицо принимаетъ это выраженіе, когда чувствуется сильная боль, когда васъ трогаетъ врачъ... А ландшафтъ въ глубинѣ: узнаете ли вы Верруку и холмъ Монте-Кіаро?.. Смотрите, вотъ здѣсь направо, это ваши комнаты... А эти ангелы, какъ глаза-то у нихъ съежились!.. Они плачутъ, но они не хотятъ плакать, вотъ такъ, а носъ-то у нихъ немножко сморщился, вотъ этакъ... А темнокожій-то король?... Взгляните-ка на его серьги. Одинъ изъ нашихъ отцовъ, скончавшійся здѣсь послѣ упраздненія монастыря, да упокоитъ Господь его душу!—производилъ роскопки близь одного изъ нашихъ монастырей въ Вольтеррѣ. Онъ нашелъ этрусскую могилу и точь-въ-точь такія же серьги рядомъ съ головой скелета... Я ихъ сохранилъ и покажу вамъ ихъ... А вотъ это?..

Въ эту минуту онъ обернулся и направилъ свѣтъ вправо на ту стѣну, которая сперва показалась мнѣ совершенно бѣлою. Волшебный огонь освѣтилъ на этой бѣлизнѣ мѣстечко, величиной съ половину ладони. Случай захотѣлъ, чтобы производя опытъ очистки, онъ сразу напалъ на часть лица Мадонны: открылись линіи подбородка, ротъ, носъ и глаза. Эта улыбка и этотъ взглядъ Пресвятой Дѣвы, такимъ образомъ обнаруженные на этой обширной покрытой известью стѣнѣ, поражали какъ какое-нибудь сверхъестественное явленіе. Пламя свѣчи, прикрѣпленной къ длинной палкѣ, которую держали старческія руки, нѣсколько трепетало, и казалось, что уста Мадонны шевелятся, что щеки ея двигаются отъ дыханія, что глаза у нея смотрятъ. Можно было подумать, что тутъ находится настоящая женщина, которая вотъ, вотъ сейчасъ стряхнетъ съ себя известковый саванъ и явится предъ нами во всей свободной прелести своей юности. Аббатъ теперь безмолвствовалъ, но лицо его выражало такой глубокій набожный восторгъ, что я понялъ почему онъ не

спѣшилъ открыть отъ штукатурки всей остальной фрески. Его чутье простодушнаго художника и пламенность его вѣры заставляли его чувствовать поэзію божественной этой улыбки и этихъ божественныхъ очей, какъ-будто заключенныхъ въ эти грубыя оковы. Мы молчали. Филиппъ былъ побѣжденъ силой впечатлѣнія, и я слышалъ какъ онъ шепталъ:

— Да, это точно Эдгаръ Поэ, точно Шелли...

Почтенный аббатъ, которому безо всякаго сомнѣнія не были извѣстны имена этихъ обоихъ писателей, простодушно отвѣчалъ, разумѣется не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ выражаетъ слишкомъ справедливую критику относительно фразы и ощущенія моего юнаго сосѣда:

— Да нѣтъ же, это работа Гоццоли... Я вамъ покажу доказательство этого въ Вазари; а знаете ли вы, что̀ скрывается за этою штукатуркой? Разумѣется чудо пояса.

— Какое чудо? спросилъ я.

— Какъ? проговорилъ онъ съ видимымъ удивленіемъ,—развѣ вы не видали въ Пистуаскомъ соборѣ поясъ Пресвятой Дѣвы, который она бросила Св. Ѳомѣ по своемъ взятіи на небо?.. Его не было, когда Она возносилась на небо въ присутствіи прочихъ апостоловъ. Онъ вернулся только черезъ три дня и, такъ какъ онъ сомнѣвался въ томъ, чего онъ не видѣлъ, то Мадонна имѣла милость бросить предъ нимъ этотъ поясъ, чтобъ онъ никогда болѣе не сомнѣвался.

Онъ разсказывалъ намъ эту легенду, доказывающую, между прочимъ, что старая христіанская религія предусмотрѣла даже аналистовъ и возможность ихъ спасенія, и въ то же время, потушивъ свою восковую свѣчку, онъ передалъ ее Луиджи и снова заперъ дверь. Простота убѣжденія, съ которою онъ говорилъ объ этомъ чудѣ, окончательно доказала мнѣ, что онъ живетъ въ сверхъестественномъ подобно тому, какъ мы, дѣти нашего вѣка, живемъ въ тревогѣ и насмѣшливости. Я не могъ удержаться отъ того, чтобы не сравнить его въ своемъ воображеніи съ маленькимъ кусочкомъ фрески, который онъ намъ показывалъ на третьей стѣнѣ. Этого маленькаго писаннаго уголка было достаточно для оживленія обширнаго пространства штукатурки и одного дома-Габріеля было достаточно для оживленія своимъ присутствіемъ этого обширнаго опустѣлаго монастыря. Дѣйствительно, онъ былъ душой этого монастыря, я это теперь сознавалъ, и *душой*, которая въ точномъ смыслѣ этого слова представляла собою всѣ

души его отсутствующихъ братьевъ. Однажды въ дѣтствѣ я видѣлъ офицера Великой Арміи, какъ онъ проходилъ по одному изъ тротуаровъ города, въ которомъ я росъ. Этотъ почтенный старецъ волочилъ ногу, потому что былъ раненъ подъ Лейпцигомъ; онъ былъ бѣденъ и его розетка красовалась на весьма изрядно поношенномъ платьѣ. А между тѣмъ онъ былъ для меня всею эпопеей Имперіи, потому что я зналъ, что самъ императоръ собственноручно вручилъ ему его орденъ! Аналогичное этому чувство испытывалъ я теперь, слѣдуя за домомъ-Гриффи. Весь свой орденъ онъ заключалъ въ складкахъ своего стараго подрясника, который такъ плохо чистилъ Луиджи. Таково величіе, доставляемое намъ полнымъ отреченіемъ отъ своей личности въ пользу какого-нибудь великаго и очень высокаго дѣла. Мы отрекаемся отъ самихъ себя и одновременно мы выростаемъ въ силу закона, котораго страннымъ образомъ не сознаетъ увлеченное грубымъ индивидуализмомъ современное общество. Человѣкъ пріобрѣтаетъ значеніе, лишь жертвуя собою какой-нибудь идеѣ, а что̀ такое армія, что̀ такое монашескій орденъ, какъ не организованная идея, воплотившая въ себѣ цѣлыя тысячи существованій! Каждое изъ этихъ существованій въ свою очередь участвуетъ въ соединенныхъ силахъ всѣхъ прочихъ существованій. Что̀ бы такое былъ домъ-Гриффи безъ своего монастыря? Безъ сомнѣнія какимъ-нибудь антикваріемъ съ узкимъ умомъ, который занимался бы составленіемъ каталоговъ въ какомъ-нибудь музеѣ, потому что послѣ того, какъ возбужденіе успокоилось и пока мы шли къ нашимъ комнатамъ, онъ велъ съ нами разговоръ собирателя древностей, забывающаго о сущности произведенія искусства, чтобы толковать только объ окружающихъ его предметахъ, о сходныхъ съ нимъ предметахъ и объ его подлинности.

— Поясъ Мадонны, говорилъ онъ,—часто служилъ сюжетомъ для художественныхъ произведеній. Вы найдете въ Флорентійской академіи прелестный барельефъ Луки делла Роббіа, на которомъ Мадонна, окруженная ангелами, вручаетъ этотъ поясъ апостолу... Франческо Граначчи два раза бралъ тотъ же мотивъ, а затѣмъ еще Фрэ Паолино Пистуаскій, Тадео Гадди, Джіованни Антоніо Соліани, Бастіано Маннарди, этотъ послѣдній въ Санто-Кроче... Мои барвены уже прислали мнѣ фотографіи всѣхъ этихъ картинъ. Судя только по одной головѣ Пресвятой Дѣвы я вполнѣ увѣренъ, что наша картина Беноццо будетъ лучшею изо всѣхъ нихъ... Но не хотите ли войти ко мнѣ

въ келью? я покажу вамъ серьги и маленькую коллекцію дома Піо Скедопе...

Мы приняли приглашеніе. Филиппъ Дюбуа, можетъ-быть, движимый интересомъ къ археологіи, который таился въ немъ подъ оболочкой будущаго писателя, я же, движимый любопытствомъ взглянуть на предметы, среди которыхъ живетъ нашъ гостепріимный хозяинъ. Первая комната, въ которую онъ ввелъ насъ, своимъ безпорядкомъ свидѣтельствовала о неспособности смѣшнаго слуги, отвѣчавшаго на имя Луиджи. Здѣсь лежали груды книгъ, толщина и переплетъ которыхъ указывали на то, что это творенія Отцовъ Церкви. Рядомъ съ ними лежали клещи, молотки и ящикъ, наполненный винтиками, гвоздями и всякими гайками, свидѣтельствовавшими о томъ, что въ случаѣ надобности домъ Гриффи умѣлъ обходиться безъ работниковъ для починки какой-нибудь мебели или какого-нибудь замка. Въ стоявшей здѣсь тарелкѣ сохли лимоны. Бутылки въ почернѣвшихъ и запачканныхъ плетенкахъ по всей вѣроятности содержали образцы послѣдняго урожая въ маслахъ и винахъ. Темная глиняная ваза, которую тосканскія женщины называютъ *scaldino* и которую онѣ наполняютъ горячими угольями, чтобы держась за ея ручки грѣть себѣ руки, составляла единственный комфортъ этого кабинета, въ которомъ лѣниво дремала очень черная кошка. Безъ сомнѣнія, какая-нибудь благодарная англійская путешественница прислала бѣдному монаху маленькій чайный котелокъ для завариванія чая, и онъ былъ единственнымъ изящнымъ предметомъ въ этомъ сельскомъ обиталищѣ. Но Луиджи усердно остерегался отъ того, чтобы чистить этотъ котелокъ и онъ начиналъ сильно чернѣть, стоя на своей этажеркѣ. Большое стоячее Распятіе возвышалось во главѣ стола, на которомъ лежало множество листовъ бумаги, исписанныхъ крупнымъ и твердымъ почеркомъ.

— Это проповѣди моего наставника, обязанность переписать которыя я принялъ на себя, сказалъ домъ Габріель.—Добрый кардиналъ ослѣпъ, а между тѣмъ онъ желалъ бы, чтобы печатаніе его творенія было окончено до его смерти... Ему уже восемьдесятъ семь лѣтъ... Ахъ, рука у него очень неразборчива, и къ тому же у меня такъ мало времени... Къ счастью я сплю всего четыре часа въ сутки. Постой-ка, Неро, оставь этотъ стулъ, оставь этотъ стулъ, моя кисынька, мой мурзикъ!..

Онъ говорилъ со своею кошкой, какъ Пасквале говорилъ со своею кобылой. И Неро, какъ будто понимая слова, спрыгнулъ

со стула и устремился на рукописные листы, заключавшіе въ себѣ проповѣди стараго славнаго кардинала.

— Садитесь вотъ сюда, обратился онъ ко мнѣ,—и вы также синьоръ Филиппо...

Онъ спросилъ у насъ наши имена при самомъ началѣ обѣда и съ тѣхъ поръ, съ любезною фамильярностью своей страны, ужь не называлъ насъ иначе какъ просто по имени.

— Да гдѣ же эта проклятая шкатулка? продолжалъ онъ.— Ахъ, вотъ подъ этимъ твореніемъ Святыхъ Отцовъ, гдѣ я намедни отыскивалъ выдержку въ трактатѣ Святаго Иренея противъ гностиковъ... Дѣло касалось Базилидійцевъ, которые стремились уклоняться отъ мученичества подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ не слѣдуетъ предавать наши идеи всеобщей гласности. О, гордость, гордость! Вы найдете ее въ основаніи всякихъ ересей, всякихъ софизмовъ. А вѣрить такъ хорошо и особенно такъ просто!.. Но, смотрите, вотъ шкатулка. Она не заперта... Я ничего здѣсь не запираю, потому что здѣсь все принадлежитъ мнѣ, а не монастырю. Да гдѣ же эти кольца?

И во время этого разговора онъ дѣйствительно освободилъ изъ-подъ книгъ обтянутую кожей шкатулку, замокъ которой долженъ былъ быть настолько сложнаго устройства, что разъ испорченный онъ уже не могъ быть исправленъ. Послѣ того, какъ крышка была открыта, мы увидали въ шкатулкѣ множество мелкихъ, завернутыхъ въ бумажки предметовъ съ надписью на каждой бумажкѣ. Круглая форма большинства этихъ мелкихъ сверточковъ довольно ясно указывала на то, что коллекція покойнаго дома Піо Скедони преимущественно состояла изъ медалей. Я съ удивленіемъ увидалъ, что работа этрусскихъ серегъ чрезвычайно тонкая. Я взялъ на удачу одинъ изъ бѣленькихъ сверточковъ и прочелъ: *Julius Caesarius aureus.* Разсматривая золотую монету, я пришелъ къ тому заключенію, что она несомнѣнно подлинная. Я подалъ ее Филиппу, который, обративъ мое вниманіе на голову Марка Антонія на обратной сторонѣ, сказалъ:

— Это великолѣпная и весьма рѣдкая монета...

Я взялъ другую, третью монету и съ еще бо́льшимъ удивленіемъ нашелъ монету Брута, цѣна которой, благодаря случайности, была мнѣ извѣстна. И вотъ какимъ образомъ. Въ прошломъ году, когда я обдумывалъ мои подарки на новый годъ, мнѣ пришла въ голову мысль поднести нѣсколькимъ дамамъ, у которыхъ мнѣ случалось обѣдать, маленькія медальки, которыя можно

было бы пристегивать, какъ подвѣску, къ браслету. И вотъ ради сей цѣли мой близкій пріятель и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ нумизматиковъ Густавъ С. согласился отправиться со мной къ одному спеціальному торговцу. Мнѣ тамъ чрезвычайно понравилась золотая монета съ изображеніемъ съ одной стороны головы Брута Младшаго, а съ другой—Брута Старшаго. Мой пріятель С. не могъ не улыбнуться моему невѣжеству, когда на мои слова „я возьму вотъ эту медаль", антикварій мнѣ отвѣчалъ: „для васъ, сударь, ради нихъ, я уступлю ее за тысячу триста франковъ". И точно такая же медаль, цѣнимая такъ высоко, находилась въ числѣ прочихъ шестидесяти монетъ въ шкатулкѣ дома Піо. Я не могъ удержаться отъ восклицанія и показалъ эту монету Филиппу, разсказавъ ему то, что̀ мнѣ было извѣстно объ ея цѣнѣ.

— Я такъ и подумалъ бы, отвѣчалъ онъ,—потому что я нѣсколько занимался нумизматикой; и замѣтьте, что монета эта прекрасно сохранилась...

— Да у васъ тутъ цѣлый кладъ, отецъ мой, обратился я къ дому Гриффи, который слушалъ меня съ такимъ видомъ, какъ будто онъ не совсѣмъ серьезно принимаетъ мои слова, но я настаивалъ на своемъ и объяснилъ ему основанія, въ силу которыхъ я считалъ возможнымъ высоко цѣнить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ его монетъ и въ доказательство моего мнѣнія приводилъ ему также и компетентность въ данномъ отношеніи моего спутника.

— То же самое говорилъ мнѣ и домъ Піо, проговорилъ аббатъ, понемногу измѣняя выраженіе своего лица.—Онъ собралъ эти монеты въ различныхъ мѣстахъ во время своихъ раскопокъ... Когда бѣдный Піо скончался, у насъ были самыя тяжкія времена, насъ поразилъ тогда ударъ, и у меня было столько разнаго дѣла, что я не успѣлъ показать этой коллекціи профессору Маркетти, котораго вы, вѣроятно, видѣли въ Пизѣ. Я совсѣмъ позабылъ о монетахъ и, не будь царя Гондофоруса, я даже и не подумалъ бы о томъ, чтобы взглянуть на нихъ... Только намедни, разбирая книги, вспомнилъ я о томъ, что видѣлъ въ рукахъ дома Піо пару довольно странныхъ серегъ. Я порылся въ шкатулкѣ, разыскалъ ихъ и заговорилъ о нихъ съ вами. Честное слово, прибавилъ онъ, радостно потирая руки,—я очень желалъ бы, чтобы вы были правы. Близь башни есть терраса, которая грозитъ вовсе разрушиться, а правительство мнѣ отказываетъ

въ деньгахъ, между тѣмъ на всю поправку было бы достаточно четырехъ тысяхъ франковъ; но четыре тысячи франковъ!..

И онъ недовѣрчиво покачалъ головой, указывая на шкатулку съ монетами.

— Боже мой! воскликнулъ я,—на вашемъ мѣстѣ я въ самомъ дѣлѣ посовѣтовался бы съ тѣмъ профессоромъ, о которомъ вы говорите, отецъ мой, потому что я вижу здѣсь еще и монету временъ Домиціана съ изображеніемъ храма на обратной сторонѣ, и мнѣ кажется, что такую монету я видѣлъ въ числѣ рѣдкихъ монетъ.

— Самыхъ рѣдкихъ! перебилъ меня Филиппъ, разсматривая монету.—А вотъ еще монеты Юліана, Клары... Это великолѣпные образцы. Весьма вѣроятно, что какой-нибудь крестьянинъ просто нашелъ возлѣ Вольтерры казну какого-нибудь потерпѣвшаго пораженіе римскаго легіона и затѣмъ цѣликомъ продалъ ее дому Піо...

— Если это правда, снова потирая руки сказалъ аббатъ,— то это еще разъ доказываетъ, что мой милый кардиналъ правъ, постоянно повторяя: *Dio non manda mai bocca, che non mandi cibo.* [1] Я такъ молился объ этой террасѣ! Больные братья всегда выходили на нее погрѣться на солнышкѣ, когда они начинали поправляться послѣ какой-нибудь болѣзни. Итакъ, я напишу господину Маркетти приглашеніе пріѣхать посѣтить меня, какъ только это будетъ ему возможно. О, онъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей и ему очень нравится въ Монте-Кіаро!.. Завтра за обѣдней я вознесу благодареніе Господу и помолюсь также и за васъ... Надобно будетъ сказать Луиджи, чтобъ онъ все приготовилъ для обѣдни къ шести часамъ, въ семь часовъ у меня уже назначены свиданія...

— Знаете ли, сказалъ я спустя нѣкоторое время Филиппу,— пожелавъ ему покойной ночи,—что становится понятнымъ съ какою легкостью извѣстныя обстоятельства представляются совершающимися по волѣ Провидѣнія, когда видишь случайности, подобныя сегодняшней... Этотъ бѣдный монахъ нуждается въ деньгахъ для своего монастыря... Онъ изо всѣхъ силъ молится Богу, и вдругъ два совершенно постороннія лица открываютъ ему, что эти деньги находятся у него подъ руками...

— Это глупая игра случая, замѣтилъ Филиппъ, пожимая

---

[1] Господь никогда не посылаетъ рта, не посылая также и пищи.

плечами.—Приходилось ли вамъ когда-нибудь слышать, чтобы талантливый молодой человѣкъ, нуждающійся въ небольшомъ количествѣ денегъ, чтобы быть въ состояніи проявить свой талантъ, вдругъ нашелъ бы требуемую для него сумму денегъ? Чтобы великій писатель выигралъ въ лотереѣ хоть одинъ сантимъ? А я знавалъ въ своей провинціи богатыхъ и глупыхъ буржуа, облигаціи которыхъ города Парижа попадали въ тиражъ и приносили имъ двѣсти тысячъ франковъ. Одинъ изъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ такую облигацію. Къ счастью я ее продалъ. Въ теченіе десяти лѣтъ она ни разу не попала въ тиражъ. Она не принесла мнѣ даже ни одного самаго мелкаго выигрыша, ни въ шесть тысячъ, ни въ двѣ тысячи, ни даже въ тысячу франковъ. А вотъ этотъ монахъ получитъ эти шесть тысячъ франковъ и можетъ-быть еще больше того и употребитъ ихъ на что же? на поправку террасы для монаховъ, которыхъ никогда не будетъ въ монастырѣ... Шанфоръ говорилъ, что міръ есть твореніе діавола, сошедшаго съ ума, ему бы слѣдовало сказать, діавола, сдѣлавшагося проказникомъ!

— А пока, проговорилъ я съ притворною сварливостью и какъ будто я обращался къ маленькому больному мальчику, чтобы не сердиться на то, что въ сущности являлось вполнѣ понятною жалобой, — ступайте-ка спать и не мѣшайте мнѣ сдѣлать то же.

Но такъ какъ поднялся унылый осенній вѣтеръ, печально и жалобно завывавшій вокругъ монастыря, я испытывалъ нѣкоторое затрудненіе въ исполненіи этого намѣренія и долго не могъ заснуть въ этой нѣсколько жестковатой постели прежнихъ аббатовъ-генераловъ. Я слышалъ, какъ Филиппъ Дюбуа шагалъ вдоль и поперекъ своей комнаты. Я спрашивалъ себя о томъ, не былъ ли и онъ, не взирая на свою слишкомъ утрированную, чтобы не сказать дѣланную, иронію, точно также потрясенъ прекраснымъ зрѣлищемъ такой покорной, такой набожной жизни, которое весь вечеръ являлъ намъ собою домъ Габріель Гриффи. Мнѣ вспоминались выраженія священника о провиденціальномъ характерѣ извѣстныхъ встрѣчъ. Возможно ли глубоко и искренно размышлять о своей собственной судьбѣ и о судьбѣ своихъ ближнихъ, не испытывая сознанія, что дѣйствительно надо всѣми нами паритъ духъ, который насъ ведетъ порой весьма окольными путями къ цѣлямъ, которыхъ мы не понимаемъ? Но особенно въ наказаніи нашихъ ошибокъ проявляетъ этотъ таинственный духъ свое присутствіе, признаваемое моралистами всѣхъ

временъ, начиная съ греческихъ поэтовъ, поклонявшихся мрачному всемірному правосудію *Немезидѣ*, и кончая Шекспиромъ и Бальзакомъ, величайшими представителями современнаго искусства. Не преобладаетъ ли въ ихъ твореніяхъ провидѣніе великаго конечнаго правосудія, обнимающаго человѣческое существованіе? Затѣмъ по какой-то жалкой привычкѣ обсужденія за и противъ я самъ возражалъ себѣ, что, какъ бы ни думалъ домъ Гриффи, невозможно съ такою простотой освобождаться отъ предразсудковъ. Я думалъ о томъ иномъ законѣ уничтоженія, требующаго, чтобъ умирали прекраснѣйшія изъ человѣческихъ дѣлъ, начиная съ моральнаго существа, какъ монастырь, и кончая шедеврами искусства. Фрески Беноццо только что были найдены черезъ промежутокъ въ четыреста лѣтъ, чтобы затѣмъ снова исчезнуть черезъ нѣсколько столѣтій, уничтоженныя необѣдимою работой времени. Да, все умираетъ, и все снова возникаетъ... Домъ Габріель Гриффи сейчасъ говорилъ о Базилидіанцахъ, объ ихъ ничтожныхъ теоріяхъ и о гордости, составляющей основаніе всякихъ ересей. Я вспомнилъ объ удивительной аналогіи, поразившей меня, когда я занимался ученіями Александріи, между этими парадоксами и нашими теперешними нравственными болѣзнями. Не служилъ ли тому доказательствомъ мой юный товарищъ, онъ, который по поводу отношеній между писателями и публикой говорилъ мнѣ тотъ же, драгоцѣнный для гностиковъ софизмъ? И я слышалъ, какъ онъ все продолжалъ ходить,—мучимый какимъ волненіемъ?—пока, наконецъ, среди всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ разсужденій я не кончилъ тѣмъ, что заснулъ. А когда я проснулся, то увидалъ въ ногахъ моей постели невиннаго Луиджи, стоявшаго съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ былъ приготовленъ кофе, и почти въ ту же минуту въ комнату ко мнѣ вошелъ и самъ монахъ.

— А, браво! сказалъ онъ мнѣ со своимъ добродушнымъ смѣхомъ.—Вы могли хорошо отдохнуть и заставили солгать пословицу: *Chi dorme non piglia pesci* [1]. Потому что одинъ крестьянинъ принесъ вамъ для вашего завтрака совершенно свѣжихъ форелей... Что же до синьора Филиппо, то онъ уже гуляетъ въ горахъ. Когда я въ половинѣ седьмаго возвращался отъ обѣдни, то видѣлъ какъ онъ, съ легкостью кошки, карабкался на гору въ сторонѣ деревни... Когда вы встанете. мы пойдемъ съ вами

[1] Кто спитъ, тотъ не ловитъ рыбы.

снова взглянуть на фрески Бенноццо при полномъ дневномъ освѣщеніи... Къ тому времени вѣроятно и синьоръ Филиппо вернется... Вы увидите также и монастырскую библіотеку... Ахъ, еслибы вы знали, что это была за богатая библіотека до перваго упраздненія монастыря при Наполеонѣ I... Но терпѣніе, тѣмъ болѣе, что теперь мы снова будемъ имѣть нашу террасу. *Multa renascentur*...

Часъ спустя я уже совсѣмъ былъ готовъ и, не особенно морщась, уже успѣлъ напиться поданнаго мнѣ Луиджи почти цѣльнаго цикорнаго кофе. Мы съ почтеннымъ аббатомъ снова посѣтили индійскаго царя Гондофоруса и снова восторгались улыбкой Пресвятой Дѣвы. Домъ Гриффи мнѣ показалъ трапезныя, и малую, и большую, библіотеки, часовни, сажалку для рыбы, цистерны, узенькій садикъ, гдѣ онъ ухаживалъ за крошечными кипарисами, прежде чѣмъ сажать ихъ. Филиппъ все еще отсутствовалъ. Заблудился ли онъ, или же испытывалъ къ бесѣдѣ и обществу аббата одну изъ тѣхъ антипатій, которымъ часто поддаются подобно ему нервные люди? Признаюсь, я совершенно равнодушно ставилъ бы себѣ эти вопросы, до такой степени раздражало меня его постоянное зубоскальство, еслибы около одиннадцати часовъ, по нашемъ возвращеніи послѣ осмотра монастыря, я не былъ бы буквально пораженъ ужасомъ отъ одного совершенно неожиданно открытаго мною безъ малѣйшаго предчувствія факта. Домъ Гриффи извинился предо мной, сказавъ что ему необходимо оставить меня до завтрака одного. Книгъ со мною не было. Писать мнѣ тоже противъ обыкновенія было нечего. „Не посмотрѣть ли мнѣ еще разъ вчерашнія медали?“ подумалъ я и попросилъ у аббата его шкатулку, которую онъ и принесъ ко мнѣ самъ. Мирно расположившись у себя въ комнатѣ я развертываю одну бумажку за другою, любуясь то профилемъ увѣнчаннаго лаврами императора, то изображеніемъ побѣды. Не знаю, почему мнѣ вдругъ хочется снова взглянуть на монету Цезаря съ головой Антонія. Я стараюсь разыскать эту монету среди прочихъ. Не нахожу. Перебираю всѣ медали одну за другою, но ни на одной изъ бумажекъ не встрѣчаю имени диктатора. „Мы вѣрно ихъ плохо уложили“, думаю я и терпѣливо развертываю каждую бумажку. Медали Цезаря нѣтъ, нѣтъ также и медали съ изображеніемъ Брута. Мнѣ кажется, никогда въ жизни не испытывалъ я такой мучительной тревоги, которою у меня сжалось сердце, когда я убѣдился въ отсутствіи двухъ

монетъ, по меньшей мѣрѣ стоившихъ двѣ тысячи франковъ и находившихся тутъ еще вчера вечеромъ. Я ихъ держалъ въ своихъ рукахъ. Какъ подъ микроскопомъ я разсматривалъ всѣ подробности. Я самъ опредѣлилъ аббату ихъ приблизительную цѣну, и вдругъ онѣ исчезли. У меня оставалась надежда на то, что онъ отложилъ ихъ въ сторону, чтобы немедленно послать ихъ въ Пизу, дабы поскорѣе убѣдиться въ ихъ подлинности, и, рискуя обезпокоить дома Гриффи, я побѣжалъ къ нему въ келью. Для меня было невозможно тотчасъ же не провѣрить это предположеніе. Аббатъ былъ вѣроятно занятъ полученіемъ какого-нибудь долга съ высокаго рыжаго крестьянина, потому что тотъ держалъ въ рукахъ кожаный бумажникъ, изъ котораго своими мозолистыми пальцами и съ выраженіемъ самаго комическаго сожаленія онъ вытаскивалъ пятифранковые и десятифранковые билеты. По моему лицу домъ Гриффи догадался, что я пришелъ къ нему съ какимъ-нибудь важнымъ извѣстіемъ.

— Ужь не захворалъ ли вашъ другъ? спросилъ онъ меня съ живостью.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.—Но мнѣ было бы желательно предложить вамъ одинъ вопросъ, отецъ мой. Не вынули ли вы изъ шкатулки дома Піо нѣкоторыхъ золотыхъ монетъ, которыя были у насъ въ рукахъ вчера вечеромъ?

— Рѣшительно ни одной, простодушно отвѣтилъ онъ,—шкатулка оставалась тутъ въ томъ видѣ какъ мы ее оставили.

— О, Боже мой! въ ужасѣ воскликнулъ я.—Дѣло въ томъ, что въ ней не хватаетъ по меньшей мѣрѣ двухъ монетъ, и самыхъ важныхъ, Цезаря и Брута...

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ почувствовалъ все ихъ ужасное значеніе. До нашего прибытія сюда, никто не подозрѣвалъ какую денежную стоимость представляла собою коллекція дома Піо. Эти монеты съ изображеніемъ Цезаря и Брута были именно изъ числа тѣхъ монетъ, на которыя мы всего больше обратили вниманіе. Онѣ были украдены. Ужь разумѣется не Луиджи могъ ихъ выбрать изо всѣхъ прочихъ монетъ, а также и никто изъ крестьянъ, подобныхъ тому олуху, который въ настоящую минуту снова пересчитывалъ своимъ мозолистымъ пальцемъ свои мелкіе банковые билеты. Съ другой стороны, подозрѣніе и на меня не могло падать. Я былъ въ постелѣ въ то время, какъ аббатъ служилъ обѣдню и когда его комната оставалась пустою. А послѣ того мы съ нимъ не разставались. Какъ молнія

блеснула предо мною ужасная очевидность и я невольно проговорилъ вслухъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть...

Мнѣ представился явившійся Филиппу тотчасъ послѣ нашего вчерашняго разговора соблазнъ въ близости этого маленькаго клада. Шумъ его шаговъ среди глубокой ночи пришелъ мнѣ на память и объяснялся самымъ ужаснымъ образомъ. Во время нашего пути онъ такъ много говорилъ мнѣ о необходимости для него имѣть небольшую сумму денегъ, которая бы помогла ему въ Парижѣ для его выступленія на литературномъ поприщѣ. И сумма эта давалась ему теперь въ руки. Онъ боролся, боролся съ собою... и затѣмъ уступилъ искушенію. Онъ совершилъ эту легкую и вдвойнѣ низкую кражу, такъ какъ бѣдный старый монахъ былъ нашимъ хозяиномъ. Для него было достаточно встать нѣсколько раньше назначеннаго для обѣдни часа. Онъ вышелъ изъ своей комнаты и украдкой пробрался въ келью аббата. Онъ взялъ двѣ медали, которыя, какъ онъ зналъ, были самыми драгоцѣнными, захватилъ вѣроятно и еще нѣсколько другихъ. Затѣмъ онъ отправился гулять для доставленія предлога своего ранняго исчезновенія, а также и для успокоенія волненія, которое должно было овладѣть имъ. Между самыми смѣлыми парадоксами умственной безнравственности и подобнымъ этому постыднымъ поступкомъ существуетъ цѣлая пропасть. Эта подавляющая вѣроятность до такой степени взволновала меня, что я почувствовалъ, какъ у меня подгибаются ноги и невольно опустился на первый попавшійся стулъ, между тѣмъ, какъ домъ Гриффи со своею обычною кротостью говорилъ крестьянину:

— Ступай и подожди въ корридорѣ, Пеппе. Я позову тебя.

Затѣмъ, когда мы остались одни:

— Не волнуйтесь, дитя мое, обратился онъ ко мнѣ голосомъ, котораго я еще не слыхалъ у него, уже не голосомъ дружелюбнаго хозяина, но голосомъ священника.—Посмотрите-ка на меня хорошенько, продолжалъ онъ, завладѣвая моими руками.—Вы чувствуете, что я знаю, что это не вы, не правда ли? Не говорите мнѣ ничего, ничего мнѣ не объясняйте, а дайте мнѣ только одно обѣщаніе...

— Заставить этого несчастнаго возвратить вамъ эти монеты... О, отецъ мой, я или собственными руками вырву ихъ у него, или же выдамъ его жандармамъ...

— Вы меня не поняли, проговорилъ онъ, покачавъ головой,—

напротивъ того, я желаю, чтобы вы честнымъ словомъ обѣщали мнѣ не произносить ни одного слова, могущаго позволить заподозрить, что вы открыли исчезновеніе этихъ медалей... Ни одного единаго слова, слышите ли, ни одного движенія... Я въ правѣ требовать отъ васъ этого, не правда ли?

— Я не понимаю... прервалъ я его.

— *Pazienza*, проговорилъ онъ, употребляя свое любимое выраженіе:—только обѣщайте мнѣ это и дайте мнѣ окончить дѣло съ этимъ ужаснымъ Пеппе... Ахъ, эти люди уморятъ меня до того времени, когда я здѣсь снова увижу братію... Они торгуются изъ-за каждыхъ пяти франковъ за аренду своихъ фермъ; но какъ вы знаете, слѣдуетъ закрыть глаза и положиться на волю Божію... Я имѣю ваше обѣщаніе?

— Да, отвѣчалъ я, уступая какой-то властности, которая въ эту минуту исходила изо всей его личности.

— И не принесете ли вы мнѣ теперь же шкатулки?..

— Иду за нею, отецъ мой...

Не взирая на данное слово мнѣ было безконечно трудно сдерживаться когда, полчаса спустя послѣ этого разговора, я снова очутился съ Филиппомъ Дюбуа, который наконецъ вернулся со своей прогулки. Къ его чести я долженъ сознаться, что въ данную минуту лицо его выражало внутреннюю тревогу, которая окончательно бы убѣдила меня, еслибъ у меня еще оставалось какое-нибудь сомнѣніе касательно его виновности. А между тѣмъ онъ долженъ былъ бы думать, что тайна его обезпечена, такъ какъ мое вторичное осматриваніе шкатулки являлось весьма удивительною случайностью, а за исключеніемъ меня кто же могъ бы констатировать исчезновеніе похищенныхъ медалей? Мы слишкомъ скоро называли ихъ, чтобы домъ-Гриффи могъ запомнить ихъ названія. И не опасеніе открытія кражи вызывало выраженіе мрачной тревоги на этомъ умномъ челѣ и въ этихъ столь живыхъ еще вчера глазахъ. Я угадывалъ, что его просто терзали стыдъ и угрызенія совѣсти. Онъ былъ еще такъ юнъ, не взирая на свою личину циничности, такъ еще близокъ къ своему теплому семейному очагу, не взирая на свое умственное растлѣніе, такъ еще пропитанъ провинціальною честностью! Онъ вѣроятно замѣтилъ печальное выраженіе моего взгляда, но, если и приписалъ его сперва его истинной причинѣ, то хранимое мною согласно моему обѣщанію молчаніе должно было его успокоить.

— Я сдѣлалъ превосходную прогулку, сказалъ онъ, хотя я и

не спрашивалъ его о подробностяхъ его утренняго препровожденія времени.—Но только я заблудился и возвращаюсь слишкомъ поздно для того, чтобъ осмотрѣть монастырь... Я не сожалѣю объ этомъ, потому что мнѣ было бы жаль испортить вчерашнее впечатлѣніе видомъ тѣхъ же фресокъ при дневномъ освѣщеніи. Въ которомъ часу мы ѣдемъ?

— Около половины третьяго, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ онъ,—если вы позволите, то я пойду затянуть мой чемоданъ.

И подъ этимъ предлогомъ онъ прошелъ къ себѣ въ комнату. И снова я услыхалъ, что онъ ходитъ взадъ и впередъ, какъ и ночью. Мое присутствіе, не взирая ни на что, было ему невыносимо. Что же будетъ, когда онъ снова встрѣтится съ аббатомъ?.. Съ тревогой, доходившею до боли, я страшился той минуты, когда снова всѣ трое, сидя за старымъ столомъ послушниковъ, мы будемъ принуждены разговаривать между собою, зная, священникъ и я, то, что мы знали, а онъ съ такимъ бременемъ на душѣ. Къ этой тревогѣ присоединялось у меня какое-то любопытство. Требуя моего полнаго молчанія по отношенію къ Филиппу, домъ-Гриффи безъ сомнѣнія имѣлъ свой планъ. Можетъ-быть онъ попробуетъ, не особенно унижая его, съ глазу на глазъ исповѣдывать молодаго человѣка? Или же, по небесной добротѣ, свѣтившейся въ его глазахъ истинно вѣрующаго человѣка, онъ рѣшился безмолвно простить, разсчитывая на то, что остатковъ сокровища дома-Піо хватитъ на поправку знаменитой террасы? Но вотъ наступилъ часъ завтрака, всѣ часы наступаютъ въ свое время, и домъ-Гриффи пришелъ звать насъ своимъ обычнымъ веселымъ и сердечнымъ тономъ:

— Ну, синьоръ Филиппо, сказалъ онъ,—я думаю вы проголодались во время вашей прогулки?..

— Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ Филиппъ, обѣими руками котораго дружелюбно завладѣлъ аббатъ и котораго это теплое привѣтствіе повидимому стѣсняло,—я боюсь, что я немножко простудился.

— Въ такомъ случаѣ вы выпьете моего *vino santo*, продолжалъ монахъ.—Вы знаете почему мы его такъ называемъ? Мы вѣшаемъ сушиться виноградъ до дня Свѣтлаго Воскресенія, а затѣмъ уже выжимаемъ изъ него сокъ. Есть тосканская пословица, которая говоритъ: *Nell'uva sono tre vinaccioli*, въ винограднинѣ бываетъ три зернышка, *uno di sanita*, *uno di letizia e uno di*

ubriachezza, одно зернышко здоровья, другое – веселья, а третье— опьянѣнія. Но въ моемъ *vino santo* остаются только два первыя зернышка.

И съ его стороны слѣдовалъ цѣлый рядъ кротко-веселыхъ шутокъ во все продолженіе нашего завтрака, состоявшаго на этотъ разъ изъ обѣщанныхъ форелей, печеныхъ каштановъ, яичницы и дроздовъ, начиненныхъ изюмомъ и можжевелывыми ягодами, составляющихъ обычное осеннее лакомое блюдо въ этомъ благословенномъ уголкѣ Италіи.

— Я никогда не былъ въ состояніи коснуться ни одной изъ этихъ маленькихъ птичекъ, сказалъ намъ аббатъ,—я вижу ихъ летающими на слишкомъ близкомъ разстояніи. Но крестьяне наши охотятся на нихъ при посредствѣ птичьяго клея. Вы не видали ихъ проходящими мимо съ ручною совой? Они располагаютъ вокругъ виноградника палки, намазанныя этимъ клеемъ. Затѣмъ опускаютъ на землю сову, также привязанную къ палкѣ. Она начинаетъ летать изъ стороны въ сторону. Птички слетаются изъ любопытства. Онѣ садятся на палки, и вотъ онѣ уже пойманы. Меня всегда удивляло, что какой-нибудь поэтъ не сочинилъ басни на эту хорошенькую картинку...

Но ни малѣйшаго намека относительно исчезнувшихъ монетъ. Точно также ни однимъ словомъ не выразилъ онъ разницы въ своемъ расположеніи по отношенію ко мнѣ и къ моему товарищу, впрочемъ, можетъ-быть, онъ былъ даже нѣсколько ласковѣе къ нему, который, какъ я видѣлъ, былъ точно подавленъ этимъ почти любящимъ сочувствіемъ со стороны нашего столь низко обманутаго хозяина. Разъ двадцать подмѣчалъ я слезы на глазахъ этого юноши, который очевидно не родился для зла. Разъ двадцать я порывался сказать ему: „Скорѣе, проси прощенія у этого святаго священника, и дѣлу конецъ“... Потомъ Филиппъ хмурилъ брови и ноздри его подергивались. Огонь гордости осушалъ его слезы и разговоръ продолжался, или вѣрнѣе, продолжались монологи дома Гриффи, который теперь сравнивалъ свой Монте-Кіаро съ Монте-Оливето и съ нѣжностью говорилъ о своемъ другѣ, который также былъ и моимъ другомъ, о миломъ аббатѣ Н..., который посвятилъ себя точно такому же дѣлу. Затѣмъ онъ разсказывалъ намъ различные анекдоты о монастырѣ, нѣкоторые чрезвычайно интересные,—посѣщеніе, напримѣръ, шедшаго на Римъ коннетабля Бурбонскаго, который

тайно заказалъ настоятелю обѣдню на завтра послѣ своей смерти,—другіе же ребяческіе, относящіеся къ области простодушныхъ легендъ... Лишь только послѣ этого завтрака и лишь послѣ того, какъ мы вернулись въ свою пріемную, понялъ я его намѣреніе и какую мысль внушило ему знаніе человѣческаго сердца, которое можетъ имѣть только духовникъ. Оставивъ насъ на нѣсколько минутъ, онъ снова вернулся къ намъ со шкатулкой дома Піо въ рукахъ. Я взглянулъ на Филиппа. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Но морщинистое лицо нашего хозяина между тѣмъ не обнаруживало ни малѣйшаго стремленія къ строгому допросу:

— Вы сказали мнѣ о стоимости этихъ медалей, просто сказалъ онъ, ставя шкатулку на столъ.—Здѣсь ихъ слишкомъ много для тѣхъ построекъ, которыя я намѣренъ сдѣлать. Позвольте мнѣ предложить вамъ каждому выбрать себѣ по двѣ или по три медали, которыя вы сохраните въ память о старомъ монахѣ, который сегодня поутру молился за васъ обоихъ...

Говоря это онъ взглянулъ на меня взглядомъ, въ которомъ я могъ прочесть напоминаніе о данномъ мною обѣщаніи. Онъ вышелъ, а мы, Филиппъ Дюбуа и я, оставались неподвижны. Я трепеталъ, чтобъ онъ не догадался о томъ, что я знаю его тайну. Высокая снисходительность дома Гриффи, имѣвшая своею цѣлью вызвать почти убійственное раскаяніе вслѣдствіе избытка стыда, не могла возымѣть своего полнаго дѣйствія на эту гибнущую душу иначе, какъ чтобы затронутое самолюбіе присоединило бы къ ней свою желчь.

— Какъ это прекрасно, хорошій священникъ!.. проговорилъ я, чтобы какъ-нибудь прервать молчаніе.—Филиппъ ничего не отвѣтилъ. Онъ быстро обернулся къ окну и, погрузившись въ глубокую задумчивость, смотрѣлъ на зеленый ландшафтъ, которымъ мы любовались вчера вечеромъ. Я открылъ шкатулку и изъ повиновенія нашему хозяину на удачу взялъ какую-то медаль, затѣмъ прошелъ къ себѣ въ комнату. Сердце мое усиленно билось; я услыхалъ, какъ молодой человѣкъ бѣгомъ выбѣжалъ изъ комнаты и какъ его спѣшные, очень спѣшные шаги направились къ кельѣ стараго монаха. Гордость была побѣждена. Онъ спѣшилъ возвратить похищенныя монеты и покаяться въ своемъ преступленіи. Въ какихъ выраженіяхъ обращался онъ къ тому, кого сначала онъ такъ дерзко сравнилъ съ Гіацинтомъ и что ему отвѣчалъ аббатъ? Я этого никогда не узнаю. Но когда

мы оба сѣли въ таратайку и когда Пасквале сказалъ своей кобылѣ: „Ну, трогай, Зара, расправляй свои ноги“... я обернулся, чтобъ еще разъ взглянуть на покидаемый нами монастырь и еще разъ поклониться вышедшему на порогъ аббату и увидалъ во взглядѣ, который въ свою очередь обратилъ мой спутникъ къ старому монаху, *зарю новаго духа*.—Нѣтъ, время чудесъ не миновало, но для нихъ нужны святые, а они встрѣчаются слишкомъ рѣдко.

Перуза, ноябрь 1890 года.

ПИЩА И ЗДОРОВЬЕ. ГОЛОДАНІЕ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Два публичныя чтенія профессора **И. Скворцова.**)

Чтеніе первое.

Для чего мы ѣдимъ? Къ чему служитъ принимаемая нами пища?

Если судить по тому, какъ кажется, то одни, видимо, принимаютъ пищу по необходимости, какъ средство жизни, другіе—будто ради сопряженнаго съ этимъ удовольствія, а третьи—чуть ли не полагаютъ въ этомъ существенную цѣль своей жизни. Въ сущности же и тѣ, и другіе, и третьи ѣдятъ, чтобъ утолить такое неотразимо повелительное тѣлесное чувство, какъ голодъ.

Чѣмъ вызывается это чувство? Отвѣчаютъ — *потребностью тѣла въ пищѣ.*

А чѣмъ вызывается эта потребность? *Самою жизнью.* Одно питаніе не вся жизнь, но безъ него и остальная жизнь не мыслима. Противъ этого никакихъ аппелляцій и ни въ какія инстанціи не принимается. Мы можемъ только спросить—*въ чемъ же состоитъ наша жизнь?* Жить—это все и для человѣка, и для всякаго другаго живаго существа. Вся сумма горя и радостей—жизнь. Всеобъемлющая мысль, всепоглощающее чувство—великое и низкое, первыя попытки ребенка понять улыбку матери, слезы по раздавленномъ червѣ—все это жизнь. А развѣ не улетаетъ жизнь съ послѣднимъ дыханіемъ, съ послѣднимъ біеніемъ сердца? Да, и дыханіе, и сердцебіеніе—все это жизнь, и жизнь

безъ которой не мыслима другая высшая жизнь, жизнь чувства и мысли, жизнь души. Прекратилось дыханіе, остановилось сердце—прекращаются всѣ глубокія и мелкія, возвышенныя и низкія душевныя чувства, останавливаются мысли. Человѣкъ обмираетъ; одной, двухъ минутъ довольно, чтобъ обмираніе перешло въ полную смерть. Но мысль и чувство, дыханіе и сердцебіеніе, какъ и все, что происходитъ въ насъ во время нашей жизни, это лишь свѣтъ и теплота тлѣющей въ теченіе сравнительно немногихъ лѣтъ гнилушки...

Изо всѣхъ языческихъ культовъ — *культъ солнца* наиболѣе глубокій и вѣрный по своей основной мысли. Все, что на землѣ живетъ и движется, живетъ и движется, благодаря солнцу, его свѣту и теплотѣ. Померкнетъ солнце—и на землѣ исчезнетъ всякая жизнь, какъ скоро потратится послѣдній гранъ запасной, накопленной энергіи, заимствованной отъ солнца.

Вы не удивляйтесь, что солнечную энергію я выражаю вѣсомъ. Залежи каменнаго угля, лѣса, наша пища, да и наше тѣло—все это запасы солнечной энергіи. Какъ обыкновенно говорятъ, энергія эта находится тутъ въ скрытомъ состояніи, или, лучше, въ состояніи напряженія, какъ въ заведенныхъ, но не пущенныхъ въ ходъ часахъ. Разъ зажгли вы уголь или дрова въ печи, или получаемый изъ нихъ газъ въ горѣлкѣ, разъ хлѣбъ и всякій другой органическій предметъ нашей пищи введенъ въ наше тѣло, связанная, накопленная солнечная энергія начинаетъ расходоваться, какъ расходуется она постоянно, пока мы живы, пока въ состояніи вводить въ свое тѣло необходимый для этого воздухъ, поддерживающій всякое горѣніе и внутри, и внѣ нашего тѣла.

Солнцемъ въ первой инстанціи освѣщается вся поверхность земли и затѣмъ согрѣваются воздухъ, вода и почва. Солнцемъ во второй инстанціи приводится въ движеніе воздухъ съ его облаками и тучами, орошающими почву и питающими наши источники, рѣки, озера. Солнцемъ пробуждаются къ жизни растительныя сѣмена, имъ поддерживаются ихъ ростъ и развитіе, благодаря ему, растенія образуютъ и накопляютъ необходимую намъ пищу. оно окрашиваетъ растенія въ зеленый цвѣтъ, оно рисуется въ ихъ цвѣтахъ. Солнце проявляется въ нашемъ дыханіи и нашемъ сердцебіеніи, оно одухотворяется въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, и наша жизнь—это постоянное освобожденіе въ нашемъ тѣлѣ накопленной растеніями солнечной энергіи, какъ это имѣетъ мѣсто и въ тлѣющей гнилушкѣ, не способной только, какъ

наше тѣло, возмѣщать разъ потраченной энергіи. Не смущайтесь выраженіемъ „накопленной растеніями энергіи". Хотя мы питаемся не только растеніями, но и животными, но сами потребляемыя нами животныя питаются растеніями, не будучи сами въ состояніи питаться непосредственно насчетъ солнца. Мясо, молоко, яйца—это видоизмѣненные только по формѣ, а не по существу запасы, сдѣланные растеніями.

Постоянное освобожденіе, постоянный расходъ скопленной въ пищѣ и затѣмъ въ нашемъ тѣлѣ энергіи требуетъ конечно и постояннаго *прихода новыхъ запасовъ*. Безъ такого прихода старый запасъ скоро изсякаетъ—и жизнь прекращается.

Теперь вамъ, милостивые государи, надѣюсь, понятно, почему мы нуждаемся въ пищѣ. Затѣмъ спрашивается: *какова же должна быть эта пища?*

Въ пищѣ не только долженъ быть запасъ энергіи, но и способность измѣняться въ нашемъ тѣлѣ, необходимая для развитія этой энергіи. Для такого развитія необходимо именно такъ-называемое окисленіе, или горѣніе, то-есть химическое соединеніе составныхъ частей пищи съ одною изъ составныхъ частей воздуха—кислородомъ. Чтобы ввести этотъ кислородъ въ свое тѣло, мы дышемъ. А насколько онъ необходимъ для нашей жизни, доказывается тѣмъ, что безъ дыханія мы едва можемъ просуществовать одну, двѣ минуты.

Мало того, чтобы наша пища была горюча, она должна обладать горючестью именно при тѣхъ условіяхъ, которыя она встрѣчаетъ въ нашемъ тѣлѣ. И уголь горючъ, и дерево горюче, и керосинъ горючъ, но всѣ эти вещества не могутъ служить намъ пищей, такъ какъ они не измѣняются, не сгораютъ въ нашемъ тѣлѣ. *Въ нашемъ тѣлѣ сгораютъ* только *вещества*, болѣе или менѣе *близкія по-своему физическому состоянію и по-своему составу къ состоянію и составу нашего тѣла*. Сгораетъ вещество мяса, одинаковое у насъ и у животныхъ, и по составу очень близкое къ сыровинѣ молока и яичному бѣлку. По имени послѣдняго такія вещества и носятъ названіе веществъ *бѣлковыхъ*. Сгораютъ въ нашемъ тѣлѣ разные виды животныхъ жировъ и растительныхъ маслъ; тѣ и другія по-своему составу одинаковы или очень сходны съ *жирами* нашего тѣла. Сгораютъ въ нашемъ тѣлѣ разные виды *крахмала*, *сахара*, вообще очень близкіе другъ къ другу по-своему химическому составу и одинаковые по значенію для нашей жизни, тѣмъ болѣе, что крахмалъ въ

нашемъ тѣлѣ сначала переходитъ въ сахаръ (какъ въ солодѣ, въ суслѣ), а потомъ уже сгораетъ. Въ нашемъ тѣлѣ и самостоятельно образуется изъ другихъ веществъ крахмалу подобное вещество, но только оно очень быстро сгораетъ. А что въ нашемъ человѣческомъ тѣлѣ можетъ образоваться сахаръ, доказывается присутствіемъ сахара въ большомъ количествѣ въ молокѣ— и особою очень опасною болѣзнью, извѣстною подъ именемъ сахарной.

Что̀ такое пища по своему химическому составу? Три указанныя группы веществъ — *бѣлковыя, жиры и крахмалистосахаристыя* (углеводы) вещества, входящія и въ составъ нашего тѣла, образуютъ существенныя измѣняемыя составныя части нашей пищи. Вода и соли—части неизмѣняемыя, и энергіи сами по себѣ не развивающія; онѣ важны, какъ та среда, въ которой происходятъ измѣненія веществъ органическихъ, каковы указанныя выше три группы веществъ, носящихъ названіе питательныхъ. Пища, содержащая эти вещества въ извѣстной смѣси и въ извѣстной чистотѣ, не содержащая именно какихъ-либо вредныхъ примѣсей, но содержащая достаточно воды и солей, будетъ прежде всего *пищей хорошею*, въ смыслѣ возможнаго удовлетворенія потребностямъ тѣла, безъ вреда для послѣдняго. Но на практикѣ питанія является на сцену еще одинъ въ высшей степени важный вопросъ—именно вопросъ о большей или меньшей *усвояемости* той или другой пищи, той или другой ея составной части (пищеваго средства), доставляемой непосредственно природой. Но прежде чѣмъ мы подробнѣе займемся этимъ свойствомъ пищи, познакомимся нѣсколько съ *ролью пищи* въ нашемъ тѣлѣ. Она доставляетъ ему не только *горючій*, но и *строительный* матеріалъ, каковымъ по преимуществу являются вещества бѣлковыя, какъ жиры и крахмалисто-сахаристыя вещества являются по преимуществу веществами горючими. Между жирами и крахмалисто - сахаристыми веществами существуетъ впрочемъ та важная разница, что первые, на ряду съ бѣлками, обладаютъ способностью накопляться въ организмѣ въ видѣ запаса, играя въ то же время немаловажную вспомогательную роль въ качествѣ механической подкладки, дурнаго проводника теплоты. Отложенію жира подъ кожей наше тѣло обязано извѣстною округленностью формъ, такъ повышающею эстетическое достоинство послѣднихъ.

Входя вмѣстѣ въ составъ нашей пищи, бѣлки, жиры и крах-

малисто-сахаристыя вещества оказываютъ очень важное взаимное вліяніе другъ на друга, собственно на то, какъ тѣло пользуется ими для своихъ цѣлей. Поддерживая данное устройство тѣла, какъ горюче-тепловой машины, бѣлковыя вещества поддерживаютъ тѣмъ условія, благопріятныя для сгоранія, какъ другихъ веществъ, такъ и самихъ себя. Живое тѣло—единственная машина, въ которой, для поддержанія ея дѣйствія, не только можетъ, но и обязательно сгораетъ тотъ матеріалъ, изъ котораго она построена. Но сгораетъ бѣлка въ этой машинѣ больше или меньше, смотря потому, есть или нѣтъ, много или мало въ нее поступаетъ другихъ горючихъ веществъ, то-есть жировъ и крахмалисто-сахаристыхъ веществъ. Тѣ и другіе оберегаютъ такой драгоцѣнный матеріалъ, какъ бѣлки; послѣдніе сгораютъ и въ ихъ присутствіи, но лишь въ извѣстномъ, сравнительно маломъ, необходимомъ для жизни количествѣ. Подобное оберегающее дѣйствіе относительно жировъ имѣютъ крахмалисто-сахаристыя вещества, которыя сами вполнѣ разрушаются въ нашемъ тѣлѣ. Очень быстро, въ первыя же сутки по введеніи, что̀ впрочемъ происходитъ и съ тѣми частями бѣлковъ и жировъ, которые не идутъ на постройку, на строительный ремонтъ тѣла, или не отложились про запасъ.

Чтобы показать намъ—изъ какихъ составныхъ частей должна состоять наша пища, природа образуетъ *молоко*, состоящее изъ бѣлка, жира и сахара въ такихъ относительныхъ количествахъ, какія наиболѣе благопріятны не только для живущаго, но и для растущаго организма. Чтобы затѣмъ имѣть наиболѣе удовлетворительную пищу, мы сами различнымъ образомъ соединяемъ одно съ другимъ тѣ пищевыя средства, которыя доставляетъ намъ природа, причемъ, въ опредѣленіи достоинства такихъ смѣсей и вообще пищи, играетъ, нужно замѣтить, большую роль ихъ *вкусъ*. Этотъ вкусъ зависитъ часто отъ присутствія въ кушаньѣ такихъ веществъ, которыя, помимо вліянія на вкусъ, на аппетитъ, не имѣютъ никакого другаго значенія и потому носятъ названіе веществъ *вкусовыхъ*, въ отличіе отъ питательныхъ. Безъ нихъ пища быстро пріѣдается, легко становится противною до того, что люди и животныя могутъ отказываться отъ нея, несмотря на голодъ, какъ до извѣстной степени дѣйствуетъ и однообразіе вкуса.

Прежде чѣмъ составныя части пищи примутъ участіе въ постройкѣ нашего тѣла, въ поддержаніи свойственной ему

температуры, въ разнаго рода его дѣйствіяхъ, или такъ-называемыхъ въ физіологіи отправленіяхъ, необходимо, чтобъ эти части были *усвоены*, уподоблены (ассимилированы) живымъ тѣломъ, чтобъ онѣ вошли въ его составъ. Для этого мы обладаемъ цѣлою системой органовъ, носящихъ названіе *пищеварительнаго аппарата*, или системы пищеварительныхъ органовъ, начинающейся ртомъ. Во рту пища сначала оцѣнивается языкомъ, какъ органомъ вкуса, твердая измельчается тутъ при помощи зубовъ, перемѣшивается со слюной, обладающею свойствомъ нерастворимый въ водѣ крахмалъ переводить въ растворимый сахаръ, облекается слизью, чѣмъ существенно облегчается дальнѣйшій ея путь въ желудокъ. Въ желудкѣ пища встрѣчается съ особою кислою жидкостью, желудочнымъ сокомъ, который нерастворимый въ водѣ бѣлокъ превращаетъ въ растворимый. Какъ этотъ растворимый въ водѣ бѣлокъ, такъ и сахаръ—принятый и превращенный слюной изъ крахмала—изъ желудка уже начинаютъ переходить въ кровь, или, какъ принято въ наукѣ говорить, начинаютъ *всасываться*. Но ни слюна всего крахмала, ни желудочный сокъ всего бѣлка не успѣваютъ перевести въ растворимыя, удобныя для всасыванія вещества. Этотъ переводъ заканчивается въ кишкахъ подъ вліяніемъ изливающихся въ нихъ пищеварительныхъ соковъ—поджелудочнаго (панкреатическаго) и кишечнаго, съ участіемъ желчи, играющей, между прочимъ, большую роль во всасываніи жира. По всей, равной нѣсколькимъ саженямъ, длинѣ кишечника происходитъ, на ряду съ перевариваніемъ, то-есть съ переходомъ ея въ удобо-всасываемыя формы и всасываніе, переходъ составныхъ частей пищи въ нашу кровь, а оттуда въ ткани и органы нашего тѣла.

Какъ всякое производство, и пищевареніе происходитъ съ большею или меньшею *легкостью*, въ зависимости, вопервыхъ, отъ *качества орудій*, вовторыхъ, отъ *способа пользованія ими* и, втретьихъ, отъ *качества матеріала*, подвергаемаго обработкѣ. Отсутствіе, недостатокъ зубовъ, слабость ихъ, какъ и плохое ими пользованіе, то-есть плохое пережевываніе ими твердой пищи, всегда связанное съ недостаточнымъ пропитываніемъ послѣдней во рту слюной—уже не маловажные задатки плохаго пищеваренія. При больныхъ зубахъ, при недостаточно чистомъ содержаніи рта, пища въ немъ заражается *гнилостными* бродилами, которыя въ дальнѣйшемъ пути пищи могутъ производить вредныя въ ней измѣненія. Хорошо еще, что эти бродила встрѣчаютъ

противодѣйствіе своему вліянію со стороны кислаго желудочнаго сока и желчи.

Избыточная, безъ нужды и безъ смысла раздражающая пища, возбуждающіе напитки легко дѣлаютъ нашъ желудокъ больнымъ, не способнымъ какъ слѣдуетъ исполнять свою роль. Мы теряемъ тогда аппетитъ, испытываемъ непріятныя ощущенія подъ ложечной (въ области желудка), хандримъ, раздражаемся.—*Болѣзненно измѣненное*, возбужденное или удрученное *состояніе*, такъ-называемое, *растительныхъ процессовъ*, которые непосредственно поддерживаютъ жизнь нашего тѣла, какъ пищевареніе, всасываніе, дыханіе, кровообращеніе, вообще, нужно сказать, оказываютъ сильное вліяніе на наше *самочувствіе* — отъ легкаго нерасположенія, до глубокаго ипохондрическаго состоянія, непосредственно граничащаго съ мрачнымъ помѣшательствомъ. Это особенно нужно сказать про *болѣзненно измѣненное пищевареніе*. Тутъ вліяютъ на настроеніе и болѣзненныя, обыкновенно неопредѣленныя, глухія ощущенія, и недостаточно полная и быстрая доставка крови тканямъ и органамъ питательнаго матеріала, и вредные, прямо ядовитые продукты, какъ самаго измѣненнаго пищеваренія, такъ особенно сопутствующихъ ему въ такихъ случаяхъ процессовъ броженія и гніенія въ полости желудочно-кишечнаго канала.

Болѣзненно измѣненное желудочное пищевареніе обыкновенно дурно отзывается и на *пищевареніи кишечномъ*, причемъ кишки являются или уже очень *ретивыми*, такъ что пища не успѣваетъ достаточно всасываться, или же очень *лѣнивыми*, такъ что негодные остатки пищи остаются въ нихъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ организмъ нашъ только проигрываетъ, такъ какъ общее состояніе его питаній неминуемо при этомъ падаетъ.

Что касается теперь *качества* обрабатываемаго въ нашемъ пищеварительномъ аппаратѣ матеріала, то-есть пищи, то оно зависитъ отъ нѣсколькихъ условій. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *происхожденіе* составляющихъ пищу средствъ. Такъ-называемая животная пища, какъ мясо, молоко, яйца переваривается и, слѣдовательно, усвояются вообще лучше, чѣмъ пища растительная. Но питаться одною животною пищей неудобно потому, что, не говоря уже о большей затруднительности ея добыванія и о большей ея дороговизнѣ, она, по крайней мѣрѣ въ видѣ разныхъ видовъ мяса и яицъ, не содержитъ крахмалисто-

сахаристыхъ веществъ, играющихъ въ дѣлѣ питанія нашего тѣла видную роль. Кромѣ того—исключительное питаніе животною пищей, въ условіяхъ нашего обычнаго осѣдлаго быта, дѣйствовало бы несомнѣнно слишкомъ возбудительно, уподобляя насъ по наклонностямъ плотояднымъ животнымъ. Но и наклонности травоядныхъ, по крайней мѣрѣ нашихъ домашнихъ животныхъ, тоже не представляютъ сами по себѣ большой привлекательности. Культурные народы издавна, по инстинкту, не сознавая надлежащаго значенія этого, пользуются такъ-называемою *смѣшанною* пищей, то-есть пищей, составленною изъ растительныхъ и животныхъ пищевыхъ средствъ. Это всего лучше удовлетворяетъ и потребностямъ нашего тѣла, и потребностямъ нашего настроенія. Въ интересахъ, главнымъ образомъ, послѣдняго, въ интересахъ именно *смягченія нравовъ*, какъ наша *религія*, такъ и извѣстная группа собственно убѣжденныхъ людей склоняются къ преобладанію и даже исключительному употребленію пищи растительной, если не всегда, то въ извѣстные сроки года. Кто соблюдаетъ посты, тотъ самъ по себѣ знаетъ, что можно жить и работать и при пищѣ растительной. Но наша религія однако не отрицаетъ вовсе пищи животной, она только ограничиваетъ ея употребленіе. Если при этомъ ограниченіи, при употребленіи исключительно растительной пищи, получаются какіе-либо недочеты въ организмѣ, то они могутъ пополниться въ такъ-называемые мясоѣды, въ сроки, когда люди могутъ питаться смѣшанною пищей. Люди же убѣжденные, извѣстные подъ именемъ *вегетаріанцевъ*, или—по-русски—травоядныхъ, доходятъ до полнаго отрицанія животной пищи, приписывая ей существующую еще въ людяхъ дикость и въ чувствахъ, и въ мысляхъ, и въ самомъ поведеніи. При такомъ условіи могущіе происходить при растительной пищѣ недочеты необходимо должны съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличиваться. А что такіе недочеты—если не всегда, то въ массѣ случаевъ—имѣютъ мѣсто, это доказываетъ какъ практика жизни, такъ и научныя наблюденія. Эти недочеты зависятъ съ одной стороны, отъ *несоотвѣтственнаго состава растительной пищи*, а съ другой—отъ *сравнительно трудной ея усвояемости*.—Хлѣбъ, картофель, капуста и всѣ подобные предметы содержатъ очень мало жира, а картофель, капуста—и мало бѣлка. Жиръ, конечно, можетъ быть добавляемъ въ видѣ разнаго рода растительныхъ маслъ, но добавленіе бѣлка произвесть не такъ-то легко. Много бѣлка въ горохѣ, бобахъ, чечевицѣ, но бѣлокъ

этотъ трудно добывается и большинствомъ людей трудно переносится, что̀, впрочемъ, нужно сказать, и относительно употребляемыхъ у насъ растительныхъ маслъ, особенно конопляннаго. Есть очень богатые бѣлкомъ искусственные растительные продукты, какъ особаго рода макароны (клейковинныя), но это капля въ морѣ, увеличить которую до потребныхъ размѣровъ невозможно. А недостатокъ бѣлка и жира въ пищѣ умѣряетъ не только страсти, но и вообще силу организма, уменьшая производительность труда и сопротивляемость болѣзнямъ. Если этотъ недостатокъ является постояннымъ, то организмъ становится въ положеніе живущаго постоянно впроголодь, а такое положеніе сравнительно скоро ведетъ къ полному истощенію.

На ряду съ неудовлетворительнымъ составомъ, растительная пища обладаетъ еще и свойствомъ *трудно переваривать*ся. Въ сыромъ видѣ хлѣбныя зерна, картофель, капуста и т. п. средства нашимъ пищеварительнымъ аппаратомъ могутъ быть усвоены едва на половину, да и то послѣ хорошей работы зубами. Травоядныя животныя для надлежащаго усвоенія своей пищи имѣютъ сложные желудки, какъ у отрыгающихъ жвачку, — очень длинный кишечникъ, превышающій длину ихъ тѣла въ 25—30 разъ, тогда какъ у насъ онъ превышаетъ длину тѣла разъ въ 5—6, а у чисто плотоядныхъ — и того меньше. У зерноядныхъ птицъ есть зобные мѣшки, гдѣ зерна размягчаются, и особые, очень сильные мышечные желудки (пупки), гдѣ зерна затѣмъ перетираются. Въ нашемъ тѣлѣ такихъ приспособленій нѣтъ. Мы можемъ болѣе или менѣе удовлетворительно усвоивать растительную пищу, только благодаря той предварительной *искусственной обработкѣ*, которой мы ее подвергаемъ на нашихъ мельницахъ, крупорушкахъ, въ нашихъ пекарняхъ, въ нашихъ кухняхъ. Эти искусственныя приспособленія замѣняютъ намъ тѣ естественныя, которыми обладаютъ животныя травоядныя. Только благодаря имъ, нашъ пищеварительный снарядъ можетъ сравнительно легко усвоивать 70, 80, даже 90 и больше процентовъ тѣхъ питательныхъ веществъ, которыя заключаются въ хлѣбѣ и другихъ растительныхъ продуктахъ. При этомъ нужно сказать, что наиболѣе важнымъ искусственнымъ приспособленіемъ, настоящимъ преддверіемъ нашего желудка по отношенію къ растительной пищѣ, является *кухня*. Плохая кухня все равно, что̀ больной желудокъ, а хорошая — и больной желудокъ можетъ сдѣлать здоровымъ. Такое значеніе кухня имѣетъ благодаря особенно

примѣненію высокой температуры. Вареніе, печеніе, жареніе, пареніе производятъ разрушеніе тѣхъ почти непереваримыхъ въ нашемъ пищеварительномъ аппаратѣ оболочекъ, въ которыхъ заключены собственно питательныя вещества — бѣлки, жиры, крахмалъ, сахаръ. Для того же разрушенія мы перемалываемъ зерна въ муку. Тѣ оболочки, которыя могутъ быть не только разрушены, но и удалены, удаляются обдираніемъ, просѣваніемъ. И такое удаленіе имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ вещество оболочекъ въ растеніяхъ, такъ-называемая *клѣтчатка* и древесина, не только не переваривается нами, но еще механически раздражаетъ желудокъ и кишки и тѣмъ мѣшаетъ усвоенію собственно питательныхъ веществъ.

Вегетаріанцы между прочимъ стоятъ за употребленіе такъ-называемаго *цѣльнаго* или сѣраго *хлѣба*, то-есть хлѣба приготовленнаго изъ цѣльнаго зерна, вмѣстѣ съ его оболочками, входящими въ другихъ случахъ въ составъ удаляемыхъ отрубей. Они ссылаются при этомъ на то, что въ отрубяхъ, кромѣ клѣтчатки, находится много собственно питательныхъ веществъ, въ томъ числѣ бѣлка. Будь у насъ пищеварительный снарядъ какъ у травоядныхъ, противъ этого, конечно, ничего нельзя было бы сказать. Но при устройствѣ нашего снаряда, гораздо болѣе приближающагося къ устройству у плотоядныхъ, противъ предложенія вегетаріанцевъ можно привести вѣскія и притомъ фактическія возраженія. Возраженія эти являются результатомъ нарочито поставленныхъ опытовъ кормленія хлѣбомъ безъ—и съ отрубями. Они состоятъ въ томъ, что изъ хлѣба съ отрубями усвоивается нашимъ тѣломъ едва 70—80% заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, тогда какъ изъ хлѣба безъ отрубей 90 и даже 95%. Да и процессъ усвоенія въ первомъ случаѣ идетъ труднѣе, съ большею затратой силъ со стороны организма, чѣмъ во второмъ. А вообще нельзя не признать, что чѣмъ менѣе, такъ-сказать, издержки преслѣдующаго одну и ту же цѣль производства, тѣмъ полезнѣе послѣднее. Разъ нашъ организмъ извѣстнымъ запасомъ силъ добудетъ меньше питательнаго матеріала, онъ меньше потомъ обнаружитъ полезной силы — и не только механической, но и психической. Всякій знаетъ—какими послѣдствіями выражается перевариваніе въ нашемъ желудкѣ обильнаго, тяжелаго обѣда, особенно постнаго. Лѣнь, отяжелѣніе, наклонность ко сну — обычныя при этомъ явленія. Наблюденія надъ рабочими, съ другой стороны, прямо

показываютъ, что въ общемъ рабочіе, сидящіе только на одномъ хлѣбѣ и пустыхъ щахъ, на какой-нибудь капищѣ, производятъ гораздо меньше работы, чѣмъ рабочіе, получающіе мясо, сало. Первые и скорѣе устаютъ, и менѣе проворны въ своей работѣ.

Произведенные въ послѣднее время опыты показываютъ, повидимому, возможность сравнительно *легкой* и болѣе *полной усвояемости цѣльнаго хлѣба*. Для этого необходимо именно превращеніе всего зерна въ возможно болѣе тонкую муку, въ которой нельзя было бы отличить частицъ отрубей. Такой хлѣбъ изъ тончайшей цѣльной муки пропагандируется въ Англіи особою лигой реформы приготовленія хлѣба. Въ противоположность этому, типическій *хлѣбъ вегетаріанцевъ* (Грэгэмовскій), приготовляемый изъ растертыхъ намоченныхъ зеренъ, содержитъ въ себѣ не только видимыя частицы зерновыхъ оболочекъ, но прямо цѣльныя зерна, которыя почти совершенно не усвоиваются.— Кромѣ происхожденія и приготовленія, на качество пищи большое вліяніе оказываетъ ея *сохраненіе*—на болѣе короткое или на болѣе продолжительное время, собственно такъ-называемое *консервированіе*. Задача сохраненія заключается въ предупрежденіи разныхъ видовъ *химическаго разложенія*, извѣстныхъ подъ именемъ броженія, гніенія, тлѣнія. Для происхожденія такихъ измѣненій необходимо участіе извѣстныхъ агентовъ, называемыхъ *бродилами*, *ферментами*, обыкновенно связанными съ разнаго рода низшими, мельчайшими организмами, извѣстными подъ именемъ грибковъ, *микробовъ*, которымъ приписывается теперь и произведеніе такъ-называемыхъ заразныхъ болѣзней. Разлагающая дѣятельность данныхъ агентовъ возможна только при извѣстной *температурѣ*, при извѣстной степени *влажности*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — въ присутствіи *воздуха*, не только какъ носителя этихъ агентовъ въ видѣ пыли, но и какъ химическаго дѣятеля, по содержанію имъ кислорода, необходимаго для всякаго горѣнія. А тлѣніе представляетъ медленный видъ его, сопровождаемый въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтнымъ повышеніемъ температуры въ тлѣющей массѣ, могущимъ повести даже къ самовоспламенѣнію этой массы. Если теперь мы извѣстныя, способныя къ разложенію средства, какъ мясо, молоко и т. п., поставимъ въ такія условія температуры, влажности воздуха которыя препятствуютъ дѣятельности разлагающихъ агентовъ—или если мы такъ или иначе уничтожимъ этихъ агентовъ, попавшихъ въ извѣстное вещество, напримѣръ, въ молокѣ

кипяченіемъ, и затѣмъ примемъ мѣры, чтобы въ это вещество не попадало новыхъ агентовъ, мы во всѣхъ этихъ случаяхъ получимъ возможность болѣе или менѣе продолжительнаго сохраненія указанныхъ средствъ. На практикѣ и пользуются всѣми этими способами сохраненія. Одно вещество держатъ на холодѣ, другое кипятятъ и хорошо закупориваютъ (достаточно плотной ватной пробки), третье солятъ, кипятятъ, сушатъ, обсахариваютъ, маринуютъ и т. п., уничтожая тѣмъ разлагающихъ агентовъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляя ихъ дѣйствіе.

Способы сохраненія тѣмъ лучше, чѣмъ въ большей природной неприкосновенности онъ оставляетъ сохраняемое средство. Привозимая въ Лондонъ изъ Австраліи въ особаго рода пароходахъ-холодильникахъ баранина находитъ лучшій сбытъ, чѣмъ сушеная лентами или превращенная въ порошокъ говядина изъ Южной Америки. Трудно однако въ теченіе продолжительнаго времени сохранять такія жидкія вещества, какъ молоко, но оно и въ сгущенномъ видѣ представляетъ хорошій продуктъ.

Возможность лучшаго или худшаго, болѣе или менѣе продолжительнаго *сохраненія* того или другаго пищеваго средства принадлежитъ къ числу очень важныхъ въ санитарномъ отношеніи его свойствъ. Легко разлагающіяся средства очевидно не могутъ быть безъ особыхъ мѣръ перевозимы на сколько-нибудь значительныя разстоянія въ мѣста, гдѣ этихъ средствъ нѣтъ. А съ разнаго рода пищевыми средствами то и дѣло случается, что въ одномъ мѣстѣ ихъ много, въ другомъ мало, а въ третьемъ совсѣмъ нѣтъ. Поэтому очень важно, для уравненія запасовъ и для болѣе или менѣе равномѣрнаго удовлетворенія потребностей населенія въ разныхъ мѣстахъ, имѣть возможность *перевозить разныя пищевыя средства съ мѣста на мѣсто.*

Съ другой стороны, разныя пищевыя средства доставляются природой—безъ или съ участіемъ человѣка—только въ извѣстное время года. Чтобъ имѣть возможность *пользоваться ими круглый годъ,* они должны быть удобосохраняемы.

Такимъ образомъ требованія, зависящія, съ одной стороны, отъ пространства, а съ другой—отъ времени, одинаково нуждаются въ возможности сохранять пищевыя средства въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Къ великому сожалѣнію, такое сохраненіе далеко не всегда удается. Нѣтъ сомнѣнія, что множество разнаго рода мелкихъ и не мало крупныхъ разстройствъ пищеваренія зависитъ именно отъ плохаго сохраненія

какъ сырыхъ пищевыхъ средствъ, такъ и готовыхъ уже кушаній. Если мѣсто, гдѣ хранятся съѣстные припасы, сыро и грязно, если берутъ ихъ грязными руками, ложками, вилками, если хранятъ или хоть только собираютъ ихъ въ грязную посуду, если готовятъ и держатъ кушанья въ грязной, сырой кухнѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что мы такъ легко наживемъ себѣ разныя разстройства пищеваренія, такъ какъ при всѣхъ указанныхъ условіяхъ пищѣ необходимо прививается зараза разложенія.

Да и собственно такъ-называемые *консервы*—сушеные, копченые, соленые, сгущенне и т. п. очень часто бываютъ не безукоризненны со стороны ихъ чистоты и удачи приготовленія, а также выбора матеріала, особенно когда консервы приготовляются для продажи. А потребленіе такихъ неудачныхъ консервовъ ведетъ иногда къ ужаснымъ послѣдствіямъ, какъ показываютъ отравленія соленою рыбой, сыромъ, колбасами.

Вредныя послѣдствія употребленія той или другой пищи—*отравленія*, напримѣръ, спорыньей, запосъ паразитовъ, особенно ленточныхъ глистъ и трихинъ и даже *заразныя болѣзни*, какъ сибирская язва, сапъ, ящуръ, бугорчатка, въ извѣстныхъ случаяхъ зависятъ отъ происхожденія того или другаго продукта отъ *больныхъ растеній и животныхъ*, а то даже и отъ совершенно *случайнаго попаданія* на нее *заразы изъ воздуха*, изъ воды, съ рукъ, съ платья, какъ это, напримѣръ, неоднократно наблюдалось относительно переноса молокомъ брюшнаго тифа, скарлатины, дифтерита. Бываетъ и такъ, что пищѣ сообщаются вредныя свойства преднамѣренно ради, напримѣръ, приданія ей болѣе привлекательнаго цвѣта, болѣе пріятнаго запаха, а то просто для увеличенія вѣса или объема. Бываетъ, что пищевому средству при этомъ не сообщается никакихъ вредныхъ примѣсей, но вреденъ самый обманъ, какъ, напримѣръ, при разбавленіи молока водой; впрочемъ, если вода не чиста, то она быстро вызываетъ вредныя измѣненія въ молокѣ. Наконецъ, бываетъ, что искусственно поддѣлываютъ тотъ или другъ видъ пищи, или не вполнѣ, придавая, напримѣръ, снятому молоку густоту цѣльнаго при помощи муки, клейстера или клея, или вполнѣ, приготовляя, напримѣръ, яйца изъ муки и гипса, кофейныя бобы изъ глины, шоколатъ изъ разнаго рода поджаренныхъ веществъ и т. д.

Въ такихъ случаяхъ, суть дѣла состоитъ, конечно, не столько

во вредѣ для здоровья потребителей, сколько въ нагломъ обманѣ. И этотъ обманъ въ настоящее время развивается все болѣе и болѣе, начиная отъ самыхъ легкихъ его видовъ и до самыхъ грубыхъ. Самую благодарную почву для такихъ обмановъ представляютъ *большіе города*, гдѣ впрочемъ чаще и обширнѣе всего обнаруживаются и вообще всякаго рода другія вредныя и непріятныя стороны продовольствія, въ зависимости отъ качества его предметовъ.

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени являются быстрый ростъ городовъ на счетъ деревень и рѣзкое обособленіе дѣятельности первыхъ отъ дѣятельности вторыхъ. Но это не освобождаетъ города отъ деревни. Напротивъ—это ставитъ городъ въ бо́льшую зависимость отъ деревни, чѣмъ это было прежде. Существованіе городовъ, какъ рѣзко обособленнаго отъ деревень типа поселеній, возможно лишь въ условіяхъ достаточно быстраго и полнаго снабженія первыхъ вторыми накопленною, запасною силой, то-есть пищей, на подобіе того, какъ существованіе животныхъ обусловливается существованіемъ растеній. Чтобы города развивались, необходимо, чтобы соотвѣтственно развивалось и снабженіе ихъ пищей. Поэтому особенно быстро города и стали развиваться съ появленіемъ и развитіемъ пароходнаго и желѣзно-дорожнаго сообщеній.

Хотя городъ безъ деревни и умеръ бы съ голоду, но и деревня безъ города могла бы очутиться въ костюмѣ Адама, съ избыткомъ хлѣба, мяса, но безъ копѣйки денегъ. Казалось бы, что въ условіяхъ такой взаимной зависимости между городомъ и деревней должно бы установиться самое дружеское соглашеніе къ обоюдной пользѣ. Оно такъ и бываетъ, когда городъ непосредственно сносится съ деревней. А такое сношеніе теперь очень рѣдко. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, къ великому несчастію какъ производителей, такъ еще болѣе потребителей пищи, между ними выросъ чужеядный наростъ, *посредникъ*, коммиссіонеръ, перекупщикъ, который, обманывая однихъ и надувая другихъ, нарушаетъ добрыя отношенія между городомъ и деревней, являясь главною причиной дороговизны и недоброкачественности тѣхъ предметовъ, которыми они обмѣниваются. Дѣйствительно, ни въ одной области человѣческой дѣятельности не развитъ такъ обманъ, нигдѣ не господствуетъ столько такой беззастѣнчивой эксплуатаціи, какъ въ области снабженія большихъ

городовъ пищевыми, вкусовыми и всякаго рода другими предметами продовольствія.

Деревня доставляетъ сырые продукты по извѣстной цѣнѣ. Крупный посредникъ скупаетъ ихъ и перепродаетъ болѣе мелкимъ по цѣнѣ значительно большей. Часто, напримѣръ, хлѣбъ, прежде чѣмъ дойдетъ до рта потребителей, долженъ пройти цѣлую серію этапныхъ пунктовъ, все болѣе и болѣе повышаясь при этомъ въ цѣнѣ. А особенно дорого всякіе продукты обходятся тѣмъ, кто имѣетъ наименѣе средствъ. Тотъ, кто продовольствуется, пользуясь изо дня въ день ближайшими лавочками, платитъ за пищу гораздо больше того, кто покупаетъ оптомъ, дѣлаетъ запасъ. Платя дороже, первый все-таки получаетъ при этомъ продукты худшіе, чѣмъ второй, и слѣдовательно питается хуже—и именно потому, что въ хлѣбѣ на 10—20% воды больше, чѣмъ слѣдуетъ, да и вѣсъ его часто (въ булкахъ) меньше положеннаго, что съ молока наполовину сняты сливки, что мясо тоще, старо, не свѣжо, что въ одномъ продуктѣ есть примѣсь, а другой поддѣланъ. Такое надувательство не нами началось, не нами и кончится. Само собою понятно, что оно не было оставляемо безъ вниманія тѣми, на комъ лежала и лежитъ забота объ общественномъ благѣ. Государственныя и общественныя власти, съ одной стороны, составляютъ на этотъ предметъ извѣстныя правила, издаютъ предписанія, слѣдятъ за ихъ исполненіемъ, а съ другой—принимаютъ на себя устройство извѣстнаго рода заведеній, какъ рынки, бойни, молочныя фермы и т. п.

Въ настоящее время вообще признано, что спеціально *бойни* должны быть предметомъ не частной, а общественной предпріимчивости, съ принудительнымъ убоемъ въ нихъ всякаго рода скота, по извѣстной таксѣ. Не только за границей, но и у насъ все болѣе и болѣе появляется общественныхъ (городскихъ) боенъ. Бойни стараго типа—это такой предметъ, о которомъ лучше не говорить, чтобы не разстраивать нервовъ и въ частности аппетита. Бойни новаго типа—это обширныя, чистыя, свѣтлыя помѣщенія, настолько хорошо приспособленныя, что, войдя въ нихъ не во время убоя, можно ошибиться на счетъ ихъ назначенія. Это вполнѣ гарантируетъ чистоту мяса, а строго ветеринарно-полицейскій надзоръ устраняетъ отъ убоя больныхъ и вообще негодныхъ животныхъ и не допускаетъ до потребителей

мяса, содержащаго особенно опасныхъ паразитовъ, въ томъ числѣ и вызывающихъ бугорчатку.

Пекарни еще ожидаютъ устройства надлежащаго общественнаго за ними контроля, какъ и *молочныя фермы*, впрочемъ только у насъ; въ Англіи, Германіи и др. мѣстахъ молочныя фермы стоятъ подъ болѣе или менѣе строгимъ общественнымъ контролемъ. Молочный вопросъ для всѣхъ, но особенно для большихъ городовъ—вопросъ въ высшей степени важный, въ виду преимущественнаго потребленія молока дѣтьми, которыя легко страдаютъ и гибнутъ отъ молока недоброкачественнаго. Вообще можно сказать, что хорошая пища жителямъ большихъ городовъ можетъ быть гарантирована только надлежащими общественными заботами о доброкачественности и даже дешевизнѣ входящихъ въ ея составъ средствъ. Городъ страдаетъ обыкновенно отъ дороговизны и недобракачественности пищи, да и то условно; городъ можетъ завязать непосредственныя сношенія съ производителями сырыхъ продуктовъ,—городъ можетъ организовать строгій надзоръ за качествомъ послѣднихъ.

Деревня наша обыкновенно потребляетъ дешевую, но грубую пищу, по преимуществу растительную; основой ея является цѣльный ржаной или цѣльный пшеничный хлѣбъ. Добавочными средствами являются разные виды крупы для каши, картофель, капуста, бураки. Изъ животныхъ пищевыхъ средствъ на первомъ планѣ стоитъ молоко и разные получаемые изъ него продукты. Мясо вообще рѣдко появляется за столомъ нашихъ крестьянъ. Въ обычныхъ условіяхъ деревня потребляетъ то, что производитъ она сама. Но успѣшность ея производства очень непостоянна, такъ какъ она зависитъ отъ такого измѣнчиваго явленія, какъ *погода*. Недостатокъ дождя, избытокъ его, градобитія, сухіе горячіе вѣтры, слишкомъ ранніе или слишкомъ поздніе морозы—все это грозитъ деревнѣ бѣдой въ видѣ *неурожая*, то самаго хлѣба, то разныхъ его подспорій. Все это такіе враги, которые не чета какому-нибудь самому даже зловредному городскому перекупщику. Ихъ не доймешь никакими человѣческими средствами, хотя можно и не мало сдѣлать къ предупрежденію и устраненію ихъ вредныхъ послѣдствій. Неурожай для деревни, это та бѣда, про которую говорятъ „придетъ бѣда, отворяй ворота“, такъ какъ при этой бѣдѣ нечего и беречь во дворѣ. „Лиха бѣда бѣдѣ прійти, а побѣдки съ ногъ собьютъ“,

говоритъ другая пословица на ту же тему. Однако не всякій неурожай представляетъ бѣду, бываетъ и полбѣды: „не бѣда, что во ржи лебеда; а бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“. Но все-таки „плохіе года, коли во ржи лебеда“. „видима бѣда, коли во ржи лебеда“. Во всякомъ случаѣ, самъ народъ этими пословицами указываетъ, чѣмъ онъ въ первой линіи питается, когда нѣтъ настоящаго хлѣба. *Лебеда*—растеніе общеизвѣстное. Стволъ и листья употребляемые, какъ салатъ, имѣютъ питательность общую съ питательностью вообще травы; во всякомъ случаѣ, она не выше питательности зеленой капусты, а эта питательность очень мала. Наибольшую питательность представляетъ сѣменная кисть съ мелкими, меньше мака, зернами. Въ этихъ зернахъ находятся питательныя вещества, общія вообще зернамъ, есть въ нихъ и бѣлокъ, есть и крахмалъ. Но они сопровождаются громадною массой совершенно не усвоиваемой очень твердой клѣтчатки, которая мѣшаетъ усвоенію и усвоиваемыхъ веществъ. Въ результатѣ можно предположить, что изъ лебеды не усвоивается и половины всей ея массы, да и то, что̀ усвоивается, добывается тяжелымъ трудомъ со стороны пищеварительнаго снаряда.

Въ лучшихъ случаяхъ неурожая лебеда только примѣшивается ко ржи, въ худшихъ—основой хлѣба является уже сама лебеда, если, конечно, она есть, а то вѣдь засуха не щадитъ и ее. Тогда лебеда мѣшается съ отрубями, съ мукой изъ древесной коры, изъ дубовыхъ желудей, наконецъ, прямо съ землей, чтобы только увеличить ту массу, которая сходитъ за хлѣбъ. Такой хлѣбъ на нѣкоторое время обманываетъ желудокъ своею тяжестью—и тѣмъ притупляетъ чувство голода. Но это самый голодный изо всѣхъ голодныхъ хлѣбовъ; въ немъ часто и на половину нѣтъ питательныхъ веществъ, а усвоиваемыхъ, конечно, и того меньше. Отъ этого хлѣба прямой переходъ къ землѣ и—въ землю.

Ни войны, ни пожары, ни скотскіе падежи—ничто не низводитъ народнаго продовольствія до земли.

Надѣюсь, мм. гг., что мнѣ удалось дать вамъ понятіе о томъ, что̀ требуется отъ хорошей пищи, въ смыслѣ ея качества. Чтобъ у человѣка было достаточно силъ для удовлетворенія всякаго рода—низшихъ и высшихъ потребностей, необходима пища не только извѣстнаго состава, но и извѣстнаго приготовленія,

возможно болѣе уменьшающаго затраты организма на ея усвоеніе. Безъ соблюденія этихъ условій чуть не всѣ наши силы могутъ тратиться только на простое поддержаніе жизни. И мысль, и нравственное чувство, по необходимости, остаются тогда въ зародышевомъ состояніи, какъ сѣмена, брошенныя въ безплодную почву. Кажется, Фридрихъ II Прусскій выразился, что храбрость солдата кроется въ его желудкѣ. Но въ желудкѣ имѣютъ свой источникъ или, по крайней мѣрѣ, находятъ поддержку много и другихъ добродѣтелей—личныхъ и общественныхъ. Въ немъ же неистощимый рудникъ многихъ золъ. Отчего у насъ въ самыхъ преклонныхъ годахъ нѣтъ такой большой смертности, какъ въ самыхъ первыхъ? Прежде всего отъ недоброкачественной или недостаточной пищи, отъ разстройствъ пищеваренія и отъ упадка питанія въ нѣжныхъ ростущихъ организмахъ. Сколько малокровныхъ, усталыхъ, раздражительныхъ, истощенныхъ, болѣзненныхъ обязаны этимъ несоотвѣтственной пищѣ? А сколько отъ этого страданій, мученій себя и другихъ, сколько разнаго рода неурядицъ?

Человѣкъ на землѣ находится въ постоянной борьбѣ и съ самимъ собой, и со всѣмъ окружающимъ. Чтобъ остаться въ этой борьбѣ побѣдителемъ, требуется много силы, много устойчивости, много, такъ-сказать, жизненной упругости. А что̀ ихъ поддерживаетъ, какъ не пища?

Вольная или невольная голодовка—это самая плодородная почва для произрастанія въ людяхъ всякаго зла и лучшій питомникъ для болѣзней. Отсюда понятно то великое общественно-экономическое и санитарное значеніе, какое имѣетъ пища, какъ источникъ нашей силы, нашей энергіи.

Поэтому я позволю себѣ высказать вамъ, мм. гг., пожеланіе, чтобы вы оказывали болѣе вниманія и почтенія къ такимъ, какъ говорятъ, низменнымъ потребностямъ, какъ потребности желудка или точнѣе—питанія. Вѣдь этими потребностями мы болѣе, чѣмъ какими-либо другими, связаны со всѣмъ остальнымъ видимымъ міромъ; черезъ нихъ мы, какъ миѳическій Антей отъ земли, получаемъ отъ солнца силу для всякаго рода добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ дѣйствій. На удовлетвореніи ихъ, какъ на фундаментѣ, зиждется наше здоровье и счастье, наша мудрость и слава.

Чтеніе второе.

Мм. гг.! Наша жизнь сопровождается постояннымъ расходованіемъ вещества ради освобожденія связанной съ нимъ энергіи, какъ расходуется уголь, дрова, керосинъ для тепла и свѣта. Это расходованіе для поддержанія даннаго (вещественнаго) строенія и состава нашего тѣла, для дальнѣйшаго поддержанія существованія, требуетъ прихода новыхъ запасовъ вещества, способнаго при своихъ измѣненіяхъ, именно при окисленіи или горѣніи, освобождать энергію. Въ своемъ первомъ чтеніи я занимался выясненіемъ, каковъ долженъ быть приходъ или точнѣе, каковы должны быть составляющія его вещества—съ качественной стороны. Теперь мы займемся *количественною* стороной дѣла.

Спрашивается именно—*сколько* мы должны принимать пищи? На практикѣ дѣло это рѣшается просто. Говорятъ, нужно ѣсть столько, чтобы чувствовать себя сытымъ, чтобъ утолять чувство голода. Но чувство сытости очень условно. Оно зависитъ, вопервыхъ, отъ состоянія желудка—здороваго или болѣзненнаго, вовторыхъ, отъ его привычнаго состоянія или отъ привычныхъ ему ощущеній. Нужно сказать именно, что въ первой линіи чувство сытости обусловливается растяженіемъ желудка. Чѣмъ къ большему растяженію привыкъ желудокъ, тѣмъ бо́льшаго, по крайней мѣрѣ по объему, количества пищи онъ требуетъ для ощущенія сытости. Кромѣ состоянія и привычекъ желудка въ опредѣленіи затѣмъ чувства сытости играютъ роль такія свойства вводимой въ него пищи, которыя имѣютъ мало общаго съ ея питательностью, какъ ея объемъ, тяжесть. Объемъ можетъ зависѣть отъ бо́льшаго количества воды, неусвояемыхъ тѣломъ веществъ, какова клѣтчатка въ растительныхъ пищевыхъ средствахъ; тяжесть можетъ зависѣть отъ землистыхъ веществъ, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто нерѣдко въ „голодныхъ хлѣбахъ", то-есть хлѣбахъ, употребляемыхъ во время голодовокъ вслѣдствіе неурожая. Въ такихъ случаяхъ, объемъ и тяжесть введенной въ желудокъ пищи могутъ вызвать чувство сытости независимо отъ того, удовлетворительна или нѣтъ пища по количеству заключающихся въ ней собственно питательныхъ веществъ—и притомъ, конечно, усвояемыхъ.

Очевидно, однимъ чувствомъ сытости въ опредѣленіи нужнаго

намъ количества пищи руководиться нельзя. При этомъ необходимо обращать вниманіе на ея составъ, на ея усвояемость, которая далеко неодинакова у разныхъ пищевыхъ средствъ, особенно растительныхъ. При одномъ и томъ же количествѣ чернаго и бѣлаго хлѣба, изъ перваго усваивается почти на $^1/_3$ менѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ изъ втораго.

Какъ же мы можемъ *научно* опредѣлить количество необходимой намъ пищи и отдѣльныхъ составляющихъ ее питательныхъ веществъ?

Для рѣшенія этого вопроса существуютъ разные способы. Прежде всего мы можемъ руководиться при этомъ опытомъ жизни, пользуясь именно опредѣленіемъ количества и состава *пищи* тѣхъ людей, которые, потребляя *обыкновенную* пищу, являются здоровыми дѣятельными людьми въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Можемъ мы затѣмъ количество необходимой пищи опредѣлить и по величинѣ *расхода*, который несетъ нашъ организмъ въ извѣстный срокъ, обыкновенно въ сутки, въ видѣ разнаго рода *выдѣленій*.

Мы можемъ, наконецъ, опредѣлить не вещественный расходъ, а *расходъ энергіи*, въ видѣ теплоты, въ видѣ движеній. Но это опредѣленіе не можетъ быть полнымъ, такъ какъ мы не знаемъ, какое количество энергіи затрачивается при нашихъ нервныхъ и душевныхъ отправленіяхъ, начиная съ ощущеній. И ощущенія, и чувства, и мысли—всѣ болѣе или менѣе скоро вызываютъ чувство утомленія, всѣ слѣдовательно сопровождаются тратой энергіи и вещества, но выразить въ числахъ этой траты мы пока не можемъ.

Подходя тѣмъ, другимъ или третьемъ путемъ, а то и всѣми заразъ, ученые опредѣлили, что взрослому мужчинѣ при средней работѣ необходимо въ сутки такое количество питательныхъ веществъ: бѣлковъ (мяса, сыра, яичнаго бѣлка въ безводномъ состояніи) около $^1/_4$ фунта=24—28 золотн.=100—120 грм., жировъ $^1/_6$—$^1/_8$ фунта=12—16 золотн.=50—70 грм., крахмалисто-сахарныхъ веществъ (углеводовъ) $^3/_4$ до $1^1/_4$ фунта=300—500 грм. Такъ какъ женщина обыкновенно на 20—25 фунтовъ легче мужчины, то считаютъ, что для нея, при прочихъ равныхъ условіяхъ, достаточно $^4/_5$ того количества пищи, какое нужно мужчинѣ, то-есть около 20—25 зол. бѣлковъ, 10—13 зол. жировъ и небольше 1 фунта углеводовъ.

Усиленная работа требуетъ увеличеннаго количества питатель-

ныхъ веществъ, причемъ увеличеніе главнымъ образомъ падаетъ на жиръ или углеводы, но не минуетъ и бѣлковъ. 30 зол. бѣлка, 20 зол. жира и $1\frac{1}{4}$ фунта углеводовъ можно считать достаточнымъ количествомъ для сильно работающаго мужчины, при условіи полнаго усвоенія этихъ количествъ изъ пищи.

Бо́льшаго увеличенія количества питательныхъ веществъ требуютъ такія состоянія, какъ беременность и кормленіе грудью. Обычный, указанный выше раціонъ увеличивается при этомъ въ $1\frac{1}{2}$—2 раза, преимущественно на счетъ бѣлка и жира.

Преклонный возрастъ, сидячій покойный образъ жизни требуютъ меньше пищи, чѣмъ указано выше, почему въ пищѣ призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ, въ пищѣ арестантовъ мы находимъ около 20 зол. бѣлка, 10 зол. жира и $\frac{3}{4}$ фунта углеводовъ.

Наоборотъ, возрасты молодые, когда организмъ еще растетъ, развивается, требуютъ гораздо больше пищи, чѣмъ возрасты возмужалые. Грудныя дѣти, на извѣстную единицу вѣса, напримѣръ, на фунтъ, потребляютъ въ видѣ молока въ 2—3 раза болѣе бѣлка, въ 5—6 разъ болѣе жира, но впрочемъ на $\frac{1}{2}$ или на $\frac{1}{3}$ меньше углеводовъ, чѣмъ взрослые. Дѣти въ возрастѣ 2—5 лѣтъ, по сравненію со взрослыми, на одну и ту же единицу вѣса, нуждаются въ двойномъ количествѣ бѣлка, въ тройномъ, даже въ четверномъ количествѣ жира, вмѣстѣ съ такимъ же или даже нѣсколько бо́льшимъ количествомъ углеводовъ. Дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ въ тѣхъ же условіяхъ потребляютъ чуть не вдвое бѣлка и жира, при томъ же количествѣ углеводовъ, какъ это имѣетъ мѣсто у взрослыхъ.

Нужно помнить, что сравнительное количество пищи выражается здѣсь въ относительныхъ величинахъ, на одинъ и тотъ же вѣсъ тѣла. Абсолютно дѣти, конечно, все-таки потребляютъ меньше, чѣмъ значительно болѣе тяжелые взрослые.

До сихъ поръ рѣчь шла о *теоретическихъ* діэтахъ, выраженныхъ количествомъ входящихъ въ пищу питательныхъ веществъ. Такія діэты или раціоны имѣютъ научное значеніе. Въ жизни, на практикѣ руководятся количествомъ входящимъ въ пищу пищевыхъ средствъ—мяса, молока, хлѣба, что̀ будетъ уже представлять діэты *практическія*. Въ основаніе ихъ, конечно, кладутся указанныя выше теоретическія діэты. Чтобы перейти отъ однихъ къ другимъ, необходимо знать составъ тѣхъ пищевыхъ средствъ, съ которыми имѣютъ дѣло. Возьмемъ, напримѣръ, *молоко*. Въ молокѣ питательныхъ веществъ едва 10—15%, а остальное

все приходится на воду. Въ коровьемъ молокѣ бѣлокъ, жиръ, сахаръ находятся почти въ одинаковыхъ количествахъ. Поэтому приблизительно мы можемъ такъ вычислить: 1 фунтъ молока заключаетъ въ себѣ 12 золотн. питательныхъ веществъ, слѣдовательно, приблизительно по 4 зол. бѣлка, жира, сахара. Чтобы получить то количество бѣлка, которое необходимо взрослому за сутки, при условіи полной усвояемости молока, необходимо 6—7 фунтовъ молока (около 2 штофовъ). При этомъ количество жира окажется очень большимъ, но за то количество сахара (углеводовъ) очень малымъ, по сравненію съ тою теоретическою діэтой, о которой упомянуто раньше. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что жиры и углеводы могутъ замѣщать другъ друга, причемъ 1 часть жира отвѣчаетъ $2^1/_4$ частямъ крахмала или сахара. Въ указанномъ количествѣ молока избытокъ жира составляетъ около 10 зол., что̀ отвѣчаетъ 22—23 зол. углеводовъ. Если это число прибавить къ тѣмъ 24—28 зол. сахара, которые имѣются въ 6—7 фунтахъ молока, то получимъ 46—50 зол. углеводовъ, количество все-таки недостаточное для взрослаго. Чтобъ имѣть вполнѣ удовлетворительную пищу, мы, очевидно, должны будемъ къ нему прибавить какого-либо другаго пищеваго средства, содержащаго въ избыткѣ углеводы. Возьмемъ *хлѣбъ*.

Въ хлѣбѣ свѣжемъ, при 35—40% воды, содержится около 5—6% бѣлковыхъ веществъ, около 1% жира и около 45—50% крахмала. Въ фунтѣ, причемъ, будетъ 5 зол. бѣлка, 1 зол. жира и 45 зол. крахмала. Чтобы при 6—7 фунтахъ молока, съ ихъ 46—50 зол. углеводовъ, получить около фунта послѣднихъ, нужно взять, по крайней мѣрѣ, фунтъ хлѣба при 6—7 фунтахъ молока и 1 фунтъ хлѣба, получится нѣкоторый избытокъ бѣлка, равный приблизительно 4 золотникамъ. Хотя въ 1 фунтѣ хлѣба и 5 золотниковъ бѣлка, но усвоивается изъ него едва 4. Болѣе отвѣчающею приведенной выше теоретической практическая суточная діэта изъ молока и хлѣба для взрослаго при небольшой работѣ будетъ состоять изъ 5 фунтовъ молока и $1^1/_2$ фунта хлѣба. При тяжелой работѣ мужчинѣ, какъ и во время беременности и кормленія грудью женщинѣ, нужно брать не меньше 6 фунтовъ молока и 2 фунтовъ хлѣба. Это послѣднее количество хлѣба есть собственно наивысшее, которое можетъ быть достаточно хорошо усвоено за сутки, при смѣшанной пищѣ, работающимъ человѣкомъ. При небольшой работѣ и $1^1/_2$ фунта за глаза. Если же ничего существеннаго не имѣть въ подспорье хлѣбу,

то и 3 фунтовъ мало. Не будетъ при этомъ доставать именно бѣлка и жиру, такъ какъ въ 3 фунтахъ хлѣба перваго только 15 золотниковъ (вмѣсто 24), втораго только 3 (вмѣсто шіпішпіи 12); за то углеводовъ будетъ слишкомъ много (около 145 зол.). Предполагая, что недостатокъ жира будетъ пополненъ избыткомъ крахмала, мы все-таки при 3 фунтахъ хлѣба будемъ имѣть недостатокъ бѣлка, тѣмъ болѣе, что бѣлокъ хлѣба въ самомъ лучшемъ случаѣ усвоивается едва въ количествѣ 80% всего его количества, введеннаго вмѣстѣ съ хлѣбомъ. А между тѣмъ и съ 3 фунтами хлѣба человѣкъ справляется очень трудно. Наши солдаты продаютъ значительные остатки отъ своего хлѣбнаго раціона въ 2½—3 фунта за безцѣнокъ, чтобы только имѣть другіе продукты для приварка.

Изъ этого между прочимъ можно видѣть, какъ сравнительно мала, при почти полномъ отсутствіи другихъ пищевыхъ средствъ, дача въ 30 фунтовъ муки, равная 40 фунтамъ хлѣба въ мѣсяцъ, производимая теперь пострадавшимъ отъ неурожая. Эта дача еще сносна для дѣтей до 10—12 лѣтъ, для стариковъ и старухъ, вообще для непроизводящихъ никакой работы, кромѣ необходимой для одного поддержанія жизни въ данное время. Взрослый человѣкъ, да еще при нѣкоторой работѣ, а также женщины при беременности и кормленіи грудью, располагая только 1⅓, даже 1½ фунта хлѣба, находятся въ состояніи хроническаго голоданія, ведущаго къ истощенію.

Однако вернемся къ нашей діэтѣ изъ молока и хлѣба. Потребить за день 5—6 фунтовъ молока дѣло не легкое, а тѣмъ болѣе потреблять это количество изо дня въ день. Когда человѣку является необходимымъ держаться молочной діэты спеціально ради какой-нибудь болѣзни, онъ волей-неволей будетъ сидѣть на ней и очень продолжительное время. Но разъ человѣкъ не связанъ никакою необходимостью, разъ онъ имѣетъ свободный выборъ, онъ рѣдко придерживается преимущественно молочной діэты, между прочимъ и потому, что она недостаточно удовлетворяетъ притупленному вкусу. Соединеніе съ хлѣбомъ мяса представляется большинству болѣе удовлетворительною пищей. Въ мясѣ средняго достоинства на фунтъ приходится около 18 золотниковъ бѣлковъ и 5 золотниковъ жира. Чтобы съ этимъ фунтомъ получить годную для взрослаго пищу, нужно прибавить, по крайней мѣрѣ, два фунта хлѣба, причемъ будетъ нѣкоторый недочетъ только въ жирѣ; этотъ недочетъ легко можетъ

быть пополненъ прибавкой 6—10 золотниковъ сала, масла. Рабочему человѣку, женщинѣ во время беременности и кормленія грудью необходимо къ 2 фунтамъ хлѣба прибавлять 1½ фунта мяса и 10 золотниковъ масла. Во всѣхъ случаяхъ принимается въ разсчетъ мясо безъ костей, безъ избытка сухожилій, поверхностнаго жира.

Можно составить удовлетворительную діэту и изъ яицъ съ хлѣбомъ. Среднимъ числомъ куриное яйцо вѣситъ около 14 золотниковъ; изъ этого числа около 1½ золотника приходится на скорлупу, слѣдовательно, на долю собственно питательныхъ веществъ, то-есть бѣлка и желтка, остается 12½ золотниковъ. Чтобы получить 1 фунтъ послѣднихъ, нужно взять 8 яицъ. Въ этомъ фунтѣ будетъ около 13 золотниковъ бѣлка и 12 золотниковъ жира. Если прибавимъ къ этому 2 фунта хлѣба, то получимъ вполнѣ удовлетворительную пищу для взрослаго человѣка при небольшой работѣ. При тяжелой работѣ, беременности, кормленіи грудью, при томъ же количествѣ хлѣба, требуется уже цѣлая дюжина яицъ.

Само собою понятно, что практически пищу можно составить изъ 3, 4, 5 и болѣе пищевыхъ средствъ, какъ это ежедневно и практикуется. Будетъ удовлетворительною для взрослаго съ небольшою работой пища, составленная изъ:

I. 3 яицъ, 2½ фунтовъ молока, 1½ фунтовъ хлѣба;

II. 3 яицъ, ½ фунта мяса, 1½ фунта хлѣба и 10 золотниковъ масла;

III. 2 яицъ, ½ фунта мяса, 1½ фунта молока, 1½ фунта хлѣба и 1 фунтъ картофеля;

IV. ¾ фунта мяса, 1 фунтъ молока, 1 фунтъ хлѣба, 1½ фунта картофеля;

V. 1 фунтъ мяса, 1 фунтъ хлѣба, 2 фунта картофеля и т. д.

Нужно добавить, что въ фунтѣ картофеля едва найдется 1 золотникъ бѣлка, но за то имѣется въ немъ около 20 золотниковъ крахмала, почему картофель удобенъ для добавленія тамъ, гдѣ недостаетъ углеводовъ, но быть не только пищей, но главною ея составною частью онъ не можетъ безъ ущерба для потребителя. Во всякомъ случаѣ онъ плохой суррогатъ хлѣба.

Приведенныя діэты, какъ теоретическія, такъ и практическія, не представляютъ чего-либо непремѣнно обязательнаго для каждаго и каждый день. Отъ нихъ могутъ быть разнообразныя и значительныя отступленія безъ вреда, если не для производи-

тельности труда, то для здоровья, опредѣляемаго какъ бодрое, пріятное самочувствіе. Но все-таки существуютъ отступленія, уже переходящія границы допустимаго. Въ средѣ состоятельныхъ классовъ довольно обыкновененъ порокъ *объяденія*, избыточнаго питанія, а въ средѣ несостоятельныхъ еще чаще встрѣчается несчастіе и даже бѣдствіе *недоѣданія*, недостаточнаго питанія. Въ первомъ случаѣ человѣкъ болѣе или менѣе скоро доводитъ себя до того, что начинаетъ задыхаться въ своемъ собственномъ тукѣ, благодаря громаднымъ запасамъ жира и самаго бѣлка. А во второмъ случаѣ человѣкъ также болѣе или менѣе скоро начинаетъ походить на клячу, также задыхающуюся, но не отъ тука, а отъ слабости и утомленія.

Исторія и современность представляютъ много примѣровъ того, какъ простое естественное чувство голода подавало и подаетъ поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, которыя въ нравственномъ отношеніи и сами по себѣ являются порокомъ и ведутъ къ другимъ, а въ тѣлесномъ служатъ причиной разнаго рода болѣзней. Эти болѣзни зависятъ: 1) то отъ избытка сдѣланныхъ тѣломъ запасовъ, какъ ожиреніе, полнокровіе; 2) то отъ избытка образующихся въ тѣлѣ продуктовъ, или остатковъ распаденія введенной пищи, какъ подагра; 3) то отъ переутомленія желудка и другихъ органовъ пищеварительнаго аппарата, какъ диспепсія (невареніе пищи) въ разныхъ видахъ; 4) то отъ раздраженія послѣднихъ продуктами разложенія избыточной пищи, на которую не хватаетъ пищеварительныхъ соковъ, какъ катарры, воспаленія желудка и кишекъ, могущіе повести къ желтухѣ и довести до такъ-называемой „нашей холеры“ (въ отличіе отъ азіятской); 5) то даже отъ самоотравленія, вслѣдствіе образованія изъ избыточной пищи прямо ядовитыхъ веществъ. Такое самоотравленіе не выражается обыкновенно какими-либо рѣзкими, опредѣленными припадками. Но оно подаетъ поводъ къ появленію чувства недомоганія, слабости, угнетенія, а то раздражительности, вообще ипохондрическаго настроенія, имъ нерѣдко обусловливаются головныя боли, а вѣроятно также временныя сердцебіенія и одышка, неправильная дѣятельность почекъ, а также разнообразныя нервныя и даже психическія разстройства, умственное отупеніе. Однако, насъ въ настоящее время интересуетъ, главнымъ образомъ, не избыточное, а *недостаточное* питаніе. Къ чему оно ведетъ, чѣмъ оно выражается?

Пища, какъ мы знаемъ, необходима и для поддержанія даннаго

строенія тѣла и для его дѣятельности. Въ дѣлѣ строенія недостаточность пищи ведетъ къ уменьшенію объема органовъ и тканей, не только вслѣдствіе исчезанія запасовъ, которые могли быть сдѣланы раньше, но и вслѣдствіе уменьшенія величины строительныхъ единицъ (клѣтокъ) нашего тѣла. Такъ какъ матеріальный обмѣнъ въ нашемъ тѣлѣ, его приходъ и расходъ, въ количественномъ отношеніи зависитъ до извѣстной степени отъ даннаго количественнаго матеріальнаго состава, то очевидно и послѣднему настоитъ необходимость приспособлять къ величинѣ возможнаго по количеству пищи обмѣна. Разъ поступаетъ въ тѣло меньше пищи, тѣло по необходимости должно принимать меньшіе размѣры ради того, чтобы довести величину расхода до величины прихода. Это и удается въ извѣстныхъ границахъ недостаточнаго питанія. Организмъ можетъ дойти до того, что недостаточное питаніе становится достаточнымъ, и паденіе вѣса тѣла останавливается. При этомъ тѣло, вѣсившее прежде 4 пуда, можетъ остановиться на $3^1/_2$, даже на 3 пудахъ. Въ такихъ случаяхъ, кромѣ исчезанія запасовъ жира, очень тощаютъ мышцы, которыя въ нашемъ тѣлѣ составляютъ не меньше 40% всей массы тѣла. Тощаютъ также очень пищеварительные органы, особенно печень; тоньше становятся и стѣнки желудка и кишекъ. Не избѣгаютъ той же участи ни мозгъ съ одной стороны, какъ самый дѣятельный органъ, ни кости—съ другой, какъ органъ самый недѣятельный. Это уменьшеніе крайнихъ степеней достигаетъ, конечно, тогда, когда количество пищи до того мало, что какъ бы организмъ ни худѣлъ, онъ все-таки въ приходѣ имѣетъ меньше, чѣмъ въ расходѣ. Такое положеніе собственно и есть голоданіе, угрожающее не только здоровью, производительности организма, но и самой его жизни.

Въ организмахъ растущихъ недостаточное питаніе неминуемо сказывается ослабленіемъ и даже остановкой роста. Это приложимо, какъ къ плоду въ утробѣ матери, такъ и къ дѣтямъ, живущимъ уже самостоятельно. Поколѣнія, рожденныя въ неурожайные годы, вообще отличаются малорослостью и слабосиліемъ, какъ это показываютъ наблюденія надъ рекрутами. А остается конечно жить только то, что̀ расло и развивалось въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Наиболѣе слабая часть поколѣнія вымираетъ въ самое первое время жизни и вслѣдствіе такъ-называемой врожденной слабости, и вслѣдствіе голода по недостатку у матерей молока, и по невозможности ничѣмъ

подходящимъ его замѣнить. Если у кого и остаются коровы, то и онѣ не даютъ молока по отсутствію корма. Какъ общій результатъ массоваго, народнаго недостаточнаго питанія или неполнаго голоданія является при этомъ прямое вырожденіе нарождающагося за его время поколѣнія. Поколѣніе это, оставшееся и выросшее, кромѣ малорослости, отличается и болѣзненностью, выражающеюся въ видѣ золотухи, малокровія, нервныхъ разстройствъ.

Какъ скоро при прочихъ равныхъ условіяхъ уменьшается масса органовъ, *понижается* ихъ *дѣятельность*, уменьшается производительность ихъ труда. Это и сказывается умственною лѣнью, мышечною слабостью или скорою усталостью, замѣтнымъ ослабленіемъ сердечной и пищеварительной дѣятельности, а слѣдовательно и ослабленемъ общаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ. Человѣкъ, который, при достаточной пищѣ, могъ свободно цѣлыми часами таскать большія тяжести, почти безъ устали проходить громадныя разстоянія, теперь, при пищѣ недостаточной, то и дѣло отдыхаетъ, а то и прямо оказывается несостоятельнымъ въ извѣстномъ привычномъ ему дѣлѣ. Раньше человѣкъ потреблялъ безъ замѣтнаго вреда, а съ замѣтною пользой много и разнообразной пищи, теперь оказывается необходимою большая осторожность даже тогда, когда человѣкъ только переходитъ отъ недостаточной къ пищѣ достаточной, тѣмъ болѣе избыточной. На истощеннаго, долго голодавшаго человѣка сравнительно небольшой избытокъ пищи, даже самой удобоваримой, часто дѣйствуетъ какъ отрава—и даже смертельная. Нѣчто подобное замѣчается даже и тогда, когда человѣкъ переходитъ со сравнительно менѣе питательной растительной пищи на пищу животную, въ одинаковомъ объемѣ заключающую большее количество такихъ наиболѣе существенныхъ питательныхъ веществъ, какъ бѣлки и жиры. Дни разговѣнья у насъ сопровождаются обыкновенно большимъ количествомъ желудочнокишечныхъ заболѣваній, нерѣдко очень серьезныхъ.

Очень дурно отзывается недостаточное питаніе на женщинахъ въ періодъ беременности и кормленія грудью. Было уже говорено, какъ это отражается на потомствѣ. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ окончательно при этомъ подорвать и организмъ матери, такъ что и при наступленіи благопріятныхъ условій не получается полнаго возстановленія—и если не навсегда теряется производительная способность, то послѣдующее потомство является слабымъ и недолговѣчнымъ. Считаю лишнимъ пускаться

въ какія-либо длинныя разсужденія по поводу того, что ослабленные недостаточнымъ питаніемъ люди представляютъ самый подходящій матеріалъ для такихъ болѣзней, какъ цынга, разныя формы тифа, особенно сыпнаго и возвратнаго, этихъ голодныхъ тифовъ по преимуществу, затѣмъ, какъ малярія, кровавый поносъ. Да и по отношенію ко всѣмъ другимъ заразнымъ болѣзнямъ истощенный недостаточнымъ питаніемъ организмъ дѣлается болѣе уступчивымъ, чѣмъ организмъ хорошо упитанный.

Посмотримъ теперь, какъ массовое, или *народное голоданіе отражается на государственной и общественной жизни.*

Для *государства* такое голоданіе обязательно сопряжено не только съ ослабленіемъ, но и съ количественнымъ уменьшеніемъ населенія, съ уменьшеніемъ, если не упадкомъ производительности страны, а слѣдовательно съ бо́льшимъ или меньшимъ уменьшеніемъ ея доходности. Да при этомъ борьба съ самою голодовкой требуетъ необычныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ расходовъ для ограниченія, какъ самаго бѣдствія, такъ и его послѣдствій, въ родѣ повальныхъ болѣзней людей и животныхъ, недостатка орудій и средствъ для дальнѣйшаго производства. Бѣдствующее государство обыкновенно много теряетъ и въ международномъ отношеніи.

Въ *общественномъ* отношеніи массовое голоданіе, кромѣ золъ, связанныхъ съ государственными интересами, наноситъ громадный ущербъ тѣмъ, что отвлекаетъ общественныя силы отъ другихъ существенныхъ общественныхъ интересовъ, которые конечно отъ этого не могутъ не страдать. Бросаясь на защиту въ одну сторону, поневолѣ обыкновенно оставляютъ открытыми другія слабыя стороны, въ данномъ случаѣ слабыя стороны общественной жизни. Нарушая такимъ образомъ равномѣрность въ проявленіи разныхъ сторонъ послѣдней, всякаго рода общественныя бѣдствія способствуютъ тѣмъ усиленному проявленію наиболѣе дурныхъ сторонъ человѣческой природы, болѣе явному обнаруженію такъ-называемыхъ злыхъ, чисто животныхъ инстинктовъ. Разъ жизнь виситъ на волоскѣ, разъ приходится выбирать не сегодня, такъ завтра между жизнью и смертью, трудно, если только возможно, требовать отъ обыкновеннаго человѣка толпы, чтобъ онъ удержался на высотѣ своего человѣческаго достоинства, а особенно когда и о достоинствѣ-то этомъ онъ имѣетъ очень смутное понятіе. Повальныя болѣзни, или, какъ народъ называетъ, *моръ*, только, конечно, ухудшаютъ дѣло,

доводя людей до полнаго отчаянія, выражающагося то крайнею апатіей, то полнѣйшею разнузданностью. Пиры или лучше оргіи во время чумы, какъ и во время всякаго мора, не есть измышленія праздной фантазіи, а есть слабое воспроизведеніе дѣйствительности. Да и дѣйствительно,—много, очень много, чрезвычайно много нужно имѣть силы, чтобы быть въ такія времена устойчивымъ, разсудительнымъ, чтобы не впадать въ крайности.

Собственно нѣтъ такой стороны общественной, да и государственной вмѣстѣ съ тѣмъ жизни, которая бы болѣе или менѣе не страдала у насъ отъ болѣе или менѣе распространенныхъ неурожаевъ. О *земледѣліи* и говорить нечего. Оно страдаетъ и вслѣдствіе недостатковъ сѣмянъ не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ, и вслѣдствіе недостатковъ орудій производства—живыхъ и мертвыхъ, также недостатковъ качественныхъ и количественныхъ. И самъ человѣкъ, и его рабочій скотъ, его соха и борона—все это слабѣетъ, требуетъ починки, а средствъ на нее нѣтъ.

Промышленность прежде всего страдаетъ, потому что уменьшается спросъ на ея продукты. А затѣмъ въ частности одни производства падаютъ по недостатку матеріала—именно всѣ тѣ, которыя занимаются обработкой хлѣбныхъ сѣмянъ и другихъ продуктовъ земледѣлія, какъ мельницы, винокуренные, пивоваренные, свеклосахарные заводы и т. п., другія—по недостатку рабочихъ силъ, такъ какъ населеніе болѣетъ, расходится на поиски куска хлѣба, третьи—исключительно по недостатку спроса.

За промышленностью или вѣрнѣе вмѣстѣ съ нею падаетъ и *торговля*, такъ какъ предложеніе оказывается въ указанныхъ выше условіяхъ больше спроса. Это понижаетъ цѣну предметовъ торговли, ведетъ къ убыткамъ, несостоятельностямъ. Болѣе всего страдаетъ, конечно, торговля продуктами земледѣлія и скотоводства, прямо по ихъ недостатку, а то и по отсутствію на рынкѣ.

Съ паденіемъ промышленности и торговли несутъ громадные убытки всѣ тѣ лица и учрежденія, которыя заняты *передвиженіемъ товаровъ*, начиная съ чернорабочихъ носильщиковъ и кончая пароходными и желѣзнодорожными обществами и единичными владѣльцами.

Перейдемъ къ *духовной* сторонѣ жизни. Въ бѣдствіи человѣкъ дичаетъ. Можетъ ли человѣкъ заниматься образованіемъ своего ума и своего сердца, когда ему нечего ѣсть, когда онъ живетъ на счетъ самого себя? А каждый вѣдь представляетъ очень

конечную величину. Можетъ человѣка хватить на мѣсяцъ, на два, на три, но вотъ организмъ проѣдаетъ уже послѣдній свой внутренній заемъ. Что̀ дѣлать? конечно не учиться, не заниматься какими-либо свободными художествами, не отдаваться наукѣ, а отправиться на поиски какого-либо внѣшняго займа, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Человѣкъ въ такихъ случаяхъ то всецѣло отдается въ кабалу, то теряетъ способность разбирать средства, какъ никакъ лишь бы достигнуть цѣли, то налагаетъ не только на себя, но нерѣдко и на своихъ близкихъ руки, а то уже просто гибнетъ отъ безсилія. Неурожайные годы приходится выбрасывать изъ исторіи развитія собственно народнаго просвѣщенія; они даже не поддерживаютъ его на разъ достигнутомъ уровнѣ, а понижаютъ этотъ послѣдній. Должна падать въ тяжелые неурожайные годы и духовная продуктивность высшихъ, развитыхъ классовъ населенія, такъ какъ и ихъ чувства, мысли и дѣятельность, по необходимости, отвлекаются въ сторону народной бѣды, ради изысканія способовъ помочь горю.

Все-таки и въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ можно сказать, что нѣтъ худа безъ добра. Карая, Богъ и милуетъ. Годины народныхъ бѣдствій обязательно заставляютъ *сосредоточиваться въ себѣ*, вдумываться, давать отчетъ, какъ и что̀ дѣлается, и затѣмъ, не только намѣчать, но возможно быстро проводить тѣ или другія мѣры въ дѣло, ради спасенія себя и другихъ. Управляющіе и вообще развитые классы населенія необходимо проявляютъ при этомъ бо̀льшій или меньшій подъемъ духа, приводящій къ энергическимъ проявленіямъ чувства, мысли и дѣла. „Проснитесь! Спасайтесь! Спасайте!“ Такіе клики раздаются во время пожара и потрясаютъ всѣхъ, кто ихъ слышитъ, заставляя часто жертвовать собой ради спасенія другихъ. Но подобные клики находятъ отзвукъ въ умахъ и сердцахъ людей и при всѣхъ другихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. И вотъ принимаются соотвѣтственныя случаю мѣры къ ослабленію и даже уничтоженію бѣдствія, къ предотвращенію дурныхъ его послѣдствій,—мѣры, сообразныя, конечно, со средствами того, кто ихъ принимаетъ.

Наиболѣе обширныя и важныя *мѣры* приходятся, конечно, на долю *государства*. Государственныя мѣры спеціально по отношенію къ *неурожаямъ* дѣлятся на двѣ группы. На группу мѣръ осуществляемыхъ или, по крайней мѣрѣ, подготовляемыхъ еще въ благополучные годы и на группу мѣръ проводимыхъ во время самаго бѣдствія. Въ благополучные годы прежде всего дѣлаются

запасы „про черный день“, въ видѣ денегъ, въ видѣ самыхъ предметовъ продовольствія. Что лучше—намъ не время разбирать. Но во всякомъ случаѣ страна, заставаемая неурожаемъ безъ запасовъ хлѣба, страна не разсчетливая, сама себя ставящая въ условія громадной опасности. Та или другая обезпеченность населенія землей и даже качество обработки послѣдней играютъ конечно тоже не маловажную роль въ обезпеченности населенія хлѣбомъ и вообще пищей—не только въ урожайные, но и въ неурожайные годы, благодаря большей или меньшей возможности дѣлать запасы. А это то же что вполнѣ, а что отчасти относится къ области государственныхъ заботъ.

Когда бѣдствіе неурожая разражается, государство:

1) Опредѣляетъ размѣры бѣдствія и слѣдовательно размѣры необходимой помощи денежной, или, гораздо лучше, вещевой.

2) Даетъ извѣстныя, наиболѣе необходимыя денежныя средства.

3) Организуетъ и само производитъ возможно дешевыя покупку и доставку средствъ продовольствія изъ сытыхъ мѣстъ въ мѣста голодныя, обращая особое вниманіе на возможно бо́льшую легкость и краткость путей сообщенія.

4) Наблюдаетъ черезъ своихъ агентовъ не только за правильнымъ распредѣленіемъ пособія, но и за правильнымъ его употребленіемъ.

5) Приглашаетъ къ частнымъ пожертвованіямъ и вообще къ организаціи частной помощи.

6) Облегчаетъ обязательныя государственныя тяготы.

7) Предпринимаетъ на свой счетъ работы для доставленія бѣдствующему населенію заработка.

8) Возможно болѣе облегчаетъ пользованіе государственными имуществами—особенно лугами для скота, лѣсомъ для дровъ, рѣками, озерами для рыбы и т. п.

9) Организуетъ санитарно-врачебное наблюденіе за состояніемъ народнаго здоровья, особенно за появленіемъ и распространеніемъ повальныхъ болѣзней, привлекая къ этому всѣхъ врачей въ бѣдствующихъ и пораженныхъ болѣзнями мѣстностяхъ и давая имъ извѣстныя средства для предупрежденія и для борьбы со зломъ. Врачамъ въ такихъ случаяхъ должны быть даны такія же привилегіи, какъ во время войны, такъ какъ тягость и опасность врачебно-санитарной службы во время повальнаго мора нисколько не меньше тягости и опасности во время войны. Собственно говоря, указываемое наблюденіе за состояніемъ народнаго здоровья

должно имѣть мѣсто и въ года благополучные; въ неблагополучное же время оно должно только усиливаться и по составу лицъ, и по быстротѣ и полнотѣ дѣйствія.

10) На государствѣ также лежитъ обязанность такъ регулировать свои международныя отношенія въ дѣлѣ купли-продажи предметовъ продовольствія, чтобъ они ни въ какомъ случаѣ не шли въ ущербъ своей странѣ, чтобъ они не отнимали послѣдняго куска хлѣба у своего населенія.

11) Государству, наконецъ, необходимо всѣми силами поддерживать упадающій духъ бѣдствующаго населенія, пользуясь для этого особенно духовенствомъ, учителями, не говоря ужь о непосредственныхъ его агентахъ.

Для того, чтобы заботы государственной власти приносили всю возможную пользу, необходимо участіе въ этихъ заботахъ, какъ мѣстныхъ *общественныхъ управленій*, такъ и *частныхъ лицъ и учрежденій*. Главною задачей общественныхъ управленій должно быть подробное изученіе бѣдствія на мѣстѣ и дробная раздача предметовъ продовольствія и вообще домашняго обихода не только по поселкамъ, но и по семьямъ и лицамъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, то-есть въ дѣлѣ раздачи пособія, большую помощь государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ и лицамъ могутъ приносить частныя лица и частныя учрежденія благотворительнаго характера. Но эти послѣднія, то-есть частныя лица и учрежденія, разъ они поставлены въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ бѣдствующая масса, обязательно должны не только распредѣлять чужія пособія, но и добывать ихъ и сами, пользуясь для этого всѣми тѣми путями, которые допустимы закономъ и нравственны, въ условіяхъ, конечно, настоящей общественной жизни.

МАЛЕНЬКІЕ БАРАБАНЩИКИ.

(Разсказъ **Р. Киплинга.** Переводъ съ англійскаго.)

„И поведетъ ихъ малое дитя".

Въ армейскихъ спискахъ онъ до сихъ поръ значится—„Передовымъ, принцессы Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ-Анспахской, собственнымъ ея величества, легкимъ пѣхотнымъ, 329 полкомъ", но вся армія, во всѣхъ казармахъ, называетъ его не иначе, какъ—„Бѣглымъ". Можетъ-быть, со временемъ онъ что-нибудь сдѣлаетъ, чтобы заставить уважать свое новое прозвище, но покамѣстъ солдаты страшно стыдятся его и всякій, кто назоветъ ихъ „бѣглыми", рискуетъ головой.

Достаточно крикнуть два слова въ конюшнѣ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, чтобы вызвать оттуда всѣхъ людей на улицу съ ругательствами, нагайками и швабрами, но шепните только: „бѣглые!" и весь 329 полкъ схватится за ружья.

Единственнымъ извиненіемъ ему служитъ то, что онъ вернулся и употребилъ всѣ силы, чтобы кончить дѣло, какъ слѣдуетъ. Но военный міръ знаетъ, что сначала его побили, раскатали на всѣ корки, что онъ трясся отъ страха и бѣжалъ съ поля—солдаты знаютъ это, офицеры знаютъ и конная гвардія тоже, а когда начнется новая война, узнаетъ и непріятель. Между линейными полками есть два-три отмѣченныя черною чертой; на войнѣ они ее сотрутъ и не завидую я тѣмъ войскамъ, которымъ придется выносить на себѣ это очищеніе.

Офиціально предполагается, что храбрость англійскаго солдата внѣ всякаго сомнѣнія и, какъ общее правило, это вѣрно.

Исключенія—изъ приличія—скрываются, и о нихъ упоминаютъ только въ случайныхъ откровенныхъ бесѣдахъ послѣ ужина, въ офицерскихъ столовыхъ. Тогда приходится слышать странные и ужасные разсказы о солдатахъ не послѣдовавшихъ за своими офицерами, о приказаніяхъ отданныхъ тѣми, кто не имѣлъ на это никакого права и о такомъ позорѣ, который окончился бы полною катастрофой, еслибы не постоянное счастіе англійскаго оружія. Слушать подобные разсказы непріятно, и въ столовыхъ говорятъ объ этомъ вполголоса, сидя предъ каминомъ, а юные офицеры, склонивъ головы, думаютъ про себя, что, благодаря Бога, „ихъ“ люди никогда не будутъ вести себя такъ постыдно.

Однако, за эти случайные проступки нельзя относиться къ англійскому солдату безъ снисхожденія, хотя этого отзыва онъ не долженъ знать. Можетъ же генералъ, обладающій среднею соображительностью, тратить по шести мѣсяцевъ на обсужденіе особенностей тѣхъ военныхъ дѣйствій, которыя ему поручены; позволительно полковнику по три мѣсяца ошибаться въ оцѣнкѣ способностей своего полка выведеннаго уже въ поле; даже ротный командиръ можетъ обманываться въ характерѣ и настроеніи ввѣренной ему кучки людей;—за что̀ же порицать солдата и въ особенности современнаго намъ солдата, если онъ дрогнетъ и побѣжитъ съ поля? Потомъ его можно разстрѣлять или повѣсить, *pour encourager les autres;* но въ газетахъ бранить его не слѣдуетъ, потому что это доказывало бы отсутствіе такта и было бы безполезною тратой бумаги.

На службѣ пробылъ онъ, положимъ, четыре года. Еще два года и онъ будетъ отпущенъ домой. Наслѣдственныхъ нравственныхъ правилъ у него нѣтъ, а четырехъ лѣтъ слишкомъ мало, чтобъ онъ проникся мужествомъ и сознаніемъ своего священнаго долга передъ полкомъ. Ему хочется пьянствовать, хочется веселиться, а въ Индіи ему хочется наживать деньги, и ни малѣйшаго желанія у него нѣтъ выносить боль и страданія. Образованіе онъ получилъ какъ разъ достаточное для того, чтобы на половину понимать значеніе отдаваемыхъ ему приказаній и судить о свойствахъ ранъ чистыхъ, колотыхъ и огнестрѣльныхъ. Такъ, когда ему приказываютъ развернуть фронтъ передъ атакой, онъ понимаетъ, что во время этого маневра ему грозитъ большая опасность быть убитымъ и подозрѣваетъ, что имъ жертвуютъ, ради выигрыша десяти минутъ времени. Онъ

или развернетъ фронтъ съ отчаянною торопливостью, или замѣшкается, или подастся впередъ, или дрогнетъ, смотря по тому, какой дисциплинѣ его подчиняли въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Вооруженный недостаточными познаніями, съ проклятыми задатками воображенія, разъѣдаемый напряженнымъ себялюбіемъ низшихъ классовъ и не поддерживаемый никакими полковыми традиціями, молодой солдатъ внезапно встрѣчается съ врагомъ, который на Востокѣ всегда уродливъ, обыкновенно—высокъ и волосастъ и зачастую, шумливъ. Если, посмотрѣвъ вправо и влѣво онъ увидитъ около себя старыхъ солдатъ, прослужившихъ по двѣнадцати лѣтъ, которые, какъ ему извѣстно, понимаютъ дѣло, и атакуютъ, штурмуютъ или демонстрируютъ безъ замѣшательства, онъ чувствуетъ себя успокоеннымъ и смѣло прикладывается, чтобы стрѣлять. Онъ становится еще спокойнѣе, если услышитъ какъ старшій по годамъ—научившій его военному дѣлу, а при случаѣ и колотившій его, разъяснитъ ему шепотомъ: „Они будутъ орать еще минутъ пять. Затѣмъ бросятся на насъ и тогда мы ихъ схватимъ за волосы!“

Съ другой стороны, если онъ около себя видитъ только людей одного срока службы съ нимъ, если эти люди блѣднѣютъ, нервно хватаются за собачку курка и спрашиваютъ: „какого чорта они тамъ разорались“: если въ то же время ротные командиры, изнемогая отъ жары въ своихъ затянутыхъ шарфахъ, кричатъ имъ: „Первая шеренга, привинти штыкъ! Смирно тамъ, смирно! Прицѣлъ на три сотни, нѣтъ на пятьсотъ! Ложись всѣ! Смирно! Первая шеренга, на колѣни!“ и т. д., ему дѣлается не по себѣ, и онъ чувствуетъ себя окончательно несчастнымъ, когда слышитъ, какъ стоявшій рядомъ съ нимъ товарищъ падаетъ со стукомъ стальныхъ щипцовъ, ударившихся о рѣшетку камина и со стономъ оглушеннаго быка. Еслибъ ему можно было сдвинуться съ мѣста и послѣдить за дѣйствіемъ своего огня на врага, онъ почувствовалъ бы себя веселѣе и у него могла бы появиться даже страсть къ дракѣ, которая,—вопреки общему представленію,—находится подъ управленіемъ холоднаго бѣса—отъ нея трясетъ людей словно въ лихорадкѣ. Если-же его оставляютъ стоять на мѣстѣ и въ желудкѣ онъ начинаетъ ощущать холодъ, а во время этого кризиса на него кричатъ и онъ слышитъ приказанія, которыя никогда не были отданы, тогда онъ бѣжитъ съ поля, бѣжитъ въ разбродъ, а во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего ужаснѣе бѣгущаго съ поля англійскаго полка. Когда

наступаетъ самое худшее и паника становится дѣйствительно эпидемическою, тогда лучше не мѣшать людямъ бѣжать куда имъ вздумается, а ротнымъ командирамъ, ради собственной безопасности, лучше искать спасенія въ непріятельскихъ рядахъ. Если-же солдатъ удастся вторично вывести въ поле, то встрѣтиться съ ними непріятно—во второй разъ ужь они не побѣгутъ. Лѣтъ черезъ тридцать отъ настоящаго времени, когда намъ удастся дать полуобразованіе всѣмъ носящимъ брюки, наша армія будетъ прекрасною, но совершенно ненадежною машиной. Она будетъ знать слишкомъ много и дѣлать слишкомъ мало. Позднѣе, когда всѣ солдаты будутъ находиться на одномъ уровнѣ развитія съ нынѣшними офицерами, она завоюетъ весь міръ. Говоря попросту, для отчетливой и скорой мясницкой работы надо брать на службу или неучей или джентльменовъ, а лучше всего неучей подъ командой джентльменовъ. Разумѣется идеальный солдатъ, какъ сказано въ *солдатскомъ календарѣ*,—долженъ самъ мыслить самостоятельно, но къ несчастью, прежде, чѣмъ онъ выработаетъ эту добродѣтель, ему приходится пройти черезъ предварительную фразу размышленія *о самомъ себѣ*, а отъ этого геніи сбиваются съ пути. Неучъ можетъ быть не скоро научается самостоятельно мыслить, но онъ проникнутъ стремленіемъ убивать, а путемъ наказаній его легко выучить умѣнью спасать свою кожу и протыкать чужую. Проводящій время въ молитвѣ полкъ Шотландскихъ горцевъ подъ предводительствомъ офицеровъ-пресвитеріанцевъ можетъ на дѣлѣ оказаться нѣсколько страшнѣе тысячи неотвѣчающихъ за себя ирландскихъ разбойниковъ подъ начальствомъ невѣрующихъ молокососовъ. Но все-таки этимъ доказывается общее правило, что однимъ полуобразованнымъ людямъ нельзя довѣрять. У нихъ такія идеи о цѣнности жизни и такое воспитаніе, которое не научило ихъ идти впередъ и пользоваться всѣми шансами. Имъ не даютъ поддержки обстрѣленныхъ товарищей, и пока этой поддержки не будетъ организовано—о чемъ хлопочутъ многіе полковые командиры—они гораздо чаще могутъ обезчестить себя, чѣмъ это сообразно съ ростомъ имперіи и достоинствомъ арміи.

Офицеры у нихъ такъ хороши, что лучше и не надо, потому-что подготовка ихъ начинается рано, а Господь такъ устроилъ, что англійскій юноша изъ среднихъ слоевъ общества превосходитъ всякихъ иныхъ юношей во всемъ, что̀ касается выдержки, мозговъ и смѣлости. По этой причинѣ, почти дитя, въ

восемнадцать лѣтъ, съ жестяною саблей въ рукѣ и радостью въ сердцѣ, онъ будетъ стоять на своемъ посту, ничего не дѣлая, до тѣхъ поръ, пока его не свалятъ съ ногъ. Если ему приходится умереть, онъ умираетъ, какъ джентльменъ. Если же онъ остается живъ, то пишетъ домой, что его „искромсали", „подрѣзали", или что-нибудь въ этомъ родѣ и преслѣдуетъ правительство просьбами о вознагражденіи за рану, вплоть до объявленія новой маленькой войны, а тогда онъ принимаетъ ложную клятву передъ медицинскимъ комитетомъ, льститъ полковому командиру и ухаживаетъ за адъютантомъ до тѣхъ поръ пока его не пошлютъ опять на передовую линію.

Это разсужденіе приводитъ меня прямо къ парѣ самыхъ ужасныхъ бѣсенятъ, которые когда-либо били въ барабанъ или дули въ трубу въ любомъ оркестрѣ любаго англійскаго полка: Свою грѣшную карьеру они окончили открытымъ бунтомъ, за что̀ и были подстрѣляны. Джекинъ и Лю—Пигги Лю—оба были дерзкими, дрянными мальчишками барабанщиками, которыхъ неоднократно тамбуръ-мажору „Бѣглаго" полка приходилось кормить березовою кашей.

Джекинъ былъ малорослымъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати и Лю былъ приблизительно того-же возраста. Когда за ними не присматривали, они пьянствовали и курили. Ругались они, какъ ругаются въ казармахъ,—со стиснутыми зубами и безъ достаточнаго повода; а дрались аккуратно разъ въ недѣлю. Джекинъ происхожденіемъ своимъ обязанъ былъ какой-то Лондонской клоакѣ, а Лю не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о своемъ происхожденіи и единственными воспоминаніями его ранняго дѣтства были воспоминанія о наслажденіи слушать полковой оркестръ. Гдѣ-то въ глубинѣ своей маленькой, угрюмой души онъ скрывалъ искреннюю любовь къ музыкѣ и природа совершенно ошибочно снабдила его головой херувима, такъ что красивыя дамы любовавшіяся полкомъ въ церкви называли его не иначе, какъ „прелестью". Правда, онѣ ни разу не слышали его ядовитыхъ замѣчаній на счетъ ихъ манеръ и нравственности, когда онъ вмѣстѣ съ музыкантами маршировалъ назадъ въ казармы и обдумывалъ новые поводы къ дракѣ съ Джекиномъ.

Остальные мальчишки-барабанщики ненавидѣли своихъ двухъ товарищей изъ-за нелогичности ихъ поведенія. Джекинъ могъ колотить Лю, и Лю могъ совать Джекина головой въ грязь, но всякое нападеніе со стороны встрѣчалось соединенными силами

обоихъ, и послѣдствія бывали непріятныя. Оба они были Измаилами музыкантской, но Измаилами состоятельными, потому что, въ свободное время отъ дракъ съ другими мальчишками, они, ради развлеченія казармъ, торговали своими еженедѣльными драками и такимъ образомъ собирали деньги.

Въ тотъ день, когда начинается разсказъ, между пріятелями возникли несогласія. Они только-что попались въ куреніи, а это вредно для маленькихъ мальчиковъ употребляющихъ крѣпкій солдатскій табакъ; и Лю выразилъ убѣжденіе, что Джекинъ „весь провонялъ отъ того, что трубку держитъ въ карманѣ“, и что на немъ лежитъ отвѣтственность за березовую кашу, которой ихъ только-что накормили.

— Говорю тебѣ, что я спряталъ трубку за казармами, миролюбиво объяснилъ Джекинъ.

— Ты подлый врунъ, хладнокровно отвѣтилъ Лю.

— А ты подлый ублюдокъ, возразилъ Джекинъ, сильный сознаніемъ, что его собственное происхожденіе неизвѣстно.

Ну, а въ пространномъ словарѣ казарменной брани есть одно слово, которое не можетъ остаться безъ отвѣта. Можно, ничѣмъ не рискуя, назвать человѣка „воромъ“. Можно даже назвать его „трусомъ“ и увидѣть только, какъ въ отвѣтъ у васъ мимо уха пролетитъ сапогъ, но нельзя намекать на чье-либо незаконное происхожденіе, не приготовившись подтвердить свои слова ударами въ зубы.

— Ты могъ бы подождать, пока я оправлюсь отъ порки, печально замѣтилъ Лю, устремляясь на Джекина съ кулаками.

— Я тебѣ и не такую еще порку задамъ, искренно промолвилъ Джекинъ и хватилъ Лю по лбу. Все окончилось бы благополучно и этотъ разсказъ, какъ говорится въ книгахъ, не былъ бы написанъ, еслибы злая судьба не надоумила сына ротнаго квартирмейстера явиться на мѣсто сраженія, какъ разъ послѣ первой сшибки. Это былъ рослый дѣтина, лѣтъ двадцатипяти, шатавшійся безъ дѣла и вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, а у мальчишекъ, какъ онъ зналъ, водились деньги.

— Опять деретесь, сказалъ онъ.—Я разскажу это отцу, а онъ донесетъ фельдфебелю.

— А вамъ какое дѣло? спросилъ Джекинъ и ноздри у него непріязненно раздулись.

— О! *Мнѣ-то* все равно. Только *вамъ* достанется, а вы и такъ ужь слишкомъ часто попадались, чтобъ это прошло вамъ даромъ.

— А какого чорта знаете вы о томъ, что̀ мы дѣлаемъ? спросилъ херувимчикъ Лю. — *Вы* не военный, а грязный штатскій лѣнтяй!

И онъ зашелъ къ нему съ лѣваго фланга.

— Вы суете свой скверный носъ куда васъ не спрашиваютъ, и все это потому, что застали двухъ джентльменовъ, рѣшающихъ свой споръ кулаками! Убирайтесь домой, къ своей чернозазой мамашѣ, а не то вамъ попадетъ! предупредилъ Джекинъ.

Дѣтина попытался наказать мальчиковъ, ударивъ ихъ головой объ голову. Этотъ планъ удался бы, еслибы Джекинъ не хватилъ его кулакомъ въ животъ, а Лю ногой по бедрамъ. Полчаса дрались они, задыхаясь и всѣ въ крови, и съ серьезнымъ урономъ, торжественно повалили своего врага на землю, какъ крысоловки валятъ шакала.

— Теперь, задыхаясь крикнулъ Джекинъ,—я тебѣ задамъ! и онъ колотилъ упавшаго по лицу, а Лю упражнялся надъ остальными частями поверженнаго тѣла. Рыцарство не особенно сильно развито у мальчиковъ-барабанщиковъ. Они дерутся такъ же впрочемъ, какъ и тѣ, кто лучше ихъ, — чтобъ оставить свою мѣтку на врагѣ.

Ужасенъ былъ видъ пораженнаго, когда ему наконецъ удалось спастись бѣгствомъ; ужасенъ былъ гнѣвъ ротнаго квартирмейстера; но еще ужаснѣе была сцена въ дежурной комнатѣ, когда оба негодяя явились къ отвѣту по обвиненію въ покушеніи на убійство „штатскаго“.

Ротный квартирмейстеръ жаждалъ уголовнаго преслѣдованія, а его сынъ лгалъ. Мальчики стояли, вытянувшись предъ начальствомъ, и черныя тучи уликъ росли.

— Съ вами, чертенята, больше хлопотъ, чѣмъ со всѣмъ остальнымъ полкомъ, сердито замѣтилъ полковникъ.—Выговоръ дѣлать вамъ—все равно, что внушать что-нибудь стѣнѣ, а въ карцеръ или подъ арестъ васъ сажать неудобно. Надо васъ опять выдрать.

— Виноватъ, сэръ; не позволите ли вы намъ, сэръ, сказать что-нибудь въ свое оправданіе? спросилъ Джекинъ.

— Это еще что̀?! Вы, кажется, хотите разсуждать со мной? возразилъ полковникъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣтилъ Лю.—Но если къ вамъ придетъ человѣкъ, сэръ, и скажетъ, что онъ донесетъ на васъ, сэръ, изъ-

за того, сэръ, что у васъ вышла маленькая непріятность съ пріятелемъ, и захочетъ вытянуть у *васъ* денегъ, сэръ...

Дежурная комната зазвенѣла отъ общаго хохота.

— Ну? спросилъ полковникъ.

— Вотъ это самое, сэръ, и хотѣлъ сдѣлать этотъ низкій мошенникъ, и *сдѣлалъ бы*, сэръ, еслибы мы ему не помѣшали. Мы его только чуть-чуть пощелкали, сэръ. Онъ никакого права не имѣлъ соваться не въ свое дѣло, сэръ. Пускай меня высѣчетъ тамбуръ-мажоръ, сэръ; пусть любой капралъ на меня доноситъ, но чортъ... но... правильно ли будетъ, сэръ, если штатскій станетъ сплетничать на военнаго.

Новый взрывъ хохота потрясъ стѣны дежурной комнаты, но полковникъ былъ невозмутимо серьезенъ.

— Какъ ведутъ себя эти мальчики? спросилъ онъ у старшаго полковаго сержанта.

— Судя по отзывамъ капельмейстера, сэръ, отвѣтилъ этотъ уважаемый фельдфебель—единственный человѣкъ въ полку, котораго боялись мальчики,—они дѣлаютъ всякія пакости, но никогда *не мутъ*.

— Развѣ похоже, сэръ, чтобы мы изъ шалости полѣзли на этого долговязаго? спросилъ Лю, указывая на обиженнаго.

— Выговоръ, выговоръ! рѣшилъ полковникъ;—а, когда мальчики вышли, онъ прочелъ сыну ротнаго квартирмейстера длинное наставленіе о вредѣ вмѣшательства въ чужія дѣла и отдалъ распоряженіе, чтобы капельмейстеръ строже держалъ барабанщиковъ.

— Если одинъ изъ васъ явится сюда съ малѣйшею царапиной на лицѣ, прогремѣлъ капельмейстеръ,—я скажу тамбуръ-мажору, чтобъ онъ спустилъ съ васъ шкуру. Поймите это, вы—чертенята!

Затѣмъ онъ раскаивался въ своихъ словахъ все время, пока Лю, казавшійся маленькимъ ангеломъ въ красномъ мундирѣ, разыгрывалъ воинственную мелодію, замѣняя трубача, находившагося въ госпиталѣ. Несомнѣнно Лю былъ истиннымъ музыкантомъ и въ восторженныя минуты выражалъ желаніе играть на всѣхъ инструментахъ.

— Ничто не мѣшаетъ вамъ, Лю, сдѣлаться самому капельмейстеромъ, сказалъ капельмейстеръ, который самъ написалъ нѣсколько вальсовъ, и день и ночь работалъ, совершенствуя свой оркестръ.

— Что̀ онъ тебѣ сказалъ? спросилъ Джекинъ, послѣ класса.

— Сказалъ, что я буду ловкимъ капельмейстеромъ и что

меня пригласятъ тогда въ офицерскую столовую и угостятъ хересомъ.

— Развѣ?! Сказалъ, что ты не будешь военнымъ? Вотъ какъ! Лучше-то онъ ничего не нашелъ? Когда я окончу свой срокъ какъ мальчикъ-барабанщикъ — чистый стыдъ, а не служба, и не считается на пенсію — я пойду въ рядовые. Черезъ годъ, зная всѣ входы и выходы, какъ я ихъ знаю, я буду капраломъ, а черезъ три года меня произведутъ въ унтеръ-офицеры. Я не женюсь тогда, нѣтъ! Я буду служить и выучусь офицерской повадкѣ, а тогда переведусь въ другой полкъ, гдѣ меня не знаютъ. Тамъ я выйду въ офицеры! И тогда я позову васъ, *мистеръ* Лю, и *вамъ* придется постоять въ передней, пока буфетный унтеръ-офицеръ вынесетъ вамъ рюмку хересу!

— Чтобъ я пошелъ въ капельмейстеры? Да, никогда! Я тоже буду офицеромъ. Надо держаться одной вещи, какъ говоритъ школьный учитель. Полкъ вернется домой не раньше, какъ черезъ семь лѣтъ, а тогда я уже буду капраломъ.

Такъ разсуждали мальчики о своей будущности и цѣлую недѣлю вели себя съ примѣрнымъ благочестіемъ. Впрочемъ, Лю успѣлъ за это время объясниться въ любви тринадцатилѣтней дочери фельдфебеля, „не для того", какъ объяснялъ онъ Джекину, „чтобы жениться: нѣтъ, но просто, чтобы набить руку". Черноголовая Крисъ Делиганъ радовалась этому объясненію больше, чѣмъ всѣмъ предшествовавшимъ; остальные маленькіе барабанщики пришли въ неимовѣрное бѣшенство, а Джекинъ проповѣдывалъ объ опасностяхъ „возни съ юпками".

Но ни любви, ни поученіямъ не удалось бы удержать Лю на путяхъ добродѣтели, еслибы не распространился слухъ о командировкѣ полка на дѣйствительную службу, на войну, которую для краткости мы назовемъ „войной разоренныхъ племенъ". Въ казармы слухъ этотъ проникъ раньше даже, чѣмъ въ офицерскую столовую, а изо всѣхъ девятисотъ человѣкъ въ казармахъ не набиралось и десяти, которые видѣли бы какую-либо стрѣльбу, кромѣ учебной. Полковникъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, участвовалъ въ пограничной экспедиціи; одинъ изъ майоровъ несъ дѣйствительную службу въ Канской области и наказанный дезертиръ въ ротѣ Е. помогалъ при очищеніи отъ толпы городскихъ улицъ въ Ирландіи — только и всего. Полкъ не былъ въ дѣлѣ уже много лѣтъ. Большая часть строевой массы насчитывала всего три-четыре года службы, субалтерны были моложе

тридцати лѣтъ, и рядовымъ и унтеръ-офицерамъ одинаково ничего не говорили цвѣта полковаго знамени, новаго знамени, освященнаго архіепископомъ въ Англіи, предъ отправкой полка въ Индію.

Они стремились на передовую линію—даже рвались въ дѣло, но они не имѣли никакого понятія о томъ, что̀ такое война и некому было имъ разъяснить это. Это былъ образованный полкъ, процентное отношеніе школьныхъ атестатовъ стояло очень высоко и большинство солдатъ, кромѣ грамоты, обладало и другими познаніями. Они набирались со строгимъ соблюденіемъ территоріальной идеи, но сами объ этой идеѣ не имѣли никакого понятія. Набирали ихъ изъ подонковъ слишкомъ плотно населеннаго мануфатурнаго округа. Военная служба отростила мясо и мускулы на ихъ тонкихъ костяхъ, но не могла вложить смѣлости въ сердца потомковъ людей, которые цѣлыми поколѣніями слишкомъ много работали за слишкомъ ничтожную плату, потѣли въ сушильняхъ, склонялись надъ станками, кашляли отъ свинцовыхъ паровъ и дрогли на баркахъ. Эти люди нашли въ войскахъ пищу и отдыхъ, а теперь они знали, что имъ предстоитъ бить „негровъ", которые бѣгутъ какъ только имъ покажешь палку. Поэтому вѣсть о походѣ они привѣтствовали веселыми кликами, а субалтерны разсчитывали на производство и на сбереженіе жалованья. Въ главной квартирѣ говорили: „329 полкъ цѣлое поколѣніе не былъ въ огнѣ. Втянемъ его мало-помалу, назначивъ охранять сообщенія". Такъ бы и сдѣлали, еслибы не то обстоятельство, что въ англійскихъ полкахъ ощущалась большая необходимость на передовой линіи, а сомнительные туземные полки могли быть назначены для исполненія менѣе отвѣтственныхъ обязанностей. „Сведите ихъ въ одну бригаду съ двумя обстрѣленными полками", говорили въ главной квартирѣ. „Быть-можетъ ихъ и пощиплютъ немного, но они научатся своему дѣлу, пока дойдутъ до мѣста. Ничего нѣтъ лучше ночной тревоги и маленькой рѣзни отсталыхъ, чтобы полкъ ловко держалъ себя въ полѣ. Подождите, пока у нихъ перерѣжутъ съ полдюжины часовыхъ!"

Полковникъ доносилъ съ восхищеніемъ, что настроеніе людей прекрасное, что лучшаго полка и желать нельзя и что онъ совершенно надеженъ. Майоры улыбались скромно, но самонадѣянно, субалтерны вальсировали по столовой послѣ обѣда и чуть не перебили другъ друга на учебной стрѣльбѣ изъ

револьверовъ. Но въ сердцахъ у Джекина и Лю царило уныніе. Какъ поступятъ съ барабанщиками? Пойдетъ ли оркестръ съ полкомъ? Многихъ ли барабанщиковъ возьмутъ съ собою.

Они держали совѣтъ, сидя на деревѣ и покуривая.

— Это будетъ здоровою подлостью, если они насъ оставятъ въ депо, вмѣстѣ съ женщинами! Ты-то будешь радъ, замѣтилъ Джекинъ насмѣшливо.

— Изъ-за Крисъ, хочешь ты сказать? Но что̀ такое женщина, и даже цѣлое депо женщинъ въ сравненіи съ полевою службой? Ты знаешь, что я самъ такъ же хочу въ походъ, какъ и ты, отвѣтилъ Лю.

— Хотѣлъ бы я теперь быть трубачемъ, печально сказалъ Джекинъ. — Тома Кидди они возьмутъ, а насъ нѣтъ; а я Тома могу въ щепки расшибить!

— Такъ пойдемъ и расшибемъ Тома, чтобъ онъ никогда больше не могъ трубить. Ты подержишь его за руки, а я его поколочу, предложилъ Лю, приготовившись спрыгнуть съ вѣтки.

— Нѣтъ; это тоже негодится. Намъ неудобно теперь разсчитывать на свою репутацію, она плоха. Если оркестръ останется въ депо, насъ не возьмутъ; объ этомъ и думать нечего. Если оркестръ пойдетъ, насъ могутъ тоже оставить по нездоровью. Здоровъ ли ты Пити? спросилъ Джекинъ тыкая Лю въ бока кулакомъ.

— Да, сказалъ Лю и ругнулся.—А докторъ говоритъ, что у тебя сердце слабое отъ куренія на-тощакъ. Выставь-ка грудь, я попробую.

Джекинъ выпрямился и выставилъ грудь, а Лю ударилъ по ней кулакомъ изо всей мочи. Джекинъ поблѣднѣлъ, задохнулся, закашлялся, закатилъ глаза и сказалъ:

— Ладно: все въ порядкѣ.

— Годишься, рѣшилъ Лю.—Я слышалъ, что можно убить человѣка, ударивъ его по грудной кости.

— А все же это намъ не поможетъ отправиться въ походъ, замѣтилъ Джекинъ. –Не знаешь, куда насъ посылаютъ?

— Кто его знаетъ. Куда-то на границу, бить язычниковъ, волосастыхъ, рослыхъ мошенниковъ, которые вывернутъ тебя на изнанку, если доберутся. Говорятъ, у нихъ женщины хороши.

— А добыча?

— Ни гроша; говорятъ, надо рыться въ землѣ и искать, что̀ эти негры тамъ спрятали. Они—нищіе.

Джекинъ выпрямился, стоя на вѣткѣ и окинулъ взглядомъ поле, внизу.

— Лю, сказалъ онъ,—полковникъ идетъ. Полковникъ—славный малый. Пойдемъ переговоримъ съ нимъ.

Лю чуть не свалился съ дерева при этомъ смѣломъ предложеніи. Такъ же какъ и Джекинъ, онъ не боялся ни Бога, ни человѣка, но были границы отважности даже и у маленькаго барабанщика, а говорить съ полковникомъ, это...

Но Джекинъ уже соскользнулъ по стволу дерева на землю и замаршировалъ по направленію къ полковнику, который шелъ погруженный въ мысли и мечтая о крестѣ ордена Бани, быть-можетъ даже о командорскомъ крестѣ... развѣ же онъ не командовалъ однимъ изъ лучшихъ армейскихъ полковъ—329-мъ передовымъ?

Въ это время онъ замѣтилъ подходившихъ къ нему мальчиковъ. Предъ тѣмъ ему торжественно доносили, что „барабанщики бунтуютъ", а Джекинъ и Лю у нихъ вожаками. Это смахивало на заговоръ.

Мальчики остановились за двадцать шаговъ, сдѣлали еще установленные четыре шага впередъ и одновременно отдали честь, вытянувшись, какъ двѣ тростинки и не превышая ихъ ростомъ.

Полковникъ находился въ добродушномъ расположеніи, мальчики казались такими покинутыми и беззащитными на этомъ открытомъ полѣ, а одинъ изъ нихъ былъ красавецъ.

— Что̀ вамъ надо? спросилъ полковникъ, узнавъ ихъ.—Или вы хотите напасть на меня здѣсь, въ открытомъ полѣ? Хотя я не вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, даже... онъ подозрительно потянулъ носомъ воздухъ,—если вы и курите.

Надо было ковать желѣзо, пока оно горячо. Сердца у нихъ бились усиленно.

— Простите насъ, сэръ, началъ Джекинъ.—Полкъ выступаетъ въ походъ, сэръ?

— Вѣроятно, любезно отвѣтилъ полковникъ.

— Пойдетъ ли съ нимъ оркестръ, сэръ? спросили оба разомъ, и потомъ, помолчавъ: — Мы вѣдь пойдемъ, сэръ? Не такъ ли?

— Вы! удивился полковникъ, отступивъ немного, чтобы лучше видѣть ихъ маленькія фигуры.—Вы?! да вы умрете на первомъ переходѣ.

— Не умремъ, сэръ. Мы можемъ идти съ полкомъ куда угодно, сэръ,—на парадъ и куда прикажете, сказалъ Джекинъ.

— Если Томъ Кидъ пойдетъ, его придется сложить, какъ перочинный ножикъ, вступился Лю.—У него очень слабы жилы на обѣихъ ногахъ, сэръ!

— Очень... Что̀?

— Очень слабы жилы, сэръ. Отъ этого онѣ пухнутъ послѣ парадовъ. Если онъ не можетъ идти, мы можемъ, сэръ.

Еще разъ посмотрѣлъ на нихъ полковникъ пристально и внимательно.

— Да, оркестръ пойдетъ, отвѣтилъ онъ также серьезно, какъ бы отвѣтилъ товарищу-офицеру. — Есть у котораго-нибудь изъ васъ родители?

— Нѣтъ, сэръ, радостно отвѣтили Лю и Джекинъ.—Мы оба сироты, сэръ. Нами некому интересоваться, сэръ.

— Бѣдные вы крошки. И вы хотите идти въ походъ съ полкомъ? Зачѣмъ?

— Я ношу мундиръ уже два года, отвѣтилъ Джекинъ.—Тяжело, сэръ, когда человѣка ничѣмъ не награждаютъ за его службу.

— А... а... если я не пойду, сэръ, прервалъ его Лю,—капельмейстеръ говоритъ, что онъ возьметъ да сдѣлаетъ изъ меня треклят... хорошаго музыканта, сэръ. А я не успѣю и службѣ научиться, сэръ.

Долго не отвѣчалъ имъ полковникъ. Затѣмъ онъ сказалъ спокойно:

— Если докторъ позволитъ, пожалуй, можете отправляться. Только я бы не сталъ курить, еслибы былъ на вашемъ мѣстѣ.

Мальчики отдали честь и скрылись. Полковникъ пошелъ домой и разсказалъ все женѣ, которая чуть не расплакалась при этомъ разсказѣ. Полковникъ былъ очень доволенъ. Если ужь дѣти такъ настроены, то чего не сдѣлаютъ солдаты.

Джекинъ и Лю торжественно вошли въ ту комнату въ казармахъ, гдѣ помѣщались маленькіе музыканты и цѣлыя десять минутъ отказывались отъ какихъ бы то ни было разговоровъ. Затѣмъ, раскраснѣвшись отъ гордости, Джекинъ не выдержалъ:

— Я сейчасъ бесѣдовалъ съ полковникомъ. Славный старикашка—этотъ полковникъ. Говорю я ему: „полковникъ, говорю, пустите меня въ походъ вмѣстѣ съ полкомъ“. „Ладно, говоритъ, идите въ походъ; эхъ кабы побольше было, говоритъ, такихъ,

какъ вы между этими грязными чертенятами, что бьютъ въ треклятые барабаны!“ Кидъ, если ты будешь бросать въ меня своею обмундировкой, за то, что я для твоей же пользы говорю правду— ноги у тебя вспухнутъ!

Тѣмъ не менѣе въ комнатѣ разыгралась генеральная баталія, потому что мальчиковъ снѣдали зависть и негодованіе, а какъ Джекинъ, такъ и Лю вели себя далеко не примирительно и неблагоразумно.

— Я пойду проститься со своею дѣвочкой, сказалъ Лю, чтобъ оставить за собой послѣднее слово.—Не смѣйте трогать моего инструмента, потому что онъ нуженъ для походной службы, такъ какъ меня особенно приглашалъ съ собой полковникъ.

Онъ вышелъ изъ казармъ и принялся свистать подъ деревьями, позади семейныхъ бараковъ, до тѣхъ поръ, пока къ нему вышла Крисъ. Обмѣнявшись предварительными поцѣлуями, Лю объяснилъ положеніе дѣлъ.

— Я иду въ походъ съ полкомъ, сказалъ онъ отважно.

— Пигги, ты маленькій лгунъ, отвѣтила Крисъ,—но сердце подсказывало ей, что она ошибается, такъ какъ Лю не имѣлъ привычки лгать.

— Сама ты лгунья, Крисъ, возразилъ Лю, обнимая ее.—Я иду въ походъ. Когда полкъ будетъ выступать, ты увидишь, что и я пойду съ нимъ весело и молодцовато. Давай, по этому случаю, еще разъ поцѣлуемся.

— Еслибы ты остался въ Депо, какъ бы слѣдовало, ты могъ бы цѣловаться со мной сколько хочешь, замѣтила Крисъ со слезами и протягивая губы.

— Тяжело, Крисъ; я согласенъ, что тяжело; но что̀ же мужчинѣ дѣлать? Еслибъ я остался въ Депо, ты сама обо мнѣ иначе бы думала.

— А все же лучше, еслибы ты остался. Никакое думанье не сравнится съ поцѣлуями.

— А никакія поцѣлуи не сравнятся съ медалью, которую можно носить на груди, на мундирѣ.

— Тебѣ не дадутъ никакой медали.

— А вотъ увидишь—дадутъ. Мы пойдемъ съ Джекиномъ одни изо всѣхъ маленькихъ барабанщиковъ. Кромѣ насъ пойдутъ все взрослые и мы получимъ свои медали вмѣстѣ съ ними.

— Могли же они взять кого-нибудь другаго, а не тебя—

Пигги. Тебя навѣрное убьютъ, ты такой предпріимчивый. Останься со мной Пигги, въ Депо, и я буду тебя любить весь вѣкъ.

— А теперь развѣ не будешь, Крисъ? Ты говорила, что будешь.

— Конечно, буду; но такъ-то было бы покойнѣе. Подожди, пока немножко выростешь, а то ты одного роста со мной.

— Я служу уже два года и не упущу случая отвѣдать походной службы, и ты меня не удерживай. Я вернусь Крисъ, а когда стану совсѣмъ мужчиной, то женюсь на тебѣ—женюсь, когда буду капраломъ.

— Обѣщаешь, Пигги?

Лю вспомнилъ о планахъ на будущее, которые они строили вмѣстѣ съ Джекиномъ, но Крисъ подставила губки такъ близко къ его губамъ...

— Обѣщаюсь!.. И помоги мнѣ Богъ! сказалъ онъ.

Крисъ обняла его за шею.

— Больше я тебя не стану удерживать, Пигги. Ступай и добывай себѣ медаль, а я сдѣлаю тебѣ новый кисетъ, хорошій кисетъ, какъ я теперь умѣю.

— Расшей его своими волосами и я буду его носить въ карманѣ, пока живъ.

Тогда Крисъ опять расплакалась и свиданіе окончилось. Возбужденіе среди маленькихъ барабанщиковъ возрасло до горячечныхъ предѣловъ, и жизнь Джекина и Лю стала незавидною. Не только позволили имъ зачислиться на службу двумя годами раньше крайняго пріемнаго возраста—четырнадцати лѣтъ,—но еще, повидимому, вслѣдствіе ихъ крайней юности, разрѣшаютъ теперь идти въ походъ, а этого—на памяти мальчиковъ—не случалось ни съ однимъ маленькимъ барабанщикомъ.

Оркестръ, который долженъ былъ отправиться съ полкомъ, уменьшенъ былъ до положенныхъ по комплекту двадцати человѣкъ, остальные возвратились въ ряды. Джекинъ и Лю причислены были къ оркестру сверхъ комплекта, хотя они предпочли бы попасть въ ротные трубачи.

— Впрочемъ, не бѣда, рѣшилъ Джекинъ послѣ медицинскаго осмотра.—Надо еще благодарить за то, что насъ берутъ. Докторъ сказалъ, что если мы могли вынести то, что̀ намъ попало отъ сына ротнаго квартирмейстера, такъ вынесемъ и походъ.

— И вынесемъ, отвѣтилъ Лю, нѣжно посматривая на криво сшитый тряпичный кисетъ, подаренный ему Крисъ, которая укра-

сила его наружную сторону локономъ волосъ изображавшимъ расплывающееся Л.

— Лучше я не сумѣла, сказала она со слезами,—а не хотѣла, чтобы мать или ротный портной помогали мнѣ. Береги его, Пигги, и помни, что я тебя очень люблю.

Въ составѣ девятисотъ шестидесяти человѣкъ промаршировали они на желѣзнодорожную станцію и всѣ живущіе въ мѣстѣ ихъ стоянки вышли на улицу посмотрѣть, какъ они уходятъ. Маленькіе барабанщики, скрипя зубами, смотрѣли вслѣдъ Джекину и Лю, маршировавшимъ вмѣстѣ съ оркестромъ, замужнія женщины рыдали на платформѣ, а полкъ до хрипоты надрывался въ непрекращавшихся кликахъ.

— Славный народъ, замѣтилъ полковникъ, обращаясь къ старшему офицеру и слѣдя за тѣмъ, какъ садились въ вагонъ первыя четыре роты.

— На всѣ руки, отвѣтилъ тотъ,—только мнѣ кажется, что они слишкомъ молоды и нѣсколько изнѣжены для предстоящей работы. На границѣ теперь очень холодно.

— О, они крѣпки, сказалъ полковникъ.—А болѣзней, конечно, не избѣжать.

И повезли ихъ на сѣверъ, все на сѣверъ, оставляя въ сторонѣ караваны верблюдовъ, цѣлыя арміи лагерныхъ служителей, и легіоны нагруженныхъ муловъ. Съ каждымъ днемъ, станціи становились все люднѣе и люднѣе, и наконецъ съ ревомъ подкатилъ поѣздъ къ безнадежно загроможденной платформѣ, отъ которой расходились шесть временно устроенныхъ линій, пропускавшихъ ежедневно по шести поѣздовъ въ составѣ сорока вагоновъ каждый; гдѣ раздавались свистки, *бабу* обливались потомъ, а интендантскіе офицеры бранились съ разсвѣта и до поздней ночи среди разметанной вихремъ соломы изъ кормовыхъ вагоновъ и ржанія тысячи лошадей.

— Спѣшите, въ васъ сильно нуждаются на передовой линіи, было привѣтствіемъ, услышаннымъ 329-мъ полкомъ. Люди, перевозимые въ вагонахъ Краснаго Креста, говорили то же самое.

— Не столько эта треклятая драка, со стонами объяснялъ гусаръ съ повязанною головой собравшейся около него кучкѣ восторженныхъ слушателей изъ 329-го полка,—не треклятая драка, хотя и ея не мало, а треклятая пища и треклятый климатъ—вотъ что̀ скверно. Всю ночь морозъ, за исключеніемъ того, когда идетъ градъ, а днемъ жгучее пекло отъ солнца, и вода

воняетъ такъ, что съ ногъ сваливаетъ. У меня голова словно разбитое яйцо, а кромѣ того чахотка, да и кишки никуда не годятся. Въ тѣхъ мѣстахъ радости мало, ужь могу вамъ сказать.

— А на что негры похожи? спросилъ одинъ изъ рядовыхъ.

— Въ томъ поѣздѣ везутъ нѣсколько плѣнныхъ, ступайте, поглядите на нихъ. Это аристократы тамошніе, а простой народъ еще много уродливѣе. А если хотите знать, чѣмъ они дерутся, достаньте изъ-подъ моего сидѣнья длинный ножъ, который тамъ лежитъ.

Они вытащили изъ-подъ сидѣнья и въ первый разъ увидѣли страшный трехугольный афганскій ножъ съ костяною ручкой. Онъ былъ почти такой же большой, какъ Лю.

— Вотъ этимъ такъ можно пробрать, вырвался слабый возгласъ у одного изъ солдатъ.

— Этимъ можно руку у плеча отхватить, словно кусокъ масла отрѣзать. Я раскроилъ черепъ тому мерзавцу, который работалъ этимъ ножемъ, но тамъ еще много такихъ-же осталось. Колоть они не умѣютъ, но рубятся какъ черти.

Солдаты перешли черезъ рельсы, чтобы поглядѣть на плѣнныхъ Афганцевъ. Эти рослые, черноволосые, мрачные сыновья Бенъ-Израиля не походили ни на одного изъ негровъ, которыхъ когда-либо приходилось видѣть 329 полку. Солдаты не сводили съ нихъ глазъ, а Афганцы хладнокровно поплевывали и, опустивъ глаза, переговаривались въ полголоса.

— Лопни мои глаза; что за уродливыя свиньи! воскликнулъ Джекинъ, находившійся въ тылу процессіи. Эй ты, старый шутъ, какъ это тебя сюда законопатили? А? Какъ это тебя не повѣсили изъ-за твоей скверной рожи? А?

Самый рослый изъ плѣнныхъ обернулся — оковы на немъ звякнули — и уставился на мальчика.

— Смотрите, сказалъ онъ товарищамъ на своемъ нарѣчіи.— Они дѣтей посылаютъ противъ насъ. Что это за народъ! что за глупый народъ!

— Э-э! отвѣтилъ ему Джекинъ, весело кивая головой.—Поѣзжай-ка въ нашу страну, всего тамъ добудешь, будешь жить какъ какой-нибудь раджа; это лучше, чѣмъ у себя тамъ коптѣть. Прощай, старичекъ. Береги свою красивую рожицу и смотри веселѣй.

Солдаты хохотали и начали свой первый переходъ, узнавъ, что въ солдатской жизни есть еще кое-что кромѣ пива и игры

въ кегли. Громадный ростъ и звѣрская дикость негровъ, которыхъ они научились теперь называть „язычниками“, произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе, а еще непріятнѣе было впечатлѣніе отъ разныхъ походныхъ неудобствъ. Два десятка старыхъ солдатъ научили бы весь полкъ, какъ удобнѣе устраиваться на ночь, но старыхъ солдатъ въ полку не было и какъ говорили встрѣчныя войска—они жили „свиньями“. Они испытали на себѣ всю обманчивую прелесть походной кухни, верблюдовъ, палатокъ и выбившихся изъ силъ муловъ. Они изучали маленькихъ животныхъ, живущихъ въ водѣ и плодомъ этого изученія явилось нѣсколько случаевъ дизентеріи.

Послѣ своего третьяго перехода, они были пріятно удивлены сюрпризомъ въ видѣ желѣзнаго кованнаго ядра, попавшаго въ лагерь съ разстоянія въ семьсотъ шаговъ и выбившаго мозги изъ головы одного изъ рядовыхъ, сидѣвшихъ у огня. Это отняло у нихъ покой на цѣлую ночь и было началомъ непріятельскаго огня съ дальней дистанціи, разсчитаннаго именно на то, чтобы лишить ихъ покоя. Днемъ они только изрѣдка видѣли дымки, срывавшіеся со скалъ, мимо которыхъ лежалъ ихъ путь. По ночамъ виднѣлись вспышки выстрѣловъ и происходили непріятныя случайности, подымавшія весь лагерь на ноги и побуждавшія людей стрѣлять безъ толку въ темноту, а иногда и въ сосѣднія палатки. И тогда они начинали неистово ругаться и клялись, что все это прекрасно, но только не война.

И дѣствительно, это не было войной. Полкъ не могъ останавливаться, чтобы наказать застрѣльщиковъ, стрѣлявшихъ въ него съ придорожныхъ скалъ. Его обязанностью было идти впередъ на соединеніе съ полками Шотландцевъ и Гуркасовъ, которые входили съ нимъ въ одну бригаду. Афганцы это знали и знали также по первымъ своимъ выстрѣламъ, что они имѣютъ дѣло съ полкомъ новичковъ. Поэтому они и посвятили себя задачѣ—не давать покоя 329 полку. Они ни за что̀ бы не рѣшились на это съ полкомъ обдержаннымъ, съ маленькими хитрыми Гуркасами, которые по ночамъ сами любили подкарауливать своихъ преслѣдователей,—съ рослыми, страшными молодцами, одѣтыми въ женскія юпки, которые молились вслухъ по ночамъ, стоя на часахъ и чье хладнокровное спокойствіе нельзя было нарушить никакими внезапными нападеніями,—или съ этими презрѣнными Сейками, которые казались такими неподготовленными къ отраженію врага, а между тѣмъ чувствительно наказывали тѣхъ, кто

старался воспользоваться этою видимою неосторожностью. Этотъ полкъ бѣлыхъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, велъ себя совершенно иначе. Онъ спалъ крѣпкимъ „кабаньимъ“ сномъ и какъ кабанъ бросался во всѣ стороны, когда его будили. Часовые его ходили такимъ тяжелымъ шагомъ, который можно было слышать на разстояніи четверти мили, стрѣляли по всякому двигающемуся предмету, хотя бы это былъ оселъ, котораго нарочно подгоняли къ нимъ, а разъ выстрѣливъ не знали, какъ защититься отъ умѣлаго нападенія изъ засады, и при утреннихъ лучахъ солнца оказывались лежавшими съ перерѣзаннымъ горломъ, возбуждая въ своихъ товарищахъ ужасъ и чувство неудовлетворенной обиды. Затѣмъ у нихъ были отстававшіе лагерные служители, которыхъ можно было очень легко и безопасно прирѣзать. Ихъ стоны безпокоили бѣлыхъ мальчишекъ, а безъ ихъ услугъ эти бѣлые не знали какъ обойтись.

Такъ-то, съ каждымъ переходомъ, непріятель становился все смѣлѣе и полкъ судорожно топтался на одномъ мѣстѣ при каждомъ нападеніи, за которое онъ не могъ отомстить. Самымъ серьезнымъ торжествомъ врага была внезапная ночная атака, закончившаяся подрѣзываніемъ веревокъ, удерживавшихъ палатки, причемъ осѣло полугнилое полотно и послѣдовала знаменитая рѣзня солдатъ, боровшихся и выбивавшихся изъ силъ, чтобы выбраться изъ-подъ полотна. Это было великимъ подвигомъ и потрясло и безъ того потрясенныя нервы 329 полка. Вся отвага, которую ему пришлось выказать за это время, проявлялась обыкновенно въ два часа пополуночи, причемъ имъ удавалось подстрѣлить нѣсколько своихъ же товарищей и они утрачивали сонъ на остальную часть ночи.

Унылый, недовольный, охладѣвшій, загнанный и больной, въ оборванныхъ и нечищенныхъ мундирахъ явился 329 полкъ на соединеніе со своею бригадой.

— Я слышалъ, что у васъ былъ тяжелый походъ, сказалъ бригадный командиръ. Но онъ измѣнился въ лицѣ, когда увидалъ госпитальные списки.

— Это совсѣмъ плохо, сказалъ онъ самъ себѣ.—Они какіе-то гнилые. И обратившись къ полковнику, добавилъ:—къ несчастью я не могу васъ поберечь. Намъ нужны всѣ наши силы, иначе я бы далъ вамъ дней десять на поправку.

Полковника передернуло.

— По чести, сэръ, отвѣтилъ онъ,—нѣтъ никакой необходи-

мости беречь насъ. Моихъ людей все время тревожили и задирали, а имъ не удалось оплатить за это. Имъ теперь только того и нужно, чтобы дорваться до врага.

— Не могу сказать, чтобы мнѣ понравился 329 полкъ, по секрету сказалъ бригадный командиръ своему помощнику. Онъ утратилъ всю свою выправку и видъ его таковъ, что можно думать, онъ пришелъ съ той стороны границы. Болѣе заморенныхъ людей я никогда не видалъ.

— Поправятся, когда пойдутъ въ дѣло. Парадный лоскъ у нихъ стерся немного, но они скоро пріобрѣтутъ полевую полировку, отвѣтилъ помощникъ. — Ихъ затормошили и они не понимаютъ еще въ чемъ дѣло.

Дѣйствительно, они этого не понимали. До сихъ поръ на нихъ только сыпались удары и тяжелые удары, отъ которыхъ имъ плохо пришлось. Кромѣ того, начались болѣзни и сводили сильныхъ людей въ могилу. А хуже всего, и офицеры ихъ такъ же плохо знали страну, какъ солдаты, хотя показывали видъ, что знаютъ. Состояніе 329-го полка было самое неудовлетворительное, но люди думали, что все будетъ хорошо, лишь бы имъ дорваться до врага. Случайныя перестрѣлки не удовлетворяли ихъ, а штыками не разу еще не приходилось работать. Можетъ-быть это было къ лучшему, потому что длиннорукіе Афганцы съ ножами доставали врага на разстояніи восьми футовъ и могли вынести больше, чѣмъ три Англичанина вмѣстѣ. Солдатамъ 329-го полка хотѣлось пострѣлять въ непріятеля залпами, всѣми семьюстами ружьями сразу. Это желаніе указывало на ихъ настроеніе.

Гуркасы пришли къ нимъ въ лагерь и на ломанномъ, казарменномъ языкѣ попытались завязать съ ними товарищескія отношенія, предлагали имъ трубки съ табакомъ и угощеніе у маркитанта. Но солдаты 329-го полка, незнакомые съ натурой Гуркасовъ, обращались съ ними, какъ стали бы обращаться со всякими другими „неграми“ и маленькіе человѣчики, въ зеленыхъ мундирахъ, ушли отъ нихъ къ своимъ друзьямъ-Шотландцамъ и съ гримасами разсказали имъ свою неудачу: „Этотъ проклятый бѣлый полкъ никуда негоденъ. Сердитые — у! Грязные — у! Джонни недоволенъ!“ На это Шотландцы отвѣтили шлепками и запретили Гуркасамъ бранить англійскій полкъ, а Гуркасы мрачно усмѣхались, потому что Шотландцы были ихъ старшими братьями и пользовались всѣми привилегіями родственниковъ.

Другіе солдаты, еслибы вздумали тронуть Гуркасовъ, могли поплатиться за это головами.

Три дня спустя бригадный командиръ подготовилъ сраженіе согласно со всѣми правилами военнаго искусства и особенностями афганскаго темперамента. Въ горахъ непріятель собирался большими массами и движеніе зеленыхъ знаменъ указывало на то, что на помощь регулярнымъ войскамъ Афганцевъ являются горныя племена. Полтора эскадрона уланъ составляли всю свободную кавалерію въ распоряженіи генерала, а два горные единорога, позаимствованные у колонны, находившейся за тридцать миль — всю артиллерію.

— Если они устоятъ, а я думаю, что устоятъ, мы увидимъ такой пѣхотный бой, который стоитъ посмотрѣть, сказалъ бригадный командиръ.—Мы сдѣлаемъ все, какъ слѣдуетъ. Полки пойдутъ въ атаку подъ музыку, а кавалерію мы оставимъ въ резервѣ.

— И *другаго* резерва не будетъ? спросилъ кто-то.

— Не будетъ, потому что мы ихъ искрошимъ, отвѣтилъ бригадный генералъ, который былъ необыкновеннымъ генераломъ и не вѣрилъ въ необходимость резерва въ бою съ Афганцами. И дѣйствительно, когда подумаешь объ этомъ, еслибъ англійская армія во всѣхъ своихъ маленькихъ дѣлахъ поджидала резервовъ, то границей Великобританской имперіи и до сихъ поръ служилъ бы Брайтонскій берегъ.

Эта битва должна быть знаменитою битвой.

Три полка, дебушировавъ изъ трехъ разныхъ ущелій, куда они предварительно спустятся съ высотъ, должны были съ трехъ сторонъ сойтись въ нижней части долины къ общему центру, гдѣ стояло то, что мы назовемъ афганскою арміей. Такимъ образомъ оказывалось, что три стороны долины заняты были Англичанами, а четвертая находилась въ исключительномъ владѣніи Афганцевъ. Въ случаѣ пораженія, Афганцы могли бѣжать въ горы, гдѣ огонь горныхъ племенъ долженъ былъ прикрывать ихъ отступленіе. Въ случаѣ побѣды, эти племена спустятся съ горъ и докончатъ пораженіе Англичанъ.

Единороги предназначались для встрѣчи гранатами натиска Афганцевъ, еслибъ они вздумали пойти въ атаку сомкнутымъ строемъ, а кавалерія, находившаяся въ резервѣ въ правомъ ущельи, должна была слегка стимулировать бѣгство врага, которое послѣдуетъ вслѣдъ за общею атакой Англичанъ.

Бригадный командиръ избралъ для себя мѣсто на скалѣ, откуда открывался видъ на долину и сидя тамъ, онъ долженъ былъ наблюдать за ходомъ битвы. 329 полку предназначалось дѣйствовать въ центрѣ, Гуркасы должны были наступать слѣва, а Шотландцы—справа, такъ какъ предполагалось, что лѣвое крыло непріятеля требовало самаго дружнаго натиска. Не каждый день можно было сойтись съ Афганцами въ открытомъ полѣ, и бригадный командиръ рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ можно лучше.

— Еслибъ у насъ было еще хотя нѣсколько человѣкъ, жаловался онъ,—мы могли бы окружить ихъ и окончательно уничтожить. А при настоящихъ нашихъ силахъ, я боюсь, что намъ придется ограничиться рѣзней во время преслѣдованія. Это очень жаль.

329 полкъ наслаждался безмятежнымъ покоемъ въ продолженіе послѣднихъ пяти дней и, несмотря на дизентерію, началъ подбадриваться. Но солдаты не чувствовали себя счастливыми, потому что не знали, какая предстоитъ имъ работа, а еслибъ и знали, то не сумѣли бы за нее взяться. Всѣ эти пять дней, въ которые старые солдаты научили бы ихъ сути дѣла, они обсуждали постигшія ихъ невзгоды: какъ такой-то утромъ еще былъ живъ, а къ вечеру умеръ; съ какими стонами и страданіями отдалъ Богу душу другой подъ афганскимъ ножомъ. Смерть была новою и ужасною вещью для сыновей механиковъ привыкшихъ умирать скромно въ постели, а заботливый уходъ за ними въ казармахъ не пріучилъ ихъ смотрѣть на нее съ меньшимъ ужасомъ.

На разсвѣтѣ зазвучали рожки; 329 полкъ съ преждевременнымъ энтузіазмомъ высыпалъ изъ палатокъ, не выждавъ раздачи кофе и сухарей, и былъ вознагражденъ тѣмъ, что его продержали на холоду подъ ружьемъ все время, пока остальные полки исподволь готовились къ бою. Весь свѣтъ знаетъ, какъ трудно снимать штаны съ Шотландцевъ. Еще труднѣе сдвинуть ихъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока они сами не убѣдятся въ необходимости торопиться.

Люди 329 полка ждали, опираясь на ружья и прислушиваясь къ протесту своихъ пустыхъ желудковъ. Полковникъ тотчасъ же постарался помочь бѣдѣ, какъ только узналъ, что дѣло начнется не сразу и настолько это ему удалось, что кофе поспѣлъ, какъ разъ къ тому времени, когда полкъ двинулся впередъ съ музыкантами во

главѣ. И тутъ даже время было плохо разсчитано, такъ какъ 329 полкъ спустился въ долину десятью минутами раньше назначеннаго срока. Достигнувъ открытаго мѣста, музыканты зашли правымъ плечомъ впередъ и остановились за скалой, играя маршъ, а полкъ прошелъ мимо нихъ.

Видъ для непривычнаго глаза открылся довольно непріятный: позиція въ нижней части долины занята была цѣлою арміей—настоящими регулярными полками въ красныхъ мундирахъ, стрѣлявшими—въ этомъ не было никакого сомнѣнія—пулями Мартини, которыя зарывались въ землю шагахъ во ста впереди передней шеренги наступавшаго полка. Черезъ это изрытое пространство ему предстояло пройти и онъ открылъ балъ глубокими поклонами свистѣвшимъ пулямъ, присѣдая весь одновременно, словно его поджаривали на вертелѣ. Пріученные съ грѣхомъ пополамъ заботиться сами о себѣ, люди этого полка дали залпъ, по той простой причинѣ, что ружья очутились на прицѣлѣ, а руки потянули за собачки. Пули можетъ быть и долетѣли до часовыхъ въ горахъ, но разумѣется не причинили никакого вреда стоявшему впереди непріятелю, а громъ выстрѣловъ заглушалъ командныя слова.

— Богъ мой! воскликнулъ бригадный командиръ, сидя на скалѣ, господствовавшей надъ долиной.—Этотъ полкъ испортилъ всю картину. Торопите остальныхъ и пусть единороги начинаютъ.

Но единороги, слѣдуя обходнымъ путемъ, наткнулись на осиное гнѣздо въ видѣ глинянаго форта и засыпали его гранатами съ дистанціи въ восемьсотъ шаговъ, причиняя большой вредъ его защитникамъ, не привыкшимъ къ орудіямъ съ такимъ дьявольски вѣрнымъ боемъ.

329 полкъ продолжалъ двигаться впередъ, но уже укороченнымъ шагомъ. Гдѣ же были остальные полки и почему у этихъ „негровъ“ ружья Мартини? Инстинктивно солдаты пошли въ разсыпную, ложились, стрѣляли на удачу, перебѣгали нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ опять ложились, какъ полагалось по уставу. Въ такомъ строю каждый изъ нихъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ и ради собственнаго успокоенія старался держаться ближе къ товарищу.

Тогда звукъ выстрѣла изъ винтовки его сосѣда заставлялъ его стрѣлять въ свою очередь, какъ можно скорѣе, опять-таки для того, чтобъ успокоить себя громомъ выстрѣловъ. Награда не заставила себя долго ждать. Когда люди выпустили по пяти патро-

новъ, они оказались окутанными непроницаемымъ дымомъ и пули начали зарываться въ двадцати, тридцати шагахъ предъ фронтомъ, такъ какъ отъ тяжести штыка дуло гнулось книзу и вправо, а руки ослабѣвали отъ отдачи ружья. Ротные командиры безпомощно старались что-либо разглядѣть въ дыму; изъ нихъ болѣе нервные разгоняли его своими касками.

— Выше и лѣвѣе! командовалъ охрипшій отъ крику капитанъ.—Не годится! Перестаньте стрѣлять, пока дымъ отнесетъ въ сторону.

Три или четыре раза прозвучали рожки, передавая этотъ сигналъ, пока его послушались и 329 полкъ ожидалъ увидѣть враговъ лежащими въ подкошенныхъ рядахъ. Легкій вѣтерокъ отнесъ дымъ влѣво; оказалось, что непріятель сохраняетъ свою позицію и, повидимому, не понесъ никакого урона. Четверть тонны свинцу было зарыто въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ предъ фронтомъ, какъ видно было по взрытой землѣ.

На враговъ это нисколько не повліяло. Они ждали пока уляжется эта горячка и спокойно стрѣляли въ самую средину пространства, окутаннаго дымомъ. Одинъ изъ рядовыхъ 329 полка разстроилъ всю свою роту своими предсмертными стонами, другой порывисто дышалъ, катаясь по землѣ, третій, съ простреленнымъ животомъ, громко кричалъ, умоляя товарищей прикончить его и избавить отъ страданій. Таковы были случайности, и слышать, и видѣть это было очень неуспокоительно.

Дымъ разошелся и превратился въ полупризрачный туманъ. Тогда непріятель началъ кричать; съ дикими криками отдѣлилась отъ скалъ черная масса и съ ужасающею быстротой покатилась по землѣ. Она состояла, вѣроятно, изъ трехсотъ человѣкъ, не болѣе, которые готовы были кричать, стрѣлять и рубить, если окажется успѣшнымъ натискъ пятидесяти охотниковъ, бѣжавшихъ во главѣ толпы. Эти пятьдесятъ были *Гази*, наполовину обезумѣвшіе отъ опьяняющихъ напитковъ и доведенные религіознымъ фанатизмомъ до бѣшенства. Когда они бросились впередъ, огонь Англичанъ прекратился; среди наступившей тишины раздалась команда сомкнуться и принять ихъ въ штыки.

Всякій, кто понималъ дѣло, могъ бы объяснить 329 полку, что единственнымъ средствомъ отразить натискъ *Гази*—были залпы съ дальнихъ дистанцій; человѣкъ, рѣшившійся умереть, жаждущій смерти, чтобы попасть въ рай, въ девяти случаяхъ изъ десяти, долженъ убить человѣка, у котораго осталось еще нѣкоторое

предубѣжденіе въ пользу жизни, если ему только удастся до него добраться. Когда слѣдовало сомкнуться и идти впередъ, 329 полкъ дѣйствовалъ разсыпнымъ строемъ, а когда ему слѣдовало развернуться и открыть огонь, онъ сомкнулся и выжидалъ не стрѣляя.

Человѣку, поднятому съ постели, въ просонкахъ, и не накормленному, свойственно быть въ дурномъ расположеніи духа, и его душевное настроеніе не улучшается, когда ему приходится стоять въ ожиданіи и видѣть, какъ сверкаютъ глаза у трехсотъ рослыхъ дьяволовъ, съ бородами, покрытыми пѣной, съ трехфутовыми ножами въ рукахъ, несущихся съ бѣшеными криками.

329 полкъ слышалъ какъ прозвучали рожки у Гуркасовъ, призывая ихъ къ атакѣ, а слѣва раздалось пищаніе шотландскихъ волынокъ. Онъ попытался удержаться на мѣстѣ, хотя штыки запрыгали внизъ и вверхъ, какъ весла у лодки во время бури. Затѣмъ солдаты столкнулись грудь съ грудью съ врагами и на собственномъ опытѣ убѣдились въ ихъ поразительной физической силѣ. Натискъ окончился криками боли и ножи начали свою работу среди неописуемыхъ сценъ. Солдаты толкались на мѣстѣ и наносили удары наудачу, попадая зачастую въ товарищей.

Ихъ фронтъ прорвался, какъ листъ бумаги, пятьдесятъ охотниковъ прошли насквозь, а слѣдовавшая за ними толпа, опьяненная успѣхомъ, дралась теперь такъ же бѣшено, какъ и они сами.

Затѣмъ заднимъ рядамъ приказано было сомкнуться и субалтерны бросились въ сѣчу, но... оказались покинутыми. Задніе ряды слышали шумъ битвы впереди, слышали крики и стоны, видѣли темную, густую кровь, отъ которой дѣлается страшно... Они не хотѣли оставаться... Это было то же самое, что̀ тогда, во время ночныхъ нападеній на лагерь... Пусть офицеры отправляются въ адъ, если хотятъ, а они убѣгутъ отъ ножей.

— Впередъ! кричали субалтерны, а солдаты, проклиная ихъ, отступали, держась ближе другъ къ другу, и повертывали назадъ.

Чартерисъ и Девлинъ—субалтерны задней роты—одни бросились на встрѣчу смерти, въ убѣжденіи, что ихъ люди за ними послѣдуютъ.

— Трусы! вы убили меня! проревѣлъ Девлинъ и упалъ подъ ударомъ ножа, разрубившаго его отъ плеча до половины груди, а новый отрядъ его людей, все отступая и отступая, топталъ его подъ ногами, стараясь добраться до ущелья, изъ котораго вышелъ „Бѣглый“ полкъ.

„Цѣловался съ нею въ кухнѣ я, цѣловался съ ней и въ залѣ.

„Гей, ребята, всѣ за мной!

„Ай люли, люли, люли!“

Гуркасы высыпали на высоты и спускались изъ ущелья подъ звуки своего полковаго марша. Черныя скалы унизаны были темнозелеными пауками, а трубы весело звучали:

„Утромъ! утромъ! при солнечномъ свѣтѣ!

„Когда Гавріилъ въ трубу затрубитъ!“

Заднія роты Гуркасовъ подходили, спотыкаясь о камни. Переднія шеренги останавливались на минуту, чтобы посмотрѣть на разстилавшуюся внизу долину и поправить обувь. По рядамъ послышались восклицанія удовольствія при видѣ врага. Вѣдь для встрѣчи съ нимъ Гуркасы и спѣшили сюда. Враговъ было много. Развлечься будетъ чѣмъ. Маленькіе человѣчки крѣпче сжали рукоятки *кукрисовъ* и выжидательно поглядывали на своихъ офицеровъ, какъ глядятъ собаки, когда имъ собираются бросить поноску. Мѣстность, занятая Гуркасами, опускалась легкимъ скатомъ къ долинѣ и имъ было хорошо видно все, что̀ тамъ происходило. Сидя на скалахъ, они наблюдали, такъ какъ офицеры не хотѣли тратить силъ на отбитіе натиска *гази*, начавшагося за цѣлую милю отъ нихъ. Пускай бѣлые сами позаботятся объ этомъ.

— И! и! замѣтилъ субадаръ-майоръ, обливаясь по̀томъ.—Эти проклятые дурни стоятъ сомкнутымъ строемъ! На что̀ сомкнули строй? Теперь надо залпы! Ухъ!

Съ насмѣшливымъ негодованіемъ слѣдили Гуркасы за отступленіемъ—будемъ вѣжливы — Бѣглаго полка и сопровождали его проклятіями и замѣчаніями.

— Они бѣгутъ! Бѣлые бѣгутъ! Полковникъ Сапбъ, нельзя ли и намъ немножко пробѣжаться? пробормоталъ Рёнбиръ Та-Тапа, старшій *джемадаръ*.

Но полковникъ совсѣмъ этого не хотѣлъ.

— Пусть достанется этимъ канальямъ, сердито сказалъ онъ.— Подѣломъ имъ! Ихъ сейчасъ же вернутъ назадъ. Онъ посмотрѣлъ въ бинокль и замѣтилъ какъ сверкнула офицерская сабля.

— Они бьютъ ихъ саблями, этихъ проклятыхъ рекрутовъ! Какъ *гази*-то врубились! сказалъ онъ.

Въ бѣгствѣ „Бѣглый“ полкъ увлекъ за собо̀й своихъ офице-

ровъ. Въ узкомъ ущельѣ бѣгущей толпѣ пришлось сплотиться и задняя шеренга дала неувѣренный залпъ, послѣ чего *гази* прекратили преслѣдованіе, не зная сколько войскъ можетъ скрывать ущелье. Къ тому же всегда неблагоразумно преслѣдовать бѣлыхъ людей слишкомъ далеко. *Гази* вернулись, какъ волки, въ свое логовище, удовлетворенные бойней, которую они произвели и добивая по пути раненыхъ, лежавшихъ на землѣ. Четверть мили отступалъ „Бѣглый" полкъ, и теперь, въ ущельѣ сбился въ кучу, извивался отъ боли и дрожалъ отъ деморализующаго страха, а офицеры, доведенные до полнаго бѣшенства, колотили солдатъ рукоятками и тупою стороной сабель.

— Назадъ, трусы! Назадъ, бабы! Направо кругомъ! Въ ротныхъ колоннахъ! Стройся—собаки! кричалъ полковникъ, и субалтерны осыпали людей проклятіями. Но полкъ хотѣлъ уйти... уйти куда-нибудь... скрыться отъ этихъ безжалостныхъ ножей... Съ криками и восклицаніями, онъ нерѣшительно метался изъ стороны въ сторону, пока слѣва Гуркасы провожали возвращавшуюся толпу *гази* послѣдовательными залпами изъ дальнобойныхъ винтовокъ.

Музыканты „Бѣглаго" полка, находившіеся подъ защитой скалы, бѣжали при первой сшибкѣ. Джекинъ и Лю убѣжали бы вмѣстѣ съ ними, но, коротконогіе, они отстали, и въ то время, когда музыканты смѣшались уже съ полкомъ, они поняли, что имъ придется бѣжать однимъ и безо всякой поддержки.

— Назадъ! За скалу, задыхаясь крикнулъ Джекинъ.—Тамъ они насъ не замѣтятъ.

И они вернулись на то мѣсто, гдѣ лежали брошенные инструменты: сердца у нихъ чуть не разрывались, колотясь о ребра.

— Вотъ такъ красиво, нечего сказать! сказалъ Джекинъ ложась на землю.—Красивая картинка для англійской вѣхоты! Черти проклятые! Удрали и насъ здѣсь оставили! Что̀ же намъ дѣлать?

Лю завладѣлъ брошенною бутылкой, которая конечно оказалась наполненною ромомъ. Онъ сталъ пить изъ нея до тѣхъ поръ, пока не закашлялся.

— Пей, отрывисто отвѣтилъ онъ:—увидишь, они вернутся черезъ нѣсколько минутъ.

Джекинъ выпилъ, но незамѣтно было никакихъ признаковъ возвращенія полка. Они слышали неопредѣленный шумъ изъ ущелья и видѣли какъ мимо проскользнули гази, прибавляя шагу подъ выстрѣлами Гуркасовъ.

— Мы одни остались изо всего оркестра, и вѣрнѣе смерти, что они зарѣжутъ насъ, замѣтилъ Джекинъ.

— Я живой не дамся! сказалъ Лю тяжелѣющимъ голосомъ и размахивая своею маленькою, музыкантскою сабелькой. Ромъ начиналъ оказывать свое дѣйствіе на него, такъ же какъ и на Джекина.

— Постой! Я знаю кое-что лучше драки, возразилъ Джекинъ, поражанный внезапною мыслью, которою онъ обязанъ былъ преимущественно рому.—Дадимъ знать нашимъ проклятымъ трусамъ, чтобъ они вернулись. Канальи язычники ушли. Пойдемъ Лю! Насъ не тронутъ. Бери флейту и давай мнѣ барабанъ. Сыграемъ имъ старый маршъ! Вонъ часть людей идетъ назадъ. Вставай маленькій пьяница. Правое плечо впередъ, скорымъ шагомъ—маршъ!

Онъ накинулъ на плечо барабанную перевязь, сунулъ товарищу въ руки флейту, и мальчики замаршировали изъ-за скалы на открытое мѣсто, невѣроятно коверкая первые такты „марша великобританскихъ гренадеровъ“.

Какъ сказалъ Лю, немногіе солдаты „Бѣглаго“ полка угрюмо и пристыженно возвращались подъ вліяніемъ побоевъ и ругательствъ; красные мундиры виднѣлись уже въ началѣ долины, а за ними сверкали колеблющіеся штыки. Но между этими нестройными рядами и непріятелемъ, который съ афганскою подозрительностью боялся, что поспѣшное отступленіе скрываетъ засаду, и не двинулся съ мѣста, простиралось около полмили открытаго пространства, занятаго только ранеными.

Мотивъ марша разростался стройнѣе и мальчики держались плечомъ къ плечу. Джекинъ бѣшено билъ въ барабанъ, а флейта тонко и жалобно пищала, но маршъ разносился далеко, долетая даже до Гуркасовъ.

— Идите же, собаки! бормоталъ Джекинъ. Долго ли намъ еще играть? Лю уставился глазами прямо предъ собой и маршировалъ выпрямившись, какъ на парадѣ.

И со злобною насмѣшкой надъ отдаленною толпой бѣглецовъ раздавался старинный маршъ старой арміи:

„Всѣ хвалятъ Александра—
„Великій былъ герой!
„Онъ Гектора, Лизандра
„И всѣхъ затмилъ собой!“

Вдали у Гуркасовъ раздалось хлопанье въ ладоши, а съ другой стороны ревѣли Шотландцы, но ни одного выстрѣла не раздалось ни съ англійской, ни съ афганской стороны. Только двѣ красныя точки двигались по открытому пространству, направляясь прямо на врага.

„По всѣхъ героевъ свѣта
„Затмилъ одинъ примѣръ,
„Та-ра-ра-ра и это—
„Англійскій гренадеръ!“

Солдаты „Бѣглаго“ полка собрались густою толпой у выхода въ долину. Бригадный командиръ, сидя на своей скалѣ, не могъ ни одного слова произнести отъ бѣшенства. Непріятель все еще не двигался. Всѣ замерли, слѣдя за дѣтьми.

Джекинъ остановился и ударилъ сборъ, которому съ отчаяннымъ пискомъ аккомпанировала флейта.

— Направо, кругомъ! Держись Лю, ты пьянъ, скомандовалъ Джекинъ. Они повернулись и зашагали назадъ.

„Герои не слыхали
„Орудій грозный зовъ,
„И пороха не знали“,

— Идутъ! воскликнулъ Джекинъ.—Валяй, Лю!

„Чтобъ бить своихъ враговъ!“

„Бѣглый“ полкъ высыпалъ въ долину. Что̀ говорили солдатамъ офицеры въ этотъ часъ позора и униженія осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ ни офицеры, ни солдаты объ этомъ не разсказывали.

— Они опять идутъ! крикнулъ афганскій мулла. — Не убивайте мальчиковъ! Возьмите ихъ живьемъ, они примутъ нашу вѣру.

Но раздался первый залпъ и Лю упалъ внизъ лицомъ. Джекинъ устоялъ было, но закружился на мѣстѣ и присѣлъ въ то время, какъ „Бѣглый“ полкъ шелъ впередъ; въ ушахъ у солдатъ все еще раздавались проклятія офицеровъ, а сердца грызло чувство позорнаго стыда. Половина людей видѣла, какъ убили барабанщиковъ и не подала никакого знака, даже не вскрикнула. Въ полномъ порядкѣ, скорымъ шагомъ, безъ выстрѣла, шли они прямо по долинѣ.

— Вотъ это настоящая атака, тихо промолвилъ командиръ Гуркасовъ, съ этого слѣдовало бы и начать. Впередъ, ребята!

— Улю-лю-лю-лю! заревѣли Гуркасы и спустились въ долину съ веселымъ звономъ *кукрисовъ*, этихъ зловѣщихъ гуркасскихъ ножей.

Справа не было никакого натиска, Шотландцы помолились Богу (для мертваго вѣдь совершенно безразлично, гдѣ его убьютъ — при Ватерло или въ пограничной стычкѣ), развернули фронтъ и начали стрѣлять, какъ стрѣляли всегда, то-есть не горячась и безъ интерваловъ, а единороги, разрушивъ дерзкій глиняный фортъ, о которомъ было уже говорено, посылали гранату за гранатой въ толпы окружавшія зеленыя знамена на высотахъ.

— Атака, это печальная необходимость, пробормоталъ фельдфебель правой роты Шотландцевъ.

— Во время ея люди всегда разражаются проклятіями, но пожалуй дойдетъ и до атаки, если эти черти все будутъ стоять. Эй, Стюартъ! зачѣмъ палите вы прямо въ солнце? Ему не повредитъ правительственный порохъ. Футомъ ниже и значительно медленнѣе! А что̀ дѣлаютъ Англичане? Въ центрѣ что-то тихо. Опять бѣгутъ?

Нѣтъ; Англичане не бѣжали. Они дрались прикладами, рубили и кололи, и — хотя одинокому бѣлому едва ли подъ силу справиться съ Афганцемъ въ войлочномъ халатѣ или тулупѣ,—но подъ давленіемъ многихъ бѣлыхъ, напирающихъ сзади, и съ жаждой мести въ сердцѣ, онъ можетъ сдѣлать многое и штыкомъ, и прикладомъ. „Бѣглый“ полкъ не открывалъ огня до тѣхъ поръ, пока одною пулей можно было пронизать пять, шесть человѣкъ и открылся весь фронтъ Афганцевъ. Тогда они стали выбирать жертвы и убивали ихъ съ глубокими вздохами, порывистымъ покашливаніемъ, поскрипываніемъ кожаныхъ поясовъ, которые терлись о падавшія тѣла, и поняли въ первый разъ, что атакованный Афганецъ далеко не такъ страшенъ, какъ Афганецъ атакующій; а это давно бы могли имъ объяснить старые солдаты.

Но старыхъ солдатъ въ ихъ рядахъ не было.

На этомъ базарѣ лавочка Гуркасовъ была самая шумная, потому что они дрались *кукрисами*, предпочитая ихъ штыкамъ и зная, какъ ненавидятъ Афганцы это кривое оружіе. Ножи производили непріятный стукъ, словно рубили говядину на прилавкѣ.

Когда Афганцы дрогнули, зеленыя знамена спустились съ

высотъ, чтобы помочь имъ послѣднимъ подкрѣпленіемъ. Это было неразумно. Уланы, нетерпѣливо ожидавшіе въ правомъ ущельѣ, три раза уже посылали своего единственнаго субалтерна, чтобъ узнать, какъ идутъ дѣла. Въ третій разъ онъ вернулся, контуженный въ колѣно, разражаясь индусскими проклятіями, и доложилъ, что все готово. Эскадронъ объѣхалъ Шотландцевъ справа съ зловѣщимъ свистомъ вѣтра между значками на копьяхъ, и навалился на врага, какъ разъ въ то время, когда по всѣмъ правиламъ войны ему слѣдовало подождать, пока непріятель начнетъ отступленіе.

За то это была ловкая кавалерійская атака, красиво исполненная, и окончилась она тѣмъ, что кавалерія оказалась у входа въ ущелье, по которому Афганцы намѣревались отступить, а по слѣду проложенному копьями устремились двѣ роты Шотландцевъ, чего бригадный командиръ никогда и не предполагалъ. Новый маневръ вышелъ удачнымъ. Непріятель былъ отдѣленъ отъ своей базы, какъ губка оторванная отъ скалы. И какъ губку баньщикъ гоняетъ по ванной, такъ гоняли Афганцевъ по долинѣ, пока они не разбились на малые отряды, съ которыми было значительно труднѣе справиться, чѣмъ съ большими массами.

— Смотрите! говорилъ бригадный командиръ.—Все такъ и случилось, какъ я предполагалъ. Мы отрѣзали ихъ отъ базы и искрошимъ ихъ теперь въ куски.

Это была ложь. По количеству силъ, находившихся въ его распоряженіи, бригадный командиръ могъ только надѣяться нанести имъ нѣкоторый уронъ; но люди, возвышающіеся или падающіе вслѣдствіе ошибокъ противника, могутъ заслуживать извиненіе, если *случайность* называютъ *намѣреніемъ*. Весело шло преслѣдованіе; афганскія войска бѣжали, какъ бѣгутъ загнанные волки, огрызаясь и ворча. Красныя копья опускались по-двое и по-трое, раздавались стоны и тупые концы копій подымались кверху—какъ обломки мачтъ на бурныхъ волнахъ—въ то время, какъ солдаты на полномъ скаку очищали острія. Уланы держались между своими жертвами и крутыми скалами, такъ какъ всякій, кто могъ, старался бѣжать изъ долины смерти. Шотландцы отпускали бѣглецовъ на двѣсти шаговъ впередъ и затѣмъ валили съ ногъ задыхавшихся и стонавшихъ Афганцевъ раньше, чѣмъ имъ удавалось выбраться подъ защиту горъ. Гуркасы занялись преслѣдованіемъ, но солдаты „Бѣглаго“ полка убивали сами по себѣ, окруживъ цѣлую массу людей у подножія скалъ и работая

штыками въ то время, какъ выстрѣлы освѣщали войлочные кафтаны своими вспышками.

— Мы не удержимъ ихъ, капитанъ Сапбъ! задыхаясь, промолвилъ уланскій *ресайдаръ*.—Позвольте изъ винтовокъ! Копье очень хорошо, но тратитъ много времени.

Пустили въ ходъ винтовки, но непріятель продолжалъ таять цѣлыми сотнями, спасаясь въ горы, когда было всего двадцать пуль, чтобъ удержать эти сотни. Единороги на высотахъ перестали стрѣлять за недостаткомъ снарядовъ и бригадный командиръ стоналъ, видя, что ружейному огню не удержать непріятеля. Много раньше, чѣмъ раздался послѣдній залпъ, на полѣ битвы появились носилки въ поискахъ за ранеными. Битва кончилась, и только за недостаткомъ свѣжихъ войскъ Афганцы не были стерты съ лица земли. Все же убитые съ ихъ стороны считались сотнями и нигдѣ не было столько мертвыхъ тѣлъ, какъ на пути „Бѣглаго“ полка.

Однако этотъ полкъ не принялъ участія ни въ побѣдныхъ кликахъ Шотландцевъ, ни въ пляскѣ Гуркасовъ среди мертвыхъ тѣлъ. Исподлобья смотрѣли они на полковника, пока отдыхали, опираясь на ружья.

— Ступайте въ лагерь! Для одного дня вы достаточно себя обезчестили; ступайте ухаживать за ранеными, на это только вы и годны! сказалъ полковникъ.—Однако, за послѣдній часъ „Бѣглый“ полкъ совершилъ все, что̀ могъ бы ожидать любой командиръ. Онъ понесъ тяжкія потери, потому что не зналъ, какъ взяться за дѣло, но велъ онъ себя прекрасно и такова была награда.

Молодой и молодцоватый фельдфебель, начавшій уже воображать себя героемъ, предложилъ свою манерку съ водой Шотландцу, у котораго отъ жажды почернѣлъ языкъ.

— Я не пью съ трусами! послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ, и Шотландецъ обратился къ Гуркасу, сказавъ:—Эй, Джонни, есть вода? Гуркасъ усмѣхнулся и передалъ свою манерку. Фельдфебель „Бѣглаго“ полка не промолвилъ ни слова.

Они вернулись въ лагерь, когда поле битвы было нѣсколько очищено и имѣло уже представительный видъ. Бригадный командиръ, который предвкушалъ уже ожидающую его награду, былъ единственнымъ человѣкомъ похвалившимъ ихъ. Полковникъ молчалъ, какъ убитый, а офицеры поглядывали дико и угрюмо.

— Ничего, сказалъ бригадный командиръ,—они еще молоды

и ничего нѣтъ удивительнаго, что сначала они отступили въ безпорядкѣ.

— О, Богъ мой! пробормоталъ одинъ изъ младшихъ штабныхъ офицеровъ.—Отступили! Когда они по-просту—удирали во всѣ лопатки.

— Но, какъ мы знаемъ, они вернулись, отозвался бригадный командиръ какъ разъ на эти слова, увидѣвъ предъ собой безкровное лицо полковника,—и вели они себя такъ хорошо, какъ только можно было ожидать. Прекрасно вели себя. Я слѣдилъ за ними. Изъ-за этого не стóитъ печалиться, полковникъ. Какъ какой-то нѣмецкій генералъ сказалъ о своихъ солдатахъ: „надо было, чтобъ они обстрѣлялись“—вотъ и все.

А самому себѣ онъ сказалъ: теперь, когда имъ пустили кровь, можно довѣрить имъ отвѣтственную работу. Пожалуй, хорошо, что имъ досталось. Обстрѣлять ихъ, какъ слѣдуетъ, а потомъ они сами будутъ кусаться. Однако, несчастный этотъ полковникъ!

Все послѣ обѣда по окрестнымъ высотамъ мигалъ и сверкалъ геліографъ, стараясь передать добрую вѣсть горѣ, отстоявшей на сорокъ миль. А подъ вечеръ, весь въ поту и въ пыли, явился недовольный корреспондентъ, который вслѣдствіе невѣрныхъ сообщеній присутствовалъ при сожженіи какой-то деревни, а вѣсть о побѣдѣ прочелъ издали, проклиная свою судьбу.

— Сообщите мнѣ пожалуста подробности и какъ можно полнѣе. Въ первый разъ за всю кампанію я остался въ тылу, жаловался онъ бригадному командиру, и бригадный командиръ съ большимъ удовольствіемъ разсказалъ ему, какъ цѣлый комуникаціонный корпусъ былъ искрошенъ, разбитъ и почти уничтоженъ, благодаря энергіи, стратегическимъ способностямъ, распорядительности и предусмотрительности бригаднаго командира.

Однако, говорятъ,—между прочимъ поддерживаютъ это и Гуркасы, которые съ высотъ наблюдали за ходомъ дѣла,—что битву выиграли Джекинъ и Лю, чьи маленькія тѣла принесены были какъ разъ вовремя, чтобы заполнить два пустыя мѣста въ общей могилѣ для убитыхъ, вырытой у подошвы Джагайскихъ высотъ.

НА ПУТЯХЪ ВЪ ЛХАССУ.[1]

I.

Раньше чѣмъ перейти къ новѣйшимъ путешествіямъ въ Тибетъ (Рокхиля и Бонвало), не могу не оговориться, что считаю ихъ сравнительно мало цѣнными и для науки вообще, и для насъ, такъ какъ ѣздившіе туда и писавшіе про любопытную страну недостаточно старались вникать въ духъ туземной культуры, а безъ этого само собой умаляется и значеніе энергіи, потраченной на знакомство со столь далекою чужбиной. Сказанное особенно относится къ намъ, Русскимъ.

Нельзя идти слѣпыми по Центральной Азіи. Нужны знанія, ярко освѣщающія ея внутренній міръ. Необходимо изслѣдовать, какъ можно обстоятельнѣе, что̀ такое ламаизмъ, какова его истинная политическая роль, настоящее и будущее. Надо зажечь факелъ, чтобы хоть отчасти озарить обступающій тамъ мракъ. Безъ пониманія господствующей у туземцевъ религіи немыслимо углубляться въ монголо-тибетскія пустыни, немыслимо бороться съ язычествомъ на сибирскихъ окраинахъ, немыслимо вступить въ разумное и тѣсное общеніе съ правителями въ буддійскихъ земляхъ. Раньше чѣмъ излагать, какими способами легко было бы, при нѣкоторомъ добромъ желаніи, помочь этой бѣдѣ, важно и поучительно остановиться на одномъ разительномъ примѣрѣ того, что̀ способенъ сдѣлать образованный человѣкъ, проникнутый сознаніемъ своего долга послужить великой идеѣ ознакомленія циви-

[1] См. № 3 *Русск. Обозрѣнія*, „Тибетскій буддизмъ и наша окраина“.

лизованнаго міра съ тайнохранилищами Азіи. Рѣчь идетъ о знаменитомъ Венгерцѣ Александрѣ Чома изъ мѣстечка Кэрэса, который первый прочно обосновалъ область нашего вѣдѣнія относительно Тибета и порожденнаго имъ ламаизма. До тѣхъ поръ изысканія производились ощупью, были случайнаго характера и отличались хаотичностью сгруппированнаго матеріала. Недостатки эти обусловливались неподготовленностью въ лингвистическомъ отношеніи. За изученіе предмета слѣдовало взяться филологу въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Чома вполнѣ удовлетворялъ требованію. Онъ являлся однимъ изъ наиболѣе развитыхъ людей начала нынѣшняго вѣка.

Знатокъ и цѣнитель классической поэзіи, ученикъ извѣстнаго гэттингенскаго оріенталиста Эйхгорна, глубоко и разносторонне начитанный, молодой Венгерецъ начинаетъ задумываться надъ тѣмъ, какъ загадочно прошлое отдаленнаго Востока (откуда, быть-можетъ, пришли наши предки), насколько замкнута для Европейцевъ настоящая духовная жизнь въ центрально-азіятскихъ степяхъ и горахъ, что̀ можно открыть въ этихъ малонаселенныхъ, но все-таки культурныхъ странахъ. Первая мысль Чомы—проникнуть туда чрезъ Сибирь. Для устраненія препятствій по дорогѣ онъ принимается за славянскія нарѣчія Австріи и русскій языкъ. Средствъ на путешествіе нѣтъ. Если уже рѣшиться на него, то надо удовольствоваться ничтожною суммой. Дома улыбается обезпеченное положеніе профессора,—внѣ Европы ждутъ страшнѣйшія лишенія, быть-можетъ, неуспѣхъ, смерть... И вотъ Чома, тридцати шести лѣтъ отъ роду, послѣ долгихъ размышленій и занятій, навсегда уходитъ на чужбину... Маршрутъ избирается иной, чѣмъ предполагалось раньше. Венгерецъ ѣдетъ въ Египетъ, Сирію и Персію. Кое-гдѣ пришлось подвигаться впередъ пѣшкомъ. Въ ноябрѣ 1821 г. онъ достигъ грозной для иноземцевъ Бухары, затѣмъ пробрался въ Кашмиръ и Ладакъ.

Въ общихъ чертахъ освоившись съ тибетскимъ языкомъ, при помощи персидскаго, Чома провидѣлъ его громадное значеніе для науки будущаго и посвятилъ всѣ свои силы этому трудному языку, на которомъ во внутренней Азіи создалась цѣлая священная литература. Безъ сомнѣнія, интересъ къ сѣверному буддизму, близь его нѣкоторыхъ главнѣйшихъ центровъ, особенно побудилъ Чому избрать именно такую, а не какую-нибудь другую спеціальность. Онъ трижды удалялся въ ламскіе монастыри, расположенные на порогѣ Тибета, руководствовался совѣтами туземныхъ духовныхъ,

шагъ за шагомъ неуклонно совершенствовался въ знаніи ихъ письменности и пониманіи религіи. Доведя всѣ свои внѣшнія потребности до минимума, поразительно воздержный въ ѣдѣ и питьѣ, твердо убѣжденный въ необходимости работать безъ устали, — пока только обстоятельства позволяютъ, — съ душой, вѣчно согрѣваемою лучами истины, самоотверженный Венгерецъ казался мѣстнымъ жителямъ какимъ-то существомъ высшаго порядка, олицетвореніемъ буддійскаго идеала святости. По словамъ путешественниковъ, посѣтившихъ впослѣдствіи уголки, гдѣ прожилъ великій подвижникъ-Чома, ламы не забыли его, съ благоговѣніемъ отзываются о немъ,—и, вѣроятно, позаботились прославить его имя вдоль буддійской Азіи. По крайней мѣрѣ, Буряты разсказываютъ объ иностранцѣ Ѳомѣ, который научился тибетскому языку, сталъ аскетомъ, перешелъ въ ихъ вѣру и т. д. Послѣднее, должно-быть,—сказка; но любопытно отмѣтить, какъ въ ламайскихъ краяхъ зорко и чутко относятся ко всему, что̀ извнѣ затрогиваетъ область религіи. Между Ладакомъ и Восточною Сибирью—безконечные пустыри, и, несмотря на это, черезъ необъятную ширь доносится вѣсть объ Европейцѣ, съ любовью подступившемъ къ туземнымъ источникамъ образованности,—откуда раздавался умиротворяющій душу глаголъ древняго ученія: „Не будь порочень! живи добродѣтельно! окончательно подави свои желанія! это — заповѣди Будды. Кто имъ слѣдуетъ, освобождается отъ роковыхъ перерожденій. *Внимайте изреченію учителя* и не забывайте: *чего себѣ не желаешь, того и другому не причиняй!*“ Немудрено, если Чомѣ симпатиченъ былъ нравственный міръ лучшихъ туземцевъ-ламаитовъ.

Англичане начали покровительствовать удивительному Венгерцу, какъ только узнали объ его стремленіяхъ. Онъ, однако, бралъ всегда у правительства очень мало денегъ, потому что довольствовался самою неприхотливою обстановкой и тратилъ ихъ исключительно на пріобрѣтеніе еще бо̀льшихъ знаній у мѣстныхъ духовныхъ. Единственною заботой его было обогатить науку новыми данными о тибетскомъ языкѣ и буддизмѣ, который, покидая Индію и уходя на сѣверъ въ горы, взялъ туда съ собою разныя санскритскія сочиненія, съ тѣхъ поръ исчезнувшія на родинѣ, но существующія за Гималаями. Для расширенія филологическихъ изысканій, Чома усиленно занялся санскритомъ и нѣкоторыми индусскими нарѣчіями, поселился въ Калькуттѣ съ цѣлью печатать свои труды. Они изданы по-англійски,

на пользу нынѣшнимъ властителямъ Индіи, ближайшимъ сосѣдямъ Далай-ламы. Тутъ есть какая-то таинственная историческая связь съ однимъ фактомъ. Знаменитый тибетологъ воспитывался въ Наги Эніэдѣ. Въ прошломъ столѣтіи, при военныхъ смутахъ, этотъ городъ страшно пострадалъ. Жители обнищали. Не было возможности учить подростающую молодежь. Когда въ Англіи узнали о столь печальной участи, Лондонцы собрали 11.000 фунт. стерл. на основаніе и поддержку новаго нагіэніэдскаго училища. Тамъ, черезъ десятки лѣтъ, выросъ и развился юноша, весь отдавшійся той области оріентализма, которая болѣе и болѣе становится важна для Англичанъ. Въ 1842 г., *послѣ двадцатидвухлѣтняго пребыванія на Востокѣ, Чома, наконецъ, рѣшился ѣхать въ Лхассу*, но по дорогѣ заболѣлъ и умеръ. Въ его маленькой походной библіотекѣ, въ числѣ любимыхъ книгъ нашлись *русское Евангеліе и русская грамматика*.

Скоро полвѣка пройдетъ со времени этой кончины: неужели у насъ не найдется никого, кто бы взялся хоть отчасти быть продолжателемъ великаго дѣла, завѣщаннаго даровитымъ Венгерцемъ? Вѣдь мы—народъ, все далѣе углубляющійся въ Азію, призванный пошатнуть ея вѣковой строй, дохнуть на него чѣмъ-то возрождающимъ. Наши истинные піонеры должны сознательно входить въ эту глушь, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ ихъ окружаетъ. Въ Россіи, между тѣмъ, живутъ сотни тысячъ подданныхъ—буддистовъ, за ними колышется цѣлое море единовѣрныхъ кочевниковъ, сибирскіе инородцы находятся въ безпрерывномъ общеніи съ Тибетомъ,—а много ли мы объ этомъ знаемъ? Почти ничего. Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ тому служитъ вздоръ, обыкновенно печатаемый о томъ въ иныхъ періодическихъ изданіяхъ. Особенно по этимъ вопросамъ плодятся нескладныя статьи Воронца, который, повидимому, морочитъ читателей, разсказывая имъ всякія небылицы, именно въ надеждѣ на то, что у насъ слишкомъ мало знаютъ даже о далекихъ окраинахъ, не говоря уже о Востокѣ вообще. Однако, вѣроятно, спросятъ, что̀ же собственно любопытнаго представляетъ культура Центральной Азіи? Сто̀итъ ли изъ-за нея обрекать себя на жертвы, учиться у ламъ, посѣщать ихъ религіозные центры, вникать въ бытъ туземнаго буддійскаго населенія?

Все, что̀ относится къ вѣрованіямъ человѣчества, что̀ свидѣтельствуетъ о наилучшихъ его стремленіяхъ, все идеальное безусловно достойно вниманія мыслителей-изслѣдователей. А въ

Монголіи и Тибетѣ религія полновластно царитъ надъ жизнью, наполняетъ собою существованіе туземцевъ, примиряетъ ихъ съ печальною дѣйствительностью. Крайне суровый климатъ, кочевой или рѣже полуосѣдлый бытъ, величіе обступающихъ пустынь подавляющимъ образомъ вліяютъ на душу буддистовъ. Богатый представленіями о божествѣ и весьма сложный внутренній міръ таится ими отъ взора Европейцевъ. Не пора ли вглядѣться въ него, наконецъ, теперь, когда вѣкъ, въ своемъ поспѣшномъ движеніи куда-то впередъ, еще быстрѣе проникается матеріалистическими тенденціями? Соприкосновеніе съ вѣрующимъ Востокомъ неминуемо вольетъ въ насъ свѣжую, ободряющую струю, и, безъ сомнѣнія, уяснитъ намъ многое въ родныхъ святыняхъ, сблизитъ насъ съ явленіями сверхъестественнаго порядка.

Пока внутренняя Азія останется замкнутою, всякое шарлатанство (въ родѣ теософизма) можетъ ссылаться на то, что откровеніе имъ получается съ невидимыхъ тибетскихъ горъ. Если побольше людей, подобно Чомѣ, узнаютъ, каковъ тамошній строй, — вскорѣ наступитъ конецъ мороченью легкомысленной толпы въ столичныхъ городахъ, и тогда уже образованнѣйшіе богословы освѣтятъ цѣнный матеріалъ, добытый на мѣстѣ въ странахъ, гдѣ такъ силенъ буддизмъ. Теперь приходится обо всемъ судить по догадкамъ. Ничего нельзя обобщать. Многое кажется и дикимъ, и загадочнымъ. *Ламское искусство врачеванія*, съ его обширною литературой и чудесными результатами, — это знаніе, передаваемое съ древнихъ временъ изъ рода въ родъ,— также начинаетъ интересовать Европу, въ виду возможной, хотя и не доказанной связи (черезъ Индію) съ Элладой и Египтомъ. Чома серьезно смотрѣлъ на буддійскую медицину и, насколько могъ, характеризовалъ ее. Туземные цѣлители особенно привлекаютъ тѣмъ, что по требованіямъ религіи, *лишь добрые, милосердые, безупречные ламы смѣютъ практиковать съ надеждой на успѣхъ*. Монастыри всюду разсыпаны въ значительномъ количествѣ, поражаютъ обиліемъ предметовъ культа, обрядностью и присутствіемъ „перерожденцевъ“, то-есть такихъ лицъ, которыя за добродѣтельную жизнь въ правѣ покинуть нашъ грѣшный міръ навсегда, но не хотятъ этого сдѣлать изъ любви ко всему живущему, а для спасенія тварей послѣ смерти постоянно возрождаются.

Въ 300 верстахъ отъ Кяхты, на караванной дорогѣ въ Китай, расположенъ городъ-монастырь Урга, со своимъ великимъ

„перерожденцемъ" (Хутухтой) и тысячами ламъ,—одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ сѣвернаго буддизма. Сюда отовсюду стекаются богомольцы, здѣсь живутъ и учатся тѣ наши инородцы, которые не прямо ѣдутъ въ Тибетъ. Кругомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, расположены другія интересныя кумирни. Въ бурятскую глушь Забайкалья всего—дня три ѣзды, и тамъ тоже почти непочатая область для разнаго рода изысканій. Если нужно расширить кругъ наблюденій, и до Пекина не Богъ вѣсть какъ далеко. Вездѣ можно исподоволь освоиваться съ мѣстными нарѣчіями, непосредственно вникать въ значеніе ламаизма съ разныхъ точекъ зрѣнія, постепенно подготовляться къ безшумной, но осмысленной поѣздкѣ въ Тибетъ. Въ религіозномъ центрѣ Орумба-гыгенъ-хитѣ (довольно близко отъ нашей границы) всегда временно живутъ монахи-Тибетцы. У нихъ всего удобнѣе научиться разговорному языку. Только съ предварительно добытыми, понемногу оформленными знаніями мыслимо и разумно пускаться въ тяжелый путь на Лхассу. Идти же туда кому-нибудь, наконецъ, надо. Вѣдь, иначе, того и гляди, Англичане проникнутъ туда раньше насъ, да еще снарядившись на сибирскихъ окраинахъ!

II.

За послѣднее время совершена замѣчательная попытка проникнуть въ столицу Тибета. Туда отправился изъ Пекина Американецъ Уилльямъ Вудвиль *Рокхиль* (Rockhill), предварительно подготовлявшійся къ путешествію въ теченіе четырехъ лѣтъ постояннаго общенія съ ламами въ тамошнихъ монастыряхъ, поддерживаемыхъ богдоханомъ, и съ пришлыми туземцами изъ болѣе восточныхъ предѣловъ имперіи. Обдумывая планъ своей любопытной поѣздки, энергичный иностранецъ исподоволь знакомился также съ географическими и антропологическими данными, заключающимися въ чисто китайскихъ источникахъ, которые еще долго будутъ проливать главный свѣтъ на значеніе многихъ обычаевъ, названій и т. п. Только послѣ долгихъ занятій Рокхиль, бывшій въ Пекинѣ секретаремъ американскаго посольства, рѣшился направиться въ глубь Азіи, имѣя въ виду пройти около десяти тысячъ верстъ и притомъ отчасти по мѣстностямъ, гдѣ еще не ступала нога ни одного европейскаго образованнаго человѣка, если не считать, что иныхъ пунктовъ коснулось описаніе

покойнаго Пржевальскаго или посланнаго англо-индійскими властями пандита Кишенъ Синга.

Время отправленія въ путь пришлось на декабрь 1888 года. Предпріимчивый Американецъ одѣлся Китайцемъ, захватилъ съ собой сравнительно небольшой багажъ, нанялъ слугу (который ранѣе того сопровождалъ начинавшаго прославляться лейтенанта Іонгхэсбанда, извѣстнаго смѣлымъ переѣздомъ изъ Маньчжуріи на Кашмиръ) и въ тряской неуклюжей телѣгѣ, запряженной двумя мулами (непосредственно сзади слѣдовалъ второй столь же первобытный экипажъ), ночуя, или, точнѣе сказать, слегка отдыхая въ придорожныхъ харчевняхъ, на продолжительный срокъ распрощался со столицей богдохана. Потянулся Китай: густолюдный, примѣрно воздѣланный, медлительный во всемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво-спокойный.

По условію съ извозчиками они за каждый день проволочки платили Рокхилю около 4 рублей; наоборотъ, за каждый выгаданный день онъ имъ прибавлялъ соотвѣтственно. Чуть позволялъ лунный свѣтъ, путники не мѣшкали и пользовались имъ какъ желаннымъ союзникомъ, тѣмъ болѣе, что кругомъ пошаливали разбойники, и это не дозволяло довѣряться темнотѣ.

На ночлегахъ было мало удобства и пріятности: приходилось въѣзжать въ широкій дворъ, переполненный крикливымъ народомъ гостиницы, съ кухней на улицу и комнатками для прозжающихъ внутри, дворовымъ навѣсомъ для распряженныхъ животныхъ, несмолкающимъ гамомъ и острымъ зловоніемъ. Отъ накаливаемой жаровни въ закрытомъ помѣщеніи просто становилось душно.

Вотъ и „Великая Стѣна“,—на порогѣ Шансійской провинціи,—осталась позади одинокаго изслѣдователя. Показалась мѣстность, богатая углемъ и желѣзомъ, но бѣдная водой и неподдающаяся правильному орошенію. Жители неутомимо обрабатываютъ всякій годный клочекъ земли и все-таки голодное бѣдствіе часто повторяется. Благодатная лёссовая почва (желтоземъ) есть, но отсутствіе влаги положительно пагубно. Кое-гдѣ убогое населеніе гнѣздится въ пещерахъ на предгорьяхъ, жалко по образу жизни и зависимости отъ дождей. Опасенія засухи, вѣроятно, развили въ Шаньсійцахъ бодрый коммерческій духъ, заставившій ихъ раскинуть свою торговую дѣятельность далеко по Монголіи и Тибету. Рокхиль хвалитъ туземную привѣтливость, общительность.

Подвигаясь на западъ, онъ обогналъ посольство, состоявшее

изъ Нэпальцевъ, которые возвращались на далекую родину изъ Пекина. Инородцы туда охотно ходятъ (якобы на поклоненіе монарху), потому что это даетъ имъ право безпошлинно привозить и увозить много товаровъ, да кромѣ того долго жить на счетъ китайскаго правительства. Такой исконный обычай привораживанія окраинныхъ обитателей издавна существуетъ въ Небесной имперіи.

Американецъ-путешественникъ свыше мѣсяца ѣхалъ отъ столицы до Лань-чжоу-фу, главнаго города провинціи Гань-су. Разстояніе равнялось приблизительно половинѣ дороги до Лхассы, то-есть свыше двухъ тысячъ верстъ. На всемъ этомъ громадномъ протяженіи полуголодные пѣшіе погонщики муловъ то и дѣло удивляли Рокхиля незнаніемъ того, что̀ значитъ усталость. Добравшись сюда, онъ пріютился у прекрасно устроившагося бельгійскаго миссіонера и началъ вглядываться въ окружающія условія. Пунктъ оказывался крайне интереснымъ.

Здѣсь былъ узелъ, связывающій стратегическую дорогу въ Туркестанъ (который еще недавно отсюда управлялся), телѣжную дорогу въ Кашгаръ, Кульджу, Кобдо, наконецъ, наиудобнѣйшую дорогу въ Тибетъ, хотя ею почему-то очень мало пользуются.

Въ главномъ городѣ области, куда понемногу все больше и больше проникаетъ европейская цивилизація, Китайцы попытались завести оружейный и пушечно-литейный заводы со своими техниками, обучавшимися въ Европѣ или Америкѣ. Въ городѣ же до послѣдняго времени существовала обширная суконная фабрика, изготовлявшая простыя сукна и разныя грубыя матеріи для снабженія войскъ, расположенныхъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ имперіи, на западныхъ инородческихъ окраинахъ.

Мѣстный генералъ-губернаторъ пытался оживить промышленность края обработкой громаднаго количества очень дешевой шерсти, которую можно скупать у Монголовъ и Тибетцевъ. Съ этою цѣлью и была построена упомянутая фабрика, съ этою цѣлью ее и снабдили машинами. Но беззаботность, въ связи съ нечестностью предпринимателей, теперь окончательно погубили и это дѣло.

Въ провинціи Гань-су только Русскіе являются пока иностранными купцами. Послѣ того, какъ наша торговля съ успѣхомъ пустила корни въ Монголіи и въ Китайскомъ Туркестанѣ, съ нѣкоторыхъ поръ иные изъ нашего болѣе предпріимчиваго купечества открыли склады въ пяти главнѣйшихъ городахъ

сѣверной части провинціи Гонь-су, а именно: въ Су-чжоу, [1] Ганьчжоу, Лянь-чжоу, Сининѣ и въ самомъ Лань-чжоу; но мѣстныя власти и мѣстное купечество слишкомъ непріязненно взглянули на эту инициативу, и въ моментъ проѣзда Рокхиля, всѣ эти склады оказывались закрытыми повсюду, кромѣ главнаго города области. Случилось это будто бы потому, что Китайцы требовали отъ нашихъ купцовъ уплаты тѣхъ же самыхъ податей, какія платили и туземцы за право торговли. Но мы отъ этого отказывались, и въ надеждѣ, что нашъ посланникъ въ Пекинѣ заключитъ болѣе выгодное условіе съ Китайцами о пересмотрѣ трактатовъ, примирились съ временнымъ закрытіемъ нашихъ складовъ. Изъ русскихъ товаровъ въ провинціи сбывались: красное, синее и фіолетовое сукна, платки, мѣдныя произведенія, спички, зеркала и т. п. Торговля не принимала никогда большихъ размѣровъ, такъ какъ ни одна изъ нашихъ фирмъ не торговала въ годъ болѣе чѣмъ на двадцать четыре тысячи рублей. Затрудненіе завязывать здѣсь прочныя коммерческія сношенія заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что въ краю почти нечего покупать для экспорта, кромѣ ревеню и мускуса, и поэтому нашимъ коммерческимъ агентамъ приходилось просто отсылать вырученныя деньги чеками въ Хань-коу. Хотя Англичане и выражали опасенія (напримѣръ, полковникъ Маркъ Белль въ очеркѣ *The great Central Asia trade route*, напечатанномъ въ *Proceedings of the Royal geogr. soc.*), будто наши товары грозятъ вытѣснить англійскіе изъ провинціи Гань-су, но едва ли это возможно, потому что всѣ англійскіе, американскіе и нѣмецкіе товары, въ томъ числѣ и наши, въ сущности проникаютъ въ область морскимъ путемъ и черезъ Голубую рѣку.

Самую интересную часть (около четверти) населенія въ Ганьсу составляютъ магометане. Они когда-то были гораздо многочисленнѣе, но страшныя послѣдствія возстанія на десятки тысячъ уменьшили ихъ число. Паника отъ кровавой правительственной расправы такъ велика и гнетъ до того силенъ, что цѣлыя семейства и теперь не рѣшаются вернуться домой, на старое пепелище. Эти магометане въ вѣроисповѣдномъ отношеніи довольно странный народъ; религіи своей они почти не знаютъ и только въ немногихъ житейскихъ обычаяхъ руководятся требованіями „пророка“ (напримѣръ воздерживаются отъ свинины,

[1] Этотъ пунктъ намъ открытъ по С.-Петербургскому трактату 1881 г.

отъ мяса животныхъ, убитыхъ иновѣрцами, отъ опіума и отчасти отъ вина). Надо замѣтить, что мѣстные мусульмане до сорокалѣтняго возраста не даютъ отростать бородамъ, чтобы не придавать себѣ слишкомъ солиднаго, патріархальнаго вида.

Обучаютъ среди нихъ ахуны, умѣющіе читать и писать по-арабски, но знаніе это очень неполно и Корана въ подлинникѣ они почти не понимаютъ, ограничиваясь переводомъ его на китайскій. Очень немногіе изъ нихъ ежедневно творятъ установленную молитву и совершаютъ установленное омовеніе. Такіе люди въ большомъ почетѣ между своими единовѣрцами. Ганьсуйскіе мусульмане раздѣлены на два толка, извѣстные какъ бѣлошапочные и черношапочные. Странно сказать, но одна изъ причинъ раздѣленія заключается въ несогласіи относительно того, въ какомъ часу дня можно нарушать постъ Рамазана. Бѣлошапочные возжигаютъ куренія, по исконному китайскому обычаю, что черношапочными считается за идолопоклонническую ересь. Послѣдніе насчитываются главнымъ образомъ среди тюркскаго элемента, и болѣе преданы исламу и болѣе фанатичны. Ихъ толкъ зародился въ прошломъ столѣтіи, будучи занесенъ къ нимъ однимъ проповѣдникомъ съ Запада; остальные же ихъ единовѣрцы живутъ у инородческой окраины Гань-су, по меньшей мѣрѣ съ XV вѣка. Множество магометанъ имѣютъ совершенно не китайскій типъ: орлиные носы, длинныя, овальныя лица и большіе глаза. О томъ, что происхожденіе ихъ чисто инородческое, достаточно, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и безъ того историческая и этнографическая литература Небесной имперіи. [1] Правительства они не любятъ, часто возмущаются и причиняютъ вообще очень много хлопотъ мѣстному чиновничеству. Нашъ путешественникъ Г. Н. Потанинъ сообщилъ уже свѣдѣнія объ этихъ мусульманахъ, видѣнныхъ имъ въ 24 деревняхъ на южномъ берегу Желтой рѣки, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ „Саларовъ“ и состоятъ изъ остатковъ нѣкогда здѣсь осѣдавшаго тюркскаго племени. Языкъ, на которомъ они говорятъ, вполнѣ понятенъ и звучитъ какъ родной для купцовъ, пріѣзжающихъ туда изъ дальней Кашгаріи. Нѣтъ-нѣтъ и заѣзжаетъ къ нимъ изъ Средней Азіи, изъ Самарканда или Бухары, а то и откуда-нибудь подальше, какой-нибудь ученый мулла. Особенно уважаются ими выходцы изъ Турціи,

[1] Это—средневѣковые „уйгуры“: это—„салары“ миньской династіи, смѣнившей монгольскую.

которую они называютъ Тарпатіей. На такого человѣка туземцы взираютъ положительно съ благоговѣніемъ; они почему-то думаютъ, что тамъ, гдѣ правитъ падишахъ, народъ пользуется безусловнымъ благополучіемъ, что тамъ не знаютъ о существованіи убійствъ и грабежей. Китайскіе мусульмане смотрятъ поэтому на дальніе, единовѣрные края, какъ на рай земной. Не тѣмъ ли объясняется нѣкоторый все усиливающійся наплывъ китайскихъ богомольцевъ, направляющихся въ Мекку (такъ - называемыхъ хаджи), которые часто встрѣчаются, впрочемъ, и на линіи Закаспійской желѣзной дороги? Нѣсколькихъ таковыхъ мнѣ пришлось видѣть осенью 1889 года, на пути изъ Узунъ-Ада въ Асхабадъ.

Когда Рокхиль достигъ Лань-чжоу, какъ разъ близился китайскій Новый годъ и ему затруднительно было двигаться дальше, по направленію къ городу Си-Нину, но на проволочку онъ не жаловался, такъ какъ съ пользою провелъ время, бесѣдуя съ управляющимъ русскаго склада, долго жившимъ въ Монголіи и хорошо ее знавшимъ. Разговоръ между нашимъ соотечественникомъ и американскимъ путешественникомъ происходилъ по-китайски.

Наконецъ, когда празднество миновало и смолкъ шумъ, обычный для этого времени года, Рокхиль нанялъ трехъ муловъ для своего багажа и купилъ себѣ пони. Январь уже былъ на исходѣ. Цѣль путешественника была гдѣ-нибудь дальше организовать маленькій караванъ и двинуться хухунорскою степью по направленію къ Тибету. Послѣ долгихъ переѣздовъ въ тряской телѣгѣ, въ которой пришлось ѣхать изъ Пекина, ѣзда верхомъ произвела на Рокхиля самое хорошее дѣйствіе. Одинъ бельгійскій миссіонеръ отправился его проводить недалеко отъ Лань-чжоу до Желтой рѣки.

Мѣстность приняла уже совершенно другой характеръ, во многихъ пунктахъ была совершенно негодна для земледѣльческой культуры и даже вовсе не имѣла жителей; гдѣ же они встрѣчались, тамъ повсюду виднѣлись слѣды ирригаціи и видно было, что приложенъ громадный человѣческій трудъ для обработки скудной и мало благодарной почвы. Хотя Рокхиль слѣдовалъ по области, уже успѣвшей значительно отдохнуть отъ возстаній, но все-таки нерѣдко чернѣли развалины, какъ скорбный памятникъ жестокаго разрушенія.

...И опять потянулась предъ путешественникомъ вдоль Желтой

рѣки часть той же Великой Стѣны. Мѣсто, гдѣ онъ находился (еслибы кто-нибудь провелъ линію съ сѣвера на югъ), представляло раздѣльную линію, гдѣ кончался чисто китайскій составъ провинціи Гань-су и начиналась, такъ-сказать, полуинородческая территорія.

Китайцы селятся здѣсь въ городахъ и большихъ долинахъ, инородцы же въ горахъ и падяхъ, невдалекѣ отъ двухъ большихъ горныхъ цѣпей, пересѣкающихъ край съ востока на западъ.

Проѣхавъ немного на юго-западъ отъ Лань-чжоу, Рокхиль послалъ въ горы человѣка съ письмомъ къ одному рекомендованному ламѣ, который могъ впослѣдствіи служить полезнымъ проводникомъ. Этотъ лама жилъ въ Сунь-хуа-типскомъ горномъ приставствѣ и замѣчателенъ былъ тѣмъ, что раньше сопровождалъ нашего путешественника Потанина въ теченіе двухъ лѣтъ. Этотъ лама будто бы хорошо зналъ всю мѣстность около Хуху-нора (Синяго озера).

Жаль, что Рокхиль не распространяется подробнѣе о жителяхъ названнаго приставства, такъ какъ они представляютъ изъ себя любопытный образчикъ вышедшаго изъ Ордоса (къ сѣверу отъ Шэньсійской провинціи) монгольскаго племени, на которомъ въ религіозномъ отношеніи сильно отпечатлѣлась тибетская культура, хотя населеніе усвоило и языкъ и одежду жителей Небесной имперіи. Тѣмъ не менѣе по праздникамъ тамошнія женщины вдругъ опять облекаются въ монгольскій нарядъ.

Посѣтившій эти края аббатъ Хюкъ (правда, довольно давно тому назадъ) находилъ туземцевъ людьми буйными и кровожадными, но Рокхиль отзывается о нихъ, какъ о крайне миролюбивыхъ людяхъ и думаетъ, что приведенный отзывъ аббата проистекалъ отъ недоразумѣнія, кѣмъ собственно населено Сунь-хуа-типское приставство, такъ какъ подобный отзывъ примѣнимъ лишь къ близь живущимъ Тибетцамъ у ганьсуйскаго рубежа. Жители приставства, въ количествѣ отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ, ревностные буддисты и имѣютъ нѣсколько монастырей. Ихъ главный доходъ заключается въ разведеніи пользующихся извѣстностью муловъ. Тамъ живетъ до сихъ поръ прославившійся въ европейской литературѣ путешествій Сандапъ Джимба (теперь уже старикъ), сопровождавшій Гюка на его пути въ Лхассу, а также и Г. Н. Потанина. Этотъ туземецъ считается христіаниномъ.

Мѣстами Рокхилю попадались золотоискатели, но говорятъ, что

промывка драгоцѣннаго металла даетъ имъ весьма малые барыши, такъ что, по мнѣнію народа, лишь тотъ берется за это занятіе, кому уже нечего терять, кто все испробовалъ.

Тибетъ и вообще Центральная Азія изобилуютъ золотомъ, такъ что, несмотря на первобытные способы его промывки, въ результатѣ пускается въ обращеніе немало тамошняго драгоцѣннаго металла. И Китайцы, и ламы неодобрительно смотрятъ на добываніе золотаго песку, считая, что это вредно вліяетъ на разные земные флюиды *(токи)*. Такое мѣстное воззрѣніе еще въ Средніе Вѣка было извѣстно посѣтившему Монголію монаху Рубруквису.

Слѣдуя изъ Лань-чжоу, чрезъ городъ Нянь-бо,—къ городу Си-нину, Рокхиль встрѣтился и соединился въ одномъ мѣстѣ съ караваномъ, шедшимъ отъ Урги. Есть основаніе предполагать, что такъ какъ въ числѣ ѣхавшихъ оттуда были Монголы (изъ предѣловъ, близкихъ нашему Забайкалью), то Американцу попались въ спутники, между прочимъ, и наши Буряты, въ значительномъ количествѣ направляющіеся къ тибетскимъ святынямъ. Предположеніе это тѣмъ основательнѣе, что Рокхиль говоритъ о большой состоятельности этихъ богомольцевъ, о богатыхъ подаркахъ, которые они везли съ собою, о томъ, что онъ и дальше, на своей дорогѣ, навѣрно встрѣчалъ имъ подобныхъ во всѣхъ главныхъ монастыряхъ. Приношенія этихъ Монголо-Бурятъ заключались въ серебрѣ, верблюдахъ, коняхъ, бархатѣ и т. п.

Вскорѣ Американецъ прибылъ въ городъ Си-нинъ, центръ области, откуда расходятся важныя дороги къ Хуху-нору и Тибету, къ Желтой рѣкѣ и провинціи Сы-чуань.

Уже Марко Поло говоритъ о Си-нинѣ, какъ о важномъ пунктѣ. Но только почти всѣ путешественники, упоминая о немъ (въ томъ числѣ и жившій въ Тибетѣ прошлаго вѣка миссіонеръ Горацio делла Пенна), называютъ городъ по тибетско-монгольскому произношенію не Си-нинъ, а Силинъ.

Очень курьезныя свѣдѣнія сообщаются Рокхилемъ о положеніи торговли въ Си-нинѣ. Она будто бы столь убога, что только двѣ-три фирмы выручаютъ въ годъ до двухъ тысячъ рублей, а большинство торговцевъ довольствуются ежегоднымъ барышомъ въ сто рублей или въ двѣсти. Торгуютъ здѣсь преимущественно сырьемъ (шерстью, мускусомъ, ревенемъ, овчинами, мѣхами, золотомъ и солью изъ Цайдама),—между прочимъ находятъ нѣкоторый сбытъ и русскій сафьянъ, называемый по-тибетски и

монгольски „булгарь", писчая бумага, перья и ручки для нихъ, особенно цѣнимыя ламами. Тутъ уже населеніе болѣе проникнуто духомъ ислама. Здѣсь впервые Рокхилю пришлось увидать, что женщины закрываютъ лицо темно-синимъ или чернымъ покрываломъ (точно въ старомусульманскихъ странахъ), что гостя привѣтствуютъ, принося ему пищу, выпивая съ нимъ вина, ведя его коня подъ уздцы (въ моментъ пріѣзда и отъѣзда), держа ему стремя, помогая ему сѣсть верхомъ,—то-есть, иными словами, держась такихъ обычаевъ, которые чужды Китайцамъ.

Въ Си-нинѣ и по сосѣдству съ нимъ, есть особый классъ людей, такъ-называемыхъ торговыхъ посредниковъ между Тибетцами и Монголами, языкомъ которыхъ они владѣютъ вполнѣ, дѣлами которыхъ они издавна завѣдуютъ, тѣсныя сношенія съ которыми ими издавна поддерживаются. Классъ этотъ—почти наслѣдственный. Вліяніе, которымъ они пользуются среди Тибетцевъ и Монголовъ (въ связи съ умѣньемъ эксплуатировать свое знаніе инородческихъ обычаевъ) весьма велико. Рокхиль принанялъ себѣ даже человѣка изъ этого класса и очень остался доволенъ его практическими указаніями.

Въ Си-нинѣ, есть свой губернаторъ (амбань), завѣдующій инородцами при Хуху-норѣ. Онъ—родомъ Маньчжуръ и представитель императорской власти, чуть только рѣчь заходитъ объ управленіи краемъ и о представительствѣ на разныхъ торжествахъ религіознаго характера, гдѣ присутствуютъ инородческіе вожди. Власть его простирается не только на вышеназванное озеро, но и на Цайдамъ и на весь сѣверо-восточный Тибетъ, до верховьевъ Голубой рѣки.

При этомъ губернаторѣ—цѣлый штатъ чиновниковъ, весьма тяжелымъ бременемъ ложащійся на окрестное населеніе, такъ какъ имъ поручено развозить повсемѣстно приказанія начальства, улаживать ссоры между племенами, собирать дань и т. д. Имъ полагается ничтожное жалованье (около 4 руб. въ мѣсяцъ) и потому (а, конечно, еще болѣе въ силу обычая) эти мелкіе чиновники ухитряются высасывать, каждый ежегодно по нѣскольку тысячъ рублей изъ народа. Средства, которыми они для этого пользуются, довольно простыя: чиновникъ, отправляющійся по казенной надобности куда-нибудь внѣ внутренняго Китая, долженъ получать отъ туземцевъ извѣстное число провожатыхъ, верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, ночлегъ и прокормленіе; ему нѣтъ надобности пользоваться столь большимъ количествомъ

выставляемыхъ людей и животныхъ, въ замѣнъ чего съ жителей прямо берется опредѣленное количество денегъ; вдобавокъ командированный везетъ много разнаго товара, не платитъ ничего за провозъ и продаетъ вещи съ громаднымъ барышомъ. Такіе разъѣзды дѣлаются иногда чуть ли не въ теченіе года.

Есть, впрочемъ, и другой источникъ грубой наживы. По распоряженію правительства, Китайцы, желающіе торговать съ инородцами, за предѣлами провинціи Гань-су, должны брать паспортъ у амбаня, платя по 4 руб. за каждаго приказчика, котораго они намѣрены взять съ собою. Срокъ поспорту истекаетъ послѣ сорока дней: значитъ, имъ невозможно уходить далеко въ сторону и раскидывать сѣть своихъ коммерческихъ операцій, иначе чиновники конфискуютъ все имущество купцовъ, да еще тяжело оштрафуютъ провинившихся. Чтобы не попадаться, торгующіе Китайцы дарятъ штатъ амбаня.

Результатъ такого рода административныхъ дѣйствій налицо. Вопервыхъ, нерѣдко случается, что измученные вѣчными постоями туземцы возмущаются противъ своихъ притѣснителей и приходится для усмиренія ихъ прибѣгать къ военной силѣ. Вовторыхъ, гнетъ, наложенный на купечество, фактически почти убилъ открытую торговлю между провинціей Гань-су и смежными инородцами, развивъ въ то же время контрабанду съ суньпанскимъ приставствомъ (въ сѣверо-западной части провинціи Сы-чуань), причемъ оттуда тайно провозится особенно много чаю.

Самъ амбань рѣдко переходитъ за черту инородческихъ владѣній,—и то для посѣщенія буддійскихъ монастырей, и однажды въ годъ для пріема монгольскихъ князей. Тогда онъ распредѣляетъ между ними, отъ имени богдохана (согласно стародавнимъ установленіямъ) бархатъ, вышитые халаты, ножи и т. п., убѣждая инородческихъ вождей сохранять вѣрность престолу. Они обѣщаютъ это, взирая по направленію къ Пекину и приглашаются на пиръ, нарочно устраиваемый по этому случаю. Это называется „отдавать малую дань"; „большою" же называется та дань, когда они разъ въ три года сами ѣздятъ въ Пекинъ съ подарками и лично присягаютъ на вѣрность императору. Иногда близь одной снѣжной вершины къ сѣверу отъ Хуху-нора амбань возноситъ молитвы и совершаетъ жертвоприношенія въ честь духовъ озера. При этомъ присутствуютъ монгольскіе вожди, за что̀ ихъ соотвѣтственно отдариваютъ.

Когда Рокхиль былъ въ Си-нинѣ, губернаторомъ былъ нѣкій

чиновникъ, ранѣе занимавшій постъ, такъ-сказать, министра резидента въ Лхассѣ и отличавшійся крайнею непріязнью къ иностранцамъ. Осторожность требовала отнюдь не попадаться ему на глаза, и потому американскаго путешественника непріятно поразило появленіе въ занятой имъ гостиницѣ трехъ полицейскихъ, съ приказаніемъ ему заявить начальству, откуда онъ, куда ѣдетъ, чѣмъ занимается и т. д. Разгласить это значило бы разстроить свои дальнѣйшіе дорожные планы и потому Рокхиль, чуть свѣтъ, поспѣшилъ покинуть Си-нинъ, чтобы въ степи сразу почувствовать себя на свободѣ.

Хотя, конечно, любопытно слышать, съ какою педантичностью Китайцы слѣдятъ за прибытіемъ и отбытіемъ проѣзжихъ, обязывая хозяевъ харчевень постоянно давать о нихъ знать въ полицію; но еще страннѣе видѣть халатность, съ которою тамъ слѣдятъ за исполненіемъ такого разумнаго приказанія.

III.

Отправляясь въ степь, Рокхиль снарядился уже Монголомъ. Онъ одѣлъ неуклюжій костюмъ кочевника и мѣховую шапку, гладко выбрилъ какъ голову, такъ и лицо. Сопровождавшіе его раньше Монголо-Буряты и тутъ оказались желанными спутниками Американца.

Китай точно совсѣмъ отошелъ отъ нихъ куда-то въ даль. Перемѣна была просто разительная. На пути уже не попадались одѣтые въ синее Китайцы, съ длинными косичками. Народъ, одежда,—все стало иное. По сторонамъ виднѣлись Монголы на коняхъ или верблюдахъ, въ бараньихъ тулупахъ, въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ, или же въ желтыхъ и красныхъ ламскихъ халатахъ. Постоянно встрѣчались богомольцы изъ Тибета, жители сѣверныхъ отъ Си-нина долинъ, одѣтые въ бѣлое шерстяное платье, подобранное до колѣнъ.

Женщины, по внѣшности ничѣмъ почти не отличавшіяся отъ мужчинъ, приближаясь къ обозначившемуся впереди монастырю Гумбуму, кокетливо принарядились въ зеленые атласистые халаты и навѣшали себѣ на шею и на голову множество серебряныхъ украшеній. Мѣстность приняла оригинально-живописный характеръ. На фонѣ тянулись длинною, темною грядой обнаженныя и зубчатыя вершины горной цѣпи, называемой на европейскихъ

картахъ южно-хухунорскимъ кряжемъ. Пройдя около двадцати трехъ верстъ, путники свернули къ вышеназванному монастырю, издали уже посвѣчивающему золотыми крышами храмовъ, пестрѣвшему краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ стѣнъ. Низкіе дома, съ плоскими крышами, на половину скрытые за бѣлыми оградами, правильными линіями сгруппировались вокругъ кумирень; это были дома тѣхъ *трехъ тысячъ* ламъ, которые постоянно обитаютъ въ Гумбумѣ. Тутъ же виднѣлась деревня съ китайско-тюркскимъ населеніемъ. Она называется Люзаръ, включаетъ приблизительно 800 жителей.

Густая толпа двигалась по базару между селеніемъ и монастыремъ; цѣлыя вереницы тибетскихъ яковъ и ряды верблюдовъ постоянно проходили на этомъ пространствѣ, усѣянномъ палатками прикочевывающаго и откочевывающаго народа.

Люзаръ наполовину населенъ мусульманами и сталъ значительнымъ пунктомъ лишь за послѣднія сорокъ лѣтъ. Этимъ объясняется, что о немъ умалчиваетъ аббатъ Хюкъ, посѣтившій Гумбумъ въ 50-хъ годахъ. Рокхиль яркими красками рисуетъ картину оживленнаго монастыря, въ которомъ сходятся разноязычные и разноплеменные элементы (отъ богомольцевъ и ламъ до нищихъ и купцовъ), въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ и головныхъ уборахъ.

Красныя шапки, отороченныя овчинкой, то и дѣло мелькаютъ около лисьихъ шапокъ и темно-красныхъ тюрбановъ. Одежды, отороченныя шкурой леопарда, или тигра, постоянно выдѣляются около цвѣтныхъ, темно-красныхъ и зеленыхъ женскихъ кафтановъ. Въ лѣвомъ ухѣ мужчинъ нерѣдко можно видѣть круглыя, серебряныя кольца, украшенныя бирюзой и кораллами. Одинаковыя украшенія, но только гораздо болѣе массивныя, излюблены также туземными женщинами, у которыхъ волосы заплетены въ громадное количество мелкихъ косъ, ниспадающихъ имъ на плечи. Въ видѣ головнаго убора къ волосамъ прикрѣплены три широкія атласныя ленты краснаго цвѣта съ серебряными привѣсками и небольшими раковинами (привозимыми сюда изъ Индіи, чрезъ Лхассу), а также съ бирюзой, кораллами или стеклянными бусами. И мужчины, и женщины носятъ на шеѣ металлическіе талисманы, называемые „гаво“. У нѣкоторыхъ женщинъ на головѣ—красные платки.

Дикіе, длинноволосые и невообразимо-грязные „камба“ изъ восточнаго Тибета, съ большими прямыми мечами и четками на

шеѣ, сурово поглядываютъ по сторонамъ, вращаясь среди пестрой, шумной толпы. Къ числу пришельцевъ издалека надо причислить высокихъ Тибетцевъ изъ Лхассы и отдаленнѣйшаго Тибета, съ китайскою косичкой, и въ темной одеждѣ, оторочепной леопардовою шкурой. Безчисленные ламы, въ красномъ платьѣ, съ обнаженными правыми руками, съ накидками на бритыхъ головахъ (для огражденія себя отъ солнца) попадались положительно на каждомъ шагу и въ лавкахъ, и на улицѣ. Оказывается, что къ нимъ постоянно (и зачастую, на разстояніи мѣсяца пути) съѣзжаются родственники и друзья. Вся эта сбродная, довольно праздная, скученная толпа наводняетъ базаръ, смотритъ у торговцевъ выставляемые на продажу предметы, колокольчики и трубы, для совершенія различныхъ кумиренныхъ служеній, мѣдныя чашечки для безкровной жертвы идоламъ, и всякую иную капищную утварь. Если кому надоѣстъ на это смотрѣть, онъ идетъ, гдѣ продаются прочные кожаные сапоги и всякіе другіе привозные товары.

Появленіе каждаго новаго человѣка до того незамѣтно этой простодушной толпѣ, что Рокхиль часами бродилъ между ними и никто не обращалъ на него никакого вниманія. Иные принимали его за мусульманина, другіе за Монголо-Бурята или вообще за выходца изъ русскихъ предѣловъ. О чемъ онъ кого ни спрашивалъ, всѣ ему отвѣчали вѣжливо, никто не дѣлалъ относительно его никакихъ непріятныхъ замѣчаній, словомъ, онъ чувствовалъ себя тутъ, въ глуши Центральной Азіи, пожалуй еще сохраннѣе, чѣмъ въ приморскомъ китайскомъ городѣ.

Даже и Китайцы, проживающіе здѣсь, за все то время, что̀ Рокхиль пробылъ въ Гумбумѣ (а онъ тутъ жилъ около полутора мѣсяца), и тѣ относились къ нему крайне хорошо и привѣтливо. Благодаря своему знанію китайскаго языка, Американецъ имѣлъ полную возможность выпытывать все то, что̀ ему хотѣлось знать относительно дальнѣйшаго задуманнаго путешествія на Лхассу.

Разгуливая съ толпой по базару, Рокхиль не забывалъ заходить иногда въ черту храмовыхъ построекъ и дѣлать видъ, что такъ же, какъ и толпа, съ благоговѣніемъ относится къ святыни. Съ этою цѣлью онъ вращалъ такъ-называемыя „молитвенныя колеса“, большіе металлическіе цилиндры (при кумирняхъ), наполненные священными формулами. Каждый поворотъ такого „колеса“, по мнѣнію буддистовъ, служитъ къ спасенію души вращающаго. Формулы, заключенныя въ подобныхъ цилиндрахъ,

якобы сами собою читаются за ревнителя и освобождаютъ его отъ иныхъ содѣянныхъ прегрѣшеній. Рокхиль справедливо рѣшилъ, что участіе въ простодушномъ культѣ народа нисколько не умалитъ его собственнаго достоинства, какъ образованнаго Европейца. Благодаря своему инкогнито, онъ имѣлъ возможность видѣть Гумбумъ и съ его яркихъ, и съ его неприглядныхъ сторонъ; тѣмъ болѣе, что путешественникъ охотно отрывался отъ наблюденій за уличною жизнью и въ чертѣ храмовъ сразу вступалъ въ совершенно другой міръ, который открывался передъ очами, чуть только прямо за ней посѣтитель находилъ бѣлые, съ позолотой субурганы, то-есть своего рода памятники, воздвигнутые благочестіемъ буддійскаго населенія,—чуть только непосредственно близко подымались златоверхушечныя кумирни.

Довольно странное чувство нужно было испытывать, удаляясь отсюда (изъ тишины ограды, гдѣ въ таинственномъ покоѣ пребывали буддійскіе боги) снова на базаръ въ суету и оживленіе, гдѣ торговцы выгодно сбывали легковѣрнымъ инородцамъ четки и зеркальца, маленькихъ идоловъ и пуговицы, шелкъ и куренія, соль и деревянныя чашечки для нераздѣльныхъ пищи и питья. Иностранныхъ товаровъ почти не замѣчалось,—если не считать коробочекъ съ плохими спичками, русской кожи, японскихъ фотографій и европейскихъ пуговицъ и иголокъ.

Толпа любила сдвигаться вокругъ лавочки, гдѣ продавалась всякая аптечная снѣдь, до которой Тибетцы и Монголы—большіе охотники. По временамъ народъ разбѣгался въ стороны, при появленіи нѣсколькихъ ламъ, съ черными значками на лбу и правыхъ рукахъ. Они выходили на торжище, по приказанію духовнаго начальства, вооруженные тяжелыми бичами, и немилосердно били встрѣчавшихся по дорогѣ. Это были такъ-называемые гызгуи (или гэбгуи, гэкоры) ламы—блюстители, обязанные надзирать за умиреннымъ порядкомъ и за поведеніемъ подчиненныхъ мѣстному духовному начальству лицъ посвятившихъ себя Буддѣ. Появленіе ихъ среди народа свидѣтельствовало о томъ, что глава монастыря провѣдалъ, вѣроятно, о ведущейся гдѣ-нибудь тайно азартной игрѣ, или иномъ непорядкѣ, и послалъ наказать виновныхъ. Быстрая расправа въ подобныхъ случаяхъ обыкновенна.

Рокхиль съ пользой провелъ шесть недѣль при Гумбумѣ; ибо, благодаря своему инкогнито, вглядываясь въ строй народной жизни, ежеминутно видѣлъ ее съ самыхъ разнообразныхъ

сторонъ (даже въ ея потаеннѣйшихъ уголкахъ). Только такъ и важно изучать малоизслѣдованныя части азіятскаго міра. Всякое иное отношеніе къ нимъ нерѣдко ведетъ къ до-нельзя ошибочнымъ и обманчивымъ сужденіямъ.

Въ златоверхомъ мѣстномъ храмѣ высились громадные кумиры изъ позолоченной бронзы: по серединѣ Готама Будда, то-есть самъ „богъ-учитель", налѣво Дипанкара [1] Будда („свѣтозарный" бурханъ, проповѣдовавшій міру до появленія Шакья-муни), направо Цзонхава (или какъ тоже произносятъ Цзонхаба, Зонхòва) великій реформаторъ сѣвернаго буддизма, жившій съ XIV на XV столѣтіе, и извѣстный въ Гумбумѣ подъ названіемъ „Чжэ—риньпочэ". Эти три объекта культа съ трудомъ можно было разсмотрѣть среди слабо освѣщеннаго и закрытаго для посѣтителей зданія. Американецъ увидѣлъ ихъ съ дворовой площадки, на которой ламы издали падали ницъ передъ „бурханами". По наблюденію Рокхиля, внѣшній и внутренній видъ здѣшнихъ храмовъ одинаковъ съ тѣмъ, которымъ отличаются буддійскіе монастыри сѣвернаго Китая. Архитектурный стиль—китайскій.

Близь златоверхаго капища помѣщается другое, съ зеленою крышей и краснозелеными стѣнами. Предъ нимъ среди „молитвенныхъ колесъ", за деревянною оградой растетъ „священное бѣлое сандаловое дерево" (занданъ гарбо). Въ кумирнѣ находится высокій престолъ съ изображеніемъ реформатора Зонховы [2] (въ половину роста человѣческаго, изъ чистаго золота) и расположеннымъ у его подножія алтаремъ, на которомъ воспламенены безчисленныя лампады, лежатъ приношенія изъ сластей и сушеныхъ фруктовъ, стоятъ чашечки съ водой. Съ потолка свѣшиваются обыкновенные въ этихъ краяхъ „хадаки",—шелковые платки самаго разнообразнаго качества и величины, которые дарятся въ знакъ искренняго привѣта и любви. Маленькіе платочки постоянно сюда приносятся ревнителями для того, чтобы класть ихъ на руки глубокочтимаго „бурхана". Съ цѣлью принятія такихъ даровъ къ нему приставленъ особый лама.

---

[1] Это—его санскритское названіе: по-тибетски—Мармезадъ. Одно произнесеніе столь священнаго имени должно очищать отъ многихъ грѣховъ.

[2] Ламаиты его величаютъ «богдо Зонхова».

Рокхиль довольно много времени посвящалъ осмотру буддійскихъ храмовъ. Обходя ихъ извнѣ, онъ всегда оставлялъ „святыню“ справа, такъ какъ обходить ее иначе, по-туземному обычаю, считается оскорбленіемъ ея. Китаецъ-слуга, привезенный путешественникомъ съ собою, чуть не попалъ въ бѣду, потому что не обратилъ вниманія на это важное для населенія правило: отправившись разъ мимо кумирни, имѣя ее отъ себя съ лѣвой стороны, онъ не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ ревнители съ негодованіемъ остановили нечестивца и начали уяснять ему всю непристойность его поступка.

Въ Гумбумѣ есть удивительная достопримѣчательность, находящаяся въ небольшомъ дворикѣ, за высокою оградой. Тамъ— три дерева, выросшія изъ одного корня, окруженныя кумирнями и имѣющія около 25 — 30 футовъ высоты. На листвѣ средняго, [1] вотъ уже нѣсколько столѣтій, появляются изображенія разныхъ Буддъ и Зонховы, на корѣ же виднѣются тибетскія буквы, образующія то или иное заклинаніе. Въ 1887 г. я привезъ изъ-за Байкала данный мнѣ въ Цугольскомъ дацанѣ (Агинскаго вѣдомства) престарѣлымъ ламою Тарба Ивановымъ кусочекъ знаменитаго дерева, который теперь переданъ мною въ Этнографическій Музей при Императорской Академіи Наукъ и заботливо сохраняется подъ витриной, завернутый въ желтоватую шелковую тряпицу. Если ее развернуть и внимательно вглядѣться въ сухую потрескавшуюся кору, то на ней, дѣйствительно, какъ жилки проступаютъ странныя очертанія. Рокхилю удалось (хотя и съ большимъ трудомъ) купить нѣсколько старыхъ сломанныхъ листьевъ; но на нихъ ничего не замѣтно. [2] Однако, по свидѣтельству магометанъ, видѣвшихъ дивное дерево, когда оно зеленѣетъ (а магометанъ этихъ врядъ ли можно заподозрить въ желаніи преувеличивать значеніе языческой святыни), на листвѣ будто бы дѣйствительно проступаютъ изображенія бурхановъ. Аббатъ Хюкъ утверждаетъ, что видѣлъ на деревѣ письмена. Въ

---

[1] Наши инородцы говорятъ, что чудесное дерево есть бѣлый кипарисъ; но это, кажется, невѣрно.

[2] По словамъ Бурятъ, буквы на листьяхъ выпуклы и очень ясны, пока сенью послѣднія не опадутъ, собираемыя ревнителями.

1577 г. Далай-лама (какъ я слышалъ отъ Бурятъ) самолично соорудилъ при немъ кумирню, пожертвовавъ на это много серебра.

Рядомъ съ оградой, вкругъ описанной достопримѣчательности, стоитъ сокровищница гумбумскаго монастыря. При входѣ въ ея дворъ, на воротахъ обозначаются нарисованныя человѣческія руки, ноги, головы и кожа со струящеюся кровью. Далѣе подъ широкимъ навѣсомъ мелькаютъ картины божествъ—хранителей (тоже въ грозномъ, отвратительномъ видѣ) со змѣями, черепами, кожами, содранными съ людей, костями и пламенемъ, причемъ подлѣ этихъ страшилищъ еще красуются ихъ спутники, съ головами быковъ, псовъ и орловъ.

Сокровищница представляетъ изъ себя зданіе малыхъ размѣровъ, довольно темное внутри, — такъ что Рокхиль едва могъ различать скопленныя тамъ рѣдкости: серебряныя чаши, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ кумировъ, живописныя произведенія фантастически-религіознаго характера, великолѣпно разрисованныя рукописи, ковры, атласные покровы, вазы cloisonné и курильницы. Всякихъ предметовъ такъ много, что положительно можно бы составить цѣлый музей. Американцу показали большую серебряную чашу, пробитую пулей въ періодъ послѣдняго мусульманскаго возстанія окрестъ, когда жители монастыря, вооруженные саблями и ружьями, оборонялись отъ нападающихъ иновѣрцевъ и сотнями умирали на порогѣ своихъ кумирень или предаваемыхъ пламени жилищъ. Мятежники почему-то снисходительнѣе обошлись съ Гумбумомъ, чѣмъ съ другими религіозными центрами, пощадивъ и внутренность храмовъ, и загалочныя деревья, даже не содравъ золотую оболочку съ крыши богатаго святилища.

Наблюденія Рокхиля надо всѣмъ, видѣннымъ имъ, такъ любопытны и цѣнны съ культурно-исторической точки зрѣнія, что на каждомъ шагу является возможность освѣщать различные вопросы и факты при помощи весьма значительной эрудиціи путешественника. Напримѣръ, говоря о теперешнемъ обычаѣ ламантовъ ходить мимо кумирень, непремѣнно имѣя ихъ съ правой стороны (такъ какъ иначе грозитъ неблагополучіе), Рокхиль тутъ же кстати замѣчаетъ, что одинаково поступали и Римляне, шествуя мимо своихъ храмовъ, при празднествахъ. Существующая въ Тибетѣ „бонбская“ религія, исшедшая изъ принциповъ шаманизма, оказывается противоположною буддизму въ разныхъ

отношеніяхъ,—между прочимъ, сравнительно, и въ мелочахъ: напримѣръ, въ вопросѣ о томъ, какой руки держаться при обходѣ своихъ „святилищъ“, ея жрецы, — подобно друидамъ и вообще народностямъ кельтской расы, — оставляютъ почитаемое мѣсто по лѣвую руку, ламаиты же,—какъ и древніе Римляне, по правую.

До сихъ поръ полагали, что существованіе и культъ почти сказочнаго гумбумскаго дерева суть нѣчто неслыханное; но по изысканіямъ Рокхиля, еще въ XIV столѣтіи арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута упоминаетъ, что на Малабарскомъ берегу въ Индіи, во дворѣ одной мечети было дерево, называвшееся туземцами „свидѣтельствомъ вѣры“. Ежегодно на немъ будто бы появлялся листъ съ начертаніемъ, сдѣланнымъ сверхъестественною силой и гласившимъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій“. Прикосновеніемъ къ этой религіозной драгоцѣнности мѣстные мусульмане врачевали больныхъ. По словамъ Бурятъ, въ Гумбумѣ тоже придаютъ цѣлебныя свойства сухимъ листьямъ тамошняго чудеснаго дерева. Для этого ихъ варятъ въ водѣ и пьютъ наваръ.

Наступалъ уже февраль мѣсяцъ, а Рокхиль все еще не успѣвалъ собраться въ дальній путь на Лхассу и невольно тяготился отсутствіемъ желаннаго разнообразія въ монастырской жизни, которая отмѣтилась лишь празднованіемъ въ Гумбумѣ 15-го числа перваго луннаго мѣсяца. Туда пріѣхалъ Спнинскій амбань, а съ нимъ нѣсколько другихъ вліятельныхъ китайскихъ чиновниковъ, съ цѣлью присутствовать при освѣщеніи оригинальныхъ масляныхъ барельефовъ. Изготовленіемъ ихъ далеко славится монастырь. Они дѣлаются величиной въ 200 квадратныхъ футовъ, поддерживаются деревянною рамой, обставляются рядами маленькихъ лампочекъ. На лоснящемся и ярко озаренномъ фонѣ нарисованы (и притомъ крайне искусно) боги, картины различныхъ райскихъ жилищъ и адскихъ мученій. Посрединѣ непремѣнно выдѣляется какая-нибудь фигура въ половину роста человѣческаго, позади же въ еще меньшемъ масштабѣ многолюдныя процессіи, сраженія и т. п. Мѣстные художники съ удивительною заботливостью трудятся надъ выясненіемъ всякой мелкой подробности, соотвѣтственно съ тѣмъ, чего требуетъ довольно вычурное туземное воображеніе. По бокамъ отъ барельефовъ

навѣшиваются безчисленныя буддійскія хоругви и пестрые китайскіе фонарики.

Настоятель монастыря, съ братіей, пѣшкомъ вышелъ встрѣчать амбаня. Дорога окаймилась тысячною толпой сидящихъ ламъ. Китайскій сановникъ показался въ „зеленыхъ“ носилкахъ, причемъ впереди несли желтый зонтикъ, цвѣтомъ обозначавшій высокое званіе окраиннаго представителя богдоханской власти. Доброконная свита, вооруженная копьями, по временамъ трубила въ рога, которымъ, по мѣрѣ приближенія шествія, зычно вторили длинныя монастырскія трубы и музыкальныя раковины.

Художники-ламы работаютъ иногда около трехъ мѣсяцевъ надъ изготовленіемъ масляныхъ барельефовъ, и все это дѣлается исключительно для того, чтобы заслужить похвалу окружающаго населенія и въ крайнѣ рѣдкихъ случаяхъ получить маленькую денежную награду, въ видѣ преміи за высокое искусство. Ежегодно придумываются новые рисунки, и новые затѣйливые художники пытаются удивить народъ своею изобрѣтательностью. Хотя праздникъ освѣщенія такихъ барельефовъ пользуется повсемѣстнымъ распространеніемъ (разумѣется и у Бурятъ), но нигдѣ, даже въ Лхассѣ, не умѣютъ такъ обставить его, какъ въ Гумбумѣ. Правда, въ тибетской столицѣ, а именно въ мѣстопребываніи Далай-ламы, въ Будалѣ, [1] одинъ изъ храмовъ хранитъ якобы неизгладимые отпечатки въ маслѣ отъ руки и ноги великаго реформатора Зонховы. Богомольцы поклоняются имъ, какъ святымъ, и огромныя лампады постоянно горятъ предъ ними. Такого рода достопримѣчательность, конечно, по своему можетъ спорить съ заманчивостью, которую являютъ собой толпѣ искусно создаваемые гумбумскіе барельефы. Изготовляющіе ихъ ламы съ этою цѣлью ходятъ изъ монастыря въ монастырь и если кто-нибудь изъ нихъ уже пользуется заслуженною извѣстностью, то несомнѣнно можетъ разсчитывать повсюду на сердечный пріемъ, кровъ и угощеніе.

Китайскіе писатели дѣлятъ инородцевъ, обитающихъ вдоль границъ провинціи Гань-су, на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Населеніе это по крови и языку скорѣе тибетское. Вліяніе монголо-тюркской и китайской народностей сравнительно не такъ уже

[1] Рядъ чертоговъ на горѣ у Лхассы.

велико и сильно сказывается только мѣстами. Для правительства Небесной имперіи этотъ инородческій элементъ, даже и при наклонности къ земледѣльческому быту, все-таки не что̀ иное, какъ „варвары“, „западные, черные, дикіе варвары“. Монголы называютъ ихъ „Кара-Тангутами“ (темными Тибетцами), что̀ обусловливается, можетъ-быть, жизнью въ палаткахъ такого цвѣта. Страна, населяемая этими инородцами, извѣстна подъ названіемъ Амдо,—отчего они и сами себя называютъ Амдо-ва, подраздѣляясь на цѣлый рядъ клановъ, подъ управленіемъ наслѣдственныхъ вождей, отвѣтственныхъ предъ синнинскимъ амбанемъ за дѣйствія подданныхъ. Нѣкогда предки Тангутцевъ жили у Алтайскихъ горъ, считались хорошими кузнецами, умѣли выдѣлывать шлемы, напоминаніе о которыхъ можно усмотрѣть еще до сихъ поръ въ головномъ уборѣ туземцевъ, сосѣднихъ Хуху-нору. Иные изъ вождей получаютъ отъ амбаня извѣстный чинъ и шарикъ, по степени ихъ важности. Часть инородцевъ въ этомъ краю обитаетъ въ сравнительно плодородныхъ долинахъ, другіе же среди степей и возвышенностей, вкругъ упомянутаго „Синяго озера“. Обитающіе отъ него къ сѣверу стянуты подъ властью такъ-называемаго Конса-ламы, по имени Арабтана, имѣющаго данный амбанемъ голубой шарикъ. Горцы къ югу отъ Хуху-нора въ сущности совершенно независимы и, когда среди нихъ появляется какой-нибудь китайскій чиновникъ, они отказываютъ ему во всякой подставкѣ и ничего не платятъ. Хухунорскіе Тибетцы не малы ростомъ и довольно худощавы; женщины среди нихъ часто выше мужчинъ. По характеру населеніе это безпечно, предано удовольствіямъ, понятливо и честно. Если туземецъ далъ слово, на него можно положиться. Обладая живымъ и повелительнымъ характеромъ, мѣстные инородцы бываютъ склонны къ ссорамъ и, подъ вліяніемъ опьяненія, которому они любятъ предаваться, доводятъ ихъ иногда до плохой развязки. При свойственныхъ имъ коммерческихъ способностяхъ, они являются весьма серьезными конкуррентами китайскихъ купцовъ, продавая имъ въ значительномъ количествѣ овчины, шерсть, кожи яковъ, мускусъ, рыси и лисьи мѣха, ревень и рога оленей. Хуху-норцы рѣдко ходятъ торговать въ Си-нинъ, предпочитая сбывать товаръ на ярмаркахъ при своихъ ламскихъ монастыряхъ. Хотя сосѣди Китайцы и Монголы считаютъ здѣшнее тибетское населеніе богатымъ, но богатѣйшій между ними Конса-лама Арабтанъ имѣетъ всего имущества приблизительно на тридцать тысячъ рублей и

оно состоитъ исключительно изъ лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Любопытны, между прочимъ, мѣстныя цѣны: лошадей можно покупать за 20—100 р., яка за 12, овцу за 2 р. Верблюдовъ у Хухунорскихъ Тибетцевъ почти нѣтъ, такъ какъ эти животныя плохо уживаются въ гористой мѣстности и съ пользой могутъ быть замѣнены въ краю или яками, или такъ называемыми „дзо", помѣсью между коровой и якомъ. Длинная и густая шерсть этихъ прекрасныхъ вьючныхъ животныхъ доставляетъ туземцамъ необходимый матеріалъ для ихъ палатокъ. На якѣ не только можно возить тяжести, но и ѣздить верхомъ. Чрезъ ноздри его продѣвается деревянное кольцо и чрезъ послѣднее проводится веревка, посредствомъ которой животнымъ управляютъ и за которую его привязываютъ по ночамъ.

Тибетскія палатки у Хуху-нора очень большихъ размѣровъ, занимая иногда площадь въ 1.500 квадратныхъ футовъ. Крыши ихъ плоски, съ большими отверстіями для свѣта и дыма. Аббатъ Хюкъ, всматриваясь въ устройство и постановку этихъ оригинальныхъ жилищъ, сравниваетъ ихъ съ исполинскими черными пауками на длинныхъ тоненькихъ ножкахъ, въ данномъ случаѣ замѣняемыхъ веревками, прикрѣпляющими палатку къ столбамъ и землѣ. Порою, для обороны отъ вѣтра и снѣга, жилье обносится невысокою стѣной изъ глины и камней, или сухаго навоза, хотя снѣгъ у Хуху-нора довольно рѣдкое явленіе и отъ него незачѣмъ особенно оберегаться.

Благодаря религіозности населенія и тутъ, какъ во всей ламайской Азіи, то и дѣло видишь около людскихъ обиталищъ, кусочки тканей, прикрѣпленныхъ на шестахъ, съ начертанными на этихъ лоскуткахъ молитвами къ богамъ, причемъ, когда ихъ колеблетъ вѣтеръ, подобныя благочестивыя движенія служатъ на пользу вызвавшимъ ихъ, угодны небесамъ, отгоняютъ демоновъ и отстраняютъ всякое несчастіе. Такія развѣвающіяся заклинанія называются „вѣтрогонными конями" и распространены повсюду, гдѣ есть ламайская вѣра. Мнительные путешественники запасаются таковыми въ качествѣ надежнаго талисмана, прикрѣпляемаго къ ружью.

Разъ уже зашла рѣчь объ оружіи, нельзя не упомянуть, что мѣстные Тибетцы сами по мѣрѣ возможности изготовляютъ его, а также порохъ и фитили, свинецъ же покупается у Китайцевъ (зачастую прямо на вѣсъ серебра). Инородцы —хорошіе стрѣлки на близкомъ разстояніи, хотя Рокхиль никогда не видалъ, чтобъ

они попадали въ движущійся предметъ. Холодное оружіе не въ столь большомъ употребленіи, какъ, напримѣръ, въ восточно-тибетской провинціи Камдо, и если имѣется, то китайскаго происхожденія, въ деревянныхъ ножнахъ.

Хухунорскіе Тибетцы и большинство единоплеменныхъ имъ сосѣдей преимущественно питаются чаемъ и сухимъ поджаренымъ ячменемъ (цамбой). Въ видѣ лакомства къ этой ѣдѣ прибавляется кислое молоко, сыръ и вареная баранина. Кирпичный чай, истолченный въ порошокъ, бросается въ котелъ, въ кипящую воду, и варится около пяти минутъ (съ примѣсью небольшаго количества соли). Живущіе въ палаткѣ собираются вокругъ очага, вынимаютъ изъ-за пазухи деревянныя чашечки (тѣ самыя, изъ которыхъ они очень рѣдко умываются) и наполняютъ ихъ отваромъ. Взявъ пальцами щепотку масла изъ бараньяго желудка, наполненнаго имъ, это масло они опускаютъ въ свою чашечку и прибавляютъ еще туда же горсть цамбы. Послѣдняя смѣшивается съ чаемъ и съ масломъ въ катышокъ, который ѣдятъ, запивая отваромъ. Котелъ въ жилищѣ почти цѣлый день стоитъ полный, чтобы всякій, кто хочетъ, во всякое время могъ утолять голодъ. Если трапеза раскоша и судьба, напримѣръ, дала возможность полакомиться бараномъ, то положительно обгладываютъ всѣ косточки и только бараньи лопатки оставляются для ворожбы по линіямъ на костяхъ. По степени умѣнья у каждаго человѣка обгладывать кости. Тибетцы судятъ о томъ, насколько онъ практиченъ и что-нибудь изъ себя представляетъ. Засаленныя руки обтираются потомъ о лицо, или же ими смазываются сапоги.

Среди населенія преимущественно развито единобрачіе, такъ какъ имѣть нѣсколькихъ женъ слишкомъ дорого стóитъ кочевникамъ, среди которыхъ за невѣстъ уплачивается калымъ, по временамъ очень значительный (напримѣръ, за иную красавицу платится до 300 овецъ, 10 лошадей и 10 яковъ). Семьи немногочисленны: больше трехъ дѣтей рѣдко бываетъ. Старики не пользуются особеннымъ уваженіемъ, считаются обузой для своихъ близкихъ, влачатъ очень жалкое существованіе въ ожиданіи смерти. Умирающихъ прямо боятся и зачастую спрашиваютъ, не вздумается ли имъ, пожалуй, вернуться обратно: въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, на голову несчастнаго набрасывается кожаный мѣшокъ для удавленія, ибо иначе есть основаніе предполагать, будто покойникъ и вправду возвратится съ цѣлью

мучить оставшихся въ живыхъ. Мертвецовъ увозятъ куда-нибудь поодаль, на возвышенности, въ мѣста, выбранныя ламами. Тѣла быстро пожираются звѣрями и хищными птицами, и это считается признакомъ того, что усопшій былъ человѣкъ добродѣтельный. Если трупъ долго остается не растерзаннымъ, возникаютъ подозрѣнія относительно глубокой порочности покойника.

По части ремеслъ Хухунорскіе Тибетцы почти ничего не производятъ, только обшивая себя и выдѣлывая овчины. Когда имъ нужны какія-нибудь металлическія издѣлія, на помощь являются странствующіе кузнецы-Китайцы, и тутъ же въ кочевьяхъ мастерятся сѣдла, ножи, сабли, котлы и деревянныя чашечки. Какъ ихъ дѣлать — подсказываетъ, впрочемъ, вкусъ самихъ туземцевъ.

Маленькія лошади Хуху-нора славятся по всей Монголіи и всему сѣверному Китаю, отчасти въ виду ихъ скораго бѣга, но особенно по причинѣ ихъ рѣдкой выносливости. Хотя восточныя монгольскія лошади столь же быстры, но хухунорскія замѣчательны тѣмъ, что не требуютъ безусловно никакого ухода. Хозяева никогда ихъ не кормятъ, даже въ пути никогда не снимаютъ съ нихъ сѣделъ. Когда лошадь совершенно замучена, ей для подкрѣпленія дается мелко истолченная сухая говядина, или же чайные листья, пополамъ съ цамбой и масломъ. По ночамъ бѣдныхъ животныхъ привязываютъ гдѣ-нибудь по близости отъ костра, и даже тутъ не отпускаютъ ихъ на приволье.

Рокхиля интересовалъ вопросъ, насколько можетъ быть велико населеніе Амдо, но при всемъ желаніи придти къ какому-нибудь точному опредѣленію, это ему не удалось. Одно можно сказать, что если уже въ 1725 году Синнскій амбань насчитывалъ здѣсь свыше пятидесяти тысячъ душъ, то и теперь народу далеко не меньше, ибо однихъ ламъ насчитывается въ мѣстныхъ монастыряхъ отъ 25 до 30 тысячъ. Правда, что этотъ край славится особенною „святостью“ религіозныхъ центровъ. Есть монастыри съ довольно значительнымъ населеніемъ. До мусульманскаго возстанія въ Гумбумѣ было около семи тысячъ ламъ, а теперь около трехъ тысячъ. Въ Амдо наиболѣе процвѣтаетъ такъ-называемая „желтая вѣра“, то-есть реформированный (съ XIV на XV вѣкъ) буддизмъ, вызванный къ жизни знаменитымъ реформаторомъ Зонховой, который, по версіи Рокхиля, родился въ мѣстечкѣ Зонха, недалеко отъ Гумбума, около 1360 года. Родители посвятили семилѣт-

няго мальчика Буддѣ, причемъ въ моментъ постриженія, когда его волосы упали на землю, изъ нихъ выросло бѣлое знаменитое дерево, съ вышеописанными примѣтами. Мальчикъ росъ, почитаемый за чудо премудрости, и шестнадцати лѣтъ отъ роду, не находя себѣ въ Амдо достойныхъ по знанію учителей, ушелъ въ Лхассу. Всѣ отрасли буддійскаго знанія были имъ пройдены съ одинаковымъ успѣхомъ. Множество почитателей сгруппировалось вокругъ него, и выдающійся лама положилъ начало возрожденію, какъ тибетскаго духовенства, которое тогда находилось въ состояніи упадка, такъ и выясненію истинъ ископнаго вѣроученія. Въ то время буддійская вѣра въ Тибетѣ грозила сильно измѣниться, подъ вліяніемъ религіозныхъ принциповъ шиизма и шаманства. Сторонники Зонховы получили прозвище „послѣдователей добродѣтели". Въ мѣстности, гдѣ явился реформаторъ, зародился монастырь. Названіе Гумбума („сотня тысячъ изображеній") произошло будто бы отъ появленія чудесныхъ изображеній и буквъ на листвѣ и корѣ.[1] Зонхова остался въ памяти народа, какъ новый богъ названіемъ Чжэ-риньпочэ („драгоцѣнный владыка"). Слава монастыря, возникшаго въ память чудеснаго постриженія, долетѣла до Китая. Богдоханы стали покровительствовать тамошнимъ ламамъ и скоро сдѣлали этотъ религіозный центръ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ въ цѣлой имперіи. Уже въ XVI вѣкѣ сюда пріѣзжалъ Далай-лама. Въ 1708 году здѣсь даже поселился другой его преемникъ, въ ожиданіи пока стихнутъ внутреннія неурядицы, волновавшія тогда страну и пока китайское войско проведетъ его обратно въ покинутую столицу. Зимой 1779—1780 года въ Гумбумѣ же четыре мѣсяца гостилъ „святѣйшій" изъ „возрождающихся ламъ" Баньчень-эрдени, на пути своемъ въ Пекинъ.

Хотя тибетскіе религіозные центры отнюдь не имѣютъ такого отпечатка глубокой старины, какой безспорно присущъ Утайшаню въ Шаньсійской провинціи (гдѣ буддизмъ пустилъ корни, повидимому, еще въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова), но тѣмъ не менѣе по интенсивности религіознаго чувства, важнѣйшіе монастыри Тибета едва ли не обладаютъ гораздо большею сферой вліянія, чѣмъ разсадники той же вѣры въ собственномъ Китаѣ.

---

[1] По словамъ Бурятъ, прототипомъ явившихся въ Гумбумѣ „ста тысячъ изображеній" послужили два типа Зонховы, начертанные имъ самимъ далеко отъ родины и посланные туда въ утѣшеніе престарѣлой матери и сестры.

Изслѣдователи тибетскаго буддизма неоднократно пытались точно опредѣлить подраздѣленіе мѣстныхъ духовныхъ на „желтошапочныхъ“ и „красношапочныхъ“, что̀ однако весьма не легко, такъ какъ оба эти направленія во многомъ соприкасаются и подчасъ сливаются. Рокхиль замѣтилъ, что съ внѣшней стороны въ данное время красный цвѣтъ, какъ менѣе маркій, получилъ преобладающее значеніе. Къ тому же довольно трудно достать желтыя ткани, вслѣдствіе этого доступныя почти исключительно сановнымъ ламамъ.

Важнѣйшіе монастыри получаютъ ежегодныя субсидіи отъ богдохана, причемъ всѣ лица, занесенныя въ штатъ духовенства (то-есть получившія извѣстнаго рода образованіе, которое бы имъ давало возможность участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ), получаютъ зерно и муку, въ такомъ однако количествѣ, что однимъ этимъ нельзя прокормиться и въ дополненіе очень кстати приношенія мірянъ, деньги изъ родной семьи и отъ почитателей, плата за совершеніе служеній и т. д. У многихъ духовныхъ есть своя недвижимая собственность. Нѣкоторые находятъ подспорье въ сдачѣ части своихъ помѣщеній или другимъ, менѣе состоятельнымъ ламамъ, или посѣтителямъ монастыря. Кромѣ того, источниками дохода служатъ довольно распространенное ростовщичество и поѣздки съ торговыми цѣлями въ предѣлы внутренняго Китая или даже въ Пекинъ, въ Ургу, въ бурятскія степи и, конечно, въ Лхассу.

Во главѣ каждаго монастыря стоитъ такъ-называемый хамба, который или избирается самими ламами, или присылается для управленія ими изъ другаго болѣе значительнаго религіознаго центра. У такого хамбы цѣлый рядъ помощниковъ. Такъ какъ Китайцы подозрительно относятся къ мятежному духу, который несомнѣнно гнѣздится противъ нихъ въ ламскихъ монастыряхъ, то туда отъ китайскихъ властей иной разъ назначается чиновникъ, подъ предлогомъ оказанія помощи хамбѣ, но въ сущности съ цѣлью высматривать и доносить каково тамъ истинное настроеніе.

IV.

Въ европейской печати довольно распространено мнѣніе, будто въ буддійскихъ монастыряхъ нѣтъ достаточной дисциплины, но по отзыву путешественниковъ, которымъ нѣтъ основанія не довѣрять, дисциплина эта, напротивъ, скорѣе строга, и во

всякомъ случаѣ налагаетъ извѣстнаго рода узду на всѣхъ, кто рѣшился принять добровольно обѣты буддійскаго духовнаго. Рокхиль именно въ этомъ смыслѣ отзывается о монастырскомъ строѣ и категорически говоритъ, что въ случаѣ нарушенія младшею братіей установленныхъ религіозныхъ обычаевъ, она тотчасъ подвергается тѣлесному наказанію, одиночному заключенію, или же прямо изгнанію изъ религіознаго центра. Конечно, это относится болѣе или менѣе исключительно къ проступкамъ сравнительно маловажнымъ; когда же совершаются тяжелыя преступленія, то будто бы есть возможность откупаться отъ кары дорогою цѣной. Очевидно, послѣдніе случаи крайне рѣдки,—да и мало найдется ламъ достаточно богатыхъ, для достиженія такого исхода изъ бѣды.

Духовное начальство имѣетъ надъ своими подчиненными (даже въ предѣлахъ внутренняго Китая) власть жизни и смерти. Гражданскія власти не могутъ или не находятъ нужнымъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла и, такъ-сказать, молчаливымъ согласіемъ одобряютъ постановленія верховныхъ ламъ. Послѣ хамбы главную роль повсюду играютъ слѣдящіе за порядкомъ „засакъ и гэбгой—ламы“, затѣмъ, такъ-называемый, „дронпръ“, пекущійся о пріѣзжихъ, „нэрба“, завѣдующій хозяйствомъ и „ундзады“ (или „омзады“), уряжающіе ходъ богослуженій. Выдающіеся духовные назначаются на эти должности хамбой, срокомъ на нѣсколько лѣтъ. Наряду съ извѣстнаго рода іерархіей, въ каждомъ сколько-нибудь замѣтномъ религіозномъ центрѣ непремѣнно живетъ „перерожденецъ“ (хубилганъ), на котораго населеніе и стекающіеся богомольцы смотрятъ съ безусловнымъ благоговѣніемъ. Въ Амдо, около Хуху-нора и въ Цайдамѣ насчитывается 48 такихъ своеобразно вѣчныхъ „святыхъ“, изъ коихъ 30 являются на свѣтъ изъ Гумбума и лишь остальные изъ средняго Тибета. Существа эти обладаютъ различною степенью совершенства и въ связи съ этимъ пользуются далеко неодинаковымъ почетомъ. Странно сказать, но въ самомъ Гумбумѣ нѣтъ будто бы ни одного „перерожденца!“ [1] Эти загадочныя для толпы лица будто бы возносятъ немолчное молитвословіе за благо всего одушевленнаго въ ихъ округѣ. Простолюдины обращаются къ нимъ чаще всего съ цѣлью узнать будущее по ихъ

---

[1] Буряты же увѣряютъ, что тамъ таковыхъ до девяти, изъ коихъ одинъ непремѣнно облекается хамбинскою властью.

безупречному и великому волхвованію. Хубилганы дѣлятся по монгольской терминологіи на „хутухтъ, шаберановъ и гыгеновъ“.

Рокхиль приложилъ къ описанію своего путешествія образчикъ ламскихъ нотъ, которыми жречество руководится при совершеніи служеній. Волнистая линія, идущая по письменамъ, въ опредѣленные моменты указываетъ, когда слѣдуетъ протрубить въ раковину, или ударить въ колотушку. Оба эти инструмента для большей ясности обозначены на туземныхъ нотахъ. Нельзя не подивиться столь любопытному явленію, такъ какъ во всей Центральной Азіи, Китаѣ, Кореѣ и Японіи, кажется, нѣтъ ничего подобнаго. [1]

Въ этомъ странномъ мірѣ сѣвернаго буддизма (съ его сложною обрядностью и глубоко таинственнымъ культомъ) и сами предметы, употребляемые при служеніяхъ, до крайности своеобразны и даже, пожалуй, страшны. Что̀ сказать, напримѣръ, о колотушкѣ (дамару), дѣлаемой иногда изъ дѣтскаго черепа, обернутаго змѣиною кожей? Что̀ думать, когда видишь эту священную для туземцевъ вещь рядомъ со столь же священнымъ „колокольчикомъ“ (хонхо) и магическимъ жезломъ (очиромъ), который есть, такъ-сказать, характернѣйшій остатокъ громоваго жезла древне-арійскаго бога Индры? Выходитъ, что знаменитая „вачжра“, бывшая прибѣжищемъ и спасеніемъ боровшагося съ мрачными врагами народа Ведъ,—здѣсь, въ ламскомъ служеніи снова является таинственною, несокрушимою силой въ чисто психическомъ соприкосновеніи съ началами тьмы. Древній міръ доисторическаго міросозерцанія неопредѣлимо отразился тутъ на цѣломъ строѣ до сихъ поръ еще жизненныхъ воззрѣній и упованій. Оттого-то у ламъ и встрѣчаются въ употребленіи трубы изъ человѣческихъ костей, какіе-то мистическіе треугольники для заклинаній, сосуды со священною водой (бумба), сферическія зеркала, на которыя выливается освященная вода, и многое тому подобное.

Цѣнные кумиры на алтаряхъ нерѣдко бываютъ завернуты въ желтыя ткани; книги религіознаго содержанія также не оставляются безъ покрововъ, дабы ихъ не коснулось ничто нечистое.

Теперь надо сказать нѣсколько словъ о раздѣленіи ламъ на настоящихъ (верховныхъ, выдающихся по учености и вліянію,

---

[1] Впервые указалъ на это Горанiо делла Пенна, миссіонеръ, жившій въ Тибетѣ около начала прошлаго столѣтія.

сравнительно не особенно многочисленныхъ) и на массу такъ-называемыхъ духовныхъ, которые въ сущности ничѣмъ почти не отличаются отъ прочихъ мірянъ, развѣ только бритою головой и соблюденіемъ пяти низшихъ буддійскихъ обѣтовъ (не убивать и т. д.), одеждой краснаго цвѣта и временнымъ проживаніемъ при монастыряхъ. Въ восточномъ Тибетѣ такихъ ламъ называютъ „драба". Они занимаются книгопечатаніемъ, смотрятъ за монастырскимъ скотомъ и табунами, собираютъ навозъ для топлива, варятъ пищу, чистятъ кумирни, заправляютъ лампады. Этому классу ламъ далеко до положенія „гэлуновъ",—жрецовъ, давшихъ обѣты безбрачія, нестяжанія, отказа отъ всякихъ удовольствій, куренія и вина. Только изъ такой среды могутъ набираться „истинно священнодѣйствующіе" ламы. Низшая братія нерѣдко жената, въ извѣстное время года уѣзжаетъ домой отъ кумирень, преданная суетной заботѣ о своемъ хозяйствѣ. Весьма ошибочно и по меньшей мѣрѣ странно, указывая на это явленіе, обобщать его и такимъ путемъ получать характеристику всего ламскаго сословія. То, что они, то-есть эти послѣдніе, ничѣмъ не отличаются отъ мірянъ (хара̀), еще не исчерпываетъ вопроса о степени нравственной чистоты, которая доступна гэлунамъ. Рокхиль того мнѣнія, что между послѣдними немало есть достигшихъ весьма высокаго совершенства; изъ нихъ наибольшимъ уваженіемъ пользуются получившіе посвященіе или въ Лхассѣ у Далай-ламы, или, что̀ еще важнѣе, у Баньчень-богдо въ Дашилхунбо (ближе къ индо-тибетской границѣ). Этотъ послѣдній „перерожденецъ", по своимъ религіознымъ заслугамъ, выше Далай-ламы и даже посвящаетъ его самого при достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста.

Когда Рокхиль прибылъ въ Гумбумъ, къ нему туда выѣхалъ навстрѣчу изъ Суньхуатинскаго приставства нѣкій „Цэрэнъ-лама", вызванный для переговоровъ еще изъ Си-нина. Этотъ туземецъ оказался человѣкомъ лѣтъ пятидесяти, по внѣшности скорѣе Тибетцемъ, чѣмъ Монголомъ и, повидимому, съ немалою житейскою опытностью по отношенію къ иностранцамъ. Ее онъ пріобрѣлъ, путешествуя въ теченіе двухъ лѣтъ съ Г. Н. Потаниннымъ, довѣріе котораго будто бы обманывалъ не разъ. Первый вопросъ Цэрэнъ-ламы былъ, имѣетъ ли Рокхиль паспортъ отъ китайскихъ властей, такъ какъ въ случаѣ неимѣнія таковаго слишкомъ рискованно пускаться въ дальнюю дорогу. Она, кажется, вообще не слишкомъ притягивала Потанинскаго спутника,

не ожидавшаго извлечь большую выгоду отъ общенія съ разсчетливымъ и крайне осторожнымъ Рокхилемъ. Между прочимъ, Цэрэнъ-лама говорилъ слугамъ послѣдняго, что, слѣдуя за русскимъ путешественникомъ, нажился въ такой мѣрѣ, какъ еслибы трудился десять лѣтъ.

Пытаясь запугать Американца, Суньхуатинецъ наговорилъ ему всякихъ ужасовъ о замѣчательномъ огнестрѣльномъ искусствѣ Тибетцевъ, объ ихъ спаровкѣ грабить проѣзжихъ, о холодныхъ, рѣзкихъ вѣтрахъ (господствующихъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ между Хуху-норомъ и Лхассой, куда Американецъ направлялся), о вредномъ дѣйствіи попадавшейся тамъ воды для питья, объ одуряющихъ испареніяхъ, поднимающихся отъ безплодной почвы. По словамъ Цэрэнъ-ламы, дерзавшихъ углубляться въ Тибетъ ожидала почти неотвратимая гибель.

Рокхиль неспособенъ былъ отказаться отъ намѣченной цѣли и поэтому энергичнѣе, чѣмъ когда-нибудь, сталъ снаряжаться къ путешествію изъ Гумбума далѣе на западъ. Хлопоты однако потребовали нѣсколькихъ недѣль. Всякая ничтожная покупка отнимала безконечно много времени. Добродушный народъ ласково все обѣщалъ, улыбаясь, на все былъ согласенъ, и въ результатѣ ничего нельзя было достать. Для примѣра достаточно указать, что Американцу понадобились двѣ маленькія палатки и въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль туземцы только приготовлялись приступить къ ихъ изготовленію, а затѣмъ почти столько же времени работали надъ ихъ отдѣлкой. Чтобы достать пять верблюдовъ, пришлось побывать повсюду окрестъ, да и то покупка таковыхъ (очень здѣсь рѣдкихъ и недешево продававшихся) оказалась не практичною, такъ какъ въ предположенный путь слѣдовало брать исключительно мѣстныхъ лошадей и яковъ.

Нельзя не удивляться терпѣнію Рокхиля, когда слышишь, какъ однозвучно тянулись для него дни въ Гумбумѣ, безусловно походя другъ на друга, все безцвѣтнѣе и отчасти безплоднѣе.

Чуть-свѣтъ со сторожевой башни надъ селеніемъ Лузаръ, обитавшій въ ней старый лама оглашаетъ окрестность трубнымъ гласомъ въ раковину. Пора проснуться: пора провѣдать лошадей,— и затѣмъ ужь нѣтъ дѣла. Остается цѣлыми часами ходить отъ лавки въ лавку, переспрашивая торгующихъ про разноплеменные и разноязычные элементы, съ которыми имъ удавалось приходить въ соприкосновеніе. Безхитростные разсказы и совѣты очевидцевъ должны были представлять съ этнографической точки зрѣнія

крайне богатый и неисчерпаемый матеріалъ, еслибъ имъ спеціально заняться, въ него вдумываться; но Рокхиля сжигало стремленіе двинуться впередъ, попытать свою удачу на желанномъ поприщѣ, проникнуть въ заповѣдную даль, достигнуть того, что̀ для столь многихъ путешественниковъ являлось и является запретнымъ плодомъ. Оставалось слѣдить съ сердитымъ безпокойствомъ за медлительностью туземцевъ, которые изготовляли ему палатки, томительно ждать и угадывать будущее.

Погода была довольно холодная. Близился мартъ. Нѣтъ-нѣтъ и выпадалъ снѣгъ. Наступалъ, впрочемъ, уже конецъ зимы, ибо черезъ двѣ недѣли, по обычаю туземцевъ, они надумывали приступить къ посѣву.

По словамъ Рокхиля, въ Амдо насчитывается четырнадцать горныхъ вершинъ, изъ которыхъ каждая, при своемъ названіи, имѣетъ прозвище „предка". Китайцы, Тибетцы и Монголы молятся на нихъ, причемъ господствуетъ глубокое убѣжденіе, будто тамъ въ нѣдрахъ навѣрно скрыто какое-нибудь сокровище. Говорятъ, что по близости отъ Гумбума въ одной горѣ—богатыя залежи бирюзы, къ которымъ никто не умѣетъ и не можетъ проникнуть.

Постоянное несчастіе Рокхиля составляло дурное поведеніе его взятаго изъ Пекина слуги. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что далеко не лучшіе элементы въ Китаѣ соглашаются поступать въ услуженіе къ тамошнимъ иностранцамъ, которые вообще сами по себѣ грубы и съ туземцами очень дурно обращаются, да, вдобавокъ, далеко не симпатичны коренному населенію. А разъ что такіе худые люди близко становятся къ путешественникамъ съ Запада, послѣдніе, видя ихъ пороки, переносятъ свое непріязненное чувство на цѣлый народъ, и такимъ образомъ анекдотическіе случаи должны свидѣтельствовать о полной испорченности и безнравственности всего Китайскаго народа.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ вліятельный иностранецъ (чуть ли не графъ Сэчэни) ѣхалъ по Небесной имперіи, направляясь въ Тибетъ, иноземца сопровождалъ отрядъ, приставленный властями для почета и огражденія въ дорогѣ. Богатый проѣзжій часто давалъ своему старшему слугѣ-Китайцу значительную сумму денегъ на распредѣленіе между многочис-

ленно-безполезными тѣлохранителями. Такимъ образомъ было пройдено довольно большое разстояніе до тибетской границы, гдѣ мѣстному начальству заявили о намѣреніи столько же платить конвою и впредь.

На это получился отвѣтъ, что до сихъ поръ нигдѣ ничего не уплачивалось. По разслѣдованію оказалось, что слуга дѣйствительно утаивалъ деньги и успѣлъ уже скопить себѣ капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Виновнаго почему-то не нашли нужнымъ преслѣдовать и онъ преспокойно могъ уѣхать къ морю въ гор. Шанхай, гдѣ, ставъ оборотливымъ купцомъ, и по-днесь занимаетъ почетное мѣсто среди согражданъ.

Китаецъ изъ Пекина, сопровождавшій Рокхиля, любилъ выпить и при этомъ нерѣдко выбалтывалъ ему всѣ свои завѣтныя тайны. Между прочимъ, онъ самъ про себя разсказалъ, какъ ему удавалось обманывать почти такимъ же образомъ (какъ былъ обманутъ вышеуказанный иностранецъ) лейтенанта Іонгхэсбанда на его пути изъ Китая въ Индію. Напримѣръ, когда баринъ поручалъ нанять телѣги и муловъ,—слуга прозорливо пріобрѣталъ ихъ въ свою полную собственность и затѣмъ, отдавая ихъ ему же въ наймы, какъ чужую собственность, по очень высокой цѣнѣ, въ теченіе шестимѣсячнаго путешествія, пріобрѣлъ значительную сумму.

Рокхилю прислали изъ Си-нина съ рекомендаціей двухъ магометанъ, соглашавшихся сопровождать Американца въ его неопредѣленно-опасномъ странствованіи. Одинъ былъ погонщикъ муловъ, проведшій всю жизнь на пути изъ провинціи Гань-Су въ Сы-Чуань, а другой молодой торговый посредникъ между Сининомъ и туземцами, обитающими къ сѣверу отъ Хуху-нора. Предстояло найти и имѣть еще спутникомъ какого-нибудь ламу. Съ этою цѣлью Рокхиль отправился въ недалеко расположенный отъ Гумбума монастырь, извѣстный еще Пржевальскому и Австрійцу Крейтнеру (ѣздившему съ графомъ Сэчэни) подъ названіемъ „Алтынъ-Гомба", но Рокхилемъ названный „Серкокъ". [1] Тамъ жилъ знакомый Американцу (еще по Пекину) богатый „Бу-лама". Религіозный центръ оказался обнесеннымъ стѣной и укрѣпленнымъ, что̀ вызывалось недавнею смутой въ краѣ.

Пекинскій пріятель съ крайнимъ радушіемъ встрѣтилъ Рокхиля. Будучи весьма зажиточнымъ человѣкомъ, Бу-лама пользо-

[1] Буряты произносятъ «Серконгъ ринбоши».

вался значительнымъ вліяніемъ въ монастырѣ, имѣлъ лучшія и просторнѣйшія постройки (въ китайскомъ вкусѣ), поддерживалъ у себя въ домѣ чрезвычайную чистоту и опрятность. Мѣдная посуда положительно сверкала отъ старательной чистки. Домочадцы Бу-ламы то и дѣло ходили и стирали гдѣ-нибудь пыль.

Верхній этажъ его жилища представлялъ изъ себя маленькую часовню. По стѣнамъ выдѣлялись живописные боги, въ маленькихъ нишахъ сидѣли любимые кумиры. Здѣсь хозяинъ ежедневно молился имъ, призывая благополучіе на себя и на своихъ. Не получивъ самъ религіознаго образованія, онъ не щадилъ расходовъ на угожденіе братству Будды. Въ извѣстные молитвенные дни домъ Бу-ламы преобразовывался въ ожиданіи дорогихъ и желанныхъ гостей. Наблюденія за опрятностью усиливались. Для приглашенныхъ ламъ заготовлялось хорошее угощеніе, а они въ свою очередь являлись съ благою цѣлью, какъ можно ревностнѣе и продолжительнѣе помолиться. Снявъ сапоги, священнодѣйствующія лица приступали къ чтенію, къ напѣвамъ, установленному хлопанью въ ладоши и т. д. Каждые полчаса церемонія прерывалась, и ламы пили кирпичный чай, приправленный масломъ. Въ это время на дворѣ, гдѣ высился каменный алтарь, на него нагромождались приношенія изъ мяса, молока, вина и чая, разставлялись сласти и плоды.

По Бу-ламѣ легко видѣть, насколько симпатиченъ типъ монголо-тибетскаго ревнителя буддійской вѣры. Этотъ туземецъ хорошо зналъ, кто Рокхиль, нисколько не удивлялся его научнымъ стремленіямъ, со своей стороны готовъ былъ предложить полную помощь для снаряженія его въ далекій путь. Недаромъ хозяинъ путешествіями расширилъ свой кругозоръ: недаромъ въ жилищѣ Бу-ламы по стѣнамъ висѣли картины мѣстностей, имъ посѣщенныхъ, его собственный фотографическій портретъ и портретъ Рокхиля, снятые въ Пекинѣ, а въ качествѣ рѣдкости маленькая оловянная труба, которую нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ подарила доброму Бу-ламѣ маленькая дочь Рокхиля, тоже жившая тогда въ столицѣ Китая. Разспросы маленькаго серкокскаго Креза вращались преимущественно около того, какъ поживаетъ семья его европейскаго друга, каковы его теперешніе интересы и планы проникнуть далѣе въ Тибетъ.

Ученые ламы, посѣщавшіе хозяина и знакомые съ Лхассой, ни мало не удивлялись любознательности иностранца, напротивъ, какъ бы сочувственно относились къ ней, совѣтовали ему идти

въ заповѣдную столицу Тибета, задавали ему *не мало вопросовъ касательно Индіи и Россіи, которую они называли „бурятскимъ царствомъ“*. На памяти этихъ ламъ Пржевальскій и графъ Сэчэни посѣтили ихъ монастырь, но, не зная по-тибетски, не могли вступать въ общеніе съ его обитателями.

Серкокъ былъ разрушенъ во время мусульманскаго возстанія и съ тѣхъ поръ не вполнѣ оправился, хотя святость проживавшаго тутъ „перерожденца“ (хубилгана) и стеченіе богомольцевъ, все подавало надежду вернуть прежнее благосостояніе. Въ монастырѣ живетъ около 700 ламъ. Родомъ почти всѣ они Тибетцы. Этотъ религіозный центръ считается однимъ изъ лучшихъ къ сѣверу отъ Си-нина. Когда Бу-лама объяснилъ своимъ ученымъ единовѣрцамъ, что Рокхиль перевелъ на англійскій языкъ часть изъ ихъ „священнаго писанія“ (Ганьчжура), и когда самый отпечатанный переводъ, полученный отъ автора въ Пекинѣ, имъ былъ показанъ, они взяли книгу, подняли ее къ челу въ знакъ благоговѣнія и заявили, что гость-иноземецъ долженъ быть „великій пундибъ“ (то-есть пандита, ученый). Любопытство ихъ было настолько затронуто, что пошли безконечные вопросы о положеніи буддизма за границей, и нельзя передать удивленія, когда собесѣдники узнали, что ихъ религія почти исчезла изъ собственной Индіи, подавленная тамъ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, что теперь на островѣ Цейлонѣ „правая вѣра“, по мнѣнію ученыхъ, будто бы удерживаетъ свою архаическую форму. Когда Рокхиль разсказалъ о нынѣшнемъ распространеніи въ Европѣ и Америкѣ теософическаго общества и такъ-называемыхъ „необуддистовъ“, которые мнятъ получать откровеніе отъ какихъ-то легендарныхъ тибетскихъ Махатмъ, вступающихъ съ ними въ сношенія изъ-за Гималаевъ,—то уже сама мысль о такомъ таинственномъ общеніи показалась ламамъ въ высшей степени забавною и малопонятною. Они заявили, что въ очень давнія времена въ Тибетѣ еще водились великіе мудрые волхвы и чародѣи, [1] такъ-называемые „уржайнисты“, отдаленно быть-можетъ напоминающіе Махатмъ нашего „необуддійскаго“ направленія,—но что теперь такихъ существъ не найдется.

[1] Напримѣръ, ученики славнаго ламы Бадма Самбхавы будто бы ѣздили на солнечныхъ лучахъ, воскрешали мертвыхъ или обращали трупы въ золото, принимали на себя любой образъ, проникали всюду, подобно воздуху, могли летать, плавать по рибьему, заклинали звѣрей, заставляли воды течь вспять, стрѣляли молніями, читали чужія мысли и т. д.

Желая быть точнымъ до мелочей, Рокхиль подробно отмѣчаетъ, что̀ онъ видѣлъ внутри главной кумирни въ Серкокѣ. По описанію видно, что она съ этой стороны поразительно похожа на большія бурятскія капища, а именно: при входѣ въ дверь языческаго святилища встрѣчаешь ряды крытыхъ подушками (олбоками) сидѣній съ узкими, низкими столиками предъ каждымъ сидѣньемъ, на которые можно класть магическій жезлъ, колокольчикъ, колотушку и листы изъ имѣющей быть прочитанною книги. По стѣнамъ висятъ живописныя изображенія боговъ или же, зачастую, сцены изъ жизни самого „бога-учителя“ (бурханъ-бакши), крайне любопытныя по выполненію и новой художественной концепціи. По близости отъ этого мѣста для служеній находится кухня съ большими котлами для варки кирпичнаго чая и запасными чашами, изъ которыхъ пьютъ священнодѣйствующіе ламы.

Если подняться во второй этажъ кумирни, тамъ откроется великое множество кумировъ изъ серебра, бронзы, дерева и глины. Безконечною вереницей тянутся они вдоль стѣнъ и обыкновенно лишены даже чего-нибудь похожаго на алтарь съ жертвоприношеніями.

Библія тибетскаго буддизма очень обширна и, чтобы прочесть всѣ священныя книги, нужно не мало времени, а между тѣмъ прочтеніе таковыхъ считается не только желательнымъ, но и способствующимъ благополучію. Съ этою цѣлью, въ кумирню или рѣже на домъ, богатѣйшими мирянами приглашается цѣлая толпа опытныхъ въ чтеніи ламъ, которые разсаживаются по своимъ сидѣньямъ и скороговоркой, или же нараспѣвъ, изрѣдка прерывая чтеніе чаепитіемъ, съ удивительною быстротой прочитываютъ каждый листовъ по сорока сразу. Этихъ послѣднихъ въ тибетскомъ „канонѣ“ насчитывается до сорока пяти тысячъ, изъ чего уже видно до какой степени великъ долженъ быть сонмъ читающихъ, если хотятъ въ непродолжительный срокъ пройти всю туземную библію.

Нѣкоторые изъ ламъ только тѣмъ и живутъ, что вѣчно читаютъ священныя книги на благо ревнителямъ. Рокхиль зналъ одного такого чтеца, который за опредѣленную сумму могъ въ полгода прочесть 108 отдѣловъ Ганьчжура. Буддійскіе монахи Китая (не ламы) не имѣютъ подобнаго обыкновенія. Любопытно, что ламы, принимаясь за чтеніе, дѣлятъ свою книжную святыню по частямъ и каждый читаетъ свою часть, равнодушный къ тому,

надъ какою главой сидитъ бормочущій его сосѣдъ. Звуки сливаются и уже богамъ предоставляется разбирать, кто что читаетъ.

Въ драгоцѣнныхъ путевыхъ замѣткахъ средневѣковаго арабскаго географа Ибнъ-Батуты есть указаніе на то, что аналогичное обыкновеніе извѣстно было въ тѣ дни (то-есть въ XIV столѣтіи) дервишамъ Каира: точно такимъ же способомъ тамъ послѣ утренней молитвы прочитывался Коранъ, причемъ всякій чтецъ имѣлъ предъ собою опредѣленный отрывокъ.

Какъ бы свидѣтельствуя о глубокой связи, объединяющей далеко раскинутыхъ буддистовъ, на стѣнахъ ламскихъ святилищъ часто встрѣчаются изображенія главнѣйшихъ религіозныхъ пунктовъ, [1] на которыхъ съ любовью любятъ останавливаться внимательные взоры ревнителей: вотъ и въ Серкокѣ Рокхиль видѣлъ картину далайламской Будалы (въ Лхассѣ), картину Дашилхумбо (гдѣ Баньчень-богдо), Гайи въ Индіи (гдѣ, сидя на алмазномъ престолѣ—Ваджрасана—всѣ Будды достигали наивысшаго просвѣтленія), у пятиглавой горы У-тай-шаня въ шаньской провинціи (гдѣ постоянно пребываетъ бурханъ Маньчжушри и въ высѣченныхъ кельяхъ спасаются „созерцатели“), наконецъ, самаго Пекина (гдѣ находится священный для ламаитовъ „Занданъ-чжо“, кумиръ, чудесно возникшій, будто бы еще при жизни „учителя“, на утѣшеніе вѣрующихъ, тосковавшихъ, когда Шакья-муни временно удалился на небо проповѣдывать спасительное ученіе). [2]

По словамъ Рокхиля, этотъ Занданъ-чжо и два другіе „чжо“ въ Лхассѣ и въ Гумбумѣ (послѣднее не подтверждается показаніями Бурятъ) должны олицетворять въ глазахъ народа три таинственныя тѣла Будды (санскрит. Kayatraya), принятыя имъ въ силу особенныхъ свойствъ его необыкновенной природы. Рѣчь идетъ о тѣлѣ закона (причемъ почитаемый бурханъ изображаетъ „учителя“ въ позѣ проповѣдника), о тѣлѣ блаженства (когда олицетворенъ созерцающій Будда), наконецъ, о магическомъ тѣлѣ, о присущемъ Шакья-муни послѣ его погруженія въ Нирвану.

Бу-лама, показывая Рокхилю внутренность храма въ Серкокѣ, спросилъ гостя, не находитъ ли онъ нужнымъ возжечь лампады предъ подобіемъ одного „чжо“, находившимся въ осматриваемой кумирнѣ. Американецъ охотно согласился и далъ ламѣ-прислужнику кусочекъ серебра, стоимостью примѣрно въ 80 копѣекъ.

[1] Эти рисунки отчасти подобны нашимъ лубочнымъ изданіямъ.

[2] Буряты вѣрятъ, что Занданъ-чжо сдѣланъ на утѣшеніе царя Магады Бимбасары.

Принося лампаду въ жертву извѣстному кумиру, вѣрующіе имѣютъ обыкновеніе засвѣтить и поднять ее предъ богомъ обѣими руками на нѣкоторую высоту, послѣ чего даръ ставится на алтарь. Изъявивъ желаніе поступить такимъ же образомъ и совершить жертвоприношеніе, Рокхиль совершенно позабылъ, насколько дешево стòитъ каждая подобная жертва и потому положительно ужаснулся, когда лама-прислужникъ постепенно сталъ ему передавать,—въ обмѣнъ на кусочекъ серебра,—и передалъ въ общей сложности около 75 лампадъ... Но было уже поздно, и пришлось ихъ всѣ засвѣтить, всѣ поднять и поставить, причемъ окружающіе туземцы съ одобреніемъ констатировали фактъ его благоговѣнія къ святынѣ.

Надо замѣтить, что, путешествуя, Рокхиль вездѣ держался туземныхъ обычаевъ: или возжигать свѣтильники, или приносить въ даръ платки (хадаки), какъ знакъ привѣта и любви.

Бу-лама нашелъ для Рокхиля спутника-ламу и оставаться въ Серкокѣ не представляло болѣе необходимости. Поэтому Американецъ попрощался съ этимъ религіознымъ центромъ, взявъ на память отъ добродушныхъ туземныхъ пріятелей нѣсколько бараньихъ желудковъ, наполненныхъ масломъ, и другіе подарки. Съ Рокхиля взято было обѣщаніе, что онъ со временемъ опять вернется сюда обратно, чтобы подольше пожить.

Несмотря на данное обѣщаніе, спутникъ, найденный Бу-ламой, въ послѣднюю минуту отказался и взамѣнъ его пріѣхалъ другой человѣкъ, знакомый Американцу еще по Пекину, и сразу заявилъ, что идти въ Лхассу невозможно, такъ какъ дойти туда можетъ-быть и мыслимо, но тамъ всякаго иноземца, вмѣстѣ съ его слугами, неминуемо ожидаетъ казнь, предотвратить которую не властенъ даже находящійся въ тибетской столицѣ амбань. Говорившій жилъ въ ней около пяти лѣтъ и его рѣчь, понятно, смущала слугъ Рокхиля. Тѣмъ не менѣе переубѣжденный благоволившими къ нему людьми, онъ и самъ въ свою очередь всячески переубѣждалъ ихъ. Въ результатѣ день отъѣзда въ Тибетъ все-таки въ концѣ концовъ наступилъ.

Приблизительно въ это время въ Гумбумъ прибылъ одинъ восточно-монгольскій хубилганъ („перерожденецъ", называемый окружающими Чойчжинъ-ламой). [1] Онъ помнилъ Рокхиля по

[1] Такъ величаютъ духовныхъ низшей степени, имѣющихъ медіумическія свойства.

Пеккину, зналъ Тлинь-цзинь и нашу Кяхту, видно не разъ имѣлъ случай встрѣчаться съ Европейцами. Американецъ называетъ его родиной Паринъ (должно-быть хошунъ Баринъ-вана, невдалекѣ отъ Долонъ-нора?).

Хубилганъ находился на пути въ Лхассу, куда хотѣлъ выступить, дождавшись пріѣзда большой толпы соплеменныхъ Монголовъ, и убѣждалъ Рокхиля двинуться впередъ вмѣстѣ (что̀, очевидно, усугубило бы возможность успѣха); но Американецъ спѣшилъ, стѣсненный нѣкоторымъ безденежьемъ: мѣшкать, значило тратить и безъ того таявшія деньги, да къ тому же это шло въ разрѣзъ со свойственною западному человѣчеству торопливостью. Азіятамъ некуда было безудержно стремиться. Рокхиль же изнемогалъ отъ гнетущаго ожиданія...

...И вотъ онъ, наконецъ, покидаетъ Гумбумъ, направляется къ самому западному пограничному городу провинціи Гань-су: къ Танкару, откуда идутъ дороги на Хуху-норъ.

Число тамошнихъ горожанъ (Китайцевъ и Тибетцевъ) не превышаетъ десяти тысячъ. Кромѣ того, есть гарнизонъ изъ 200 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника. Въ періодъ мусульманскаго возстанія Танкаръ сильно потерпѣлъ. Почти всѣ его прежніе жители были истреблены ворвавшимися въ городъ императорскими войсками, и съ тѣхъ поръ ни одинъ мусульманинъ не имѣетъ права поселиться въ городѣ, или даже войти въ него, если за благонадежность прибывшаго не поручится какой-нибудь почтенный горожанинъ.

Сюда, какъ въ довольно значительный торговый центръ (бывшій, впрочемъ, ранѣе того болѣе значительнымъ), изъ Лхассы и отдаленнаго Тибета привозятся разноцвѣтныя и разноцѣнныя шерстяныя ткани, курительныя свѣчи, кашмирскій шафранъ, буддійскія книги, коричневый сахаръ и сушеные финики изъ Индіи; оттуда же раковины (считающіяся необходимыми предметами для ламскаго служенія), янтарь, мѣха и т. п. Раковины, привозимыя въ Тибетъ, преимущественно чрезъ посредство жителей Нэпаля, достигаютъ цѣны въ тысячу рублей и приравниваются къ драгоцѣннымъ каменьямъ, если только завитокъ повернутъ направо, а не налѣво, какъ у большинства раковинъ.

Китайцы также очень отличаютъ подобныя рѣдкости. Въ Лхассѣ хранится одна такая бѣлая раковина, въ которую будто бы стóитъ только протрубить и видишь слабый отблескъ необычайнаго свѣта исходящаго отъ великаго хранителя Тибета—

монгольскаго Аріабало (санскритскаго Авалокитешвара, тибетскаго Чэнрэзи или, какъ произносятъ Буряты, Чэнрэнцикъ).

Изъ Танкара вывозятся на западъ лошади и мулы, бархатъ, шелкъ, золотая парча, китайскій фарфоръ и т. п.

Надо замѣтить, что Тибетцы предпочитаютъ дѣлать большія закупки не здѣсь, въ Танкарѣ, а дальше, въ самомъ Китаѣ и его столицѣ, гдѣ дороже платятъ и за буддійскія книги, привозимыя изъ-за горъ, и за мѣха. Торговые обороты Танкара едва ли превышаютъ 300 тысячъ рублей ежегодно. Съѣзжающіеся сюда въ незначительномъ количествѣ жители восточнаго Тибета (Камба) сбываютъ мускусъ, кожи и овчины. Цайдамскіе Монголы привозятъ въ городъ много соли, но такой грязной и такого низкаго качества, что за нее въ провинціи Гань-су почти ничего не даютъ, хотя и очень сильно въ ней нуждаются. Хухунорскіе Тибетцы свозятъ въ Танкаръ большіе запасы доброкачественной шерсти и могли бы еще больше привозить, еслибы только нашелся выгодный сбытъ. Съ пріѣздомъ Рокхиля въ городъ совпалъ пріѣздъ агента одной иностранной фирмы, для закупки шерсти на сумму въ двадцать слишкомъ тысячъ рублей. Изрѣдка тутъ появляются торговцы изъ Хотана и Кашгара, привозя изъ китайскаго Туркестана виноградъ и сушеныя дыни, но ничего существеннаго. Эти люди здѣсь извѣстны подъ названіемъ „черныхъ варваровъ“ или еще чаще „народа въ чалмахъ“.

Такъ вообще называются въ западномъ Китаѣ придерживающіеся именно этого головнаго убора мусульмане, которые уже очень давно поселились, между прочимъ, и у Танкара (въ XIV столѣтіи, при миньской династіи). Тибетцы и цайдамскіе Монголы, не различая мусульманскихъ народностей, всѣхъ ихъ называютъ однимъ общимъ именемъ „Кашмирцы“.

Книга *Desgodins* о Тибетѣ по многимъ вопросамъ могла считаться до послѣдняго времени весьма компетентнымъ источникомъ. Рокхиль однако внесъ въ нее замѣтныя поправки: напримѣръ, онъ (сколько мнѣ извѣстно) первый указываетъ на то, что чай главнымъ образомъ доставляется въ Тибетъ изъ провинціи Сычуань, тогда какъ по даннымъ французскихъ миссіонеровъ именно изъ Танкара и Синина ежегодно будто бы направляются огромнѣйшіе чайные караваны на Лхассу. Американецъ это категорически отвергаетъ.

Слѣдуя своему въ высшей степени полезному обычаю тщательно разспрашивать всѣхъ опытныхъ людей о предстоящей

дорогѣ и о туземцахъ вообще, онъ отыскалъ и теперь интереснаго собесѣдника: одного стараго Тибетца изъ укрѣпленнаго пункта Шигатсе (близь знаменитаго святилища Дашилхунбо). Старикъ продалъ Американцу двухъ верблюдовъ и, будучи хорошо освѣдомленъ относительно Пекина, Тянь-цзина, Урги и Манчжуріи, простодушно выражалъ свои мысли о рѣдкой честности имѣвшихъ съ нимъ денежное дѣло представителей западной цивилизаціи. Напримѣръ, Тибетецъ не могъ скрыть своего изумленія, какъ это одна русская фирма, съ которою ему пришлось придти въ сношеніе, не только не воспользовалась его неумѣніемъ объясниться, но до копѣйки все сполна ему уплатила по какому-то чеку. По отзыву старика, подобнаго не встрѣтишь ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ. Рокхилю давался совѣтъ идти на Лхассу, не боясь преувеличенныхъ опасностей; однако ни подъ какимъ предлогомъ нельзя будто бы было войти въ самую столицу. Ее слѣдовало обойти, такъ какъ населеніе крайне возбуждено противъ иностранцевъ, страшится огнестрѣльнаго оружія и непремѣнно бы напугалось появленіемъ Американца, у котораго есть таковое. Путешествовать безъ паспорта считалось довольно опрометчивымъ, ибо за непмѣніемъ его отъ ближайшаго амбаня, подобный документъ съ одинаковою пользой могъ быть замѣненъ простымъ свидѣтельствомъ (продаваемымъ по дешевой цѣнѣ) о правѣ на свободный проѣздъ, за подписью Конса-ламы, вліятельнаго вождя къ сѣверу отъ Хуху-нора.

Покидая съ однимъ караваномъ Танкаръ, старый Тибетецъ пригласилъ Рокхиля посмотрѣть на совершеніе отъѣзжающими очистительной жертвы (гурюма). Съ этою цѣлью воздвигнута была маленькая пирамида (приблизительно въ одинъ футъ) изъ цамбы, масла и сахара. Издѣліе это вставили въ небольшую деревянную рамку, и для чтенія молитвъ созвали ламъ въ занимаемый путниками караванъ-сарай. Жречество приступило къ служенію долженствовавшему отогнать всякую напасть отъ заказавшихъ моленіе. Затѣмъ одинъ лама взялъ жертву и, въ сопровожденіи остальныхъ, а также и отъѣзжающихъ (которые нарочно облеклись въ свои лучшія одежды, вооружились саблями и ружьями), вышелъ за черту города и тамъ предалъ пирамиду сожженію. Когда она стала поглощаться пламенемъ костра, сложеннаго изъ сухаго валежника, присутствующіе принялись стрѣлять, трубить, бормотать молитвы и вернулись обратно домой, шествуя длинною вереницей, причемъ ламы находились между мірянами,

а тѣ имъ сопутствовали, размахивая обнаженными саблями и что-то глухо напѣвая, точно для того, чтобъ отогнать и напугать злыя начала.

Уже Рокхиль собирался покинуть Танкаръ, когда данный ему изъ серкокской кумирни лама вдругъ объявилъ о своемъ нежеланіи сопровождать Американца въ Цайдамъ. Приходилось помириться и съ этою нежданною случайностью. Написано было укоризненное письмо Бу-ламѣ и приступлено къ пріисканію замѣстителя отказавшемуся идти. Нанятый взамѣнъ оказался (вплоть до возвращенія Рокхиля въ Шанхай) и надежнымъ, и полезнымъ человѣкомъ. Изъ Серкока пришло отвѣтное посланіе съ извиненіями и подарками, которые состояли изъ красиваго тибетскаго бульдога, нѣкотораго количества масла, сладкихъ пирожковъ и хадаковъ (кусковъ ткани). Бу-лама сообщалъ, что недостойнаго ламу, отказавшагося слѣдовать, въ Серкокѣ и побили, и заперли.

Передъ окончательнымъ отъѣздомъ на Западъ, Рокхиль побывалъ еще разъ въ деревнѣ Лузаръ и тамъ видѣлъ одного стараго ламу (возвращающагося изъ Лхассы), который очень ярко описалъ подробности пути среди пустырей сѣвернаго Тибета и распространился, между прочимъ, относительно нападеній, которымъ подвергаются проѣзжіе со стороны маленькихъ разбойничьихъ шаекъ („голоковъ"). Разсказчикъ увѣрялъ, будто бы въ дорогѣ попадались иногда мохнатые дикари, съ длинными, спутанными волосами, ниспадающими на плечи, точно плащи. Эти жалкія, нагія, безсловесныя существа, почти не имѣющія облика человѣческаго, будучи лишены оружія, только бросали камнями въ караванъ. Буряты разсказываютъ о существованіи близь индо-тибетской границы большихъ и страшныхъ обезьянъ.

О подобныхъ людяхъ часто разсказываютъ Тибетцы въ Пекинѣ, но безусловныхъ доказательствъ, что это правда, до сихъ поръ нѣтъ, и Рокхиль потому остался при убѣжденіи, что подъ подобными первобытными людьми подразумѣваются медвѣди, такъ какъ и слѣды, остающіеся отъ этихъ мохнатыхъ дикарей, совершенно похожи на медвѣжьи.

Отъ стараго ламы Рокхиль узналъ о возрастѣ Далай-ламы: ему тогда было тринадцать лѣтъ (то-есть теперь шестнадцать). Оказывалось, что незадолго предъ тѣмъ нашли возрожденіе величайшаго изъ тибетскихъ іерарховъ—Баньчень богдо. При этомъ припоминаю слѣдующее: около 1885—86 годовъ юнаго „святаго"

искали по Монголіи, а также и у нашихъ забайкальскихъ предѣловъ. Будь мы дальновиднѣе,—что касается центрально-азіятской политики,—ничего лучшаго нельзя было бы и желать, какъ знать его возродившимся среди нашихъ Бурятъ, причемъ Русское правительство могло бы игнорировать религіозное значеніе такого исключительнаго лица, въ то же время отнюдь не упуская изъ виду, что восточно-сибирскіе инородцы-ламаиты годъ отъ году пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе въ различныхъ центрахъ Тибета и eo ipso являются важными проводниками Царскаго имени и обаянія въ заповѣдныхъ и недоступныхъ странахъ, которыя нельзя не считать сердцемъ Азіи.

V.

Рокхиль опять въ пути. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Танкара по дорогѣ стало попадаться лишь жилье кочевниковъ. Маленькій караванъ направился къ источнику синиской рѣки близь Хухунора. Первый день путники подвигались очень медленно, по необходимости оправляя на каждомъ шагу грузъ на верблюдахъ. Къ ночи удалось дойти до монастыря (по туземному „гомба") Соба. Ламы крайне радушно приняли Рокхиля, принесли ему топлива и воды, взялись присмотрѣть за животными, помогли поставить палатки. Прислуга Американца была въ сильно-напряженномъ состояніи духа и, чуть подкрались сумерки, всѣ вздумали пугаться малѣйшаго шума, прислушиваясь даже къ сторожевому лаю собакъ. Взятый изъ Пекина Китаецъ подъ конецъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ шатра и началъ стрѣлять изъ пистолета, воображая, что этимъ отгонитъ грабителей, которые ему всюду чудились въ окрестной глуши. Рокхиль справедливо вознегодовалъ на подобную трусливость и неосторожность, обезоружилъ своего слугу и тѣмъ его весьма опечалилъ: хотя и не умѣя хорошо обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, мирный гражданинъ Небесной имперіи гордился обладаніемъ таковаго.

На слѣдующій день опять пустились въ путь. Долина, по которой шли, все расширялась окрестъ; холмы понижались и становились менѣе обрывисты; почва была обильно покрыта травой и многочисленные родники струились съ возвышенностей; вода скоплялась на дорогѣ и отчасти препятствовала движенію

маленькаго каравана. Среди встрѣчающагося населенія Монголы преобладали надъ Тибетцами. Первые извѣстны подъ названіемъ восточныхъ хухунорскихъ Монголовъ, хотя и преобладаютъ, но не многочисленны, такъ какъ ихъ всего 800 или 1.000 семействъ, то-есть навѣрно не болѣе пяти тысячъ душъ. Это народъ далеко не богатый. У каждой кибитки не найдется въ общей сложности и сотни барановъ или козъ, пяти или шести лошадей и столькихъ же верблюдовъ. Монгольскій кочевой элементъ находится въ постоянномъ страхѣ предъ нападеніями и безстыднымъ грабительствомъ тибетскихъ сосѣдей. Стада преимущественно пасутся женщинами, которыя ухитряются управлять животными, гоняя ихъ по желанному направленію, ловкимъ метаньемъ камней или даже сухаго навоза („аргала"). У сосѣднихъ Тибетцевъ есть тоже обыкновеніе управляться со стадами, но это никогда не поручается женщинамъ, такъ какъ тамошній край еще болѣе глухой и еще болѣе подверженъ опасностямъ отъ разбойниковъ, дѣлающихъ присутствіе мужчинъ необходимымъ.

На третій день послѣ отъѣзда изъ Танкара, Рокхиль достигнулъ вершины одного ущелья (высотой болѣе чѣмъ на 12 тысячъ футовъ отъ уровня моря), откуда открывался видъ на Хухунноръ, представлявшій сверкающую гладь ледянаго простора, убѣгающаго къ западу и окаймленнаго съ юга громадными, снѣжными горами.

...Вотъ оно—это зеркальное озеро, имѣющее сотни верстъ въ окружности и лежащее почти на 11 тысячъ футовъ выше морскаго уровня. Китайцы неоднократно давали разныя прозвища этому водохранилищу, именуя его то „свѣтлымъ", то „волшебнымъ", то „западнымъ", то „синимъ". Послѣднія два наименованія особенно привились.

Сколько извѣстно, озеро соленое и, кажется, далеко не глубокое. По преданію, слышанному мною отъ Бурятъ, несомнѣнно занесшихъ его изнутри Центральной Азіи, на мѣстѣ, гдѣ теперь Хуху-норъ, нѣкогда разстилались привольныя пастбища. Въ это время въ Лхассѣ строился замѣчательный храмъ-дворецъ, который всякій разъ разрушался, чуть приступали къ окончательной достройкѣ. Спрошенные о разгадкѣ подобнаго явленія глубокомудрые ламы принялись наводить справки и открыли, что причина коренится въ существованіи подъ воздвигнутою кумирней озера, волнующагося и колеблющаго фундаментъ. Въ силу какихъ-то непонятныхъ чаръ удалось, чтобы эти воды хлынули

далеко на востокъ, гдѣ теперь Хуху-норъ, и образовали водную гладь на пространствѣ прежняго степнаго приволья. Тайну существованія этихъ водъ, подъ Лхассой, зналъ тогда исключительно одинъ даже не въ Лхассѣ живущій старикъ, самъ обитавшій у прежняго Хуху-нора: выдать тайну значило погубить родныя кочевья. Туземецъ однако случайно проболтался, и внезапно хлынувшія воды прежде всего затопили его же юрту и его же стада.

Къ сѣверу и западу отъ Хуху-нора раскинуты степи и тянутся цѣпи низкихъ холмовъ. Южный берегъ опоясанъ грядой возвышенностей. Рокхилю удалось ознакомиться только съ сѣверными и западными частями озера, гдѣ есть отличный кормъ для скота и рядъ довольно большихъ рѣчекъ, и кочевники легко находятъ пріютъ въ удобныхъ ложбинахъ, чуть только задуютъ свирѣпый западный и сѣверо-западный вѣтры, называемые „черными вѣтрами“.

Пока Рокхиль здѣсь былъ, главная часть населенія находилась на зимнихъ стоянкахъ (въ хорошо укрытыхъ и глухихъ уголкахъ холмистой мѣстности) и потому почти не показывалась на глаза. Надо замѣтить, что Тибетцы не любятъ равнинъ, по характеру своему будучи горцами и оттого-то, вѣроятно, они лишь въ небольшомъ количествѣ попадаются близь озера, хотя, въ виду частыхъ передвиженій, здѣсь часто встрѣчаешь слѣды покинутыхъ туземцами кочевій. Верблюды маленькаго каравана, ведомаго энергичнымъ Европейцемъ, стали ослабѣвать отъ чрезмѣрно длинныхъ переходовъ отъ одного водопоя къ другому. По дорогѣ, конечно, можно было нанять проводниковъ, но они запрашивали гораздо дороже, чѣмъ разсчетливый Американецъ соглашался дать, и поэтому онъ предпочиталъ идти впередъ самостоятельно и даже, по временамъ, прямо рисковать.

Довольно забавно и странно слышать, что̀ Рокхиль предлагалъ туземцамъ за ихъ трудъ въ качествѣ проводниковъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Американецъ подрядилъ двухъ стариковъ, показать ему дорогу, за четыре пары сапогъ и малое количество серебра. Извѣстное количество сапогъ было благополучно закуплено въ Танкарѣ, такъ какъ они очень цѣнятся Тибетцами и Монголами, а сами по себѣ недороги: за тридцать паръ пришлось уплатить всего около двадцати рублей. Рокхиль увѣренъ, что не будь у него этой приманки, мало кто согласился бы (даже за серебро и иные подарки) покидать хозяйство и служить проводникомъ.

Близь Хуху-нора и Цайдама сапоги—своего рода денежная единица (точно кирпичный чай въ иныхъ частяхъ инородческаго Китая). На сапоги можно купить и барановъ, и мѣха, и что̀ угодно. Тамъ, гдѣ эту роль перестаютъ играть сапоги, тамъ размѣнною цѣнностью дѣлаются хадаки (куски ткани) и кирпичи чая.

Въ бытность Американца на берегу Хуху-нора туманная погода невполнѣ дозволяла различать дальную окрестность; погода же стала яснѣе—къ югу обозначился скалистый островокъ, населенный, по разсказамъ, группой благочестивыхъ ламъ. Лодокъ нѣтъ на озерѣ. Отшельники ждутъ образованія льда, и тогда только ѣздятъ на материкъ для сбора дани (въ видѣ припасовъ) съ мірянъ-ревнителей, чтобъ этимъ прокормиться до слѣдующей зимы, ибо въ теченіе болѣе полугода нѣтъ возможности сообщаться съ берегомъ. Увѣряютъ, будто бы скалистый островокъ появился какъ разъ на томъ отверстіи, откуда неукротимо хлынули подъ-лхасскія воды. Какой-то милосердый бурханъ принялъ образъ гигантской птицы, чтобы принести сюда нѣсколько каменныхъ глыбъ и завалить прорывъ, чѣмъ спасъ всю мѣстность отъ полной гибели. Китайцы называютъ этотъ островъ „островомъ жеребятъ дракона“, ибо въ древности окрестные жители загоняли на него по льду извѣстное число ручныхъ кобылъ и весной, до вскрытія льда, находили при каждой жеребенка, якобы происшедшаго отъ дракона. Лошади эти (полторы тысячи лѣтъ до насъ) необычайно цѣнились за свои качества, но уже за нѣсколько столѣтій, по свидѣтельству китайской лѣтописи, порода жеребятъ вдругъ прекратилась и, сколько ни загоняли на скалистый хухунорскій островъ многія сотни кобылъ, онѣ оставались безъ приплода.

При странствованіи по ламскимъ странамъ, Рокхиль вездѣ наблюдалъ и уяснялъ себѣ значеніе такъ-называемыхъ „обоновъ“ (высокихъ грудъ камней, съ торчащимъ изъ нихъ валежникомъ, на которомъ навѣшаны тряпочки всевозможной формы и величины). Всякій, кто проѣзжаетъ мимо этихъ странныхъ памятниковъ еще доисторическаго туземнаго культа (высящихся или на вершинахъ горъ, или на самыхъ возвышенныхъ точкахъ дороги), считаетъ своимъ священнымъ долгомъ бросить здѣсь камень, или

воткнуть вѣточку, или повѣсить тряпочку, или положить монету на обонъ, принося тѣмъ благодарность геніямъ—хранителямъ мѣстности за оказанное въ пути содѣйствіе.

Тутъ въ одной изъ своихъ наиболѣе характерныхъ формъ высказался существующій съ древнѣйшихъ временъ обычай почти что всѣхъ народовъ поклоняться возвышенностямъ. Нѣтъ, пожалуй, никакой сколько-нибудь извѣстной страны, гдѣ бы культъ этотъ не пользовался распространеніемъ. Такъ, еще первобытные Перуанцы, восходя въ дорогѣ на какія-нибудь вершины, молились богамъ и бросали на этомъ мѣстѣ камень. Въ *Century Magazine* (за декабрь 1890 г.) говорится о существованіи обоновъ въ Кореѣ и въ Японіи.

Неподалеку отъ Хуху-нора встрѣтился небольшой караванъ (лишь въ сорокъ душъ), состоявшій изъ ламъ и жителей Амдо, которые возвращались домой изъ Лхассы. Они находились уже три мѣсяца въ пути и, несмотря на свою относительную малочисленность, нигдѣ не подвергались нападеніямъ, нигдѣ не попадали въ какую-нибудь серьезную опасность. Окрестности Хуху-нора казались имъ еще наиболѣе безпокойными и они даже удивлялись, какъ намъ удалось ихъ пройти, не потерпѣвъ. Разсказы путниковъ преимущественно касались войны, происходившей тогда между Тибетцами (по наущенію лхасскихъ ламъ) и Англичанами, стремившимися на сѣверъ изъ Дарджилинга чрезъ сиккимскіе проходы (особенно чрезъ Джэлэпла). Единовременно въ Тибетѣ царило страшное возбужденіе противъ злыхъ и страшныхъ европейскихъ завоевателей. Духовные центры снарядили изрядное количество воиновъ изъ Чамдо, въ восточномъ Тибетѣ, побудивъ ихъ идти войной на „индійскихъ бѣлыхъ сосѣдей“, которые будто бы согласно молитвѣ ламъ, несмотря на свое оружіе, не могутъ повредить вѣрующимъ, такъ какъ заклинанія ограждаютъ защитниковъ родины. Въ первомъ же сраженіи множество воиновъ Чамдо или были ранены, или истреблены, остальные же бѣжали, предоставляя ламамъ самимъ противиться долѣе вторженію Англичанъ во владѣнія Далай-ламы.

Мнѣ говорили Буряты (со словъ жившихъ тогда въ Лхассѣ), что бѣдные Тибетцы не имѣли хорошаго огнестрѣльнаго оружія.

Когда они стрѣляли изъ своихъ фитильныхъ ружей, въ воздухѣ даже мелькали пускаемые въ противниковъ снаряды, и вообще ихъ способъ обороны производилъ крайне жалкое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе Англичане почему-то не рѣшились прорваться въ глубь страны. Есть несомнѣнныя данныя предположить, что между защитниками дорогой для туземцевъ индо-тибетской границы находились въ качествѣ сравнительно болѣе опытныхъ солдатъ нѣкоторые Бурята-казаки, бѣжавшіе отъ тяжести военной службы съ Амура и изъ Уссурійскаго края.

Хухунорскій князь (ванъ), потомокъ знаменитаго Гуши-хана, завоевавшаго Тибетъ, въ моментъ проѣзда Рокхиля, былъ въ отлучкѣ, въ Пекинѣ. Американецъ навелъ справки о благосостояніи самаго выдающагося и богатаго изъ мѣстныхъ Монголовъ. Оказалось, что у князя всего тысяча барановъ, сорокъ верблюдовъ и менѣе пятидесяти лошадей. Подданные располагаютъ еще меньшими средствами, такъ что обладатель, напримѣръ, 200 штукъ мелкаго скота и восьми верблюдовъ со столькими же лошадьми, уже замѣтно выдѣляется между сородичами своею зажиточностью. У населенія почти нѣтъ никакихъ дорогихъ потребностей, и всякій добродушно довольствуется малымъ доходомъ, не зная, что̀ значатъ прихоти и затраты на роскошь. Да и на что̀ этимъ кочевникамъ особенное богатство, когда всякій носитъ свой овчинный тулупъ, пока онъ не обратится въ лохмотья, когда всякій не нарадуется своимъ войлочнымъ жильемъ, примитивными ружьями саблями и домашнею утварью? Почва обрабатывается лишь настолько, чтобы можно было заготовлять цамбу; козы же, бараны и яки снабжаютъ хухунорскихъ Монголовъ молокомъ.

Наконецъ предъ Рокхилемъ распахнулась окраина Цайдама. По разсказамъ аббата Хюка и Пржевальскаго, туземные жители сумрачны, молчаливы, чуть ли не скотоподобны, а на Рокхиля они произвели совершенно обратное впечатлѣніе. Надо сказать, что онъ вообще вноситъ много новаго и совершенно отличнаго отъ того, что̀ высказывалось нашимъ знаменитымъ изслѣдователемъ Тибета. Гдѣ послѣдній нападаетъ на аббата Хюка, тамъ Американецъ стоитъ за Хюка; гдѣ только можно поправить или дополнить Пржевальскаго, Рокхиль это дѣлаетъ довольно ядовито.

Цайдамскіе Монголы въ радушіи будто бы не уступаютъ восточнымъ единовѣрцамъ. Они очень любезно принимали и угощали Рокхиля, услаждали его слухъ пѣніемъ и музыкой. Тибетскій языкъ преобладаетъ между ними. Безпечность и легковѣріе, свойственные ихъ прямому характеру, служатъ на пользу искусившимся въ обманѣ китайскимъ торгашамъ.

Въ одномъ мѣстѣ Американцу понадобилось воспользоваться услугами (для шитья) двухъ сестеръ какого-то вліятельнаго туземца. Онѣ приходили къ стоянкѣ маленькаго каравана и работали; когда же работа почти приблизилась къ концу, онѣ нарядились въ свои лучшія одежды и сказали, что такъ принято дѣлать, дошивая что-нибудь своимъ старшинамъ: разодѣться въ этотъ важный моментъ значитъ какъ бы засвидѣтельствовать должное имъ уваженіе. Когда отороченное овчинкой платье было готово, Рокхиль по приглашенію явился къ нимъ въ гости въ ихъ жилище и принялъ предложенное угощеніе, на почетномъ мѣстѣ, вправо отъ низенькаго алтаря съ домашними бурханами. Между прочимъ, Американцу поднесли вина, онъ омочилъ въ него пальцы, согласно обычаю, и побрызгалъ на четыре стороны свѣта, затѣмъ отпилъ изъ чаши, она пошла къ хозяину и окружающимъ домашній очагъ. Хозяинъ приподнялъ ее къ челу своему, и когда она постепенно дошла кругомъ снова до Рокхиля, онъ долженъ былъ осушить ее.

Американецъ-путешественникъ не разъ имѣлъ случай наблюдать за довѣріемъ населенія къ туземнымъ врачамъ (спеціалистамъ-ламамъ), видѣлъ, какъ они берутъ больныхъ за обѣ руки единовременно, ощупывая пульсъ и внимательно всматриваясь въ лицо паціента. Задавъ два, три вопроса, лѣкаря достаютъ снадобье изъ кожаныхъ мѣшечковъ, въ которыхъ привозятся цѣлебные порошки изъ Лхассы. Каждая доза измѣряется маленькою серебряною ложечкой. Врачующіе не любостяжательны и съ бѣдныхъ ничего не берутъ ни за консультацію, ни за лѣкарство. Народъ любитъ получать медицинскіе совѣты и охотно прибѣгаетъ къ различнымъ снадобьямъ, исключительно тибетскаго происхожденія, преимущественно изъ растительнаго царства. Рокхилю разсказывали, что въ Центральной Азіи очень цѣнится,— какъ цѣлебное средство,—очень дорогое слоновое молоко, привозимое изъ Индіи.

Американецъ приблагополучно шелъ себѣ да шелъ изъ Амдо на

Лхассу, когда внезапно наткнулся на одного чиновника, снаряженнаго въ край изъ ямыня синнинскаго амбаня. Сначала являлось подозрѣніе, не подосланъ ли этотъ Китаецъ помѣшать путешествію въ столицу Тибета и возбудить недоброжелательство со стороны придорожнаго населенія. Рокхиль рѣшилъ пригласить чиновника на чаепитіе, и вдругъ оказалось, что это старый и хорошій знакомый, находящійся здѣсь исключительно съ цѣлью собирать правительственную дань. Чиновникъ позволилъ себя увѣрить, будто путь проѣзжаго лежитъ на Хотанъ и Кашгаръ, и самъ въ свою очередь разсказалъ, что дорога на Лхассу, многократно пройденная чиновниками изъ Си-нина, далеко не такъ опасна, какъ говорятъ, потому что караванъ въ двадцать или двадцать пять человѣкъ, несмотря на разбойничьи нападенія, свободно можетъ пройти глушь, находясь въ пути изъ Танкара на Лхассу отъ 60 до 70 дней.

Американецъ нерѣдко видѣлъ въ краю Китайцевъ, осѣвшихся среди кочевниковъ и сильно съ ними ассимилированныхъ. Они одѣваются и живутъ точно Тибетцы или Монголы, но въ виду патріархальности мѣстныхъ нравовъ не любятъ жениться. За Хуху-норомъ, въ Цайдамѣ, Рокхиль принанялъ себѣ одного такого омонголившагося Китайца.

Цайдамъ, повидимому, тибетское слово, составленное изъ „цай“ (соленый) и „дамъ“ (равнина). На языкѣ Монголовъ Цайдамъ означаетъ „широкое пространство“, что̀, впрочемъ, дѣйствительно мѣтко характеризуетъ мѣстность, охватывающую до 90 тысячъ квадратныхъ миль. Населеніе здѣсь равняется приблизительно 16—20 тысячамъ душъ, изъ коихъ около полуторы тысячи (въ округѣ называемомъ Шанъ) еще съ 1697 года принадлежатъ Далай-ламѣ, будучи ему подарены монгольскими князьями, въ качествѣ крѣпостныхъ (шабинаровъ). Народъ, по бѣдности и забитости, производитъ почти вездѣ жалкое впечатлѣніе. Мѣстами стойбища являлись почти покинутыми, такъ какъ, заслышавъ о приближеніи чиновника изъ Си-нина, люди бѣжали куда попало и скрывались, а чиновникъ приказывалъ дѣлать на нихъ облаву, собирая обильную дань въ свою пользу.

Рокхиль достигнулъ вышеназваннаго шанскаго округа и нашелъ тутъ привѣтливый пріемъ. Мѣстный правитель (ученый лама, въ званіи хамбы) тотчасъ же выслалъ пріѣзжему кирпичнаго чая, масла, цамбы и сыру, и предложилъ поторговать, что̀

въ тѣхъ краяхъ считается главною привилегіей всякаго вліятельнаго лица между Монголами и Тибетцами, которые все продаютъ и покупаютъ чрезъ посредство своего начальства. Если у послѣдняго есть предназначенный для продажи верблюдъ или конь, инородецъ уже боится продавать своихъ иначе, какъ заплативъ правителю за право войти съ покупателемъ въ сдѣлку за свой товаръ.

Хамбы, посылаемые въ шапскій округъ изъ религіознаго центра Дашилхунбо, мѣняются каждыя 5—6 лѣтъ. Они пріѣзжаютъ для управленія тамошними Монголами, окруженные извѣстнымъ количествомъ Тибетцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые слуги (напримѣръ повара) нерѣдко играютъ роль вліятельныхъ совѣтниковъ. Си-нинскій амбань не имѣетъ отношенія къ округу Шанъ. Мѣстное населеніе не подвергается наѣздамъ китайскаго чиновничества; купцы изъ Небесной имперіи лишь украдкой, тайно отъ своихъ властей, заходятъ сюда.

Нѣсколько такихъ торговцевъ были здѣсь, когда прибылъ Американецъ, и естественно перепугались, вообразивъ, что ихъ откроютъ и накажутъ суровыми штрафами. Бѣдные Китайцы порывались даже бѣжать въ горы, пока не разъяснилось, что Рокхиль никого не обидитъ. Тогда они отнеслись къ нему съ большою пріязнію, разсказали ему о своемъ житьѣ-бытьѣ, о способахъ надувать добродушныхъ Монголовъ и Тибетцевъ (пользуясь фальшивыми вѣсами, низкопробнымъ серебромъ, плохими товарами). Туземцы будто бы до того привыкли покупать все, что̀ сравнительно невысокой цѣны, что привези имъ кто-нибудь хорошій товаръ, они отнесутся къ нему недовѣрчиво и не дадутъ за него того, что̀ слѣдуетъ. Итакъ, Китайцамъ волей-неволей приходится плутовать въ Шанѣ?! Рокхиля не рѣдко принимали здѣсь за восточнаго Монгола (или пожалуй Бурята). Большой носъ и большія уши придавали ему въ глазахъ инородцевъ видъ человѣка „съ оригинальною и благообразною физіономіей“.

Путешественника не могло не поразить тяжелое положеніе, въ которомъ находятся мѣстные старики. Родня къ нимъ относится безо всякаго почтенія, подчасъ выгоняетъ даже несчастныхъ изъ жилья, оставляя чуть ли не на произволъ судьбы, плохо одѣтыми и голодными.

Хотя въ Цайдамѣ и встрѣчается поліандрія (многомужество), но, въ Шанѣ, хамба, изъ религіозныхъ побужденій, противится соблюденію подобнаго обычая.

Рокхиль отправился въ гости къ шанскому хамбѣ, грязно одѣтому пятидесятилѣтнему ламѣ, въ весьма незатѣйливой обстановкѣ. Придя туда, Американецъ и кое-кто изъ его слугъ безцеремонно передали свои деревянныя чашки повару, чтобъ ихъ наполнили подмасленнымъ кирпичнымъ чаемъ. Разговоръ зашелъ о путешествіи новоприбывшихъ, о возрастѣ ихъ и т. п., а тѣмъ временемъ передъ гостями положили куски варенаго барана, подали вареный рисъ. Поѣвши, Рокхиль заявилъ о своемъ желаніи дойти до Лхассы. Хамба объявилъ, что это неисполнимо, такъ какъ пуститься въ столь дальній путь возможно лишь большимъ караваномъ, иначе же опасно и нигдѣ не найти проводниковъ. Началось опять обычное запугиваніе относительно предположеннаго маршрута и въ примѣръ ставилось, что даже русскій амбань (Пржевальскій) и тотъ нѣсколько лѣтъ назадъ не могъ проникнуть въ важнѣйшую глубь Тибета. Хамба предполагалъ что этотъ иноземецъ, подвергавшійся нападеніямъ дикихъ разбойниковъ (голоковъ), навѣрное гдѣ-нибудь погибъ отъ ядовитыхъ почвенныхъ испареній, ибо никогда не возвращался въ Цайдамъ. Американецъ ставилъ на видъ, что ѣдетъ домой, на родину, которая западнѣе Индіи, и что поэтому ему необходимо проложить себѣ путь черезъ весь Тибетъ. Хамба довѣрчиво отнесся къ подобному заявленію, говоря, что видитъ въ гостѣ человѣка, знакомаго съ лхасскою рѣчью, слѣдовательно, уже побывавшаго раньше тамъ, на западѣ, и въ результатѣ поднесъ Рокхилю сукно и сласти изъ Индіи, извиняясь, что бѣдность края не дозволяетъ лучше привѣтствовать иноземца.

Американецъ имѣлъ постоянную возможность наблюдать за демократическимъ строемъ быта у монгольскихъ племенъ. Домъ правителя всегда открытъ любому изъ простолюдиновъ, какъ бы низко ни было его соціальное положеніе. Всякій можетъ придти туда, сѣсть у очага, неподалеку отъ дверей, пить, курить, толковать о торговой сдѣлкѣ и т. п. Начальство столь же охотно посѣщаетъ жилье подданныхъ.

Цайдамскіе Монголы — весьма ревностные буддисты и, пожалуй, болѣе религіозно настроены чѣмъ Тибетцы у Хуху-нора, которые механически дарятъ ламъ, хладнокровно разсчитывая такимъ образомъ сдѣлать все нужное для блага души, Цайдамцы же сами непрерывно бормочутъ молитвы, вращаютъ „молитвенныя колеса“, кладутъ предъ кумирами земной поклонъ за поклономъ.

Здѣсь насчитывается всего лишь около 300—400 духовныхъ, что̀ весьма мало, если принять въ разсчетъ ихъ громадное процентное отношеніе въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространенъ ламаизмъ. За то эти духовные съ утра до вечера только и читаютъ въ жильѣ мірянъ (хара̀). Постоянно видишь, какъ тотъ, или другой лама ѣдетъ, по приглашенію, служить въ степь съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу, съ колокольчикомъ, запасшись книгами и разными предметами культа. За моленіе обыкновенно дарится бараній желудокъ, наполненный масломъ, и всякіе другіе припасы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Кн. Э. Ухтомскій.

САЛЛИ ДОУЗЪ.

Романъ Бретъ-Гарта.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ.)

VII.

Когда Куртлэндъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ, что лежитъ на постели, въ своей комнатѣ, въ Редландсѣ; стѣны по временамъ освѣщались блестящими лучами утренняго солнца, которые проникали въ окна, когда легкій, свѣжій вѣтерокъ отстранялъ закрывавшія ихъ занавѣси.

Всѣ событія ночи казались бы сномъ, еслибы не это невыносимое притупленіе, овладѣвшее его чувствами и не тяжесть въ рукѣ, распухшей и побѣлѣвшей, которая лежала предъ нимъ на подушкѣ, сверхъ одѣяла. На эту руку отъ времени до времени клала ледяные компрессы горничная миссъ Доузъ—Софи, сидя у изголовья постели и лѣниво обмахивая полковника вѣеромъ. Ихъ взгляды встрѣтились.

— Сломана? спросилъ онъ, съ слабымъ оттѣнкомъ прежней разсудительности, указывая глазами на свою безпомощную руку.

— О! нѣтъ, полковникъ! Змѣя ужалила! отозвалась негритянка.

— Змѣя ужалила! повторилъ Куртлэндъ съ нѣкоторымъ признакомъ интереса.—Какая змѣя?

— Мѣдянка, должно-быть; если ужь вы сами не знаете—какая, отвѣтила она.—Но теперь все въ порядкѣ, миленькій вы мой! Ядъ изъ нея вытянули и онъ совсѣмъ вышелъ, совсѣмъ! А даетъ себя знать водка. Водка осталась, сэръ. Она вошла въ кожу, сэръ и ее надо втянуть въ себя.

Въ памяти у него зазвучала какая-то слабая струна, ее затронули особенности рѣчи этой дѣвушки.

— Ахъ! заторопился Куртлэндъ,—вы Софи, горничная миссъ Доузъ. Значитъ, вы можете объяснить мнѣ...

— Ничего, сэръ! Положительно ничего! прервала его дѣвушка, отрицательно покачивая головой, съ внушительнымъ оффиціальнымъ достоинствомъ.—Это окончательно запрещено докторомъ. Надо лежать смирно и закрыть глазки, миленькій вы мой! добавила она съ внезапнымъ приливомъ материнской нѣжности, врожденной у ея племени.—И никакими дѣлами вамъ утруждать себя нельзя. Докторъ, закончила она, вспомнивъ о своихъ обязанностяхъ,—ясно сказалъ, сэръ: „не смѣть разговаривать съ паціентомъ".

Но Куртлэндъ умѣлъ расположить къ себѣ прислугу.

— Отвѣтьте мнѣ только на одинъ вопросъ, Софи, и я больше спрашивать не буду. Что... онъ пріостановился не довѣряя еще своимъ воспоминаніямъ и не зная, насколько въ нихъ было дѣйствительной правды,—что... Като... спасся?

— Если вы говорите о своемъ упрямомъ и зломъ негрѣ, о надсмотрщикѣ, полковникъ, такъ будьте покойны,—ужь *онъ-то* спасся, можете быть увѣрены, съ сердцемъ отвѣтила Софи.—Прибѣжалъ къ себѣ въ бараки позапрошлою ночью и навралъ всѣмъ о волкодавахъ, которыхъ онъ перестрѣлялъ. А вчера утромъ сбѣжалъ въ другой штатъ, послѣ того какъ поднялъ всю эту исторію. Если есть такой упрямый, подлый негръ, котораго я презираю, такъ это вашъ черномазый Като! А теперь, продолжала она, стихнувъ,—закройте глазки, миленькій вы мой, и не безпокойте себя изъ-за такой черномазой дряни, засните спокойно. Теперь ужь ни одного слова больше вы изъ Софи не вытянете.

Какъ бы послушавшись ея, Куртлэндъ закрылъ глаза; но, несмотря даже на свою слабость, онъ сознавалъ, что ему кровь бросилась въ лицо отъ критическихъ отзывовъ Софи о человѣкѣ, изъ-за котораго онъ рисковалъ жизнью и положеніемъ. Онъ чувствовалъ, что въ этихъ отзывахъ много правды,—но тогда какже онъ обманывался въ своей донъ-кихотской защитѣ этого драчливаго хвастуна и трусливаго задиры! Однако, оставались:—*выстрѣлъ* и хладнокровное покушеніе на убійство Като! И оставались собаки, натравленныя на этого несчастнаго. Это уже было не сонъ, а грубая, неизвинительная дѣйствительность.

Онъ помнилъ, что докторомъ въ Редландсѣ былъ консерваторъ

и старосвѣтскій дипломатъ. Но военный опытъ расширилъ его симпатіи и Куртлэндъ надѣялся, что съ солдатскою прямотой онъ разскажетъ ему всѣ обстоятельства дѣла. Однако, докторъ Мейнардъ прежде всего заботился о лѣченіи и былъ также профессіонально остороженъ, какъ Софи.

— Покамѣстъ, полковнику лучше бы не говорить объ этомъ, сказалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ уже прошло два дня; полковникъ провелъ въ постели почти сорокъ восемь часовъ. Это дѣло достойно сожалѣнія, но оно является естественнымъ послѣдствіемъ продолжительнаго политическаго и племеннаго раздраженія и произошло не безъ *серьезнаго* повода. „Убійство?“ Нѣтъ; это слишкомъ сильное выраженіе. Можетъ-ли полковникъ Куртлэндъ поклясться, что *дѣйствительно* выстрѣлъ былъ *направленъ* въ Като, или быть-можетъ это была только демонстрація чтобы попугать драчливаго негра? Пожалуй, не мѣшало дать ему урокъ, а въ настоящее время полковнику уже должно быть извѣстно, что эти низшія расы можно учить только страхомъ. Собаки? Ахъ, да... Что̀ же, волкодавы въ сущности были только частью этой спасительной дисциплины. Навѣрное полковникъ Куртлэндъ достаточно сообразителенъ и понимаетъ, что даже въ старыя рабовладѣльческія времена плантаторы натравливали собакъ на бѣглецовъ не для того, чтобъ уничтожать *свою же собственность?* Въ такомъ случаѣ проще было-бы давать имъ бѣжать! Нѣтъ, сэръ! Собакъ употребляли для того лишь, чтобы пугать негровъ и выгонять ихъ изъ болотъ, ямъ и другихъ мѣстъ, гдѣ они прятались, такъ какъ ни одинъ негръ не выдерживалъ нападенія собакъ. Като могъ лгать сколько угодно, но всѣ знаютъ, *кто* убилъ собакъ майора Рида. Никто за это не порицаетъ полковника— даже самъ майоръ Ридъ, но еслибы полковникъ дольше жилъ на Югѣ, онъ зналъ-бы, что изъ самообороны не было необходимости убивать собакъ, потому-что онѣ никогда не бросаются на бѣлыхъ. Но объ этомъ *теперь* полковнику безпокоиться нечего; болѣзнь у него идетъ хорошо; онъ спалъ около тридцати часовъ; лихорадки нѣтъ; надо продолжать отсыпаться, а онъ, докторъ, заѣдетъ попозднѣе вечеромъ.

Быть-можетъ, отъ упадка силъ, онъ не могъ схватить всего значенія докторскихъ словъ, или чисто-физическая, болѣзненная тяжесть въ головѣ переспливала всякое умственное возбужденіе, но только онъ проспалъ вплоть до новаго посѣщенія доктора.

— Ваше здоровье поправляется, полковникъ, сказалъ докторъ, осмотрѣвъ паціента,—и я думаю, что теперь вамъ можно немного пободрствовать и даже подвигать рукой. Вы счастливѣе отдѣлались, чѣмъ бѣдный Джо Хигби, который раньше трехъ недѣль не будетъ въ состояніи поставить ноги на полъ. Я еще не вынулъ изъ нея всей картечи, которую всадилъ туда Джэкъ Дюмонъ въ ту ночь.

Куртлэндъ удивился. Джэкъ Дюмонъ! Вѣдь такъ зовутъ родственника Салли Доузъ, о которомъ говорилъ Чаминей! Изъ возвращающейся понемногу памяти онъ рѣшительно выкинулъ смутное воспоминаніе о звукахъ голоса этой дѣвушки, послышавшихся ему подъ конецъ той ночи, и таинственность, которая повидимому ихъ окружала. Но этотъ родственникъ, который былъ соперникомъ и ему, и одинаково обманутому Чаминей— не былъ иллюзіей. Онъ сдержался и спокойно переспросилъ:

— Джэкъ Дюмонъ?

— Да; но, конечно, вы находились тамъ въ болотѣ и ничего объ этомъ не знаете. Да, клянусь, спасти своего негра вамъ больше помогъ выстрѣлъ Дюмона въ Хигби, чѣмъ ваша пальба по собакамъ.

— Не понимаю, хладнокровно возразилъ Куртлэндъ.

— Видите-ли, въ ту ночь пріѣхалъ сюда Дюмонъ, который проповѣдуетъ принципы Сѣверянъ главнымъ образомъ изъ-за того, чтобъ идти на перекоръ всѣмъ Хигби и понравиться Салли Доузъ. Подозрѣвалъ-ли онъ то, что̀ случилось, или просто хотѣлъ напасть на Хигби, или ухаживалъ за Миссъ Салли—никто этого не знаетъ. Только, вдругъ онъ подъѣхалъ къ отряду Хигби, крикнувъ: „если вы охотитесь Джо, попробуйте поохотиться за мной!“—подразумѣвая ихъ старинное кровомщеніе,—приставилъ свое ружье къ плечу—Хигби не поспѣлъ увернуться—Дюмонъ выстрѣлилъ, свалилъ Хигби съ лошади и ускакалъ. За нимъ по пятамъ пустились Риды, чтобъ отомстить за Хигби, а за ними вся толпа, чтобы посмотрѣть на эту забаву, которая была интереснѣе охоты за негромъ, а это очистило путь для васъ и Като, полковникъ.

— А Дюмонъ?

— Добрался до станціи въ Фоксборо, доставивъ Рядамъ и Хигби новый поводъ для мщенія, которымъ они должны воспользоваться, какъ сумѣютъ. Вы — Сѣверяне не понимаете

такихъ вещей, полковникъ, но какъ смѣлое ночное нападеніе, эта продѣлка родственника Салли Доузъ была замѣчательно ловка.

Трудно было Куртлэнду сдержаться. Докторъ сказалъ правду. Героемъ всей этой несчастной исторіи былъ *ея* родственникъ и *его* соперникъ! И ему-то,— быть-можетъ еще по жалобной просьбѣ миссъ Салли о защитѣ обманутаго ею человѣка,—Куртлэндъ былъ обязанъ спасеніемъ! Онъ порывисто и глубоко вздохнулъ.

— У васъ болитъ что-нибудь?

— Нѣтъ. Когда я могу встать?

— Можетъ-быть завтра

— А рука?

— Лучше бы не двигать ею еще недѣли двѣ. Докторъ помолчалъ и взглянулъ отеческимъ взглядомъ на молодаго человѣка, добавивъ серьезно и ласково: — Если вы позволите дать вамъ не медицинскій совѣтъ, полковникъ Куртлэндъ, то лучше бы вамъ дать всей этой исторіи улечься само собой. Для васъ и для вашихъ дѣлъ никакого вреда не будетъ оттого, что здѣшніе обитатели поняли, на что̀ вы способны; а негру дали урокъ. котораго его сородичи не забудутъ.

— Благодарю васъ, холодно отвѣтилъ Куртлэндъ,—но полагаю, что я самъ понимаю свои обязанности передъ представляемою мною компаніей и правительствомъ, которому служилъ.

— Можетъ-быть, полковникъ, спокойно замѣтилъ докторъ,—но вы позволите старику напомнить и вамъ, и правительству, что въ нѣсколько лѣтъ нельзя измѣнить привычекъ и взаимныхъ отношеній двухъ различныхъ расъ. Ваша пріятельница, миссъ Доузъ, хотя и не вполнѣ раздѣляетъ мои мнѣнія, но *этого* никогда не пыталась дѣлать.

— Я вполнѣ увѣренъ, что миссъ Доузъ обладаетъ дипломатическими способностями и привлекательностью, до которыхъ мнѣ конечно далеко, съ горечью возразилъ Куртлэндъ. У доктора слегка приподнялись брови, и онъ перемѣнилъ разговоръ.

Когда онъ ушелъ, Куртлэндъ приказалъ подать себѣ все нужное для письма. Онъ пришелъ уже къ извѣстному рѣшенію и ему казался возможнымъ только одинъ исходъ. Онъ написалъ президенту компаніи, излагая всѣ обстоятельства того, что̀ случилось, допуская, что поводъ могъ быть дѣйствительно поданъ его надсмотрщикомъ, но указывая на уличный терроризмъ, который дѣлалъ невозможною введенную имъ дисциплину. Онъ просилъ, чтобъ объ этомъ дѣлѣ донесено было въ Вашингтонъ и

приняты были мѣры для безопасности недавно освобожденныхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ уволить его въ отставку, хотя обѣщалъ остаться до назначенія ему преемника и обезпеченія безопасности рабочихъ. До тѣхъ поръ онъ будетъ дѣйствовать на свой страхъ и по собственному разумѣнію. Онъ никого не обвинялъ, не называлъ никакихъ именъ, не хлопоталъ о примѣрномъ наказаніи или преслѣдованіи обидчиковъ, но просилъ только обезпеченія отъ повторенія обиды. Второе письмо его, хотя и не такое оффиціальное и формальное, оказалось для него болѣе затруднительнымъ. Оно было адресовано командиру ближайшаго федеральнаго гарнизона; этотъ офицеръ былъ старымъ пріятелемъ и прежнимъ товарищемъ Куртлэнда по оружію. Въ письмѣ Куртлэндъ ссылался на ихъ недавнюю бесѣду о присылкѣ небольшаго отряда войскъ въ Редландсъ на время выборовъ, чему однако Куртлэндъ въ то время дипломатически противился. Теперь онъ самъ предлагалъ это какъ необходимо предупредительную мѣру, которая обезпечитъ общественное спокойствіе. Запечатавъ письма и не желая подвергаться шпіонству мѣстнаго почтмейстера и своихъ слугъ, онъ поручилъ отправку одному изъ слугъ миссъ Салли, приказавъ сдать письма въ сосѣдней почтовой конторѣ, на станціи у Горькаго ручья, миляхъ въ десяти отъ Редландса.

Къ несчастью, по окончаніи этихъ занятій, реакція вызванная его слабостью навела его опять на мысли о себѣ, и онъ сталъ вспоминать! Онъ рѣшительно не хотѣлъ думать о миссъ Салли, и даже въ присутствіи ея горничной удерживался отъ всякой мысли о ней, хотя эта горничная, считавшаяся умѣлою сидѣлкой и знахаркой, лѣчившею травами, была прислана своею барышней, чтобы ходить за нимъ; а на всѣ справки объ его здоровьѣ, онъ вѣжливо отвѣчалъ формальною благодарностью. Пока не явился его преемникъ, Куртлэндъ рѣшился по возможности избѣгать личныхъ свиданій, подъ предлогомъ спѣшныхъ занятій, вызываемыхъ положеніемъ дѣлъ. *Она* увидитъ, что онъ согласенъ съ тѣми возраженіями, которыми она отвѣтила на его объясненіе. Однимъ словомъ, онъ прибѣгалъ къ безнадежной логикѣ, которою мужчина старается доказать себѣ, что у него нѣтъ никакихъ причинъ любить извѣстную женщину и несомнѣнно убѣждается, что причины эти существуютъ. Съ этими мыслями онъ задремалъ и ему пригрезилось, что онъ ходитъ съ миссъ Салли по кладбищу и что отвратительная змѣя выставила свою трехъ-

угольную голову изъ куста лилій, надъ которымъ наклонилась миссъ Салли. Онъ схватилъ змѣю за шею, боролся съ ней почти до полнаго истощенія силъ, когда вдругъ она опустилась и приникла къ землѣ, а въ рукѣ у него осталась маленькая измятая и надушенная перчатка, которую онъ тогда снялъ съ *ея* руки.

Когда онъ проснулся, запахъ духовъ все еще какъ будто носился въ воздухѣ, отличаясь отъ свѣжаго и знакомаго ему запаха цвѣтовъ, проникавшаго изъ сада въ окно. Восхитительное ощущеніе свѣжести навѣвалось вечернимъ вѣтеркомъ, который съ легкимъ, какъ бы пчелинымъ жужжаніемъ, слегка раздувалъ складки оконныхъ занавѣсей. Золотые лучи садившагося южнаго солнца украшали дешевые обои прихотливыми узорами и блестящими арабесками. Но еще сильнѣе чувствовалъ онъ успокаивающее, могущественное вліяніе кого-то невидимо присутствовавшаго и боялся какимъ-либо движеніемъ разрушить эти чары.

Стулъ у ногъ постели стоялъ пустой. Софи вышла. Онъ не повернулъ головы, чтобъ оглядѣться, но взглядъ его безцѣльно упалъ на коверъ и вдругъ остановился—онъ замѣтилъ самую маленькую ножку во всемъ Штатѣ!

Онъ приподнялся было на локоть, но мягкая ручка нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно опустилась ему на плечо, въ то время, какъ съ легкимъ шелестомъ кисейныхъ оборокъ миссъ Салли встала съ незамѣченнаго имъ стула у изголовья постели и подошла къ больному.

— Не двигайтесь, полковникъ; я не хотѣла сидѣть на томъ стулѣ и смотрѣть вамъ въ глаза, чтобы не разбудить васъ. Теперь я сяду туда. Она приблизилась къ стулу, на которомъ прежде сидѣла Софи, придвинула его ближе къ постели и сѣла.

— Съ вашей стороны было очень любезно придти сюда, рѣшился произнесть Куртлэндъ, сильнымъ усиліемъ воли отвелъ глаза отъ этого очаровательнаго видѣнія и снова сталъ хладнокровнымъ и спокойнымъ,—но я думаю, что моей болѣзни придали слишкомъ большое значеніе; теперь я чувствую себя очень хорошо и могу возобновить свои занятія, если докторъ позволитъ. Но во всякомъ случаѣ завтра я уже буду въ состояніи заниматься дѣломъ и надѣюсь снова быть къ вашимъ услугамъ.

— Значитъ, *теперь* вы не хотите меня видѣть, полковникъ? замѣтила она нѣсколько насмѣшливо и глаза ея слегка блеснули.—Я такъ и думала; но у меня было неотложное дѣло, которое требуетъ вашего рѣшенія. Изъ кармана она вынула письмо. Къ

его невыразимому удивленію, оно оказалось тѣмъ самымъ, адресованнымъ командиру гарнизона, которое онъ утромъ отправилъ на почту.

— Кто осмѣлился? спросилъ онъ, приподнимаясь на постели.

Ея маленькая ручка протянулась впередъ, какъ бы съ мольбой:

— Никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ вы могли бы подраться, полковникъ. Это сдѣлала *я*. Обыкновенно я не распечатываю чужихъ писемъ, и не сдѣлала бы этого *ради себя*; но это было необходимо для васъ.

— Для меня?

— Для васъ. Я догадалась, на что̀ вы можете рѣшиться и сказала, чтобы Самъ принесъ письма сначала ко мнѣ. То, что̀ вы пишите президенту компаніи, меня не интересовало, потому что тамъ они сами о васъ позаботятся и дѣла у васъ у всѣхъ общія. *Того* письма я не распечатывала, но *это* вскрыла, когда прочла адресъ. Оказалось такъ, какъ я думала, и вы сами себѣ яму роете. Вѣдь, если сюда придутъ солдаты, у насъ тутъ навѣрное подымется цѣлый бунтъ. Не двигайтесь, полковникъ. Можетъ-быть *вамъ*-то это все равно, вы съ этимъ ужь знакомы. Но люди скажутъ, что солдатъ прислали не въ предупрежденіе бунта, а что полковникъ Куртлэндъ привелъ своихъ прежнихъ товарищей, чтобы на средства правительства держать въ порядкѣ управляемое имъ имѣніе. Постойте, постойте, полковникъ! сказала маленькая дѣвушка, вставая и простирая руки въ насмѣшливомъ подражаніи горячей мольбѣ,—не раздражайтесь! Конечно, вы этого не думали, но *такъ* объ этомъ донесутъ вашему правительству Южане. Вѣдь, еслибы вы дѣйствительно думали, что неграмъ необходима правительственная защита, продолжала она значительно тише, но глаза у ней блеснули еще хитрѣе,—вы *мнѣ* бы предложили написать командиру гарнизона: и я бы попросила у него конвоя, не для васъ, а для Като, чтобъ онъ могъ спокойно вернуться сюда. Вы бы получили своихъ солдатъ, я бы вернула своего негра, о чемъ, протянула она,—вы, кажется, не особенно безпокоитесь, полковникъ, и ни одинъ Южанинъ ничего бы не могъ сказать противъ этого. Но... она еще болѣе растянула слова и съ притворнымъ спокойствіемъ начала расправлять оборки на платьѣ,—вы вообще въ послѣднее время перестали... безпокоить меня своими совѣтами.

Быстрое и совершенно новое соображеніе мелькнуло въ умѣ у Куртлэнда. Въ первый разъ за все знакомство съ ней, онъ

составилъ себѣ истинное представленіе объ ея характерѣ. Теперь онъ ясно понялъ откуда бралась эта обворожительность; понялъ это отсутствіе притворства и вмѣстѣ съ тѣмъ полное подчиненіе разсудку и разуму, понялъ значеніе ея откровенной рѣчи съ постоянно мѣняющимися интонаціями! Предъ нимъ стояла истинная дочь цѣлаго поколѣнія политиковъ! Все, что онъ читалъ объ ихъ ловкости, тактѣ и умѣніи находилось тутъ налицо съ добавкой женской прелести. Постепенно онъ становился все спокойнѣе и спокойнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, у него какъ-будто блеснула и слабая надежда.

— Но какъ же обезпечить безопасность Като и защиту другихъ на будущее время? спросилъ онъ, не сводя съ нея глазъ.

— Будущее не должно васъ безпокоить, полковникъ, если, какъ вы говорите здѣсь, вы подали въ отставку и вашъ преемникъ уже назначенъ, отвѣтила она болѣе серьезно, чѣмъ прежде.

— Но не думаете же вы, что я покину васъ въ этомъ неопредѣленномъ положеніи, сказалъ онъ порывисто. Затѣмъ онъ замолчалъ, чело у него омрачилось. — Я забылъ, добавилъ онъ холоднымъ тономъ, — у васъ найдется покровитель. Вашъ родственникъ дастъ вамъ надлежащіе совѣты. Онъ близокъ вамъ по родству, а можетъ-быть будетъ еще ближе... по другимъ отношеніямъ.

Къ невыразимому его удивленію, миссъ Салли наклонилась впередъ на своемъ стулѣ и закрыла руками смѣющееся лицо. Когда его взору открылись опять ямочки на ея щекахъ, она съ трудомъ могла выговорить:

— Не думаете ли вы, полковникъ, что для мирныхъ переговоровъ мой родственникъ еще менѣе годится, чѣмъ вы сами.

— Не понимаю, пробормоталъ Куртлэндъ.

— Не думаете ли вы, продолжала она, спокойно вытирая глаза платкомъ, —что еслибы такая женщина какъ я, которой до тошноты надоѣлъ весь этотъ шумъ изъ-за того, что вы, Сѣверянинъ, управляете неграми,—еслибы такая женщина захотѣла показать своимъ соотечественникамъ въ какихъ радикаловъ превращаются иногда такіе же Южане, какъ они, то она послала бы за Джэкомъ Дюмономъ и представила его, какъ примѣръ? А? Только, по совѣсти говорю, я никакъ не думала, что они съ Хигби сейчасъ же примутся за свое дурацкое кровомщеніе и перестрѣляютъ другъ друга!

— И вы послали за своимъ родственникомъ ради меня? слабымъ голосомъ спросилъ Куртлэндъ.

— Можетъ-быть, полковникъ, за нимъ и не пришлось посылать, отвѣтила она съ легкимъ оттѣнкомъ кокетства,—можетъ-быть, я только *позволила* ему пріѣхать. Онъ былъ тутъ по близости, такъ какъ у него здѣсь есть имѣніе и хотѣлъ, чтобъ оно вмѣстѣ съ моимъ вошло въ Компанейскій Синдикатъ. Я знала какія у него новыя идеи и взгляды и рѣшила сначала посовѣтоваться съ Чампнеемъ, что̀ было совершенно естественно, такъ какъ Чампней иностранецъ и живетъ здѣсь дольше васъ. Не говорилъ ли онъ вамъ что-нибудь объ этомъ, полковникъ? Говорилъ? добавила она съ серьезнымъ выраженіемъ лица и странными искорками въ глазахъ.

У Куртлэнда лицо опять стало мрачнымъ.

— Говорилъ, отвѣчалъ онъ,—и кромѣ того разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ, миссъ Доузъ, дѣлалъ вамъ предложеніе и что вы отказали ему, не желая вызывать раздраженіе своихъ соотечественниковъ. Она быстро вскинула на него глазами и снова опустила ихъ.

— А вы думаете, что мнѣ... слѣдовало... принять его предложеніе? спросила она, растягивая слова.

— Нѣтъ! Но... знаете... вы сами говорили мнѣ, торопливо началъ Куртлэндъ.—Но она уже встала и оправляла платье.

— Разговоръ становится не дѣловымъ, полковникъ, а единственнымъ извиненіемъ того, что я пришла сюда и заняла мѣсто Софи, были—дѣла. Теперь я опять пришлю къ вамъ Софи.

— Но, миссъ Доузъ!.. Миссъ Салли!

Она остановилась въ нерѣшительности, выказавъ слабость, странную въ такой сдержанной особѣ—и затѣмъ медленно вынула изъ кармана и показала... второе письмо... которое Куртлэндъ адресовалъ на имя президента компаніи.

— Этого письма я не читала, какъ и сказала вамъ, полковникъ, потому что—мнѣ кажется—я знаю, что̀ тамъ написано; но я думала, что лучше будетъ и *его принести съ собой* на тотъ случай, *если вы перемѣните свое рѣшеніе.*

Онъ быстро приподнялся на подушкахъ въ то время, какъ она уже уходила, но на ея исчезавшемъ лицѣ онъ замѣтилъ то, чего никто еще никогда не видалъ на лицѣ Салли-Доузъ—яркій, стыдливый румянецъ!

— Миссъ Салли! онъ чуть не выпрыгнулъ изъ постели.—Въ дверяхъ опять раздался шелестъ—это входила Софи.

— Софи! Позовите ее скорѣе! Пусть вернется.

Негритянка отрицательно покачала головой закутанною въ платокъ.

— Не такъ-то скоро, миленькій мой! Когда миссъ Салли скажетъ, что уходитъ, значитъ—уйдетъ!

— Но, Софи!—быть-можетъ что-нибудь въ выразительномъ лицѣ негритянки вызвало эти слова, а быть-можетъ это просто было порывомъ забытой юности,—Софи!—онъ молилъ ее,—скажите мнѣ, обручена миссъ Салли со своимъ родственникомъ?

— Что̀?! спросила Софи съ негодованіемъ,—миссъ Салли обручена съ Дюмономъ?! Что̀ вы? Вы совсѣмъ безъ ума стали! Нѣтъ! Конечно, нѣтъ!

— А съ Чампнеемъ?.. Скажите, Софи, любитъ она кого-нибудь?..

На мгновеніе Софи сверкнула глазами съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— И... вы... еще спрашиваете? Вы, который лежите здѣсь съ этою рукой, ужаленною змѣей? Вы лежите, а миссъ Салли,—которой сто́итъ только свиснуть, чтобы собрать около себя лучшихъ жениховъ во всемъ штатѣ,—миссъ Салли приходитъ сюда и бѣгаетъ по вашимъ порученіямъ. И... вы... еще спрашиваете?! Да! Миссъ Салли любитъ одного человѣка, и *справиться съ этимъ не можетъ*... И этотъ человѣкъ—*вы*! И вы ничего противъ этого не подѣлаете! И нельзя этого изъ васъ выгнать теперь, изъ обоихъ—никогда! потому что вы принадлежите ей, а она вамъ... навѣки! Потому что она *сосала* вашу кровь!

— Что̀? крикнулъ Куртлэндъ, пораженный внезапнымъ, какъ ему казалось, безуміемъ негритянки.

— Да! Гдѣ же были у васъ глаза и уши? Какъ же это вы ничего не видѣли и не слыхали? Когда васъ вытащили изъ болота, въ ту ночь, а ранка отъ зубовъ змѣи была еще свѣжа у васъ на рукѣ, развѣ она... Эта бѣдная дѣвочка... Эта самая миссъ Салли.. развѣ она не бросилась къ вамъ, не приложила свой дѣтскій ротикъ къ вашей ранѣ и не высосала яда, и не спасла вашей жизни, рискуя своею!.. А если есть хоть капля правды въ нашихъ повѣріяхъ, развѣ это не слило васъ въ *одну кровь* и въ *одну душу* навѣки! Эхъ вы, бѣлый человѣкъ; совѣстно мнѣ за васъ! Постойте! Лягте! Ложитесь же, полковникъ, ради Бога! Хорошо! хорошо! Я позову ее!.. Она придетъ!..

И она *пришла*!..

. . . . . .

— Знаете... оно, сначала удивило меня, черезъ нѣсколько дней говорилъ Чаминей, сердечно пожимая здоровую руку полковника,—но я не сержусь на васъ, дорогой мой. Только это—такой разумный, дѣльный выборъ со стороны этой дѣвушки, что ничего удивительнаго нѣтъ, что раньше оно мнѣ въ голову не приходило. Знаете... когда мы всѣ думали, что кто-нибудь совсѣмъ недѣловой будетъ избранъ ею... кто-нибудь въ родѣ этого родственника ея, или Хигби, или даже меня,—немудрено, что мы и не видѣли ничего дальше своего носа и все думали о *дѣлахъ!* А вы-то, такой всегда холодный, спокойный и разсудительный въ разговорахъ о ней! Но, поздравляю васъ! Теперь дѣло ваше стоитъ прочно, у васъ въ рукахъ единственная женщина, которая можетъ его вести.

* * *

Говорятъ, что онъ оказался пророкомъ. По крайней мѣрѣ, дѣла Синдиката пошли очень хорошо, а современемъ вступили въ него и Риды, и Хигби. Никакихъ безпорядковъ больше не было и на слѣдующихъ выборахъ округъ спокойно выбралъ нѣсколько меньшее числомъ демократическое большинство. Конечно, не было недостатка и въ такихъ лицахъ, которыя утверждали, что полковникъ Куртлэндъ просто сталъ главно-управляющимъ мистрисъ Куртлэндъ, что она подчинила его себѣ, какъ подчиняла всѣхъ, попадавшихъ подъ ея вліяніе и что она не успокоится, пока не сдѣлаетъ его сенаторомъ (представителемъ мистрисъ Куртлэндъ) въ высшемъ совѣтѣ государства. Но, когда я въ послѣдній разъ обѣдалъ у нихъ въ Вашингтонѣ, десять лѣтъ тому назадъ, я нашелъ ихъ обоихъ совершенно счастливыми, прекрасно устроившимися и помню, что замѣчанія мистрисъ Куртлэндъ о государственной и мѣстной политикѣ штатовъ, о воспитаніи дѣтей и семейныхъ дѣлахъ были основательны, разумны и практичны.

Ѳ. Д.

КОНЕЦЪ.

НОВЫЯ ИМЕНА.

Ю. Безродная. *Офорты*—повѣсти, этюды, сказки. Спб. 1892. — В. Микуличъ. *Очерки*. I. *Мимочка-невѣста*. II. *Мимочка на водахъ*. Изд. Ледерле Спб. 1892.— Л. И. Осташевъ. *Въ тѣни* — разсказы и очерки. Спб. 1891. — Н. Сѣверовъ. «Разсказы, очерки и наброски». Спб. 1892.

Переживаемая нами литературная эпоха—время не легкое для дебютантовъ. Конкурренція между журналами, значительно размножившимися въ послѣдніе годы, вызываетъ необходимость рекламы ради привлеченія подписчиковъ, а эта цѣль успѣшнѣе достигается печатаніемъ произведеній писателей, уже болѣе или менѣе заслужившихъ вниманіе читателей. Съ другой стороны, журнальная критика должна чувствовать себя безсильною предъ множествомъ журналовъ, появляющихся ежемѣсячно и ежедневно, и, останавливаясь по преимуществу на именахъ болѣе интересующихъ публику, рѣдко можетъ удѣлить мѣсто произведеніямъ начинающихъ писателей, при первомъ ихъ появленіи. Газетныя рецензіи, нерѣдко исходящія также отъ критиковъ-дебютантовъ, касаются по большей части книгъ, а не повѣстей и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ журналахъ. Такимъ образомъ, писателю, выступающему на литературное поприще, иногда трудно бываетъ дождаться сколько-нибудь серьезнаго отзыва, пока онъ печатается только въ журналахъ. Чтобъ имѣть право на вниманіе критики, чтобъ явиться въ глазахъ публики съ нѣсколькими произведеніями, дающими возможность правильно судить о немъ, автору приходится выступать съ сборникомъ повѣстей и разсказовъ, уже печатавшихся въ разныхъ журналахъ. Тогда онъ выходитъ изъ неизвѣстности или полуизвѣстности: книга его

выставляется въ окнахъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ, о ней печатаются публикаціи въ газетахъ и рецензенты отзываются о немъ какъ о „собратѣ“, привѣтствуютъ его и желаютъ ему успѣха. Сборникъ даетъ автору мѣсто среди пишущей братіи; послѣ его изданія, первая, самая трудная стадія литературнаго искуса можетъ считаться пройденною, и его послѣдующія произведенія, теряя характеръ случайности, иначе встрѣчаются редакціями и критикой.

Сборникамъ разсказовъ, выпускаемымъ начинающими авторами, предстоятъ различныя судьбы, такъ же какъ и всѣмъ прочимъ книгамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, послужатъ первою ступенью къ извѣстности болѣе или менѣе широкой, распродадутся и потребуютъ слѣдующихъ изданій; другіе вынуждены будутъ окончить свой вѣкъ на полкахъ букинистовъ или въ кладовыхъ торговцевъ печатною бумагой. Успѣхъ или неуспѣхъ перваго сборника отчасти можетъ опредѣлить и судьбу самого писателя: въ первомъ случаѣ—дальнѣйшій путь для него обезпечивается, во второмъ затрудняется, даже иногда становится невозможнымъ.

Въ прежнія времена литература считалась священнымъ искусствомъ, въ нее вступали только чувствовавшіе истинное призваніе къ ней и готовые на всякія жертвы, чтобъ оправдать притязаніе на высокое положеніе писателя. Съ теченіемъ времени на ряду съ литературнымъ искусствомъ развилось литературное ремесло; посвященіе себя литературѣ стало въ ряду другихъ, такъ-называемыхъ, свободныхъ профессій. Число дѣятелей по всѣмъ отраслямъ литературы возрастаетъ соотвѣтственно спросу на журнальный матеріалъ. Очевидно, всѣ дѣятели ея не могутъ быть надѣлены въ значительной мѣрѣ творческимъ талантомъ, потому что талантъ – явленіе исключительно счастливое и рѣдкое. Но всѣ, желающіе работать на поприщѣ литературы, должны быть проникнуты важностью своего служенія и должны пройти предварительно трудную школу подготовки къ своему дѣлу и пройти ее сами, полагаясь только на себя, такъ какъ наблюденію, пониманію жизни и живому изображенію ея выучиться у другихъ нельзя. „Пишите только о томъ, что́ хорошо знаете, и пишите какъ можно вѣрнѣе дѣйствительности“, говорилъ Флоберъ молодымъ писателямъ, обращавшимся къ нему за совѣтомъ, и всякій добросовѣстный беллетристъ не могъ бы дать иного указанія начинающимъ.

Можно замѣтить только, что степень знанія описываемаго и степень вѣрности дѣйствительности требуются все въ большей и большей степени по мѣрѣ развитія литературы. Теперь уже ни одному беллетристу не придетъ на мысль написать повѣсть изъ итальянской или испанской жизни, если онъ никогда не былъ въ Италіи или Испаніи, между тѣмъ какъ прежде полагали достаточнымъ постигнуть „духъ" какого-нибудь народа изъ его литературы, чтобы свободно писать разсказы и даже романы изъ его быта. И описанія внѣшней стороны жизни потеряли уже общій, безотносительный характеръ; и дѣйствующія лица выступаютъ уже съ большею опредѣленностью наружныхъ и душевныхъ свойствъ. На ряду съ обязательными художественными требованіями, каждая эпоха выдвигаетъ и извѣстный уровень нравственныхъ и умственныхъ требованій. Такъ, въ настоящее время невозможно насмѣшливое или презрительное отношеніе къ народной вѣрѣ, къ національной самобытности, къ гуманности по отношенію къ существамъ слабымъ или обездоленнымъ судьбой, къ просвѣщенію и т. п.

Молодые люди, стремящіеся въ наше время на литературное поприще, находятъ уже готовымъ рѣшеніе двухъ существенныхъ вопросовъ—какъ писать и что́ писать? Имъ сто́итъ развить въ себѣ литературную технику, искусство писать съ нѣкоторою живостью, и, при извѣстномъ упорствѣ и трудолюбіи, проторенный литературный путь для нихъ открытъ. Благодаря нынѣшней обширной потребности въ печатномъ матеріалѣ, ихъ работы найдутъ себѣ доступъ въ журналы, и съ теченіемъ времени за ними окажется большій или меньшій успѣхъ. Легкость усвоенія господствующихъ литературныхъ пріемовъ не позволяетъ относиться къ дебютантамъ съ тою снисходительностью и привѣтливостью, какая прежде считалась почти обязательною по отношенію къ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ теперь мы должны быть готовы встрѣтить въ начинающемъ беллетристѣ будущаго литературнаго работника, которому, чтобы „свершить свой путь", достаточно литературной способности, то-есть способности угадывать требованія журналовъ и читателей и удовлетворять имъ, пользуясь уже существующими примѣрами. Только безусловная новизна и самостоятельность могутъ указать намъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ талантомъ, который откроетъ новая сторона жизни и по своему изобразитъ ихъ. Но истинные таланты рѣдки, и мы не можемъ разсчитывать, что найдемъ

его въ каждомъ дебютантѣ. И мы рискуемъ взять невѣрную ноту, если каждому писателю, впервые появляющемуся со своею книгой, будемъ очищать мѣсто среди насъ, какъ новому товарищу, вступленіе котораго въ нашъ сонмъ радуетъ насъ, если будемъ думать, что онъ преодолѣваетъ величайшую робость и съ сердечнымъ трепетомъ ждетъ приговора критики и публики. Излишняя снисходительность къ дебютанту также неумѣстна, какъ и противуположное, суровое и презрительное отношеніе къ нему. Мы обязаны примѣнять къ нему такую же художественную мѣрку, какую примѣняемъ и къ другимъ писателямъ, пытаясь опредѣлить, насколько въ немъ можно открыть признаки непосредственнаго литературнаго дарованія, насколько то, что̀ онъ даетъ намъ, оригинально и жизненно. Мы обязаны указать родъ его дарованія, выяснить его литературное значеніе, насколько оно раскрывается въ произведеніяхъ, представленныхъ на судъ читателей, не боясь самой рѣзкой правды, если она необходима. Мы должны поступать такъ въ томъ убѣжденіи, что авторъ, ставящій себѣ серьезныя задачи, не можетъ не желать, чтобы на него смотрѣли безо всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и говорили ему истину, мотивируя ее лишь началами того искусства, которому онъ считаетъ себя призваннымъ служить.

I.

По праву непосредственнаго дарованія, а также и того вниманія критики и публики, какое въ прошломъ году выпало на долю автора двухъ повѣстей *Мимочка-невѣста* и *Мимочка на водахъ*, вышедшихъ недавно отдѣльнымъ изданіемъ, мы прежде всего остановимся на этихъ повѣстяхъ. Авторъ ихъ, В. Микуличъ—псевдонимъ писательницы, какъ мы это можемъ заключить изъ подписи первой изъ названныхъ повѣстей (Л. Ч—на). Эта первая повѣсть была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* въ IX книжкѣ 1883 года и, сколько мы можемъ припомнить, не вызвала тѣхъ симпатій, какія достались продолженію этой повѣсти *(Мимочка на водахъ)*, появившейся въ II и III книжкахъ того же журнала за прошлый годъ. Перечитывая *Мимочку-невѣсту*, легко объяснить себѣ, почему эта повѣсть прошла незамѣченною. Въ ней можно видѣть лишь подготовительный этюдъ, портретъ главнаго лица, еще не введенный въ картину. Авторъ

болѣе анализируетъ, размышляетъ о возможностяхъ, открывающихся въ жизни для такого лица, чѣмъ рисуетъ его или показываетъ въ дѣйствіи. Разсказъ объ обстоятельствахъ замужества Мимочки безпрестанно прерывается біографическими подробностями объ ея воспитаніи и дѣвической жизни и логическими доказательствами, что для Мимочки не можетъ быть другаго жизненнаго назначенія, кромѣ брачнаго союза съ богатымъ человѣкомъ, хотя бы и старымъ. Типъ Мимочки, хорошенькой куколки, единственнымъ кодексомъ которой служитъ приличіе, какъ его понимаютъ въ кругѣ ея тетокъ, тепличнаго растенія, выращеннаго для того, чтобъ имъ восхищаться и нѣжить его, только намѣченъ въ первой повѣсти.

Вторая повѣсть, *Мимочка на водахъ* появилась почти чрезъ восемь лѣтъ послѣ первой и можетъ служить добрымъ примѣромъ того, насколько работа писателя, сосредоточенная на занимающемъ его лицѣ, выигрываетъ, когда ей посвящается продолжительное время, въ теченіе котораго главный типъ уясняется для автора въ такой степени, что онъ сливается съ нимъ и живетъ его жизнью. Во второй повѣсти Мимочка изображена уже послѣ шестилѣтняго замужства со старымъ генераломъ. Она „скучаетъ, худѣетъ и блѣднѣетъ“ отъ спокойной и однообразной жизни, какую ведетъ въ обществѣ мужа и матери, отъ недостатка впечатлѣній, отъ желанія какой-нибудь новизны. Это— не переломъ, какой бываетъ у нѣкоторыхъ женщинъ передъ тридцалѣтнимъ возрастомъ, не исканіе новаго чувства, обѣщающаго удовлетворить сердце, наполнить жизнь; это—просто скука, не переходящее въ сознаніе, но чувствуемое женскимъ сердцемъ ощущеніе пустоты жизни. У Мимочки все есть—и мужъ съ виднымъ положеніемъ и хорошимъ состояніемъ, и заботящаяся о ней мать, и ребенокъ, и большой кругъ знакомства, и ложа въ Михайловскомъ театрѣ, но все это ей надоѣло до того, что она постоянно раздражена, всегда готова плакать и кажется серьезно больною. Мимочку посылаютъ на Кавказъ. Уже дорогой, одной, пока еще нѣмой встрѣчи съ незнакомымъ ей красивымъ и элегантнымъ молодымъ человѣкомъ достаточно, чтобъ она повеселѣла, и ей захотѣлось не умереть, а жить. Знакомство и сближеніе съ загадочнымъ и привлекательнымъ незнакомцемъ производитъ счастливый оборотъ въ душевномъ настроеніи и физическихъ силахъ Мимочки, и она возвращается въ Петербургъ похорошѣвшею и окрѣпшею. Совѣсть ея спокойна; недавнее прошлое не

тревожитъ ея и даже не заставляетъ сожалѣть о томъ, что оно навсегда исчезло. Оно остается въ ея воспоминаніи, какъ сцена изъ балета или прекраснаго сна, когда случается нѣчто неожиданно пріятное, почти волшебное. „C'est féerique", твердила она тогда, когда это случилось, и повторяетъ потомъ въ Петербургѣ. Таковъ несложный романъ Мимочки.

Она и сама не сложна: она живетъ только минутными, поверхностными ощущеніями, которыя окрашиваютъ для нея жизнь то свѣтлымъ, то темнымъ колоритомъ; ей недоступны ни стремленія къ иной лучшей жизни, ни страданія, ни угрызенія совѣсти; въ ней даже человѣкъ, которому она отдаетъ себя, не видитъ ничего похожаго на умъ и восхищается только ея ручками и ножками,—и тѣмъ не менѣе Мимочка занимаетъ насъ собою, и мы съ интересомъ слѣдимъ за всѣми мелкими перипетіями ея маленькаго любовнаго приключенія. Нашъ интересъ къ этой женщинѣ-куколкѣ объясняется тѣмъ, что она нарисована авторомъ какъ нельзя болѣе просто и живо; она влечетъ къ себѣ жизненностью изображенія. Съ чувствомъ мѣры, свойственнымъ художественному дарованію, авторъ нигдѣ не накладываетъ густыхъ красокъ на портретъ Мимочки; онъ не смѣется надъ ней, ограничиваясь легкою, тонкою ироніей, разлитою во всемъ произведеніи, не критикуетъ ея, не негодуетъ на нее, и, съ другой стороны, не старается оправдать ее, надѣлить какими-нибудь симпатичными качествами, возвысить ее переживаемымъ ею чувствомъ. Мимочка суха и бездушна; она не способна на серьезную привязанность и позволяетъ овладѣть собою только по легкомыслію, но никто не пожелаетъ ей какой бы то ни было кары за ея ложный шагъ: въ своемъ родѣ она невмѣняема. Она очень осторожна и умѣетъ соблюдать приличія, но все же нѣсколько рискуетъ, посѣщая своего случайнаго избранника; когда все оканчивается благополучно, тайна ея вполнѣ сохранена, и ея романъ проходитъ безслѣдно, мы почти рады за нее: если она можетъ безмятежно вернуться къ своей прежней жизни, тѣмъ лучше для нея.

Удовольствіе, которымъ мы обязаны автору за знакомство съ Мимочкой, объясняется еще тѣмъ, что это—вѣчный, всемірный типъ, забытый нашею литературой или выводившійся въ послѣднее время только мимоходомъ, въ видѣ контраста съ болѣе глубокими и симпатичными женскими лицами. Мимочки,—куколки, воспитываемыя для богатыхъ жениховъ, всегда были и всегда

будутъ. Это—особыя натуры, возможныя во всякой средѣ, стремящіяся къ бездѣятельной, обезпеченной жизни и видящія право на такую жизнь въ „ангельскомъ личикѣ“ и „глазахъ Мадонны“, которыми природа надѣлила ихъ. Увѣренность во всемогуществѣ этихъ даровъ природы, законность требованія, чтобъ они были оцѣнены, поддерживается и развивается родными Мимочки и укореняется въ нихъ съ самаго ранняго дѣтства. Если Мимочка и обѣднѣетъ, какъ это случилось съ Мимочкой г-жи Микуличъ, эта перемѣна ничего не измѣнитъ въ ней, потому что натуру измѣнить нельзя. И сама Мимочка не будетъ искать для себя работы, дѣловаго выхода изъ своего положенія, и люди, принимающіе въ ней участіе, не станутъ заботиться о пріисканіи для нея обезпечивающаго ея занятія. Родные будутъ пріискивать для нея жениховъ, а Мимочка будетъ попрежнему читать французскіе романы и ѣсть chocolat mignon, въ ожиданіи, пока явится женихъ. И онъ непремѣнно явится, хотя бы въ образѣ стараго Спиридона Ивановича, потому что внѣшняя привлекательность Мимочекъ и ихъ дѣтская простота всегда находятъ поклонниковъ. Г-жа Микуличъ показываетъ намъ, что̀ бываетъ съ Мимочкой послѣ замужства. Пока она молода и хороша, ея жизнь пойдетъ гладко: за нею будутъ ухаживать, всѣ прихоти ея будутъ исполняться. Она сумѣетъ продлить свою молодость, благодаря тому, что жизнь скользитъ по ней, почти не оставляя слѣдовъ, но когда-нибудь она состарится, и тогда жизнь ея можетъ принять печальный оборотъ. Съ потерей молодости и красоты, она все потеряетъ; дѣтей она воспитать не сумѣетъ, потому что не любитъ ихъ; дѣти, не получившія ни умственнаго развитія, ни нравственнаго направленія, будутъ къ ней непочтительны и будутъ огорчать ее... Такую вѣрную перспективу рисуетъ авторъ, размышляя въ первой повѣсти о будущей судьбѣ Мимочки. Мы можемъ пожелать только, чтобъ онъ дорисовалъ этотъ типъ, показавъ его дальнѣйшее развитіе во времени.

Интересъ, возбужденный послѣднею повѣстью г-жи Микуличъ, показываетъ всего нагляднѣе, какія качества публика цѣнитъ въ литературныхъ произведеніяхъ. Хотя *Мимочка на водахъ* можетъ быть причислена къ легкому жанру, къ акварельной живописи, но простота пріема и жизненность типа сообщаютъ ей притягательность, которой уступаетъ всякій непредубѣжденный читатель. Въ лицѣ Мимочки сконцентрированы черты, разсѣянныя повсюду вокругъ насъ; Мимочка — типъ, живой и близкій

намъ, потому что мы всѣ ее знаемъ въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ. Новѣйшіе писатели достаточно отучили насъ отъ типовъ, въ которыхъ воплощены хорошо извѣстныя намъ черты дѣйствительности, въ которыхъ мы могли бы узнавать отчасти самихъ себя, отчасти знакомыхъ намъ людей; встрѣчая въ повѣсти г-жи Микуличъ типъ неоспоримой жизненности, мы не можемъ не относиться къ нему сочувственно. Пусть этотъ типъ мелокъ, поверхностенъ, пусть онъ не новъ, имѣя за собой множество варіантовъ, въ особенности во французской литературѣ; въ повѣсти г-жи Микуличъ онъ взятъ изъ русской современной жизни и своею живостью, окружающими его чертами дѣйствительности производитъ прочное художественное впечатлѣніе.

Упомянутую легкость изложенія мы не ставимъ автору въ упрекъ: какъ мы уже замѣтили выше, о Мимочкѣ именно такъ и надо писать. Мы не упрекаемъ автора въ эскизности, понимая подъ нею недоработанность, незаконченность, и называемъ его письмо легкимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ акварельная живопись кажется легче, воздушнѣе масляной. По отношенію къ Мимочкѣ акварель, даже пастель могутъ представить достаточную силу красокъ, но для другихъ лицъ этотъ родъ живописи можетъ оказаться менѣе удовлетворительнымъ. Такъ и Спиридонъ Ивановичъ, и maman, и даже кузина Мимочки—Вава, своеобразная дѣвушка, мечтающая о встрѣчѣ съ Вашингтономъ или Вильгельмомъ Теллемъ, вышли блѣднѣе и остаются на второмъ планѣ. Повидимому, авторъ сосредоточилъ всю силу своей наблюдательности на Мимочкѣ и даже не хотѣлъ разработать благодарный типъ Вавы; въ изображеніи мужскихъ лицъ онъ почти ограничивается контурами. Ни мужъ Мимочки, ни адвокатъ, въ котораго она влюбляется, не живутъ, а только мелькаютъ передъ нами.

Насъ вполнѣ располагаетъ въ пользу автора и то обстоятельство, что ясно выразившійся успѣхъ его повѣсти не вызвалъ въ немъ желанія воспользоваться имъ и поспѣшить опять появиться предъ публикой. Прошелъ уже годъ со времени окончанія *Мимочка на водахъ*, и мы не встрѣтили ни въ одномъ журналѣ новаго произведенія автора. Очевидно, онъ болѣе многихъ нашихъ писателей принимаетъ во вниманіе французское изреченіе: „Le temps n'épargne pas ce qu'on a fait sans lui". Мы можемъ только пожелать ему, чтобъ это правило никогда не теряло для него своей силы. Повторяемъ, что мы видимъ въ его дарованіи

черты настоящей художественности и очень желали бы видѣть его послѣдующее произведеніе. Оно будетъ намъ особенно интересно, если героиней его будетъ не Мимочка, а другое лицо. Тогда прочность успѣха г-жи Микуличъ и ея мѣсто въ литературѣ опредѣлятся яснѣе.

II.

Во что̀ можетъ обратиться женщина въ родѣ Мимочки, если она лишена внѣшняго изящества и чувства приличія, если судьба заставляетъ ее расти въ бѣдности и только грезить о богатствѣ, показываетъ повѣсть г. Сѣверова *Игрушечка*, появившаяся въ XII книжкѣ *Наблюдателя* 1890 г. и помѣщенная въ сборникѣ подъ другихъ заглавіемъ *(Въ эмпиреяхъ)*, по нашему мнѣнію, менѣе удачнымъ, чѣмъ первое. Въ московской мѣщанской семьѣ Костыльковыхъ, глава которой занимается маклерствомъ и „скитается по трактирамъ“, въ ожиданіи случая схватить „отмѣнный куртажъ“, живутъ три взрослыя дочери, также ожидающія отъ судьбы своего куртажа. „Откуда, за какія достоинства и какимъ чудомъ дастся имъ этотъ куртажъ—дѣвицы Костыльковы не знали, но полагали, что такъ *должно быть*“. При ихъ жизни впроголодь, при ихъ плохо замаскированной бѣдности, имъ нѣтъ выбора, и каждая пойдетъ за перваго „подходящаго“ жениха, то-есть обѣщающаго обезпеченіе предметовъ первой необходимости. Такъ именно поступаетъ младшая сестра, выходя за скромнаго, расположеннаго къ тихой семейной жизни, бухгалтера Шумкова. Онъ служитъ въ конторѣ желѣзнодорожнаго подрядчика Куприна. Съ перваго взгляда молодая Шумкова останавливаетъ на себѣ вниманіе богатаго старика, и онъ, безо всякаго стѣсненія, въ разговорѣ съ ея мужемъ, называетъ ее „бутончикомъ“ (въ первой редакціи „игрушечкой“). Въ слѣдующее свиданіе, на пикникѣ, онъ уже прямо обнимаетъ ее за талію; она даже не старается освободиться отъ него, оттолкнуть его руку. „Странное чувство испуга и удивленія, чего-то стыднаго и противъ воли желательнаго овладѣло Елизаветой Николаевной“, и только... Купринъ, напоивъ ея мужа, усадилъ ее въ свои сани, и лишь разшумѣвшійся Шумковъ не далъ ему увезти ее. Однако, купецъ на другой же день „отдаетъ визитъ“ молодымъ, привезя съ собой вина, и опять заставляетъ

своего подчиненнаго пить до потери сознанія, но въ минуту проблеска несчастный видитъ, какъ принципалъ обнимаетъ его жену и та не оказываетъ сопротивленія. Для нея и не могло быть бо́льшаго счастія, какъ увидать у себя Куприна. Обдумывая случившееся на никникѣ, она остановилась мыслью только на одномъ вопросѣ—было ли это—грубоватая выходка подгулявшаго купца, или она дѣйствительно нравится Куприну. „Неужели влюбился?“ спрашиваетъ она себя.—„Духъ заняло при одной мысли объ этомъ... То чудесное, что̀ носилось въ безпорядочныхъ дѣвическихъ мечтахъ, стало живою дѣйствительностью, близилось, надвигалось... Вотъ оно, вотъ — бриллiанты, шлейфы, кареты“... Читатель, послѣ этихъ размышленій Елизаветы Николаевны, уже угадываетъ конецъ повѣсти: она бросаетъ мужа (который съ горя умираетъ) и поселяется въ богатой квартирѣ, нанятой ей Куприпымъ. Сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, „Елизавета Николаевна, однако, скоро разобралась въ водоворотѣ новой жизни и не потерялась въ ней — она не ступила на избитую тропу „падшихъ“, прожигающихъ жизнь, ищущихъ забвенія... она по-своему *любитъ* Куприна и не измѣняетъ ему. Она даже мечтаетъ, что жена Куприна будетъ жить не вѣчно и что она когда-нибудь заступитъ ея мѣсто“.

Г. Сѣверовъ не выдвигаетъ свою героиню на первый планъ, занимаясь болѣе психологіей Шумкова и Куприна, но она остается центромъ, около котораго вращается дѣйствіе. Разсказъ написанъ вполнѣ объективно и авторъ не подчеркиваетъ своего сочувствія Шумкову, хотя оно очевидно принадлежитъ ему. Изображеніе симпатичныхъ, по своей незлобивости и честности, и въ то же время слабодушныхъ людей, невыдерживающихъ тяжести перваго несчастія, труднѣе дается беллетристамъ, чѣмъ типовъ отрицательныхъ, болѣе сильныхъ и яркихъ. И Шумковъ вышелъ у автора блѣднымъ, отчасти шаблоннымъ лицомъ, напоминающимъ несчастныхъ и добродѣтельныхъ героевъ старинныхъ повѣстей. Автору болѣе удалась крупная, крѣпкая фигура Куприна, въ особенности въ той части разсказа, гдѣ этотъ грубый человѣкъ, который все привыкъ брать за деньги, чувствуетъ, что „томитъ его не одна досада, но и еще что-то, до этого совсѣмъ не сродное ему“, теперь „сжимающее ему горло до боли и вызывающее слезы на глаза“. Авторъ только отмѣчаетъ вспышку этого чувства въ подобной натурѣ „заматерѣлой въ своей несложности“; онъ не указываетъ никакихъ болѣе глубокихъ

превращеній въ душѣ Куприна, ограничиваясь правдивымъ указаніемъ чисто физическаго дѣйствія любви на такого человѣка, выносливое существо котораго, гдѣ „казалось, все было пригнано такъ, что никакой *драмѣ* тамъ нечего было дѣлать, дрогнуло... необработанныя, растревоженныя чувства закипѣли въ немъ всѣ вдругъ. Онъ страдалъ и не могъ ни разобраться въ этомъ страданіи, ни облегчить его размышленіемъ—непривычная къ такой работѣ голова болѣла, кровь стучала въ жилахъ и натура рвалась лишь къ какой-нибудь выходкѣ темперамента". Купринъ своеобразно ищетъ выхода отъ непривычной для него душевной боли: онъ одинъ сидитъ въ трактирѣ, одинъ ѣздитъ къ Цыганамъ и умиляется ихъ пѣніемъ и т. д. Когда все устраивается такъ, какъ должно было устроиться силою вещей, тяжесть „сползаетъ съ него, какъ ночной кашмаръ", онъ перерождается и молодѣетъ. Въ результатѣ и онъ, и Елизавета Николаевна вполнѣ довольны своею жизнью; даже воспоминаніе объ ихъ жертвѣ, Шумковѣ, не смущаетъ и не тревожитъ ихъ.

Повѣсть г. Сѣверова написана въ умѣренно реалистической манерѣ. Его характеристики не ярки, но въ нихъ чувствуется правда. Онъ обращаетъ достаточно вниманія на внѣшность описываемой имъ жизни, и его дѣйствующія лица, и обстановка, въ которой они живутъ, выступаютъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ большою живостью. По бытовымъ деталямъ, по характернымъ штрихамъ своихъ описаній, авторъ заставляетъ читателя испытывать увѣренность, что все написано имъ по собственному наблюденію, и изображаемая имъ жизнь хорошо ему знакома.

Указанныя качества всего замѣтнѣе въ разсмотрѣнной нами повѣсти. Другая семейная драма, составляющая содержаніе разсказа *У домашняго очага*, разрѣшающаяся болѣе благополучно, представляетъ ихъ въ меньшей степени. Главный моментъ ея заключается въ томъ, что молодая женщина, жена молодаго человѣка, занимающаго обезпечивающую ихъ частную юридическую должность, вполнѣ довольная своею судьбой, внезапно становится жертвой грубаго насилія. Этотъ фактъ ошеломляетъ ее, и она временно подчиняется власти негодяя. Мужъ догадывается объ ихъ близости и безъ объясненій уѣзжаетъ. Несчастная женщина, однако, не теряется; она выгоняетъ виновника ея позора и пишетъ мужу откровенное признаніе. Мужъ оказывается настолько разумнымъ и сердечнымъ человѣкомъ, что съ радостью

возвращается къ ней. Въ этомъ разсказѣ уже больше разсудочности и меньше яркости въ изображеніи характеровъ и внѣшней стороны дѣйствія; здѣсь авторъ не столько рисуетъ, сколько разсказываетъ событіе.

Теплота тона и простота заставляютъ съ удовольствіемъ прочесть разсказъ *Тайна Аграфены Ильинишны*, гдѣ изображенъ уже исчезающій московскій типъ старушки-хозяйки „студенческихъ" меблированныхъ комнатъ, относящейся съ материнскимъ снисхожденіемъ къ своимъ жильцамъ. Преждевременно состарѣвшаяся отъ какого то затаеннаго горя, Аграфена Ильинишна и обстановка ея комнаты, со старинным образомъ и лампадкой, съ ковриками, салфеточками и запахомъ курительныхъ свѣчекъ, живо встаютъ въ воображеніи читателя. Тайна ея заключается въ томъ, что она скрывается отъ мужа, грубаго и буйнаго человѣка, который подъ конецъ разсказа находитъ ее. Ей удается отдѣлаться отъ него, но вскорѣ разрушается „гнѣздо" Аграфены Ильинишны: старый, деревянный домъ, гдѣ она жила, назначенъ къ сломкѣ, и ей приходится оставить его. Вслѣдъ затѣмъ она умираетъ. Этотъ разсказъ—эпилогъ житейской драмы, заставляющій глубоко задумываться надъ судьбой женщины въ купеческой средѣ, къ которой принадлежала Аграфена Ильинишна. Если такія мысли приходятъ читателю, то онѣ всего яснѣе доказываютъ, что автору удалось показать, пожалуй, и не новый, и мало замѣтный уголокъ жизни, но такой, гдѣ мы узнаемъ настоящую жизнь.

Не только бытовая и драматическая, но и философская сторона жизни останавливаютъ на себѣ вниманіе автора, какъ мы это видимъ изъ двухъ его разсказовъ: *Гдѣ правда* и *Лѣшій*. Въ обоихъ случаяхъ разсказъ ведется отъ лица изъ образованной среды, но содержаніе дается имъ народною жизнью. Въ первомъ—помѣщикъ новаго типа, недавно, но удачно устроившійся въ усадьбѣ, разсказываетъ, какъ ему сперва не давалось согласіе съ сосѣдями-крестьянами, но отношенія съ ними измѣнились въ самомъ лучшемъ смыслѣ послѣ того, какъ ему пришлось сдѣлаться невольнымъ свидѣтелемъ самосуда крестьянъ надъ ихъ односельчаниномъ, котораго они ненавидѣли за наушничество и подслуживаніе начальству. Послѣ описанія ужаснаго впечатлѣнія убійства, онъ прибавляетъ: „О многомъ пришлось мнѣ подумать тогда,—и мое „личное благо", повѣрьте, не занимало меня—многое пришлось взвѣсить... пришлось признать, что не одно и

то же возиться съ научнымъ обликомъ человѣка или съ самимъ человѣкомъ — живымъ, борющимся, скорбящимъ, недоумѣвающимъ... Я понялъ тогда, что для культурной дѣятельности у насъ надобно много ума и еще больше сердца"... Послѣ того, какъ дознаніе ничего не раскрыло и судъ оправдалъ настоящаго зачинщика убійства, старосту Ефрема, тотъ пришелъ къ разскащику съ поклономъ отъ „всего міра" и съ обѣщаніемъ вѣрно служить ему за то, что онъ постигъ „ихъ правду", сжалился надъ ними, не обмолвился ни однимъ словомъ о страшномъ дѣлѣ, которое совершилось на его глазахъ. Добавивъ, что Ефремъ ушелъ послѣ того на Аѳонъ, разскащикъ заканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ: „Вотъ какъ разщепала жизнь абсолютную ту правду: на житейскую, русскую нашу, да еще чисто деревенскую... Разберитесь-ка во всемъ этомъ—да безъ лукавства, по чистой совѣсти, „душевно", и скажите: гдѣ настоящая-то правда?"

Въ другомъ разсказѣ *Лѣшій* выведенъ представитель крестьянской правды, бывшій волостной старшина Прокопъ, уже разорвавшій съ родною деревней, послѣ неудачныхъ усилій водворить въ ней правду и поселившійся съ сыномъ и внукомъ въ лѣсу, вдали отъ людей. Разсказъ ведется отъ лица автора и рисуетъ намъ только одну, непродолжительную бесѣду его съ Прокопомъ. Фигура старика, для котораго служба міру „свѣтомъ сіяла", который забывалъ для нея свои заботы, не можетъ не вызывать къ себѣ сочувствія, но въ томъ видѣ, въ какомъ Прокопъ изображенъ авторомъ, то-есть уже стоящимъ внѣ своей дѣятельности, онъ производитъ не достаточно опредѣленное впечатлѣніе.

Неполнотой изображенія главнаго женскаго лица страдаетъ и повѣсть *Не судьба*, гдѣ является сперва студентъ-медикъ, а впослѣдствіи—докторъ Лаврушинъ, неумѣющій оцѣнить симпатичной женской натуры, въ лицѣ дѣвушки, которой давалъ уроки и которая полюбила его. Отчасти по легкомыслію, отчасти изъ эгоизма, онъ не продолжаетъ знакомства съ ней и теряетъ ее изъ виду. Внѣшняя сторона его жизни устраивается хорошо: онъ остается въ Москвѣ, пріобрѣтаетъ большую практику, но жениться ему не удается и онъ тяготится одиночествомъ. Въ послѣдній разъ онъ встрѣчаетъ дѣвушку, которую не забывалъ, уже на ея смертномъ одрѣ. Недостатокъ этой повѣсти заключается въ томъ, что авторъ подробно останавливается на исторіи довольно заурядного доктора и оставляетъ въ тѣни болѣе интересную дѣвушку, лишь мелькомъ показывая ее читателю.

Остальные разсказы г. Сѣверова, находящіеся въ его сборникѣ, должны быть отнесены къ числу „набросковъ“, о которыхъ упоминается въ заглавіи книги. Они представляютъ собою характеристики нѣсколькихъ провинціальныхъ типовъ выдвинутыхъ хищническою стороной современной жизни. Исключеніе составляетъ послѣдній изъ очерковъ *(Фаталистъ)*, рисующій не совсѣмъ ясный обликъ юнкера Казимірова, неудовлетвореннаго судьбой и ищущаго „цѣли въ жизни“, это исканіе, впрочемъ, высказывается только въ его разговорахъ и прерывается тѣмъ, что Казимірова заподозрѣваютъ въ мелкой кражѣ, и онъ дѣлаетъ попытку застрѣлиться; выздоровѣвъ, онъ исчезаетъ. Всѣ четыре очерка, озаглавленные общимъ названіемъ *Новыя птицы*, дѣйствительно, кажутся черновыми набросками. Интереснѣе по содержанію и законченнѣе по обработкѣ послѣдній разсказъ книги *Родныя тѣни*, изображающій колонію русскихъ контистовъ въ Парижѣ, видимо не задающійся художественными цѣлями и сообщающій любопытныя фактическія данныя объ одной изъ метаморфозъ нашихъ соотечественниковъ за границей.

Подводя итоги тому, что̀ мы сказали о г. Сѣверовѣ, мы повторимъ, что его книга оставляетъ впечатлѣніе простаго, правдиваго разсказа изъ запасовъ личныхъ ощущеній и наблюденій автора. Впечатлѣніе не можетъ быть названо сильнымъ, но оно и не забывается: искренность и правдивость дѣлаютъ свое дѣло и читатель, ознакомившійся съ разсказами г. Сѣверова, встрѣтивъ его подпись съ интересомъ, остановится на его новомъ произведеніи: онъ будетъ искать въ немъ изображенія дѣйствительной жизни, не искаженнаго и не прикрашеннаго, и, вѣроятно, въ большей или меньшей обработкѣ, найдетъ его.

III.

Бо́льшую отдѣлку формы, но меньшую глубину содержанія мы видимъ въ разсказахъ и очеркахъ г. Осташева. Почти всѣ они представляютъ собою бытовыя картинки, сцены, разыгрывающіяся въ спокойномъ темпѣ между двумя или тремя лицами. Всего болѣе движенія, хотя и совершающагося лишь въ душѣ главнаго дѣйствующаго лица, мы находимъ въ разсказѣ, озаглавленномъ *Сонъ*, съ подзаглавіемъ *Исповѣдь*. Содержаніе его лежитъ въ своеобразномъ психологическомъ процессѣ, происходящемъ

въ душевной сферѣ мужа, измѣнявшаго до тѣхъ поръ женѣ и привыкшаго относиться къ ней сухо и равнодушно. Случайно приснившійся, нисколько не объясняемый дѣйствительностью, сонъ, будто его жену цѣлуетъ какой-то незнакомый молодой человѣкъ, вдругъ выводитъ его изъ равновѣсія и вызываетъ въ немъ чувство неосновательной ревности къ женѣ. Сознавая свою вину предъ ней, вспоминая, что года два онъ вовсе не интересовался ею и ея душевнымъ состояніемъ, онъ допускаетъ возможность, что жена его, дѣйствительно, могла кѣмъ-нибудь увлечься, и старается выпытать отъ нея правду. Убѣждаясь, что его подозрѣнія не справедливы, онъ въ то же время пристальнѣе прежняго всматривается въ свою жену и замѣчаетъ, что она „сдѣлалась интересна". Съ этой минуты въ немъ пробуждается безпредметная ревность, чувство, въ основѣ котораго всегда лежитъ оскорбленная любовь. Подозрѣніе его все-таки останавливается на одномъ адвокатѣ, который, какъ ему казалось, особенно внимателенъ къ его женѣ, и онъ нарочно устраиваетъ для нихъ tête-à-tête. Вернувшись домой, онъ узнаетъ, что гостя давно уже нѣтъ, и застаетъ жену совершенно спокойною. Тогда онъ признается ей въ любви, съ неожиданною силой вспыхнувшею въ немъ, но выслушиваетъ отъ нея безнадежный отвѣтъ: способность любить въ ней убита, чувство это стало такъ „чуждо, незаманчиво для нея", что она сомнѣвается, „чтобъ оно явилось къ кому бы то ни было". Холодность жены, однако, не погасила его чувства. Въ эпилогѣ повѣсти, чрезъ годъ послѣ этой сцены, онъ разсказываетъ, что попрежнему „тревожно влюбленъ" въ жену, которая „совсѣмъ не любитъ" его и дѣлаетъ съ нимъ все что̀ захочетъ: тѣмъ не менѣе, онъ счастливъ.

Мы привели подробно содержаніе этого разсказа, чтобы читатель могъ замѣтить нѣкоторую изысканность, даже искусственность его. Если мы примемъ во вниманіе, что герой разсказа—исповѣди—офицеръ, состоящій на службѣ, ведущій свѣтскую, веселую жизнь и, повидимому, обладающій вполнѣ крѣпкими, нормально настроенными нервами, то намъ трудно отдѣлаться отъ сомнѣнія, что исходная точка разсказа вѣрна дѣйствительности, что простое сновидѣніе, не имѣющее ничего общаго съ настоящимъ жизненнымъ положеніемъ, могло въ такой степени потрясти разсказчика, дать толчекъ новому чувству и измѣнить все направленіе его жизни. Возможно, что любовь къ женѣ таилась въ его безсознательной сферѣ, но въ такомъ случаѣ, едва ли

противуположныя теченія, отдалявшія его отъ жены, такъ легко уступили бы новому. Подобный тонкій душевный процессъ нельзя отрицать безусловно, но онъ не можетъ быть доступенъ каждому, и, приписывая его извѣстному лицу, автору слѣдовало бы глубже ввести насъ въ его душевный міръ, ближе познакомить со сферой его чувства. Иначе, изображеніе не временной вспышки, а цѣлаго внутренняго переворота, какъ послѣдствія сна, всегда покажется недостаточно мотивированнымъ и даже рискованнымъ.

Отвлекаясь отъ недостаточно разработанной психологической основы разсказа, мы должны отмѣтить искусство автора въ передачѣ мелкихъ ощущеній и впечатлѣній, составляющихъ нашу внѣшнюю жизнь. Онъ заставляетъ переживать насъ волненіе дѣйствующаго лица послѣ непріятнаго сна, разочарованіе, когда жена его оказывается внѣ всякихъ подозрѣній, привлекательность того мѣста ея шеи, которое ему неудержимо хочется поцѣловать, красоту миловидной, вполнѣ развившейся женщины, воображаемыя, но тѣмъ не менѣе жестокія мученія ревности, чувство покоя и уютности въ комнатѣ жены, играющей съ ребенкомъ, удовольствіе возвращенія домой послѣ безсмысленнаго скитанія по Москвѣ въ дурную погоду, восхищеніе женой, которую онъ видитъ въ новомъ свѣтѣ и т. д. Литературный пріемъ г. Осташева отчасти напоминаетъ пріемъ новыхъ французскихъ романистовъ, хотя прямаго заимствованія у кого-либо изъ нихъ мы не замѣчаемъ: это—скорѣе безсознательное подражаніе ихъ манерѣ, которая, впрочемъ, у насъ усвоена многими писателями. Сама по себѣ эта манера, если она переработана по своему, индивидуализирована писателемъ, вслѣдствіе своей яркости и выразительности, имѣетъ въ нашихъ глазахъ несомнѣнное преимущество предъ тусклою, сѣроватою манерой нашихъ тенденціозныхъ беллетристовъ, но въ ней заключается опасность, которой слѣдуетъ избѣгать: это—простыя, образныя выраженія, сдѣлавшіяся шаблонными отъ частаго повторенія. Г. Осташевъ рѣдко обнаруживаетъ такой недостатокъ, но и у него мы встрѣчаемъ фразы, въ родѣ: „острая жалость внезапно охватила его“, „отъ каждой вещи вѣяло скукой“ и т. п. Мы такъ часто читаемъ эти метафоры, что ихъ пора бы уже ставить въ ковычкахъ, то-есть сознаваться въ ихъ заимствованіи.

Тонкостью и характеромъ отдѣлки, подобными указаннымъ выше, отличаются и другіе очерки того же автора. Въ разсказѣ *Осенью* онъ вводитъ насъ въ одинокую квартиру когда-то

крупнаго чиновника, доживающаго въ уединеніи Царскаго Села свой вѣтъ „отъ плодовъ имъ посѣянныхъ“, то-есть на пенсію и аренду. Онъ принимаетъ у себя стараго товарища, живущаго въ деревнѣ въ семьѣ дочери, вполнѣ довольнаго и всѣмъ своимъ прошлымъ, и настоящимъ, хотя въ его жизни и былъ періодъ, когда онъ жилъ врознь съ женой. Послѣ школьныхъ воспоминаній, разговоръ заходитъ у нихъ о женитьбѣ. Старый холостякъ объясняетъ, почему онъ не женился, оправдываясь примѣрами множества неудачныхъ браковъ, какіе ему приходилось видѣть и, между прочимъ, брака своего пріятеля. Тотъ горячо защищаетъ себя и, въ жару разговора, нехотя, наноситъ другу ударъ въ больное мѣсто его души. „Я буду умирать, говорилъ онъ,—глаза мои закроетъ любящая рука... а у одра (твоей) смерти чужіе ходить будутъ; послѣдній взглядъ твоихъ потухающихъ глазъ обращенъ будетъ на наемщика... и помянуть-то тебя некому будетъ.“ Онъ самъ пугается потомъ дѣйствія своихъ словъ: его товарищъ почти мертвѣетъ отъ нихъ. И послѣ отъѣзда пріятеля, не выдерживающаго старческой скуки, проникающей всю красивую съ виду квартиру, старый сановникъ долго „ходилъ и по временамъ тихо вздыхалъ. Въ головѣ его медленно двигались мысли, такія же сѣрыя, безпросвѣтныя, такія же безотрадныя, какъ тучи въ позднюю осень...“ Онъ пробуетъ заняться своими записками, но и это не удается ему. „Опять безпросвѣтная скука, скука заброшенной старости стала овладѣвать имъ. Казалось, что кругомъ него, по всей комнатѣ, густымъ облакомъ, какъ туманъ, стояла эта скука, и тоска все больше и больше пронизывала собою несчастнаго старика... Жизнь,—гдѣ ты? тихо простоналъ онъ и слегка заколыхался... А на дворѣ все также монотонно нылъ осенній дождикъ!..“

Такимъ унылымъ аккордомъ заканчиваетъ авторъ свою изящно написанную жанровую картинку. Какъ pedant къ ней, можно указать другой, болѣе мелкій этюдъ—*Грачи*. Мы видимъ тамъ такого же одинокаго старика—генерала, доживающаго вѣкъ въ заброшенной усадьбѣ. У него были и жена, и сынъ, но первая умерла, а второй „оказался замѣшаннымъ въ очень нехорошую исторію, былъ судимъ и сосланъ на поселеніе въ Тобольскую губернію? Старикъ отказался отъ него и считаетъ, что у него нѣтъ болѣе сына. Разсказъ изображаетъ утро дня имянинъ погибшаго „Ларюши“. Напрасно старый слуга приглашаетъ священника отслужить молебенъ: генералъ не принимаетъ его. Онъ

бродитъ по саду до усталости и, вернувшись въ комнаты, пробуетъ читать. И это ему не удается. Онъ не можетъ удержаться отъ рыданій и, за неимѣніемъ живаго человѣка, съ которымъ могъ бы подѣлиться горемъ, бросается на колѣни предъ портретомъ обожаемаго имъ государя и проситъ прощенія за свою слабость.

Болѣе живые, современные мотивы, даже съ нѣкоторою обличительною стрункой, выступаютъ въ разсказахъ *И на старуху—проруха* и *Докторъ Аронсонъ*. Въ первомъ изображенъ карьеристъ изъ остзейскихъ бароновъ, который, въ откровенной бесѣдѣ съ братомъ, высказываетъ надежды на будущую неизбѣжную германизацію Россіи. Онъ хлопочетъ для себя о мѣстѣ вице-губернатора, но, представляясь начальнику, отъ котораго зависитъ назначеніе, нѣсколько зарывается, прося объ опредѣленіи его въ „gouvernement de Pleskau". Въ этомъ нѣмецкомъ искаженіи имени Пскова сановникъ видитъ „излишнюю откровенность" и находитъ барона „неудобнымъ по нынѣшнему времени". Несмотря на типичный разговоръ двухъ братьевъ, разсказъ кажется лишь анекдотомъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Докторъ Аронсонъ, въ разсказѣ того же имени,—достаточно шаблонный Еврей, занимающійся не только медицинскою практикой, но и коммиссіонерствомъ, въ родѣ доставленія практики адвокатамъ, выхлопатыванія видовъ Евреямъ, лишеннымъ права жительства въ Петербургѣ и т. п. Трудно вѣрить, чтобы такой беззастѣнчивый Еврей могъ быть моднымъ докторомъ и даже домашнимъ врачемъ у министровъ. Для читателя остается необъяснимымъ, зачѣмъ молодой человѣкъ, Русскій, съ твердыми патріотическими взглядами, вводится авторомъ въ еврейскую семью доктора Аронсона, гдѣ ему приходится выслушивать грубости Еврейки, пріѣхавшей изъ Вильны, банальныя любезности хозяйки, говорящей съ сильнымъ акцентомъ, и разсужденія адвоката о пользѣ, приносимой Евреями Россіи. Разсказъ круто обрывается, оставляя въ полномъ недоумѣніи читателя, ожидавшаго, судя по другимъ произведеніямъ г. Осташева, и отъ этого этюда большей содержательности и новизны.

Два названные разсказа позволяютъ намъ заключить, что сатирическій или обличительный родъ всего менѣе удается г. Осташеву. Тамъ, гдѣ онъ возвращается къ психологическимъ мотивамъ, хотя бы и своеобразнымъ, онъ всегда даетъ нѣчто, болѣе возбуждающее интересъ. Такъ въ разсказѣ *Ноктюрнъ Шопена*

онъ рисуетъ горе матери, потерявшей младшую дочь, дѣвочку лѣтъ шести-семи, и думающей только о томъ, чтобы соединиться съ ней, хотя у нея есть еще дочь и мужъ. Она больна, но скрываетъ намѣренно свою болѣзнь; оставаясь одна, она смотритъ на портретъ умершей дѣвочки, доводя себя до галлюцинацій. Ей этого мало: она хочетъ войти съ ней въ общеніе медіумическимъ путемъ и проситъ брата помочь ей. Однако, тяжелое напряженіе разрѣшается у нея, когда, играя ноктюрнъ, она чувствуетъ въ себѣ новую жизнь... Конецъ не совсѣмъ новъ, но изображеніе душевнаго состоянія несчастной матери во многихъ мѣстахъ искренно трогаетъ читателя.

Историческій разсказъ *Стрѣлецкое Утро*, даетъ болѣе выгодное понятіе о способности г. Осташева къ изображенію психологическихъ моментовъ, убѣждая насъ, что болѣе слабое развитіе внутренней жизни дѣйствующихъ лицъ сравнительно съ ихъ внѣшнею жизнью не является неизбѣжнымъ для автора. Въ названномъ разсказѣ, рисующемъ участь одного изъ участниковъ стрѣлецкаго бунта при Петрѣ, ночь приговореннаго къ смерти молодаго стрѣльца наканунѣ казни, написана съ большою силой и изобразительностью. На этотъ разъ авторъ заставляетъ читателя переживать вмѣстѣ съ его героемъ ужасъ приближающейся роковой минуты, усиливаемый неизбѣжностью разлуки съ горячо любимою женой. Душевный ропотъ противъ суроваго приговора, мука ожиданія, тоскливый страхъ, что тьма уже замѣнилась свѣтомъ утра, сожалѣніе о молодой жизни, вспышка страстной любви къ женѣ, послѣдній моментъ изступленія, когда стрѣлецъ убиваетъ жену, чтобъ она не досталась никому другому—все это производитъ сильное впечатлѣніе.

Кромѣ перечисленныхъ нами, въ сборникѣ помѣщенъ очеркъ *На рудникѣ*, изображающій пріѣздъ молодаго инженера на каменноугольныя копи въ Южной Россіи и типы служащихъ тамъ лицъ. Все это вставленно въ описаніе перваго дня его пріѣзда, когда онъ спускается въ шахты и потомъ ужинаетъ у главнаго инженера вмѣстѣ съ его сослуживцами. Въ очеркахъ мы встрѣчаемъ довольно живыя изображенія и копей, и обстановки инженера, и его гостей. Четыре этюда *Изъ минувшей войны* рисуютъ нѣсколько военныхъ картинъ и типовъ, русскихъ и болгарскихъ.

Изъ того, что̀ мы уже сказали о разсказахъ г. Осташева въ отдѣльности, легко сдѣлать общее заключеніе о нихъ. Въ нихъ

разсѣяно много чертъ, говорящихъ о даровитости автора, выражающейся въ искусствѣ описанія, въ реалистической способности переносить читателя въ атмосферу изображаемой жизни, въ выборѣ тонкихъ, по большей части оригинальныхъ сюжетовъ и умѣньи обработать нѣкоторые изъ нихъ съ достаточною силой. Но мы не можемъ не замѣтить, что произведенія г. Осташева не всѣ и не въ одинаковой степени совмѣщаютъ отмѣченныя нами свойства его дарованія. Незначительность содержанія большинства ихъ, вмѣстѣ съ тонкостью внѣшней отдѣлки, придаютъ имъ характеръ изящныхъ альбомныхъ рисунковъ, нарисованныхъ умѣлою рукой, но рукой не профессіональнаго художника, а любителя. Читая разсказы г. Осташева, все кажется, что онъ могъ бы сдѣлать больше, чѣмъ дѣлаетъ въ дѣйствительности, что онъ рисуетъ ради удовольствія рисовать, не заботясь о значеніи своего рисунка. Мы хотѣли бы видѣть болѣе крупную работу г. Осташева, въ которомъ глубина содержанія соотвѣтствовала бы обработкѣ формы, въ которомъ отразились бы всѣ стороны его таланта. Это дало бы намъ возможность точнѣе судить объ его размѣрахъ и характерѣ.

IV.

Г-жа Безродная, въ своихъ повѣстяхъ, этюдахъ и сказкахъ, которымъ она даетъ общее названіе *Офорты*, выказываетъ особенности, какихъ мы не встрѣчали въ произведеніяхъ разсмотрѣнныхъ выше писателей. Она отличается отъ нихъ уже тѣмъ, что во всей своей книгѣ выдерживаетъ одинъ и тотъ же мрачный, почти безотрадный колоритъ. Предъ нами проходитъ цѣлая галлерея озлобленныхъ или тупыхъ людей, заставляющихъ страдать другихъ. По крайней мѣрѣ, у русскихъ писателей рѣдко можно найти такой однообразный пессимистическій взглядъ на человѣческую природу или, вѣрнѣе, такое явное предпочтеніе тяжелымъ отталкивающимъ сюжетамъ, какое мы видимъ у г-жи Безродной.

Ее по преимуществу занимаетъ изученіе характеровъ, чего мы не могли сказать ни объ одномъ изъ предыдущихъ авторовъ, но останавливается она исключительно на характерахъ эгоистически-безчувственныхъ или безсмысленно злыхъ. Такія лица занимаютъ центральное положеніе въ ея разсказахъ: другія, съ болѣе

человѣческими свойствами, подавлены ими или безъ борьбы уступаютъ имъ. Эти послѣднія и сами по себѣ безцвѣтнѣе, и отдѣланы менѣе тщательно, чѣмъ первыя. Отъ такого преобладанія темныхъ фигуръ общее впечатлѣніе отъ произведеній г-жи Безродной оказывается крайне тяжелымъ.

И по отдѣлкѣ главнаго лица, и по размѣрамъ впереди другихъ должна быть поставлена повѣсть *Руина*. Центральная фигура ея—Андрей Макаровичъ Сѣкира, отставной сановникъ, когда-то баловень судьбы, поднявшійся до высокаго положенія изъ бѣдной малороссійской семьи, а теперь всѣми забытый, потерявшій значительную часть своего состоянія и несчастный отецъ, потому что у его единственной незамужней дочери есть ребенокъ; у него есть еще и сынъ, но незаконный, происхожденіе котораго онъ скрывалъ и которымъ тяготился. Изъ объясненій автора не легко понять—всегда ли Сѣкира былъ такимъ или озлобился вслѣдствіе обрушившихся на него несчастій. Во всякомъ случаѣ, для насъ остается неяснымъ, что̀ въ немъ осталось и что̀ исчезло послѣ ряда перенесенныхъ имъ катастрофъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ показываетъ его намъ, мы находимъ крайне ограниченнаго старика, ведущаго какіе-то подкопы противъ своего преемника (что̀ едва ли мыслимо въ дѣйствительности) и причиняющаго мелкія непріятности всѣмъ близкимъ и окружающимъ его. Въ длинномъ разговорѣ съ дочерью, которымъ открывается повѣсть, онъ насмѣхается надъ ней и надъ чувствомъ къ ребенку, требуетъ, чтобъ она выходила замужъ, и когда она проговаривается ему, что хочетъ ѣхать къ человѣку, котораго любитъ, и уже собрала деньги на эту поѣздку, онъ видимо затаиваетъ мысль не допустить поѣздки, похитивъ деньги. Въ отсутствіе дочери, онъ занимается раскладываніемъ пасьянса или, вѣрнѣе, гаданьемъ на картахъ, потому что удачѣ или неудачѣ пасьянса придаетъ значеніе предсказанія. Пока дочь находится у больнаго ребенка, живущаго у акушерки, такъ какъ отецъ не позволяетъ его держать при себѣ, старикъ пробирается въ комнату дочери и крадетъ ея деньги. Ребенокъ умираетъ въ ту же ночь. Между тѣмъ, старикъ приказалъ запереть ворота и не впускать дочь, если она вернется поздно; несчастная женщина вынуждена перелѣзть черезъ ворота, чтобы попасть къ себѣ. Подъ утро и она сама умираетъ, нечаянно отравившись морфіемъ, который клала на больной зубъ. Неожиданная бѣда только въ первыя минуты вызываетъ слезы у старика; вскорѣ онъ уже

бранится съ акушеркой, которая приходитъ за деньгами на похороны ребенка, производитъ такое впечатлѣніе на домашняго доктора, что тотъ отказывается дать ему совѣтъ и бѣжитъ отъ него, ругается и торгуется съ гробовщикомъ, развлекается распоряженіями о похоронахъ, раскладываетъ пасьянсы, даже собирается кататься съ пожилою Швейцаркой, исправлявшею при немъ обязанность чтицы, и, услыхавъ рыданія сына надъ тѣломъ сестры, выходитъ изъ себя, кричитъ на юношу и тутъ же объявляетъ ему тайну его рожденія, которая до тѣхъ поръ оставалась отъ него скрытою. Сынъ уѣзжаетъ въ одинъ изъ прусскихъ городовъ, гдѣ прежде служилъ приказчикомъ въ магазинѣ, и отецъ не удерживаетъ его. Оставшись одинъ, старикъ приглашаетъ завѣдывать хозяйствомъ Швейцарку, и, въ душѣ уважая ее, какъ честную и преданную ему дѣвушку, издѣвается надъ ней, заставляя ее читать ему вслухъ неприличные французскіе романы. Злоба его продолжаетъ изливаться на домашнихъ, даже на гостей и доводитъ его до апоплексическаго удара. Докторъ спасаетъ его отъ смерти и отправляетъ за границу. Онъ беретъ съ собой Швейцарку, но, войдя въ купэ перваго класса, объявляетъ ей, что она должна ѣхать во второмъ. Обиженная Швейцарка отказывается ѣхать, и Сѣкира уѣзжаетъ одинъ. Почувствовавъ себя дурно еще въ предѣлахъ Россіи, онъ останавливается въ польскомъ городкѣ и выписываетъ Швейцарку. Послѣднее время его занимаютъ только деньги, и теперь онъ лишь о нихъ и думаетъ. Почти обезумѣвъ, онъ собираетъ всякій хламъ подъ подушку и въ предсмертныя минуты сжигаетъ его въ печкѣ, воображая, что это—деньги, и желая, чтобъ онѣ никому не достались.

Прочитавъ тяжелый, мучительный разсказъ, содержаніе котораго мы передали въ его главныхъ чертахъ, мы испытываемъ недоумѣніе—для чего авторъ заставлялъ насъ такъ долго присутствовать при всѣхъ взрывахъ безпричинной злобы, при всѣхъ судорогахъ полубезумнаго старика? Предметомъ художественнаго изображенія можетъ быть любой характеръ, даже самый отталкивающій, всякое душевное превращеніе человѣка, хотя бы и вполнѣ уродливое въ нравственномъ смыслѣ. Но авторъ долженъ намъ выяснить характеръ своего лица, долженъ дать къ нему ключъ. Такъ поступаетъ Гоголь, изображая Плюшкина, Бальзакъ, рисуя старика Гранде, Достоевскій — Карамазова-отца, Диккенсъ — Юрайю Гиппа (въ *Коперфильдѣ*) и т. п. Мы

понимаемъ этихъ лицъ, мы знаемъ, почему они таковы. Но въ жестокомъ характерѣ Сѣкиры, нарисованномъ г-жой Безродной, для насъ остается непонятнымъ—какимъ образомъ сложился такой безполезно жестокій, такой удручающій себя и другихъ характеръ? Авторъ говоритъ намъ только, что „прежде.. не замѣчалось ни на лицѣ Сѣкиры, ни въ его манерахъ и тѣни чего-нибудь грубаго. Все это покоилось гдѣ-то глубоко на днѣ души, прикрытое сознаніемъ важности положенія и веселымъ бюрократическимъ лоскомъ, который благосклонно сіялъ на его розовомъ лицѣ. Теперь эта грубость выступила явственно, будто грязь изъ-подъ стаявшаго снѣга, и сквозила всегда въ каждомъ движеніи генерала, въ его голосѣ, въ улыбкѣ“. Но грубость не есть еще злость, жестокость, наслажденіе въ истязаніи другихъ, выказываемыя Сѣкирой. Не отъ однѣхъ постигшихъ его неудачъ и несчастій онъ сталъ такимъ: онъ самъ вспоминаетъ, что для удаленія его со службы „воспользовались въ министерствѣ его необузданною безалаберностью, его нетерпѣливою дерзостью“; другими словами, онъ и прежде былъ такимъ же, какимъ мы его застаемъ въ старости. Куда же дѣвались, однако, его умъ и характеръ, его умѣнье заставлять уважать и цѣнить себя—свойства, необходимыя, чтобъ изъ незамѣтнаго положенія достигнуть положенія сановника, какое, по словамъ автора, занималъ Сѣкира? Если время уничтожило безъ слѣда эти свойства и изсушило его серце до неспособности любить родныхъ дѣтей, если предъ нами оказывается дѣйствительно „руина“, человѣческое существо, искалѣченное старостью, то является вопросъ—можетъ ли такой нравственно больной субъектъ, у котораго всякая душевная чувствительность утрачена и жизненная энергія проявляется только въ порывахъ злобы и раздраженія, быть объектомъ художника? Мы склоняемся въ пользу отрицательнаго отвѣта. Еслибы Сѣкира обладалъ всѣми своими душевными силами или представлялъ бы примѣръ крайняго развитія одной способности въ ущербъ другимъ (бережливости у Плюшкина и у Гранде, сладострастія у Карамазова и т. п.), то его портретъ могъ бы вполнѣ занять собой художника, но простое умственное разслабленіе, встрѣчающееся иногда въ старческомъ возрастѣ, атрофія душевныхъ способностей—сами по себѣ едва ли поддаются художественному рисунку. Чтобъ удовлетворить нашему художественному чувству, авторъ долженъ или освѣтить подобное лицо свѣтомъ его прошлой жизни, или сохранить въ немъ человѣческія черты,

примиряющія съ нимъ, по крайней мѣрѣ, возбуждающія сожалѣніе къ нему. У г-жи Безродной мы, правда, можемъ найти попытки указать отступленія отъ однообразнаго безчувственнаго и злобнаго характера старика Сѣкиры, но эти смягчающіе штрихи теряются въ общемъ жесткомъ, темномъ колоритѣ этой фигуры. Отсутствіе свѣтлыхъ чертъ, необходимыхъ для жизненности лица, мы приписываемъ неполнотѣ художественнаго дарованія автора, недостатку свѣтотѣней въ его рисункѣ.

Наше мнѣніе подтверждается изображеніемъ Ксеніи, дочери Сѣкиры, къ которой авторъ относится сочувственно, надѣляя ее и нравственными, и наружными преимуществами. Вотъ какъ онъ рисуетъ ея портретъ, когда она, вернувшись къ себѣ послѣ смерти ребенка, видитъ свое лицо въ зеркалѣ:—„Она увидѣла въ зеркалѣ яркій румянецъ щекъ, губы, распухшія отъ частыхъ пріемовъ морфія, темные и противъ обыкновенія широко раскрытые глаза съ съуженными зрачками, въ которыхъ пламя свѣчи отражалось подобно факеламъ изъ глубины пещеры. Нечесанные волосы падали двумя волнистыми мягкими прядями на плечи, лицо свѣтилось, какъ алебастръ, освѣщенный изнутри пламенемъ, а среди лба, между тонкихъ сдвинутыхъ бровей, рѣзко темнѣла поперечная морщина глубокаго страданія.“ Положимъ, это лицо женщины, искаженное жестокою душевною и физическою болью, но все-таки были же въ немъ и другія черты, кромѣ глазъ-факеловъ, свѣта, исходящаго изнутри лица и темной морщины между бровями... Для изображенія той же красавицы, когда еще, на многолюдномъ балу, никого не было красивѣе ея, авторъ даетъ такое описаніе: „Глаза ея загорѣлись ярче изъ-подъ строгихъ рѣсницъ, а тонкое лицо, съ правильнымъ оваломъ, освѣщалось огнемъ, пылавшимъ въ ея сердцѣ“, то-есть рисуетъ тѣ же горящіе глаза и освѣщенное изнутри лицо. Въ этомъ смыслѣ его рисунки, дѣйствительно, офорты, но съ самымъ темнымъ колоритомъ и весьма рѣзкими тѣнями.

Отсутствіе красокъ и полутѣней въ описаніяхъ не выкупается и разработкой психологической стороны сюжета, какъ мы это могли видѣть изъ приведенной выше характеристики старика—Сѣкиры. Душевное состояніе Ксеніи изображено такъ же, какъ будто со стороны, неполно и неясно: авторъ не вводитъ насъ въ ея внутренній міръ, не заставляетъ переживать то, что̀ она переживаетъ, а разсказываетъ то, что̀ дѣлается въ ея душѣ, какъ свидѣтель, какъ посторонній наблюдатель. Изо всѣхъ воспоминаній Ксеніи,

съ которыми знакомитъ насъ авторъ, мы узнаемъ только, что она любила какого-то женатаго человѣка, который былъ отправленъ въ ссылку на дальній сѣверъ; изъ разговоровъ ея отца мы знаемъ, что она получила высшее образованіе и даже писала о пауперизмѣ; изъ ея размышленій надъ колыбелью умирающаго ребенка, мы видимъ, что она жестоко винитъ себя за то, что „оставила его на рукахъ чужой изъ-за своихъ разсчетовъ". Но такія размышленія и воспоминанія могли бы быть у множества женщинъ, и они не даютъ намъ чувствовать Ксенію, какъ данную, опредѣленную личность. Чтобы сдѣлать такой шагъ, какъ она, отдавшись любимому человѣку, для дочери генерала Сѣкиры нужна была или недюжинная смѣлость, или большая страстность натуры. Между тѣмъ, у Ксеніи, какую показываетъ намъ авторъ, нѣтъ ни того, ни другаго. Она не умѣетъ взять верхъ надъ отцомъ, что̀ было бы не трудно въ виду его одиночества и умственной разслабленности; имѣя средства жить отдѣльно съ ребенкомъ, она держитъ его у акушерки, и только ведетъ съ отцомъ какіе-то утомительные, безцѣльные разговоры, хотя мы можемъ видѣть ее и въ прошломъ, и въ настоящемъ, предъ нами она страдаетъ у смертнаго одра своего ребенка и, наконецъ, умираетъ, но въ нашемъ представленіи все-таки не слагается опредѣленнаго образа.

Недостатокъ живой изобразительности, сказывающійся въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, усиливается еще тяжелымъ книжнымъ языкомъ, какимъ написаны діалоги, разговорныя мѣста повѣсти. Для примѣра достаточно привести следующій отрывокъ изъ бесѣды между отцомъ и дочерью:

„— Ахъ, папа, я такъ рада! Онъ (братъ) выдержитъ экзаменъ, поступитъ въ технологическій и успокоитъ свое самолюбіе, когда увидитъ себя такимъ же, какимъ и всѣ другіе. А когда онъ возмужаетъ, разовьется,—то открытіе его происхожденія уже не уничтожитъ его такъ, какъ могло бы уничтожить его теперь. И потомъ, я все надѣюсь, что вы его усыновите."

„— Зачѣмъ онъ мнѣ? (отвѣчаетъ генералъ). Такое великодушіе теперь бы мнѣ только повредило. Разъ на кого-нибудь начали смотрѣть косо, — всѣ поступки такого горемыки представятся въ искаженномъ видѣ, и благородство мое послужитъ только поводомъ къ клеветѣ и къ обвиненію въ попраніи семейныхъ узъ", и т. д. Такая наивная, нескладная форма рѣчи рѣдко уже встрѣчается въ современной беллетристикѣ.

Другой типъ новѣйшаго Апеманта г-жа Безродная показываетъ намъ въ эскизѣ *Столкновеніе*. Это также старый эгоистъ, носящій маску благочестія, но, по отзыву сына, онъ „только о себѣ умѣетъ молиться, о другихъ же никогда не вспомянетъ“, и „отъ него всѣ терпятъ, такой онъ суровый и придирчивый“. Старикъ пріѣзжаетъ на свиданіе съ сыномъ, моднымъ живописцемъ, зарабатывающимъ большія деньги картинами съ нагими женскими фигурами. И сынъ такъ же мало внушаетъ сочувствія, какъ и отецъ; какъ говоритъ о немъ авторъ: „молодой, богатый, исполненный силъ и вѣры въ себя, онъ не нуждался пока въ сочувствіи; онъ эгоистично закрылъ отъ ближнихъ свое сердце, не предвидя, какъ трудно будетъ этому сердцу переносить одинокимъ могущее внезапно нагрянуть горе“. Добродушная дѣвушка, позирующая въ качествѣ модели для его картинъ, такъ разсуждаетъ о немъ: „никогда ему не удастся написать ничего хорошаго; онъ сухой и сердце у него скаредное“. Старикъ почти силой врывается къ сыну въ то время, какъ тотъ пишетъ съ натурщицы. Происходитъ грубая, возмутительная сцена, въ которой отецъ громитъ сына и называетъ его развратителемъ, а сынъ смѣется надъ ханжествомъ отца. Затѣмъ они расходятся и, въ заключеніе, мы узнаемъ, что старикъ, умирая, прощаетъ сына. Трудно понять, какую цѣль ставилъ себѣ авторъ въ этомъ противухудожественномъ эпизодѣ, что̀ онъ хотѣлъ сказать сопоставленіемъ двухъ бездушныхъ, антипатичныхъ характеровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, характеръ отца болѣе заслуживаетъ симпатіи, потому что онъ былъ человѣкъ мало образованный, одинокій старикъ, все заботившійся о своей душѣ и сумѣвшій простить дурному сыну. А сынъ, „богатѣвшій и наслаждавшійся жизнью“, даже и не подумалъ объ отцѣ или думалъ о немъ лишь „съ точки зрѣнія натуры“.

Мы не останавливаемся на двухъ остальныхъ повѣстяхъ г-жи Безродной *Тихій Омутъ* и *Бабушка*. Въ обѣихъ авторъ вводитъ насъ въ среду низменныхъ, тупыхъ людей, занятыхъ только удовлетвореніемъ чисто животныхъ инстинктовъ и хладнокровно эксплуатирующихъ всѣхъ, кто подпадаетъ ихъ власти.

Менѣе безотрадное впечатлѣніе производятъ двѣ сказки г-жи Безродной — *Принцесса Кизметъ* и *Лоренцино Джиберти*. Мы не знаемъ составляютъ ли та и другая — плодъ творчества автора или заимствованы имъ изъ какого-либо источника, но въ особенности послѣдняя разсказана соотвѣтственнымъ языкомъ,

какимъ у насъ излагаютъ легенды, привлекающія къ себѣ за послѣдніе годы многихъ нашихъ беллетристовъ. Распространеніе сказокъ и легендъ выработало для нихъ особую, частію архаическую, частію романтическую форму, воспроизведеніе которой можно считать сравнительно легкою литературною задачей, такъ какъ ею допускается и заимствованіе самого сюжета, и заимствованіе способа его обработки. Чтобы подняться на истинно художественную высоту, эти подражанія образцамъ старинной литературы должны быть проникнуты неподдѣльнымъ религіознымъ экстазомъ или поэтическимъ одушевленіемъ въ характерѣ времени, которое въ нихъ изображается. Г-жѣ Безродной не удается достигнуть этой высоты, и ея сказки остаются лишь литературно написанными фантастическими или историческими картинами.

Эти сказки наводятъ насъ на мысль, что и повѣсти ея изъ современной жизни составляютъ своего рода заимствованія. Это дурно понятый или односторонній реализмъ, примѣры котораго можно найти въ достаточномъ количествѣ въ нашей литературѣ, но который у другихъ, болѣе талантливыхъ или опытныхъ авторовъ кажется менѣе тяжелымъ и рѣзкимъ. Изъ произведеній г-жи Безродной мы можемъ заключить, что изо всѣхъ родовъ литературнаго подражанія, подражаніе ложному реализму, изображающему лишь внѣшнимъ образомъ однѣ отрицательныя стороны жизни, должно быть названо самымъ неблагодарнымъ, въ особенности, когда оно совсѣмъ лишено тепла и красокъ, какъ у названной писательницы.

Нашъ списокъ новыхъ беллетристовъ, выпустившихъ первые сборники своихъ произведеній, еще не полонъ: намъ слѣдовало бы упомянуть о гг. Свѣтловѣ и Чермномъ, но отчетъ о нихъ, за недостаткомъ мѣста, мы оставляемъ до другаго времени.

Д. Коропчевскій.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛЪ НРАВСТВЕННОСТИ.

Въ № 5.784 *Новаго Времени* помѣщена интересная статья Н. Н. Страхова „Справедливость, Милосердіе и Святость". Почтенный авторъ основательно указываетъ, что эти три этическія идеи различаются не какъ противуположныя начала, а лишь какъ ступени, изъ которыхъ высшая предполагаетъ низшую. Къ сожалѣнію, ему не удалось послѣдовательно провести эту мысль до конца. Высшая степень нравственной жизни—святость, оказывается въ его разсужденіи не полнотой и завершеніемъ правды и любви, а какимъ-то отрѣшеніемъ отъ нихъ, вслѣдствіе разочарованія въ осуществимости ихъ задачъ. Такой взглядъ связанъ съ нѣкоторыми важными вопросами, которые нашъ авторъ,—вѣроятно, вслѣдствіе краткости своей статьи,—обходитъ молчаніемъ. Между тѣмъ, предметъ имѣетъ такое важное жизненное значеніе, что крайне нежелательно оставлять его въ туманѣ. Ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Н. Страховъ, „что̀ некрѣпко у насъ въ умѣ, то не будетъ вполнѣ крѣпко и въ жизни; если мы не видимъ своихъ путей, то будемъ вѣчно съ нихъ сбиваться и понапрасну тратить силы".

Изъ трехъ ступеней нравственности особаго вниманія требуетъ третья. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Страховъ, что къ святости, какъ къ завершенію всякой нравственности, направляются всѣ тѣ дѣйствія, которыя можно назвать нравственными и лишь она одна можетъ дать имъ вполнѣ этотъ смыслъ и характеръ." Но именно вслѣдствіе этого, какъ высшій и окончательный идеалъ, какъ крайняя отдаленная цѣль нашихъ этическихъ стремленій,

святость труднѣе не только для достиженія, но и для пониманія. Справедливость и честность, доброта и милосердіе — понятія и явленія общедоступныя, всякій можетъ ознакомиться съ ними эмпирически, тогда какъ „святость, по словамъ нашего автора, обыкновенно извѣстна намъ только по слуху". [1] Между тѣмъ, истинное понятіе о ней важно имѣть съ самаго начала, ибо сознаніе верховнаго идеала, хотя бы и не достигнутаго, оказываетъ вліяніе на всю нашу нравственную жизнь, окрашивая ее въ свой цвѣтъ.

I.

Вотъ какими чертами изображаетъ святость нашъ авторъ:

„Мало быть честнымъ, мало быть добрымъ, нужно быть чистымъ, нужно быть *святымъ*. Тутъ, и только тутъ—конецъ всякаго совершенствованія, тутъ — исполненіе высокой заповѣди: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный*. Побороть въ себѣ грѣхъ, откинуть то безпокойство, тотъ стыдъ, то рабство и мученіе, въ которомъ мы живемъ, всю эту внутреннюю (а не одну внѣшнюю) бѣдственность нашей жизни—вотъ къ чему стремится тотъ, кто ищетъ святости, чему онъ учитъ честныхъ и добрыхъ людей и чѣмъ укрѣпляетъ въ нихъ ихъ честность и доброту."

И далѣе: „Итакъ, любви къ людямъ еще недостаточно ни для того, чтобы самому достигнуть покоя и свѣта, ни для того, чтобы содѣйствовать истинному благополучію другихъ. Нужно опять усилить наши требованія, нужно подняться на новую ступень нравственности. *Святость* въ томъ именно и состоитъ, что человѣкъ становится выше своихъ желаній, своей природы, и выше смерти и всякаго страданія. Это полная чистота души и полная преданность волѣ Божіей. Когда у человѣка нѣтъ своихъ желаній, нѣтъ заботы и страха, онъ смотритъ на все какъ безплотный духъ, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія *вѣчности*; тогда онъ какъ будто „вновь родится", и въ душѣ его открываются источники лучшей жизни, вполнѣ чистыхъ чувствъ и силъ. Болѣзнь, страданіе и смерть составляютъ для такого человѣка только поводъ и побужденіе подняться въ область святости, отрѣшиться

---

[1] Этому, однако, какъ-будто противорѣчатъ слѣдующія слова о той же святости: „Есть еще ступень и ступень несомнительная, открывающаяся яснѣе или темнѣе каждой христіанской душѣ".

отъ себя и отъ міра. Ищущіе святости часто съ радостью встрѣчаютъ эти поводы, и даже ищутъ всякихъ лишеній, чтобы воспитывать въ себѣ духъ чистоты."

Вотъ наконецъ заключительныя слова статьи: „Нужно быть чистыми въ своей душѣ,—тогда мы дѣйствительно и сами собою станемъ нравственными въ своихъ дѣйствіяхъ."

Все, что здѣсь говорится о высшей ступени нравственнаго совершенства, сводится къ двумъ отрицательнымъ признакамъ: чистоты и безстрастія. Соблюденіе душевной чистоты есть одно изъ необходимыхъ условій высшей нравственности, но никакъ не ея положительное содержаніе. Что касается до безстрастія, то это есть признакъ не только отрицательный, но и двусмысленный. Нравственное совершенство безъ сомнѣнія требуетъ свободы отъ низменныхъ страстей и своекорыстныхъ желаній, но требуетъ ли оно освобожденія отъ всякой страсти, отсутствія всякихъ желаній? Намъ показанъ въ Евангеліи воплощенный идеалъ совершенной святости, но такого безстрастія мы въ немъ не находимъ.

„Іисусъ же когда увидѣлъ ее плачущею и шедшихъ съ нею Іудеевъ плачущихъ, возскорбѣлъ духомъ и возмутился и сказалъ: гдѣ положили его?.... И прослезился Іисусъ"... и „опять скорбя въ себѣ вошелъ въ гробницу" (Еванг. Іоан. XI, 33—8). Развѣ это безстрастіе? Не было его и въ другихъ случаяхъ: „Нынѣ душа моя смутилась (τετάρακται); и что скажу? Отче, избавь меня отъ часа этого" (Тамъ же XII, 27). И еще: „Говоря это, Іисусъ смутился (ἐταράχθη) духомъ и засвидѣтельствовалъ и сказалъ: истинно, истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня" (тамъ же XIII, 21). Никакъ не безстрастіемъ дышатъ и слѣдующія слова: „Огонь пришелъ я бросить на землю, и какъ желаю, чтобъ онъ уже возгорѣлся; крещеніемъ долженъ я креститься, и какъ томлюсь, пока оно не совершится" (Ев. Луки, XII, 49, 50).

Можно было бы привести еще другія свидѣтельства, но достаточно и этихъ, чтобы видѣть, что безстрастіе или невозмутимость — стоическая *атараксія* — вовсе не входитъ въ христіанскій идеалъ совершенной святости.

II.

Необходимость святости въ смыслѣ безстрастія выводится г. Страховымъ изъ того, что любовь къ людямъ не можетъ быть дѣйствительно удовлетворена и доставляетъ намъ только страданія. Вотъ его разсужденіе:

„Бѣдственность человѣческаго существованія такова, что устранить ее ничто не можетъ. Мы всегда носимъ въ себѣ внутренняго врага — наши желанія, которыя вѣчно обновляются, постоянно не даютъ намъ успокоиться и часто поглощаютъ всю нашу душу. И у насъ есть внѣшній врагъ, неодолимый и неизбѣжный—смерть. Еслибы всѣ люди были проникнуты братскою любовью другъ къ другу, то страданія человѣческія, вѣроятно, не уменьшились бы, а увеличились. Теперь, когда мы живемъ эгоистами, чужія бѣдствія и мученія для насъ ничего не значатъ, и мы спокойно смотримъ, какъ смерть вокругъ насъ „коситъ жатву жизни“. Но еслибы мы чувствовали состраданіе къ несчастнымъ, еслибы истинно любили умирающихъ, то насъ не должна бы была никогда оставлять печальная и горькая дума:

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую порою ночной.

„Это не гипербола сострадательнаго поэта, это чистая истина. А чѣмъ можетъ быть утѣшенъ человѣкъ въ потерѣ близкихъ, дорогихъ людей? Эти утраты невознаградимы и неизгладимы. Тутъ можно прямо сказать, что кто больше любитъ, тотъ больше и страдаетъ. Между тѣмъ, смерть не только не возвращаетъ тѣхъ, кого взяла, но и грозитъ каждому изъ живущихъ съ нами. И слѣдовательно, кто больше любитъ, тотъ подъ бо̀льшимъ страхомъ и живетъ. Пушкинъ, вспоминая объ умершихъ друзьяхъ, говоритъ:

И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.

„Этотъ „духъ смерти“ ходитъ среди насъ постоянно, онъ непремѣнный гость всѣхъ нашихъ собраній, и пировъ, и похоронъ, и онъ не перестаетъ назначать свои закланья. Если такъ, то когда же возможна для любящаго спокойная радость, даже если онъ забудетъ, что его самого ждетъ неизбѣжная болѣзнь и смерть?“ — Вотъ прекрасное résumé тѣхъ многочисленныхъ страницъ, на которыхъ Шопенгауэръ изображаетъ бѣдственность нашего существованія.

Изъ этого бѣдственнаго положенія есть, по мнѣнію г. Страхова (какъ и по мнѣнію нѣмецкаго писателя, котораго онъ воспроизводитъ), только одинъ исходъ: безстрастіе, способность равнодушно смотрѣть на все съ точки зрѣнія вѣчности. Какой же это, однако, исходъ? Вѣдь мое равнодушіе не устраняетъ дѣйствительныхъ бѣдствій міра, не сокрушаетъ господства болѣзней и смерти. Оно не спасаетъ моихъ ближнихъ отъ страданій, а только меня избавляетъ отъ *состраданія* къ нимъ — странный успѣхъ съ нравственной точки зрѣнія! Что равнодушіе и невозмутимость облегчаютъ жизнь — это знаетъ всякій. Но зачѣмъ же стоическую атараксію и отрицательный пессимизмъ Шопенгауэра смѣшивать съ идеей христіанской святости, которая вѣдь имѣетъ свое положительное содержаніе? Зачѣмъ точку зрѣнія нравственнаго безразличія, отрѣшеніе отъ первичнаго и основнаго этическаго мотива принимать за третью высшую ступень нравственности? — Люди неизбѣжно страдаютъ и умираютъ, а потому, чѣмъ больше мы ихъ любимъ, тѣмъ больше страдаемъ сами; итакъ, пусть будетъ для насъ любовь къ людямъ ein überwundener Standpunkt, станемъ смотрѣть на все равнодушно съ точки зрѣнія вѣчности, избавимся отъ состраданія, а тѣмъ самымъ и отъ большей части нашего страданія. — Къ кому, однако, можетъ обращаться такая проповѣдь? Для людей дѣйствительно сострадательныхъ она—мертвое слово, а прочіе въ ней не нуждаются,—они и такъ ужь отъ природы „святы“. Любопытно, что нашъ авторъ, обосновывая необходимость равнодушія на страданіяхъ любви, допускаетъ, однако, эти страданія лишь гипотетически: еслибы мы, говоритъ онъ, дѣйствительно любили людей, то ужасно страдали бы и не знали бы „спокойной радости“; но на самомъ дѣлѣ мы, по его словамъ, живемъ эгоистами, чужія бѣдствія и мученія для насъ ничего не значатъ. Тогда зачѣмъ же намъ усиленно достигать равнодушія, которымъ мы и такъ отлично пользуемся?

III.

Недоразумѣніе, въ которое впалъ почтенный авторъ, предлагая намъ вмѣсто облегченія чужихъ страданій облегчать лишь себя отъ состраданія къ нимъ, объясняется, быть-можетъ, тѣмъ, что, говоря о неудобствахъ любви, онъ имѣетъ въ виду всеобщія бѣдствія людей, а восхваляя безстрастіе, онъ объ этихъ общихъ бѣдствіяхъ какъ будто забываетъ и останавливается лишь на личныхъ страданіяхъ предполагаемаго „святаго". „Болѣзнь, страданіе и смерть, говоритъ Н. Н. Страховъ, составляютъ для такого человѣка только поводъ и побужденіе подняться въ область святости, отрѣшиться отъ себя и отъ міра. Ищущіе святости часто съ радостью встрѣчаютъ эти поводы, и даже ищутъ всякихъ лишеній, чтобы воспитывать въ себѣ духъ чистоты." Положимъ такъ, когда дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ болѣзняхъ и лишеніяхъ, объ ихъ собственной смерти; но чѣмъ же отвѣчаютъ они на чужія болѣзни и смерть? Какъ относится его идеальный человѣкъ къ бѣдствіямъ своихъ ближнихъ, на этомъ вопросѣ г. Страховъ не останавливается. По смыслу его разсужденій явствуетъ, что это отношеніе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ равнодушіемъ; ибо если этотъ „святой" неравнодушенъ къ страданіямъ своихъ ближнихъ, если онъ имъ сострадаетъ, то онъ тѣмъ самымъ страдаетъ, а между тѣмъ все его высшее значеніе по представленію нашего автора въ томъ, что онъ освобождается отъ страданія, поднимается надъ всякою печалью и заботой; вѣдь единственное основаніе для этой высшей этической ступени у г. Страхова состоитъ въ томъ, что нужно уйти отъ міровой скорби, противъ которой нельзя ничего сдѣлать. Итакъ, этотъ „святой", чтобъ удержаться на высотѣ безстрастія и въ чужихъ страданіяхъ, какъ въ своихъ собственныхъ долженъ видѣть лишь поводъ и побужденіе отрѣшиться отъ міра, отъ всякой привязанности, отъ всякаго состраданія. При всей логической неизбѣжности такого заключенія мы не въ правѣ видѣть въ немъ ясное сознательное убѣжденіе Н. Н. Страхова, который въ началѣ своей статьи заявляетъ: „такъ какъ мы христіане, то какъ бы мы ни блуждали нашими мыслями, какъ бы дурно ни жили, мы никогда не можемъ вовсе потерять чувство истиннаго идеала человѣческой жизни".

Если такъ, то можно смѣло напомнить обязательное и для нашего автора рѣшеніе вопроса: какъ истинный святой долженъ относиться къ чужимъ страданіямъ и смерти. Мы видимъ въ Евангеліи, что воплощенный идеалъ абсолютной святости на людскія болѣзни отвѣчаетъ *исцѣленіемъ*, на смерть—*воскрешеніемъ*. И если прямое подражаніе такимъ прямымъ отвѣтамъ для насъ недоступно, то во всякомъ случаѣ здѣсь намъ данъ опредѣленный и положительный идеалъ, указана ясная цѣль. Мы знаемъ, благодаря этому, что высшая святость не есть простое отрѣшеніе отъ болѣзненной и смертной жизни, а ея исцѣленіе и воскрешеніе. Вотъ дѣйствительная побѣда надъ зломъ, тогда какъ уйти отъ него въ стоическую атараксію—значитъ заранѣе признать побѣжденнымъ не только себя—это еще не важно—но и самое добро, а зло—непобѣдимымъ. Эта непобѣдимость міроваго зла предполагается повидимому нашимъ авторомъ, какъ дѣло безспорное и составляетъ πρωτον ψευδος всѣхъ его разсужденій. „Бѣдственность человѣческой жизни такова, говоритъ онъ, что устранить ее ничто не можетъ.“ И далѣе: „эти утраты невознаградимы и неизгладимы“. Странно читать такія заявленія черезъ осьмнадцать съ половиной вѣковъ послѣ того, какъ „первенецъ отъ мертвыхъ“ смертію смерть попралъ и сущимъ во гробахъ жизнь даровалъ. Ничто не мѣшаетъ г. Страхову передавать своими словами и отъ своего имени шопенгауеровскія идеи о неистребимости міроваго зла и о спасеніи чрезъ стоическую атараксію и буддійскую нирвану. Нашъ авторъ съ полнымъ убѣжденіемъ усвоилъ эти идеи и прекрасно ихъ излагаетъ. Жаль только, что онъ не усвоилъ той ясности и прямоты ума и того чистосердечія, которыя не позволяли Шопенгауеру отождествлять свои идеи съ христіанствомъ, совершенно иначе относящимся къ этимъ вопросамъ.

IV.

За указаніемъ высшаго нравственнаго идеала нашъ авторъ, заявивши себя христіаниномъ, обращается, впрочемъ, не къ Евангелію, а къ „безобразно-пьяному солдату Митричу“, который учитъ раскаявающагося убійцу *не бояться людей*. Насъ не удовлетворяетъ это указаніе не потому, что учителемъ святости является здѣсь человѣкъ безобразно-пьяный, а потому,

что г. Страховъ совершенно напрасно считаетъ Митрича своимъ единомышленникомъ. Совѣтуя Никитѣ не бояться людей, этотъ симпатичный, хотя и пьяный старикъ вовсе не имѣлъ въ виду преподавать идеалъ абсолютнаго совершенства, онъ просто хотѣлъ ободрить слабодушнаго парня, для котораго въ этомъ случаѣ дѣйствительно главное дѣло было въ томъ, чтобы не бояться людей. Но Митричъ, конечно, зналъ, что одно безстрашіе еще не составляетъ святости, что это качество *среднее*, свойственное какъ святымъ, такъ съ другой стороны и тѣмъ лицамъ, которыхъ въ народѣ называютъ „отпѣтыми". А еслибы спросить у Митрича, въ какихъ чертахъ представляетъ онъ себѣ настоящаго святаго и учителя святости, то онъ (въ качествѣ выразителя народныхъ взглядовъ, какимъ принимаетъ его и нашъ авторъ) конечно не указалъ бы ни на свое собственное пьяное благодушіе, ни на безстрашіе Никиты, а сказалъ бы, что настоящій святой и учитель святости долженъ быть, вопервыхъ, чрезвычайно милосерднымъ, вовторыхъ, чрезвычайно сильнымъ въ молитвѣ и постѣ, а втретьихъ, способнымъ творить чудеса, какъ при жизни своей, такъ особенно послѣ смерти.

Вотъ то ясное и твердое понятіе о святости, которое имѣетъ нашъ народъ; оно неразрывно связано съ положительнымъ содержаніемъ его религіозной вѣры. Можно считать народныя вѣрованія для себя необязательными, но если ихъ не раздѣлять, то лучше на нихъ и не ссылаться и не называть ихъ „такимъ свѣтомъ, предъ которымъ ничто все наше просвѣщеніе". Ибо если народную вѣру не сохранить, а отъ научнаго просвѣщенія отречься, то что̀ же у насъ останется?

Владиміръ Соловьевъ.

7 апрѣля.

РОЗА ИЗЪ ЦЕТИНЬИ.

Романъ Е. Вальдъ-Зевица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

I.

Море ли загорѣлось? Покрыла ли раскаленная лава прибрежныя скалы или то пламя преисподней добралось до вѣнца черныхъ горъ? Нѣтъ, то солнце готовилось встать изъ-за мрачной вершины Монтенегро, чтобы залить ее своими теплыми яркими лучами! Словно пурпуръ лежалъ на темени горъ, отражаясь въ зеркальной поверхности Адріатическаго моря и освѣщая города, мѣстечки, старинные монастыри и башни, обступившія берега изумрудныхъ сверкающихъ водъ. Въ листвѣ апельсинныхъ деревьевъ ярко алѣли тяжелые плоды; они образовались изъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ, появлявшихся въ зелени подобно тому, какъ въ безлунную ночь въ темныхъ кустахъ тамъ и сямъ появляются огоньки свѣтящихся червячковъ. На водѣ начиналась жизнь; тамъ и сямъ сновали суда; надутые паруса съ изображеніемъ Богоматери, держащей на колѣняхъ Спасителя, были какъ будто охвачены огнемъ. Надъ самою водой, хватая добычу, носились чайки; ихъ крылья также казались розовыми.

Вдали на самомъ горизонтѣ, тамъ, гдѣ земля сближается съ землей, оставляя лишь узкое пространство для воды, сверкала серебряная полоса открытаго моря. Туда еще не достигъ утренній привѣтъ солнца; мирно спала Адріатика, мѣстами еще подернутая легкою дымкой тумана. Точно также и Каттаро, одинъ изъ древнѣйшихъ прибрежныхъ городовъ, еще не былъ порадованъ

ни однимъ теплымъ лучемъ; грустно и непривѣтно чернѣлъ онъ на южномъ берегу, мрачный даже теперь, въ четвертомъ часу утра. Темною толпой тѣснились крыши домовъ, только въ куполѣ церкви св. Трифона загорѣлось нѣсколько блестящихъ искорокъ. Каменныя стѣны Черныхъ Горъ и громадная скала, грозящая и, повидимому, ежеминутно готовая обрушиться на безстрашный городъ, заслонили его отъ солнечныхъ лучей. Зубчатыя стѣны, башни и башенки, мосты и укрѣпленія прихотливо громоздятся по темному склону и въ своемъ живописномъ безпорядкѣ образуютъ фортъ Санъ-Жіовани. Близъ него смѣлымъ размахомъ подымается вверхъ дорога, соединяющая Каттаро съ Цетиньей, столицей Черногоріи. Она пустынна, какъ будто вымерла; ни облачка пыли: нѣтъ ногъ, которыя бы подняли ее. Еще слишкомъ рано; и человѣкъ, и животное еще отдыхаютъ отъ напряженій вчерашняго дня.

Нѣсколько часовъ спустя здѣсь станетъ оживленнѣе; жители Черныхъ Горъ пойдутъ въ городъ для купли и продажи. Живописно пестры, дики и нерѣдко удивительно хороши фигуры мужчинъ и женщинъ, идущихъ на рынокъ за навьюченными мулами. Но чу! вотъ въ утренней тишинѣ тихо-тихо прозвенѣлъ колокольчикъ, прозвенѣлъ и тотчасъ же умолкъ, и кругомъ опять воцарилась мертвая тишина; звукъ замеръ за выступомъ скалы на поворотѣ извилистой дороги. Но вотъ снова слышится колокольчикъ; облако пыли, кружась, поднимается надъ дорогой и словно легкое прозрачное покрывало виситъ надъ глубокою пропастью, разинувшею свой ужасный зѣвъ какъ разъ у самой дороги. Человѣкъ, ѣдущій тамъ на своемъ мулѣ, не боится зіяющей глубины: его глаза привыкли смотрѣть въ нее. Онъ не удостаиваетъ ее даже однимъ взглядомъ, съ восторгомъ смотритъ онъ внизъ на панораму моря. Скалы тѣснятъ сверкающія воды, а тѣ въ свою очередь стараются захватить какъ можно больше земли въ свои сырыя объятія.

Какъ ни часто наслаждается онъ этимъ видомъ, каждый разъ сердце его наполняется новымъ восторгомъ. Но въ то же время легкій вздохъ вылетаетъ изъ его юной груди, вздохъ сожалѣнія о томъ, что эти воды, эти окаймляющія ихъ горы принадлежатъ не его племени: онъ истый сынъ Черногоріи и постоянно мечтаетъ о томъ счастливомъ времени, когда все лежащее теперь въ его кругозорѣ покорится мечу черногорскаго князя.

На мгновеніе Михаилъ Старовочевичъ задержалъ своего мула и задумался. Его бронзовое лицо кажется позолоченнымъ сквозь огонь, черные глаза свѣтятся воодушевленіемъ, губы слегка раскрыты и обнаруживаютъ рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; черная маленькая бородка придаетъ его лицу что-то мужественное; его стройная крѣпкая фигура, словно вылитая изъ золота, прямо и красиво сидитъ въ сѣдлѣ. Черная шапка съ краснымъ верхомъ молодецки держится на его каштановыхъ кудряхъ; вышитая золотомъ звѣзда и галунъ, обличаютъ въ немъ офицера черногорской арміи. Зеленая кабаница богато расшита шнурами и украшена металлическими пуговицами; изъ-подъ нея виднѣется красная рубашка. Она также украшена золотомъ и вышивкой. Широкіе синіе пантолоны драпируютъ ноги; на колѣняхъ они спрятаны въ узкіе, бѣлые камаши, стянутые на икрахъ цвѣтными шнурками. Стройная нога обута въ шитые башмаки, а бедра охватываетъ красный кушакъ, украшенный серебромъ и обремененный цѣлымъ арсеналомъ великолѣпнаго оружія. Рукоять пистолета усѣяна рубинами и топазами; дуло покрыто искуснѣйшею насѣчкой. Ручка кинжала вылита изъ серебра, пороховница сверкаетъ позолотой. За плечами Михаила виситъ длинная бурка. Онъ вооруженъ съ ногъ до головы и, несмотря на это, его поѣздка изъ Цетиньи въ Каттаро носитъ вполнѣ мирный характеръ. Онъ ѣдетъ за покупками, которыми наполнитъ корзины, привѣшенныя къ его сѣдлу; и какъ только подумаетъ онъ о томъ, что повезетъ въ этихъ корзинахъ домой, счастливая улыбка играетъ на его красивыхъ губахъ. Онѣ какъ будто созданы для поцѣлуевъ, и Михаилъ охотно пользуется этимъ. Аонна, дочь воеводы Пресаевича, живущая тамъ на верху въ Цетиньѣ хорошо знаетъ это; она не разъ испытала на себѣ, какъ горячи эти губы; но она полностью вернула имъ все, что получила отъ нихъ. И теперь онъ думаетъ объ Аонне; потому-то и лицо у него такое счастливое, потому-то и смѣются и радостно сіяютъ его черные, какъ ночь, глаза. Еслибъ только отецъ узналъ, что они уже не разъ сливались въ поцѣлуѣ! Еслибъ только онъ узналъ объ этомъ! Далеко не къ чести обычаевъ страны служитъ то, что отцы жениха и невѣсты смотрятъ на нихъ, какъ на товаръ, не обращая никакого вниманія на ихъ сердечныя привязанности. Хорошо знаетъ воевода о любви Михаила къ его дочери, извѣстно ему и о томъ, что Аонна отвѣчаетъ ему взаимностью; но еслибъ только онъ

узналъ, что у нихъ дѣло дошло до поцѣлуевъ! Михаилъ Данило, отецъ Михаила, и воевода, вступили уже въ тайные переговоры о томъ, чтобы соединить ихъ бракомъ; но есть еще много спорныхъ вопросовъ, относительно которыхъ нужно предварительно переговорить и придти къ соглашенію. Главнѣйшимъ изъ такихъ вопросовъ былъ вопросъ о томъ, жить ли новобрачнымъ съ которымъ либо изъ отцовъ или поселиться отдѣльно. Михаилу, конечно, пріятнѣе послѣднее; жизнь вдвоемъ съ Аѳиной даже въ самой бѣдной хижинѣ представляется ему блаженствомъ. Къ тому же онъ отчасти уже находится подъ вліяніемъ, проникающимъ сюда съ запада. Но ему хорошо извѣстно, что до его желаній никому нѣтъ дѣла; да и онъ охотно согласился бы жить подъ кровлей отца лишь бы только раньше ему позволили назвать Аѳину своею. Но отцы еще не рѣшили, какой скотъ выдѣлить имъ, сколько дать земли, куръ, гусей и т. д. Терпѣніе Михаила подвергнуто сильнѣйшему испытанію.

— Ахъ, поскорѣе бы наступала пора розъ! тяжело вздыхаетъ онъ.

Въ Монтенегро время полнаго разцвѣта розъ—время свадебъ.

Онъ провелъ рукой по головѣ, какъ-будто отгоняя заботы и на минуту закрылъ ею глаза; вотъ онъ опустилъ ее, смотритъ— и удивляется, какъ быстро перемѣнилась лежащая предъ нимъ картина. Потоки розоваго цвѣта какъ-будто поглощены землей; мрачно, уныло торчатъ предъ нимъ родныя горы; только высочайшія вершины зубчатаго хребта блѣдно освѣщены. На морѣ нѣтъ и слѣдовъ пурпура и золота; въ своей каменной оправѣ оно имѣетъ видъ оловяннаго зеркала. На водѣ лежитъ печать неподвижнаго оцѣпенѣнія. Каттаро кажется какою-то темною грудой; даже высокій куполъ св. Трифона не освѣщенъ. Солнце уже окончательно покинуло свое ночное убѣжище, но оно еще не въ силахъ прогнать длинныя тѣни, протянувшіяся по землѣ, и залить югъ золотомъ своихъ лучей.

Михаилъ ударилъ своего мула ногами; бодро пошелъ тотъ впередъ, какъ-будто чувствуя, что его господинъ торопится. Весело звенѣли въ утреннемъ воздухѣ привѣшенные къ сбруѣ колокольчики. Сегодня Аѳина была именинница; это-то и заставило Михаила подняться задолго до первыхъ пѣтуховъ, чтобы съѣздить въ Каттаро за покупками. Среди нихъ были конечно и такія, которыми онъ хотѣлъ порадовать свою возлюбленную. Онъ рѣшилъ вернуться домой возможно скорѣе, чтобы дождаться ее на

перекресткѣ; онъ знаетъ, что она пошла на Планину доить пасущихся тамъ коровъ. Какою радостью свѣтилось его лицо, какъ дѣтски-весело могъ улыбаться Михаилъ, и какъ мало шла эта улыбка къ смертоносному оружію, торчавшему у него за поясомъ, и къ его буркѣ! Онъ все ближе и ближе подъѣзжалъ къ городу; между сѣровато-желтыми крышами домовъ онъ уже могъ различать кривыя линіи улицъ и переулковъ. Вотъ раздались протяжные звуки колокола на соборѣ св. Трифона. Михаилъ остановилъ мула и трижды перекрестился: разъ за себя, второй разъ за свое оружіе и третій по направленію къ Цетиньѣ. Это послѣднее крестное знаменіе было за ту, которой принадлежало его сердце. Затѣмъ онъ слѣзъ съ мула, опустился на колѣни, три раза прочиталъ Отче нашъ и поѣхалъ далѣе. Онъ ѣхалъ по улицамъ вдоль берега; онѣ были еще безлюдны, только немногія раннія торговки возились у своихъ лавокъ и корзинъ, чтобы сейчасъ же, какъ-только явятся покупатели, выставить свои товары. Нѣсколько лодокъ приблизилось къ берегу; на ихъ темныхъ парусахъ яснѣе и яснѣе можно было различить изображеніе Богоматери или Спасителя, идущаго по волнамъ.

Рыбаки Бокки [1] любятъ разрисовывать паруса своихъ лодокъ картинками изъ священной исторіи, которыя по мѣстному повѣрію приносятъ счастіе. Они возвращались теперь съ ночной рыбной ловли, чтобы во время поспѣть со своею богатою добычей на рынокъ въ Каттаро.

Михаилъ остановился у небольшой остеріи, привязалъ мула къ столбу и постучался въ дверь. Вышелъ хозяинъ и скоро подалъ ему спрошенный завтракъ. Мало-по-малу площадь оживлялась: мужчины и женщины, дѣти и старики разложили свои товары; явились и покупатели, и скоро торговля была въ полномъ ходу. Михаилъ зналъ эту пеструю толпу, но ему не было никакого дѣла до нея, онъ шелъ гордо съ поднятою головой. Отецъ поручилъ ему купить новые башмаки и брусокъ для оттачиванія кинжала; скоро это было пріобрѣтено. Матери нужно было кое-что для кухни,—и это уже лежало въ его корзинѣ. Но теперь предстояла задача, что купить для Аѳины, задача тѣмъ болѣе трудная, что въ глаза ему бросалось слишкомъ много вещей, которыя, по его мнѣнію, могли очень понравиться Аѳинѣ.

---

[1] Bocca di Cattaro—заливъ, на берегу котораго лежитъ городъ Каттаръ.

Но ему все какъ-то не нравилось; тамъ въ городѣ въ складахъ и магазинахъ есть вещи гораздо лучше этихъ.

Одно мгновеніе онъ колебался войти въ ворота Porta Marina, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ былъ бы вынужденъ вручить свое оружіе дежурному капралу изъ австрійскихъ королевскихъ стрѣлковъ. Комендантомъ города былъ отданъ строжайшій приказъ, чтобы никто не входилъ въ городъ вооруженнымъ. Какъ ни больно было ему, но въ концѣ концовъ онъ все-таки подчинился необходимости; вѣдь надо же было выбрать для Аѳины лучшее изъ лучшаго. Михаилъ, прежде столь рѣшительный, теперь подобно любящей наряды дѣвочкѣ, колебался, что купить: ожерелье ли изъ блестящихъ раковинъ или крестикъ изъ накладнаго серебра настоящей венеціанской работы. Онъ остановился наконецъ на первомъ: эта вещица была пестрѣе и больше бросалась въ глаза. Теперь скорѣе вонъ изъ города! Видъ этихъ высокихъ и въ тоже время узкихъ, какъ полотенце, домовъ, до такой степени скученныхъ, что съ балкона на балконъ можно было подать руку, давилъ его грудь, какъ камень. Его грудь привыкла дышать другимъ воздухомъ, свѣжимъ, чистымъ воздухомъ горъ, а не тѣмъ удушливымъ смрадомъ, какимъ были пропитаны улицы этого недоступнаго солнцу города. Точно также для его ногъ была неудобна гладкая мостовая: онѣ легко перескакивали черезъ утесы и скалы, но не привыкли ходить по такой гладкой дорогѣ. Поспѣшно вышелъ онъ изъ города; на рынкѣ онъ купилъ еще конфектъ, засахаренныхъ розъ, фиников и фигъ, только-что сорванныхъ съ дерева.

Онъ отлично зналъ, что Аѳина большая лакомка и что рядомъ съ его горячими поцѣлуями она не пренебрегаетъ сластями и вкусными плодами. Теперь корзины полны; ну, шевелись же ты, длинноухій, вѣдь ѣдемъ домой, въ Черныя Горы! Немного спустя онъ снова ѣхалъ по дорогѣ, ведущей изъ Каттаро въ Цетинью, только теперь она уже не пустынна, нѣтъ, она полна жизни: половина жителей Монтенегро направляется по ней въ Каттаро неся на продажу свои товары. Они несутъ листья и куски желтника, употребляемые кожевниками и красильщиками, скованцы, [1] разную птицу, дичь, сыръ точно также ледъ, который добываютъ въ горныхъ ущельяхъ и которому находятъ хорошій сбытъ въ душномъ Каттаро, гдѣ онъ идетъ на охлажденіе

[1] Особый родъ рыбы, встрѣчающійся въ озерахъ Монтенегро.

лимонада и шербета. Мужчина гордо ѣдетъ верхомъ, сосетъ свой чубукъ и исполненъ сознанія собственнаго достоинства; женщина, запыхавшись, идетъ рядомъ съ нимъ, сгибаясь подъ непосильною ношей. Вскорѣ опять пейзажъ мѣняется; солнце теперь безпрепятственно заливаетъ землю своими лучами; воды Бокки сверкаютъ, какъ огромный щитъ, усѣянный милліардами алмазовъ, а горы кажутся огромными ширмами, созданными природой для того, чтобы защищать землю отъ горячихъ поцѣлуевъ солнца; самому знойному лучу никогда не удастся заставить ихъ ласково улыбнуться: сурово и мрачно стоятъ онѣ даже и теперь, въ знойный полдень.

II.

Вотъ и перекрестокъ. Михаилъ дважды обходитъ его кругомъ, разъ слѣва направо и разъ справа налѣво, и при этомъ онъ бормочетъ про себя слова, сильно напоминающія молитву. Злые духи, живущіе здѣсь, теперь изгнаны отсюда: онъ можетъ спокойно ожидать ту, которой принадлежитъ его сердце. Чахлое оливковое дерево и группа смоковницъ могутъ служить прекраснымъ убѣжищемъ для его мула. Туда онъ и отводитъ его, обвязавъ колокольчики платкомъ, и жадно смотритъ въ ту сторону, откуда должна явиться Аѳина. Его черные глаза нетерпѣливо пробѣгаютъ дорогу къ Цетиньѣ вплоть до выступа скалы, за которымъ она исчезаетъ. Это слишкомъ ограниченное пространство; онъ страстно желалъ бы имѣть предъ глазами всю дорогу до самаго дома воеводы. Долго пришлось ему ждать. Наконецъ до его ушей долетѣлъ звонъ колокольчика, заставившій затрепетать его сердце; онъ узналъ бы его среди тысячи другихъ.

Михаилъ поспѣшно прячется за кустъ; его мулъ въ дремотѣ опустилъ голову къ самой землѣ. Вдругъ онъ встрепенулся: онъ чуетъ товарища и издаетъ отвратительный звукъ, похожій и на ржаніе лошади и на крикъ осла. Звонкій смѣхъ долетаетъ до ушей Михаила: мерзкое животное выдало его присутствіе. Теперь ему незачѣмъ прятаться; онъ бросается вонъ изъ своей засады; дѣвушка въ свою очередь соскакиваетъ съ сѣдла; Михаилъ и Аѳина кидаются другъ другу въ объятія. Ни слова не говорятъ они. Что сказать имъ? Уста ихъ слились въ поцѣлуѣ.

— Я напередъ знала, Михаилъ, что ты будешь здѣсь дожидаться меня, говоритъ дѣвушка и любовно глядитъ ему въ лицо своими черными глазами.

— Ты знала объ этомъ? удивляется онъ.

Она плутовски улыбается.

— Да если бы ты былъ дома, развѣ ты не принесъ бы цвѣтовъ къ моему окну.

Онъ молча киваетъ головой, обнимаетъ ея станъ, беретъ ея мула за уздечку и отводитъ его въ кусты. Потомъ онъ начинаетъ рыться въ своихъ корзинахъ, надѣваетъ ей на шею ожерелье, угощаетъ ее конфетами и потомъ цѣлуетъ ея липкія губы; угощаетъ фруктами и снова, и снова цѣлуетъ.

Такъ сидятъ они тамъ въ блаженномъ забытьи. Черные локоны Аѳины скользятъ по его рукамъ; онъ приглаживаетъ ей упрямыя пряди волосъ, черезъ-чуръ ужь пышно выбивающіяся на лобъ изъ-подъ краснаго платка; онъ прижимается лицомъ къ ея горячимъ щекамъ и упивается ея дыханіемъ. Сильно бьется сердце Аѳины, грудь ея высоко поднимаетъ бѣлоснѣжную косынку, надѣтую поверхъ ярко-красной рубашки; она отталкиваетъ отъ себя Михаила и робко запахиваетъ полы своей бѣлой, шитой золотомъ куртки. Онъ восторженно любуется ею; ростомъ она немного уступаетъ ему; ея сильное тѣлосложеніе ничуть не вредитъ благородству ея красоты.

— Какъ хороша ты, роза Цетиньи! И ты принадлежишь мнѣ! Я едва вѣрю этому, Аѳина! И онъ начинаетъ ей говорить о томъ, какъ еще съ дѣтства они любили другъ друга, и какъ уже тогда онъ чувствовалъ, что они предназначены другъ для друга. Аѳина съ улыбкой слушаетъ его рѣчь и ея черты выражаютъ безконечное счастье. Время отъ времени словно облако заботы и страха пролетаетъ по ея лицу: въ эти минуты она вспоминаетъ, какому необузданному гнѣву и съ какою дикою страстностью предавался въ дѣтствѣ ея возлюбленный. Но вотъ приближается чей-то мулъ; колокольчикъ, привѣшенный къ его шеѣ, звенитъ такъ глухо, какъ будто онъ сдѣланъ изъ олова. Аѳина вскочила.

— Ступай, Михаилъ, ступай. Это ѣдетъ Наталія. Что, если она увидитъ насъ и донесетъ объ этомъ отцу? Я знаю, она не любитъ тебя.

Юноша засмѣялся.

— Этому горю не трудно пособить. Вотъ эта штучка семью замками запретъ ей ротъ.

Онъ сунулъ руку въ карманъ, висѣвшій у его пояса, и гордый тѣмъ, что для него такой расходъ пустяки, вынулъ оттуда золотую монету. Какъ разъ въ эту минуту показался мулъ Наталіи. Увидя другихъ муловъ, онъ поднялъ громкій крикъ.

— Аѳина, ты все еще здѣсь? А это... Да никакъ съ тобою Михаилъ! Погодите, воевода проучитъ васъ.

Та, которая, грозя костлявымъ кулакомъ, привѣтствовала такими словами молодыхъ людей, была старушенка, болѣе похожая на птицу, чѣмъ на человѣка. Маленькая, сгорбленная, она сидѣла верхомъ, какъ мужчина, вся закутанная въ пестрые лоскутья; казалось, старуха не могла найти достаточно яркихъ красокъ. Сквозь складки разстегнутой рубахи виднѣлась желтая словно кожа, грудь; одна нога была обута въ греческій башмакъ съ шелковыми кистями, другая въ разорванный турецкій сапогъ. На головѣ у нея была надѣта красная феска съ голубою шелковою кистью; и та, и другая такъ выгорѣли, что едва можно было различить, какого онѣ цвѣта. Цѣлый лѣсъ косматыхъ волосъ выбился на лобъ, пересѣченный большимъ краснымъ шрамомъ. Волоса у Наталіи уже давно были сѣдые; она красила ихъ смѣсью сосновой сажи и оливковаго масла, но дѣлала это очень неискусно, благодаря чему цѣлыя пряди волосъ сохраняли свой натуральный цвѣтъ. Ея глаза выцвѣли и покраснѣли. Она была родомъ Сербка и потому должна была имѣть черные волосы; этого требовали обычаи страны, подчиняясь которымъ, нужно искусственнымъ образомъ пополнять то, что отнимаетъ природа. По той же самой причинѣ она густо набѣлила свое морщинистое лицо маисовой мукой, нарумянила щеки черешневымъ сокомъ и подвела глаза углемъ. Шутъ, зазывающій публику въ ярморочные балаганы, не могъ бы разрисоваться уморительнѣе Наталіи. На ея худой, высохшей шеѣ болтались янтари и стеклянныя бусы. Серьги, сдѣланныя изъ мѣди и стекла, были такъ велики, что касались ея полуобнаженныхъ плечъ; беззубымъ ртомъ она держала глиняную трубку, издававшую непріятный запахъ сушенаго вишневаго листа.

— Я встрѣтилась съ нимъ случайно, сказала Аѳина, подходя къ старухѣ.

— Случай... Случай... Знаю я эти случаи! отвѣчала Наталія, словно вдругъ уйдя въ самое себя. Повидимому, она сказала эти слова больше для себя, чѣмъ для дѣвушки, но Аѳина услы-

шала ихъ и съ удивленіемъ подняла на нее глаза. Ей казалось невозможнымъ, чтобы какой-либо мужчина могъ когда-нибудь нетерпѣливо ждать свиданія съ этимъ уморительно наряженнымъ уродомъ.

— Ты знаешь такіе случаи, Наталія? улыбаясь спросила она, между тѣмъ какъ глаза ея невольно разсматривали размалеванное лицо, накрашенные, растрепанные волосы и всю сгорбленную фигуру старухи.

— Кто говоритъ объ этомъ? Зачѣмъ птенецъ, едва вылупившійся изъ яйца, болтаетъ такой вздоръ?

При этомъ старуха бросила полный ненависти взглядъ на Михаила, который, со сложенными на груди руками, прислонился къ своему мулу и съ улыбкой поглядывалъ на обѣихъ женщинъ.

— Да помоги же мнѣ, Аѳина, кости у меня старыя, да, да... прежде было другое дѣло.

И старуха опять словно ушла въ самое себя; взоръ ея блуждалъ гдѣ-то вдали, какъ будто тамъ, въ туманномъ отдаленіи минувшаго предъ ней вставали какія-то картины. Напрасно старалась она перекинуть правую ногу то черезъ крупъ мула, то черезъ егошею; она не повиновалась ей.

— Видно мнѣ придется помочь сеньорѣ Наталіи, а не то она такъ и останется на вѣки вѣчные въ своемъ сѣдлѣ, засмѣялся Михаилъ. Онъ подбѣжалъ къ старухѣ, сильными руками охватилъ ея сгорбленный станъ и, шутя, снялъ ее съ сѣдла.

— Не прикасайся ко мнѣ, не прикасайся, бормотала она, болтая руками и ногами. Припадокъ кашля предупредилъ потокъ бранныхъ словъ, которыми она готовилась осыпать молодого человѣка. Старуха сидѣла уже на землѣ; она встала и попробовала было выпрямиться во весь свой, нѣкогда высокій, ростъ, но для этого у нея было слишкомъ мало силы; она тотчасъ же снова сгорбилась и, захлебываясь отъ волненія, стала осыпать молодыхъ людей упреками за ихъ безнравственное и богопротивное поведеніе.

— Всѣ мужчины фальшивый и коварный народъ, замѣть это хорошенько, моя голубка, и никогда не вѣрь имъ: у нихъ острые когти и крѣпкіе клювы, они разорвутъ на части бѣдную птичку, которая попадетъ въ ихъ сѣти.

Она подняла костлявый кулакъ и погрозила имъ Михаилу.

— Вы говорите, тетушка Наталія, что на себѣ испытали это, спросилъ онъ.

Старуха хорошо поняла злую насмѣшку. Она вдругъ словно вся окаменѣла, жилы ея напряглись, и снова она выпрямилась во весь ростъ. Глубокое страданіе передернуло ея лицо, и вдругъ сквозь его старческія черты проглянуло какъ будто бы другое лицо, лицо, которое всеблагая мать-природа одарила мягкостью и нѣжностью красоты. Въ ея тусклыхъ красноватыхъ глазахъ сверкнуло что-то такое, что свидѣтельствовало объ ихъ прежней живости и красотѣ. Но все это было неясно, какъ тѣнь, мимолетно, какъ мечта. Одно мгновеніе — и все исчезло, и Наталія снова стояла передъ ними такою, какъ ея знали Михаилъ, Аонна и вся Цетинья: смѣшною и отвратительною старухой. Она силилась что-то сказать, но ей мѣшала одышка, увеличившаяся отъ охватившаго ее волненія. Наконецъ, она успокоилась настолько, что могла говорить. Тихо, съ протянутою рукою подошла она къ Михаилу и указательнымъ пальцемъ коснулась его груди. Тотъ въ ужасѣ невольно отступилъ передъ нею.

— Какъ твое имя? Скажи мнѣ его громко и внятно.

Вся прежняя веселость Михаила исчезла; онъ засмѣялся дѣланымъ смѣхомъ.

— Ты такъ же хорошо знаешь мое имя, какъ я знаю то, что тебя зовутъ Наталіей.

— Скажи мнѣ его, я хочу услышать его изъ твоихъ устъ.

Она опустила глаза, до того времени въ упоръ глядѣвшіе на юношу, и какъ-будто разговаривая сама съ собой, тихо прибавила:

— Оно приводитъ меня въ негодованіе и гнѣвъ; есть въ жизни человѣка время, когда гнѣвъ является его единственною отрадой.

Потомъ она снова заговорила громкимъ голосомъ; казалось, какая-то таинственная сила внезапно сняла цѣлые полвѣка съ ея плечъ, снова изъ-за ея разрисованной маски мелькнуло другое лицо, снова отступилъ отъ нея Михаилъ.

— Ну, такъ какъ же зовутъ тебя?

Что-то повелительное звучало въ ея голосѣ и свѣтилось въ глазахъ.

— Или тебѣ стыдно сказать свое имя.

Вся кровь вскипѣла въ благородномъ Черногорцѣ; скажи это мужчина, это было бы его послѣднимъ словомъ.

— Стыдиться моего имени! мнѣ стыдиться моего имени! дрожа

отъ волненія, воскликнулъ юноша. — Михаилъ Старовочевичъ зовутъ меня, и горы нашей родины не слыхали имени благороднѣе этого!

Онъ стоялъ, выпрямившись во весь свой богатырскій ростъ, стройный, юный, гордый и крѣпкій, какъ кипарисы его родины.

— Вотъ какъ? Вотъ какъ? забормотала себѣ подъ носъ старуха. — Такъ тебя зовутъ Михаилъ Старовочевичъ, точно такъ же, какъ и твоего отца; берегись, мальчикъ, не смѣйся надо мною: я могла бы тебѣ сказать словечко, отъ котораго прошла бы твоя насмѣшливость и волосы дыбомъ стали бы на твоей головѣ.

Рука Михаила невольно схватилась за кинжалъ, но Аѳина остановила его.

— Неужели ты поднимешь руку на женщину? Оставь ее, Михаилъ, она часто бываетъ не въ своемъ умѣ.

Сербка злобно захихикала.

— Не въ своемъ умѣ... Можетъ быть ты и права, Аѳина. Только берегись, какъ бы тебѣ самой какъ-нибудь не лишиться разсудка.

Старуха заковыляла къ своему мулу и съ трудомъ вскарабкалась на него. Аѳина подала руку Михаилу и вспорхнула въ сѣдло. Въ свою очередь и онъ сѣлъ намула. Обѣ женщины молча поѣхали по тропинкѣ, ведущей къ Планинѣ, а Михаилъ шагомъ вернулся къ Цетиньѣ, столицѣ Черногоріи; онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто рука старухи изранила его сердце острыми шипами. Золотая монета такъ и осталась въ его рукѣ.

III.

У принципе Гиги ди Ст. Ангело волосы были черные, съ проборомъ посерединѣ; спереди они были зачесаны на лобъ и чуть-чуть не доставали до его узкихъ бровей. По этой прическѣ его можно было принять за человѣка недалекаго, но это было бы величайшею несправедливостью по отношенію къ нему. Этою некрасивою прической онъ былъ обязанъ вліянію Вѣнской школы, гдѣ онъ получилъ образованіе. А еслибы кто и составилъ себѣ подобное мнѣніе о немъ, конечно, что его скоро разубѣдили бы въ этомъ эти ясные, выразительные глаза и открытое привѣтливое лицо. Гиги былъ единственный сынъ у своей матери, княгини

Енрихетты Ангело, и удивительно походилъ на нее. Только всѣ черты были у него какъ-то крупнѣе, мужественнѣе. Кромѣ того въ немъ не было и помину о свойственной его матери мечтательности; напротивъ все въ немъ говорило о положительной склонности къ легкомыслію и наслажденіямъ жизни.

Онъ только-что приступилъ къ утреннему туалету. При первомъ взглядѣ на него казалось, что подъ черною повязкой, идущею вдоль его верхней губы, скрывается рана; но вотъ онъ снимаетъ ее и вмѣсто кроваваго рубца изъ подъ нея показываются заботливо расчесанные черные, какъ смоль усы. Князь внимательно разсматриваетъ каждый отдѣльный волосокъ и очень доволенъ, что за ночь ни одинъ изъ нихъ не сдвинулся съ предназначеннаго ему мѣста. При всемъ этомъ князь Гиги далеко ужь не черезчуръ занимался собой, это противорѣчило бы его природной простотѣ: но онъ былъ такимъ усерднымъ поклонникомъ красоты, что постоянно заботился о ней, гдѣ бы она ни попадалась ему; было бы неестественно, еслибы онъ забылъ о красотѣ, наиболѣе ему близкой, о красотѣ своей собственной персоны. Въ отличіе отъ цвѣта лица его матери, бѣлыя щеки которой алѣли самымъ нѣжнымъ румянцемъ, чему, можетъ-быть, но только можетъ-быть, отчасти помогали и ея глубокія познанія въ искусствѣ туалета, въ отличіе отъ лица матери, лицо Гиги казалось вылѣпленнымъ изъ желтаго воска. Когда онъ волновался по этому чисто южному лицу разливалась легкая краска, но дѣлалось это не сразу, а постепенно, подобно тому, какъ весной разливаются рѣки. Сегодня не было и помину объ этомъ румянцѣ: напротивъ лицо Гиги казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Этому нечего удивляться: онъ шесть недѣль прожилъ въ Парижѣ, а воздухъ этого города не очень-то полезенъ для румяныхъ щекъ молодежи. Покончивъ съ туалетомъ, онъ пошелъ въ столовую; легкими прыжками сбѣжалъ онъ внизъ по мраморной, покрытой коврами лѣстницѣ и очутился рядомъ съ матерью. Онъ обнялъ ее съ видомъ безграничной любви.

Двери на балконъ были открыты: изъ нихъ открывался видъ на Тріестскій заливъ; вдали на самомъ горизонтѣ въ долгомъ горячемъ поцѣлуѣ Адріатика сливалась съ небомъ. Направо виднѣлись далеко выдвинувшіяся въ серебряную гладь зубчатыя стѣны романтическаго необитаемаго замка Мирамаръ.

Налѣво, на дамбѣ св. Терезы подымался къ небу городской маякъ. Этотъ послѣдній, равно какъ и замокъ, и море сливаю-

щееся съ голубымъ небомъ Италіи, служили рамкой для удивительно красивой картины. На водѣ покоился цѣлый городъ громадныхъ кораблей, пароходовъ, гребныхъ судовъ, яликовъ и лодокъ; самый городъ возвышался амфитеатромъ на залитыхъ солнцемъ скалахъ: дворцы, хижины и церкви перемежались съ зеленью меланхолической оливы и темнаго мирта. Яркость красокъ, солнце, ослѣпительная бѣлизна, жаркое небо, небесная лазурь—все это какъ-будто радостно восклицало: О, какъ прекрасно! Какъ великолѣпно! Какъ несравненно!

Съ улицы доносится глухой крикъ моряковъ, шумъ толпы, стукъ телѣгъ, звонъ якорныхъ цѣпей, рѣзкій свистъ пароходовъ, скрипъ воротовъ и среди всего этого звуки шарманки или мандолины, крикъ нагруженнаго фашини и время отъ времени пѣсня лаззарони. Взоръ Гиги, привыкшій въ Парижѣ видѣть предъ собой только море домовъ, съ восторгомъ скользитъ по этой родной картинѣ, ухо его жадно ловитъ хорошо знакомые, давно неслышанные имъ звуки; только теперь чувствуетъ онъ, какъ любитъ свою родину, чувствуетъ что ничто не можетъ замѣнить ея. Подали завтракъ; накрытый столъ уставленъ дорогою посудой изъ шлифованнаго хрусталя, серебра и фарфора и украшенъ цвѣтами; тутъ и кофе, и чай, шоколадъ и всевозможныя легкія блюда: котлеты подъ соусомъ томатъ, холодное мясо, сладкое печенье, масло, медъ, лучшій сыръ, фрукты, коньякъ, крѣпкое себениккское вино, холодный разукрашенный фазанъ—вотъ завтракъ принцессы и ея сына. Два лакея замерли въ ожиданіи ихъ приказаній; за буфетомъ стоитъ дворецкій и напряженнымъ взоромъ своихъ маленькихъ глазокъ слѣдитъ оттуда за мельчайшими подробностями настоящаго событія. Слуги исчезаютъ; Гиги закуриваетъ гаванскую сигару.

Принцесса Енрихетта съ любовью смотритъ на сына; его счастье—ея счастье. Она имѣетъ нѣчто сказать ему, но Гиги, какъ это обыкновенно бываетъ съ нимъ, теперь, кажется, не расположенъ слушать ее. Тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой нѣкоторое усиліе, она обращается къ нему тихимъ сладкимъ голосомъ.

— Ты знаешь, сынъ мой, старинное фамильное преданіе, что если двѣ послѣднія отрасли фамиліи Ангело соединятся узами брака, имъ предстоитъ полное счастье; если же они этого не сдѣлаютъ, ихъ постигнетъ злая судьба.

— Глупости, дѣтскія сказки! насмѣшливо перебилъ ее Гиги.

Но это не обезкуражило Еврихетту; она продолжаетъ:

— Ты—послѣдній отпрыскъ княжескаго рода, а твоя кузина Габріелла—послѣдняя изъ графинь.

— Я давно знаю это, дорогая матушка, нетерпѣливо воскликнулъ молодой человѣкъ,—ты ничего новаго не сказала мнѣ.

Принцесса полупросительно, полускорбно взглянула на него. Гиги старательно избѣгалъ ея взгляда. Она нѣжно обняла его.

— Сегодня пріѣдетъ Габріелла, тихо продолжала она,—и я надѣюсь, что ты наконецъ...

Гиги перебилъ ее.

— По правдѣ, матушка, желаніе надѣть на молодаго человѣка ярмо брака, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ только-что возвращается изъ Парижа, кажется мнѣ очень и очень страннымъ.

Онъ засунулъ руки въ карманы и, насвистывая какую-то пѣсенку, зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Свистѣть въ присутствіи принцессы Анжело было не совсѣмъ прилично; она держалась того мнѣнія, что молодые люди въ Парижѣ слишкомъ скоро усваиваютъ себѣ дикія манеры; поведеніе Гиги нѣсколько смутило ее.

— Твоя кузина, Габріелла, прелестна, она достойна любви, умна и увеличитъ твое состояніе; къ тому же она знатна и молода: вы любите другъ друга, вашъ бракъ—это завѣтная мечта моя и твоего покойнаго отца, и я не вижу къ нему никакихъ препятствій.

Гиги, все еще продолжавшій свою прогулку, пересталъ свистать; слушая мать, онъ все время что-то мычалъ себѣ подъ носъ. Когда же она упомянула объ ихъ взаимной любви, онъ умолкъ и, пожавъ плечами, процѣдилъ сомнительное: можетъ-быть.

Хотя это „можетъ-быть“ не совсѣмъ соотвѣтствовало желанію принцессы, взоръ ея съ материнскою гордостью остановился на стройной фигурѣ сына. Онъ имѣлъ такой благородный, такой изящный видъ и ничуть не походилъ на тысячи людей, встрѣчающихся на каждомъ шагу. Парижскій утренній костюмъ очень шелъ къ нему; сѣрыя панталоны сидѣли на немъ безукоризненно. Блестящіе лаковые башмаки плотно облегали его красивыя ноги; коротенькая коричневая жакетка, едва доходившая до бедеръ, бѣлая рубашка съ высокоторчащимъ воротничкомъ и красный галстукъ придавали ему ловкій и изящный видъ.

Принцнесса Енрихетта была не такая женщина, чтобъ упустить выгоду своего дѣтища, и возлагала большія надежды на свой материнскій авторитетъ, такъ какъ она хорошо знала, что Гиги, при всемъ своемъ легкомысліи, былъ любящимъ и почтительнымъ сыномъ.

Принципе былъ вовсе не расположенъ распространяться далѣе объ этомъ предметѣ.

— Я иду навѣстить нѣкоторыхъ друзей, гдѣ-нибудь позавтракаю, а потомъ отправлюсь на службу.

Съ его стороны было очень характеристично упомянуть о службѣ только въ концѣ, отдавъ неограниченное преимущество удовольствіямъ. Но, несмотря на это, принципе Гиги Ангело былъ очень исполнительнымъ офицеромъ, хотя исполнительность эта проявлялась не въ мелочахъ и не въ педантизмѣ, а только тамъ, гдѣ она дѣйствительно была необходима. Въ 1866 году, будучи уланскимъ офицеромъ, онъ отличился въ сраженіи при Кенигрецѣ и вынесъ оттуда два почетныхъ воспоминанія: огнестрѣльную рану на ногѣ и крестъ за храбрость на груди.

Гиги принадлежалъ къ числу лучшихъ ѣздоковъ, онъ стрѣлялъ, плавалъ, фехтовалъ искуснѣе большинства своихъ товарищей и считался офицеромъ даровитымъ, предназначеннымъ со временемъ занять высокій постъ.

Изъ любви къ матери, которая будто бы не могла разстаться съ Тріестомъ, онъ покинулъ столицу на Дунаѣ и перешелъ изъ уланскаго полка въ квартировавшій здѣсь баталіонъ королевкихъ стрѣлковъ.

Принцнесса высоко цѣнила эту жертву сыновней любви и на основаніи ея питала пріятную надежду, что Гиги будетъ послушнымъ сыномъ и въ дальнѣйшихъ ея желаніяхъ.

Онъ ушелъ въ свою комнату и кликнулъ деньщика одѣть его. Появился солдатъ; онъ имѣлъ видъ слона; его огромное туловище походило на сосну дѣвственнаго лѣса, покрывающаго горы его родной Богеміи. Циспелакъ былъ ростомъ почти шести футовъ; его ноги были величиной съ лодку; руки, казалось, были созданы для того, чтобы вырывать съ корнемъ столѣтніе дубы. Багровое, лунообразное лицо и свѣтлые волосы, торчавшіе на его головѣ, какъ солома на растрепанной бурею кровлѣ, довершали его портретъ. Его плечи были въ состояніи сдержать Атласъ. Встрѣтясь съ нимъ глазъ на глазъ въ лѣсу, можно было испугаться. Но, всматриваясь въ него ближе, нельзя было

не замѣтить привѣтливаго взгляда его зеленоватыхъ узкихъ глазокъ и дѣтской улыбки поразительно маленькаго рта. Тогда весь первоначальный страхъ пропадалъ безслѣдно. Этотъ удивительный ротъ походилъ на вишню, раздавленную на кругломъ блюдѣ. Цисцелакъ то и дѣло облизывалъ его, точно готовясь съ кѣмъ-то цѣловаться. Великанъ говорилъ мало, или не говоралъ вовсе. Молчаливый отъ природы, онъ въ присутствіи другихъ окончательно лишался языка, такъ какъ видѣлъ, что его нескладная рѣчь возбуждаетъ невольный смѣхъ въ слушателяхъ. Можетъ быть изъ каприза, или по влеченію добраго сердца причиле выбралъ себѣ въ деньщики именно этого чеха, грубая фигура котораго всего менѣе подходила къ чину капрала. Онъ былъ удивительно неловокъ на ученіи. Его часто бранили, еще чаще на его широкую спину сыпались болѣе чувствительныя поощренія. Къ тому же онъ былъ чувствителенъ, какъ ребенокъ; каждое бранное слово обижало его, и онъ нерѣдко проливалъ цѣлые потоки слезъ. Причиле, подъ командой котораго онъ находился, сжалился надъ нимъ и взялъ его къ себѣ въ деньщики. Съ этого времени сердце Цисцелака обратилось въ храмъ благодарности къ его дорогому господину; съ радостью отдалъ бы онъ за него свою жизнь. Сношенія между Гиги и имъ по своей краткости уподоблялись телеграммѣ.

— Одѣться!

Одного этого слова было достаточно, чтобы Венцель Цисцелакъ тяжелыми шагами направился въ сосѣднюю комнату и принесъ оттуда сѣрый мундиръ съ зелеными абшлагами, желтый поясъ и другія принадлежности формы оберъ-лейтенанта. Одѣваніе происходило молча; деньщикъ долженъ былъ подавать каждую вещь такъ, чтобъ Гиги могъ сразу надѣть ее. Наконецъ, причиле былъ готовъ. Венцель осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, расправилъ каждую складку, освидѣтельствовалъ каждую пуговицу.

— Все въ порядкѣ: господинъ оберъ-лейтенантъ могутъ итти.

— Честь имѣю! отвѣтилъ Гиги шутя и вышелъ изъ комнаты.

Онъ очутился на раскаленной солнцемъ пустынной набережной Тріеста. Одно мгновеніе онъ находился въ нерѣшительности, куда ему направиться. Миновавъ Віа ди Поста-Рива-Карейоли, онъ пересѣкъ мостъ Понто-Россо, оставилъ за собой дамбу св. Карла и затерялся въ благоуханномъ паркѣ Піацца-Гранде. Предъ кафе Риволо, подъ навѣсомъ, въ тѣни олеандровъ стояло множество столиковъ и стульевъ,

занятыхъ самымъ пестрымъ обществомъ: тутъ были граждане Тріеста, гарнизонные офицеры, купцы съ Востока изъ Далмаціи и Греціи въ своихъ живописныхъ цвѣтныхъ костюмахъ; всѣ пили маленькими глотками кофе и освѣжались шербетомъ, лимонадомъ и водой со льдомъ. Одни пили итальянскія вина, другіе предпочитали пиво.

Гиги пытливымъ взоромъ окинулъ общество, отыскивая себѣ мѣстечко.

— Ба! Принчипе Гиги Ангело! Мое почтеніе, товарищъ. Смотрите вотъ принчипе Ангело, оберъ-лейтенантъ! Идите сюда, мы потѣснимся, чтобы вамъ сѣсть! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько рукъ привѣтливо махали ему; много шляпъ приподнялось ему навстрѣчу. Гиги сдержанно раскланялся направо и налѣво; онъ не былъ расположенъ присоединяться къ обществу и чувствовалъ потребность къ уединенію, чтобы безъ помѣхи предаться размышленію. У входа въ кафе стоялъ свободный столъ. Онъ направился къ нему и заказалъ себѣ стаканъ шербета; не обращая болѣе вниманія на своихъ сосѣдей, онъ принялся за прохладительный напитокъ.

— Чортъ возьми! Это ты Шарренштейнъ, внезапно воскликнулъ онъ,—ты сидишь здѣсь, рядомъ со мной, повѣся носъ, а я тебя-то и искалъ, чтобы поразсказать тебѣ о моей поѣздкѣ въ Парижъ.

Тотъ, къ которому онъ обратился съ этими словами, разсѣянно посмотрѣлъ на него своими голубыми глазами и не сразу отвѣтилъ; онъ говорилъ медленно, какъ будто ему стоило большаго труда подыскивать нужныя слова.

— Я не хотѣлъ мѣшать тебѣ, Гиги; мнѣ казалось что и ты далеко не въ радужномъ настроеніи.

— Гмъ, гмъ, промычалъ принчипе.

— Очень можетъ-быть, что это и такъ; моя матушка имѣетъ предательское намѣреніе окончательно надѣть на меня брачное ярмо.

Іоганнъ фонъ-Шарренштейнъ посмотрѣлъ въ свой на половину выпитый стаканъ, потомъ неожиданно ударилъ кулакомъ по столу, такъ что ложка въ стаканѣ зазвенѣла.

— Громъ и молнія! Такъ доставь же ей такое удовольствіе; это тянется уже слишкомъ долго; пора, наконецъ, и кончить.

Блѣдное лицо молодаго человѣка покраснѣло до самыхъ ушей. И произнеся залпомъ эту рѣчь, онъ снова уставился въ стаканъ.

Гиги возразилъ.

— Легко тебѣ говорить это, а вотъ какъ женятъ, тогда прощай воля! Будешь сидѣть, какъ птица въ клѣткѣ. Пойми ты: матушка уже увѣдомила меня о предстоящемъ визитѣ Габріэллы.

При этомъ имени Іоганнъ схватилъ стаканъ и залпомъ выпилъ его.

— Уфъ! вздохнулъ онъ, — помоги тебѣ Богъ, Гиги, а мнѣ пора домой.

Онъ живо вскочилъ и, надвинувъ на лобъ широкополую, мягкую шляпу, хотѣлъ идти. Приччипе также поднялся съ мѣста и остановилъ его за руку.

— Постой, я вижу, что ты попрежнему невѣжа; я сказалъ тебѣ, что, несмотря на эту адскую жару, непремѣнно хотѣлъ найти тебя, чтобы вмѣстѣ обсудить это дѣло; не успѣлъ я встрѣтить тебя, а ты уже убѣгаешь.

— Такъ пойдемъ! отвѣтилъ Шарренштейнъ и зашагалъ между массой стульевъ и столовъ по направленію къ Піацца-Гранде. Гиги послѣдовалъ за нимъ.

Іоганнъ фонъ-Шарренштейнъ былъ средняго роста, слабаго сложенія и немного сутуловатъ. Въ его походкѣ замѣчалась какая-то вялость; то же выраженіе носили его правильныя, красивыя черты. На нихъ лежалъ отпечатокъ безстрастной сосредоточенности и задумчивости художника. Судя по внѣшности, Шарренштейнъ любилъ оригинально одѣваться и былъ крайне перяшливъ. Черная, бархатная куртка носила на себѣ слѣды его занятія; шотландскіе клѣтчатые панталоны внизу обились; пестрые чулки мѣстами разорвались; на одномъ изъ лаковыхъ башмаковъ недоставало банта, на другомъ пряжки; шелковый коричневый галстукъ, завязанный небрежнымъ узломъ, былъ заколонъ великолѣпною брилліантовою булавкой; одна красная перчатка была надѣта на руку, другую онъ забылъ въ кафе; та же участь едва не постигла тросточку съ золотымъ набалдашникомъ.

Наконецъ они достигли дамбы св. Карла. Іоганнъ громко свистнулъ, гондольеръ подалъ гондолу. Оба друга вошли въ лодку и она плавно понеслась среди множества судовъ и суденышекъ; черезъ полчаса они остановились предъ домомъ Шарренштейна, на улицѣ, ведущей къ замку Мирамаръ.

Разговоръ между друзьями шелъ вяло. Приччипе разсказывалъ кой-что о своей поѣздкѣ, но Іоганнъ почти не слушалъ его. Архитекторъ, строившій домъ, въ которомъ жилъ Іоганнъ фонъ-

Шарренштейнъ, выбралъ для него прекрасное мѣсто: черезъ огромныя зданія магазиновъ Тріеста отсюда можно было любоваться чуднымъ видомъ морскаго залива. Небольшой деревенскій домикъ утопалъ въ вѣчно зеленомъ саду, окруженномъ легкою изгородью.

— Вотъ мы и дома, Гиги; я принесу тебѣ табаку и свѣжее питье, сказалъ Іоганнъ, направляясь къ скамейкѣ среди миртовыхъ деревьевъ.

— Извини, товарищъ, отвѣчалъ причиие,—если я не соглашусь съ тобой относительно мѣста; здѣсь внизу слишкомъ жарко, и я предлагаю войти въ домъ. Что можетъ быть пріятнѣе для меня, какъ послѣ долгаго скитанія снова заглянуть въ святилище такого художника, какъ ты.

Художникъ пожалъ плечами.

— Тебя ожидаетъ разочарованіе, Гиги: ты не найдешь тамъ ничего достойнаго вниманія.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется удовольствоваться твоимъ обществомъ.

И не обращая вниманія на дальнѣйшія отговорки своего друга, онъ вошелъ въ домъ. Можно было подумать, что Шарренштейнъ что-то скрываетъ у себя. На порогѣ Гиги обернулся и погрозилъ ему пальцемъ.

— Слушай, маэстро, твои отговорки кажутся мнѣ подозрительными. Ужь не скрываешь ли ты у себя какой-нибудь рѣдкой модели! Я не прикоснусь къ ней, ха, ха!

На лицо Іоганна набѣжало облако.

— Удивительно! сказалъ онъ.

Гиги окончательно развеселился и продолжалъ подсмѣиваться надъ другомъ.

— Берегись живыхъ моделей, ты, герой кисти; говорятъ, что модели, состоящія изъ плоти и крови, нерѣдко похищаютъ у художника вмѣстѣ съ сердцемъ силу творчества.

Шарренштейнъ горько усмѣхнулся.

— Чего только вы, профаны, не умѣющіе отличить зеленой краски отъ кармина, не наскажете про насъ, художниковъ!

Они поднялись на верхній этажъ и очутились въ большой неубранной комнатѣ. Всѣ предметы были покрыты слоемъ пыли, толщиною чуть ли не въ палецъ; мебель была роскошная, частью старинная, частью новомодная, мало идущая сюда.

Вся обстановка производила непріятное впечатлѣніе, во всемъ

замѣчался какой-то разладъ. Это было не удивительно: стоило только пристальнѣе взглянуть на хозяина дома. Глаза его безцѣльно блуждали вокругъ; онъ то вставалъ, то снова садился и опять вставалъ и большими шагами мѣрилъ комнату.

— Такъ какого же ты мнѣнія, Іоганнъ, о намѣреніи моей матушки? Ужь не хочетъ ли она сама...

Гиги разсмѣялся.

— Для меня это, пожалуй, было бы пріятнѣе; но тебя, кажется, мало интересуетъ мое дѣло, иначе ты не забылъ бы, что вѣдь принцесса собирается связать мнѣ крылья.

— А! вотъ что! воскликнулъ разсѣянно Шарренштейнъ, какъ-будто въ первый разъ слыша объ этомъ. Онъ провелъ рукой по головѣ, словно разгоняя туманъ, отнимавшій у него способность думать и видѣть.

Гиги невольно поднялся съ мѣста.

— Я могъ избавить себя отъ прогулки по этой адской жарѣ, такъ какъ вижу, что ты слишкомъ разсѣянъ. Твое поведеніе могло бы мнѣ показаться страннымъ, не будь я такъ расположенъ къ тебѣ.

Художникъ пересталъ ходить по комнатѣ, остановился передъ принцпе и съ мольбой взглянулъ на него.

— Прости, Гиги, я оселъ, страшный оселъ. Иногда я никакъ не могу сладить съ овладѣвающимъ мною страннымъ настроеніемъ. Не относись ко мнѣ, какъ другіе, Гиги; не смѣйся надо мною; мнѣ больно это, я могу придти въ бѣшенство; ты знаешь меня лучше, чѣмъ свѣтъ; возьми меня такимъ, какъ я есть, а не такимъ, какимъ я могъ бы быть.

— Хорошо сказано, товарищъ! Мнѣ кажется, Шарренштейнъ, что именно за твою прямоту я и люблю тебя. Не старайся сдерживаться, довѣрься другу, но сдѣлай мнѣ удовольствіе, прежде надѣнь новые чулки. Я думаю также, что рука сапожника не повредила бы твоимъ башмакамъ, а этотъ брилліантъ, достойный блестѣть въ королевской коронѣ, казался бы еще великолѣпнѣе на чистомъ галстукѣ.

Шарренштейнъ дѣтски-грустно усмѣхнулся и крѣпко обнялъ Гиги. Принцпе придалъ своему лицу строгое выраженіе и, освободившись изъ его объятій, постучалъ въ дверь, ведущую въ мастерскую.

— Синьора модель, синьора модель! Шарренштейнъ здѣсь съ

кѣмъ-то обнимается! Позвольте мнѣ вмѣсто него раздѣлить ваше общество.

И прежде, чѣмъ художникъ могъ помѣшать ему, Гиги съ громкимъ смѣхомъ ворвался въ мастерскую. Онъ оглядѣлся кругомъ, но никого не увидѣлъ здѣсь.

— Никого! Словно въ пустынѣ! крикнулъ онъ.

— Я говорилъ тебѣ это; теперь ты убѣдился въ правотѣ моихъ словъ. Твое любопытство удовлетворено. Идемъ отсюда; запахъ красокъ теперь невыносимъ для меня.

Но Гиги не слушалъ его и сталъ разсматривать картины. На столѣ въ безпорядкѣ были навалены недоконченные ландшафты, двѣ картины мертвой природы стояли на полу, прислоненныя къ стѣнѣ. На мольбертѣ красовался большой холстъ; онъ изображалъ бѣлокурую стройную даму въ синей бархатной амазонкѣ, стоящую возлѣ своей лошади. Принципе бѣглымъ взглядомъ окинулъ портретъ; Іоганнъ напряженно слѣдилъ за нимъ.

— Прекрасно, восхитительно, Іоганнъ! Съ этими словами онъ подошелъ къ ближайшему мольберту. Картина представляла сцену въ лѣсу. На первомъ планѣ стояли крестьяне, тотчасъ же рядомъ съ ними была изображена знатная дама, окруженная избраннымъ обществомъ, вѣроятно владѣтельница помѣстья. Эта главная фигура на картинѣ имѣла такіе же золотые волосы, какъ и амазонка на первомъ мольбертѣ. Гиги вдругъ вспомнилъ, что онъ гдѣ-то уже видѣлъ эти волосы и эту фигуру.

— Прекрасно, Шарренштейнъ! Ты, повидимому, особенно любишь золотистые волосы сѣверныхъ сиренъ.

— Это не болѣе, какъ случай, совпаденіе. Идемъ, здѣсь больше нечего смотрѣть, отвѣчалъ Іоганнъ, нетерпѣливо шагая взадъ и впередъ.

— А это что̀? воскликнулъ Гиги, останавливаясь предъ самымъ большимъ мольбертомъ, поддерживающимъ повернутую задомъ картину. Предъ нею стоялъ стулъ, на маленькомъ столикѣ лежали палитры со свѣжими красками и кисти. Казалось Шарренштейнъ еще сегодня утромъ работалъ здѣсь. Увядшая пунцовая роза виднѣлась въ драпировкѣ, безпорядочно брошенной на манекенъ. Быстрымъ движеніемъ Гиги обернулъ картину, крикъ удивленія вырвался изъ его груди. Ярко освѣщенный лучами солнца предъ нимъ предсталъ чудный женскій образъ въ бѣлоснѣжномъ атласномъ платьѣ. Единственнымъ его украшеніемъ служили богатыя кружева, накинутыя на безукоризненный бюстъ.

Она держала въ рукѣ пунцовую розу. Распущенные золотистые волосы волной ниспадали на ея прелестныя полуобнаженныя плечи. Лицо было еще не совсѣмъ окончено, какъ будто художникъ находился въ нерѣшимости, какое выраженіе придать ему. Въ одно мгновеніе Шарренштейнъ схватилъ кисть и вдоль всего лица провелъ широкую черную полосу.

— Несчастный, что̀ ты дѣлаешь! воскликнулъ Гиги.

Шарренштейнъ захохоталъ.

— Ха, ха, ха! Какъ она хороша! Обрати вниманіе на предательское выраженіе ея глазъ! Не правда ли, такъ и кажется, что этотъ ротикъ сейчасъ откроется для лжи. Смотри: разъ, два, и всему конецъ. Лжи не сказано, а предательскіе глаза на вѣкъ забыты! Ну пойдемъ же: теперь ужь въ самомъ дѣлѣ здѣсь нечего смотрѣть.

Онъ швырнулъ кисть въ уголъ и насильно вывелъ Гиги, который, въ свою очередь, вдругъ сталъ задумчивъ и молчаливъ. Что касается Іоганна, то онъ, напротивъ, пришелъ въ прекраснѣйшее настроеніе и принялся уговаривать друга распить съ нимъ бутылку шампанскаго. Но принципе уклонился отъ этого, поспѣшно разстался съ нимъ и сѣвъ въ гондолу, отправился въ Тріестъ на службу. Когда онъ вернулся домой, Цисцелакъ подалъ ему письмо съ парижскимъ штемпелемъ. Онъ вскрылъ его, и сойдя внизъ, прочелъ матери нѣкоторыя мѣста.

— Ты помнишь, матушка, что̀ я писалъ тебѣ о моемъ знакомствѣ съ однимъ молодымъ Черногорцемъ, Іесто Пресаевичемъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ воспитывавшемся въ Парижѣ. Мы подружились съ нимъ и обѣщали другъ другу обмѣняться посѣщеніями. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣзжаетъ изъ Парижа и спрашиваетъ, не имѣешь ли ты чего-нибудь противъ его визита.

Принципесса охотно изъявила свое согласіе, и любезное приглашеніе полетѣло изъ Тріеста въ столицу на Сенѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо IV.

Арестъ Равашоля, отнынѣ составившаго себѣ знаменитость въ лѣтописяхъ о преступленіяхъ, нѣсколько успокоилъ опасенія Парижа. Происшедшіе одинъ за другимъ взрывы на Сенъ-Жерменскомъ бульварѣ, въ Лобанскихъ казармахъ и въ улицѣ Клиши, вызвали сильное смятеніе среди парижскихъ жителей. Такимъ образомъ, когда наконецъ удалось наложить руку на главнаго виновника этихъ преступленій, всѣ почувствовали какое-то облегченіе. Болѣе двухъ милліоновъ жителей съ чувствомъ глубокаго отвращенія возстали противъ преступленій, которыя возвращаютъ насъ ко временамъ полнаго варварства. Анархистское ученіе имѣетъ здѣсь крайне малое количество сторонниковъ, и у насъ будетъ встрѣчено съ чувствомъ полнаго удовольствія все, что̀ бы только не предприняли общественныя власти для избавленія насъ отъ анархистовъ. Не вѣрьте тому, будто Парижъ и Франція представляютъ собою излюбленную почву всякихъ преступныхъ теорій. Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить всеобщій горячій протестъ противъ производителей этихъ отвратительныхъ махинацій. Г. Бловицъ заявилъ въ *Times*, что взрывы въ Лондонѣ были политическими взрывами, подготовленными ирландскою партіей динамитчиковъ противъ Англіи, между тѣмъ какъ взрывы въ Парижѣ являются дѣяніемъ партіи анархистовъ противъ всякаго закона. Я не вижу никакой разницы между взрывами въ обѣихъ странахъ и ихъ послѣдствіями и не извиняю ни тѣхъ, ни другихъ. Г. Бловицъ требуетъ, чтобы были приняты

мѣры предосторожности. Это уже сдѣлано и будутъ предприняты и еще другія мѣры.

Палаты начали съ того, что усилили строгость статей 435 и 436 Уголовнаго Кодекса. Вотъ содержаніе этихъ статей.

„Статья 435. Наказаніе будетъ тоже соотвѣтствовать различіямъ сдѣланнымъ въ предыдущей статьѣ противъ лицъ, которыя своевольно разрушаютъ совсѣмъ или отчасти, или сдѣлаютъ покушеніе, чтобы разрушить дѣйствіемъ мины или какихъ-либо взрывныхъ веществъ зданія, жилища, плотины, дороги, судна, лодки, всевозможныхъ экипажей, магазиновъ или фабрикъ, или прилежащихъ къ нимъ строеній, мостовъ, общественныхъ или частныхъ дорогъ и всякихъ движимыхъ и недвижимыхъ предметовъ, какого бы рода они ни были.

„Помѣщеніе съ преступнымъ намѣреніемъ въ общественномъ или частномъ мѣстѣ взрывной бомбы или патрона будетъ отнесено къ покушенію на преднамѣренное убійство.

„Лица, виновныя въ преступленіяхъ, упомянутыхъ въ настоящей статьѣ, будутъ освобождены отъ наказанія, если, до совершенія этихъ преступленій и до возбужденія всякаго преслѣдованія, они сообщили о нихъ и открыли существующимъ властямъ виновниковъ, или, если даже послѣ возбужденія преслѣдованія, они доставили возможность арестовать прочихъ виновниковъ.

„Тѣмъ не менѣе они могутъ быть подвергнуты пожизненно или временно воспрещенію пребыванія, какъ это установлено статьей 19-й закона отъ 27 мая 1885 года.

„Статья 436. Угроза поджечь или разрушить помощью мины или какого бы то ни было взрывнаго вещества предметовъ, перечисленныхъ въ статьѣ 435 уложенія объ уголовныхъ наказаніяхъ, наказуется наказаніемъ, установленнымъ по угрозѣ убійства и согласно различіямъ, установленнымъ въ статьяхъ 305,306 и 307.“

Полиція получила секретныя инструкціи. Наблюденіе за національными дворцами, общественными памятниками и улицами въ значительной мѣрѣ усилено. Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ префектамъ самымъ строгимъ образомъ наблюдать за примѣненіемъ декретовъ касательно фабрикаціи, перевозки и сдачи въ склады динамита. Онъ предписалъ имъ войти въ сношенія съ различными фабрикантами динамита и приказать имъ строжайше наблюдать за охраненіемъ своихъ складовъ подъ страхомъ закрытія этихъ складовъ и отобранія у нихъ свидѣтельствъ на право выдѣлыванія динамита.

На день 1 мая рѣшены самыя строгія мѣры. Вся полиція будетъ поставлена на ноги, и всѣ войска будутъ наготовѣ въ казармахъ. Малѣйшія подстрекательства къ безпорядкамъ будутъ строго наказаны. Правительство желаетъ доказать Франціи и Европѣ, что оно умѣетъ предупреждать всякіе безпорядки и со всѣхъ точекъ зрѣнія оно совершенно право. Все даетъ основаніе полагать, что всюду въ Европѣ обнаружатъ такую же энергію относительно дня 1 мая, который сдѣлался международнымъ празднествомъ революціонной рабочей партіи.

Религіозный вопросъ къ несчастью еще присоединился къ вопросу анархистскому. Соціалисты, воспользовавшись проповѣдями, произносимыми въ церкви Св. Мерри о соціализмѣ, подняли шумъ въ церкви и грубо воспрепятствовали проповѣднику продолжать свою проповѣдь. Съ другой стороны, одинъ іезуитъ въ церкви Св. Клотильды выразилъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ свое мнѣніе относительно тлетворнаго вліянія казармъ на нравственность множества молодыхъ людей, въ которыхъ казарменная жизнь поселяетъ отвращеніе къ простымъ и трудолюбивымъ занятіямъ, а физически даетъ имъ привычки къ невоздержанности и разрушаетъ ихъ здоровье. Палата депутатовъ вступилась за честь арміи, которую сочла затронутою и рѣзко возстала противъ этихъ словъ. Что же до проповѣдей въ церкви Св. Мерри, то онѣ прекратились. Умѣренныя республиканскія газеты высказали сожалѣніе по поводу поведенія соціалистовъ. „Ихъ поведеніе не имѣетъ себѣ извиненія. Еслибы даже проповѣдникъ позволилъ себѣ что-нибудь лишнее въ словахъ, то и это не могло бы служить извиненіемъ подобныхъ насилій. Статья 260 и слѣдующія за ней статьи уголовнаго кодекса наказываютъ подобнаго рода дѣянія. Если на это не будетъ обращено вниманія, сектанты скоро по своему рѣшатъ религіозные вопросы. Слѣдуетъ сразу положить конецъ ихъ попыткамъ.“

Въ палатѣ депутатовъ былъ возбужденъ горячій запросъ, и депутатъ Пишонъ ополчился противъ клерикализма. Онъ настоялъ на вотированіи постановленія, приглашающаго правительство заставить уважать распоряженія уголовнаго кодекса, воспрещающаго священнослужителямъ критиковать съ церковной каѳедры законъ и дѣйствія правительства. Монсеньоръ Гюльстъ вступилъ въ этотъ день въ пренія, и это было для него не легко. Онъ былъ встрѣченъ съ невѣроятными горячностью и рѣзкостью,

но благодаря своему хладнокровію, прямодушію и таланту, сумѣлъ сдержать тѣхъ, кто стремился его прерывать. Онъ заявилъ, что духовенство не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія нападать на какое бы то ни было человѣческое законодательство, но что они не въ состояніи не интересоваться соціальными вопросами, которые въ настоящее время захватываютъ вниманіе всего міра. Священнослужители обсуждаютъ и будутъ обсуждать соціальные вопросы, находящіеся въ связи съ нравственностью. Они будутъ предлагать рѣшенія, которыя, какъ они убѣждены, находятся въ Евангеліи, какъ это и выяснилъ папа Левъ XIII. И было бы дѣйствительно страннымъ, еслибы христіанскіе священнослужители не имѣли права толковать словъ и исполнять совѣтовъ главы Церкви. „Впрочемъ, никто не принуждается, прибавляетъ одна республиканская газета,—входить въ какую бы то ни было церковь. Развѣ это не странно и не противорѣчиво со стороны людей, которые не желаютъ болѣе священниковъ, тѣмъ не менѣе отправляться въ церковь, раздражаться и драться вслѣдствіе того, что эти священники не говорятъ такъ, какъ это имъ нравится... Слишкомъ очевидно, что нравы наши не находятся на высотѣ нашихъ либеральныхъ теорій и крайне унизительно видѣть, что люди, приписывающіе себѣ званіе людей свободомыслящихъ, прежде всякихъ разсужденій стремятся къ тому, чтобы насиліями тушить проявленіе всякой мысли, которой они не раздѣляютъ сами.“

Постановленіе дня было вотировано 336 голосами противъ 105 и тѣмъ не менѣе оно не удовлетворило радикаловъ. Газета г. Клемансо *La Justice* заявила, что вотумъ этотъ означаетъ полное ничтожество... Будемъ надѣяться, что буря успокоится и что въ церквахъ, какъ и всюду, снова все станетъ тихо и спокойно. Въ то время, какъ я вамъ пишу эти строки, замѣтно настоящее затишье. Невозможно, чтобъ анархисты безнаказанно продолжали угрожать свободѣ, спокойствію и жизни гражданъ.

Вопросъ о драматической цензурѣ снова вернулся въ палату депутатовъ Правительство было право, защищая это учрежденіе, которое должно сдѣлаться обезпеченнымъ противъ рѣзкостей и неприличностей на сценѣ. Правительство указало также и на то, что цензура будетъ дѣйствовать менѣе произвольно, чѣмъ полиція. „Неужели же слѣдуетъ, сказалъ представитель правительства, чтобы полицейскій коммиссаръ при представленіи піесы судилъ о томъ, возможно или невозможно исполнять ее на сценѣ? Неужели же подобный пріемъ предпочтительнѣе учрежденію

цензуры?... Прибавлю, что драматическіе авторы прежде всѣхъ поймутъ и потребуютъ это.“ И такимъ образомъ вопросъ о цензурѣ рѣшенъ формальнымъ вотумомъ. Мы желаемъ думать, что она будетъ исполнять свое дѣло энергично и будетъ неумолима ко всѣмъ мерзостямъ, которыя она допускала доселѣ по своей поистинѣ изумительной снисходительности.

Сенатъ блестяще приступилъ къ преніямъ касательно проекта закона о провинціальныхъ университетахъ. Г. Шалльмель-Лакуръ открылъ огонь весьма ученою и замѣчательною по своей литературной обработкѣ рѣчью. Онъ ратовалъ противъ этого проекта, изображая его то пустою тѣнью, то разрушеніемъ національнаго образованія. Онъ говорилъ, что осуществленіе этого проекта поведетъ къ раздѣленію и неравенству между существующими факультетами, къ гибели мелкихъ факультетовъ въ пользу факультетовъ крупныхъ. Г. Шалльмель-Лакуръ человѣкъ старинныхъ университетскихъ порядковъ, сторонникъ университетской цивилизаціи. Онъ смѣялся надъ мыслью о реставрированіи готическихъ памятниковъ, которые принесутъ лишь одинъ вредъ. „Находятся люди, сказалъ онъ въ заключеніе, которые восторгаются тѣмъ, что республиканцы такъ хлопочатъ о томъ, чтобъ осуществить желаніе, выраженное однимъ католическимъ монархистскимъ ораторомъ, предлагавшимъ, чтобы цѣлью усилій страны было послѣдовательное возстановленіе одного за другимъ средневѣковыхъ учрежденій.“

Министръ народнаго просвѣщенія доказывалъ, что все это преувеличенія: группировка нашихъ отдѣльныхъ факультетовъ въ университетахъ является естественнымъ результатомъ сильнаго развитія высшаго образованія за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Студенты, впрочемъ, не ожидали сигнала отъ своихъ учителей. Во всѣхъ центрахъ, желающихъ дать свое названіе университету, они сами создали общую студентческую ассоціацію. Слѣдовательно, это не есть призракъ. Группировка факультетовъ точно также требуетъ развитія институтовъ и лабораторій въ качествѣ мѣста преподаванія общаго для нѣсколькихъ факультетовъ. Министръ поспѣшилъ прибавить, что ничто не будетъ измѣнено въ самомъ положеніи факультетовъ, что они сохранятъ за собою свои теперешнія права. Но не слѣдуетъ ли нѣсколько поочистить Парижъ, въ которомъ существуетъ болѣе 11.000 студентовъ? На одномъ юридическомъ факультетѣ находится около 6.000 человѣкъ. Единственнымъ средствомъ для удержанія этихъ юныхъ

тружениковъ науки въ провинціи является созданіе тамъ сильныхъ университетовъ. Докладчикъ г. Барду краснорѣчиво защищалъ тотъ же тезисъ. Близко стоящій къ университету человѣкъ, г. де Розьеръ, внимательно разсмотрѣлъ этотъ проектъ и призналъ, что создатели его имѣютъ добрыя намѣренія, но въ то же время онъ указалъ на то, что въ проектѣ этомъ существуютъ кое-гдѣ весьма еще смутныя неясныя мѣста. Такимъ образомъ, сенатъ передалъ проектъ въ коммиссію, потребовавъ у нея чего-нибудь болѣе точнаго и опредѣленнаго. Въ сущности мѣстные интересы повидимому восторжествовали надо всѣми прочими, и каждый сенаторъ, будучи представителемъ того или другаго факультета, въ дѣйствительности защищалъ интересъ своего города. Многіе желали бы, чтобы теперешніе пятнадцать академическихъ округовъ получили бы названія университетовъ. Но въ такомъ случаѣ преобразованіе не имѣло бы никакого значенія. Коммиссія совѣщалась съ министромъ и, по возобновленіи парламентскихъ сессій послѣ Пасхи, она представитъ для обсужденія новый проектъ, главнымъ основаніемъ котораго будетъ слѣдующее: „корпусъ, созданный соединеніями въ одномъ и томъ же городѣ трехъ факультетовъ, пользуется правами гражданства точно такъ же, какъ и каждое изъ составляющихъ его заведеній. Корпусъ этотъ составляетъ университетъ, если онъ заключаетъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ три факультета и подготовительную медицинскую или аптекарскую школу если въ немъ менѣе трехъ факультетовъ.“

Въ продолжительныхъ преніяхъ свѣдущихъ лицъ, касательно совѣтовъ, палата приняла предложеніе, клонящееся къ тому, чтобы даровать при этихъ совѣтахъ избирательное право женщинамъ. Главною причиной подобнаго нововведенія является то, что женщина-работница или занимающаяся торговлей часто бываетъ главой семейства, несетъ на себѣ всю отвѣтственность главы семейства. Слѣдовательно, она обязана и имѣетъ право защищать интересы своей профессіи.

Военный министръ на сумму 13 милліоновъ вышелъ изъ предѣловъ, ассигнованныхъ ему кредитовъ, и, слѣдовательно, имѣлъ основаніе опасаться враждебнаго себѣ вотума со стороны палаты депутатовъ. Бюджетная коммиссія потребовала простаго сокращенія въ 1.000 франковъ, чтобъ этимъ показать свое неодобреніе, и слухъ прошелъ было о томъ, что, можетъ-быть, министръ будетъ вынужденъ подать въ отставку. Но предполагать это

значило не знать г. Фрейсине. Онъ доказалъ, что эти расходы были необходимы, что они были сдѣланы въ интересахъ національной обороны и ради блага страны. „Французская армія, заключилъ онъ свою рѣчь,—обходится дешевле арміи германской. Нѣмцы на 18 милліоновъ тратятъ болѣе насъ. Это признано спеціальнымъ докладчикомъ г. Кошери. Въ теченіе четырехъ лѣтъ мы осуществили значительныя сбереженія. А между тѣмъ мы создали 25 новыхъ баталіоновъ пѣхоты, 40 эскадроновъ кавалеріи, 35 батарей артиллеріи. Мы организовали смѣшанные полки. Они составляютъ для арміи значительныя силы, на которыя Франція можетъ вполнѣ полагаться. Хорошо чтобъ она знала эти результаты, но, вы думаете, я стану ими гордиться? Нѣтъ! я вовсе не искуснѣе моихъ предшественниковъ. Я имѣлъ предъ ними лишь одно преимущество: бо́льшій промежутокъ времени. Они сдѣлали бы то же самое, будь у нихъ на то время. Военный министръ оказался въ состояніи достигнуть этихъ результатовъ вслѣдствіе того, что 4 года онъ оставался на своемъ посту. Но для завершенія своей задачи, онъ нуждается въ довѣріи со стороны палаты депутатовъ и со стороны страны. Пошатнись это довѣріе, и онъ ни одной минуты долѣе не могъ бы оставаться во главѣ арміи!..“

Г. Фрейсине прибавилъ, что если бюджетная коммиссія желаетъ ему выразить порицаніе сокращеніемъ суммы въ 1.000 фр., то онъ этого сокращенія не принимаетъ. Бюджетная коммиссія нѣсколько смутилась и стала протестовать. Съ ея стороны это только простое сожалѣніе, а не неодобреніе. Тогда министръ принялъ это сожалѣніе, прибавивъ, что если какіе-нибудь депутаты желаютъ преобразовать его въ порицаніе, то имъ сто́итъ только предложить еще большее сокращеніе. Лишнимъ будетъ прибавлять, что никто подобнаго предложенія не сдѣлалъ, и министръ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ хорошо управляющій Франціей, восторжествовалъ благодаря своему остроумному вызову. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ преній выяснилось, что палата депутатовъ, отдавая полную справедливость рвенію и способностямъ г. Фрейсине, въ то же время дружелюбнымъ образомъ пригласила его обратить вниманіе на финансовое преобразованіе его департамента. Я убѣжденъ въ томъ, что теперь не скоро будутъ представлены кредиты въ исправленной формѣ.

Проектъ бюджета на 1893 годъ освобождаетъ настоящее и оставляетъ въ будущемъ неприкосновенною свободу дѣйствія

правительства и парламента. Какъ балансъ новаго бюджета? Онъ простирается до 3.347.691.488 фр., которымъ соотвѣтствуютъ точно такія же поступленія доходовъ и безо всякаго сомнѣнія въ нихъ еще явятся излишки, которые за послѣдніе годы постоянно увеличиваются. Во главѣ своего финансоваго плана г. Рувье помѣстилъ графическую таблицу, ясно указывающую на экономическое состояніе Франціи. Вотъ нѣсколько весьма назидательныхъ строкъ изъ сопровождающаго таблицу объясненія:

„Нѣсколько знаменательныхъ фактовъ очевидны съ перваго взгляда на таблицу.

„При сравненіи нормальныхъ поступленій государственныхъ доходовъ, съ одной стороны, съ суммой обыкновенныхъ расходовъ, съ другой стороны, прежде всего замѣтна нѣкоторая разница, которая, повышаясь то въ ту, то въ другую сторону, служитъ вѣрнымъ отраженіемъ постепенныхъ и различныхъ колебаній нашего финансоваго положенія.

„Въ началѣ является значительный дефицитъ. Всѣмъ извѣстны какія тяготы завѣщали республикѣ бѣдствія 1870 года. Надобно было возстановлять все сразу, границы, армію, кредитъ. Громадные займы для освобожденія территоріи тяжкимъ бременемъ ложатся на наши бюджеты; но мужество у насъ находится на высотѣ обстоятельствъ; всѣ желаемыя жертвы выполняются; національное собраніе безо всякаго колебанія создаетъ источники доходовъ, требуемые для поднятія нашихъ финансовъ; вскорѣ излишки поступленій доходовъ вознаградятъ насъ за эти усилія.

„Позаботившись о самыхъ неотложныхъ потребностяхъ, о потребностяхъ національной обороны, республика занимается переустройствомъ своихъ орудій труда: она заботится объ улучшеніи своихъ перевозныхъ путей, о развитіи своихъ морскихъ гаваней, о расширеніи своихъ школъ. Составляются обширныя программы, выполненіе которыхъ скоро чувствительно отражается на бюджетѣ посредствомъ требуемыхъ ими займовъ. Въ ту же минуту излишки въ бюджетѣ сокращаются; равновѣсіе между поступленіями и расходами нарушено; еслибы не были приняты энергическія рѣшенія, то прочность нашего кредита погибла бы. Но правительство и палаты сознаютъ опасность. Принимаются мужественныя рѣшенія. Нисколько не отклоняясь отъ обѣщаній, данныхъ странѣ, у насъ преслѣдуютъ осуществленіе обширныхъ бюджетныхъ сбереженій и тѣмъ не менѣе стараются закрыть большую книгу общественнаго долга.

„Для этой послѣдней цѣли у насъ не ограничиваются финансовыми комбинаціями, онѣ являются лишь первымъ пунктомъ въ намѣченномъ пути. Главною цѣлью ставится: внесеніе въ обыкновенный бюджетъ всѣхъ расходовъ, которые до сихъ поръ покрывались займами; благодаря неустаннымъ стараніямъ, цѣль эта наконецъ достигается: расходы военные, морскіе, общественныхъ работъ, по школьному дѣлу, на все это идутъ исключительно доходы съ правильнаго поступленія налоговъ.

„На 1893 г. поступленія доходовъ представляютъ такой излишекъ противъ прежнихъ обыкновенныхъ расходовъ, что всѣ бюджеты займовъ уничтожаются: мы достигаемъ бюджета единственнаго.“

Съ совершенно справедливою гордостью министръ констатируетъ затѣмъ прогрессъ возрастанія богатства во Франціи. По нѣсколькимъ таблицамъ сравниваетъ онъ положеніе теперешней Франціи съ положеніемъ Франціи 1876 и 1869 г. Онъ дѣлаетъ это съ величайшею тщательностью и представляетъ самыя вѣскія и самыя точныя свѣдѣнія. Вотъ какъ онъ резюмируетъ свои самыя существенныя указанія:

„Невозможно пробѣжать этихъ цифръ, не будучи поражену возрастаніемъ богатства во Франціи при республикѣ. Потребленіе каменнаго угля съ конца имперіи увеличилось на 71%; производство каменнаго угля увеличилось на 90%; плавленіе увеличилось на 42%. Количество паровыхъ лошадиныхъ силъ увеличилось на 151%. Перевозка нашихъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ повысилась на 76%. Можетъ быть это простая замѣна перевозки товаровъ по воднымъ путямъ? Нѣтъ, это является указаніемъ возрастанія богатства, такъ какъ количество судовъ въ то же время увеличилось на 87%. Что же до путешественниковъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, то количество ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое.

„Почтовое обращеніе возвысилось на 140%, а телеграфное обращеніе на 605%; обороты нашей внѣшней торговли увеличились на 37%; учеты во французскомъ банкѣ съ 6 милліардовъ возрасли до 10 милліардовъ.

„Благосостояніе распространилось въ странѣ. Потребленіе предметовъ роскоши увеличилось и увеличило возрастающее благосостояніе массъ. Потребленіе кофе увеличилось на 35%, а сахара на 71%. И въ то время, какъ возрастали личныя траты,

возрастало и количество сбереженій: съ 1869 г. по 1891 г. фонды сберегательныхъ кассъ увеличились на 400%."

Никогда еще ни одинъ бюджетъ не являлся при болѣе благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, какъ бюджетъ на 1893 годъ. Если, какъ мы на это надѣемся, Франція будетъ продолжать слѣдовать мудрой, осторожной, умѣренной политикѣ, если она будетъ продолжать обнаруживать твердую и неустанную энергію противъ враговъ всякаго закона и всякаго общественнаго порядка, то она можетъ съ увѣренностью взирать на будущее.

* * *

Герцогъ Омальскій издалъ шестой томъ *Исторіи Принцевъ Конде;* исторія эта чрезвычайно замѣчательна и онъ ведетъ ее къ ея окончанію съ рѣдкою добросовѣстностью и высокимъ талантомъ. Шестой томъ начинается съ той минуты, какъ Великаго Конде арестуютъ и везутъ въ Вейссинъ. Пребываніе принца въ государственной тюрьмѣ, его перевозка въ Маркуссисъ, а потомъ въ Гавръ, его освобожденіе, его торжественное возвращеніе въ Парижъ, его интриги, все это написано мастерски. Вотъ маленькая превосходная выдержка. Это та минута, когда Мазарини спѣшитъ опередить приказъ объ освобожденіи принца и торопится въ Гавръ, чтобъ отпереть двери тюрьмы своего врага:

„У воротъ ждала карета; кардиналъ проводилъ до нея освобожденныхъ принцевъ и низко поклонился Конде, столь низко, что свидѣтели этой сцены думали, что онъ обнимаетъ колѣна принца. Когда захлопывалась дверца, онъ могъ слышать взрывъ хохота въ отвѣтъ на этотъ поступокъ униженія. Вскорѣ затѣмъ онъ покинулъ Гавръ.

„Какое зрѣлище! Мазарини, отрѣшенный отъ власти въ ту минуту, когда повидимому онъ укрѣпилъ свой авторитетъ побѣдой, униженно умоляющій о поддержкѣ, о покровительствѣ человѣка, котораго въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ онъ держалъ въ тѣсномъ заключеніи;—коадъ-юторъ Бофоръ, люди, не перестававшіе составлять заговоры, имѣющіе своею цѣлью гибель Конде, сами являются и строятся вокругъ него;—дворъ, фронда, у ногъ этого врага, столь часто предаваемаго, еще наканунѣ переправляемаго изъ крѣпости въ крѣпость, какъ будто для него было невозможно найти достаточно вѣрной, достаточно жестокой тюрьмы;—

Парижъ зажигаетъ радостные огни въ честь его возвращенія, тѣ же огни, которые годъ тому назадъ освѣщали двери его тюрьмы;—развѣ не подходящій это случай, повторить вмѣстѣ съ авторомъ *Maximes*: все случается во Франціи?"

Второй томъ *Воспоминаніе барона де Барантъ* нисколько не уступаетъ первому. Онъ пробѣгаетъ періодъ отъ 1813 г. до 1822 г. и доставляетъ весьма любопытныя свѣдѣнія касательно обѣихъ реставрацій. Разсказъ отличается прямодушіемъ и умомъ. Такъ, напримѣръ, г. де Барантъ намъ сообщаетъ, что г. де Витрошь съ удивительнымъ легкомысліемъ прибавилъ своею рукой къ королевской декларацін въ Сентъ-Овенѣ слѣдующія слова: „Нашего царствованія годъ девятнадцатый", и слова эти были однимъ изъ главнѣйшихъ неудовольствій противъ реставрированной монархіи.

На дняхъ происходило годичное засѣданіе Общества исторіи революціи, и одинъ изъ его членовъ г. Жюль Кларети сдѣлалъ интересное сообщеніе касательно мемуаровъ дочери конвенціоналиста Мерлена де Тіоквилля. Я привожу изъ него слѣдующую любопытную выдержку:

„Съ годъ тому назадъ меня пригласила къ себѣ нѣкая г-жа Лебарбье де Тинанъ, выразившая желаніе сдѣлать мнѣ сообщеніе о своемъ отцѣ, Мерленѣ де Тіонвиллѣ. Дочь конвенціоналиста, находившаяся еще въ живыхъ въ 1890 г., являлась весьма соблазнительною рѣдкостью. Я всегда любилъ бесѣдовать съ этими косвенными свидѣтелями революціи, такъ какъ бесѣда въ концѣ-концовъ стóитъ авторитетности писанныхъ документовъ. Между прочимъ, мнѣ вспоминается исторія, разсказанная мнѣ много лѣтъ тому назадъ генераломъ Шазалемъ. Будучи еще маленькимъ ребенкомъ, онъ игралъ во времена реставраціи въ одномъ изъ общественныхъ садовъ въ Брюсселѣ. Его серсо ударилось о ноги серьезнаго задумчиваго старика, который вдругъ заинтересовался дѣтскимъ личикомъ.

„— Кто ты такой? ласково спросилъ онъ его.

„— Сынъ г. Шазаля.

„Лицо старика мгновенно нахмурилось и приняло гнѣвное выраженіе.

„— Ты можешь передать своему отцу, что я крайне сожалѣю, что не приказалъ отрубить ему головы; передай ему это отъ Вадье."

Вернувшись домой мальчикъ сказалъ отцу:

— Я видѣлъ одного старика по имени Вадье...

Шазаль подскочилъ на стулѣ и, не давъ сыну договорить начатаго, воскликнулъ:

— Вадье! Какъ я сожалѣю, что не отправилъ его на эшафотъ!

Вотъ славные образцы человѣческаго рода!.. А старикъ Мерленъ, по словамъ его дочери, порой говорилъ:—„Были ли мы правы, низвергнувъ Термидора Робеспьера? — Очевидно якобинцы эти были неисправимы и никакой урокъ не былъ въ силахъ передѣлать ихъ. Это замѣчаніе даетъ понять, что, перерѣзавъ горло Робеспьеру, они желали бы продолжать его отвратительную систему.“

Въ томъ же засѣданіи г. Оларъ читалъ диссертацію о причинахъ раненія Робеспьера въ ночь съ 9 на 10 термидора. Онъ полагаетъ, что здѣсь одновременно были и самоубійство, и убійство, и что эти два предположенія примиримы между собою. Это невѣрно. Жандармъ Мерда самъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Робеспьера въ ту минуту, какъ мятежникъ подписывалъ приказъ идти на конвентъ. Подпись не была окончена и осталось всего первыхъ шесть буквъ „Робеспи....“. Подпись эта существуетъ на подлинномъ документѣ, обрызганномъ кровью, и фактъ писанія въ ту минуту, какъ выстрѣлъ изъ пистолета попалъ въ челюсть диктатора, противорѣчитъ предположенію о самоубійствѣ. Есть люди стремящіеся произвести это чудовище въ герои, и намъ заявляютъ, что его нервно-желчный темпераментъ могъ быть склоненъ къ самоубійству. Но дѣло въ томъ, что у Робеспьера хватало мужества на то, чтобъ осуждать на смерть тысячи невинныхъ и что у него не хватило мужества нанести удара самому себѣ.

Новый романъ г. Зола продолжаетъ распространяться и во Франціи, и въ Европѣ. Газетѣ *La Tribuna* пришла мысль распространять это произведеніе и она расклеила въ главнѣйшихъ городахъ Италіи громадную афишу, которая никакъ не можетъ быть по сердцу французскому шовинизму. Спрошенный по этому поводу романистъ отвѣчалъ, что ему извѣстна эта афиша, что онъ нашелъ ее весьма сомнительнаго вкуса съ точки зрѣнія искусства и совершенно лживаго съ точки зрѣнія исторіи, но что его чувство патріотизма отъ нея не пострадало.

„Наполеонъ III, сказалъ онъ, изображенъ на этомъ объявленіи вручающимъ свою саблю Вильгельму, который сошелъ съ

коня и подошелъ къ нему: внизу разбитый орелъ упалъ на громадную лавровую вѣтвь; въ глубинѣ стоитъ императорская коляска, а на первомъ планѣ полулежащій раненый Зуавъ, изображающій израненную Францію, грозится кулакомъ германскому знамени. Все это безъ сомнѣнія печально, все это относится къ области чистаго вымысла, но вопреки тому, что̀ говорятъ, тутъ нѣтъ ни одного Француза, изображеннаго въ смѣшномъ видѣ. Что же до этой сцены, то она совершенно невѣрна съ исторической точки зрѣнія, потому что никогда не происходило подобнаго врученія сабли. Наполеонъ послѣ пораженія ограничился лишь чрезвычайно краткимъ письмомъ къ королю: въ *Разгромѣ нѣтъ ни одной строчки*, которая могла бы служить объясненіемъ или извиненіемъ этой афиши, такъ какъ я по этому поводу вставилъ въ свою книгу лишь то, что̀ было въ исторіи. Во всякомъ случаѣ возможно, что афиша эта сдѣлана Итальянцами противъ императора, но не противъ Франціи, потому что книга, о которой они объявляютъ, можетъ только служить къ прославленію нашей страны, такъ какъ въ ней говорится о нашемъ мужествѣ и нашей храбрости въ несчастіи. Ничего другаго въ ней искать не слѣдуетъ.“

Редакторъ газеты *La Tribuna* отвѣтилъ, что афиша эта указываетъ на то, что въ романѣ рѣчь идетъ о гибели императора, а не о гибели Франціи.

У Ашетта началось печататься изданіе описаній *Большихъ столицъ*, порученныхъ избраннымъ авторамъ. Первое описаніе *Парижъ* сдѣлано поэтомъ Коппе. Второе описаніе *Санктъ-Петербургъ* было поручено г. Е. Мельхіору де-Вогюэ. Исполнено оно въ совершенствѣ.

Изъ числа новопоявившихся романовъ я рекомендую вамъ у Плона *Прошлое сестры Моники* г. Ж. Віоля; это исторія трогательная, великодушная, честная, которую можно дать каждому въ руки и въ которой сіяетъ прекрасный благородный женскій образъ. Новеллы г. Поля Маргеритта, появившіяся подъ заглавіемъ *Бѣлый кирасиръ*, отличаются замѣчательными изяществомъ и простотой. Въ нихъ есть что-то особенно тонкое, проникновенное, своеобразное, и порой онѣ трогаютъ весьма тревожные предметы. Ихъ слѣдуетъ читать тщательно.

Появились и другіе романы, менѣе хорошо написанные, чѣмъ новеллы г. Поля Маргеритта, но всѣ они запечатлѣны какою-то тревожною психологіей. Нынѣшніе молодые писатели стараются

производить впечатлѣніе и пугать читателя. Они пугаютъ часто и самихъ себя. Я опасаюсь, чтобы благодаря неустанному анализу своего мозга, они не увеличили бы собою количества тѣхъ несчастныхъ, которые, подобно Мопассану, злоупотребили своимъ умомъ. Бѣдные авторы! Сколько изъ нихъ видишь такихъ, большіе грустные глаза которыхъ какъ-будто тщетно ищутъ неуловимыя мысли!..

* * *

Весьма мало могу сообщить вамъ относительно театральныхъ новостей. Театру *Odéon* пришла превосходная мысль о томъ, чтобы возобновить *La Conjuration d'Amboise* сочиненія Луи Булье, историческую драму въ стихахъ, которая не исполнялась на сценѣ со времени своего появленія въ 1866 году. Драма эта написана съ большою теплотой и послѣдніе три акта произвели большой эффектъ. Самый заговоръ является только аксессуаромъ. Это только фреска, предъ которою разыгрывается исторія любви между принцемъ Конде и графиней де-Бриссонъ. Принцъ Конде, вмѣстѣ съ протестантами желавшій исторгнуть Франциска II изъ-подъ тиранніи Гизовъ, спасъ жизнь графинѣ де-Бриссонъ, попавшей въ партію заговорщиковъ. Графиня влюбляется въ своего избавителя, ни имени, ни званія котораго она не знаетъ. Она становится игрушкой Катерины Медичи, и сама того не зная, предаетъ ея мести принца Конде. Но ей удается оправдаться въ томъ, что съ ея стороны не было никакого предательства и, когда принцъ снова освобожденъ, она можетъ умереть за него, жертвуя своею жизнью невозможной любви. Піеса эта весьма драматична и трогательна. Стихи въ ней сильны, гибки и звучны. Драма эта смотрится съ большимъ интересомъ въ такія времена, когда драматическое искусство сдѣлалось столь бѣдно!

На сценѣ *Théatre Moderne* было исполнено нѣчто въ родѣ религіозной драмы, озаглавленной *Le Christ* и написанной поэтомъ Граммуженомъ. Я не скажу, чтобъ авторъ имѣлъ намѣреніе насъ скандализировать. Но я не сочувствую этимъ предпріятіямъ, имѣющимъ своею цѣлью эксплуатировать фальшивый мистицизмъ. Я вижу въ этомъ лицемѣрную профанацію, возмущающую и хорошій вкусъ, и здравый смыслъ. То же самое думаю я и о піесѣ *La Passion* поэта Арокура. Меня возмущаетъ видъ того, что Христа преобразуютъ въ исполнителя первой роли въ священной драмѣ.

Въ театрѣ Комической Оперы возобновлена *Свадьба Фигаро*. Превосходная опера Моцарта имѣла большой успѣхъ и всѣ выдающіяся мѣста заставили повторить.

* * *

Напротивъ того, на выставкѣ пастелистовъ было множество прелестныхъ вещей: портретъ молодой дѣвушки работы г. Машара, сцены изъ сельской жизни г. Лермитта, этюдъ голаго тѣла г. Пюп де-Шаванна, превосходные портреты гг. Дусе, Тевено, Тиссо и др. Пастель снова заняла себѣ почетное мѣсто. Благодаря ей мы имѣемъ возможность любоваться на идеальную свѣжесть и имѣть удовольствіе смотрѣть на прелестнѣйшіе тоны.

Художникъ Детайль принятъ въ число членовъ Академіи Изящныхъ Искусствъ и избраніе это съ полнымъ удовольствіемъ было привѣтствуемо и художниками, и знатоками.

Объявленіе о распродажѣ картинной галлереи Александра Дюма произвело въ Парижѣ нѣкоторое удивленіе. Напрасно пытались угадать причину распродажи. Но какъ бы то ни было, распродажа эта будетъ художественнымъ событіемъ. Въ числѣ знаменитыхъ картинъ этой галлереи находятся *Читающій*, кисти Мейссонье, пейзажи Милле, Дюпре, Руссо, Коро, этюды Лефебра, Делакруа и проч. По поводу этого послѣдняго приведу подлинный анекдотъ въ заключеніе моего письма.

Въ 1847 году Александръ Дюма-отецъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ посѣтилъ мастерскую Делакруа. Пока онъ разговаривалъ съ художникомъ, Александръ Дюма-сынъ облюбовалъ картину *Восточная женщина* и спросилъ сколько она стóитъ.—Я ее не продаю, отвѣтилъ художникъ,—я вамъ ее дарю.—А за сколько бы вы ее продали торговцу, который бы пожелалъ ее купить?—Я спросилъ бы за нее двѣсти франковъ... которыхъ бы онъ мнѣ не далъ.—Ну, такъ вотъ они! воскликнулъ молодой Александръ Дюма.

Мнѣ весьма любопытно знать, за сколько будетъ продана эта картина и насколько оцѣнка ея повысилась во мнѣніи знатоковъ со времени 1847 года.

Г. Вельшингеръ.

5 апрѣля.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крупнымъ событіемъ въ музыкальной жизни Москвы было открытіе спектаклей Русскаго Оперпаго Товарищества, иначе говоря, труппы кіевской оперы подъ управленіемъ извѣстнаго артиста И. П. Прянишникова. Москвичи положительно увлеклись спектаклями Товарищества въ театрѣ Шелапутина и со дня открытія ихъ въ середу, 8 апрѣля, стали, изо дня въ день, наполнять залу съ верху до низу. Этотъ фактъ самъ по себѣ представляетъ интересъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Нашъ Большой театръ, несмотря на отсутствіе конкурренціи и дешевыя цѣны за мѣста, посѣщается довольно неравно публикой: оперы Мейербера или *Пиковая дама* даютъ полные сборы, а во многихъ спектакляхъ зала Большаго театра на половину пустуетъ, хотя вслѣдствіе ширины мѣстъ и вообще простора число ихъ не особенно велико, кажется 2.200 или 2.300, тогда какъ, напримѣръ, въ залѣ театра la Scala въ Миланѣ помѣщается около 4.000. Частные спектакли итальянской оперы, бывавшіе въ прежніе годы во время Великаго Поста, привлекали массу публики при участіи какой-нибудь излюбленной знаменитости, въ противномъ же случаѣ пустовали. Въ нынѣшнемъ году состоялось всего лишь нѣсколько итальянскихъ спектаклей въ театрѣ Парадиза, но какъ ни старались раздуть репутацію участвовавшаго въ нихъ, въ сущности второстепеннаго, тенора Арамбуро, ничто не помогло. Казалось бы прибытіе провинціальной труппы, въ числѣ членовъ которой были нѣсколько хорошихъ, извѣстныхъ Москвѣ пѣвцовъ, но ни одной громкой,

первоклассной знаменитости, — не должно было произвести особенно впечатлѣніе, но оказалось совсѣмъ иное, и публика съ перваго же раза стала разбирать мѣста нарасхватъ. Одна изъ главныхъ причинъ такого успѣха заключалась въ интересномъ репертуарѣ труппы, а въ немъ самою интересною новинкой была опера покойнаго А. П. Бородина *Князь Игорь*. Авторъ ея не только не дожилъ до постановки своего произведенія на сцену, но даже не докончилъ его и потому послѣ его смерти трудъ окончанія оперы взяли на себя друзья его, А. К. Глазуновъ и Н. А. Римскій-Корсаковъ, выполнившіе работу блестящимъ образомъ. Увертюра оперы совсѣмъ не была написана и существуетъ теперь только благодаря замѣчательной памяти А. К. Глазунова, слышавшаго, какъ А. П. Бородинъ игралъ ее на фортепіано и запомнившаго ее до мельчайшихъ подробностей.

А. П. Бородинъ былъ весьма богато одаренною натурой. Онъ занималъ въ ученомъ мірѣ видное положеніе, его работы очень цѣнились, но, тѣмъ не менѣе, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что музыка была не только его призваніемъ, но сдѣлалъ онъ въ ней, вѣроятно, больше прочнаго, долговѣчнаго, нежели въ наукѣ, хотя послѣдняя стояла въ занятіяхъ на первомъ планѣ, а музыкѣ лишь отводились немногіе часы досуга. *Князь Игорь* писался слишкомъ двадцать лѣтъ, но о немъ знали только близкіе друзья композитора и только въ послѣдніе дни его жизни слухи объ оперѣ стали проникать въ публику, а нѣкоторые отрывки появились въ концертныхъ программахъ. А. П. Бородинъ принадлежалъ къ кружку петербургскихъ музыкантовъ, живо интересовавшихъ публику своею дѣятельностію. Кружокъ имѣлъ и въ печати очень сильнаго представителя въ лицѣ Ц. А. Кюи, прекрасныя музыкальныя статьи котораго читались во всѣхъ слояхъ русскаго образованнаго общества. Хотя теперь онъ въ печати появляется рѣдко, но онъ успѣлъ уже воспитать цѣлую серію послѣдователей, которые продолжаютъ въ печати его дѣятельность, хотя и съ меньшимъ талантомъ, но, пожалуй, съ большею еще неуклонностію направленія, доходящею иногда до узкой исключительности. Эта фракція музыкальной прессы начала восторгаться *Княземъ Игоремъ* еще до появленія его въ свѣтъ; хотя и въ менѣе восторженномъ тонѣ, но съ бо́льшимъ интересомъ отнеслись къ новому произведенію и остальные музыкальные критики. Въ февралѣ 1887 г. появилось неожиданное извѣстіе о внезапной кончинѣ А. П. Бородина, глубоко огорчившее всѣхъ

друзей русской музыки, ибо умершій композиторъ былъ дѣйствительно сильнымъ и самобытнымъ талантомъ, значеніе котораго увеличивалось обширнымъ и многостороннимъ образованіемъ покойнаго, дозволявшимъ ему всегда стоять выше узкихъ партійныхъ взглядовъ. Вообще А. П. Бородинъ принадлежалъ къ числу лучшихъ и самыхъ дорогихъ для русскаго общества представителей недавняго прошлаго. Въ 1890 г. приступили къ постановкѣ *Князя Игоря* на сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ, и первое представленіе состоялось 23 октября 1890 г. Съ того времени опера постоянно держится на сценѣ и пользуется прочнымъ успѣхомъ. Отзывы критики послѣ постановки были весьма различные, но, несмотря на многіе справедливые нападки, симпатіи публики къ произведенію Бородина не ослабѣли. Въ Москвѣ среди почитателей русской музыки интересъ къ *Игорю* былъ весьма большой, и Русское Оперное Товарищество для открытія своихъ спектаклей едва ли могло избрать болѣе интересную новость, нежели опера А. П. Бородина. Мы слышали *Князя Игоря* въ Петербургѣ, читали различныя статьи о немъ и находимъ не лишнимъ высказать и наше мнѣніе объ этомъ произведеніи, во всякомъ случаѣ занимающемъ видное мѣсто въ русской музыкальной литературѣ.

Мы начнемъ нашъ разборъ съ либретто и сюжета, опредѣляющихъ своимъ содержаніемъ характеръ музыки. Въ либретто *Князя Игоря*, принадлежащемъ самому композитору, при самомъ поверхностномъ обзорѣ бросаются въ глаза элементы настолько различные, что по временамъ они дисгармонируютъ между собою довольно рѣзко. Первый и наиболѣе важный изъ этихъ элементовъ навѣянъ драгоцѣннымъ памятникомъ древней поэзіи нашей *Словомъ о Полку Игоревѣ* и даетъ эпическую окраску многимъ сценамъ оперы. Второй, въ характерахъ Игоря, Кончака и т. д., носитъ отголосокъ отчасти романтической рыцарской поэзіи, отчасти псевдо-классической трагедіи съ ея Тамерланами и Баязетами. Третій, наконецъ, натуралистическій, рисующій бытовыя картинки, имѣющія скорѣе оттѣнокъ жизни фабричныхъ нашего времени, нежели той далекой русской старины, среди которой совершается дѣйствіе оперы. Первый и второй элементы еще ладятъ между собою, но третій звучитъ чѣмъ-то совсѣмъ чуждымъ основному сюжету. Благодаря происхожденію своему отъ эпической поэмы, *Князь Игорь* совсѣмъ почти лишенъ дѣйствія на сценѣ. Прологъ, выступленіе въ походъ Игоря съ дружиной и

недоброе предзнаменованіе — затменіе солнца, носитъ совершенно эпическую окраску. Слѣдующая картина—спаиваніе черни княземъ Галицкимъ — грубо натуралистическая; особенно оттѣнокъ фабричной современности даютъ ей двое скомороховъ-гудочниковъ своими пѣснями и прибаутками. Нужно, впрочемъ, сказать, что будучи фальшивою по отношенію къ эпохѣ князя Игоря Сѣверскаго и господствующему тону оперы, сама по себѣ эта сцена сдѣлана очень хорошо, только она годилась бы развѣ въ оперу съ такимъ сюжетомъ, какъ *Вражья сила* Сѣрова или т. п. Впрочемъ, эта картина не имѣетъ значенія для развитія сюжета оперы и составляетъ лишній придатокъ, который всегда можетъ быть выпущенъ. Вторая картина перваго акта очень хороша по музыкѣ и сюжету. Жаль только, что партія Ярославны у насъ исполнялась такою слабою пѣвицей, что самая музыка дѣлалась совсѣмъ недоступною для слушателей. Слѣдующіе два акта происходятъ въ станѣ половецкомъ. Здѣсь музыка имѣетъ частію восточную, частію общеевропейскую окраску. Условно восточный характеръ, введенный въ русскую музыку Глинкой, проявляется въ партіи княжны Кончаковны и въ половецкихъ пѣсняхъ и пляскахъ. Что же касается Игоря, хана Кончака, Владиміра Игоревича, то всѣ они поютъ аріи совершенно европейскія, то напоминающія скорѣе Шумана, какъ арія Кончака, то скорѣе новыхъ французскихъ композиторовъ, какъ аріи Игоря или Владиміра Игоревича. Каватина послѣдняго съ предшествующимъ речитативомъ составляетъ красивѣйшій нумеръ соло во всей оперѣ. Очень красивы танцы и хоръ Половцевъ въ финалѣ втораго акта; маршъ половецкій нѣсколько диковатъ, но характеренъ. Въ послѣднемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ разоренномъ ханомъ Гзакомъ Путивлѣ. Къ сожалѣнію, изъ солистовъ здѣсь на первомъ планѣ опять Ярославна, у которой въ ея партіи пропадаетъ все. Необыкновенно хорошъ и поэтиченъ народный хоръ, поющій о разореніи половецкомъ. Едва ли возможно указать примѣръ лучшей гармонизаціи пѣсни въ народномъ духѣ. Такой одинъ хоръ лучше сотни скомороховъ-гудочниковъ, какъ бы реальны они ни были. Гудочники являются въ концѣ оперы опять на сцену и опять выдѣляются рѣзкимъ пятномъ на общемъ фонѣ. Впрочемъ, ихъ сцена послѣдняго акта лучше, нежели первая. Опера оканчивается хоромъ, славящимъ Игоря.

Подводя итоги драматической и музыкальной сторонамъ *Князя Игоря*, нужно сказать, что недостатковъ въ этомъ произведеніи

не мало. Опера слишкомъ долго писалась, такъ что авторъ ея успѣлъ нѣсколько разъ измѣнить свое отношеніе къ избранному имъ сюжету, что̀ и отразилось на стилѣ музыки, далеко не вездѣ выдержанномъ. Тѣмъ не менѣе во всемъ видна непосредственная талантливость и сила, подкупающія слушателя и критика. Если по поводу *Игоря* въ печати иногда и появляются преувеличенные, слишкомъ громкіе эпитеты, въ родѣ „геніальный", „высочайшій" и т. п., то они все-таки не могутъ очень вредить произведенію и подорвать его дѣйствительное значеніе. *Князь Игорь* будетъ долго привлекать еще однихъ—своею красивою, общеевропейскою музыкой, другихъ—эпическимъ колоритомъ или восточною окраской сценъ съ Половцами, и, наконецъ, третьихъ—тѣми очерками изъ народнаго быта, которые являются въ фигурахъ двухъ гудочниковъ.

Исполнялся *Князь Игорь* Русскимъ Оперным Товариществомъ недурно: безусловно слаба была только Ярославна. Лучше всего ансамбль исполненія и режиссерская сторона, дающая всему на сценѣ жизнь и движеніе. То же можно сказать и о другихъ операхъ, уже дававшихся Товариществомъ: *Галькой* и *Гамлетомъ* А. Тома̀. Между исполнителями первыя мѣста занимаютъ гг. Антоновскій, Михайловъ и Тартаковъ. Послѣдній выказалъ большое сценическое умѣнье при исполненіи *Гамлета*. Спектакли Товарищества, нужно надѣяться, найдутъ въ Москвѣ прочную почву, чего можно отъ души пожелать.

На сценѣ Большаго Театра, въ пятницу 17 апрѣля, была поставлена новая опера соч. А. Ю. Симона *Ролла*. Сюжетъ оперы взятъ изъ старой пьесы Лафона *Un chef d'oeuvre inconnu*, но пересказывать его нѣтъ надобности, ибо не представляетъ собою особеннаго интереса и построенъ отчасти на старомодномъ условномъ изображеніи внутренней жизни художника и его чувствъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является и знаменитый Микель-Анджело, изображенный такимъ сентиментальнымъ, какимъ онъ никогда не былъ. Въ либретто есть длинноты, которыя слѣдовало бы сократить. Въ музыкѣ много талантливыхъ нумеровъ, доставившихъ оперѣ крупный успѣхъ. Первый актъ менѣе всѣхъ удаченъ, хотя и въ немъ музыка красива, но бѣдность интереса сцены мѣшаетъ благопріятному впечатлѣнію. Второй актъ очень удаченъ; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ нумеровъ лирическаго характера, очень красивыхъ въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ. Одинъ изъ лучшихъ нумеровъ, колыбельная пѣсня,

стушевался вслѣдствіе бѣдности исполненія. Третій актъ красивъ по музыкѣ, но почти не имѣетъ значенія по отношенію къ развитію сюжета. Въ этомъ актѣ красивы хоръ, пѣсня Стефано и двѣ аріи, баритона и баса. Главная сущность дѣйствія разыгрывается въ четвертомъ актѣ, и тутъ композиторъ имѣлъ возможность выказать съ очень выгодной стороны свою способность къ драматической музыкѣ. Здѣсь проявляются въ немъ не только качества талантливаго музыканта, но и человѣка понимающаго, чувствующаго сценическій эффектъ даннаго положенія и умѣющаго его иллюстрировать, такъ что музыка тѣсно сливается съ дѣйствіемъ. Въ послѣднемъ актѣ очень красива тарантелла. Заключительная сцена сумасшествія и смерти Роллы написана въ широкой свободной формѣ и составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ оперы. Исполненіе *Роллы* было хорошее. Разучивалъ оперу и дирижировалъ ея исполненіемъ У. О. Авранекъ, выполнившій свою задачу вполнѣ добросовѣстно.

Между исполнителями партій соло очень хорошъ былъ въ заглавной партіи г. Медвѣдевъ, особенно въ четвертомъ и пятомъ актахъ; драматическія сцены удаются этому артисту лучше, нежели мѣста лирическаго характера. Хороши были также г-жа Скомпская и гг. Корсовъ, Трезвинскій и Хохловъ. Постановка довольно красива, хотя нѣкоторыя декораціи взяты изъ другихъ оперъ. Красива декорація съ видомъ на Флоренцію въ третьемъ актѣ. Въ первомъ представленіи опера имѣла большой успѣхъ; автора, а также исполнителей вызывали много разъ. Г. Симону поднесли нѣсколько вѣнковъ и весьма цѣнный подарокъ отъ друзей его.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Дѣятельность анархистовъ и ихъ утопіи.—О противленіи злу *Московскихъ Вѣдомостей*.—*Русскій Вѣстникъ* о продовольственномъ вопросѣ.

Подвиги Равашоля и его сподвижниковъ занимаютъ теперь не только Парижъ и Францію, но и всю Европу. Анархисты рѣшили, повидимому, начать новую эру дѣятельности. Является ли Равашоль однимъ изъ главныхъ членовъ этой партіи или только ея слѣпымъ орудіемъ,—это не существенно: рядъ преступленій, совершенныхъ въ Парижѣ и другихъ городахъ Европы, выясняетъ до очевидности характеръ дѣятельности этой партіи, еслибы даже дѣятельность эта не получила еще болѣе яркаго освѣщенія въ послѣдней книгѣ П. Кропоткина *La Conquête du pain*.

Изъ одного выбора тѣхъ центровъ, гдѣ совершаются взрывы, становится ясно, что революція, къ которой стремятся современные анархисты, направлена не противъ того или другаго правительства, даже не противъ того или другаго государственнаго строя, а противъ общества, какъ таковаго, однимъ словомъ, ясно, что, по ихъ мнѣнію, революція эта должна быть не политическою, а соціальною.

Напрасно было бы убаюкивать себя надеждами на малочисленность анархической партіи. Не говоря о томъ, насколько шатки должны быть всѣ числовыя данныя, въ подобныхъ случаяхъ численность находится въ тѣсной связи съ успѣхомъ, а успѣхъ состоитъ для анархистовъ въ распространеніи нѣкоторой паники среди общества, и для достиженія его достаточно безнаказанности нѣсколькихъ удавшихся преступленій.

Въ этомъ отношеніи взрывъ ресторана Вери и судъ надъ Равашолемъ анархисты могутъ считать значительнымъ успѣхомъ, такъ какъ снисхожденіе, данное присяжными Равашолю, едва ли возможно объяснить исключительно ихъ мягкосердечіемъ. Даже въ томъ случаѣ, если новый составъ присяжныхъ, который будетъ судить Равашоля за общія преступленія, вынесетъ безусловно обвинительный вердиктъ, это только отчасти ослабитъ впечатлѣніе, произведенное первымъ: и въ обществѣ, и въ средѣ анархистовъ останется впечатлѣніе, что судъ не посмѣлъ приговорить Равашоля, какъ анархиста, потому что побоялся мести той партіи, къ которой онъ принадлежитъ, и что смертный приговоръ сталъ возможенъ только тогда, когда можно было признать его виновнымъ въ простыхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Въ этомъ отношеніи было бы даже лучше, еслибы Равашоль совсѣмъ не былъ разысканъ.

Нѣкоторыя газеты объясняютъ состоявшійся надъ Равашолемъ приговоръ юридическими соображеніями, но трудно допустить, чтобы г. Кене де-Бореперъ, требовавшій для Равашоля смертной казни за то преступленіе, въ которомъ онъ обвинялъ его предъ парижскими присяжными, требовалъ примѣненія несуществующей статьи закона. Къ тому же въ данномъ случаѣ важно не примѣненіе той или другой статьи уголовнаго кодекса, а то снисхожденіе, которое было дано присяжными и которое объясняется не юридическими, а психологическими соображеніями.

Судъ присяжныхъ не только у насъ, но и во Франціи, оказывается не совсѣмъ удобнымъ для рѣшенія подобныхъ дѣлъ, и несмотря ни на какія подбадриванія со стороны печати, трудно ожидать, чтобы болѣе или менѣе случайно попавшимъ въ составъ его мирнымъ гражданамъ удалось сохранить полное хладнокровіе предъ угрозами горсти людей, не останавливающихся ни предъ какими преступленіями. Г. Кене де-Бореперъ спросилъ Равашоля, кто здѣсь боится анархистовъ? присяжные отвѣтили за него.

Разсмотрѣніе общими судами преступленій подобныхъ настоящему не только не цѣлесообразно съ точки зрѣнія государственной пользы и безопасности, но едва ли основано на требованіяхъ общей справедливости: разсмотрѣніе дѣлъ анархистовъ общими судами имѣло бы нѣкоторое основаніе въ томъ случаѣ, еслибы, по крайней мѣрѣ, сами они признавали компетентность этихъ судовъ, но они категорически отрицаютъ не только суды, но и

законы, и самое государство, которое для нихъ является противникомъ, а не судьей, врагомъ, въ борьбѣ съ которымъ позволительны всѣ средства. Такимъ образомъ, судъ надъ анархистами, назначенный государствомъ, когда разсматриваются государственныя преступленія, всегда окажется болѣе или менѣе судьей въ собственномъ дѣлѣ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ разсужденіи есть нѣкоторая доля правды, только анархисты не дѣлаютъ изъ него послѣдняго вывода.

Ясно, что съ этой точки зрѣнія судъ надъ анархистами въ собственномъ смыслѣ этого слова невозможенъ, но за то едва ли онъ и нуженъ: обществу не зачѣмъ судить людей, которые нападаютъ на него, оно должно обороняться отъ нихъ, и чѣмъ опаснѣе и беззастѣнчивѣе нападенія, тѣмъ менѣе оно имѣетъ основанія стѣсняться при отраженіи этихъ нападеній. Люди, отрицающіе какую бы то ни было власть и допускающіе для себя полный произволъ, доходящій до лишенія жизни другихъ людей, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія жаловаться, даже еслибы другіе люди отнеслись къ нимъ съ совершенно такимъ же произволомъ. При такихъ условіяхъ судъ надъ анархистами можетъ имѣть лишь одну задачу—опредѣлить, дѣйствительно ли подсудимые принадлежатъ къ числу анархистовъ, а государство другую—какимъ образомъ сдѣлать ихъ безвредными. Всякое примѣненіе иныхъ юридическихъ соображеній въ данномъ случаѣ становится излишнимъ.

То исключительное положеніе, въ которое становятся анархисты, относительно всего существующаго порядка, вполнѣ оправдываетъ примѣненіе къ нимъ исключительныхъ мѣръ. Несмотря однако на всеобщее негодованіе, при настоящемъ положеніи вещей во Франціи, трудно ожидать, чтобы такія мѣры могли быть проведены съ нѣкоторою послѣдовательностью. Взрывъ общественнаго негодованія уляжется и не только крайнія, но и умѣренныя партіи палаты потребуютъ, конечно, отмѣны исключительныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя всегда будутъ казаться имъ ограниченіемъ верховныхъ правъ народнаго представительства, а враги общественнаго порядка найдутъ, конечно, возможность требовать полной амнистіи Равашоля и ему подобныхъ.

Между правительствомъ, каково бы оно ни было, и анархистами не можетъ быть компромиссовъ: или анархисты должны бояться правительства, или само оно должно бояться ихъ, между тѣмъ, тѣ

тѣсныя рамки, въ которыя поставлена правительственная дѣятельность своею зависимостью отъ случайнаго большинства въ парламентѣ, совершенно лишаютъ его возможности немедленно принять достаточно энергическія мѣры, а неизвѣстность, въ которой мы находимся относительно численности и состава анархической партіи, не позволяетъ дѣлать какія бы то ни было предсказанія относительно исхода послѣднихъ событій въ Парижѣ.

Можетъ-быть, настоящему правительству при большой энергіи и при послѣдовательной поддержкѣ палаты и удастся отвратить грозящую республикѣ опасность, но можетъ получиться и другой результатъ: мѣры, принимаемыя противъ анархистовъ, могутъ оказаться недостаточными, чтобы подавить ихъ дѣятельность въ самомъ ея началѣ; тогда успѣхъ ихъ несомнѣнно напугаетъ массу населенія и привлечетъ къ нимъ множество недовольныхъ, которые пока не рѣшаются еще открыто стать въ ихъ ряды. Какъ бы ни усилилась однако анархическая партія, она, конечно, не въ состояніи будетъ создать ничего прочнаго уже по той простой причинѣ, что понятіе анархическаго порядка вещей содержитъ внутреннее противорѣчіе и потому неосуществимо; но если анархизмъ совершенно безсиленъ въ созданіи чего бы то ни было, за то его разрушительная сила весьма значительна и потому невозможно утверждать съ полною увѣренностью, что болѣе сложный, чѣмъ устойчивый, государственный механизмъ Франціи въ состояніи будетъ дать ему достаточный отпоръ. Какіе же тогда могутъ получиться результаты?

Ясно, что если общество будетъ дезорганизовано и охвачено паникой, то не парламентъ въ состояніи будетъ возстановить спокойствіе и безопасность въ странѣ. Для того, чтобы бороться съ людьми, которымъ можно отказать во всемъ, кромѣ энергіи и смѣлости, нужны будутъ не ораторы, а люди дѣла, не гарантіи правоваго порядка, а самая элементарная безопасность гражданъ, которая можетъ быть возстановлена только оружіемъ, а не законопроектами. При такихъ условіяхъ кто бы ни явился ея охранителемъ, какими бы незаконными или даже негуманными мѣрами онъ ни достигъ возстановленія порядка, страна будетъ привѣтствовать его, какъ избавителя. Трудно ожидать, конечно, чтобы, достигнувъ цѣли, побѣдитель воспользовался наступившимъ спокойствіемъ лишь для возстановленія того же порядка, который существовалъ до революціи; предположивъ даже, что онъ останется чуждъ какимъ бы то ни было личнымъ побужденіямъ,

одни соображенія государственной пользы заставятъ его усомниться въ желательности возстановленія именно того порядка вещей, который привелъ страну къ печальному кризису. Даже теперь сами республиканцы признаютъ, что грустныя событія послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ прежнихъ ошибокъ республиканскаго правительства. Вотъ почему дальнѣйшіе успѣхи анархистовъ во Франціи, прежде всего, грозятъ существованію республики. Нужды нѣтъ, что въ настоящую минуту нѣтъ никого, на кого можно было бы указать, какъ на вѣроятнаго диктатора; въ началѣ великой революціи никто не думалъ о Бонапартѣ. Событія выдвигаютъ людей и, если даже въ относительно спокойное время могла, какъ по волшебству, вырости ни на чемъ не основанная популярность и сила генерала Буланже, то во время политической бури подобная сила можетъ создаться несравненно быстрѣе. Сосредоточится ли эта сила въ рукахъ лица царствовавшей династіи, въ рукахъ г. Карно, г. Констана или г. Клемансо, на первыхъ порахъ это будетъ почти безразлично, такъ какъ кому бы ни досталась власть въ подобную минуту, ему придется сначала напрягать всѣ силы и пользоваться всѣми средствами для того только, чтобы возстановить спокойствіе. Еслибы случайно власть досталась доктринеру, онъ не въ состояніи будетъ удержать ее, къ какой бы партіи ни принадлежалъ. Но тѣ мѣры, которыя вынуждены будутъ принимать лица, находящіяся у власти, для возстановленія порядка, неизбѣжно сдѣлаютъ ихъ реакціонерами, каковы бы ни были первоначальныя теоретическія ихъ убѣжденія.

Таковы логическіе результаты, которыхъ не можетъ не повлечь за собой анархическое движеніе, въ случаѣ своего торжества. Это слѣдовало бы имѣть въ виду партіямъ, такъ долго оказывавшимъ анархизму свое покровительство.

На дняхъ появилась въ Парижѣ книга П. Крапоткина *Завоеваніе хлѣба (La conquête du pain)*. Въ настоящее время, когда *дѣятельность* анархистовъ проявляется во всей Европѣ, когда ихъ отношеніе къ *существующему* порядку, каковъ бы онъ ни былъ, очевидно для каждаго, интересно познакомиться съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуютъ анархисты; въ этомъ отношеніи книга П. Крапоткина можетъ быть названа не только любопытною, но и полезною.

Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ пока мотивы анархической дѣятельности носятъ чисто отрицательный характеръ, противъ

этой дѣятельности можно бороться только полицейскими мѣрами. До тѣхъ поръ, пока враги существующаго порядка утверждаютъ только, что хуже быть не можетъ и что какое бы положеніе ни создалось на развалинахъ существующаго, оно будетъ лучше того, что̀ есть—такое утвержденіе, какъ бы голословно оно ни было, льститъ всѣмъ неудовлетвореннымъ страстямъ и инстинктамъ и ускользаетъ отъ всякой разумной критики, потому что нельзя сравнивать нѣчто опредѣленное съ совершенно неизвѣстнымъ и неуловимымъ, въ чемъ каждый можетъ видѣть свою собственную мечту. Совсѣмъ другое дѣло, когда противъ одной опредѣленной и дѣйствительно существующей величины выставляется другая, столь же опредѣленная, хотя бы только воображаемая, тогда сравненіе становится возможнымъ и можно разсуждать о томъ, станетъ ли эта воображаемая величина когда-нибудь реальностью или, содержа въ себѣ внутреннія противорѣчія, она навсегда останется только мнимою.

До тѣхъ поръ, пока анархисты утверждаютъ, что существующій порядокъ неудовлетворителенъ, утвержденія ихъ не содержатъ ничего такого, съ чѣмъ ни могли бы согласиться не только либералы, но даже и консерваторы—весь вопросъ состоитъ въ томъ, каковъ долженъ быть новый порядокъ и какимъ образомъ долженъ совершиться переходъ отъ стараго къ новому. Въ самомъ дѣлѣ, самымъ рѣшительнымъ консерваторамъ въ голову не придетъ утверждать, что существующіе законы и существующія экономическія и соціальныя отношенія во вѣки вѣковъ должны оставаться неизмѣнными.

Требованіе свободы и справедливости не составляетъ привилегіи анархистовъ и значеніе его признается всѣми партіями, даже требованіе *равенства* не принадлежитъ исключительно анархистамъ, хотя и находитъ у нихъ самое послѣдовательное свое выраженіе, такъ какъ само собою ясно, что тамъ, гдѣ существуетъ власть, не можетъ уже быть безусловнаго равенства.

На чемъ бы ни основывалась общественная организація и обезпечивающая ее власть, она одинаково предполагаетъ неравенство и потому одинаково ненавистна анархистамъ, все равно, будетъ ли эта власть основана на наслѣдственномъ правѣ завоеванія, или на деньгахъ — все равно, даже будетъ-ли вытекать эта власть изъ личныхъ качествъ господствующаго класса, захватившаго ее во имя народа.

Вотъ какъ описываетъ будущую революцію авторъ *Завоеванія хлѣба:*

„Правительственные соціалисты, радикалы, непризнанные геніи, журналисты, ораторы, бьющіе на эффектъ — буржуа, бывшіе рабочіе, — бросятся въ ратушу и въ министерства и захватятъ покинутыя кресла. Одни въ волю нахватаютъ орденовъ и будутъ любоваться собою въ министерскія зеркала и будутъ учиться отдавать приказанія съ важностью и величіемъ, свойственнымъ ихъ новому положенію; имъ нужны будутъ красный поясъ, нарядное кепи и величественный жестъ, чтобы внушить уваженіе бывшему товарищу по редакціи или по мастерской! Другіе погрузятся въ груды бумагъ съ величайшимъ желаніемъ понять въ нихъ что-нибудь. Они будутъ редактировать законы и издавать декреты, полные звучными фразами, которыхъ никто исполнять не станетъ потому именно, что они изданы во время революціи.

„Всѣ явятся съ прямо противоположными мнѣніями и должны будутъ заключать мнимые союзы, чтобы составлять большинство, которое продлится одинъ день. Они будутъ спорить между собою, называя другъ друга реакціонерами, сторонниками власти, мошенниками. Они неспособны будутъ согласиться относительно какой бы то ни было серьезной мѣры и будутъ болтать о глупостяхъ, издавая только трескучія прокламаціи.“

Такова характеристика будущихъ дѣятелей соціальной революціи, которую даетъ одинъ изъ выдающихся анархистовъ. „А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, народъ страдаетъ. Заводы останавливаются, мастерскія закрываются, торговля не идетъ, рабочій не получаетъ даже того ничтожнаго заработка, который онъ имѣлъ прежде, цѣны на пищевые продукты повышаются, народъ ждетъ, но тамъ наверху занимаются всѣмъ, кромѣ страданій толпы.“

Изъ этихъ строкъ видно, что сами анархисты не составляютъ себѣ иллюзій относительно характера будущихъ вождей соціальной революціи. Какое же средство предлагаютъ они, чтобы выдти изъ затрудненія?

„Признать и торжественно провозгласить, что каждый, каковъ бы ни былъ въ прошедшемъ его ярлыкъ, каковы бы ни были его сила или слабость, его таланты или неспособность, *имѣетъ право жить*; и что общество должно раздѣлить между всѣми безъ исключенія тѣ средства существованія, которыми оно располагаетъ.“

Поистинѣ невѣроятное предложеніе со стороны тѣхъ, кто такъ презираетъ трескучія фразы. Правда, что вслѣдъ затѣмъ идетъ болѣе ясная программа. „Все это, говорится далѣе, не можетъ совершиться посредствомъ декретовъ, а только благодаря непосредственному, дѣйствительному завладѣнію всѣмъ тѣмъ, что̀ необходимо для обезпеченія жизни всѣхъ классовъ; это единственный истинно научный (?!) способъ дѣйствій, единственный, понятный и желаемый массой народа.“ Это если и не вполнѣ научно, то, по крайней мѣрѣ, совершенно ясно, и къ этому дѣйствительно въ концѣ концовъ сводится для массы сила коммунистическихъ теорій. Пусть вожаки ихъ спорятъ,

Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отнимешь да раздѣлишь,
Начнется вожделѣнье.

„Всякое общество, которое порветъ съ частною собственностью, будетъ вынуждено, по нашему мнѣнію, говоритъ П. Крапоткинъ,— организоваться въ анархическій коммунизмъ. Анархія ведетъ къ коммунизму, а коммунизмъ къ анархіи, то и другое составляетъ только выраженіе господствующаго стремленія современныхъ обществъ – желаніе равенства.“

Стремленіе къ равенству—таковъ, по нашему мнѣнію, дѣйствительно одинъ изъ главныхъ источниковъ всѣхъ анархическихъ и коммунистическихъ инстинктовъ толпы. Но возможно ли (не говоримъ уже, желательно ли) удовлетвореніе этихъ инстинктовъ?

Большая часть книги П. Крапоткина посвящена доказательству этой возможности, но въ сущности изо всѣхъ его данныхъ и разсужденій о предметахъ первой необходимости и роскоши (даже допустивъ, что они вполнѣ осуществимы) можно вывести только то заключеніе, что при улучшенныхъ способахъ производства и обработки земли, человѣчество безъ особаго труда можетъ произвести все то, что̀ необходимо не только для удовлетворенія его первыхъ потребностей, но и для доставленія ему нѣкоторой роскоши.

Чтобы соціальная революція не была подавлена силою вещей въ самомъ ея началѣ, необходимо, по мнѣнію автора, обезпечить матеріальное существованіе возмутившагося народа, который вынужденъ будетъ сдаться предъ голодомъ даже въ томъ случаѣ, если одержитъ верхъ надъ вооруженною силой правительства.

„Поэтому наша задача, говоритъ онъ, будетъ состоять въ томъ, чтобы съ первыхъ же дней революціи и во все время, пока она будетъ продолжаться, не было на возмутившейся территоріи ни одного человѣка, который нуждался бы въ хлѣбѣ, ни одной женщины, которая должна была бы дожидаться своей очереди передъ булочной, чтобы принести домой то, что̀ ей бросятъ какъ милостыню, ни одного ребенка, которому бы не доставало того, что̀ потребно для его неокрѣпшаго организма."

Задача эта, однако, далеко нелегкая и трудность ея въ революціонное время еще увеличивается.

„Милліоны рабочихъ въ Европѣ, читаемъ далѣе, нуждаются въ работѣ уже въ настоящую минуту. Какъ только революція разразится, будетъ еще хуже, число рабочихъ безъ работы удвоится, какъ только появятся баррикады въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ.

„Революція въ Европѣ—это немедленная пріостановка по крайней мѣрѣ половины заводовъ и фабрикъ; это — милліоны рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вмѣстѣ съ ихъ семьями.

„Не забудемъ, продолжаетъ авторъ, какъ восторжествовала реакція въ прошломъ вѣкѣ. Сначала гильотинировали Геберистовъ, бѣшеныхъ — тѣхъ, которыхъ Минье подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы называлъ „анархистами". Дантонисты скоро послѣдовали за ними и когда робеспьеристы гильотинировали ихъ, настала ихъ собственная очередь идти на эшафотъ, и народъ, исполнившись отвращенія, видя что революція погибла, предоставилъ дѣйствовать реакціонерамъ."

„Если порядокъ будетъ возстановленъ, говорится далѣе по поводу соціальной революціи, коллективисты гильотинируютъ анархистовъ, поссибилисты гильотинируютъ коллективистовъ и, наконецъ, сами будутъ гильотинированы реакціонерами."

Вѣроятность такого рода исхода революціи еще болѣе увеличивается соціальнымъ характеромъ. „Политическая революція можетъ совершиться безъ сильнаго потрясенія промышленности; но революція, въ которой народъ наложитъ руку на собственность, неизбѣжно повлечетъ за собою неминуемую пріостановку обмѣновъ и производства. Государственныхъ милліоновъ не хватитъ на прокормленіе милліоновъ оставшихся безъ работы.

„Сколько бы ни проповѣдывали народу терпѣніе, онъ ожидать не станетъ, и если всѣ съѣстные припасы не будутъ общими, онъ будетъ грабить булочныя.

„Для того, чтобы коллективизмъ могъ произвести свои опыты, ему прежде всего необходимы *порядокъ*, дисциплина, повиновеніе. А такъ какъ капиталисты скоро замѣтятъ, что лучшее средство вызвать въ народѣ отвращеніе къ революціи состоитъ въ томъ, чтобы заставить тѣхъ, которые называются революціонерами, разстрѣливать народъ, то они, конечно, окажутъ свое содѣйствіе защитникамъ порядка, даже коллективистамъ. Они увидятъ въ этомъ средство позднѣе подавить ихъ въ свою очередь.“

При такихъ условіяхъ авторъ находитъ только одно практическое разрѣшеніе задачи: „Народъ долженъ непосредственно завладѣть всѣми съѣстными припасами, находящимися въ возмутившихся общинахъ, составить имъ инвентарь и сдѣлать такъ, чтобы, не соря ничѣмъ, всѣ воспользовались накопившимися средствами во время кризиса. Тѣмъ временемъ надо войти въ соглашеніе съ фабричными рабочими, доставляя имъ сырые продукты и обезпечивая ихъ существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобъ они производили то, что̀ потребно для земледѣльца.“

Во всей этой операціи намъ кажется просто только *непосредственное завладѣніе* народомъ всѣми съѣстными припасами, хотя мы не видимъ, въ чемъ состоитъ разница такого завладѣнія отъ *ограбленія* булочныхъ, о которомъ говоритъ авторъ, повидимому, считая его нежелательнымъ. Но дѣло здѣсь, конечно, не въ юридической квалификаціи, которой анархисты, разумѣется, менѣе кого бы то ни было придаютъ значеніе.

Интересно только то, дѣйствительно-ли такое ограбленіе или завладѣніе въ состояніи будетъ обезпечить существованіе всѣхъ возмутившихся мѣстностей.

Нужна удивительная увѣренность въ сверхъестественной силѣ соціальной революціи, чтобы думать, что граждане и гражданки добровольно примутся тотчасъ же составлять инвентарь того, что̀ находится въ каждомъ магазинѣ и въ каждомъ амбарѣ.

Скорѣе можно предположить, что тотъ, кто считаетъ эти амбары и магазины чужими, совсѣмъ не пойдетъ въ нихъ, а тотъ кто ихъ считаетъ своими, просто возьметъ въ нихъ, что̀ ему надо, не заботясь объ остальномъ. Но авторъ полагаетъ, что въ двадцать четыре часа возмутившаяся коммуна будетъ знать то, чего до сихъ поръ не знаетъ Парижъ, несмотря на свои статистическіе комитеты и чего не зналъ даже, во время осады, сколько въ немъ провизіи. „Въ сорокъ восемь часовъ будутъ отпечатаны милліоны точныхъ таблицъ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ съ

указаніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они сложены и способовъ ихъ распредѣленія."

Допустимъ однако, что эта фантастическая операція осуществилась безпрепятственно. Ясно, что наличныхъ запасовъ хватитъ весьма ненадолго, а подвозъ ихъ изъ деревни, во время кризиса, долженъ если не прекратиться совершенно, то значительно сократиться. Можно *предписать* провинціямъ поставлять Парижу такіе-то припасы, въ такомъ-то количествѣ, но самъ авторъ находитъ что

„можно только мечтать о такомъ порядкѣ вещей съ перомъ въ рукахъ, а на практикѣ это становится физически невозможнымъ: надо было бы не принимать въ разсчетъ духа независимости свойственнаго человѣчеству. Это вызвало бы всеобщее возстаніе. три или четыре Вандеи вмѣсто одной, войну селеній противъ городовъ, вся Франція возмутилась бы противъ города, который посмѣлъ бы подвергнуть ее такому режиму.

„Въ 1793 году деревня заставила голодать городъ и убила революцію.

„До тѣхъ поръ пока земледѣльцу будутъ предлагать клочекъ бумаги, не имѣющей цѣнности, какъ бы ни называли его, ассигнаціей или bon de travail—результатъ будетъ одинъ и тотъ же; съѣстные припасы останутся въ деревнѣ, городъ не получитъ ихъ, хотя бы пришлось снова прибѣгнуть къ гильотинѣ и къ пуаядамъ."

Что же предлагаетъ авторъ, чтобы выдти изъ затрудненія?

„Земледѣльцу, говоритъ онъ,—надо предложить не бумагу, а непосредственно тотъ товаръ, въ которомъ онъ нуждается."

Но развѣ крестьянинъ не понимаетъ, что бумага только мѣновой знакъ? Все дѣло здѣсь въ довѣріи, и до тѣхъ поръ пока народъ довѣряетъ правительству, выпускающему бумаги или звонкую монету, онъ ни минуты не колеблется отдавать за нихъ свою рожь или пшеницу. Но *обѣщаніе* уплатить товарами, а не деньгами, если онъ не будетъ увѣренъ въ его исполненіи, такъ же мало удовлетворитъ его, какъ обѣщаніе уплатить за бумагу.

Нельзя не подивиться наивности мѣры, предлагаемой авторомъ. „Пусть городъ отправитъ въ селенія не коммиссаровъ, опоясанныхъ красными или разноцвѣтными шарфами, объявляющихъ крестьянину предписаніе везти свои произведенія туда-то, а пусть онъ поручитъ друзьямъ и братьямъ посѣтить ихъ и сказать: „„привезите намъ ваши произведенія и возьмите

въ нашихъ магазинахъ всѣ мануфактурныя произведенія, которыя вамъ понравятся"". И тогда хлѣбъ станетъ притекать со всѣхъ сторонъ."

Едва ли однако такого идиллическаго приглашенія достаточно будетъ для того, чтобы крестьянинъ повѣрилъ въ возможность обмѣна нѣсколькихъ возовъ ржи, пшеницы, капусты или картофеля *на какія ему угодно* мануфактурныя произведенія, едва ли онъ повѣритъ, что за кочанъ капусты ему дадутъ пару сапогъ, а за барана или жеребенка паровую машину. Онъ, конечно, подумаетъ, что тамъ въ городѣ съ ума сошли или что присланные оттуда друзья и братья намѣрены обмануть его самымъ беззастѣнчивымъ образомъ.

Въ самомъ дѣлѣ для каждаго ясно, что добровольный обмѣнъ возможенъ только между приблизительно равными цѣнностями, и никогда крестьянинъ не повѣритъ, что ему дадутъ машину или ткань стóящую вчетверо больше хлѣба, который отъ него получатъ только потому, что эти машины или ткань *нужны ему*; упраздненіе денегъ при совершеніи обмѣновъ будетъ очевидно имѣть въ результатѣ не облегченія, а затрудненія обмѣновъ, такъ какъ исчезнетъ единица, служащая для сравненія цѣнностей, и совершенно непонятно какимъ образомъ такое возвращеніе къ первобытному способу торговли можетъ содѣйствовать развитію промышленности. А между тѣмъ, авторъ *Завоеванія хлѣба* утверждаетъ, что весь вопросъ заключается именно въ томъ, чтобы „предложить земледѣльцу взамѣнъ его продуктовъ не клочки бумаги, какова бы ни была на нихъ надпись, а *самые предметы* потребленія, въ которыхъ онъ нуждается. Если это будетъ сдѣлано, хлѣбъ будетъ притекать къ городамъ. Если нѣтъ, въ городахъ начнется голодъ со всѣми его послѣдствіями, реакціей и подавленіемъ".

Нужно поистинѣ непостижимое ослѣпленіе, чтобы при столь ясной постановкѣ вопроса вѣрить въ возможность соціальной революціи. Авторъ и самъ, повидимому, не вполнѣ убѣжденъ въ дѣйствительности предлагаемаго имъ средства. „Все заставляетъ думать, говоритъ онъ, что въ началѣ (революціи) можетъ произойти сокращеніе земледѣльческой производительности какъ во Франціи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ."

Какъ же пополнить этотъ пробѣлъ? Очень просто: начать пополнять его самимъ.

„Надо чтобы большіе города точно такъ же обрабатывали землю,

какъ обрабатываютъ ее деревни. Надо вернуться къ тому, что̀ можно назвать „интеграціей функцій". Раздѣливъ трудъ, надо его „интегрировать": это путь, которому слѣдуетъ вся природа.

„Пусть Парижъ замѣтитъ, что черезъ восемь мѣсяцевъ ему не хватитъ хлѣба, и Парижъ станетъ воздѣлывать его."

Но это можетъ казаться такъ просто только автору; для читателя же совсѣмъ неясно, какимъ образомъ это разсужденіе объ интеграціи труда заставитъ городъ воздѣлывать землю. Гораздо вѣроятнѣе, что какъ только горожане почувствуютъ недостатокъ хлѣба въ городѣ не осажденномъ и изъ котораго выходъ свободенъ, они просто разбѣгутся изъ него и отъ города останутся однѣ только стѣны до тѣхъ поръ, пока подвозъ хлѣба не позволитъ опять жить въ немъ съ бо́льшимъ удобствомъ или меньшими лишеніями, чѣмъ въ деревнѣ.

Не труднѣе, чѣмъ завладѣніе хлѣбомъ, является автору и распредѣленіе квартиръ между вступившими во владѣніе всѣми домами.

„Благонамѣренные граждане отправятся ко всѣмъ занимающимъ плохія квартиры и просто скажутъ имъ: на этотъ разъ товарищи настоящая революція. Сегодня вечеромъ приходите туда-то, тамъ будетъ весь кварталъ — будутъ распредѣлять помѣщенія. Если вы недовольны своею лачугой, выберите изъ свободныхъ помѣщеній комнатъ въ пять (sic). И когда вы туда переѣдете, дѣло будетъ сдѣлано. Тотъ, кто попробуетъ васъ выселить оттуда, будетъ имѣть дѣло съ вооруженнымъ народомъ."

А тѣхъ, кто, несмотря на такое распредѣленіе, не получитъ удовлетворяющаго ихъ помѣщенія, анархическая коммуна утѣшитъ обѣщаніемъ „дворцовъ гораздо болѣе удобныхъ и красивыхъ, превосходящихъ все то, что̀ строятъ капиталисты".

Какъ ни рѣшительны подобныя мѣры, на нихъ не можетъ, по мнѣнію автора, остановиться экспропріація, и послѣдовательность требуетъ распространенія ея и на всѣ движимыя имущества.

По этому поводу авторъ вспоминаетъ анекдотъ о Ротшильдѣ. „Я готовъ допустить, сказалъ будто бы Ротшильдъ во время революціи 1848 года,—что состояніе мое пріобрѣтено насчетъ другихъ. Но будучи раздѣлено между столькими милліонами Европейцевъ, оно составило бы не болѣе червонца на человѣка. Что̀ же! Я обязуюсь каждому возвратить его червонецъ, если онъ у меня потребуетъ его."

Почти также, по мнѣнію автора, разсуждаетъ теперешняя буржуазія. „Экспропріація? Понимаемъ, вы отбираете у всѣхъ ихъ

пальто, вы складываете ихъ въ кучу и каждый беретъ изъ нея одно, хотя бы подравшись изъ-за лучшаго.“

Г. Крапоткинъ находитъ это разсужденіе шуткой дурнаго тона. „Мы не хотимъ, говоритъ онъ, отбирать у каждаго его пальто, но мы хотимъ возвратить рабочимъ все, что̀ позволяетъ кому бы то ни было эксплуатировать ихъ.“

Оказывается однако, что въ нашихъ обществахъ все находится въ связи, что какъ-только коснутся собственности въ одномъ изъ ея видовъ—поземельномъ или промышленномъ—необходимо будетъ коснуться ее во всѣхъ остальныхъ.

„Нѣкоторые соціалисты, говоритъ авторъ, старались установить различіе.—Пусть экспропріируютъ почву, подпочву, заводы и фабрики, говорятъ они, это орудія производства, и справедливо разсматривать ихъ, какъ общественную собственность. Но, кромѣ того, есть предметы потребленія: пища, одежда, жилище— они должны остаться частною собственностью. Здравый смыслъ народа, говоритъ Крапоткинъ, одержалъ верхъ надъ этимъ слишкомъ тонкимъ различеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не дикари, чтобы жить въ лѣсу въ шалашѣ изъ древесныхъ вѣтвей. Европейцу, который работаетъ, нужна комната, домъ, кровать и печка.“

„То же самое относительно одежды; потому что еслибъ экономисты, дѣлающіе различіе между предметами производства и предметами потребленія, носили костюмъ дикарей Новой Гвинеи, то только тогда это ограниченіе было бы понятно.“

Но если такъ, если экспропріація должна коснуться даже одежды, то почему же складываніе въ кучу пальто для новаго распредѣленія ихъ, авторъ находитъ неумѣстною буржуазною шуткой? Ни на какое болѣе серьезное средство распредѣленія этихъ пальто онъ не указываетъ, а между тѣмъ признаетъ его необходимость. Каждый естественно будетъ желать для себя лучшей квартиры, лучшей одежды, а въ анархическомъ обществѣ не можетъ существовать никакой власти, которая опредѣляла бы права каждаго на тотъ или другой предметъ и гарантировала бы ему пользованіе этимъ предметомъ; поэтому очевидно степень удовлетворенія желаній будетъ зависѣть отъ силы каждаго, иными словами, въ подобномъ обществѣ должно господствовать не воображаемое равенство, а право сильнаго въ самой грубой, въ самой примитивной его формѣ. Анархисты увѣряютъ правда, что такого рода утвержденіе основано на невѣрномъ пониманіи

человѣческой природы, но они едва ли въ состояніи указать на какой-либо примѣръ, опровергающій его даже въ отношеніяхъ между собой.

Авторъ *Завоеванія хлѣба* много толкуетъ о добровольномъ соглашеніи и указываетъ на примѣры разныхъ обществъ. Но онъ совершенно забываетъ, что добровольное соглашеніе возможно только тамъ, гдѣ договаривающіяся стороны видятъ въ этомъ соглашеніи собственную выгоду. Но какая можетъ быть выгода сильнѣйшему искать соглашенія со слабѣйшимъ, когда безо всякаго соглашенія онъ можетъ столь же успѣшно или еще успѣшнѣе достигнуть своей цѣли?

Въ государствѣ свободное соглашеніе бываетъ необходимо даже со слабѣйшимъ потому, что права его охраняются государствомъ; ничего подобнаго нѣтъ въ анархическомъ обществѣ и потому для сильнѣйшаго свободное соглашеніе становится совершенно излишнимъ, а договоры, если они и будутъ заключаться, выполняться будутъ только до тѣхъ поръ, пока они выгодны сильнѣйшему.

Этого простаго разсужденія совсѣмъ не допускаетъ авторъ и спрашиваетъ: „почему бы то, что̀ возможно теперь въ товариществахъ между коммерсантами и желѣзнодорожными компаніями, не было возможно въ обществѣ основанномъ на добровольномъ трудѣ?“ Весьма любопытно въ какой формѣ представляется автору возможность осуществленія подобнаго общества, поэтому приводимъ цѣликомъ касающуюся этого вопроса страницу; по его мнѣнію, возможна была бы ассоціація, которая съ каждымъ изъ своихъ членовъ заключила бы слѣдующій контрактъ. „Мы готовы гарантировать вамъ пользованіе нашими домами, магазинами, улицами, путями сообщенія, школами, музеями и такъ далѣе, съ условіемъ, чтобъ отъ двадцати до сорока пяти или до пятидесяти лѣтъ вы посвящали отъ четырехъ до пяти часовъ въ день какой-либо изъ работъ, признанныхъ потребными для жизни. Выберите сами, когда хотите, тѣ группы, въ которыхъ вы желаете участвовать или сами составьте новую, лишь бы она взялась производить необходимые предметы. Что же касается остальнаго вашего времени, то группируйтесь, какъ угодно, съ цѣлью какой угодно забавы, искусства или науки, смотря по вашему вкусу.

„Двѣнадцать или пятнадцать тысячъ рабочихъ часовъ въ теченіе года въ одной изъ группъ, производящихъ пищу, одежду и

помѣщеніе и занимающихся санитарнымъ благоустройствомъ общества транспортованіемъ и такъ далѣе—вотъ чего мы требуемъ отъ васъ, чтобы гарантировать вамъ все, что̀ производятъ или произвели эти группы. Но если ни одна изъ нѣсколькихъ тысячъ группъ, составляющихъ нашу федерацію, не захочетъ принять васъ по какимъ бы то ни было соображеніямъ, если вы совершенно неспособны къ производству чего бы то ни было полезнаго, или если вы отказываетесь отъ этого, тогда живите въ уединеніи или какъ больной. Если мы будемъ достаточно богаты, чтобы не отказывать вамъ въ необходимомъ, мы будемъ рады вамъ дать его. Вы человѣкъ и вы имѣете право жить. Но такъ какъ вы хотите поставить себя въ исключительныя условія и выйти изъ рядовъ, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что вы почувствуете это въ вашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ остальными гражданами, на васъ будутъ смотрѣть какъ на привидѣнье, вернувшееся изъ буржуазнаго общества, — если только друзья не откроютъ въ васъ генія и не поспѣшатъ освободить васъ отъ какого бы то ни было нравственнаго обязательства относительно общества, производя за васъ работу, потребную для жизни.

„И наконецъ, если это вамъ не нравится, ступайте искать въ другомъ мѣстѣ другихъ условій, или найдите единомышленниковъ и составьте съ ними другія группы, которыя организовались бы на новыхъ принципахъ, мы предпочитаемъ остаться при нашихъ.“

Вотъ, казалось бы, то самое замѣчаніе, которое въ правѣ сдѣлать существующія государство и общество анархическимъ утопистамъ.

Нужно болѣзненное ослѣпленіе или полная недобросовѣстность, чтобы навязывать существующему обществу свои теоріи посредствомъ динамита, не сдѣлавъ даже попытки убѣдиться въ ихъ осуществимости, хотя бы только въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ.

Картина, нарисованная г. Крапоткинымъ, свободной ассоціаціи до такой степени фантастична, что нѣтъ ни цѣли, ни возможности подробно разсматривать всѣ несообразности ея.

Остановимся только на основномъ противорѣчіи между принципомъ анархизма, какъ понимаетъ его г. Крапоткинъ, и тѣми результатами, которые могутъ быть достигнуты посредствомъ выполненія его программы, даже допустивъ, что такое выполненіе возможно. „Анархія, говоритъ онъ, ведетъ къ коммунизму, а коммунизмъ къ анархіи; то и другое составляетъ только выраженіе господствующаго стремленія современныхъ обществъ — стремленія къ равенству.“

Въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, авторъ совершенно правъ. Стремленіе къ равенству составляетъ единственный источникъ и опору современныхъ анархическихъ и коммунистическихъ ученій, но такъ какъ между понятіями равенства и свободы, отъ которой не рѣшаются отказаться коммунисты, существуетъ такое же противорѣчіе, какъ между понятіемъ какого бы то ни было общества и анархіей, то понятія эти остаются совершенно мнимою величиной, которой невозможно найти ничего соотвѣтствующаго не только въ извѣстной намъ дѣйствительности, но и среди безчисленныхъ комбинацій возможнаго.

Допустимъ, что частная собственность упразднена во всѣхъ ея видахъ, что производство устроено на коммунистическихъ началахъ по самымъ усовершенствованнымъ способамъ: однимъ словомъ, что выполнена во всѣхъ своихъ частяхъ программа г. Крапоткина. Въ состояніи ли выполненіе ея обезпечить сохраненіе равенства экономическаго, достигнутаго на минъ посредствомъ экспропріяціи? Очевидно нѣтъ.

До тѣхъ поръ, пока участники коммунистической ассоціаціи сохраняютъ право дѣлать все, что угодно, а слѣдовательно и работать на себя въ свободное отъ обязательныхъ занятій время, до тѣхъ поръ только что достигнутое равенство находится въ весьма шаткомъ положеніи: стóитъ лицамъ, болѣе трудолюбивымъ или болѣе честолюбивымъ, употреблять еще два-три часа времени на дополнительныя работы — и снова образуются частные капиталы и равновѣсіе снова будетъ нарушено.

Но этого мало, стóитъ среди этой идеальной ассоціаціи завестись десятку людей не только лѣнивыхъ, но и рѣшительныхъ, не стѣсняющихся нравственными соображеніями, и анархистамъ, если они захотятъ продлить существованіе анархіи, сразу придется обзаводиться своимъ судомъ и своею полиціей. Въ самомъ дѣлѣ, если эти люди, вмѣсто того, чтобъ ожидать, пока друзья признаютъ ихъ геніями или отыскивать другія условія жизни въ другой мѣстности, предпочтутъ измѣнить ихъ тамъ, гдѣ они уже находятся, приблизительно тѣми же средствами, какими теперешніе анархисты стараются измѣнить существующій порядокъ. Иного исхода для ассоціаціи не будетъ.

Даже авторъ *Завоеванія хлѣба* сознаетъ, что коммунизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, претитъ чувству индивидуальности и независимости, но онъ не замѣчаетъ, что соглашеніе этого чувства со стремленіемъ къ абсолютному равенству, есть задача неразрѣшимая.

Какъ ни очевидны, однако, внутреннія противорѣчія ихъ теоріи, ревнители равенства

весь міръ
Хотятъ сравнять и сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загладить
Для общаго блаженства.

Несмотря на всю свою несбыточность, анархическія утопіи представляютъ ту существенную опасность, что онѣ льстятъ инстинктамъ толпы.

Въ настоящее время анархисты перенесли центръ дѣятельности въ Парижъ, но несомнѣнно, что характеръ этой дѣятельности—международный и нельзя не пожелать, чтобы, наконецъ, правительства всѣхъ странъ предприняли согласное дѣйствіе относительно враговъ какого бы то ни было государства и какого бы то ни было порядка.

* * *

Въ прошломъ нумерѣ этой лѣтописи мы указали на тѣ нелитературные пріемы, которые позволяютъ себѣ *Московскія Вѣдомости* въ своихъ нападкахъ на гр. Л. Н. Толстаго. Въ № 88 редакція *Московскихъ Вѣдомостей,* по поводу этого указанія, посвящаетъ статью разъясненію нѣкоторыхъ „азбучныхъ истинъ", знакомство съ которыми считаетъ полезнымъ для своихъ читателей. Неправильное пониманіе и истолкованіе противодѣйствія *Московскихъ Вѣдомостей* Толстовской пропагандѣ вполнѣ возможно, по мнѣнію газеты, „со стороны *людей ограниченныхъ и недальновидныхъ*, составляющихъ, къ сожалѣнію, какъ у насъ, такъ и вездѣ, главный контингентъ читающей публики,—людей, типическимъ представителемъ коихъ является редакторъ *Русскаго Обозрѣнія. Для нихъ-то*, а не для него, мы считаемъ не безполезнымъ напомнить нѣсколько азбучныхъ истинъ, хорошо извѣстныхъ каждому сколько-нибудь здравомыслящему и неблизорукому человѣку."

Итакъ, статья *Московскихъ Вѣдомостей* написана для людей ограниченныхъ и недальновидныхъ; мы, однако, лучшаго мнѣнія объ ихъ читателяхъ, и полагаемъ, что они даже безъ поясненія редакціи замѣтили бы для кого предназначена помянутая статья.

Нужна, въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ большая ограниченность и недальновидность, чтобы повѣрить, что мы негодуемъ на

Московскія Вѣдомости за то, что онѣ обнаруживаютъ вредъ соціальныхъ теорій гр. Толстаго и разъясняютъ значеніе ихъ среди общества, когда на ошибочность и на вредъ этихъ теорій мы сами указывали именно на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей*.[1]

Но признавая соціальныя теоріи гр. Толстаго ошибочными и распространеніе ихъ среди общества нежелательнымъ, мы не думаемъ, чтобы лучшее средство борьбы съ ними состояло въ обвиненіи ихъ автора въ государственномъ преступленіи.

Впрочемъ, на этотъ разъ продолжая свое отступленіе, *Московскія Вѣдомости* благоразумно избѣгаютъ возвращенія къ такимъ обвиненіямъ и ограничиваются утвержденіемъ, что ученія его не только „парадоксальны, противорѣчивы и не выдерживаютъ критики, какими ихъ признаетъ даже редакторъ *Русскаго Обозрѣнія*,—они прямо нелѣпы и безпочвенны.“ *Московскія Вѣдомости* съ нѣкотораго времени полюбили „пухлыя слова“ и крѣпкія выраженія, это дѣло вкуса и потому мы не станемъ спорить съ ними объ эпитетахъ, но редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ юристъ, не можетъ не знать различія между мнѣніемъ даже безпочвеннымъ и нелѣпымъ и преступнымъ дѣяніемъ, а ложное обвиненіе кого-либо въ преступленіи само по себѣ есть уже нѣчто большее, чѣмъ ошибочное мнѣніе. Вотъ почему мы считаемъ клевету такимъ зломъ, съ которымъ должно бороться. Нисколько не раздѣляя мнѣнія гр. Толстаго о непротивленіи злу, мы присоединяемся къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, когда онѣ говорятъ: „Назовите зло прямо во всеуслышаніе зломъ и вы уже однимъ этимъ уничтожите половину его вреда“. Именно это мы и сдѣлали въ послѣднемъ нумерѣ относительно передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 22 января, и какъ бы онѣ ни пытались теперь затемнить дѣло, отступленіе ихъ слишкомъ очевидно и половина вреда уничтожена.

* * *

Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы находимъ нѣсколько любопытныхъ соображеній по поводу настоящаго положенія народнаго продовольствія.

„До начала уборки новаго урожая, то-есть до половины іюля,

---

[1] Брошюра „Нравственная философія гр. Л. Н. Толстаго“ кн. Д. Н. Цертелева появилась первоначально въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

осталось всего три съ половиной мѣсяца. Въ ходѣ энергической борьбы правительства и общества съ бѣдственными послѣдствіями недорода, это самая критическая пора, потому что всякіе продовольственные запасы, видимые и невидимые, повсемѣстно приходятъ къ концу, и трудно сказать съ увѣренностью, что хлѣба на продовольствіе хватитъ до 15 іюля, такъ какъ наши статистики, несмотря на все свое усердіе, не могутъ опредѣлить *дѣйствительную* хлѣбную наличность."

„Двадцать пять милліоновъ терпящихъ нужду людей кое-какъ перебились, дотянули (кто и не дотянулъ) до 1 апрѣля. Но до новаго урожая остается еще три съ половиной мѣсяца страдной поры полевыхъ работъ, когда усиленная мускульная дѣятельность требуетъ и усиленнаго питанія тѣла."

„Неурожай прошлаго года могъ застать лишь запасы въ размѣрѣ никакъ не болѣе остатка отъ 1882 года, а какъ великъ этотъ остатокъ—Аллахъ вѣдаетъ."

Сомнѣнія, высказываемыя здѣсь *Русскимъ Вѣстникомъ*, представляютъ собою очевидно не что̀ иное, какъ возобновленіе роковаго вопроса, вызвавшаго такую тревогу и такія нареканія на графа Л. Н. Толстаго въ нѣкоторой части нашего общества.

Нельзя не согласиться съ *Русскимъ Вѣстникомъ*, что „цифры гадательныя едва ли умѣстны въ важномъ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія; безъ твердой опоры фактическихъ данныхъ трудно рѣшить и вопросъ о времени, когда вновь можно было бы предоставить нашей торговлѣ свободу отпуска хлѣба за границу." Но полученіе вполнѣ точныхъ цифръ едва ли было бы возможно даже при примѣненіи тѣхъ мѣръ, которыя предлагаетъ *Русскій Вѣстникъ*. Въ настоящее время самое пониженіе цѣнъ можетъ служить указаніемъ на то, что народное продовольствіе до будущаго урожая слѣдуетъ считать обезпеченнымъ. Было бы однако преждевременнымъ думать о выпускѣ хлѣба за границу въ то самое время, когда мы считаемъ возможнымъ принимать пожертвованія хлѣбомъ изъ-за границы.

Если и можетъ оказаться у насъ нѣкоторый избытокъ хлѣба, то никакъ не у крестьянъ и не у землевладѣльцевъ, а только у скупщиковъ, которые слишкомъ подорожились, разсчитывая на дальнѣйшее повышеніе цѣнъ во время голода, но они такъ заботятся о себѣ сами, что правительство едва ли имѣетъ основаніе особенно заботиться объ ихъ интересахъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Результаты хлѣбной спекуляціи.—Состояніе посѣвовъ.—Исполненіе бюджета за январь текущаго года.

Въ настоящее время усиленное вниманіе правительства и общества сосредоточивается на вопросѣ о разрѣшеніи вывоза за границу хлѣбныхъ товаровъ. Еще осенью минувшаго года, по вступленіи въ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія о прекращеніи отпуска хлѣба за границу, экспортеры Балтійскихъ портовъ выступили съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ вывезти приготовленные для иностранныхъ рынковъ запасы хлѣбныхъ товаровъ. Они ссылались за невозможность продажи этихъ запасовъ на мѣстныхъ рынкахъ, указывали на предстоящія имъ громадныя покупки и увѣряли, что для государства будетъ гораздо выгоднѣе отправить этотъ хлѣбъ за границу, нежели задерживать его въ портахъ. Но правительство не измѣнило своего рѣшенія и отклонило ходатайства хлѣбныхъ торговцевъ.

Съ наступленіемъ весны и открытіемъ навигаціи снова начались ходатайства экспортеровъ о разрѣшеніи вывоза хлѣба, и на этотъ разъ, какъ слышно, съ большимъ успѣхомъ, ибо нѣкоторые правительственные органы начали высказываться за отмѣну запрещенія о вывозѣ хлѣба. Съ другой стороны, и въ печати начали появляться сужденія о желательности разрѣшенія отпуска хлѣба, причемъ въ газетахъ началась горячая полемика по этому вопросу: одни стояли за безусловное разрѣшеніе вывоза всѣхъ зерновыхъ продуктовъ, другіе рекомендовали ограничить его только овсомъ и кукурузой, третьи предлагали дозволить вывезти

одни лишь тѣ хлѣбные запасы, которые приготовлены къ отпуску въ портахъ, наконецъ, четвертые требовали сохраненія въ полной силѣ запрещенія вывоза всѣхъ хлѣбныхъ товаровъ, такъ какъ еще не выяснились даже предполагаемые результаты новаго урожая и нельзя утверждать, чтобъ имѣющіеся запасы не оказались необходимыми для насъ самихъ.

Агитація въ пользу разрѣшенія отпуска хлѣба имѣла однако нѣкоторый успѣхъ, ибо была образована спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, предсѣдателя Департамента Экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, которая и занимается въ настоящее время разработкой этого весьма важнаго вопроса. *Биржевыя Вѣдомости* утверждаютъ, что „Министерство Финансовъ предлагаетъ ограничить разрѣшеніе вывоза овса имѣющимися въ Ригѣ, Ревелѣ и Либавѣ запасами и не распространять его на запасы овса, находящіеся въ другихъ остзейскихъ городахъ, а также въ С.-Петербургѣ". Газета добавляетъ, что „судя по многимъ даннымъ слѣдуетъ полагать, что на этотъ разъ вопросъ о вывозѣ овса въ указанныхъ границахъ будетъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ", причемъ она исчисляетъ количество запасовъ овса въ трехъ поименованныхъ портахъ въ семь милліоновъ пудовъ. Не зная насколько компетентенъ источникъ, изъ котораго *Биржевыя Вѣдомости* почерпали свои свѣдѣнія о намѣреніяхъ правительства по этому вопросу, мы не можемъ судить о достовѣрности ихъ извѣстія. Но это не можетъ, конечно, препятствовать безпристрастному обсужденію создающагося положенія, разобравъ sine ira et studio доводы какъ защитниковъ, такъ и противниковъ вывоза.

Сторонники безусловнаго вывоза основываютъ свои доводы, главнымъ образомъ, на принципѣ полной свободы торговыхъ и экономическихъ отношеній. Какое бы то ни было ограниченіе торговли, хотя бы принятое въ исключительныхъ обстоятельствахъ, представляется для нихъ тяжкимъ зломъ, нарушающимъ свободу экономической дѣятельности. Они смотрятъ на вопросъ съ обще-экономической точки зрѣнія, отрицая вліяніе національныхъ и политическихъ интересовъ, и вслѣдствіе этого запрещеніе вывоза представляется имъ мѣрой ограничивающею развитіе производительныхъ силъ страны. Нѣтъ надобности говорить о неправильности подобнаго взгляда: появленіе въ бѣдствующихъ мѣстностяхъ голоднаго тифа является лучшимъ отвѣтомъ на доктрину, требующую устраненія правительственной дѣятельности

изъ области экономическихъ отношеній. Достаточно замѣтить, что еслибы правительство въ голодный годъ не пришло на помощь нуждающимся, быть-можетъ вмѣсто обычнаго прироста населенія, въ Россіи оказалась бы довольно значительная убыль въ немъ.

Другіе объясняютъ необходимость вывоза хлѣба желаніемъ улучшить обороты нашей внѣшней торговли, гдѣ хлѣбные товары являются главными предметами отпуска. Они указываютъ на желательность улучшенія вексельнаго курса и не безъ основанія увѣряютъ, что появленіе русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ повыситъ курсъ и отразится общимъ улучшеніемъ русскихъ фондовъ. Ошибочность этого взгляда заключается въ предпочтеніи, которое сторонники его оказываютъ финансовымъ интересамъ предъ экономическими. Они полагаютъ, что улучшеніе финансовъ окажетъ вліяніе на упроченіе экономическаго благоустройства государства, тогда какъ въ дѣйствительности финансовые успѣхи всегда и вездѣ основывались на экономическомъ благосостояніи населенія. Сторонники такого мнѣнія принимаютъ слѣдствіе за причину и полагаютъ, что можно упрочить финансы биржевыми операціями.

Наконецъ, третьимъ аргументомъ въ пользу разрѣшенія вывоза выставляется желаніе увеличить выручку русскаго земледѣлія, удержавъ на высокомъ уровнѣ падающія хлѣбныя цѣны. Радѣтели земледѣлія увѣряютъ, что если не отпускать теперь хлѣба на иностранные рынки, когда онъ держится тамъ въ весьма высокой цѣнѣ, то при вывозѣ его осенью придется получить гораздо менѣе, такъ какъ послѣ жатвы хлѣбныя цѣны понизятся. Запрещеніе въ настоящее время отпуска хлѣба представляетъ, по ихъ мнѣнію, прямой убытокъ для земледѣлія, такъ какъ лишаетъ его возможности сбыть оказавшійся избытокъ хлѣбныхъ товаровъ по высокимъ цѣнамъ. Допустимъ, что дѣйствительно въ настоящее время имѣются въ Россіи обширные запасы хлѣбныхъ товаровъ, что̀, кстати замѣтить, не было еще констатировано ни однимъ изслѣдованіемъ; допустимъ, что эти запасы не находятъ потребленія на мѣстныхъ рынкахъ и вслѣдствіе этого оказываются излишними; допустимъ, наконецъ, что эти запасы не могутъ потребоваться для внутренняго потребленія и осенью, такъ какъ, въ силу поговорки, что два несчастія подъ-рядъ не бываютъ, нынѣшній годъ надѣлитъ Россію обильнымъ урожаемъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать, чтобы

разрѣшеніе вывоза могло способствовать увеличенію доходности земледѣлія. Въ чьихъ рукахъ находятся въ настоящее время хлѣбные запасы въ Россіи? Мы едва ли ошибемся, указавъ, что громадное большинство свободнаго товара имѣется не у землевладѣльцевъ, а у хлѣбныхъ торговцевъ и, главнымъ образомъ, спекулянтовъ, разсчитывавшихъ на еще большее повышеніе весной цѣнъ противъ зимы. О такомъ сосредоточеніи запасовъ свидѣтельствуютъ многократныя указанія оффиціальнаго органа Министерства Финансовъ *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли*. Еще въ концѣ минувшаго года оффиціальный журналъ сообщалъ, что „въ сѣверной черноземной полосѣ поступленіе озимыхъ сокращается; запасы ржи еще есть, но они уже сгруппированы въ крѣпкихъ рукахъ". Черезъ нѣсколько недѣль тотъ же оффиціальный журналъ такимъ образомъ объяснялъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ: „Настоящій подъемъ цѣнъ находитъ себѣ объясненіе въ *спекулятивной группировкѣ запасовъ* и въ сдержанности продавцовъ, которая въ иныхъ мѣстахъ настолько значительна, что хлѣба въ продажѣ вовсе не оказывается". Значительное участіе въ спекуляціи съ хлѣбомъ принимали также и экспортеры. Такъ, напримѣръ, на Кавказѣ „цѣны на рожь и низшіе сорта пшеницы сильно повысились, вслѣдствіе спекуляціи со стороны болѣе крупныхъ скупщиковъ и конторы бр. Воллеръ и К° и Луи Дрейфусъ и К°. Луи Дрейфусъ и К° арендовали уже восемь амбаровъ и намѣреваются производить въ широкихъ размѣрахъ закупки продовольственныхъ хлѣбовъ, въ виду неизбѣжнаго повышенія цѣнъ на послѣдніе". Сопоставленіе такихъ фактовъ побудило насъ еще въ ноябрѣ минувшаго года высказать мнѣніе, что „приходится вести борьбу не съ отсутствіемъ хлѣбныхъ запасовъ, а со спекулятивными стремленіями ихъ владѣльцевъ, разсчитывающихъ посредствомъ сдержанности въ продажахъ добиться еще бо̀льшаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ". И дѣйствительно, спекуляція настолько увлеклась въ погонѣ за барышами на счетъ народнаго бѣдствія, что перешла границы благоразумія, и въ стремленіи къ еще большей наживѣ, приготовила крупные запасы хлѣба на весну, разсчитывая, что съ истощеніемъ къ этому времени скудныхъ мѣстныхъ средствъ, потребители заплатятъ въ три-дорога и вполнѣ удовлетворятъ разыгравшіеся аппетиты спекуляціи. Но благодаря обширной правительственной помощи и энергическимъ мѣрамъ по своевременной доставкѣ хлѣба, нуждающееся населеніе было

въ достаточной степени снабжено продовольственными припасами, и хлѣбный вопросъ потерялъ къ веснѣ свой острый характеръ. Когда было закончено большинство земскихъ заготовокъ и улеглись опасенія за достаточность хлѣбныхъ запасовъ, покупатели сдѣлались гораздо сдержаннѣе въ своихъ требованіяхъ и на рукахъ у спекулянтовъ оказались не находящія помѣщенія крупныя количества хлѣба. Такое положеніе дѣла подтверждается и свѣдѣніями *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли*, сообщающаго, что „всю зиму выжидавшіе цѣнъ товаровладѣльцы, теперь, несмотря на уступчивость и настойчивыя предложенія, не могутъ найти покупателей, особенно въ портахъ, и предвидятъ крупные убытки". Итакъ, запасы оказываются у тѣхъ, кто не удовольствовался бывшими непомѣрно высокими хлѣбными цѣнами, въ два и три раза превышавшими нормальный уровень ихъ, у тѣхъ, кто „всю зиму выжидалъ цѣнъ", надѣясь весной взять вдвое противъ громадной зимней выручки, у тѣхъ, кто намѣревался отнять суму у нищаго. Теперь эти люди, видя продолжающееся пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, домогаются вывоза приготовленныхъ ими запасовъ за границу, разсчитывая воспользоваться высокимъ уровнемъ тамъ хлѣбныхъ цѣнъ и такимъ путемъ исправить промахъ своей излишней жадности. Такимъ образомъ, разрѣшеніе вывоза будетъ поощреніемъ зарвавшейся спекуляціи, открытіемъ свободнаго отступленія ей, но отнюдь не воспособленіемъ земледѣлію.

Предусмотрительные люди однако указываютъ, что нельзя отказать въ поддержкѣ даже и спекуляціи на томъ основаніи, что она будто бы составляетъ необходимый элементъ въ хлѣбной торговлѣ, являясь посредникомъ между производителями и потребителями хлѣбныхъ товаровъ. Но подобная предусмотрительность едва ли не оказывается излишнею. Еслибъ одни изъ спекулянтовъ разорились, на мѣсто каждаго изъ нихъ явятся десятки новыхъ предпринимателей, которые, наученные опытомъ предшественниковъ, быть-можетъ, поведутъ дѣло на болѣе раціональныхъ основаніяхъ, и, такимъ образомъ, хлѣбная торговля получитъ болѣе правильную постановку, о чемъ давно уже хлопочетъ правительство. Въ настоящее время экспортеры преслѣдуютъ цѣли діаметрально противоположныя интересамъ земледѣлія. Именно, они стремятся, вмѣсто улучшенія, къ возможному ухудшенію хлѣбныхъ товаровъ, имѣя въ виду добиться пониженія цѣнъ ихъ на иностранныхъ рынкахъ и вслѣдствіе этого

скупать въ Россіи хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, уменьшая выручку русскаго сельскаго хозяйства. Покупая у хозяевъ хорошій товаръ, экспортеры умышленно портятъ его различными подмѣсями, и этимъ сильно подрывается довѣріе къ русскому хлѣбу на иностранныхъ рынкахъ. Извѣстно, что русскій хлѣбъ, пройдя черезъ германскіе склады, выручаетъ на англійскихъ рынкахъ гораздо высшую цѣну противъ той, какую даютъ за товаръ, непосредственно направленный въ Англію изъ русскихъ портовъ. Продѣлки экспортеровъ по снабженію хлѣбомъ нуждающихся мѣстностей вполнѣ выяснили практикуемый ими способъ торговли хлѣбомъ, причиняющій громадные убытки русскому земледѣлію. Едва ли можно признать желательнымъ, чтобы правительство оказывало поддержку сохраненію и на будущее время такого порядка, невыгоднаго для интересовъ земледѣлія, ежегодно недовыручающаго громадныхъ суммъ, поступающихъ въ пользу посредниковъ-спекулянтовъ.

Сторонники разрѣшенія вывоза не представили настолько вѣскихъ данныхъ, которыя доказывали бы необходимость немедленнаго осуществленія этой мѣры. Противники вывоза, напротивъ, выставляли весьма вѣскій аргументъ, заключающійся въ неизвѣстности урожая нынѣшняго года, когда нельзя ручаться, чтобъ осенью и зимой не потребовались нынѣшніе излишніе запасы для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго продовольствія. Извѣстно, что посѣвъ озимей въ большинствѣ мѣстностей былъ произведенъ при болѣе благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ, что начало весны въ иныхъ мѣстахъ было болѣе благопріятно, въ другихъ, напротивъ, весна оказалась худшею для посѣвовъ, нежели въ 1891 году. Можно думать, что урожай нынѣшняго года окажется обильнѣе прошлогодняго, но насколько увеличится сборъ хлѣбовъ, объ этомъ еще невозможно дать какихъ-либо указаній. Съ другой стороны, несомнѣнно, что если при неурожаѣ минувшаго года населеніе кое-какъ перебивалось еще остатками отъ предыдущихъ урожайныхъ лѣтъ и вслѣдствіе этого часть собраннаго хлѣба оказалась нынѣ свободною, то въ нынѣшнемъ году, даже при болѣе обильной жатвѣ сравнительно съ предыдущимъ годомъ, эти запасы пожалуй окажутся какъ нельзя болѣе кстати для нуждающагося въ продовольствіи населенія. Очень возможно, что урожай окажется настолько обильнымъ, что не только удовлетворитъ мѣстный спросъ, но и дастъ болѣе или менѣе

значительные избытки для вывоза на иностранные рынки. Тогда прошлогодніе запасы будутъ излишними, и устранятся препятствія къ вывозу ихъ за границу. Быть-можетъ, тогда хлѣбъ будетъ проданъ по болѣе низкой, сравнительно съ существующею нынѣ, цѣнѣ. Но увеличеніе выручки экспортеровъ не можетъ служить основаніемъ для послѣдняго и преждевременнаго рѣшенія столь важнаго вопроса, какъ разрѣшеніе вывоза на иностранные рынки, имѣющаго громадное значеніе для обезпеченія народнаго продовольствія.

Петербургскій корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ, что хлѣбная коммиссія въ засѣданіи 22 апрѣля „единогласно высказалась въ пользу разрѣшенія вывоза наличныхъ запасовъ овса, лежащихъ въ Ригѣ, Либавѣ и Ревелѣ и за общій вывозъ кукурузы". Это извѣстіе подтверждаютъ приведенныя раньше свѣдѣнія *Биржевыхъ Вѣдомостей*, и очевидно, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ осуществленіе принятаго коммиссіей постановленія. Такая частная мѣра, какъ разрѣшеніе вывоза кукурузы, которая оказывается у насъ въ значительныхъ количествахъ и въ то же время представляетъ товаръ, подвергающійся скорой порчѣ, равно какъ и отпускъ изъ трехъ Балтійскихъ портовъ заготовленнаго тамъ овса, не могутъ имѣть серьознаго значенія въ вопросѣ народнаго продовольствія. Вывозъ этихъ товаровъ, увеличивъ наши полученія отъ иностранцевъ, конечно, окажетъ нѣкоторое вліяніе на улучшеніе вексельнаго курса и фондовъ, хотя это улучшеніе и не можетъ имѣть существеннаго значенія въ дѣлѣ укрѣпленія государственнаго кредита. Съ другой стороны, несомнѣнно, что даже ограниченное разрѣшеніе вывоза нѣкоторыхъ хлѣбныхъ товаровъ представляетъ прецедентъ, который послужитъ для экспортеровъ товаромъ къ новымъ ходатайствамъ о новыхъ разрѣшеніяхъ и, если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ экспортеровъ, то не представляется основаній къ отказу одесскимъ торговцамъ въ той помощи, которая дана либавскимъ. Во всякомъ случаѣ, нынѣшнее частное разрѣшеніе вывоза нѣкоторыхъ зерновыхъ товаровъ указываетъ на близость общаго рѣшенія вопроса объ отпускѣ хлѣба на иностранные рынки, который отчасти возмѣститъ убытки тѣмъ хлѣбнымъ торговцамъ, которые не удовлетворились высокими зимними цѣнами и разсчитывали еще болѣе выручить весной, но ошиблись въ своихъ предположеніяхъ.

Въ Россіи нѣтъ повсемѣстныхъ подробныхъ свѣдѣній о

состоянія посѣвовъ, болѣе или менѣе обусловливающихъ виды на урожай. Болѣе точныя наблюденія и записи о посѣвахъ имѣются лишь въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ это дѣло организовано Метеорологическою Обсерваторіей Новороссійскаго университета. Послѣдній бюллетень сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о посѣвахъ Юго-Западнаго края къ 15 марта.

„Метеорологическая Обсерваторія Новороссійскаго университета получила въ мартѣ текущаго года весьма полныя свѣдѣнія о ходѣ сельско-хозяйственныхъ работъ и состояніи озимыхъ посѣвовъ изъ 1.370 пунктовъ юго-запада Россіи. Пункты эти по губерніямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Херсонская губернія 229 пунктовъ, Таврическая—244, Бессарабская—229, Волынская—237, Подольская—178, Кіевская—121 и прочія губерніи 132 пункта. Въ доставленныхъ корреспонденціяхъ имѣются свѣдѣнія объ общемъ состояніи погоды въ мартѣ, о началѣ и ходѣ полевыхъ работъ, ночныхъ морозахъ, влажности почвы, вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, состояніи посѣвовъ и травъ.

„По отзыву огромнаго большинства корреспондентовъ, озимые посѣвы вышли изъ зимы вообще въ удовлетворительномъ состояніи. Озими къ 15 марта представлялись, въ общемъ, въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ это было къ 1 января 1892 года. Чтобъ охарактеризовать вкратцѣ состояніе посѣвовъ къ 15 марта нашего стиля, отзывы наблюдателей выражены цифрами отъ 1 до 5 (1—плохое состояніе посѣвовъ, 2—посредственное, 3—удовлетворительное, 4—хорошее, 5—отличное). Числа эта нанесены на карту. Полученная такимъ образомъ картограмма представила наглядную картину состоянія посѣвовъ къ 15 марта текущаго года. На основаніи этой картограммы найдена была средняя отмѣтка, выражающая состояніе озимей:

Херсонская губернія.	
Одесскій уѣздъ	2,9
Херсонскій „	2,9
Александрійскій „	2,8
Елисаветградскій „	2,9
Тираспольскій „	2,9
Ананьевскій „	3,4
Бессарабская губернія	3,6
Таврическая „	3,8
Подольская губернія	3,6
Кіевская „	3,4
Волынская „	3,3

„Наименѣе благопріятное состояніе озимыхъ замѣчается въ Херсонской губерніи, а также въ Проскуровскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, Острогскомъ и отчасти Луцкомъ и Владиміро-Волынскомъ уѣздахъ, Волынской губерніи. Состояніе посѣвовъ выше средняго въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Бессарабской губерніи и въ Крыму. Разсматривая отдѣльные отзывы корреспондентовъ, можно видѣть значительную, такъ-сказать, черезполосность въ распредѣленіи удовлетворительныхъ и неудовлетворительныхъ посѣвовъ: поясы болѣе удовлетворительнаго состоянія перемежаются съ полосами посредственнаго и даже плохаго состоянія. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что, благодаря отсутствію влаги и низкой температурѣ осеннихъ мѣсяцевъ 1891 года, посѣвы пошли въ зиму не окрѣпнувшими и крайне чувствительными къ атмосферическимъ вліяніямъ. Малѣйшія, поэтому, неблагопріятныя *мѣстныя* условія (направленіе склона, качество почвы, недостаточная степень защищенности отъ холодныхъ и сухихъ вѣтровъ и т. п.) весьма сильно отражались на состояніи полей и понижали виды на урожай. Но въ общемъ, на югѣ-западѣ Россіи, за исключеніемъ Херсонской губерніи, состояніе посѣвовъ къ 15 марта было выше средняго.

„Впрочемъ, неблагопріятныя условія второй половины марта понизили надежды земледѣльцевъ. Въ теченіе марта на юго-западѣ Россіи господствовала сухая бездождная и холодная погода. Сильные вѣтры изсушали почву и препятствовали ходу весеннихъ полевыхъ работъ. Въ двадцатыхъ числахъ марта наблюдаемы были значительные морозы, которые остановили ростъ хлѣбовъ и травъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нанесли существенный вредъ посѣвамъ. Травы къ 1 апрѣля едва показались изъ земли. Въ общемъ виды на урожай озимыхъ къ 1 апрѣля понизились, особенно въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, въ Мелитопольскомъ, Перекопскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ, Таврической губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля перепахиваютъ подъ яровые."

Что касается другихъ мѣстностей Имперіи, гдѣ не производится точныхъ и подробныхъ наблюденій, то *Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли* (№ 16 отъ 19 апрѣля) сообщаетъ слѣдующія общія свѣдѣнія:

„О положеніи хлѣбныхъ посѣвовъ получены на недѣлѣ въ общемъ удовлетворительныя извѣстія. На югѣ и юго-западѣ прошли, мѣстами, обильные дожди, въ которыхъ посѣвы уже начинали нуждаться. Особенно много осадковъ выпало въ Харь-

ковѣ, Кіевѣ и вообще Юго-Западномъ краѣ, гдѣ, благодаря незначительности снѣговаго покрова, отсутствію дождей въ мартѣ и сильнымъ вѣтрамъ, почва была почти совершенно высохшею. О неблагопріятной для посѣвовъ погодѣ — сильныхъ холодныхъ вѣтрахъ, сообщали только изъ области Войска Донскаго и губерній Воронежской и Курской, но въ концѣ недѣли погода здѣсь измѣнилась въ теплую и тихую. Таяніе снѣга въ центральной и восточной Россіи шло весьма успѣшно и къ концу недѣли, къ 11 апрѣля, снѣгъ оставался лишь въ мѣстностяхъ сѣвернѣе Камы, Волги отъ устья Камы и Мологи. Повсемѣстно посѣвы выходятъ изъ-подъ снѣга неповрежденными. Вообще, какъ уже нѣсколько разъ указывалось, настоящая весна протекаетъ въ нормальныхъ условіяхъ и представляется вполнѣ благопріятною для сельскаго хозяйства. По даннымъ, помѣщеннымъ въ *Метеорологическомъ Вѣстникѣ*, количество выпавшихъ въ мартѣ осадковъ, въ сравненіи съ нормальнымъ, опредѣляется слѣдующими цифрами въ миллиметрахъ:

	Осадки въ мартѣ.	
	Нормальные.	Въ 1892 году.
Сѣверныя губерніи	30	12
Прибалтійскія губерніи	27	11
Западный край	36	36
Средняя Россія	25	24
Восточныя губерніи	15	15
Югъ Россіи	26	25

„Изъ этихъ данныхъ видно, что въ мартѣ количество осадковъ вполнѣ согласовалось съ нормальнымъ и только на сѣверѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ осадки оказались незначительными, но въ этихъ губерніяхъ были обильные снѣга. Въ сѣверной черноземной полосѣ и губерніяхъ нижне-волжскихъ къ сѣву яровыхъ приступили на отчетной недѣлѣ лишь въ нѣкоторыхъ экономіяхъ, общій же сѣвъ начался съ Ѳоминой недѣли, то-есть почти на двѣ недѣли позже обыкновеннаго. Относительно цѣнъ на рабочія руки пока получено немного сообщеній, но уже теперь выясняется, что плата рабочимъ на своихъ харчахъ и особенно коннымъ, установится выше прошлогодней, тогда какъ рабочіе на хозяйскихъ харчахъ условливаются по той же цѣнѣ, что въ прошломъ году или даже дешевле.“

Состояніе посѣвовъ въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ собираются точныя свѣдѣнія о положеніи сельскохозяйственной

производительности, представлялось къ началу апрѣля въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Великобританіи ростъ озимыхъ замедлился; хлѣба ранняго сѣва хороши, но поздняго погибли и пересѣяны подъ яровое, такъ что послѣдовало сокращеніе площади посѣва озимыхъ. Къ началу апрѣля озимые и яровые хлѣба, подъ вліяніемъ теплой погоды, стали быстро развиваться.

Во Франціи въ южныхъ департаментахъ хлѣба хороши; менѣе удовлетворительны они въ наиболѣе хлѣбородной части Франціи на сѣверѣ; но и здѣсь они не ниже средняго; теплые дни въ концѣ марта оказали благотворное вліяніе и въ общемъ положеніе посѣвовъ представляется довольно благопріятнымъ. Площадь посѣва пшеницы сократилась, такъ какъ только часть изъ побитыхъ морозомъ озимей была пересѣяна яровыми.

Въ Бельгіи и Голландіи хлѣба удовлетворительны; на ихъ укрѣпленіе благотворно повліяли дожди при теплой погодѣ.

Въ Германіи пшеница поздняго сѣва неудовлетворительна, ранняго сѣва и рожь перенесли морозъ безъ вреда; вообще же состояніе посѣвовъ близко подходитъ къ среднему.

Въ Австріи хлѣба хороши, но въ Венгріи озимые заставляютъ желать много лучшаго; невзошедшія осенью и побитыя морозами озими и рожь частью перепаханы подъ яровое.

Въ южныхъ государствахъ: Италіи, Испаніи и Португаліи и земляхъ Балканскаго полуострова посѣвы находятся въ благопріятномъ состояніи, только изъ Италіи начинаютъ поступать менѣе удовлетворительныя извѣстія.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ озимые хлѣба неудовлетворительны. По отчету Вашингтонскаго департамента земледѣлія среднее состояніе озимой пшеницы установлено въ 81,2% противъ 85,3% въ декабрѣ 1891 года и 96,0% въ апрѣлѣ 1891 года. Нынѣшнее низкое состояніе пшеницы обусловливается скорѣе поздними, чѣмъ сильными холодами. Съ наступленіемъ теплой погоды изъ многихъ мѣстъ уже поступили сообщенія объ улучшеніи посѣвовъ; на основаніи этого департаментъ земледѣлія выражаетъ надежду, что при хорошихъ атмосферическихъ условіяхъ положеніе можетъ еще улучшиться. Едва ли однако можно разсчитывать на хорошій урожай, такъ какъ изъ данныхъ за рядъ лѣтъ видно, что состояніе посѣвовъ въ апрѣлѣ всегда бываетъ лучше, чѣмъ въ моментъ уборки хлѣба. Но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе увеличеніе площади посѣва, которое послѣдовало въ 1891 году на 3.830.000

акровъ и, по всей вѣроятности, имѣло мѣсто и въ настоящемъ сельско-хозяйственномъ году. Такимъ образомъ, судя по настоящему состоянію полей, можно ожидать, что общій сборъ выйдетъ среднимъ и, во всякомъ случаѣ, выше чѣмъ въ 1890 году, когда въ апрѣлѣ состояніе равнялось 81% и площадь была меньше почти на четыре милліона акровъ.

Въ Остъ-Индіи, согласно отчету остъ-индскаго департамента земледѣлія, пшеница уродилась въ большинствѣ провинцій хорошо; мѣстами, напримѣръ, въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и Удѣ получился давно не бывалый по обилію сборъ. Въ общемъ, однако, въ виду сокращенія площади посѣва, доходившаго въ нѣкоторыхъ провинціяхъ до 25%, общій итогъ сбора вышелъ почти соотвѣтствующимъ среднему, ниже предыдущаго года.

Въ Алжирѣ посѣвы сильно страдаютъ отъ засухи и ожидается неудовлетворительный урожай; въ Марокко, напротивъ, хлѣба оказываются въ хорошемъ состояніи.

Приведенныя свѣдѣнія не представляютъ еще достаточнаго основанія для выясненія вопроса о результатахъ предстоящаго урожая. Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе значительное въ настоящее время ослабленіе хлѣбныхъ запасовъ въ Европѣ, неудовлетворительное состояніе посѣвовъ въ Америкѣ, а также и то, что наступившіе въ Западной Европѣ къ концу апрѣля холода, съ выпаденіемъ во многихъ мѣстностяхъ снѣга, вѣроятно не будутъ способствовать улучшенію дѣла, то при наличности подобныхъ данныхъ возможно предполагать, что урожай нынѣшняго года не доставитъ особенно обширнаго избытка зерновыхъ продуктовъ и вслѣдствіе этого едва ли послѣдуетъ значительное пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Нельзя сказать, чтобы такія обстоятельства представляли аргументъ въ пользу разрѣшенія въ настоящее время вывоза хлѣбовъ изъ Россіи, когда еще не выяснена достаточность удовлетворенія внутренняго потребленія, находящагося въ прямой зависимости отъ результатовъ нынѣшняго урожая. Во всякомъ случаѣ интересы земледѣлія не потерпятъ никакого ущерба отъ промедленія въ разрѣшеніи вывоза. Напротивъ, они скорѣе выиграли бы, еслибы былъ данъ урокъ не въ мѣру разыгравшейся биржевой спекуляціи, подрывающей своими продѣлками благосостояніе сельскаго хозяйства Россіи, которое составляетъ основной промыселъ Русскаго народа.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Милюковъ, П. *Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго.* Спб. 1892.

Одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской исторіи, Петровское время, все еще недостаточно изучена, и нельзя не порадоваться новому труду, посвященному реформамъ Великаго Преобразователя. Занимаясь государственнымъ хозяйствомъ Россіи, г. Милюковъ вынужденъ былъ обратиться къ архивамъ, такъ какъ печатныхъ источниковъ почти нѣтъ, и ему удалось собрать обильный и очень любопытный архивный матеріалъ, остававшійся до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Это главное и немалое достоинство его труда. Мѣстами авторъ очень удачно обработалъ этотъ новый матеріалъ и далъ нѣкоторыя хорошія объясненія; такъ, напримѣръ, онъ прекрасно объяснилъ происхожденіе губерній.

Къ сожалѣнію, замѣтно, что г. Милюковъ, какъ историкъ-филологъ, недостаточно свѣдущъ въ финансовыхъ вопросахъ, а потому наиболѣе существенная часть его книги, посвященная государственному хозяйству, не вполнѣ удовлетворительна. Нескоро историки возьмутся вновь за интересную тему, выбранную г. Милюковымъ, а между тѣмъ его изслѣдованіе легко можетъ ввести въ заблужденіе ученыхъ, которые повѣрятъ на слово его выводамъ.

Въ своемъ заключеніи авторъ говоритъ слѣдующее: „Государственная реорганизація представляется явленіемъ вторичнымъ, производнымъ, и такъ смотрѣлъ на нее Петръ, видѣвшій въ ней не цѣль саму по себѣ, а только средство. Средство это

было необходимо, поскольку необходимы были для государства поставленныя Петромъ цѣли; оно было своевременно, поскольку цѣли эти были имъ своевременно поставлены. Въ необходимости цѣлей, въ которой сомнѣвались современники Петра, было бы теперь поздно и безполезно сомнѣваться; относительно своевременности ихъ постановки могутъ быть, къ сожалѣнію, два отвѣта, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ихъ по отношенію къ внутреннему или къ внѣшнему положенію Россіи. По отношенію къ внѣшнему положенію Россіи своевременность постановки этихъ цѣлей доказывается уже ихъ успѣшнымъ достиженіемъ; вѣроятно, эта своевременность подтвердится изъ сопоставленія фактовъ европейской политики, въ которой Россія не могла отсутствовать. По отношенію къ внутренному положенію отвѣтъ на вопросъ о своевременности долженъ быть отрицательнымъ. Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опередилъ его экономическое развитіе. Утроеніе податныхъ тягостей и одновременная убыль населенія по крайней мѣрѣ на 20%, это такіе факты, которые сами по себѣ доказываютъ выставленное положеніе краснорѣчивѣе всякихъ деталей. *Цѣной разоренія страны Россія возведена была въ ранъ европейской державы*" (стр. 735).

Послѣднія слова представляютъ главный выводъ изъ обширнаго (въ 736 стр.) изслѣдованія г. Милюкова и, кстати сказать, единственный вполнѣ точный и опредѣленный. Мы узнаемъ, слѣдовательно, нѣчто совсѣмъ новое и неожиданное, узнаемъ, что Петръ разорилъ Россію.

Чтобы понять на чемъ основано это неожиданное открытіе, надо прочесть главу 4-ю подъ громкимъ заглавіемъ „Разореніе населенія". Здѣсь авторъ сообщаетъ намъ статистическія данныя переписи, предпринятой въ 1710 г.; эти данныя сравниваются съ переписью 1678 г. и оказывается, что за тридцать лѣтъ населеніе въ Россіи не только не увеличилось, но значительно уменьшилось. „Веберъ, говоритъ авторъ, имѣвшій хорошія свѣдѣнія о русскихъ финансахъ, сообщаетъ, что перепись имѣла цѣлію регистрировать тотъ значительный приростъ населенія, который долженъ былъ образоваться со времени предыдущей переписи 1678 года; такимъ образомъ цѣлію переписи было бы увеличеніе количества плательщиковъ. Вѣроятно, таково было

дѣйствительно намѣреніе правительства. Если такъ, то оно очевидно имѣло очень слабое понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, и результаты переписи готовили ему жестокое разочарованіе" (стр. 245). Дѣйствительное положеніе дѣлъ разъяснено г. Милюковымъ. По переписи 1678 г. значилось около трехъ милліоновъ душъ податнаго сословія, а по переписи 1710 г. приблизительно 2.400.000 душъ, слѣдовательно, убыло 582 тысячи или 1/3 часть всего населенія. „Необходимо помнить, говоритъ авторъ на своемъ мудреномъ языкѣ, что этотъ результатъ есть уже, такъ-сказать, равнодѣйствующая дѣйствительной убыли и того естественнаго прироста, который долженъ былъ нѣсколько прикрыть и замаскировать ее". Выражаясь проще, къ 1710 г. изъ трехъ милліоновъ душъ должно было образоваться примѣрно 4½ милліона, а такъ какъ оказалось всего 2½ милліона, то убыло не 582 тысячи, а по крайней мѣрѣ два милліона. Куда же дѣвалось такое значительное населеніе?

Г. Милюковъ сообщаетъ, что армія поглотила до 200 тысячъ рабочаго населенія и половину этого числа безвозвратно, что около 20 тысячъ занято было казенными работами. Допустимъ, что сельское населеніе уменьшилось по этимъ причинамъ на 220 тысячъ; остальные крестьне, то-есть около 350 тысячъ, по мнѣнію г. Милюкова, разбѣжались. Авторъ предполагаетъ, повидимому, что при Петрѣ Великомъ населеніе только умирало, а не рождалось. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, что въ Пошехоньѣ изъ 11.494 дворовъ убыло 5.356 или 46,6% и приводитъ слѣдующую таблицу убыли:

1) Отъ естественныхъ причинъ (смерти)....	34,9%.
2) Прямое вліяніе правительственной дѣятельности (въ работахъ, отданы въ солдаты)..	29,4%.
3) Побѣги.....	24,2%.
4) Переходы.....	6%.
5) Неизвѣстныя причины.....	5,3%.

Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ вычисленіяхъ авторъ обходитъ молчаніемъ естественный приростъ населенія, котораго не могло быть. „Оказалось, говоритъ авторъ, что во всей Россіи убыла 1/3 часть дворовъ, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ убыль доходила до 40%. Важнѣйшими причинами этой убыли оказались поборы людьми для пополненія арміи и для казенныхъ работъ, а

также побѣги, очевидно, вызванные прежде всего финансовымъ гнетомъ" (стр. 716).

Въ 1717 г. Петръ приказываетъ сдѣлать новую перепись, такъ какъ онъ не довѣрялъ даннымъ, полученнымъ въ 1710 г. „Результаты новой переписи, говоритъ г. Милюковъ, оказались столь же неутѣшительными, какъ и результаты переписи 1710 г. Въ сущности ничего другаго и нельзя было ожидать: главныя причины запустѣнія оставались неустраненными со времени 1710 г.; конечно, правительство старалось не назначать новыхъ прямыхъ налоговъ, но оно продолжало взимать всѣ старые и все-таки не воздерживалось отъ назначенія новыхъ. Совершенно естественно, что при наличности этихъ причинъ продолжался и процессъ запустѣнія, съ такою яркостью обнаружившійся въ итогахъ переписи 1710 г." Приведя статистическія данныя, которыя удалось ему найти въ архивахъ, авторъ говоритъ, что платежное населеніе Россіи и послѣ 1710 г. продолжаетъ непрерывно и быстро уменьшаться (стр. 555).

Въ 1724 г. закончена была новая перепись и оказалось, что въ Россіи 5.570.000 душъ податнаго сословія, а въ 1710 г. ихъ было 2.875.000 душъ. Такимъ образомъ, при Петрѣ Великомъ происходило необыкновенное явленіе: въ теченіе пятидесяти лѣтъ населеніе все убывало, а затѣмъ въ пять лѣтъ оно внезапно удвоилось.

Г. Милюковъ сообщаетъ слѣдующій интересный фактъ; къ концу 1721 г. сосчитано было три милліона душъ, но Петръ этому не повѣрилъ и назначилъ ревизію, послѣ же ревизіи оказалось пять милліоновъ душъ, по той простой причинѣ, что помѣщики утаивали своихъ крестьянъ. Какъ же объясняетъ г. Милюковъ такой внезапный и быстрый приростъ населенія? „Необходимо, говоритъ онъ, остановиться нѣсколько на сопоставленіи итоговъ старой и новой переписи. Итогъ переписи 1710 г. слѣдуетъ признать весьма полнымъ выраженіемъ числовыхъ данныхъ этой переписи. Мы знаемъ, что она показала огромную убыль населенія Россіи; мы знаемъ, что уменьшеніе населенія не останавливалось до самаго начала ревизіи; услышимъ и послѣ ревизіи все тѣ же жалобы на продолжающійся процессъ запустѣнія Россіи. Чѣмъ же объясняется полученное ревизіей огромное увеличеніе количества плательщиковъ? О приростѣ населенія изъ только-что упомянутыхъ фактовъ оно никоимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать. Единственнымъ объясненіемъ,

которое остается такимъ образомъ для этого факта, должна быть та строгость, съ которою производилась регистрація всѣхъ платежныхъ группъ. Дѣйствительно, изъ сообщенныхъ выше данныхъ видно, что еслибы за переписью не послѣдовала ревизія, итогъ ея былъ бы на два милліона ниже; эти два милліона остались бы утаенными, и мы получили бы для платежнаго населенія Россіи цифру около 3½ милліоновъ душъ" (стр. 644).

Слѣдовательно, все дѣло заключалось въ ревизіи, въ томъ, что съ 1721 г. стали провѣрять на мѣстахъ показанія помѣщиковъ, которыми прежде довольствовались. Откуда же явились въ 1721 г. два милліона, которые хотѣли утаить? Очевидно они существовали въ 1710 г. и ихъ тогда удалось утаить. Если мы прибавимъ эти два милліона къ цифрѣ, добытой переписью 1710 г. (2.875.000), получимъ населеніе въ 4.875.000 душъ, а такъ какъ по переписи 1678 г. числилось съ небольшимъ три милліона, то найдемъ приростъ, а не убыль населенія. Убыль эта была только на бумагѣ и ей никто не вѣрилъ, ни Петръ, ни его современники, а повѣрилъ только г. Милюковъ и на основаніи такой невѣрной статистики написалъ цѣлую главу о разоренія населенія, котораго на самомъ дѣлѣ не было. „Предпринявъ перепись 1710 г., говоритъ г. Милюковъ, съ цѣлію увеличить количество плательщиковъ, оно теперь принуждено было констатировать несомнѣнное уменьшеніе податнаго населенія. Вслѣдствіе этой неудачи оно рѣшилось въ концѣ концовъ игнорировать перепись 1710 г. и пользоваться для раскладокъ попрежнему цифрами переписи 1678 г." Авторъ считаетъ это большою несправедливостью, но несомнѣнно правительство было болѣе право, чѣмъ онъ самъ. Онъ высчитываетъ, будто бы въ 1710 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каждому плательщику приходилось платить до 40% больше чѣмъ значилось на бумагѣ, такъ какъ населеніе убыло и остававшіеся платили за отсутствующихъ; но точная цифра населенія намъ неизвѣстна и гораздо вѣроятнѣе, что дѣйствительная подать была ниже номинальной, потому что количество крестьянъ съ 1678 г. возрасло.

Въ книгѣ г. Милюкова есть данныя, свидѣтельствующія не о разореніи населенія, а напротивъ о значительномъ подъемѣ народнаго благосостоянія. Государственный бюджетъ въ 1701 г. возросъ вдвое противъ бюджета 1680 г., а въ 1724 г. даже втрое. Далѣе очень интересна роспись 1724 г., изъ которой видно, что изъ доходовъ этого года поступило 7.300.000 рублей,

а израсходовано 6.255.000. Такъ какъ ежегодно поступалъ по крайней мѣрѣ милліонъ изъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ, свободный остатокъ составлялъ два милліона. Государственный бюджетъ былъ исполненъ такимъ блестящимъ образомъ послѣ двухгодичнаго голода, о чемъ г. Милюковъ не счелъ нужнымъ упомянуть.

Но само собою разумѣется, что финансовое положеніе Россіи не было такимъ блистательнымъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, если мы будемъ судить о росписи 1724 г., какъ судимъ о росписяхъ нашего времени. Бюджеты Петровскаго времени требуютъ критики и объясненія; но, къ удивленію, мы не нашли такого объясненія въ книгѣ г. Милюкова, принявшаго на себя задачу изслѣдовать государственное хозяйство Россіи. Авторъ въ первый разъ напечаталъ въ приложеніяхъ государственныя росписи Петровскаго времени, а въ текстѣ удовольствовался ихъ пересказомъ, не обративъ вниманія на такіе важные факты, какъ неурожай, и на то, что далеко не всѣ расходы вносились въ роспись.

Такимъ образомъ, главный выводъ г. Милюкова не выдерживаетъ критики, остальные же его выводы такъ неясны и неопредѣленны, что ихъ иногда трудно понять. Авторъ старается доказать, что реформы Петра Великаго дѣлались сами собой, что это скорѣе реформы времени, чѣмъ реформы государя, но такъ какъ Петръ много занимался финансовыми вопросами и нельзя отрицать его иниціативы, г. Милюковъ пишетъ въ заключеніи слѣдующія туманныя строки: „Государственная реформа не вызвана личными планами или увлеченіями законодателя, какъ его флотъ или нѣмецкое платье; но она не произведена также и однимъ самобытнымъ историческимъ процессомъ. Воля Петра была, конечно, необходима для ея осуществленія; но эта сторона реформы выходила изъ его кругозора и была осуществлена имъ поневолѣ. Факты историческаго прошлаго тоже подготовляли государственную реорганизацію, но она не вытекала изъ нихъ сама собой. Не личная иниціатива и не историческіе прецеденты вызвали эту реформу, хотя тотъ и другой элементъ въ ней соединились; ее вызвали текущія потребности минуты, въ свою очередь, созданныя и личною иниціативой и историческими прецедентами“ (стр. 734).

Г. Милюковъ старается писать ученымъ слогомъ, безо всякой надобности употребляя множество иностранныхъ словъ, въ родѣ

регистрировать, сформированіе, рубрикація, реорганизація. Онъ придумалъ даже новое слово „популяціонистика". Не думаемъ, чтобы непонятный слогъ служилъ украшеніемъ ученому сочиненію.

Шумигорскій, Е. С. *Императрица Марія Θеодоровна.* Т. I. Спб. 1892.

Императрица Марія Θеодоровна, супруга Павла I, извѣстная созданіемъ многихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, составившихъ послѣ ея смерти цѣлое вѣдомство (Вѣдомство императрицы Маріи), несомнѣнно заслуживаетъ обстоятельной біографіи, которую задумалъ написать г. Шумигорскій. Недавно вышелъ первый томъ, въ которомъ авторъ разсказалъ жизнь Маріи Θеодоровны въ царствованіе Екатерины до вступленія на престолъ Павла Петровича.

Первоначальная судьба Маріи Θеодоровны напоминаетъ судьбу Екатерины II. Обѣ императрицы происходили изъ мелкихъ княжескихъ домовъ Германіи, у обѣихъ отцы служили въ прусской службѣ, обѣ были выданы за наслѣдниковъ Русскаго престола при содѣйствіи Фридриха II. Между Екатериной и Елисаветой Петровной были такія же недружелюбныя отношенія, какъ впослѣдствіи между великою княгиней Маріей и Екатериной. Частная жизнь молодой четы (Павла I и Маріи Θеодоровны) и политики малаго двора очерчены авторомъ довольно вѣрно; но нельзя сказать того же о политикѣ Екатерины. Г. Шумигорскій говоритъ, напр.: „Желая прочно утвердить русское вліяніе въ Германіи и доставить себѣ рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, Екатерина дала время противникамъ (Австріи и Пруссіи) ослабить другъ друга и затѣмъ въ лицѣ своего посла, князя Репнина, продиктовала имъ условія мира на Тишенскомъ конгрессѣ весною 1779 г." Это, конечно, гипербола, потому что хотя Россія принимала тогда въ первый разъ участіе въ европейскомъ конгрессѣ, она все-таки не распоряжалась судьбами Германіи.

Въ книгѣ г. Шумигорскаго есть одна очень интересная страница, свидѣтельствующая о томъ, что Екатерина II имѣла самыя здравыя понятія о физическомъ воспитаніи дѣтей, т.-е. такія понятія, которыя стали усвоиваться нашимъ обществомъ на нашихъ глазахъ. Вотъ что̀ говоритъ авторъ о воспитаніи, какое давала императрица своему внуку Александру Павловичу: „Будучи горячею поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда Западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ

современными теоріями воспитанія, императрица, слѣдуя Локку и Руссо, желала прежде всего закалить здоровье своего внука и пріучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ. Болѣзненное сложеніе Павла Петровича, его нервную чуткость и раздражительность Екатерина не безъ основанія приписывала разслабляющему дѣйствію нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ, подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны.“ „Какъ только Александръ родился, писала Екатерина, я взяла его на руки и послѣ того, какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобъ его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла. Когда это было сдѣлано, то господина Александра положили въ корзину (гдѣ кукла), чтобы женщины не имѣли никакого искушенія его укачивать; эту корзину я поставила за ширмами, на канапе. Послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину его матери, въ назначенную для него комнату. Это обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ и занавѣски, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены баллюстрадой, вышиной по локоть; постель кормилицы за спинкой балдахина. Комната обширна для того, чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Баллюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ заразъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается, и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душенъ; маленькая кровать господина Александра (такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія) желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простыней, у него есть подушечка и легкое англійское одѣяло; всякія ощутительныя запгрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорится громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда свыше 14 и 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господина Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ.“

П. Безобразовъ.

John Strachey. *L'Inde*. Préface et traduction de Jules Harmand, ministre plénipotentiaire. Paris 1892.

Англійское изданіе появилось года три тому назадъ, но не обращало на себя у насъ достодолжнаго вниманія, хотя авторъ, долго занимавшій видное мѣсто въ Индіи и основательно ее изучившій, намъ болѣе чѣмъ кому-нибудь открывалъ много полезныхъ истинъ о положеніи страны, ненормальности тамошнихъ иныхъ порядковъ, причинахъ, отчего Европейцы заразъ и сильны и слабы за Гималаями. Книга, составившаяся изъ лекцій въ Кэмбриджскомъ университетѣ за 1884 годъ, была черезчуръ серьезно задумана, чтобы мы ею заинтересовались примѣнительно къ своимъ азіятскимъ владѣніямъ. Сужденія Стрэчея оказывались не по плечу журналистамъ, широковѣщательно говорящимъ о Востокѣ. Можетъ статься, теперь чрезъ нашихъ друзей—Французовъ, оцѣнившихъ этотъ трудъ по достоинству, и русскіе читатели захотятъ съ нимъ ближе познакомиться. Переводившій его самъ жилъ въ Калькуттѣ, какъ генеральный консулъ, и его естественно заботило сравнить то, что̀ составляетъ итогъ колоніальной политики его родины въ Индо-Китаѣ, съ выгодами опытнаго Англичанина, и предпослать переводному изданію длинное введеніе, со своими собственными взглядами и критическими замѣчаніями.

Арманъ осторожно доказываетъ соотечественникамъ, до какого абсурда доходитъ республиканское правительство, распространяя полноправность на восточныхъ людей, допуская безумную свободу узко-тенденціозной печати, гдѣ отъ этого страдаетъ престижъ власти и т. п. Во французскомъ изданіи выпущена въ сущности очень любопытная глава о попыткахъ европейски образованныхъ Индусовъ послѣдней формаціи сплотиться во имя какой-то фикціи автономаго развитія, когда для того нѣтъ

ни почвы, ни условій успѣха въ недалекомъ будущемъ. Взамѣнъ этого помѣщена прощальная рѣчь лорда Дэфферина въ 1888 году предъ пріѣздомъ въ Индію его преемника, новаго вице-короля. Въ ней мало данныхъ для безпристрастнаго сужденія о вещахъ, потому что она несомнѣнно проникнута нѣкотораго рода самообольщеніемъ.

Что̀ же, однако, заключаетъ въ себѣ сочиненіе Джона Стрэчея и чѣмъ оно цѣнно?

Авторъ доказываетъ, что Индіи собственно нѣтъ, какъ цѣлаго: есть множество разноплеменныхъ и разноязычныхъ элементовъ, враждебныхъ и малопонятныхъ другъ другу. Сами по себѣ они бы бѣдствовали. Подъ властью же завоевателей, разумныхъ и могущественныхъ, туземцы могутъ благоденствовать. Національная идея имъ незнакома. У нихъ нѣтъ повода сплочиваться и бороться во имя ея. Англичане тамъ побѣдоносно дѣйствовали и дѣйствуютъ, ибо пришлецы съ Запада одинаково чужды каждому Индусу въ отдѣльности, какъ и всякіе другіе иновѣрцы. „Простой народъ знаетъ, что имъ кто-то издали правитъ, но едва ли отдаетъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Пассивное отношеніе мѣстныхъ жителей къ распоряженіямъ сверху—гарантія внутренняго спокойствія, а Россію надо убѣдить въ неуязвимости страны съ сѣверо-запада. Тогда эта держава и не двинется сюда войной. За послѣднія тридцать лѣтъ Англо-Индійское правительство издержало десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на свое военное вѣдомство. Неужели это не принесетъ желанныхъ результатовъ?“

Армія изъ туземцевъ для обороны преимущественно вербуется въ Пенджабѣ, у Дэли, въ Аудѣ, въ Нэпалѣ. Мусульмане въ значительной степени составляютъ контингентъ кавалеріи. Сикхи, Патанцы, Гуркасы наиболѣе важны, какъ отличные солдаты. Съ 1885 года, въ видѣ подкрѣпленія, прислано моремъ и сформировано на мѣстѣ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ свыше прежняго. Всего—четверть милліона людей, готовыхъ идти въ сраженіе, но изъ нихъ лишь треть—Европейцы.

Доходы правительства быстро растутъ (напримѣръ, съ 1882 г. по 1887 г. возрасли почти на два милліона фунтовъ стерлинговъ), что̀, конечно, даетъ возможность съ усиленною энергіей радѣть о многостороннихъ нуждахъ неоглядного края. Доходность же его вообще очень велика: въ 1840 году получалось слишкомъ 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; въ 1857 г.—32 милліона; въ 1886 г.—*семьдесятъ семь*. Полвѣка назадъ обороты внѣшней

торговли равнялись тоже 20 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ; въ 1857 году—пятидесяти пяти, въ 1886 году—колоссальной цифрѣ ста шестидесяти трехъ. Правда, что за этотъ періодъ времени присоединено 450.000 кв. миль новыхъ владѣній, съ 50.000.000 жителей.

Подати и налоги, параллельно съ тѣмъ, уменьшались. Въ среднемъ съ каждой души взимается ежегодно только около семи гривенъ. Лишь 20 милл. фунт. стерл. платится населеніемъ. Остальныя громадныя суммы добываются казной изъ другихъ источниковъ (такъ: болѣе 16 милл. приносятъ желѣзныя дороги, ирригаціонныя сооруженія, 9 милл.—опіумъ, шесть и двѣ трети—соль, и т. д.).

Районъ обрабатываемой земли расширяется. Она становится гораздо дороже. Цѣна на продукты возвышеннѣе. До Англичанъ владыки брали съ подданныхъ половину ихъ дохода отъ почвы. Теперь берется между тремя и шестнадцатью процентами. Лѣса охраняются отъ истребленія и т. д.

Въ данную минуту десятки милліоновъ писемъ, газетъ и пакетовъ ежегодно пересылаются по Индіи, а также до двухъ милліоновъ телеграммъ, на протяженіи 20.000 миль.

Великобританія отчасти живетъ, питается, богатѣетъ своею покорною рабой—страной политическаго безсилія и вѣчнаго соціально-религіознаго разлада. Однѣхъ хлопчато-бумажныхъ тканей еще недавно ввозилось на 200—250 милліоновъ рублей. За послѣднія 15 лѣтъ хлопчато-бумажное производство въ Бомбеѣ удвоилось, но выгодами все-таки пользуются тѣ же Европейцы, сбывая отсюда этотъ товаръ въ сравнительно-близкій Китай. Фабриканты дома очень отъ этого пострадали, но въ общемъ, однако, богатѣютъ Англичане. Они снабжаютъ родину индійскимъ чаемъ. Тысячи ихъ судовъ, вмѣщая милліоны тоннъ, совершаютъ рейсы между Индіей и Европой. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы торговля быстрѣе развивалась. Во Франціи и Германіи она съ 1873 года по 1884 увеличилась на 7%, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на 21%, въ Индіи на 60%.

Стрэчей указываетъ, что лишь государство, располагающее огромнымъ коммерческимъ флотомъ, въ состояніи извлекать соотвѣтствующія прибыли отъ послѣдней. Общеніе сухимъ путемъ, чрезъ малонаселенныя и бѣдныя горныя земли, не сулитъ одинаковыхъ успѣховъ, даже при проведеніи желѣзной дороги. Это, конечно, очень серьезная мысль.

Индія всасываетъ въ себя безпрерывно сотни милліоновъ рублей золотомъ и серебромъ для украшеній, которыми туземцы до безумія дорожатъ. Такой неисчерпаемый мертвый капиталъ въ будущемъ можетъ преобразиться.

До *200.000.000* фунт. стерл. затрачено Англичанами на проложеніе рельсовыхъ путей и на ирригацію. За то первые тянутся на протяженіи 17.000 миль, способствуютъ ежегодному передвиженію ста милліоновъ пассажировъ и 20 милліоновъ тоннъ товаровъ. Очевидно, англійскія деньги, ушедшія на гигантское дѣло, приносятъ хорошій доходъ.

Канализаціей особенно занялись въ Доабѣ (между рѣками Гангесомъ и Джумной), гдѣ до десяти милліоновъ жителей крайне въ ней нуждавшихся. Уже при мусульманскихъ властелинахъ напрягались усилія къ правильному обводненію этого важнаго района. Произведенныя здѣсь работы—однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ свѣтѣ.

Нечего и говорить о благотворности всѣхъ подобныхъ начинаній и результатовъ для борьбы со стихійными народными бѣдствіями, при неизбѣжныхъ по климату неурожаяхъ.

Соображая, съ какимъ количествомъ сложныхъ культурно-историческихъ, юридическихъ и экономическихъ вопросовъ англо-индійскіе администраторы встрѣчаются и болѣе или менѣе удачно справляются почти на каждомъ шагу, ихъ искусству и энергіи нельзя подчасъ не подивиться. Иные дѣятели въ теченіе десятковъ лѣтъ посвящаютъ себя тамъ службѣ, и параллельно съ тѣмъ изученію страны и быта туземцевъ. Въ концѣ-концовъ печатаются объ этомъ крайне добросовѣстныя изслѣдованія.

Правительство съ нѣкоторымъ оптимизмомъ радѣетъ объ образованіи мѣстныхъ жителей. Съ легкой руки краснорѣчиваго Маколея, это дѣло поставлено на западный ладъ. На сѣверѣ мусульмане довольно сочувственно относятся къ идеѣ просвѣщенія, но въ общемъ Индусы къ нему воспріимчивѣе. Главную помощь населенію могутъ оказывать туземцы-врачи въ 1.500 больницахъ, черезъ которыя ежегодно проходитъ 10.000.000 паціентовъ.

Древніе и гордые княжескіе роды Раджпутаны, гдѣ отчасти держится духъ глубочайшей арійской старины, теперь уже посылаютъ юныхъ представителей въ спеціально для нихъ устроенное училище въ гор. Аджмирѣ. Оно устроено по желанію вице-короля лорда Мэо, чтобы будущіе вожди своего полудикаго

народа хоть немного шире смотрѣли на міръ Божій и характеръ совершающихся вокругъ нихъ событій. Во время путешествія по Индіи около Рождества 1890 г. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ это интересное учрежденіе.

Въ Бирмѣ Англичане застали грамотнымъ большинство населенія, благодаря воздѣйствію тамошняго буддійскаго населенія. По возрасту Индія вмѣщаетъ 40 милліоновъ душъ обоего пола, которыхъ бы можно было обучать. Изъ этого числа въ дѣйствительности учится 3.000.000 мужской и 250.000 женской молодежи. Послѣдняя воспитывается до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ дамъ-миссіонерокъ или даже туземныхъ женщинъ, способныхъ быть домашними преподавательницами.

Каждогодно расходуется 20.000.000 рублей на дѣло образованія въ Индіи. Лэди Дэфферинъ ввела заботу объ организаціи женской медицинской помощи слабому полу, который живетъ въ замкнутости или въ силу обычая строго чуждается всякаго мужчины.

Несмотря на созданіе университетовъ, здѣсь едва ли одинъ человѣкъ на десять тысячъ обладаетъ развитіемъ, какъ сознательный гражданинъ. Но въ такомъ случаѣ масса попрежнему не имѣетъ достаточнаго чутья и кругозора, чтобы воздерживаться отъ взрывовъ неудовольствія, отъ возстаній, отъ глубокаго сочувствія иноземному таинственному наступленію?

Лучшіе люди, изъ среды знающихъ страну, справедливо говорятъ, что внушать туземцамъ исключительно англійскіе взгляды, съ ихъ либерально-радикальною неустойчивостью, въ сущности значитъ разливать ядъ, ковать оружіе противъ самихъ себя. Въ Англіи кипитъ политическая жизнь, борются партіи, пишется и высказывается много лишняго, тенденціознаго. Кто можетъ въ Индіи, прислушивается къ этимъ голосамъ страннаго издали разлада и рисуетъ себѣ крайне непривлекательную картину состоянія умовъ и положенія имперіи. Авторы такъ-называемой классической англійской литературы должны даже дома читаться съ подробными комментаріями, для Индусовъ же прямо вредны.

Въ сочиненіи Стрэчея довольно ясно очерчено, до какой степени еще первобытны вѣрованія туземцевъ, какъ мало прочныхъ корней исламъ пустилъ въ населеніи, нерѣдко обращенномъ въ мусульманство насиліями Моголовъ.

Хотя брамины и амальгамируютъ въ свою религіозную систему любой объектъ культа, сколько бы онъ ни казался чудовищнымъ, тѣмъ не менѣе темная толпа все-таки обособлена отъ сравнительно чистыхъ источниковъ истины и молится чему-то непонятному, зловѣщему. Браминовъ поддерживаютъ, кормятъ изъ чувства благоговѣнія,—со сверхъестественнымъ же міромъ поддерживается инаго рода связь.

Напримѣръ, мѣстами чтится богиня оспы Ситала, представляющаяся верхомъ на ослѣ. Ей приносятся жертвы исключительно женщинами и дѣтьми. Изъ уваженія къ ней ставится ѣда чернымъ собакамъ, свиньямъ. Когда эпидеміи нѣтъ, Ситалѣ поклоняются: чуть болѣзнь возобновляется, богиню умышленно забываютъ. Она считается крайне простоватою. Если одинъ ребенокъ умеръ отъ оспы, мать, для охраненія другихъ, дѣлаетъ видъ, что не дорожитъ ими, одѣваетъ ихъ въ лохмотья, нарочно взятыя у сосѣдей.

Умершіе насильственною смертью или бездѣтными опасны околотку. Ихъ надо умилостивлять.

Въ Индіи наберется до двухъ тысячъ кастъ. Хотя браминовъ—около 14.000.000 (въ Аудѣ они составляютъ седьмую долю населенія),—и эти своего рода избранники судьбы дробятся на 1.800 подраздѣленій, которыя старательно, съ отвращеніемъ слѣдятъ, какъ бы не оскверниться совмѣстнымъ принятіемъ пищи.

Syed Ameer Ali. *The life and teachings of Mahammed or the spirit of Islam.* London. 1891.

Европейское просвѣщеніе все болѣе и болѣе затрогиваетъ туземцевъ Индіи, но мусульмане пока еще очень сдержанно относятся къ случайно и въ разрѣзъ съ прошлымъ, получающимися идеями. Такъ какъ они въ главной мѣрѣ—непріязненный Англичанамъ элементъ, то и намъ небезполезно знакомиться съ коренными воззрѣніями вліятельнѣйшихъ изъ ихъ образованной среды, потому что въ этомъ навѣрно сказывается отголосокъ того же, на чемъ стоятъ наши послѣдователи Магомета. Для примѣра можно остановиться хотя бы на извѣстномъ въ Бенгаліи юристѣ Эмиръ Али, яркомъ представителѣ культурной по своему силы

неослѣпленнаго фанатизмомъ ислама. Указанный писатель давно печатаетъ свои работы по-англійски, близко знакомъ съ западною литературой, посвящаетъ послѣднее сочиненіе „женѣ“, то-есть не тупой рабынѣ, какъ у насъ принято думать, а одинаково мыслящему существу. Авторъ издаетъ эту книгу, съ цѣлью воздѣйствія на христіанскіе умы, ищущіе истины, въ надеждѣ, не проникнутся ли они въ нѣкоторой степени настоящимъ смысломъ Корана и порожденной имъ соціально-религіозной системы.

Индійскій ревнитель вѣры очень краснорѣчиво и широко очерчиваетъ исторію ея необходимаго появленія, въ связи съ обусловливавшими ее событіями міровой важности. Многимъ землямъ будто бы нуженъ былъ роковымъ образомъ и властный, и могучій „пророкъ“. Онъ долженствовалъ придти, и пришелъ. Борьба Византіи съ Сассанидами только ускорила успѣхи его пламенныхъ сторонниковъ. Въ ихъ побѣдѣ нельзя не видѣть „перста Божьяго“.

Эмиръ Али удивительно логиченъ, свободенъ отъ предразсудковъ и терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, пока отстаиваетъ свои убѣжденія. Хотя онъ и уроженецъ Индіи, но видимо проникнутъ благоговѣніемъ къ творчеству духа семитовъ: „Римъ сталъ великъ законодательствомъ; юристы же его преимущественно были Сирійцы, Кароагеняне.“ Ихъ смыслъ вдыхать жизнь въ гигантское тѣло имперіи. Оттого-то исламъ въ соціальномъ отношеніи такъ и прививается повсюду, куда не направится, имѣя впереди грандіознѣйшую арену для пропаганды. Изъ монотеистическихъ религій онъ въ данную минуту болѣе всѣхъ отвращаетъ отъ язычества, устойчивѣе всѣхъ замыкается въ своемъ кругозорѣ. Когда развитыхъ мусульманъ начинаютъ въ этомъ обвинять, они защищаются, старательно выставляя на видъ, чѣмъ можно справедливо укорять недостаточно строгихъ къ самимъ себѣ противниковъ. Повторять подобные рѣзкіе упреки неудобно, хотя они очень характерно свидѣтельствуютъ, насколько борьба между нашимъ духовнымъ міромъ и магометанствомъ съ обѣихъ сторонъ становится сознательнѣе и утонченнѣе. Теперь-то, значитъ, и время не забывать такого явленія.

Понимая, что исламъ въ свою очередь не свободенъ отъ тяжкихъ укоризнъ, Эмиръ Али дѣлается искуснымъ апологетомъ всего, что спорно и мрачно. Конечно, подобная пламенная отповѣдь должна вліять на его единовѣрцевъ и распространяться дальше на сѣверо-западъ. Тамъ оцѣнятъ идею нравственнаго и культур-

наго превосходства родной вѣры надъ остальными сосѣдними. Воспоминанія прежней мудрости и могущества пробудятся съ новою яркостью. Да и какъ не помнить, что уже до тысячнаго года нашей эры изъ городка за Аму-Дарьей вышелъ извѣстный философъ Эль-Фараби, а въ *Бухарѣ* окончилъ курсъ наукъ одинъ изъ крупнѣйшихъ средневѣковыхъ мыслителей, знаменитый Авиценна, Аристотель Востока? Арабы тогда были лучшими натуралистами, между прочимъ систематически занимались ботаникой. У Капра находился садъ со множествомъ растеній и травъ, нужныхъ для врача. Студенты-медики здѣсь на практикѣ знакомились съ ними. Въ этомъ же блестящемъ городѣ женщинъ коснулось гуманитарное просвѣщеніе. Напримѣръ, въ началѣ XIV столѣтія для нихъ основано училище дочерью мамелюкскаго султана. Слова Эмиръ Али дышатъ непріязненнымъ и презрительнымъ чувствомъ къ европейской цивилизаціи. „Ея исторія не насчитывала бы столькихъ позорныхъ страницъ религіознаго гнета и гоненія, еслибы сразу въ первые же вѣка на Западѣ побѣдило мусульманство!“ Авторъ умалчиваетъ, откуда собственно оно черпало (хотя бы въ Иранѣ) свои культурныя силы, а прямо заявляетъ: „есть надежда воскресить старину въ Средней Азіи“.

Кн. Э. Ухтомскій.

Учебникъ физіологической химіи. О. Гаммарштерна. Перев. съ нѣмецк. проф. А. Я. Щербакова. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Петербургъ. 1892 г. Ц. 3 р. 60 коп.

Слово „учебникъ“ обыкновенно понимается читателями въ смыслѣ, довольно неблагопріятномъ для научнаго значенія сочиненія. Но въ примѣненіи къ наукамъ, столь быстро развивающимся, какъ естествознаніе и медицина, это не совсѣмъ такъ. Слово „учебникъ“ здѣсь равносильно слову *энциклопедія* всѣхъ научныхъ данныхъ по извѣстному вопросу. Легко понять, что для этого требуется громадная эрудиція, такъ какъ необходимо слѣдить за огромною литературой на многихъ языкахъ. Поэтому написать хорошій учебникъ гораздо труднѣе, чѣмъ хорошую диссертацію по одному несложному вопросу. Для примѣра достаточно указать на *Медицинскую Зоологію* проф. А. П. Богданова,—трудъ, повидимому, компилятивный, потребовавшій долголѣтней опытности и огромной работы.

Отмѣчая выходъ въ свѣтъ русскаго перевода прекраснаго руководства Гаммарштерна, мы не имѣемъ въ виду дѣлать спеціальнаго разбора этой книги, такъ какъ это можетъ быть интересно лишь очень немногимъ. Напротивъ, на основаніи приведенныхъ новѣйшихъ данныхъ, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣтокъ по вопросу, равно интересующему всѣхъ,—о питаніи и голоданіи.

Прежде всего интересно узнать, какова нормальная потребность человѣка въ пищѣ при различныхъ условіяхъ?

При этомъ необходимо замѣтить, что количества питаемыхъ веществъ далѣе будутъ опредѣляться не только по ихъ составу, но и по *химической энергіи*, доставляемой ими организму, при физіологическомъ горѣніи, что опредѣляется въ калоріяхъ, общепринятыхъ тепловыхъ единицахъ.

Для опредѣленія пищевой нормы примѣняется обычный

бухгалтерскій пріемъ—счетъ прихода и расхода. Но въ данномъ случаѣ дѣло весьма усложняется. Вопервыхъ, не вся пища усвояется организмомъ, а потому и валовое поступленіе ея различно отъ дѣйствительно усвоеннаго количества, находясь въ зависимости отъ состоянія пищеварительныхъ органовъ и массы другихъ условій. Вовторыхъ, опредѣленіе расхода также сопряжено со множествомъ затрудненій. Въ общемъ, расходъ опредѣляется количествомъ *азота* выдѣленій, откуда вычисляется количество бѣлка и углерода. Въ бѣлкѣ углерода около 54% и азота около 16%, то-есть пропорція 3,4 : 1.

Для ясности приведемъ примѣръ. Лицо, съ коимъ производится опытъ, въ 24 часа выдѣлило 10 грамм. азота и 200 грам. углерода. Это соотвѣтствуетъ 62,5 грам. бѣлка, въ коемъ можетъ быть только 34 грамм. углерода. Такъ какъ углерода въ выдѣленіяхъ оказалось 200 грамм., то 166 грам. его, очевидно, должны имѣть иное происхожденіе, а не изъ бѣлковъ, то-есть изъ безазотистыхъ соединеній. Но такъ какъ количество углеводовъ, въ сравненіи съ количествомъ жира въ тѣлѣ, ничтожно, то не будетъ большой ошибки отнести излишекъ углерода насчетъ траты жира, содержащаго, въ среднемъ, до 76,5% углерода. Ясно, что количество жира можно опредѣлить, помноживъ углеродъ на 1,3 (то-есть $^{100}/_{76,5}$). Такими вычисленіями мы опредѣлимъ, что помянутое лицо потребило 62,5 бѣлка и 216 грам. (166.1,3) жира.

Выше мы указали, что, кромѣ состава пищи, ея тщательное значеніе опредѣляется и *калоріями*. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ разсматривается, какъ локомотивъ, приводимый въ дѣйствіе извѣстнымъ количествомъ топлива, а пища—какъ топливо. Такая параллель весьма удобна для всякихъ вычисленій и, кромѣ того, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо пища дѣйствительно играетъ въ нашемъ организмѣ роль топлива.

Вотъ нормальное количество питательныхъ веществъ, опредѣленное многочисленными изслѣдованіями:

	Бѣлокъ.	Жиръ.	Углеводы.	Калоріи.
Солдатъ въ мирное время	119	40	529	2.784
„ „ военное „	146	44	504	2.852
Работникъ	130	40	550	2.903
Столяръ	131	68	494	2.835
Молодой врачъ	127	89	362	2.602

	Бѣлокъ.	Жиръ.	Углеводы.	Калоріи.
Посыльный (36 лѣтъ)	133	95	422	2.902
Англійскій кузнецъ	176	71	666	3.780
Баварскій плотникъ	135	208	876	5.589
Рабочій въ Силезіи	80	16	552	2.518
Швея въ Лондонѣ	54	29	292	1.688
Средняя норма для взрослаго мужчины (по Фойту)	118	50	500	2.810
Средняя норма для взрослой женщины	94	45	400	2.240

Въ состоятельныхъ классахъ отношеніе жира къ углеводамъ въ пищѣ 1: 3—4, а у бѣдныхъ 1: 8—9. Наибольшее суточное количество углеводовъ въ пищѣ, по Фойту, не должно превышать 500 грамм.

Такъ какъ „средній“ взрослый мужчина, по Фойту, имѣетъ около 70 кило вѣса, то на каждое кило вѣса приходится по 40 калорій. Но опыты Кумачавы требуютъ бо́льшаго числа, а именно 52 калорій.

Чтобъ уяснить значеніе вышеприведенныхъ нормъ питанія, безъ опасенія нарушить азотистое равновѣсіе, приведемъ пищевое значеніе наиболѣе употребительныхъ среди русскаго населенія питательныхъ веществъ. Разсчетъ сдѣланъ на 1.000 частей общаго вѣса:

	Бѣлокъ и экстрактивныя вещества.	Жиръ.	Углеводы.
Жирное воловье мясо	183	166	—
Простое „ „	190	120	—
Телятина	190	80	—
Рѣчной окунь	100	2	8
Щука	82	1	—
Селедка соленая	140	140	—
Свиное сало	3	990	—
Молоко цѣльное	35	35	50
„ снятое	35	7	50
Куриныя яйца	122	107	5
Пшеничный хлѣбъ	88	10	550
Ржаные сухари	114	20	725
Ржаной хлѣбъ	77	10	480
Ситникъ	80	14	514

	Бѣлокъ и экстрактивныя вещества.	Жиръ.	Углеводы.
Кукуруза	101	58	656
Горохъ	220	15	530
Картофель	20	2	200
Бѣлая капуста	19	2	49
Огурцы	10	1	23
Сушеные грибы	219	25	412
Яблоки и груши	4	—	130

Изъ этой таблицы ясно, что и при растительной пищѣ можно жить отлично, особенно, если организмъ къ ней приспособится, затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе важное пищевое значеніе гороха.

Теперь перейдемъ къ вопросу объ обмѣнѣ веществъ при голоданіи. Съ механической точки зрѣнія вопросъ этотъ весьма упрощается. Тѣло человѣка отличается отъ паровика тѣмъ, что и само оно также состоитъ изъ „топлива", такъ что, при недостаточной доставкѣ топлива извнѣ, потребляется самъ организмъ. Каковы границы такого *самопитанія?*

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ состоянія организма предъ началомъ голоданія. Жирныя животныя погибаютъ, потерявъ около половины первоначальнаго вѣса, но общее правило (по Шоссà), — что смерть наступаетъ послѣ потери $^2/_5$ первоначальнаго вѣса, а то и менѣе, если организмъ уже былъ истощенъ. Затѣмъ, много значитъ энергія обмѣна, которая больше у молодыхъ. Дѣти погибаютъ потерявъ только $^1/_4$ часть вѣса тѣла, черезъ 3 — 5 дней. При употребленіи воды взрослые люди могутъ жить до трехъ недѣль и лишь въ чрезвычайно исключительныхъ случаяхъ дольше. Собаки могутъ голодать до 4—8 недѣль, птицы 5—20 дней, змѣи — болѣе полгода, а лягушки—болѣе года.

Температура тѣла во время голоданія сохраняется почти безъ измѣненій противъ нормы и только не задолго до смерти понижается до 30—33° С.

Интересенъ вопросъ, на счетъ какихъ органовъ совершается самопитаніе, или, лучше сказать, самосгораніе организма. Опыты Шоссà надъ голубями и Фойта надъ котомъ даютъ слѣдующія интересныя цифры. Вотъ *потеря* въ % первоначальнаго вѣса органовъ:

	Голуби.	Котъ.
Жиръ	93%	97%
Селезенка	71	67
Поджелудочная желѣза	64	17
Печень	52	54
Сердце	45	3
Кишки	42	18
Мышцы	42	31
Яички	—	40
Кожа	33	21
Почки	32	26
Легкія	22	18
Кости	17	14
Нервная система	2	3

Къ этой таблицѣ необходимо поясненіе, что меньшая убыль въ извѣстномъ органѣ не доказываетъ меньшую энергію обмѣна въ немъ. Такъ, напримѣръ, ничтожная потеря въ нервной системѣ можетъ быть объяснена и тѣмъ, что она дѣлаетъ затраты *на счетъ другихъ органовъ* тѣла. Какъ бы то ни было, голодающіе почти до момента смерти сохраняютъ сознаніе, что̀ еще увеличиваетъ ужасъ положенія. Весьма возможно, что нервная система и питается именно на счетъ другихъ органовъ.

Недостаточность пищи можетъ быть качественная и количественная. Въ качественномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ вода, что̀ совершенно понятно, такъ какъ она составляетъ около $^2/_3$ част. животныхъ организмовъ. Но о водяномъ голоданіи у насъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Точно также новѣйшія изслѣдованія о голоданіи какою-либо отдѣльною составною частью пищи имѣютъ скорѣе теоретически-научное, чѣмъ практическое значеніе. Такъ, напримѣръ, при естественныхъ условіяхъ весьма трудно встрѣтить минеральное голоданіе, ибо всѣ питательныя вещества ихъ имѣютъ. На практикѣ необходимо обращать вниманіе лишь на *количественную* недостаточность пищи, и въ этомъ отношеніи приведенныя выше нормы имѣютъ важное значеніе. Если организмъ не будетъ получать достаточнаго количества пищи, то онъ, очевидно, долженъ потреблять ранѣе сдѣланные запасы, или же отнимать изъ капитала. Такъ какъ, насколько извѣстно, трудно предположить, чтобъ у крестьянъ ранѣе были большіе запасы нагульнаго жира, то недостаточная пища можетъ

имѣть одно изъ двухъ послѣдствій: или питаніе будетъ производиться насчетъ организма—капитала, или же должна уменьшиться работоспособность. Въ этомъ отношеніи современная теорія питанія безжалостна; ничто не дается даромъ, всякая работа требуетъ затраты соотвѣтственнаго количества энергіи; не введено въ организмъ энергіи (въ видѣ пищи), и работы быть не можетъ. Локомотивъ съ недостаточнымъ количествомъ пара,—что̀ бы мы ни дѣлали,—будетъ работать только соотвѣтственно своей силѣ и ни въ какомъ случаѣ не болѣе. Это соображеніе важно въ виду начала полевыхъ работъ. Нормы, достаточныя для прокормленія *бездѣятельныхъ* нуждающихся, при усиленной работѣ окажутся недостаточными, что̀ неизбѣжно отразится и на *количествѣ* работы. А такъ какъ наши крестьяне любятъ все дѣлать „сразу", то это необходимо имѣть въ виду.

Еще одинъ вопросъ: можно ли ограничиться снабженіемъ нуждающихся лишь (или преимущественно) растительною пищей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ, вопервыхъ, практика. И въ обычное время наши крестьяне не часто лакомятся мясомъ; тѣмъ не менѣе живутъ благополучно. Вовторыхъ, даже въ нашемъ климатѣ вполнѣ возможно (особенно при *привычкѣ*) питаніе исключительно растительною пищей. Это ясно видно уже изъ приведенной выше таблицы питательнаго значенія пищевыхъ веществъ; какъ видимъ изъ нея, всѣ необходимыя части имѣются и въ растительной пищѣ, причемъ горохъ, напримѣръ, является богаче бѣлкомъ, чѣмъ даже мясо. Поэтому нѣтъ никакой надобности увлекаться всевозможными выдумками, въ родѣ тресковой муки, недавно предлагавшейся. Прекрасныя пищевыя средства представляютъ и болѣе простыя вещества: ржаной хлѣбъ, кукуруза, горохъ, картофель, капуста, огурцы, грибы, селедки и т. д. Есть даже основаніе думать, что съ мясной пищи, если ее давать мужикамъ въ количествѣ, какое обыкновенно для интеллигентныхъ людей, у нихъ только „животъ разболится", что усвоеніе ея не будетъ оправдывать излишка затратъ.

М. Глубоковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ второй.

МАРТЪ.

Стр.

Свиданіе. Разсказъ **А Стерна** 5

По Святой Землѣ. **М. П. Соловьева** 28

Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ французскихъ нравовъ.) Гл. XI—XV. **Гр. Е. А. Саліаса** 75

Типисъ въ XIX столѣтіи. **Д. П. Гессе** 99

Морозъ. (Страничка изъ жизни природы.) **Ѳ. А. Игнатьева**. 122

Салли Доузъ. Романъ **Бретъ-Гарта**. (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.) Гл. VI 144

Письма о Крымѣ. **Гр. де-Людольфа**. (Переводъ съ рукописи.) 155

Прологъ на небѣ. (Изъ „Фауста" Гёте.) Переводъ **Д. С. Мережковскаго** 202

Тибетскій Буддизмъ и наша окраина Гл. I—IV. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго** 207

Стихотворенія. **Д. И. Павлова** 249

Призракъ. Разсказъ **Р. Киплинга**. (Переводъ съ англійскаго.) 252

Заразныя болѣзни въ Москвѣ. **А. Г. Петровскаго** 276

Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо III. **Г. Вельшингера** 308

Театральная хроника. **С. Васильева** 328

Музыкальное обозрѣніе. **Н. Д. Кашкина** 342

Современная лѣтопись. Продовольственный вопросъ. — Гр. Л. Н. Толстой и *Московскія Вѣдомости*.—М. де-Вогюэ о соціалистической поэзіи въ Россіи.— Анархисты въ Европѣ 347

Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова** 367

II.

Стр.

Критика и библіографія:

1) *Элизѐ Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.* **А. А. Борзенко** . . . 384

2) А. С. Іонинъ. *По Южной Америкѣ.* Въ 2-хъ томахъ, 292+462 стр. 8°. С.-Петербургъ. 1892 г. Цѣна 4 р. **А. И. Воейкова** 410

3) Кн. Э. Ухтомскій. *Отъ Калмыцкой степи до Бухары.* **Н. М. Горбова** 423

4) Серебренниковъ, В. *Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности.* С.-Петербургъ. 1892 г. 8° 358 стр. **Э. Л. Радлова** 432

5) *Французы въ Средней Африкѣ.* Harry Alis, *A la conquête du Tchad.* Le Hachette et C-ie 1891. **Д. П. Гессе** 439

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АПРѢЛЬ.

Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.) Гл. XVI—XX. **Гр. Е. А. Саліаса** . . . 447

Въ Туркменіи. (Путевые очерки.) Гл. I—III. **Е. Л. Маркова.** 478

Способы воздѣйствія человѣка на природу. **А. И. Воейкова.** 530

Стихотворенія. **Кн. Д. Н. Цертелева** 561

Старые счеты. Повѣсть. Часть первая. Гл. I—V. **Н. Д. Ахшарумова** 562

Святой. (Разсказъ Поля Бурже. Переводъ съ французскаго.) 594

Пища и здоровье. Голоданіе и его послѣдствія. (Два публичныя чтенія профессора И. Скворцова) 644

Маленькіе барабанщики. (Разсказъ **Р. Киплинга.** Переводъ съ англійскаго.) 676

На путяхъ въ Лхассу. Гл. I—V. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго** . . . 709

Салли Доузъ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.) *(Окончаніе.)* 765

III.

Стр.

Новыя имена. **Д. А. Коропчевскаго** 777

Отрицательный идеалъ нравственности. **В. С. Соловьева** . . 804

Роза изъ Цетиньи. Романъ. **Е. Вальдъ-Зевица.** (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. I--III 812

Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо IV. **Г. Вельшингера** 835

Музыкальное обозрѣніе. **Н. Д. Кашкина** 850

Современная лѣтопись. Дѣятельность анархистовъ и ихъ утопіи.—О противленіи злу *Московскихъ Вѣдомостей.*—*Русскій Вѣстникъ* о продовольственномъ вопросѣ . . 856

Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова** 876

Критика и библіографія:

1) I. Милюковъ, II. *Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго.* Спб. 1892 г. II. Шумигорскій, Е. С. *Императрица Марія Ѳеодоровна.* Т. I. Спб. 1892 г. **П. В. Безобразова** 888

2) John Strachey. *L'Inde.* Préface et traductnca de Jules Harmand, ministre plénipotentiaire. Paris. 1892.—II. Syed Ameer Ali. *The life and teachings of Mahammed or the spirit of Islam.* London. 1891. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго** 896

3) *Учебникъ физіологической химіи.* О. Гаммарштерна. Переводъ съ нѣмецкаго проф. А. Я. Щербакова. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Петербургъ. 1892 г. Цѣна 3 р. 60 к. **М. Н. Глубоковскаго** 904

AP
50
R86
g.3
Apr.

Russkoe obozrîenie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY